

К. Х. УНЕЖЕВ

**КУЛЬТУРА
АДЫГОВ
(ЧЕРКЕСОВ)
И
БАЛКАРЦЕВ**

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Жизнь пронесется, как одно мгновенье,
Ее цени, в ней черпай наслажденье.
Как проведешь ее – так и пройдет,
Не забывай: она – твое творенье.

Омар Хайям

К. Х. УНЕЖЕВ

КУЛЬТУРА АДЫГОВ (ЧЕРКЕСОВ) И БАЛКАРЦЕВ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Нальчик
Издательский центр
«Эль-Фа»
2003

Рецензенты: Давидович В. Е., заслуженный деятель науки РФ, академик, доктор философских наук, профессор;

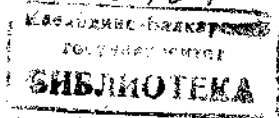
Дзамихов К. Ф., доктор исторических наук, профессор;

Емузова Н. Г., доктор педагогических наук, профессор.

Работа «Культура адыгов (черкесов) и балкарцев» посвящена роли культуры в жизни народа. В книге рассматриваются вопросы традиционной культуры адыгов (черкесов) и балкарцев. Отдельно исследуются проблемы материальной культуры, сущности адыгэ хабзэ (адыгского этикета), нартского эпоса, в целом устного народного творчества, религиозных верований.

В ней также рассматриваются вопросы становления и развития светского образования в крае. Показана роль учебных заведений в подготовке кадров национальной интеллигенции, исследуются вопросы общественно-политической мысли, роль просветителей в развитии культуры народов. Книга может быть использована в качестве учебного пособия для учащихся общеобразовательных школ, колледжей, техникумов, студентов высших учебных заведений.

Учебное пособие для студентов высших учебных заведений, учащихся лицеев, колледжей и общеобразовательных школ

У 4306020000-046
Т 43(03)-2003

без объявл.

ISBN 5-881195-585-4

© К. Х. Унежев,
2003

© Издательский центр
«Эль-Фа», 2003

ВВЕДЕНИЕ

Культура — одно из самых обширных понятий гуманитарной научной мысли. Мы часто слышим в повседневной жизни такие выражения, как «культура поведения», «культура труда», «культура питания», «культура семейной жизни», «культура общения», «духовная культура», «материальная культура», «культурное растение» и т. д. На сегодняшний день понятие «культура» имеет более 400 определений. Образование, наука, искусство принадлежат к «высокой» (профессиональной) культуре, но это не вся культура, ибо до ее создания любой народ имел свои традиции и обычаи, т. е. традиционную культуру. Человек может быть грамотным, образованным, но безнравственным, бездуховным, т. е. бескультурным. С другой стороны, безграмотный человек может быть высоконравственным, обладать высокой духовностью, внутренней культурой, переданной ему по наследству (в том числе, генетически) его предками, которые всегда жили по строгим законам традиций и обычаев, т. е. традиционной культуры своего этноса.

Таким образом, культура в самом широком смысле слова — это традиционная культура, наука, образование, искусство, литература, язык народа.

Парефразируя слова И. Канта, можно сказать, что культура — это «созидание» интеллекта человека через свободу его творчества, культура — это «взрыв» интеллекта человека. Каждое малое и великое его открытие всегда было настоящим «взрывом» человеческого разума. «Догадка» наших древнейших предков о том, что целенаправленной деятельностью можно «окультурить» различные виды растений и животных — это и есть «взрыв» интеллекта. И каждое дальнейшее открытие человека в познании окружающего мира и самого себя складывалось в последовательность не менее значимых «взрывов» его разума, а эти «взрывы» невозможны без творчества, т. е. культуры.

Именно через свободу творчества пролегает путь человеческой истории — от первых шагов в приручении животных и окультуривании растений, от начала использования силы огня до открытия атомной энергии и современной генетики. Человек не только расширял горизонты своих представлений об окружающей его природе, но столь же неуклонно обогащал свои знания о самом себе как неотъемлемой части этой природы.

Во все времена большие и малые войны между народами всегда заканчивались за столом мирных переговоров, давая начало культурному диалогу. Говоря иначе, любые контакты различных племен и народов сопровождались взаимовлиянием их материальной и духовной культур. Культура всегда выступала и выступает «послом» мира, не разъединяет, а сближает различные народы, культурный же диалог только обогащает принимающих в нем участие. Культурное пространство не знает преград и границ. Главное — толерантно, т. е. терпимо относиться к культуре каждого народа, брать из нее то, что сближает народы, превозносит человека — самое драгоценное творение природы, создателя и носителя культуры. Культура любого народа — это его собственное имя, его ду-

пешное состояние, образ жизни и образ мышления. Благодаря собственной культуре, особенно культуре традиционной, народы столь различны, а ценность рода человеческого заключается еще и в том, что ни один народ не похож на другой, хотя многое нас и объединяет. У каждого народа свое мировосприятие, свои представления о чести и достоинстве человека. Каждый народ по-своему радуется жизни и переносит ее тяготы, обустроивает свой быт в строгом соответствии с природно-климатическими условиями расселения.

Мир культуры человечества похож на разноцветье горных трав. В этом его ценность и привлекательность. И глубочайшим заблуждением, если не преступлением, явилось стремление большевистского государства создать единую, «одноцветную» культуру народов бывшего Советского Союза. Не только разные народы, но даже двух разных людей нельзя научить, тем более – заставить одинаково воспринимать мир, одинаково радоваться жизни, одинаково мыслить, одеваться и т. п. Попытка обезличить целые народы была величайшей авантюрой, противостоительным явлением, нарушением логики человеческой эволюции.

Культура любого народа вечна. Она останется человечеству, даже если исчезнет с лица земли ее создатель. В истории таких примеров предостаточно: давно уже нет ни шумеров, ни инков, ни хаттов, как и многих других народов, но человечество с благодарностью сохранило многие их творения как духовной, так и материальной культуры.

В условиях современной «глобализации» необходима научно обоснованная культурная политика для так называемых малых народов, которые подошли к реальной опасности «растворения» их культуры в культуре численно превосходящих народов. Они должны иметь свою «духовную нишу» в культурном пространстве не только одного государства, но и во всемирном культурном пространстве. Это возможно при условии постоянной государственной поддержки культуры малых народов, к которым принято относить адыгов (черкесов) и балкарцев.

Адыги (кабардинцы, абадзехи, бжедуги, нутухаевцы, убыхи, темиргоевцы, махоши, бесленеевцы, шапсуги и др.) известны во всем мире как «черкесы», самоназвание же их – «адыгэ». Места их компактного проживания в Российской Федерации: Республика Адыгея, Кабардино-Балкарская Республика и Карачаево-Черкесская Республика. Кабардинцев в РФ около 500 тыс., адыгейцев – около 160 тыс. и черкесов – 60 тыс. человек; численность адыгов (черкесов), проживающих в зарубежных странах, – от 3 до 5 млн человек; балкарцев в РФ – более 70 тыс.

В системе кавказской цивилизации значительное и достойное место занимает культура этих народов, оказавших большое влияние на культуру региона в целом (как и стран проживания диаспор). К примеру, всему миру известен адыгский этикет (свод неписаных законов адыгов) – один из замечательных памятников духовной культуры адыгского этноса. Национальная форма одежды адыгов перенята почти всеми народами Кавказа, а также донскими, кубанскими и терскими казаками. Знаменитая порода кабардинской лошади является не только олицетворением красоты

и выносливости, она пользуется огромной популярностью среди знатоков и любителей конного спорта; многие отдадут ей предпочтение из-за ее неприхотливости и практичности в хозяйстве. Монуменальный нартский эпос является заметной составной частью мировой культуры.

Материальная и духовная культура любого народа соответствует тем природно-климатическим условиям, в которых он проживает. Соблюдая строгие законы, сохраняя традиции и обычаи предков, выстояв в неисчислимых невзгодах, адыги (черкесы) и балкарцы составляют гармонию со средой их проживания. Благодаря традиционной культуре они сохранили свой национальный облик; при братской помощи других народов, за считанные десятилетия они создали свою «высокую» (профессиональную) культуру, — имена многих представителей национальной интеллигенции известны далеко за пределами нашей страны и получили мировое признание.

Сущности культуры, ее роли в обществе, материальной и духовной культуре адыгов (черкесов) и балкарцев посвящена данная книга. В ней рассматриваются проблемы кавказской цивилизации, место в ней культуры адыгов (черкесов) и балкарцев, взаимосвязь среды обитания народов с их культурой. Отдельно рассматривается феномен «адыгэ хабзэ» (адыгского этикета) и его роль в жизни народа. Также рассматриваются традиционные общественные институты адыгов (черкесов) и балкарцев и их функции, религиозные верования этих народов в различные исторические эпохи.

Во второй части книги исследуются проблемы становления и развития «высокой профессиональной» культуры, общественно-политической мысли и просветительского движения адыгов (черкесов) и балкарцев, роль национальной интеллигенции. Автор не обошел стороной и некоторые недостатки, которые, на его взгляд, имеют место в развитии образования и науки в республиках компактного проживания адыгов (черкесов) и балкарцев.

Прочитав эту книгу, многие читатели проникнутся особым мироощущением, духовностью этих народов.

Автор выражает благодарность следующим руководителям трудовых коллективов, которые оказали спонсорскую помощь в издании данного учебного пособия:

Артур Султанович Абазов (сел. Дугулубгъуей), Руслан Катунович Соблиров (г. Нальчик), Станислав Кушбиевич Нартков (г. Нальчик), Владимир Султанович Жамборов (г. Нальчик), Алий Абдулахович Соттаев (г. Нальчик), Азрет Анатолевич Маргушев (г. Баксан), Мухамед Владимирович Эздеков (г. Нальчик), Хусен Мусабиевич Дикинов (г. Нальчик), Мухамед Барович Шаов (г. Нальчик).

Глава I

КУЛЬТУРА И ЕЕ РОЛЬ В ОБЩЕСТВЕ

- § 1. *Духовная культура адыгов и балкарцев и ее роль в жизни народа.*
- § 2. *Культура адыгов и балкарцев в системе кавказской цивилизации.*
- § 3. *Взаимосвязь культуры и среды обитания народа.*

§ 1. Духовная культура адыгов и балкарцев и ее роль в жизни народа

В человеческом разуме заложены два основополагающих начала в познании мира. Первое во всем его объеме обращено к кормящей нас природе, второе – к самому человеку. Оба эти начала с момента появления на нашей планете homo sapiens (человека разумного) непрерывно расширяют горизонты человеческой цивилизации. Действительно, великое призвание человека как самого разумного существа нашей планеты – «окультурить» природу, среду своего обитания. А это, в свою очередь, невозможно осуществить без познания сущности человека как неотъемлемой части этой природы. Поэтому история человеческой цивилизации – это история познания природы и самого человека. Однако следует отметить, что весь многовековой период этой истории – непрерывный процесс развития человеческой культуры с того момента, когда люди стали приручать животных и окультуривать различные растения. Словом, человечество следует призыву одного из первых его философов – Фалеса, который, перефразировав знаменитую надпись на фронтоне Дельфийского храма, сказал: «Человек, познай самого себя, и ты познаешь Вселенную». Человек, природа, их познание находятся в тесной диалектической взаимосвязи и постоянном противоборстве. И чем больше человек познает природу и самого себя, тем больше он входит в противоречие с ней и с самим собой. Но это великое познание ни в коей мере не может происходить без осмысления пройденного пути, без приобщения к историческому прошлому. Неотъемлемой частью современной цивилизации является не только изучение современной жизни или даже «открытие» будущего, но и изучение пройденного пути как в материальной, так и в духовной областях.

Благодаря новым научным исследованиям и открытиям привычные представления об истории человечества и его культуре постоянно изменяются. Все больше и больше человек убеждается в том, что без знания истории и культуры древних цивилизаций он не может познать ни природу, ни самого себя, а значит, современную цивилизацию и перспективы ее развития. К древним цивилизациям, в том числе к кавказской, восходят многие исключительно важные открытия в материальной и духовной культуре. Их невозможно познать без стремления понять мудрость наших предков, причины взлетов и падений в их жизни, прозрений, ошибок и заблуждений; мотивы героических и безнравственных поступков. Другими словами, человек не может существовать в гармонии с природой и с самим собой без познания своего прошлого, своей культуры. И справедливо отмечал Ж. П. Сартр, что культура — дело рук человека, в ней он ищет свое отражение и в ней он узнает себя, только в этом критическом зеркале он может увидеть свое лицо¹. Мы восхищаемся достижениями культуры всех народов, исчезнувших и ныне существующих. Именно судя по культуре народа нагляднее всего и глубже узнаешь его образ жизни и образ мышления, его отношение к сфере собственного обитания, к тайнам Вселенной. Культура обозначает содержание совместной жизни и деятельности людей, представляющее собой биологически ненаследуемые, искусственные, созданные людьми объекты (артефакты). Под культурой понимается организованная совокупность идей и образов, материальных объектов, технологии их изготовления и оперирование ими; устойчивые связи между людьми и способы их регулирования. Эта созданная самими людьми искусственная среда существования и самореализации — источник регулирования социального взаимодействия и поведения². Культура — способ существования этноса, преодоления им исторического пространства на одной и той же географической площади. Культура (от латинского «cultura») означает «возделывание», «обрабатывание». В средние века появляется понятие «agricultura» — искусство земледелия, прогрессивный метод возделывания зерновых.

¹ Емельянов Ю. М. Введение в культурологию. СПб., 1992. С. 25.

² Орлова Э. А. Введение в социальную и культурную антропологию. М., 1992. С. 20.

В XVIII–XIX вв. понятие «культура» предполагало изящество манер, начитанность; культурный человек, как правило, – аристократ. Культура – понятие многоплановое. Мы часто употребляем это слово, имея в виду качество чего-либо. Например: «культура труда», «культура жизни», «культура семейной жизни», «культура отдыха» и т. д.¹ Культура – искусственно созданная человеком «вторая природа». Культура бывает материальная (жилище, одежда, пища, предметы быта и т. д.) и духовная. Последняя, в свою очередь, подразделяется на два типа – современная, или «высокая», культура (наука, образование, профессиональное искусство и т. д.) и традиционная культура (традиции, обычаи и т. д.).

Культура, таким образом, – это особая форма жизнедеятельности людей, дающая возможность проявлению многообразия стилей жизни, материальных способов преобразования природы и созидания духовных ценностей.¹ Структурно культура включает: способы поддержания жизнедеятельности общности (экономика); специфику поведения и взаимодействия людей; организованные формы (культурные институты), обеспечивающие единство общности, формирование человека как культурного существа; части или подразделения, связанные с «производством», созданием и функционированием идей, символов, идеальных существ, придающих смысл мировосприятию, существующему в культуре¹.

В понятии «культура», восходящем к римской античности, обычно подчеркивается фиксируемое им отличие человеческой жизнедеятельности от биологических форм жизни. И действительно, первое значение данного термина – это возделывание, обработка, уход. И конечно же, в первую очередь, – земли, поэтому культура – это и возделывание поля, и обработка сада, и уход за растениями и животными. Наиболее же привычное для нас значение «культуры» как воспитания и образования в этом контексте воспринимается как нечто дополняющее, а иногда и исправляющее человеческую природу и даже противостоящее ей².

Впервые культуре дал определение английский ученый Эдуард Тайлор (1832–1917). С тех пор было сделано

¹ Белик А. А. Культурология. Антропологические теории культур. М., 1998. С. 9, 10.

² Культурология /Под науч. ред. Г. В. Драча. Ростов н/Д, С. 23–25.

множество таких определений. Достаточно сказать, что с 1871-го по 1919 г. было дано 7 определений культуры, а с 1920-го по 1950-й – уже 157. Учеными подсчитано, что к сегодняшнему дню существует более 400 определений культуры. По определению Тайлора, культура есть совокупность знаний, искусства, морали, права, обычаев и других особенностей, присущих человеку как члену общества. Определение культуры как способа деятельности впервые в философской литературе бывшего СССР достаточно четко было сформулировано Э. Маркаряном: «Культура – продукт деятельности общества, а общество – субъект этой деятельности»¹.

Как правило, когда мы говорим «цивилизация», мы подразумеваем культуру и – наоборот. Но между этими понятиями есть разница и довольно существенная: культура как бы «первична», а цивилизация «вторична». На наш взгляд, хорошо подметил разницу между этими понятиями О. Шпенглер: «Культура и цивилизация – это живое тело души и ее мумия... Культура и цивилизация – это рожденный почвой организм и образовавшийся из первого при его застывании механизм. Здесь различие между становлением и ставшим, душой и мозгом, этикой и логикой, наконец, между почувствованной историей – выражающейся в глубоком уважении к установлениям и традициям, – и познанной природой». Исходя из этого, он отмечал, что «культурный человек живет, углубляясь внутрь, цивилизованный живет, обращаясь во внешнее, в пространство среди тел и фактов»². Но эта тема заслуживает специального изучения.

Совершенно справедливо отмечал академик Ю. Г. Волков, что переход от второго к третьему тысячелетию христианской истории человечества совпал со сменой исторических эпох глобального характера, связанных с переходом от одного типа цивилизации (техногенной) к совершенно иной, подлинно человеческой (антропогенной) цивилизации глобального гуманизма. Современная смена типов цивилизаций сопровождается целой чередой кризисов (экономических, финансовых, политических, духовных, связанных прежде всего с нравственной деградацией индивидов, и особенно молодежи, в услови-

¹ Давидович В. Е., Жданов Ю. А. Сущность культуры. Ростов н/Д; изд-во Ростовского университета, 1979. С. 83.

² Освальд Шпенглер. Закат Европы. Новосибирск, 1993. С. 460–462.

ях одностороннего развития технического прогресса общества), обусловленных качественным переходом от предыстории человечества к подлинной, истинно человеческой цивилизации, в которой будет раскрываться творческая сущность человека. Это будет цивилизация нового типа, которую можно определить постсоциалистической по своей сути, снявшей все ценное, что было создано социалистическим творчеством советского народа. Еще более гуманистическое общество будет являться посткапиталистическим, потому что капитализм предшествовал социалистическому обществу¹.

В этих условиях переосмысления человеческих ценностей, глобальной «гуманизации» всей человеческой жизни неизмеримо возрастает роль духовной культуры, духовности самого человека. Без осознания культуры любого народа, основных вех ее развития, невозможно понять моральный облик этого народа, его образ жизни, образ мышления. В. С. Библер совершенно справедливо указывал на то, что в культуре человек создает свой образ (образ жизни, образ деятельности) – как нечто особое и отделяемое от его тела, как свое бытие вне себя, на миру. В образ жизни включается и культура прошедших эпох, и не только в качестве счетного культурного среза, не только в качестве элементов образования, но и в качестве некой самостоятельной реальности, некоего непроницаемого постороннего присутствия в моем мире².

Беликий немецкий философ И. Кант различал два мира: мир природы и мир свободы. Только второй из них, по его мнению, и есть подлинно человеческий мир, т. е. мир культуры. Культура – это «созидание» интеллекта человека через свободу. И через это «созидание» человек, воздействуя на природу, создал самого себя, свою материальную и духовную культуру. Поэтому одна из центральных проблем в понимании человеческого мира – осмысление его культуры. Вот почему так много внимания уделяется ей и ее различным аспектам в последние десятилетия. Осмысление культуры человечества давно перешло от описательного характера к широкому теоретическому обобщению ее места и роли в обществе. Появляются все новые направления по изучению этой самой

---

¹ Волков Ю. Г. Манифест гуманизма (идеология и гуманистическое будущее России). М., 2000. С. 10, 11.

² Библер В. С. Мышление как творчество. М., 1975. С. 112, 113.

тонкой сферы человеческой деятельности. Несмотря на то, что нам сегодня кажутся наивными и непривлекательными многие элементы человеческой культуры, они были настоящими взрывами человеческого творчества, ибо, как справедливо указывал И. Кант, искусство – это «созидание через свободу, т. е. через произвол, который полагает в основу своей деятельности разум»¹. В основе деятельности далеких наших предков лежал разум, будь это начало земледелия или переход от охоты к животноводству, или элементарные представления об искусстве. Еще с периода неолита, или неолитической революции, когда древнейшие наши предки перешли от собирательства к земледелию и от охоты к животноводству, т. е. когда они начали «окультуривать» различные виды растений и животных, – с этого периода берет свое начало «культура». Этот великий переход явился переходом от присваивающей к производящей деятельности людей. Это было настоящим взрывом человеческого интеллекта.

Человек, воздействуя на природу, создал самого себя и свою материальную и духовную культуру. Культура стала пониматься как «возделывание» не только земли (природы), но и как «совершенствование» человеческой души, личности. Говоря словами Ф. Энгельса «труд создал самого человека»². Без этих достижений рода человеческого на заре его истории невозможно было создать все остальное, чем сейчас он располагает. Это и связывает нас с древними цивилизациями прочной нитью. Как было сказано выше, духовная культура подразделяется на традиционную и «современную», или «высокую». Традиционная культура более «древняя и национальная», чем современная, или «высокая», культура.

Традиционная культура того или иного этноса существует с тех пор, как он заявил о своем существовании как отдельный этнос. Таким образом, традиционная культура адыгов и балкарцев, как и других народов, уходит своими корнями в глубь веков. Одной из первых социальных единиц, на которой она базировалась, являлась родовая, а затем сельская община. Именно в недрах этой социальной организации зародились первые демократические институты, которые стали неотъемлемой частью культуры адыгов и балкарцев. На систему ценностей

¹ *Нарский И. С. И. Кант. М., 1976. С. 182*

² *Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека. М., 1979. С. 3.*

культуры народов, в том числе адыгской и балкарской, наложили глубокие отпечатки различные социальные строи, существовавшие на протяжении веков. Именно родовая община определяла, какие отношения должны быть установлены между ее членами. А эти отношения строились через определенные традиции и обычаи. И родовая община явилась той социальной основой, на базе которой формировалась традиционная культура каждого народа, а через родовую общину прошли все народы¹.

«Родовой строй, – писал Ф. Энгельс – вырос из общества, не знавшего никаких внутренних антагонизмов, и был приспособлен только к такому обществу. У него не было никаких других способов принуждения, кроме общественного мнения. ...Но развитие частной собственности внутри родового строя привело к разложению общины, и на ее смену пришла соседская община, или, как ее еще именуют в более широком смысле, территориальная община. Родовой строй отжил свой век. Он был взорван разделением труда и последующим разделением общества на классы. И когда родовая община стала территориальной, она все же сохранила свой естественно сложившийся демократический характер, отличающий весь родовой строй, и даже при дальнейшем, навязанном ей вырождении, уцелели ее остатки и тем самым оружие в руках угнетенных, дожившие до новейшего времени»². В этих условиях формировалась традиционная культура любого народа. Традиционная культура (или тип общества) – это (в самом первом приближении) общество, в котором регуляция осуществляется на основании обычаев, традиций, установлений. А функционирование современного общества обеспечивается сводом законов, изменяемых посредством законодательных органов власти, избираемых народом. В традиционных обществах все взаимоотношения людей регулируются традициями и обычаями народа. Здесь царят всепобеждающий обычай, сохраняемая и передаваемая из поколения в поколение традиция. Традиционная культура органично сочетает в себе составляющие ее элементы, человек не чувствует разлада с обществом. Данная культура органично взаи-

¹ Унежев К. Х. Феномен адыгской (черкесской) культуры. Нальчик, 1997. С. 50–53.

² Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1947. С. 190; С. 171.

действует с природой, едина с ней. Этот тип общества ориентирован на сохранение самобытности, культурного своеобразия. Поэтому традиционная культура наиболее «консервативна», она медленно подвергается модернизации с учетом изменений экономических и социальных условий. Этой культурой строго поддерживается авторитет старшего поколения. В традиционном обществе оно – источник знаний и умений. Поэтому на Кавказе, где хорошо сохранилась традиционная культура, старшие пользуются непререкаемым авторитетом. Сохранились многие институты старшего поколения, которые по настоящее время решают самые разнообразные проблемы жизни народа и государства.

Сейчас, в условиях глобализации всех сфер нашей жизни, очень важно сохранить прогрессивные, т.е. «работающие» сегодня элементы традиционной культуры. Необходимо проводить научно обоснованную культурную политику на уровне государства, чтобы традиционная культура каждого народа, которая служила важнейшим регулятором взаимоотношений членов социума, не растворилась в общечеловеческой культуре. И совершенно прав академик В. Е. Давидович, когда говорит, что сочетание универсализма, всеобщности, глобализма с самобытностью, уникальностью, суверенитетом – продолжает оставаться сложнейшей проблемой в построении глобального дворца культуры. Культурный плюрализм, признание и уважение различий – это единственно верный путь к реальному глобальному единству, исключающему унылое единообразие или иерархическое подчинение одних культурных феноменов другим. В культуре все ценно – большое и малое, широко распространенное и экзотическое, сильное и слабое, нарождающееся и древнее. Риск обезличивания, казарменной шпалеры, нивелировки велик. Нужна защита самобытности каждой культуры в многоцветии родового единства человечества. И посему защищать и оберегать надо и культуру народа саамов, и культуру народа ханьцев (китайцев), и культуру коптов (потомков древних египтян), и североамериканцев (англосаксов)¹.

Во всемерной защите и поддержке на уровне государства нуждается и культура адыгов и балкарцев. Ады-

---

¹ Давидович В. Е. В зеркале философии, Ростов н/Д., 1997. С. 320, 321.

ги и балкарцы живут по соседству, имеют постоянные экономические, политические и культурные контакты. Хотя они относятся к разным языковым группам и прошли разные исторические пути, у них много общего как в материальной, так и в духовной культуре. Это и понятно: у разных этносов, когда на протяжении веков между ними происходит непрерывный культурный диалог, вырабатывается много общего и в образе жизни. Особенно много общего у них в традициях и обычаях, т. е. в традиционной культуре, об основных элементах которой будет идти речь в следующих темах.

§ 2. Культура адыгов и балкарцев в системе кавказской цивилизации

Наука сегодня располагает неопровержимыми доказательствами того, что было несколько центров, регионов планеты Земля, где происходил процесс становления нашей цивилизации. Каждый регион не только по-своему уникален, но имеет много общего с другими. Именно в силу своей плодотворности первые этапы становления культуры человечества представляются нам закономерным, уникальным и неповторимым этапом всемирно-исторического развития. Просторы древних цивилизаций охватывают Ближний и Средний Восток и античный Запад, Центральную Азию и Африку, Кавказ и Дальний Восток. Поразительно несхожи они друг с другом и вместе с тем удивительно органично спаяны. Путь, пройденный древними цивилизациями, объединенными тесными узами преемственности и культурного обмена, был необычайно долгим и трудным. Основными средствами связи далеких наших предков были вьючный транспорт, а также морские и речные пути, и на то, чтобы установить контакты с другими народами, уходили десятилетия, а то и столетия. Тем не менее древние люди находили возможность приобщения к культуре друг друга. Более широкомасштабные и частые столкновения различных культур происходили именно в тех местах нашей планеты, где проходили торгово-экономические пути, на стыке континентов, в тех географических районах, которые являлись «переходом» из одной территории в другую. Одним из таких уникальных и неповторимых регионов на нашей планете является Кавказ. Кавказ все-

гда был и остается воротами для непрерывного движения народов с юга на север, с севера на юг. Кавказ — живая лаборатория для изучения культуры человечества. Огромное влияние на формирование кавказской культуры как культуры особого типа, как одну из самых полифонических и уникальных, известных человечеству, оказал геополитический фактор. Территория Кавказа входила в зону становления рода человеческого, а Северный Кавказ являлся его северной окраиной. Об этом свидетельствуют многочисленные находки из области материальной культуры, обнаруженные на Кавказе археологами различных времен и народов. Археологические памятники всех основных эпох истории человечества, начиная с первобытнообщинного строя, обнаружены в различных местностях Кавказа. В одном только регионе Прикубанья более 60 мест расселения людей, отсчет которых ведут с эпохи раннего палеолита (древнекаменного века). Это примерно 150–180 тысяч лет назад. Обнаружены многочисленные памятники материальной культуры и последующих эпох истории человечества во многих других регионах Кавказа, в том числе на исторических территориях одного из самых древних народов Кавказа — адыго-черкесов ¹.

Кавказ находится на перепутье континентов, его природно-климатические условия не только уникальны, но и разнообразны. Здесь представлены все природные зоны: от степной до ледниковой. Географически Кавказ расположен между Азией и Европой, другими словами, его можно считать второй Евразией. Уместно вспомнить в этой связи слова Пьера Тейяра де Шардена, который отмечал, что вследствие случайной конфигурации континентов на Земле имеются районы, более благоприятные для объединения и смешения рас, обширные архипелаги, широкие, пригодные для обработки равнины, особенно орошаемые какой-нибудь крупной рекой. В этих-то привилегированных местах, естественно, и стремилась с начала оседлой жизни сосредоточиться, смешаться и накопиться человеческая масса ².

Такой «привилегированной» во всех отношениях землей является Кавказ — место, где появились великие творения материальной и духовной культуры рода челове-

¹ История Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1995. С. 4–10.

² Пьер Тейяр де Шарден. М., 1987. Стр. 67.

ческого, начиная с момента становления самого человека как разумного существа. Кавказ — это один из уголков нашей планеты, где, выделившись из самой природы, человек вошел в «конфликт» с ней же самой, чтобы стать ее «царем». Место человека в этой природе сейчас нельзя оценивать однозначно, потому как он во многом вошел с ней в конфликт, который может завершиться не в пользу человека. Кавказ всегда был богат флорой и фауной, тем не менее все народы — коренные и пришлые — на протяжении веков вынуждены были приспосабливаться к этой природной среде. В этом плане воистину был прав великий Кант, когда отмечал, что «человек был создан для жизни во всех климатах и приспособлен для всякого свойства почвы; в нем, следовательно, должны были быть заложены разного рода зародыши и естественные задатки, чтобы при случае или получить развитие, или испытать в этом развитии задержку, чтобы он мог приспособиться к своему месту в мире и в непрерывном продолжающемся ряду своих поколений получить такой вид, как будто он был рожден и создан для этого места»¹.

Подвергаясь постоянному давлению как с юга, так и с севера, народы Кавказа тем не менее смогли создать, сохранить и развить своеобразную культуру. Жизненность традиции — одна из самых поразительных и ярких особенностей культуры, сложившейся в древности на Кавказе, которая по сей день восхищает своей уникальностью мировое сообщество. Одна из величайших особенностей кавказской культуры в том, что она, в сущности, выполняла роль посредника между цивилизациями Востока и Запада. Кавказ, вступив в «диалог» с другими народами, дал «материал» для обогащения их культуры. Кавказская цивилизация не только повлияла на народы других континентов. Когда культуры народов других континентов, особенно Европы, «столкнулись» с культурой народов Кавказа, этот процесс дал многим ученым новый, самый разнообразный материал по истории и культуре кавказских народов, археологических, этнографических, лингвистических, а позже — культурологических отраслей знания. Подобно великим географическим открытиям прошлого, ученые разных стран, главным образом Европы, «открывая» тайны Кавказа во всем их объеме, в том числе и его обитателей с их уникальной и

---

¹ Кант И. Сочинения. М., 1949. Т. 2. С. 455.

неповторимой культурой, совершили на «кавказском материале» великие культурные открытия.

Подобно загадкам уникальных египетских пирамид, Кавказ хранит в себе до сих пор много тайн. Это касается прежде всего его обитателей, особенностей их культур, отличительных черт восприятия ими мира природы и мира человека, взаимоотношений представителей человеческого рода, понимания чувства собственного достоинства и долга самого человека и многого другого. Словом, Кавказ по-своему реагирует на мир и проявляет себя. Его можно считать второй Евразией после России. Но и от нее он во многом отличается. Кавказ — не Россия, не Запад и не Восток. Он — между всеми ними. И не случайно, что в укладе жизни, в образе мышления, в культуре народов Кавказа много сходного с составными культурами окружающих его этносов.

Но Россия как первая Евразия была выделена сравнительно недавно и, как отмечал Н. С. Трубецкой, ее евразийство — это два аттестата: аттестат татарской школы и аттестат романо-германской. Дело в том, что Русь находилась под монгольским игом триста лет. Она попала под это иго с полуразрозненными удельными княжествами, почти лишенными осмысления национальной солидарности, или этноконсолидирующего фактора. Татары, угнетая Русь, одновременно и многому научили ее. А через триста с лишним лет Русь вышла из-под этого ига в виде, может быть, и «не ладно скроенного», но очень «крепко сшитого» православного государства, спаянного внутренней духовной дисциплиной и единством «бытового исповедничества», проявлявшего силу экспансии и вовне.

Еще через двести с небольшим лет на исторической арене появился Петр Великий и «прорубил окно в Европу». Через «окно» «подули» европейские идеи. Началась европеизация жизнедеятельности правящего класса с усиленным вовлечением в этот класс иностранцев. Та стройная «подсознательная философская система», которая в Московской Руси объединяла в одно целое религию, культуру, быт и государственный строй и на которой держалась вся русская жизнь, стала разрушаться. А вследствие этого основой государственности неизбежно должна была стать исключительно сила принуждения. Военная служба и крепостное право существовали и в допетровской Руси, но страной милитаристской и

крепостнической по преимуществу Россия стала только в эпоху европеизации. После этого начались гонения на все исконно русское, официально национальная русская культура была признана варварством, царило духовное засилье европейских идей, т. е. это было «европейским» или «романо-германским игом». И это иго продлилось тоже более двухсот лет¹.

В отличие от вариантов развития культуры России, история и культура кавказских народов продвигались по иному пути. Прежде всего, еще со времен далекой античной эпохи Кавказ испытывал влияние Малой Азии, а она, в свою очередь, имела контакты и влияние со стороны Месопотамии и Сирии, с их цивилизациями, т. е. временные границы влияния на Кавказ со стороны народов других регионов нашей планеты гораздо шире, чем у России. Далее, этнический состав Кавказа куда более разнообразней, чем состав России в прошлом, на начальном этапе ее становления. Если в России становится господствующей религией одна – православная, то на Кавказе существовало много религий, в том числе христианство и ислам. Еще. Если в России создано единое централизованное государство, то на Кавказе – несколько государственных, причем уже в античную эпоху. Например, царство Урарту, Колхида, Иберия, Кавказская Албания и Древняя Синдика. Последнюю создали еще в V в. до н. э. древнейшие предки адыгов и абхазов – синдо-меотские племена. Многочисленные научные исследования крупных кавказоведов свидетельствуют о том, что синдо-меотские и родственные им племена еще в III–II тысячелетиях до н. э. занимали огромную территорию от Малой Азии до сегодняшних границ Кабардино-Балкарской Республики с Чечней и Ингушетией. Но, как доказывают ученые, в этот период, т. е. III–II тысячелетия до н. э., основной массив этих племен проживал в районах Малой Азии, Северо-Западного и Центрального Кавказа, охватывая юго-восточное побережье Азовского моря (Меотида)², восточное побережье Черного моря до современной Абхазии и Западной Грузии. Известный

¹ Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1998. С. 75, 76.

² Древнее название Азовского моря – Меотида – происходит от слова «меот». Меоты были одним из самых многочисленных племен – предков адыгов, – которые еще в эпоху раннего железа вели на Северо-Западном Кавказе оседлый образ жизни.

ученый И. М. Дьяконов отмечал, что на этом огромном пространстве в III–II тысячелетиях до н. э. проживали «племена, непосредственно принадлежавшие абхазо-адыгской группе, либо говорившие на языках, родственных абхазо-адыгским»¹. Самыми ближайшими родственными племенами синдо-меотов были хатты, каски², которые проживали в Малой Азии и оставили значительный след в истории мировой цивилизации.

В развитии культуры народов Кавказа огромную роль в античную эпоху сыграла, в первую очередь, греческая цивилизация. Греки еще с VII в. до н. э. начали осваивать районы Причерноморья, где в непосредственной близости проживали синдо-меотские племена – предки адыгов и абхазов. Именно с ними столкнулись в этом районе греки. Позже, когда из греческих городов Причерноморья (а их там насчитывалось более 30. – К. У.) образовалось Восторское царство, культура Синдикки еще теснее сближается с греческой и глубже происходит взаимовлияние традиций, обычаев, уклада жизни греков и синдо-меотских племен. Кроме этого, огромное влияние оказала на культуру народов Кавказа, особенно адыгов, Византия. Именно у нее адыги переняли христианство, хотя в силу ряда причин они позже перешли к исламу. О влиянии названных цивилизаций на культуру Кавказа, на его уклад жизни и т. д. свидетельствуют многочисленные факты, которые занимают заметное место в мифологии, в эпосе, фольклоре и других сферах культуры кавказских народов. Таким образом, культура Кавказа была открытой для Востока и для Запада.

Кавказское евразийство еще глубже укрепляется, даже, можно сказать, окончательно оформляется, после появления в этом регионе первых кочевых ираноязычных племен из Азии. Это киммерийцы, скифы, сарматы и аланы в конце I тысячелетия до н. э. и в начале н. э. После них – в раннем средневековье – тюркоязычные племена: гунны, хазары, аварцы, а еще позже татаро-монголы. Эти кочевые племена не только вторгались в пределы Кавказа, но и приносили в среду местных племен многие элементы своей материальной и духовной культуры. В свою очередь, пришлые, чужие племена перенимали многое из уклада жизни, обычаев и традиций коренных

¹ История Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1995. С. 31.

² Многие ученые предполагают, что слово «Кавказ» произошло от названия племен «каска» («кашки»).

народов. Более того, многие представители пришлых племен ассимилировались последними. Об этом свидетельствуют многие фамилии в среде коренных кавказских народов. Они прямо указывают на принадлежность к тому или иному пришлому тюркскому или ираноязычному народу. Например, кабардинская фамилия Шереметев – от слова «сармат», Готыжев – от названия «готы» и т. д.

Как справедливо отмечал Н. С. Трубецкой, «для всякой нации иноземное иго есть не только несчастье, но и школа. Соприкасаясь с иноземными покорителями и насильниками, нация заимствует у них черты их психологии и элементы их национальной культуры и идеологии. Если она сумеет органически переработать и усвоить заимствованное и выйдет наконец из-под ига, то о благотворности ига, как школы, можно судить по тому, в каком виде предстанет освобожденная нация»¹. Коренные народы Кавказа не только восприняли многое из культуры пришлых племен, завоевателей, но и отстояли свою неповторимую культуру и даже во многом «навязали» ее им самим. Об этом можно судить по состоянию сегодняшней культуры потомков кочевых азиатских племен, осевших в среде народов Кавказа. Дело в том, что очень много общего сейчас в культуре, образе жизни всех кавказцев: и «коренных», и «пришлых». Если взять, к примеру, одежду абхазо-адыгов, то ее переняли многие потомки пришлых племен. Подобных фактов предостаточно и в других сферах жизни. При всей схожести многих черт в укладе жизни, истории и культуре России и Кавказа следует отметить одну существенную разницу между «первой» и «второй» в их евразийстве. Дело в том, что в «первой» Евразии – России – нашелся единый народ в лице русского, который взял на себя инициативу сплочения вокруг себя других народов и создания единого государства. Это ему удалось потому, что численно он значительно превосходил остальные народы в отдельности и гораздо дальше ушел в своей внешней экспансии. В то время как на Кавказе не нашлось такого народа, который превосходил бы остальных своих соседей по этим параметрам, да и пространственные рамки проживания народов были разными между «первой» и «второй» Евразией. И еще один очень важный момент, кото-

¹ Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993. С. 76.

рый по-разному проявился при создании как «первой», так и «второй» Евразии. «Первая» Евразия создавалась, главным образом, путем насилия, покорения народов одним, более могущественным народом, других и расширения своей территории. А кавказское евразийство создавалось гораздо медленнее и иными путями. Поэтому, если в «первой» Евразии есть множество народов с самыми разными обычаями и традициями, даже с диаметрально противоположными подходами ко многим проблемам жизни, то во «второй» — схожие традиции, обычаи, относительно одинаковая культура, одинаковые стандарты восприятия окружающего мира, поведения людей т. д. В этой связи Пьер Тейяр де Шарден отметил, «что при длительном и мирном взаимодействии различных и активных народов наблюдается взаимопроницаемость психики вместе с замечательным и знаменательным взаимообогащением. Благодаря этому двойному воздействию, когда перемешаются и этнические традиции, и гены мозга, они выступают и закрепляются настоящими биологическими комбинациями...». Действительно, если посмотреть на облик кавказца с этой точки зрения, то мы находим подтверждение правильности этих слов. Таким образом, кавказское евразийство — культурологическое, географическое, экономическое и историческое целое. У кавказцев относительно одинаковая мораль, ибо у всех у них много общего и в среде обитания, и в историческом прошлом. Особенно в этом плане ближе всего друг к другу автохтонные народы: абхазо-адыги, армяне, грузины, вайнахи (чеченцы, ингуши), многие народности Дагестана и др. По этому поводу очень удачно высказался И. Кант, который отмечал, что «характеры душевных организаций разных народностей всего лучше можно распознать через то, что в них есть морального»².

Кавказская цивилизация является «второй» евразийской, но она не культурная провинция. Кавказская культура — не российская, не европейская, не азиатская. Она самобытна и интегративна. Она всегда в диалоге с другими культурами. И если исходить из временных параметров формирования кавказской культуры, геополитического положения самого Кавказа и сравнить его с «первой» Евразией, то невольно напрашивается мысль о том, что на роль «первой» Евразии обоснованно мог бы пре-

¹ Пьер Тейяр де Шарден. М., 1987. С. 168.

² Кант И. Сочинения. М., 1949. Т. 2. С. 213.

тендовать Кавказ. При этом надо учитывать и то обстоятельство, что именно на Кавказ, на его народы гораздо раньше и масштабнее начали влиять другие народы. Феномен кавказской культуры заключается в том, что она воплотила в себе многие элементы как восточной, так и западной цивилизации. Кавказ как по своему этническому составу, так и по культуре его народов полифоничен. С другой стороны, он выступает в своей культуре как единое целое. Идея самобытной и целостной кавказской цивилизации в последнее время была четко сформулирована Р. Г. Абдулатиповым¹. Им было подчеркнуто, что сегодня историко-культурная и этнокультурная целостность многих народов Кавказа — это реальный факт. Самобытная кавказская цивилизация — это феномен мирового значения. Это та цивилизация, которая себя не исчерпала, а жаждет и ждет нового исторического витка в своем бытии.

В этом «оркестре» кавказской цивилизации особое место занимает культура адыгов и балкарцев. Она уходит своими корнями в глубь веков и достойно выдержала испытание временем. Хотя у адыгских народов и балкарцев сравнительно недавно появилась своя письменность, у них, по признанию многих авторитетных ученых, была и есть своя уникальная культура. Однако следует отметить, что некоторые авторы называли «кавказские народы «дикарями», не замечая того, что они внесли большой вклад в развитие мировой цивилизации. По этому поводу П. Н. Савицкий справедливо отмечал, что дифференцированное рассмотрение культуры показывает, что нет народов однозначно «культурных» и «некультурных». Разнообразнейшие народы, которых «европейцы» именуют «дикарями», в своих навыках, обычаях и знаниях обладают, с некоторых точек зрения, стоящей «высоко» культурой². Являясь одним из очагов человеческой цивилизации, Кавказ тоже относится к тому региону нашей планеты, где произошла неолитическая революция — переход человеческого общества к земледелию и скотоводству³, т. е. переход от хозяйства собирателей и

¹ Научная мысль Кавказа. 1995. № 1. С. 55–58.

² Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993. С. 106.

³ Понятие «неолитическая революция», подобно понятию «промышленная революция XVIII–XIX вв.», было предложено еще в 30-е гг. XX столетия английским археологом Гордоном Чайлдом.

охотников к производящему образу жизни. Важным техническим достижением далеких наших предков в этот период является изобретение керамики – лепки и обжига глиняной посуды. В неолите появились прядение и ткачество... Все это оказало огромное влияние на последующее развитие не только хозяйственной деятельности человека, но и его духовной и материальной культуры, а также социальной организации. На Кавказе, в том числе и Северном Кавказе, известны десятки памятников материальной культуры, подтверждающие, что и здесь произошла неолитическая революция, которая является одним из самых важных этапов становления человеческой цивилизации. Однако история ее становления начинается еще с палеолитического периода, который также наличествовал в этом регионе. Таким образом, многочисленные научные исследования убедительно доказали, что на Кавказе с древнейших времен получили развитие земледелие и скотоводство, т. е. «окультуривание» многих сортов растений и видов животных. В частности, здесь были выведены местные сорта культурных растений: пшеница, просо, ячмень и др., а также некоторые породы крупного и мелкого рогатого скота и лошадей. В различных районах Кавказа преобладали разные культурные растения. Например, абхазо-адыги предпочитали выращивать просо, ячмень, пшеницу. Рис разводился во влажных районах Южного Азербайджана.

Скотоводство возникло на Кавказе в III тысячелетии до н. э. Со II тысячелетия до н. э. оно получило широкое распространение в связи с освоением горных пастбищ. К этому периоду на Кавказе сложился своеобразный тип отгонного скотоводства, существующий до настоящего времени. Этот вид скотоводства является «изобретением» Кавказа. С отгонным скотоводством было тесно связано разведение лошадей. Кабардинская порода была выведена адыгами на протяжении веков именно в условиях Кавказа. Эта порода лошадей до сих пор не уступает ни одной другой по своей выносливости. Рано получили развитие кавказское ремесленное дело и торговля¹.

На Кавказе с древнейших времен была создана уникальная система воспитания подрастающего поколения, особый этикет, регламентирующий все стороны взаимоотношений членов общества независимо от пола, возра-

---

¹ Основы этнографии. М., 1968. С. 298–300.

ста, социального статуса и т. д. Больших успехов в ранний период истории Кавказ достиг и в тактике ведения войн. В многообразии успехов народов Кавказа в материальной и духовной сферах, т. е. кавказской цивилизации, как было сказано выше, особое место занимает культура адыгов и балкарцев. Об этом более подробно мы расскажем в последующих разделах данной работы.

§ 3. Взаимосвязь культуры и среды обитания народа

Адыго-черкесы и балкарцы, как и многие другие горцы Северного Кавказа, на протяжении своей многовековой истории создали феноменальную систему традиций и обычаев, которая не одно столетие верно служила ориентиром поддержания гармонии их взаимоотношений со средой обитания, в воспитании физически здорового, высоконравственного молодого поколения, в регулировании всей гаммы взаимоотношений людей в общественной и семейной жизни; цивилизованных связей с другими народами. Этой уникальной традиционной культурой горцев не только восхищались иностранные путешественники и ученые; многие ее элементы восприняты другими народами, которые соприкасались и жили по соседству с ними. Более того, важнейшие принципы адыгского этикета (адыгэ хабзэ), его требования похожи на многие положения норм международной дипломатии и международного права. Даже регламентация взаимоотношений между отдельными членами и слоями общества по адыгскому этикету во многом напоминают современные уставные требования военнослужащих. Но парадокс истории и культуры этих народов заключается в том, что они, создав уникальную традиционную культуру с огромной жизнеспособностью, не смогли оставить после себя сколько-нибудь значительный след в развитии своей материальной культуры, философии, образования.

Возьмем, к примеру, греков и римлян, с которыми предки адыгов поддерживали на протяжении многих лет тесные культурные, экономические и политические связи. Только Афинское государство за одно столетие (V в. до н. э.) смогло дать человечеству таких вечных «спутников» его истории и культуры, как Сократ и Платон, Эсхил и Софокл и многих других гениев, у которых до

сих пор человечество учится поиску смысла жизни, месту и роли человека в окружающем нас мире, познанию законов природы, законов развития общества и т. д. И этот феномен культуры по праву называется «греческим чудом». Или, к примеру, возьмем американских индейцев, которые в эпоху своего расцвета создали неповторимые памятники материальной культуры и многое другое. В этом плане почему-то адыги, балкарцы и другие народы Кавказа оказались на многие годы в стороне от «столбовой» дороги всемирно-исторического движения. А может, наука еще не «докопалась» до глубин истории и культуры этих народов? Просто трудно поверить тому, что предки адыгов и балкарцев, создав такую уникальную систему взаимоотношения людей, достигнув грандиозных успехов во многих областях материального производства, его технологий и т. д., не имели своих философов и математиков.

Общезвестно, что судьба каждого народа во всех сферах своего проявления, в том числе и культуре, находится в тесной диалектической взаимосвязи со средой его обитания, с ее природно-климатическими условиями. Особенно эти условия накладывают большой отпечаток не только на физический облик народа, но и на культуру, традиции, обычаи, уклад жизни, характер, дух народа — словом, на образ жизни и образ мышления данного этноса, на его ментальность. Известный отечественный культуролог, иначе, уникальный мыслитель Г. Гачев в своих работах по национальным образам мира подчеркнул, что природа есть текст и судьба для выстраивающейся поверх его культуры. Он справедливо отметил, что народ-горец имеет иные ориентиры, чем народ-мореход или степняк-кочевник. Горы, моря, степь предрасполагают к особому рода построениям в мировоззрении и даже в логике. Гениальный русский философ XX в. Н. А. Бердяев очень метко сказал по этому поводу: «Строение земли, география народа всегда бывает символическим выражением души народа, географией души»¹. Таким образом, чтобы постичь, осмыслить, понять особенности каждого народа, его видение окружающего мира, методы познания и использования его плодов, систему гармонии их взаимоотношений, необходимо прежде всего изучить его культуру.

---

¹ Н. А. Бердяев о русской философии. Свердловск, 1991. С. 109.

Культура каждого народа отличается во многом как по смысловой нагрузке, так и по форме от культуры другого народа, особенно если носители этих культур не имеют ничего общего в своей этнической истории. Каждая культура имеет в своем проявлении собственные приоритеты. Даже национальная культура различных слоев одного и того же народа имеет некоторые особенности и приоритеты. Но суть, главное содержание в целом культуры одного и того же народа остаются неизменными. Через культуру народ выражает себя, самоутверждается в «море» рода человеческого, подобно тому, как в глухом лесу каждое дерево борется за место под солнцем. Культура каждого народа — это его поведение, его образ мышления, его дух. А это все не может выработаться изолированно от окружающего мира. Поэтому не случайно культура имеет глубокие корни, и содержание каждой национальной культуры обусловлено конкретными материальными и духовными причинами: первая — это природа (Космос), в которую погружен каждый народ, т. е. среда его обитания; вторая — склад его души (Психея), которая, в свою очередь, находится в тесной зависимости от первой; третья — логика его ума, т. е. образ мышления (Логос)¹. Таким образом, исходя из этих причин, культуры разных народов имеют свои особенности, и они равноценны именно своей непохожестью друг на друга. В этом заключается не только сложность культуры каждого народа, но и ее феноменальность, ее красота. Гигантский космос национальных особенностей и культуры — отражение сущности ее создателя и носителя, ее народа.

Образ жизни, характер народа определяются условиями его жизни. Но они не всегда могут быть постоянными. Особенно часто они менялись в те исторические эпохи, когда шел процесс непрерывного «распределения» территории и шла ожесточенная борьба за «место под солнцем» между различными народами. В такие «бурные» эпохи народ вынужден был подчиняться, приспосабливаться к тем условиям, в которых он оказался под воздействием внешних факторов перемены среды обитания. В этом плане, к примеру, адыги, которые некогда занимали самые плодородные, удобные земли на Кавказе, подвергались тяжелым испытаниям на протяжении многих столетий, потому что в первую очередь они стали

¹ Гачев Г. Национальные образы мира. М., 1988. С. 4.

объектом агрессии многих завоевателей всех времен и эпох, которые вторгались на Северный Кавказ. И постоянная необходимость защиты своей территории от набегов заставляла их подчинить всецело свой образ жизни военному делу. И это все не могло не сказаться на характере народа, на его образе мышления. Именно необходимости защиты своих интересов, своей свободы была подчинена вся система воспитания подрастающего поколения. В этой связи один из первых адыгских ученых Ш. Ногмов указал, что, судя по дошедшим до нас преданиям, древние «адыхе» одарены были благородством души и хорошими умственными способностями, славились трудолюбием и сметливостью. Строгое воспитание приучало их твердо и без ропота сносить сильный зной, горный холод, всевозможные лишения. Таков был древний «адыхейский» народ. И действительно, «адыхи» были известны в древние времена своим трудолюбием; но после грозных нашествий, переселений, частых побегов в горы, где они вынуждены были скитаться по самым скудным местностям, от частой перемены владельцев и от их притеснений, а в позднейшие времена — от беспрестанных набегов татарских и калмыцких орд, нравы их совершенно изменились. Прежние хорошие качества исчезли; народ впал в беспечность, леность и во все проистекающие отсюда пороки, которые вовлекли его в бедность и нищету, заставляя довольствоваться самой грубой пищей и весьма худым жилищем. Упражнения в искусствах, принесенных греками и введенных под влиянием христианской веры, утрачены и забыты¹.

Мы полагаем, что это вынужденное изменение своего образа жизни послужило одной из причин того, что была прервана цепь «мирного развития» народа и на задний план были отодвинуты наука, образование, философия и др. важнейшие компоненты любой национальной культуры, т. е. приоритет был отдан не «высокой», «профессиональной» культуре, а традиционной.

Весь комплекс ценностей, к чему призывают «адыгэ хабзэ» и «тау адет» и чему народ беспрекословно следовал, — это не только защита независимости, чести, но и признание этой свободы за другими, уважение достоинства других людей, в том числе и своего врага.

---

¹ Ногмов Ш. Б. История адыхейского народа. Нальчик, 1994. С. 65, 66.

Национальная культура каждого народа – это результат воздействия окружающей природы. Даже анатомия, голоса разных рас и народов зависят от ее особенностей. Поэтому каждый народ имеет свой неповторимый облик. Он – следствие «диктата» местной природы. Именно по этой причине каждая национальная культура консервативна, малоподвижна в своих изменениях. В этом плане мы имеем в виду прежде всего традиционную культуру каждого этноса, в том числе адыгов и балкарцев. Именно она «малоподвижна», ибо не подвергается, или меньше всего подвергается воздействию цивилизации. «Высокая» культура, т. е. образование, наука, профессиональное искусство, в этом плане быстрее меняется и более космополитична. А традиционная культура более «национальна», более «чиста». Тем не менее традиционная культура даже различных народов, живущих в схожих природно-климатических условиях во многом одинаковая. Это касается не только духовной культуры, но и материальной.

С этой точки зрения небезынтересно сравнить культуру, характер, психический склад горцев различных континентов нашей планеты. Например, еще в прошлом столетии гениальный немецкий философ И. Кант отмечал, что у индейцев Северной Америки сильно развито чувство чести. Индеец Канады правдив и честен. Он чрезвычайно горд, в полной мере ощущает цену свободы и даже в воспитании не терпит никакого обращения, которое заставило бы его испытать унижительное подчинение¹. Если сравнить эти черты характера американских индейцев с характером горцев Северного Кавказа, то мы можем найти много общего между этими народами, которые проживают в разных концах света.

По вопросам взаимодействия природы и культуры, их тесной диалектической взаимосвязи широкое распространение получила зарубежом теория под названием экологическая антропология. А ей предшествовали различные версии географического детерминизма. Согласно ему, определяющее значение в историческом развитии культур играют природные условия. Теоретически такое понимание историко-культурного процесса оформилось еще у Ш. Монтескье. По его мнению, культурное развитие и даже форма государственного управле-

---

¹ Кант И. Сочинения. М., 1949. Т. 11. С. 220, 221.

ния зависят от климата, плодородия почвы и других естественно-природных факторов. В XIX – начале XX вв. концепцию географического детерминизма разрабатывали Г. Бокль, Ф. Ратцель, Л. И. Мечников, Г. В. Плеханов.

В первой половине XX в. в науках о культуре доминирует попперизм, который рассматривал природную среду в качестве пассивного фундамента, на котором могут возникать и развиваться различные виды человеческих обществ. После Второй мировой войны на смену попперизму пришла экологическая антропология, объясняющая взаимовлияние природной среды и культур. Термин «экологическая антропология» в 1955 г. ввел в научный оборот американский антрополог М. Бейтс. Эта теория отличалась от географического детерминизма двумя особенностями. Во-первых, анализировалось взаимодействие природы и культуры, т. е. учитывалось влияние культуры, даже на доиндустриальном уровне, на экологическое окружение. Во-вторых окружающая среда рассматривалась только с точки зрения используемых человечеством ресурсов и условий, а не как совокупность всех природных особенностей той или иной территории. В экологической антропологии выделяется несколько подходов к изучению взаимодействия природы и культуры. Наиболее популярная (1902–1972) его концепция называлась культурной экологией. Она изучает адаптацию общества к окружающей среде.

Культурная адаптация – процесс непрерывный, поскольку ни одна культура не приспособилась к среде в такой степени, чтобы превратиться в статичную. Особое внимание Дж. Стюард придавал понятию «культурный тип», определяемый как совокупность черт, образующих ядро культуры. Эти черты возникают как следствие адаптации культуры к среде и характеризуют одинаковый уровень интеграции. Ядро культуры – это совокупность черт, наиболее непосредственно связанных с деятельностью по производству средств существования и с экономическим устройством общества. Кроме этого, ядро культуры включает также социальные, политические и религиозные институты, тесно взаимодействующие с производством средств существования. Существенно дополнил культурно-экологический подход Стюарда другой американский специалист по культурной антропологии, М. Салинс. Он предложил относить к окружающей сре-

де социально-культурные параметры, например, влияние других общностей, контактирующих с изучаемой, а также учитывать тот факт, что культура, трансформируясь в процессе адаптации ландшафт, вынуждена приспосабливаться уже к тем изменениям, которым сама положила начало.

В 60–70-е гг. XX столетия в США получила распространение экосистемная, или популяционная, антропология, включившая в поле исследований индивид с точки зрения его биологических и демографических особенностей. В области теории культуры этот подход отличается функционализмом, т. е. изучением закономерностей системы, объединяющих природные и социально-культурные явления. В области экосистемной антропологии много сделали Э. Вайда и Р. Раппорт. Последний, в частности, предложил подразделить понятие «окружающая среда» на понятия «реальная» и «воспринимаемая», или «когнитивная», иначе говоря, имеющаяся в представлении изучаемого народа. Проблемам экологической антропологии близки учения русских исследователей таких, как С. П. Толстов, М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, В. И. Козлов, Б. В. Адрианов и др.

Дисциплина «этническая экология», основателем которой можно считать В. И. Козлова, изучает особенности традиционных систем жизнеобеспечения этнокультурных общностей, влияние сложившихся экологических взаимосвязей на здоровье людей, воздействие культур на экологический баланс в природе. При исследовании особенностей жизнеобеспечения выделяются его физическая и психическая (духовная) стороны. К первой относится физическая адаптация людей к природной среде и социально-культурная адаптация, проявляющаяся посредством таких элементов культуры, как пища, жилище, одежда и т. д., т. е. материальной культуры. Вторая выражается, главным образом, в психологическом приспособлении человека к окружающей природной среде путем применения культурно-обусловленных методов предотвращения или ослабления стрессовых ситуаций¹. Ярким примером культурной адаптации того или иного этноса на определенной территории является Северный Кавказ. Именно здесь мы находим не один пример адаптации того или иного этноса к новой природной сре-

¹ Белик А. А. Культурология. Антропологические теории культур. М., 1998. С. 163–165.

де. Многие пришлые племена (тюркские, ираноязычные), потомки которых уже здесь, на Северном Кавказе, стали коренными, создали в новой среде совершенно новый «культурный тип», схожий во многом с «культурным типом» автохтонных народов (адыгов, вайнахов и т. д.).

При совместном проживании на одной территории и автохтонные, и пришлые народы на протяжении веков выработали одинаковую во многом материальную и духовную (традиционную) культуру. Даже русскоязычное население, которое сравнительно недавно появилось на Северном Кавказе, выработало в своей культуре много общего с культурой местного населения. В этом плане наглядный пример — кубанское и терское казачество. Говоря о взаимосвязи русской природы и характера русского человека, В. О. Ключевский писал, что среднерусский ландшафт — источник своеобразия русского национального характера. Ученый выделял значения образа леса, степи и реки в русской культуре и их роль в формировании психологических черт личности (степь олицетворяла широту натуры, река воспитывала порядок и умение совместных действий)¹. А Н. А. Бердяев указывал, что в душе русского народа остался сильный природный элемент, связанный с необъятностью русской земли, безграничностью русской равнины².

Черкесы (адыги) издревле занимали территории, которые охватывали обширные пространства от берегов Черного и Азовского морей до Кавказского хребта, вплоть до самых ледников включительно. О том, какие кавказские племена, в том числе и черкесские, проживали и какие территории занимали в различные исторические эпохи, писали многие ученые прошлого. В этом плане, к примеру, можно обратиться к работе Ад. Берже, которая издана еще в 1858 г. в Тифлисе под названием «Краткий обзор горских племен на Кавказе». В ней автор подробно перечисляет 16 названий черкесских племен с указанием занимаемой территории и их численности³. А балкарцы занимали горную часть ущелий. Таким образом, адыги, находясь тысячелетиями на столь разнообразной по своему строению территории — от приморья до

¹ Белик А. А. Культурология. Антропологические теории культуры. М., 1998. С. 163–165.

² Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.

³ Берже Ад. Краткий обзор горских племен на Кавказе. Нальчик, 1992. С. 3–28.

горных хребтов, выработали свой менталитет, созвучный среде их обитания, т. е., сохраняя в целом общность психического склада, характера, обычаев и традиций, хотя не всегда все адыги похожи друг на друга. Одни из них более темпераментны и воинственны, другие более меланхоличны и сдержанны в своих суждениях и поступках, т. е. столь разнообразная среда их обитания не могла не оказать влияния на их образ жизни и образ мышления. Но в целом основное население адыгов сходно по признакам, которыми обладают все жители гор, как в материальной, так и в духовной культуре, где бы они ни проживали. Балкарцы в этом отношении более «однородны», таких различий, как у адыгских племен, в их ментальности нет. Но у всех горцев, в том числе кавказцев, существует своя специфическая «космософия» как некий смысл, некий вечнопознаваемый обитателями гор мир. И это великое его познание происходит на протяжении всей истории народа. Космо-психо-логос горцев особый, и основным Космосом выступают у них горы, которые для горцев больше, чем горы, они у них и Дом, и Небо, спасение и опасность. Горы у них — связующее звено между Землей, ими и Небом. Горы — это вечность для их обитателей. Горы — это вечный их очаг. Горы никогда никому не прощают измены. Они всегда требуют к себе самого бережного, чуткого отношения. Здесь, в Стране Гор, каждый камень имеет свое место и назначение. В горах ничего менять нельзя, как на равнине; в горах не всегда и не везде можно даже громко кричать, здесь иногда надо разговаривать шепотом. Здесь малая часть земли среди вечных скал хрупка и нежна, в горах животный и растительный мир сосуществуют в вечной гармонии. Сюда из равнины никакого зверя не пропустят. Он просто не выживет. Точно так же равнинные растения никогда здесь не приживутся. В горах даже кислород «на учете» у природы. Исходя из этих особенностей своего Космоса, горцы обустроили свою жизнь и создали свой особый мир. У горцев особый душевный склад. Здесь каждая гора, каждый камень, каждое ущелье, каждая пядь земли имеют свое собственное имя, как человек. Например, гора Эльбрус по-кабардински — «Іуащхьэмахуэ», по-балкарски — «Минги тау» — «Гора счастья». Для адыгов (черкесов) и балкарцев Эльбрус — это их Синай. Эльбрус для адыга и балкарца подобен Богу, ибо они его обожествляют. «Іуащхьэмахуэ» сопут-

ствуется в жизни адыгам (черкесам) и балкарцам. Например, адыги уверены, что эта гора им дает все: и жизнь, и благополучие в этой жизни. Поэтому Эльбрус переводится как «Гора счастья». Эта гора для адыга как бы Верховный Бог, ибо она самая главная гора среди всех остальных.

По сей день адыги (черкесы) даже погоду на будущее определяют по «настроению» Эльбруса. Вообще, испокон веков у древних адыгов (черкесов) гора является самым священным местом. В горах адыги устраивали санопитие, спортивные состязания молодых. Горам приносили жертвы. Гора занимает одно из самых значительных мест в героическом нартском эпосе, фольклоре.

Самым святым местом у древних нартвов была Харам-гора (Хьэрамэ Гуащхьэ). На ней восседал Тхашхо — «Тхьэшхуэ» (самый главный бог из всех богов адыгов) и решал их судьбы. С вершины этой горы обращались к нартам и другие боги. Именно на вершине этой горы богатырь Сосруко добыл огонь для своих соплеменников. Именно на этой же горе, или у подножия этой горы, убили его самого. Собственно, один из главных героев нартского эпоса — Сосруко — был рожден из камня и убит камнем, который попал в его уязвимое место — в незакаленное бедро. Дело в том, что, когда бог кузнецов Тлепш закалил тело Сосруко, опуская в священную воду, незакаленными остались бедра, за которые он держал его щипцами. Почти такая же причина смерти Ахилла, когда разгневанный Аполлон направил стрелу Париса и поразил Ахилла в пятую¹.

А вот что говорится в сказании «Как Сосруко вернул Стране Нартвов семена проса»: «Тхаголедж, бог плодородия, обратился к нартам с вершины Харамы-горы: — Нарты! До сих пор я помогал вам, в меру моей силы, собирать богатый урожай проса. А теперь я состарился, моя сила уменьшилась. Оттого решил я одарить вас семенами доброго проса². Сейте их каждый год, и не будет у вас отныне ни одного неурожайного года»³.

Для горца горы — как одушевленные существа, он их охранял, как свою личную собственность, он с ними вы-

¹ Кун Н. А. Легенды и мифы древней Греции. Владикавказ, 1993. С. 304, 305.

² Блюда из проса — паста и др. — являются национальными блюдами адыгов.

³ Нарты: Кабардинский эпос М., 1953. С. 5.

ступал как одно целое, он в них «растворялся». Горы для их обитателей — мудрая школа, «Основной закон», которому они всегда следовали, ибо законы гор строги и грозны, как его скалы. Горец не представлял себе жизни вне гор. Он вообще никогда не покидал своей территории, ибо был с нею един. Недаром старинная адыгская поговорка гласит: «Джигит, давно пришедший с гор, глядит на горы до сих пор». Подобно тому, как животный мир приспособлен к среде своего обитания и звери меняют окраску своей шкуры в зависимости от времени года, так и физический облик, и характер, и нравы горца похожи на «облик» и «душевное состояние» гор. Поэтому горец скорее отдаст собственную жизнь, чем покинет свой очаг и предаст его. Примеров, что именно так он и поступал, когда враги пытались разорвать это великое единство гор и его обитателей, множество. Здесь человеку нельзя совершать грех и нарушать законы гор: в горах человеку некуда деться, и если он их нарушил, то будет жить в условиях всеобщего презрения со стороны сограждан. Здесь сами горы наказывают такого грешника. И не случайно одна из самых суровых форм наказания до сих пор у горцев — это изгнание из своего сообщества человека, который нарушил законы гор. Он был просто обречен на смерть или вечные мучения. И если он переселился в другие горы, он должен был получить право на местожительство с согласия другого общества. Даже при таком относительно благополучном исходе дела все равно сам пришлый и его потомки всегда оставались для общества чужими и ненадежными, ибо горцы знали: кто однажды нарушил законы гор, может это сделать и второй раз. До сих пор и у адыгов слово «хэхэс» означает: «чужой человек, который обосновался в другом населенном пункте», притом этим словом называют всех его потомков в нескольких поколениях. Все это наложило отпечаток на формирование культуры в самом широком смысле слова горцев в целом и адыгов, балкарцев, в частности. Поэтому у горцев сильно развито чувство патриотизма. Недаром любовь к родине в жизни горца занимает особое место. Это все нашло широкое отражение в устном народном творчестве: поговорках, пословицах, героическом эпосе, а также в художественной литературе горцев и в целом в культуре этих народов. Особенно много пословиц у адыго-черкесов, балкарцев, где родина, очаг предков ставятся превыше всего. Вот некоторые из

них: «Хамэ хэку сыщытхэ нэхъ си хэкужъ сыщылэ» (Чем сытая жизнь на чужбине, лучше умереть на родине); «Хэку бгынэрэ фыз бгынэрэ зэхуэдэц» (Покидать родину – равносильно покидать жену); «Дунейр ктэ-кIухы, уи унэ ихьэж» (Обойди весь мир и вернись в отчий дом)¹. Для горца родина значит больше, чем личное счастье, даже чем жизнь. Тема родины является главной в творчестве многих адыгских (черкесских) и балкарских поэтов и писателей всех времен и эпох.

Вот как эту тему раскрывает один из замечательных представителей адыгской культуры XIX столетия Хан-Гирей устами своего героя, Джембулата, в великолепной повести «Черкесские предания»: «Порыв самолюбия сильно заволновал благородную душу Джембулата. Но любовь к княжне сильно с ним боролась. «Я люблю тебя, княжна, – продолжал он, несколько смягчив голос, – люблю, как может и должен мужчина любить прекрасную женщину, даже еще больше. Жизнь без тебя не будет для меня иметь цены. Но если бы эта любовь могла составить и сотую долю моей любви к родине, я был бы достоин презрения... Моя любовь к тебе не более дождевой капли, падающей в волны моря, в сравнении с моей любовью к родине! ...Как! Я сравниваю прах с бессмертием? ...Нет! В любви к Отечеству я люблю Бога, люблю мою честь, спокойствие моей совести; украшаю высочайшим достоинством человека, а в любви к женщине мы любим самих себя, ищем суетного, временного блага, мимолетного, как красота и верность женщины, как счастье... Отчизне грозит опасность – я пойду навстречу опасности, навстречу смерти, но не для тебя, гордая женщина, не из любви к тебе, а для блага и славы родины!»².

Беззаветную любовь горца к родине, к отцовскому дому не раз подмечали и восхищались этим чувством даже те, кто не часто бывал в стране гор. Например, замечательный русский мастер художественного слова и певец Кавказа М. Ю. Лермонтов в известной поэме «Мцыри» потрясающе выразил эти чувства устами молодого горца³, который не по своей воле оказался в чужом краю и только мечтал о возвращении на родину:

¹ Кабардинские пословицы. Нальчик, 1965. С. 74–79 (на каб. яз.).

² Хан-Гирей. Черкесские предания. Нальчик, 1989. С. 84, 85.

³ Судя по содержанию поэмы, он был выходцем из Кабарды.

Меня печалит лишь одно:
Мой труп холодный и немой
Не будет тлеть в земле родной...
В святом, заоблачном краю
Мой дух найдет себе приют...

Увы! — за несколько минут
Между крутых и темных скал,
Где я в ребячестве играл,
Я б рай и вечность променял...¹

Правда, у всех народов, в том числе и равнинных, эта тема всегда актуальна. Но в отличие от жителей равнины, у обитателей гор — другие законы и нравы. Здесь взаимоотношения между природой и человеком совершенно иные. Здесь другой Космос и «господствует» Простор. На равнине много запаса территории. Тут человек может себе позволить в обращении с ней «роскошь». Он ее меньше бережет и легче покидает. Равнинные народы быстрее меняют свой образ жизни, традиции и обычаи. В этой связи крупный специалист по культурологии Г. Гачев пишет: «Сравните равнинный народ, Россию, например. Это же космос переселения: нагрешил здесь — переехал туда, никто тебя не знает и все списано... Но сколько мы имеем случаев: нагрешил где-то на Дальнем Востоке, а потом живет себе в Центральной России и возделывает на пенсии свой вольтеровский садик. В Грузии (т. е. в горах. — К. У.) такое невозможно. Человеку некуда деться. Ему жить там же, где и грех совершил, — всему здесь и память... Равнинные народы могут быть беспамятны: рвется традиция через переселение или кочевье, напряжение греха ослабляется. Ни у него нет долга совести, ни у меня долга отмищения. А в горах — вендетта. Никуда не девается добро и зло, действует их накопленная энергия»².

Таким образом, среда обитания каждого народа находится в нерасторжимом единстве, переплетении с его характером, физическим обликом. Другими словами, природа творит характер каждого народа во всех его проявлениях. По сравнению с широкими просторами равнины, в горах народ загнан в «узкие рамки» своего существования и его нравственность на виду у всех. Здесь

¹ Лермонтов М. Ю. Сочинения. М., 1988. Т. 1. С. 612.

² Гачев Г. Национальные образы мира. М., 1988. С. 417, 418.

каждый шаг человека находится под контролем общества. Поэтому здесь выработаны особые правила поведения людей, которые учитывают особенности этого необычного их Космоса. У адыгов (черкесов) его имя — «адыгэ хабзэ» (адыгский этикет). С этим понятием тесно связано другое: «адыгагъэ», что означает «человечный». Произошло от слова «адыгэ» (адыги) + «гъэ» (суффикс), в целом же в адыгском языке это означает — «высоконравственный человек, следующий требованиям адыгского этикета». И если хотят человека пристыдить, то обращаются к нарушителю адыгского этикета: «Уадыгэкъэ уз?» (Ты разве не адыг?), т. е. здесь обращение переводится так: «Ты разве не человек?». В этой связи корреспондент лондонской газеты «Таймс» Дж. А. Лонгворт, побывавший с Дж. Беллом в 1839 г. в Черкесии, писал, что общепризнанные нормы поведения оказывают здесь в целом самое благотворное влияние и они полностью отличаются от тех, которые существуют в любой другой стране мира¹. По этому поводу следует отметить, что культура каждого этноса выражается в его поведении. А оно целиком и полностью зависит от среды обитания каждого народа. Более того, от ландшафта зависит не только жизнедеятельность этноса, но и животных. Человек, как разумное существо, через свою культуру вырабатывает определенный стереотип поведения. В существовании этой тесной диалектической взаимосвязи между ландшафтом и его обитателями, растительного и животного мира, еще раз убеждаешься, когда видишь, что даже один и тот же вид животного, растительного мира и один и тот же народ, стало быть, этнос в различных природно-климатических условиях обладают различной формой жизни. Эту неоспоримую взаимосвязь очень тонко подметил Л. Н. Гумилев. Было уже доказано, что природная форма существования вида *homo sapiens* — этнос, и различие этносов между собой определено не расой, языком, религией, образованностью, а только стереотипом поведения, являющимся высшей формой активной адаптации человека в ландшафте. Разнообразие ландшафтов — вот причина удивительной этнической мозаичности антропосферы. А так как этнические карты составлялись издавна, то по сути дела они отражали разнообразие типов поведения, значит, и ландшафтов. Он также отметил,

¹ Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XI вв. (Далее АВКИЕА). Нальчик, 1974. С. 558.

что поведенческие стереотипы меняются не только в пространстве, но и во времени¹. Поэтому культура каждого народа во многом меняется на протяжении веков. Это высказывание ученого подтверждает тот факт, что равнинные народы чаще меняют свое место жительства и по этой причине их культура, стереотипы поведения меняются быстрее и чаще. А поскольку горцы вообще не меняют своего места жительства, их культура, стиль поведения более постоянные. Именно эта взаимосвязь послужила главной причиной того, что традиционная культура горцев, в том числе и адыгов (черкесов), и балкарцев сохранилась до сих пор, несмотря на непрерывные разного рода воздействия на нее на протяжении столетий. Липким подтверждением является то, что от среды обитания, ландшафта всецело зависят и культура, и образ жизни, и даже физическое состояние. Это заметно, когда обращаешь внимание на особенности заболеваний того или иного этноса, в том числе и горцев, — у последних были и есть свои «собственные» болезни. Например, в горах, особенно в условиях Кабардино-Балкарии, распространена болезнь питовидной железы из-за низкого содержания йода в питьевой воде. В этой связи еще в прошлом столетии офицер Генерального штаба Российской империи Иоганн Бларамберг, который бывал на Кавказе и внимательно изучал быт, нравы черкесов, писал, что основные болезни среди черкесов, как и вообще среди горских народов, — это офтальмия и катаракты, которые ведут к слепоте. Эти болезни следует приписать рефракции солнечных лучей летом во время большой жары в горах, покрытых снегом, что ведет к ослеплению и воспалению глаз у населения. Время от времени территория, населенная черкесами, подвергается также эпидемиям лихорадки и чумы. Чуму к черкесам постоянно заносят турки... Черкесы не знают болезней, происходящих от праздной и беспорядочной жизни².

Следует также отметить, что даже произношение звуков, язык у горцев особенный. И это тоже соответствует условиям их обитания, образу жизни. И. Бларамберг отмечал, что у кабардинских князей есть также свой особый язык, на котором они говорят только между собой³. А Генрих-Юлиус Клапрот, русский академик, немец по

¹ Гумилев Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М., 1993. С. 5.

² Бларамберг И. Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992. С. 95, 96.

³ Там же. С. 124.

происхождению, который бывал на Северном Кавказе дважды и хорошо знал быт адыгов (черкесов), писал, что основными занятиями черкесов являются война, охота и разбой, и те из них, кто в этом преуспевает, пользуются большим почетом. В своих разбойничьих набегах они пользуются тайными языками, которые составлены по взаимному соглашению. Самые употребительные: «шакобше» (ш'агъыбзэ) и «фаршибше» (фэрыш'ыбзэ)¹. Кроме них были и другие тайные языки, как, например, «зек'уэбзэ» (язык наездника), «щак'уэбзэ» (язык охотника), «х'уэрыбзэ» (поучительно-иносказательный язык).

Интересную взаимосвязь того или иного этноса с окружающей средой подметил Л. И. Гумилев. В частности, он пишет, что любой этнос имеет в основе этой взаимосвязи собственную закономерность: вспышка энергии, расширение ее в пространстве, инерция и затухание, а в пределе — равновесие с окружающей средой. В географическом аспекте этнос в момент своего возникновения — популяция, т. е. группа пассионарных особей, приспособившаяся к определенному региону к своим потребностям и одновременно сама приспособившаяся к ландшафту этого региона. Но момент рождения краток, появившаяся на свет общность должна немедленно сложиться в систему с разделением функций между ее членами, в противном случае она будет уничтожена соседями. Для самосохранения она быстро вырабатывает социальные институты, характер которых в каждом отдельном случае запрограммирован обстоятельствами места (географическая обусловленность) и времени (стадия развития человечества как гиперэтнуса). Именно потребность в самоутверждении обуславливает быстрый рост системы, территориальное расширение и усложнение внутриагглюмерационных связей. Даже при снижении жизнедеятельности этноса ниже оптимума социальные институты продолжают существовать, иногда переживая создавший их этнос. Так, римское право прижилось в Западной Европе, хотя античный Рим и гордая Византия превратились в воспоминание. При этом надо иметь в виду, что максимум, равно как и минимум пассионарности² отнюдь не

¹ Генрих-Юлиус Клапрот. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 270.

² Пассионарность — форма энергии, которая стимулирует процессы его этногенеза.

благоприятствует процветанию жизни и культуры. Пассионарный перегрев ведет к жестоким кровопролитиям как внутри системы, так и на ее границах, в регионах этнических контактов. И наоборот, при полной инертности и вялости населения какой-либо страны, когда уровень пассионарности приближается к нулю, теряется сопротивляемость окружению, этническому и природному, а это всегда – кратчайший путь к гибели¹. Если посмотреть с этих позиций на историю и культуру адыгского (черкесского) этноса, то напрашивается вывод о том, что на протяжении тысячелетий его жизненного пути пассионарный перегрев сменялся не один раз пассионарной инертностью и это послужило главной причиной взлетов и падений в его укладе жизни и культуре. Именно пассионарный перегрев этноса на повторных этапах его истории послужил причиной непрерывной междоусобицы среди адыгских (черкесских) племен и массового самоуничтожения, а когда пассионарность подходила к нулевой отметке, то эти народы становились легкой добычей пришлых племен и народов, которые не только беспощадно уничтожали их, но и вытесняли с их исторической территории. Все это отбрасывало адыгов (черкесов) на десятки лет назад в развитии экономики и культуры. Здесь следует отметить, что именно по этой причине адыги (черкесы) разобщены и разбросаны по всему миру. Даже у себя дома, на своей исторической родине, они оказались в четырех административно-территориальных единицах Российской Федерации, и в этих условиях культура и экономика ветвей одного этноса развиваются каждая отдельно, что отрицательно влияет в конечном итоге на судьбу данного народа.

Однако нельзя не обратить внимания на один очень важный аспект пассионарности адыгского народа. Дело в том, что адыги (черкесы), всегда занимая самые удобные и в географическом, и в природно-климатическом отношениях территории, испытывали на протяжении своей истории давление извне со стороны других народов и племен. И ради самосохранения этот этнос должен был выработать такие социальные институты, которые соответствовали бы этим условиям его жизни. Именно из-за потребности в самоутверждении и самосохранении адыгского (черкесского) этноса в периоды, когда его пассионарность подходила к оптимальному уровню, была

¹ Гумилев Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М., 1993. С. 8–10.

выработана одна из самых уникальных социальных систем в истории культуры народов — «адыгэ хабзэ», о чем мы уже говорили. В периоды наибольшего расцвета этот этнос не только подчинял себе в той или иной степени многие соседние народы, но и к последним проникали многие элементы адыгского этикета. Жизнеспособность этой социальной системы заключается в том, что она охватывает фактически все сферы и аспекты жизнедеятельности людей и их взаимоотношений. И поэтому не случайно она до сих пор сохранилась с небольшими видоизменениями, которые являются отражением сегодняшнего времени, и еще служит одной из важнейших составных частей в культуре ее создателя и носителя. Именно традиционная культура адыгов (черкесов) позволила выжить этому народу в условиях постоянной агрессии со стороны многих народов в сравнительно ограниченных территориях обитания. Более того, как было сказано выше, все, кто сталкивался с адыгами (черкесами) и «оседал» по соседству с последними, переняли многое из культуры, образа жизни адыгов.

В жизни большинства кавказских горцев мы не встречаем тех многосложных, в высшей степени щепетильных отношений, условных знаков приличия — торжественности и принужденности, которыми было опутано высшее общество адыгов. Так называемый черкесский дворянский обычай (уэркэ хабзэ) ни в чем не уступал известным десяти тысячам китайских церемоний. Обычай, манеры, даже костюм и конская сбруя у адыгов были издавна для остальных горских народов предметом усердного подражания и заимствования. Самые значительные из них по численности и устойчивости своих племенных преданий сильно подчинились рыцарско-аристократическому влиянию адыгов. Высшие сословия их переняли у последних не только образ жизни, но и предпочитали адыгский язык родному. Они так же усердно желали казаться черкесами, как еще недавно иные русские хотели преобразиться во французов¹. Но развитие адыгов (черкесов) шло гладко тогда, в те эпохи, когда наблюдалась у них фаза пассионарного подъема. Хронологически такими фазами можно выделить несколько последних этапов. Первым периодом такого подъема можно отметить, например, IV—III тысячелетия до н. э. Именно в этот период хатты, синдо-меотские племена — предки

¹ *Каламбий*. Записки черкеса. Нальчик. 1988. С. 222, 223.

абхазо-адыгов — достигают значительных успехов во всех сферах жизни, в том числе культуре. К III тысячелетию до н. э. древнейшие предки абхазо-адыгов: хатты, каски, синды, меоты — уже занимают обширные территории от современной Турции до Чечни и достигают значительных успехов в своем развитии, в том числе в области культуры. Именно к III тысячелетию до н. э. складывается на этом огромном пространстве знаменитая Майкопская культура. Но с конца III до II тысячелетия до н. э. происходит затухание этой культуры и начинается процесс распада общеабхазо-адыгского этноса, значит, и языка.

С конца II до I тысячелетия до н. э. опять начинается пассионарный подъем у предков адыгов. В этот период на Северо-Западном Кавказе сформировалась Прикубанская культура, а на Центральном Кавказе — Кобанская. Их создателями и носителями были предки адыгов. В середине первого тысячелетия до н. э. создается Синдское рабовладельческое государство. Первые века нашей эры характеризуются в истории и культуре этих народов пассионарным «перегревом», когда в результате избыточной энергии и под мощным влиянием внешних факторов (вторжение на их территории кочевников) разрывается этническая система. На фоне разрыва этого единства (примерно с IV в. н. э.), после гуннского нашествия в синдо-меотских племенах происходит значительный раскол, образуются самостоятельные союзы — абхазский, зихский и чуть позже — касожский. Вместе с единством предками абхазо-адыгов была утрачена значительная часть их культуры. Немалая часть их исконной территории была занята чужими народами. Вклиниваясь между родственными племенами, последние разрушали единство жизни, культуры и углубляли процесс обособления единого в прошлом этноса. Следующей фазой относительного пассионарного подъема у абхазо-адыгов можно считать период примерно с X по XVI в., когда наблюдается укрепление могущества восточных адыгов (кабардинцев) и в той или иной степени подчинение им соседних народов. В этот период переживают подъем своего развития также западные адыги и абхазы. В частности, в VII–VIII вв. создается Абхазское царство¹. С XVI по XIX в. включительно в истории этих народов наблюдает-

¹ Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы. Сухуми, 1965. С. 130.

ся пассионарный «перегрев». В этот период более наглядна междоусобица, и под мощным воздействием внешних факторов (Русско-Кавказская война) эти народы не только окончательно разобщаются, но уменьшается их численность в результате геноцида в десять с лишним раз, а некоторые в прошлом могущественные и многочисленные адыгские племена, уничтожаются почти поголовно. Оставшиеся в живых их представители изгоняются со своей исторической родины в чужие края. Все это нанесло непоправимый урон культуре этих народов. XX в. также оставил в истории и культуре адыгов (черкесов) свои изломы и особенности. Надлом этногенеза, как писал Л. Н. Гумилев, — это период после энергетического, или пассионарного, перегрева, когда система идет к упрощению. Для поддержания ее не хватает искренних патриотов, а эгоисты и себялюбцы покидают дело, которому служили их отцы и деды¹. Эти слова ученого, безусловно можно, отнести ко многим адыгским (черкесским) чиновникам XIX и XX столетий, если проследить политику, проводившуюся ими в течение многих лет по отношению к своей культуре, особенно традиционной, которая была создана их далекими предками и служила верным средством воспитания подрастающего поколения, регулирования взаимоотношений людей, поддержания гармонии между ними и средой обитания.

Таким образом, традиционная и материальная культура адыгов и балкарцев, как и любого народа, целиком и полностью зависит от среды их обитания. Она формировалась под ее непосредственным воздействием.

ЛИТЕРАТУРА

Белик А. А. Культурология. Антропологические теории культур. М., 1998.

Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.

Берже Ад. Краткий обзор горских племен на Кавказе. Нальчик, 1992.

Библер В. С. Мышление как творчество. М., 1975.

Бларамберг И. Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992.

Гачев Г. Национальные образы мира. М., 1988.

Гумилев Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М., 1993.

Давидович В. Е., Жданов Ю. А. Сущность культуры. Ростов н/Д. Изд-во Ростовского университета, 1979.

---

¹ Гумилев Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М., 1993. С. 89.

- Емельянов Ю. М. Введение в культурологию. СПб., 1992.
 Научная мысль Кавказа. № 1. 1995.
 Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы. Сухуми, 1965.
 История Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1995.
 Кабардинские пословицы. Нальчик, 1965.
 Каламбий. Записки черкеса. Нальчик. 1988.
 Кант И. Сочинения. М., 1949. Т. 2.
 Культурология /Под науч. ред. Г. В. Драча. Ростов на/Д.
 Кун Н. А. Легенды и мифы древней Греции. Владикавказ, 1993.
 Лермонтов М. Ю. Сочинения. Т. 1. М., 1988.
 Лонгворт Дж. А. Год среди черкесов//АВКИЕА. Нальчик, 1974.
 Н. А. Бердяев о русской философии. Свердловск, 1991.
 Нарский И. С. И. Кант. М., 1976.
 Нарты: Кабардинский эпос М., 1953.
 Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1994.
 Орлова Э. А. Введение в социальную и культурную антропологию. М., 1992.
 Освальд Шпенглер. Закат Европы. Новосибирск, 1993.
 Основы этнографии. М., 1968.
 Шарден Пьер де Тейяр. М., 1987.
 Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993.
 Унежев К. Х. Феномен адыгской (черкесской) культуры. Нальчик, 1997.
 Хан-Гирей. Черкесские предания. Нальчик, 1989.
 Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1947.
 Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека. М., 1979.

КУЛЬТУРА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ АДЫГОВ И БАЛКАРЦЕВ

- § 1. *Поселения и жилища адыгов и балкарцев.*
- § 2. *Одежда адыгов и балкарцев.*
- § 3. *Традиционная пища адыгов и балкарцев.*

§ 1. Поселения и жилища адыгов и балкарцев

Как было сказано выше, Северный Кавказ является одним из регионов нашей планеты, где люди живут с древнейших времен, а именно с периода палеолита (древнекаменного века). Его богатая флора и фауна всегда привлекала людей. Особенности рельефа, природно-климатических условий и местоположение края на перепутье между Европой и Азией, на границе степей, служивших в течение тысячелетий торной дорогой кочевников, двигавшихся с востока на запад и с севера на юг, оказали решающее воздействие на формирование этнического состава края. Археологические материалы, найденные в различных районах края, свидетельствует о том, что, как и в других регионах планеты Земля, на ранних этапах истории Северного Кавказа, т. е. в эпоху палеолита, жилищем древнейшему человеку служили главным образом естественные пещеры и скальные навесы. Наряду с пещерами и скальными навесами были и примитивные, используемые человеком укрытия, типа шалаши и навеса, которых в горах было множество.

Временные стойбища, пещеры и легкие наземные шалаши и навесы были характерны для Северного Кавказа вплоть до последнего этапа палеолита (верхнего палеолита – 40–12 тыс. лет до н.э.).

В эпоху неолита, в связи с возникновением земледелия и скотоводства, у людей появляются первые постоянные поселения. Такие поселения были обнаружены в окрестностях Нальчика (Агубековское поселение и Нальчикский могильник). Но следует отметить, что население, жившее в этом регионе в тот период, еще не было знакомо с земледелием. К нему оно переходит позже – в эпоху металла. Такое «раннеметаллическое» поселение было обнаружено в районе Долинска. Здесь от-

крыты стоянки с наземными постройками прямоугольной формы, сооруженные из жердей и прутьев, обмазанных снаружи глиной (турлучная техника). При этом в Долинске стены были выстроены из двух рядов плетня, засыпанных внутри землей вперемешку с рубленой соломой. В каждом жилище имелись очажные ямы и ямы для хранения зерна. Жилища были расположены на некотором расстоянии одно от другого без какого-либо заметного порядка.

К периоду неолита относятся во многом еще представляющие загадку своеобразные каменные погребальные домики-дольмены, встречающиеся в большом числе в различных районах Северного Кавказа. По своему назначению дольмены — это действительно специфические культовые погребальные сооружения, но в некоторых своих чертах они отражают форму жилища оставившего их населения. Особенности жилой архитектуры подсказаны, по-видимому, двухкамерная планировка некоторых дольменов и устройство входных отверстий, образованных выступами боковых стен и нависающей сверху плитой перекрытия, напоминающей козырек, — все это как бы имитирует устройство навесов-галерей перед входом в жилище, столь характерных для архитектуры южных районов.

Еще француз Жак-Виктор-Эдуард Тебу де Мариньи (1793–1852), который служил в русской армии и несколько раз посетил западных адыгов, в своем дневнике «Путешествие в Черкессию» писал, что у них «имеется несколько строений, которые я осмотрел: их всего шесть, и они показались весьма старинными; каждое из них выстроено из каменных плит, четыре из которых составляют в форме параллелограмма, и пятая сверху, в виде перекрытия, выступающего над вертикальными гранями. Эти оригинальные сооружения имеют двенадцать футов¹ в длину и девять в ширину. Плита, представляющая собой фасад, отступает на аршин в глубину, образуя таким образом нечто вроде открытого вестибюля»².

В условиях распада патриархально-родовых устоев и постоянных вторжений кочевых скифских, сарматских и иных племен возникла объективная необходимость создания укрепленных поселений, которые были обнесены

¹ Фут — от англ. fut (нога). Один фут равен 30,479 см.

² Казанов Х. М. Культура адыгов (по свидетельствам европейских авторов). Нальчик, 1993. С. 67.

высокими земляными валами и рвами. Поверх валов на некоторых городищах имелись дополнительные укрепления, которые состояли из двух рядов плетня, засыпанного внутри землей. Они предназначались для сдерживания конницы нападавших. В других случаях вокруг поселений возводили более надежные стены из камня. Укрепленные городища и турлучные дома с основой из двух или одного ряда плетня либо из связок камыша были обнаружены во многих местах проживания адыгов. Многие из домов на городищах Таманского полуострова были покрыты обожженной черепицей. Это говорит о влиянии греческих городов-колоний Боспорского царства и существовании оживленных торгово-экономических связей между греческими поселенцами и адыгскими племенами. По мнению авторитетных ученых, о греческом влиянии на последних говорит и тот факт, что адыги также использовали в скифо-сарматский период в качестве кладочного материала сырцовый (саманный) кирпич.

Адыгская родо-племенная знать под влиянием греков строила свои дворцы и замки из тесаного и колотого камня. Были обнаружены дворцы площадью более 458 кв. м, где были полы, выложенные каменными плитами, и внутренние дворики с колодцами. Даже в период средневековья у адыгских племен еще встречались каменные укрепления и замки, с помощью которых адыги отстаивали свою независимость.

Жилище из камня в раннем средневековье бытовало во многих регионах проживания адыгов. Один такой дом был раскопан Б. Е. Деген-Ковалевским на городище (к'алажь.— К. У.) VI—VIII вв. у современного селения Заюково Баксанского района КБР. Постройка имела площадь около 60 кв. м, стены его, сложенные насухо из булыжника, снаружи были обмазаны известью, смешанной с глиной, пол был выложен галькой и щебнем. Жилище состояло из двух или трех жилых помещений, в большем из которых, у задней стены, находился углубленный очаг, обложенный керамической плиткой. Другой очаг находился в меньшей комнате. Кроме этого, во дворе неподалеку от жилища обнаружена яма-печь в форме усеченного конуса, обращенного широким основанием вниз. Глубина ямы — 1,5 м. Б. Е. Деген-Ковалевский сравнивает ее с закавказским тондыром. Ближайшее жилище от этого дома находилось на расстоянии 100 м,

что свидетельствует о свободной, разбросанной планировке всего поселения¹. Но следует отметить, что некоторые исследователи (Е. И. Крупнов и Л. И. Лавров) допускают существование каменных домов в местах проживания адыгов еще в эпоху бронзы.

Уровень зодчества не был одинаковым у народов Северного Кавказа, даже у самих адыгских племен. Более высокого уровня достигли те адыгские и другие местные племена, которые непосредственно соприкасались с греческими колониями; напротив, предки адыгов, даже их соплеменники, которые проживали в горной полосе, не достигли такого уровня в строительном деле. Если еще в античную эпоху у многих племен — предков адыгов, которые проживали в равнинной и предгорной части Северного Кавказа, имелись постоянные постройки и жилища, то в эту же пору, в непосредственной близости от них, в степных районах обитали бесчисленные орды кочевников: скифов, сарматов (в т. ч. алан), булгар, хазар и множество других кочевых племен, у которых бытовали совершенно другие формы передвижного жилища. Это имело место до тех пор, пока они не перешли к оседлому образу жизни и многие из них не смешались с местными племенами. В частности, у скифов и сарматов-алан была распространена в качестве жилища передвижная кибитка на колесах.

Лукиан Самосский писал, что беднейшие из скифов именовались «восьминогими», т. к. владели только одной парой быков и одной повозкой. Как отголосок этой далекой эпохи в жизни народа, у осетин до сих пор сохранилась поговорка: «Беден, но с арбой». Аммиан Марцеллин (вторая половина IV в.) говорит об аланах, что «у них не видно ни храмов, ни святилищ, нигде не усмотреть у них даже покрытых соломой хижин», но они «живут в кибитках с изогнутыми покрышками из древесной коры и перевозят их по беспредельным степям... Придя на изобильное травой место, они располагают в виде круга свои кибитки, а истребив весь корм для скота, они снова везут свои, так сказать, города, расположенные на повозках»². Круговое расположение кибиток и повозок переняли позже и кабардинцы.

В период средневековья у адыгов бытовали в каче-

¹ Кобычев В. П. Поселения и жилища народов Северного Кавказа в XIX–XX вв. М., 1982.

² ВДИ. 1949. № 3.

стве жилища круглые хижины с плетеными цилиндрическими стенами, обмазанными глиной, с конусообразной, покрытой соломой крышей. Петр Симон Паллас (1741–1811) в своей работе «Заметки о путешествиях в южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 гг.» писал, что черкесы занимают место для поселения следующим образом: когда поблизости нет воды, они проводят ее к себе из наиболее близкого ручья по каналу, устраивая маленькие плотины, которые строят с таким же искусством, как крымские татары. Они строят свои дома близко один к другому, одним или несколькими кругами или четырехугольниками, таким образом, что внутреннее пространство представляет собой общий скотный двор, имеющий лишь одни ворота, а дома, окружающие его, служат как бы для его охраны. Дом узденя (или князя), обычно стоящий особняком, заключает в себе ряд отдельных четырехугольных помещений. В отличие от многих народов, особенно кочевников, адыги большое внимание обращали вопросам личной гигиены. Они строили специальные туалеты. Паллас также писал, что они строили уборные, рассеянные в поле, вырытые в земле под глиняными хижинами круглой формы. Он далее пишет, что дома представляют собой удлиненные четырехугольники от 4 до 5 сажен длины и немного более полутора сажен ширины, плетеные из ветвей, густо обмазанных глиной. Крыши плоские, сделанные из легких строил и покрытые камышом.

Следует при этом отметить, что адыги и балкарцы всегда строили дома с отдельными комнатами для женщин и мужчин. Это обязательное условие. Паллас тоже заметил это и писал, что каждый дом состоит из большой комнаты для женщин и смежной комнаты для рабынь и девушек. Одна из дверей комнаты выходит на улицу; другая, расположенная в одном из углов налево от входа, выходит во двор. Внутри, у наружной стены устроен плетеный, но обмазанный глиной очаг с дымоходом и короткой трубой. Около камина в том конце комнаты, где находится выход во двор, устроена широкая скамейка для спанья или диван с резными ручками, покрытый хорошими коврами и подушками, и около него окно на улицу. Над диваном и по всей стене висит на кольпках различная женская одежда, платья и меховые вещи. Он также подчеркивает, что мужчина живет обычно в отдельном помещении и не любит при чужих пока-

зываются у жены. Они живут в своих селениях и домах очень чисто и плотно; они соблюдают чистоплотность также в своей одежде и в приготовляемых кушаньях¹. Одной из особенностей жилищного строительства у адыгов является тот факт, что они всегда строили специальные отдельные помещения только для гостей («хьэццэц» — кунацкая).

Известный польский путешественник Ян Потоцкий писал, что там (в Черкесии. — К. У.) «имеются отдельные помещения, предназначенные для того, чтобы селить там путешественников»².

Утверждение некоторых авторов, что якобы кабардинцы и другие адыгские племена были кочевниками и не имели постоянных поселений и жилищ, не соответствует действительности. Ни кабардинцы, ни адыгейцы, ни чеченцы, ни ингуши, ни осетины в период средневековья не были кочевыми народами. Все они имели свои четко очерченные пахотные и пастбищные земли, в пределах которых они передвигались по необходимости. В этой связи М. Пейсонель писал: «Черкесы кочуют, не выходя, однако, за пределы своего племени»³. Постоянные феодальные междоусобия и внешняя опасность со стороны пришлых кочевых племен явились одной из главных причин исчезновения в позднем средневековье городов, которые были у адыгов еще с периода античности.

Археологическими раскопками, проведенными на территории Кабарды и Черкесии, открыто более 120 ранне-средневековых городищ, окруженных в свое время мощными земляными валами и каменными стенами. Большая часть раннесредневековых городищ была уничтожена в XIII–XIV вв. Они переживают даже короткий период расцвета, но в позднем средневековье жизнь замирает и в них, после того как вместе с падением Золотой Орды в Предкавказье исчезает централизованная власть и воцаряется хаос феодальной раздробленности и анархии⁴. Иными путями развивалось жилищное строительство в горах, в т. ч. в Хуламском, Безенгийском, Черекском уще-

¹ *Петр Симон Паллас*. Заметки о путешествиях в 1793-м и 1794 г.

² *Казанов Х. М.* Культура адыгов (по свидетельствам европейских авторов). Нальчик, 1993. С. 67.

³ *Карл Пейсонель*. Трактат о торговле на Черном море.

⁴ *Кобычев В. П.* Поселения и жилища народов Северного Кавказа в XIX–XX вв. М., 1982. С. 19, 20.

льях Балкарии. Здесь от внешних врагов начинают спасаться за стенами своего жилища, которое постепенно приобретает черты укрепления. И в этот период деревянное зодчество постепенно вытесняется каменным. При этом каменные укрепления и башни строились таким образом вдоль по ущелью, чтобы с каждого замка можно было увидеть сигналы. Подобные башни встречались реже в Чегемском и Баксанском ущельях и Карачае. История поселений и жилищ, как и всей материальной культуры народа, — это его история. Значительное влияние на материальную культуру (в т. ч. поселения и жилища) оказывают социально-экономические условия жизни народа и географическая среда, где проживает тот или иной народ. В зависимости от этих условий и под воздействием внешнего фактора (нападение пришлых племен) поселения и жилища адыгов и балкарцев на протяжении веков претерпевали изменения.

К середине XIX в. наиболее распространенным типом поселений адыгов было небольшое моногенное (однофамильное) поселение, состоявшее из нескольких (не более 1–1,2 десятков) дворов, все члены которого находились между собой в прямом кровном родстве. Кабардинские населенные пункты (к'уажэ, жылэ, х'эблэ) в русских источниках XVI–XVII вв. назывались кабаками, в XVIII в. — деревнями, в XIX — начале XX в. — аулами и селениями¹. В условиях дальнейшего развития феодальных отношений за адыгскими поселениями моногенного типа закрепляется термин «х'эблэ» (адыгское — «х'абл»). Это слово происходит от слова «благ'э» — «родственник» с добавлением «хэ», обозначающего «пространство, место» (в адыгейском языке — «х'абль»). Здесь следует отметить, что Л. Я. Люлье неверно переводил слово «благ'э» как «близко», «близкий», хотя это слово переводится и так. Но в данном случае, на наш взгляд, «благ'э» надо переводить как «родственник», а не как «близкий», слово, имеющее пространственное значение. Тем более что речь идет о моногенном типе.

С XIX в. у кабардинцев уже начинают преобладать полигенные (многофамильные) селения, принадлежавшие различным княжеским фамилиям, которые были разбиты поквартально. И слово «х'эблэ» начинает приобретать новое значение. Если раньше «х'эблэ» означало в

¹ Мамбетов Г. Х. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1997. С. 59.

целом селение, то при полигенном типе селения оно означает «квартал», который назывался по фамилии владельца этого квартала. В середине XIX в. 39 селений Большой Кабарды из 40 населенных пунктов принадлежали Атажукиным и Мисостовым, 36 признавали власть князей из рода Кайтукиных и Бекмурзиных; 17 малокабардинских селений находились под властью потомков княжеской фамилии Бековичей-Черкасских. Тип владельческого поселения был и у западных демократических племен адыгов: абадзехов, шапсугов, натухайцев. Крупные полигенные соседско-территориальные и владельческие поселения назывались у адыгов «к'уажэ», «жылэ» (адыгейские «к'уаж», «ч'ылэ»). В предгорных районах, прилегающих к степной зоне, всегда существовала опасность внезапных нападений со стороны тюркских племен, и это заставляло адыгов селиться в больших селениях с общей оградой.

Крупные полигенные поселения имели место и в балкарских обществах. Об этом свидетельствует тот факт, что в середине XIX в. в некоторых балкарских селениях насчитывалось в среднем 50–80 дворов. Это подтверждают и народные предания, согласно которым основателями большинства балкарских селений выступают одновременно несколько фамилий. Так, например, основателями селения Эски Безенги (Старое Безенги) считаются четыре фамилии: Холамхановы (две семьи), Чочаевы, Рахаевы, Боттаевы (последние три по одной семье); первопоселенцами в сел. Булунгу в Чегемском ущелье были фамилии Акаевых и Таппасхановых и т. д.¹

В конце XIX в. в большинстве балкарских населенных пунктов имелось немногочисленное количество дворов. Например, в 1889 г. из 68 балкарских населенных пунктов только в четырех имелось свыше 100 дворов: Кенделене (194), Урусбиеве (104), Чегемском (106) и Хуламском (113), в 6 – от 60–93, в 14 – от 31 до 47, в 8 – от 20 до 28, в 21 – от 10 до 20, в 15 от 1 до 10 дворов². Населенные пункты Балкарии назывались «эль», «журт». Они были разбросаны по ущельям рек Чегема, Баксана. Большинство из них располагались в горных районах. Правда, сел. Кенделен, Кап-Катау, Хабаз находились в

¹ Кобычев В. П. Поселения и жилища народов Северного Кавказа в XIX–XX вв.

² Мамбетов Г. Х. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1997. С. 62.

предгорной местности. Они были образованы в 1873–1875 гг. в результате земельной реформы, проведенной сословно-поземельной комиссией под председательством Д. Кодзокова, на отведенных ею кабардинских землях. Балкарцы, как и кабардинцы, всегда выбирали место для поселения с точки зрения хозяйственной целесообразности и безопасности. Это касается прежде всего наличия питьевой воды, близости пашни, сенокосных угодий, леса, удобств для самозащиты.

Большинство балкарских селений в ущельях расположено террасообразно. Это объясняется недостатком земли. В XIX – начале XX в. в более крупных балкарских населенных пунктах, как и в кабардинских, сохранялось деление на кварталы (тийре), каждый такой квартал имел даже свое кладбище. Одно из отличительных черт названий балкарских населенных пунктов то, что большинство из них, за исключением сел. Жабоево, Глашево, Темирхановское и Урусбиево, не носили названия своих владельцев, как это имело место в Кабарде. Это говорит о меньшей степени феодализации Балкарии в конце XIX в., нежели в Кабарде.

В результате Русско-Кавказской войны царское правительство разрушает хозяйственно-территориальное устройство адыгов, в т. ч. Кабарды. Были снесены все укрепления, которые имелись в населенных пунктах, были разрушены усадьбы («щлапIа»), которые имели определенную планировку. Они стали разбросанными. До этого они располагались замкнутым кругом или квадратом, имели один общий скотный двор с различными хозяйственными постройками. В отличие от кабардинцев, которые не испытывали проблем с земельной площадью, балкарцы в условиях чрезвычайной ограниченности земель располагали свои жилища вблизи усадеб («юй орды»). Многие из них были безусадебные и не имели даже двора. Например, в конце XIX в. 25 % хозяйств не имели надворных построек, около 50 % имели по одной, остальные, наиболее зажиточные семьи, имели по несколько построек¹.

Со второй половины XIX в. кабардинцы начинают строительство двухкамерных домов с оконными проемами. Двухкамерные дома различались по своей планировке: одни из них имели один вход и внутреннюю дверь, дру-

¹ Мамбетов Г. Х. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1997. С. 69.

гие – два самостоятельных входа, и, наконец, третьи – два входа и внутренние двери. Пристраивалась к дому отдельная комната с отдельным входом для молодоженов («лэгъунэ»).

Древнейшими типами балкарских жилищ являлись постройки пещерного типа и ямы с невысоким обрамлением из камня, у которых были деревянно-земляные крыши. Они сохранились вплоть до 80-х гг. XX в. в Верхнем Хуламе, Булунгу и др. населенных пунктах.

Следующим типом («юйде») было однокамерное помещение. Оно имело неправильную форму прямоугольника. Две его стены были сложены из камня, а две образованы срезом в уступе скалы. В центре помещения имелся очаг. В одной небольшой части помещения в зимнее время содержался скот. Жилое помещение отделялось от помещения для скота плетевой или каменной оградой. Вплоть до конца XIX в. в Балкарии сохранялись двухкамерные жилища, в которых одно помещение использовалось для содержания скота¹. Балкарцы наряду с турлучными домами строили и деревянные, и каменные жилища. В XX в. жилищное строительство кабардинцев и балкарцев претерпевает большие изменения. Сейчас в сельской местности строят современные дома западного типа. Это одноэтажные и двухэтажные дома со всеми удобствами. Но с учетом географических условий и традиций по обустройству своего быта между кабардинцами и балкарцами сохраняются определенные различия в жилищном и хозяйственном строительстве.

Кабардинцы и балкарцы уделяли исключительно большое внимание внутреннему убранству своего жилища. Они их содержали в чистоте, каждая вещь в помещении имело свое место. Строго осуждалась старшая женщина семьи, у которой наблюдался беспорядок в доме. Девочек с раннего возраста приучали быть опрятными и чистоплотными везде. Многие иностранные и русские авторы с восхищением говорили о том, как кабардинцы и балкарцы содержали свои жилища и как соблюдали личную гигиену.

Ян Потоцкий (1761–1815), который хорошо знал быт и нравы черкесов, писал, что общий вид жилища черкесов приятен; они стоят в ряд, окруженные оградами; чув-

¹ Мамбетов Г. Х. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1997. С. 70.

ствуется стремление содержать их в чистоте¹. А Г. Ю. Клапрот (1788–1835) писал, что «у черкесов в жилищах, в одежде и способах приготовления пищи царит величайшая чистоплотность»². Комнаты в кабардинских и балкарских домах делились на две половины: на «почетную» (жъантIэ; от башы) и «непочетную» (жыхафэ) части.

Таким образом, поселения и жилища занимают важное место в материальной культуре каждого народа, в том числе кабардинцев и балкарцев. Жилище и постройки — это «визитная карточка» каждого народа, это его «лицо». А вопросам приличия и чести наши предки всегда уделяли особое внимание.

Основные термины поселений и жилищ³

Русские	Адыгейцы	Кабардинцы, черкесы	Карачаевцы, балкарцы
1	2	3	4
Селение (полюженное)	къуадж, чылэ	къуажэ	
Квартал (многоженное поселение)	хъэбл (хъабл)	хъэблэ, жэмыхъэт	тийре, журт
Место собрания	хъэс	хасэ	ныгъыш
Усадьба	хапIэ	щIапIэжъ	юй-жер, журт
Двор	Iэгу, щагу	пщIантIэ	арбаз
Ограда, изгородь	пщIыхъагъэ, къешIэкIыгъ	бжыхъ	буруу, чалы, чалман, хуна
Ворота	къэлапчъ	куэбжэ	къабакъ эшпик
Хлев	былымэщ, Iэщ	бэкхъ	халжар
Конюшня	шэщ	шэщ, бо	от орун
Овчарня	мэлэщ, чэт	чэт	бау
Птичник	щагу бзыощ	джэдэщ	тауукъ орун
Зернохранилище	лэжыгъэ IыгъышI, лэжыгъэ гъэтIыдын	гуэн, ду	къую орун

¹ Ян Потоцкий. Путешествие в Астраханские и Кавказские степи.

² Казанов Х. М. Культура адыгов (по свидетельствам европейских авторов). Нальчик, 1993. С. 185.

³ Кобычев В. П. Поселения и жилища народов Северного Кавказа в XIX–XX вв. М., 1982. С. 193.

1	2	3	4
Мельница	щъхъалы	щхъэл	тирмен
Помощь при строительстве	зедеҭажыны гъ	щҭыхъэху	изеу, маммат
Дом, жилище, комната	унэ	унэ	юй
Комната для супругов	лэгъунэ	лэгъунэ	отоу
Кунацкая гостинная	хъакҭэщ	хъэщҭэщ	къонакъ юй
Кладовая	гъэтҭылтыпҭэ	гъэтҭылтыпҭэ	гуму
Крыша	шхъэ, унашхъэ	унашхъэ	джарма, шорбат
Галерея, навес	бгъагъэ	хъэщпакъ	жапма, джтма (жатма)
Стена	унэ лэпкъ	блын (блын джабэ)	къабыргъа
Дверь	пчъэ	бжэ	ашик (эшик)
Порог	пчъэшъау, пчъэҭу	бжэщхъэҭу	босагъа
Окно	шхъангъупчъ	щхъэгъубжэ	терезе
Фундамент	лъачҭэ	унэлъабжэ	тамал таш, мур- дор
Центральный столб в жи- лище			багъана
Матица	бгыкъу	бгыкъу	агъырыкъ
Очаг, камин	джэныкъу	жъэгу	ожакъ
Дымарь	ҭугъоикҭыпҭ, хъькушхъэищ	уонджакъ	ожакъ
Надочажная цепь		лъахъш	от шынжыр
Печь для выпечки хлеба	къаку	хъаку	печка
Лежанка	пҭэкҭор	гъуэлъыпҭэ	орундукъ
Скамья	пхъэнтҭэкҭу кҭыхъ	шэнт кҭыхъ шэнт жъей шэт, шэнт	кётюртме шин- тик, тырхык алаша шинтик
Низенькая скамья			
Трехногий столик	ҭанэ	ҭанэ	тепсе
Сундук	пхъуант	пхъуантэ	кюбюр
Люлька	купгъэ	гушэ	бешпик

§ 2. Одежда адыгов и балкарцев

Часто слышишь споры между различными людьми по поводу вопроса: «Человек сперва оделся и построил жилище или наоборот?» Одни утверждают, что древнейший человек сперва начал прикрывать свое тело, а затем догадался, что необходимо строить жилище, другие утверждают, что человек сперва начал строить жилище, затем — одеваться. На наш взгляд, древнейшие люди к необходимости пришли одновременно строить жилище и изготавливать различные виды одежды. Правда, те и другие были самыми примитивными, как и орудия труда, которыми пользовались люди.

На протяжении тысячелетий менялся образ жизни, человек шаг за шагом осваивал природу и лучше познавал самого себя, совершенствовал орудия труда, обустривал свою жизнь. Словом, совершенствовался сам человек, его интеллект и одновременно совершенствовалось качество его жизни. Одежда как важнейший элемент материальной культуры всегда стояла в центре внимания самого человека, ибо она является весомым показателем уровня жизни. На протяжении всей истории человечества она постоянно менялась, что всегда зависело от природно-климатических условий жизни того или иного народа. Одевание также должно соответствовать условиям его жизни, т. е. образу жизни. Одежда того или иного народа — это его образ жизни, образ мышления, даже, если угодно, его философия. Как не похожи один на другой народы, так же различается их национальная одежда. Но чтобы в одной географической среде у различных народов — почти единая форма национальной одежды... (!)

В этом плане Северный Кавказ является настоящей живой лабораторией. Северный Кавказ не только «страна гор», но и «гора народов», стало быть, «гора культур». Тем не менее у большинства из них, хотя они совершенно разные по своему происхождению и языку, одинаковая национальная форма одежды, или во многом сходная. Многие виды национальной одежды у разных народов Северного Кавказа имеют одинаковую форму, цвет и т. д.

Таким образом, общность среды обитания, сравнительно одинаковый род деятельности, одинаковый исторический путь развития, тесные культурные и экономические связи на протяжении веков способствовали появле-

нию общих форм духовной и материальной культуры, в том числе и в одежде. При таком бурном «диалоге» культур народов, в том числе и материальной, как правило, больше элементов остается из культуры того народа, который занимал не одно столетие доминирующее положение на этом географическом пространстве. Более того, это касается и духовной, и материальной культуры. Поэтому не случайно многие элементы адыгской национальной культуры в т. ч. и материальной восприняты теми народами, даже предки которых являются пришлыми.

Много общего в материальной культуре, в т. ч. и в форме национальной одежды (кабардинцев и балкарцев. Они всегда уделяли большое внимание своему внешнему виду. Всегда старались выглядеть опрятно, быть чисто, красиво и удобно одетыми. Каждый народ создавал свою национальную форму одежды в зависимости от рода его трудовой деятельности. Поэтому у горцев Северного Кавказа одежда в основном однотипна. Если взять адыгов и балкарцев, мужская одежда у них в основном одинакова. Одним из важнейших компонентов мужской верхней одежды адыгов и балкарцев была бурка. Она защищала человека от холода, снега, ветра и дождя. Во многих случаях служила ночью одеялом. По настоящее время ее носят многие животноводы. Она очень удобна в походных условиях, в горах — легкая и теплая. Словом, незаменимая вещь в пути, когда человек вне домашних условий. Были бурки для пеших и для всадников. Как правило, для пеших бурка была более короткой, чтобы не мешала ходьбе. Носили ее на левом плече, чтобы разрез приходился на правую сторону и правая рука могла свободно двигаться. В случае сильного ветра и в пути на коне буркой накрывали обе руки. Бурка получила широкое распространение не только среди адыгов, балкарцев и остальных горцев Северного Кавказа, но и среди казачества. Бурку с удовольствием носили многие русские генералы и офицеры; многие европейцы, которые бывали на Северном Кавказе, отмечали, что без бурки невозможно представить себе горца-мужчину. Ее надевали в любое время. Летом она спасала от жары. Она укрывала не только всадника, но и лошадь. В случае необходимости ее сворачивали в виде цилиндрического валика и привязывали к задней луке седла с помощью специальных ремешков.

Учитывая, что бурка получила широкое распростра-

нение и пользовалась широким спросом среди всех слоев населения, ее производство в Кабарде и Балкарии было налажено на самом высоком уровне. Кабардинские и балкарские мастера (ими, как правило, были женщины) достигли большого искусства в ее изготовлении. У кабардинцев бурочное ремесло занимало одно из важнейших мест в их жизни и являлось национальным видом деятельности. Кабардинские бурки отличались легкостью и прочностью. Вот что писал еще в середине XIX в. Т. Г. Баратов по этому поводу: «Кабардинцы делают бурки превосходные, легкие, непромокаемые». «Одно название — «кабардинская бурка», — отмечал В. П. Пожидаев, — являлось в значительной степени гарантией прочности и красоты этого своеобразного горского одеяния».

Бурки изготавливали из первоклассной шерсти осенней стрижки¹. Были они в основном черного цвета, но состоятельные слои населения носили и белого цвета. Пастухи и чабаны носили специальные войлочные бурки — «гуэбэнэч» (каб.), «гепекек» (балк.), которые, в отличие от обычных бурок, были короче, имели капюшон, хлястик и застегивались на несколько пуговиц. Помимо валяных бурок встречались накидки из шкур животных, главным образом, их носили простые крестьяне, пастухи, чабаны. К верхней мужской одежде адыгов и балкарцев относилась шуба. Ее шили чаще всего из овчины, которую особым образом обрабатывали вручную. Шубу изготавливали и из шкур диких зверей.

Самым распространенным видом мужской верхней одежды была черкеска, сшитая из сукна, — ее перенали многие народы Кавказа, в том числе и казаки. Черкески подгоняли по талии, поэтому верхняя часть туловища была плотно обтянута, а от талии к низу силуэт плавно расширялся за счет нижней части спинки, имеющей форму клина, и отрезных от талии боковых клиньев. Черкеску шили без воротника. На груди она имела широкий вырез, по обеим сторонам которого располагались газырницы (каб. «хъэзыр» — готовый, быть готовым. — К. У.) — нагрудные карманы с мелкими отделениями типа патронташа, в которых хранились трубочки с зарядами для оружия — газыри. Черкеска была очень удобной, легкой, из чистой шерсти. Есть предположения, что газырницы,

¹ Кабардинскую породу овец (адыгэ мэл) стригли дважды в году — осенью и весной. Именно осенняя стрижка дает наиболее ценную шерсть.

нашитые на груди, появились позднее в связи с широким распространением огнестрельного оружия. Первоначально же газыри носили в кожаных сумках, укрепленных на ремне через плечо, или на поясе. Кроме газырей, на поясе крепилось немало других предметов, через плечо на ремнях носили шашку, ружье. Надо полагать, поэтому газырницы стали нашивать на черкеску по обеим сторонам груди.

Позднее, когда газырницы прочно заняли свое место на груди черкески, их стали делать из той же ткани, что и черкеску. Число гнезд для газырей доходило до 12 шт. с каждой стороны груди. Праздничные черкески в XVIII – первой половине XIX в. адыги шили из покупного сукна разных цветов. А обычные черкески – из черного, бурого, серого домотканого сукна с более широкими рукавами¹. Зажиточные слои населения предпочитали черкески белого цвета, а крестьяне – темного. Длина черкески в основном была ниже колен. Разумеется, по своему качеству черкески князей и дворян отличались от крестьянских. Еще проще был материал, из которого шили черкески соседние народы.

Название «черкеска» до начала XIX в. упоминалось как искаженная транскрипция адыгского слова. Так, Ф. Дюбуа де Монпере называет ее «цип», Ю. Клапрот – как верхнюю одежду – «ци» и т.п. В основе этих терминов лежит слово «цей», которым до сих пор черкеску называют сами адыги. Карачаево-балкарское (тюркское) название – «чепкен» (черкеска) вошло в русский язык как «чекмень». Черкеску носили застегнутой и подпоясанной поясом, который являлся необходимой принадлежностью мужского костюма как адыгов, так и балкарцев.

Пояс изготавливали из обработанного кожаного ремешка черного цвета и металлических бляшек. Эти бляшки уже с XIX – начала XX в. делались из серебра, украшенного позолотой. Пояса были нескольких видов, с разнообразными украшениями и боковыми наконечниками. Венгерский ученый Жан-Шарль Де Бесс (1799–1838), который хорошо знал Кавказ, писал, что «одежда черкесов, перенятая в настоящее время всеми жителями Кавказа, легкая, элегантная и наилучшим образом приспособлена для езды верхом и военных походов. Они

¹ Студенецкая Е. Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII–XX вв. М., 1989. С. 16–28.

(черкесы) носят рубашки из белого полотна или тафты белого, желтого или красного цветов, застегивающиеся на пуговицы на груди. Поверх рубашки они носят куртку из вышитого шелка любого цвета, называемую «каптал», а поверх них — сюртук, длиной чуть выше колен: у них он называется «циях», у татар — «чекмень», «чиляк» или «бешмет»¹. Его носили иногда и без черкески. Простые крестьяне шили бешметы из холста, полотна, бязи, и часто служили верхней и постельной одеждой. Надевали их и на рубашку, которая существовала у богатых людей. Состоятельные люди носили бешметы, синие из атласа, шелка, фабричной шерстяной ткани.

/Нательная одежда адыгов и балкарцев была практически одинаковой. Это были рубахи и кальсоны. Рубаху шили из фабричного белого материала. Она имела туникообразный покрой и стоячий воротник. Кальсоны шили широкими и просторными, чтобы они были удобными для верховой езды или быстрой ходьбы.

Верхние штаны шили в основном из домотканого сукна или плотной ткани фабричного производства. Цвет их был темный. Балкарцы часто шили их из овечьей шкуры. Но уже в начале XX в. у зажиточных людей появляются брюки-галифе. В этот же период появляются первые пальто фабричного производства. А солдаты Первой мировой войны привезли первые шинели.

Очень распространенной верхней мужской одеждой адыгов и балкарцев являлась шуба из овечьей шкуры. Шуба, как и черкеска, рубашка, бешмет, застегивалась на 5–6 тесемочных пуговиц и петель, а с XX в. — и с помощью металлических крючков и петель. Часто шубы шили с суконным верхом из домотканого или фабричного сукна. В качестве головного убора в летнее время адыги и балкарцы носили войлочную шляпу с широкими полями и разного цвета. Зимой и в осенне-весеннее время надевали шапку — папаху из овчины. В XIX — начале XX в. они имели различную форму. Наиболее распространенным цветом мужской шапки был черный, но были и белого, и серого цвета.

Представители зажиточных слоев населения с конца XIX в. стали носить шапки из каракуля. Адыги и балкарцы носили головной убор в любое время года и фак-

¹ Жан-Шарль де Бесс. Путешествие в Крым в 1829-м и 1830 г.// Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–IX вв. (Далее — АБКНБ) Нальчик, 1974. С. 335.

тически не снимали его и на работе, и общественных местах. Головной убор у горцев Северного Кавказа, в том числе у адыгов и балкарцев, был символом человеческого достоинства. Сорвать шапку с головы, пусть даже шутя, считалось грубейшим оскорблением ее хозяина. Подобные «шутки» нередко заканчивались кровопролитием. Существенным дополнением к шапке у мужчин был башлык, изготовленный из домотканого сукна, разного по цвету. Башлык носили поверх шапки и бурки. Он состоял из капюшона треугольной формы, который надевался на голову, и двух широких концов-лопаток, которыми обвязывалась шея. Когда не было надобности, в зависимости от погоды, его закидывали через плечо на спину, на бурку, и он держался на шее с помощью специального тесемочного шнура.

Обувь адыгов и балкарцев также была максимально приспособлена к природным условиям и к их образу жизни. Все иностранцы, которые бывали на Северном Кавказе, обращали на это внимание.¹ В частности, они, описывая костюм адыгских народов, всегда отмечали его изящество и красоту, особенности отделки обуви адыгов. Так, Д'Асколи писал: «Башмаки узкие, с одним швом спереди, без всяких украшений и никоим образом не могут растягиваться, они точно приклеены к ногам и придают изящество походке»¹. Обувь адыгов и балкарцев состояла из двух частей: первая часть — паголенки или ноговицы (разница между ними заключалась в том, что первая была без носка, а вторая с носком), и собственно, сама обувь. Паголенки и ноговицы изготавливались из разной кожи, сафьяна, домотканого сукна. Их цвет был в основном черный. Они завязывались специальными подвязками-ремешками и различались по качеству и украшениям. Например, ремешковые подвязки состоятельных людей украшались серебряными врезками.

В начале XX в. адыги и балкарцы начинают использовать шерстяные чулки и носки. На ноги надевали чуваки из сыромятной кожи крупного рогатого скота. В горах использовали особую форму чувяков. Их носили в основном балкарцы («чабыр», «кларых»). Эти чувяки имели подошву из сплетенных кожаных шнурков; надевали их на босую ногу, а внутренняя часть чувяков за-

¹ Э.Д. Д'Асколи. Описание Черного моря и Татарины. 1634 г.// АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 64.

полнялась особой мягкой травой (шабий). В качестве парадной обуви носили сафьяновые чупяки, которые шились из кожи фабричного или кустарного производства. Позже их начали шить с подошвой. Зажиточные люди носили их с сафьяновыми ноговицами и сверх чупяк надевали резиновые галоши.

¹ В Балкарии также бытовала обувь из войлока, обшитого кожей или с подшитой подошвой из сыромятной кожи. Позже начали носить сапоги и туфли. Изустные источники XVIII – первой половины XIX в. и полевые материалы более позднего периода свидетельствуют о том, что у адыгов цвет обуви отражал социальное положение ее владельца. Например, Карл Кох (1809–1879) отмечал, что «туфли красного цвета – у князей, желтые – у дворян, из простой кожи – у простых черкесов. Шьются точно по ноге, со швом посередине и не имеют подошвы. Они только сзади немного вырезаны»¹.

Таким образом, мужская одежда и обувь горцев полностью соответствовали условиям их жизни и роду деятельности.² В мужской одежде адыгов и балкарцев не было особой разницы, но были все-таки некоторые различия в способах их изготовления и подборе цвета. На чистоту одежды и обуви горцы обращали особое внимание. А Хан-Гирей отмечал, что у черкесов, не было принято одеваться пышно, цветасто. «Это, – писал он, – почитается у них не очень приличным, почему стараются более щеголять вкусом и чистотой, нежели блеском. Одежда адыгов и балкарцев была не только удобной и приспособленной к местным географическим условиям, но она была и красивой». «Кабардинец, – отмечали многие иностранцы, – одевается со вкусом: изящно сидящий бешмет, черкеска, чупяки, газыри, шашка, кинжал, папах, бурка – все это украшает его». Эти качества адыгской одежды явились той притягательной силой, которая послужила основной причиной того, что ее переняли многие народы Кавказа.

Е. Вейденбаум в 80-х гг. отмечал, что «все горцы Северного Кавказа, а за ними и казаки заимствовали из Кабарды форму одежды, вооружение, посадку на коне и т. д., и внимательно следят за всеми изменениями капризной кабардинской моды»². Жан-Шарль Де Бесс пи-

¹ Карл Кох. Путешествие по России// АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 600.

² Мамбетов Г. Х. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1997. С. 93, 94.

сал, что «черкесское вооружение перенято даже офицерами черноморских казаков и на всей Кавказской линии... Действительно, у черкесов воинственный вид, особенно хороши они в седле, так как с детства они носят оружие и садятся на горячих скакунов, причем иногда проводят в седле весь день; они никогда не выходят из дома без оружия, как минимум, без сабли и кинжала на поясе. Как правило, их оружие превосходно, но очень дорого, оно всегда содержится в чистоте и сверкает. Лошади у них всегда ухожены, а седла, похожие на венгерские, элегантны¹».

Как правило, вооружение не входит в понятие костюма у большинства народов, но для народов Кавказа необходимо сделать исключение. Мужская одежда горцев Северного Кавказа немыслима без оружия и воинского снаряжения. С этим связан общий стиль, характер мужского костюма и отдельные его детали (черкеска с газырницами, пояс и др.). Защитное снаряжение – плем, наколенники, боевые рукавицы – широко использовалось в XVIII в., а кольчуги, надевавшиеся под черкеску, бытовали до 60-х гг. XIX в. В XVIII – начале XIX в. в снаряжение адыгского воина входили также и лук с налучием, и колчан со стрелами, хотя стрельба из лука в это время носила уже, главным образом, спортивный характер. Кинжал и пашка упоминаются всеми авторами, описывавшими Кавказ. Имелось и огнестрельное оружие – пистолет и кремниевое ружье. Все эти виды оружия и снаряжения были обязательными компонентами адыгской одежды, и адыги искусно владели ими. Хан-Гирей упоминает о том, что черкесы владели с особенной ловкостью оружием и конем, в чем они действительно неподражаемы. С невероятной скоростью, на всем скаку самой быстрой лошади, они заряжают ружья в чехлах, и хорошему наезднику надобен только один миг – выхватить ружье из чехла и выстрелить. Беспреданно стреляют черкесы из пистолетов и ружей. Нередко пробуют пущенной из лука стрелой пробить доску, довольно толстую, и есть такие, что с удивительной силой натягивают лук и стреляют из него².

Таким образом, оружие и воинское снаряжение у гор-

¹ Жан-Шарль де Бесс. Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению в 1829-м и 1830 г.// АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 335, 336.

² Хан-Гирей. Черкесские предания. Нальчик, 1989. С. 169, 170.

цев Северного Кавказа являлись частью национальной формы одежды. Позже многие предметы вооружения, даже такие, как панцирь и шлем, которые уже не имели практического применения, хранились во многих семьях и передавались от отца к сыну. Комплекты вооружения иногда входили в уплату за кровь. Когда в конце XIX — начале XX в. появляются более совершенные виды огнестрельного оружия, газырницы утрачивают свое практическое значение, но все же до сих пор сохраняются как украшение и символ мужества. Шлемы разной формы, которые были распространены среди горцев, по-видимому, оказали определенное влияние на женские шапочки. С воинским бытом был связан и пояс, который был увешан оружием и различными приспособлениями для ухода за ним. Со временем последние превратились в декоративные подвески. Фредерик Дюбуа де Монпере (1798—1858) писал, что в глазах черкеса богатство олицетворяют только оружие и лошади. Этот черкес, который едва имеет во что одеться и крышу жалкой лачуги над головой, может быть обладателем ружья стоимостью в несколько сот рублей и соответствующих сабель, кинжалов и ножей. Выходя из дому, он украшает себя этим оружием. Его сабля висит у него на боку: изогнутый клинок вложен по эфес в ножны, обычно отделанные серебром. На плече черкес носит ружье, вложенное в черный фетровый чехол, прикрепленный двумя кольцами из красной кожи к ремню. На поясе черкес имеет кинжал; там у него прикреплены, кроме того, тесак-отвертка, кожаный кошель, где хранятся трут (фитиль из высушенного гриба трутника, зажигающийся от искры — К. У.), и ружейный кремль, нож в ножнах, или бахчисарайский «печак», кiset с табаком и, наконец, прекрасно выполненная из черненного серебра маленькая коробочка с салом, которым натираются пули для того, чтобы они лучше скользили в стволе. В руке черкес держит маленькую подставку из двух деревянных реек; на эту подставку кладется ствол ружья при стрельбе¹. Таким образом, без кинжала, ножа мог ходить только мальчик или старик. Наконец, оружие было почти единственным украшением мужского костюма.

Однако время, новые условия жизни горцев создали необходимость отказа от многих элементов национальной формы одежды, зачастую от нее самой в целом. Евро-

¹ Фредерик Дюбуа де Монпере. Путешествие по Кавказу.

пейская форма одежды полностью вытеснила национальную, но в современных условиях, когда идет возрождение культуры, в том числе и материальной каждого народа, есть необходимость возрождения многих ее элементов, как и национальной формы одежды горцев. В этом плане казачество проявляет более заметную активность. Речь идет не о том, чтобы каждый горец ходил с кинжалом на поясе, но можно создавать такие костюмы, где бы горские элементы сочетались с европейскими.

Женская одежда была разнообразной и красивой. Черкешенки и балкарки носили в качестве нательной одежды рубаху, штаны и корсеты. Покрой рубахи был туникообразным. Длина ее варьировалась, рукава обычно были длинные и широкие, иногда они закрывали кисть руки. Их шили из самой разнообразной ткани: из холста, шерстяной, домотканой, шелковой, полупелюшковой, бумажных тканей, одноцветных и с рисунками. Штаны были обязательным элементом женской одежды. Адыгские женщины носили длинные широкие штаны, собранные у щиколотки и почти всегда видные из-под рубахи и верхней одежды. Своеобразным видом нательной одежды у адыгов и балкарцев, как и у других народов Северного Кавказа, являлись девичьи корсеты. Они бытовали преимущественно у адыгских народов, а позже — у балкарцев, карачаевцев и осетин. Ношение корсета было вызвано тем, чтобы с раннего возраста выработать у девочек стройную фигуру. На Северном Кавказе, особенно у адыгских народов, испокон веков идеалом женской красоты считалось сочетание стройной фигуры, плоской груди, тонкой талии, «равной по объему завязке для ноговицы», т. е. 50–55 см. Для достижения такого идеала на девочек 10–12 лет, как только начинала формироваться ее фигура, надевали корсет.

Фредерик Дюбуа Де Монпере отмечал, что черкесские девушки соперничают в красоте с грузинками и трудно решить, кому же отдать предпочтение. Девушки с очень раннего возраста, с 10–12 лет, носят корсет или широкий кожаный пояс, надеваемый прямо на тело; девушки из знатных семей скрепляют его серебряными застежками. Этот корсет настолько тугой, что нет женщин с более тонкой талией; корсет также сдавливает бюст, чтобы не допустить его развития. Молодые незамужние черкешенки имеют совершенно плоскую грудь,

чем весьма поражают. Только в день свадьбы супруг имеет право распороть корсет кончиком кинжала.

(Идеал красоты у черкесов требует от женщины серьезных жертв, и чтобы сохранить тонкую талию, молодых девушек плохо кормят: им дают только молоко, лепешки, просянную кашу¹) Девушки носили корсет постоянно, они даже спали в нем и снимали только тогда, когда мылись. Снимал его, уже навсегда, муж в первую брачную ночь. Надо отметить, что корсет имел и свои серьезные недостатки — он отрицательно влиял на организм девушки, обтягивая ее тело от плеч до бедер. Спереди в корсет вставляли две довольно широкие деревянные пластинки, прижимавшие груди, препятствуя их развитию. Сзади вдоль позвоночника проходила тоже деревянная пластинка. Корсет туго зашнуровывался спереди. Это все деформировало грудную клетку и талию, нарушалось свободное развитие внутренних органов, корсет вызывал раздражение кожи, натирал иногда до кровотечения. Иногда молодая женщина, когда переставала носить корсет, начинала горбиться, так как слаборазвитый позвоночник, лишенный жесткой опоры, деформировался. Есть предположения многих авторов, что корсет носили в основном девушки из состоятельных слоев населения. Близким по функциональному назначению корсету из женской одежды являлся кафтанчик. Он имел покрой мужского бешмета, туго обтягивал фигуру девушки и застегивался на металлические застёжки или мелкие пуговики и петли из шнурков. Кафтанчик носили и замужние женщины.

¹ Достоверно известно, что в XVIII — первой половине XIX в. кафтанчики носили адыгские девушки и женщины. Позднее они появились у балкарцев, карачаевцев, осетин. Поверх корсета надевалась рубашка, которая спускалась ниже колен. Поверх штанов надевалась широкая юбка. Она выглядывала из переднего разреза платья. Платье надевали поверх кафтанчика. Оно имело такой же покрой, как и черкеска, отличаясь от последней тем, что на нем не было газырниц, покроем рукавов и качеством ткани. Платья адыгских и балкарских женщин различались чаще всего по их расцветке. Платья балкарок были более яркими, с резкими сочетаниями цветов. Эти платья украшались различными вышивками и иными способами. Орнамент этих украшений был са-

¹ АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 443.

мый разнообразный. Платья простых крестьянок таких украшений не имели. Они были более простыми и свободными, удобными для физической работы. В комплект женской одежды входил фартук-передник, который носили во время выполнения домашних работ. Черкешенки и балкарки поверх платья носили различные пояса в зависимости от их возраста и социального положения. Например, девушки и невесты из богатых семей носили пояса, состоящие из различного количества серебряных пластинок, украшенных позолотой, гравировкой и т. д.

С начала XX в. женщины из состоятельных слоев населения начинают носить часы на длинной цепочке, но и раньше черкешенки и балкарки носили серьги, кольца, браслеты.¹ В зимнее время женщины средних лет носили ватные кафтаны и платья, молодые надевали вторые платья, таким образом защищаясь от холода. Некоторые женщины носили меховые шубы. Очень различались по виду женские головные уборы. По нему можно было определить семейное положение и возрастную категорию женщины. Девочки, например, носили платки и могли ходить без головного убора до замужества. Однако в начале XX в., когда ислам стал играть более существенную роль в жизни адыгов и балкарцев, сельскими обществами было принято специальное установление, которое запрещало всем девочкам с 10–12-летнего возраста ходить без головного убора. Девушки носили шапочки различных видов: конусообразные, цилиндрические и т. п.

У адыгских народов было несколько типов головных уборов, различавшихся в зависимости от семейного положения и социальной принадлежности женщины. По свидетельству многих авторов, адыгская девушка не имела различия в одежде с замужними, «только головной убор их различает, ибо девушки носят шапки и по замужестве, доколе не родит, не должны снимать оную, а до рождения первого младенца, в первый раз от самого рождения отец новобрачного увидит и сына своего и невестку: тут, увидясь, снимает он шапку с головы невестки и сына дарит домом, скотом и что по состоянию каждого возможно»¹. Шапочки украшались по краям галуном или мехом. Шили их из ткани красного цвета. Шапочка наде-

---

¹ Студенецкая Е. Н. Одежда народов Северного Кавказа. М., 1989. С. 61.

вадась неглубоко, что увеличивал рост девушки. Замужняя женщина заменяла шапочку повязкой с узлом на темени, которую покрывала большой шалью или покрывалом. Платки носили и простые замужние крестьянки. Иногда обматывали косы тканью, и это было дополнением к головному убору.

Между головными уборами адыгов и балкарцев было определенное сходство, но были отличия, прежде всего в способах украшения и вышивок, которые имелись на шапочке. Женские головные уборы черкешенок и балкарок были в XVIII – начале XX в. весьма разнообразны по материалу и форме. В них отражено социальное и возрастное различия и степень материального положения женщин. Адыгские и балкарские женщины носили обычно самодельную обувь. Она имела много общих черт с мужской. Обувь была мягкой, спитой из одного куска кожи различной выделки, с сафьяновыми носками. Адыгские женщины поверх этой обуви часто носили невысокие деревянные ходули («пхъэвакъэ»), напоминающие скамеечки на двух ножках, с ремешками для продевания ноги в самом широком месте ступни. Такую обувь носили преимущественно женщины из состоятельных слоев населения. Были и черные бапмаки на каблуках. Носили носки, спитые из сафьяна или ткани разных цветов. Женские украшения черкешенок и балкарок можно подразделить на две группы: первая – это нашитые и прикрепленные к одежде застёжки, подвески, бляхи, пуговицы, накладки и т. д., вторая – надеваемые отдельно (съёмные) кольца, браслеты, ожерелья, серьги, цепочки и др.

У адыгов в XVIII–XIX вв. преобладали украшения, нашитые или прикрепленные на тот или иной вид одежды. Они часто имели и функциональное значение. Таким образом, в XVIII до начала XX в. адыги и балкарцы носили традиционную форму одежды, которая соответствовала географическим условиям их жизни и роду деятельности. Их изготовлением главным образом занимались женщины. Одежда была удобной и практичной. Но дальнейшее расширение социально-экономических связей Северного Кавказа с Россией, изменение традиционного уклада жизни, вытеснили эту форму одежды и ее место заняла одежда европейского образца.

Мужская и женская одежда ¹

Русские	Адыгейцы	Кабардинцы, черкесы	Карачаевцы, балкарцы
1	2	3	4
Рубаха	Джан	джанэ	келек, кёлек
Штаны	гъончадж	гъуэншадж	кёнчек, шалбар
Бешмет	къэптал	къэптал	къаптал
Черкеска	цый	пей	чепкен
Шуба, тулуп	джэдыгу	джэдыгу	тон
Одежда из войлока	циба, гуэбэнэч	гуэбэнэч	гебенек
Вурка	кIакIо	щIакIуэ	джамчы
Пояс	бгырыпх	бгырыпх	белибау
Ваншлык	пгъхъарыхъон	бащIыкъ	бащIыкъ
Шапка	паIо	пыIэ	бёрк
Шляпа войлочная	упкIэ паIу	упщIэ пыIэ	кийиз бёрк, къал- пакъ
Шапка меховая, каракулевая	каракуль паIу	хъурыфэ, пыIэ, бухар пыIэ	тери бёрк, бухар бёрк, элтир бёрк
Накидка	плIаIурыдэ		
Ноговицы	лъай	лъей	ышым
Одежда	щыгъын	щыгъын	кийим
Белье	чIэг-чIэлъхер	щыгъын, щIагънцIэлъ	ич кийим
Кафтан	кIако, кIыгчIэ	кIэщI	кюбетюб, чубур
Поясные подвески		гупэIугъ	чубур
Платье распашное	сай	бостей, босцей	чепкен, джыйрыкъ
Платье современное	джан	бостей	чепкен, джыйрыкъ
Нарукавные подвески		Iэщхэ тхэмIэ, Iэщхэ балагъ	къолбашы
Бешмет стеганный	къэптал	къэптал	къаптал

¹ Студенецкая Е. Н. Одежда народов Северного Кавказа. М., 1989. С. 263.

1	2	3	4
Пояс серебряный	тыжын бгырыпх	дыжын бгырыпх	къемар, кямар, кюмюш белибау
Застежки нагрудные	тыжынычылу	дыжынчылу	утюйме
Передник	пәлупхъу	кәлпхын	хота, албота
Юбка	кәлпхын	бостеикә	тәбен джан, юбка
Корсет	бгъэкәлпх, куэншыбә	куэншыбә	чуба
Шалочка	дыщә пәло	дыщә пылә	окъа бөрк
Головная повязка замужней женщины, скрывающая волосы	пӀын, щӀкъа пӀын	щӀкъәфәщӀпӀә	чох, чикиля
Накосники	шәхъащәпышә	пгӀхъәпыщӀә	нач бау

Мужская и женская обувь

Русские	Адыгейцы	Кабардинцы, черкесы	Карачаевцы, балкарцы
1	2	3	4
Тина постолов	Іашъоцуакъә	кӀәрәхъ	
Со швом на носке и заднике	цуакъә зак- ад	вакъә гуэншырыкъ	чарыкъ, гонча- рыкъ
Со швом на подошве и заднике	цуакъә хъурай	лӀяхъстән вакъә	чарыкъ
С плетеной подошвой			чабыр
Кожаная из нескольких кусков кожи		лӀяхъстән вакъә	сахтиян чарыкъ
С кожаной твердой или деревянной подошвой без задника	башмак, цокъә пӀхъану, папыпӀ	бәшмакъ	башмакъ, кӀумукъ чарыкъ

1	2	3	4
Сапоги	цазымэ, щырыкъу	къатыр	чурукъ, башлы чурукъ
Сапоги с мягкой подоймой		шырыкъу	
Галоши кожаные, резиновые	калоша	кѣлош	галош
Обувь из войлока	упкѣ, цуакъэ	упщѣ вакъэ	уюкъ, олтанлы уюкъ
Обувь из ткани с кожей		хъыдан вакъэ, чѣтѣн вакъэ	чѣпкен чарыкъ, быстыр чарыкъ
«Ходули» (только женская обувь)	пхъэцуакъэ	пхъэ вакъэ	агъач аякъ кийим
Обувь вообще	цуакъэ	вакъэ	аякъ кийим
Носки кожаные	майст местэ	мест	месси, мес
Носки, чулки	лъэпед	лъэпед	чындай
Сафьян, хром	лъахъстѣн, сѣхътан	лъахъстѣн	сахтиян
Кожа	шъо	фэ	тери

Платки, шали, шарфы

Русские	Адыгейцы	Кабардинцы, черкесы	Карачаевцы, балкарцы
1	2	3	4
Платок	шъхъетехъу, платыку	ІэлъэшІ	джаулукъ, бота
Шаль теплая наплечная, плед	Шал	ІэлъэшІ	палтой джаулукъ су бота, улу бота, ауат бота
Шаль, или пла- ток, плетеный из шелка, до- машней рабо- ты, обычно с длинной бахромой	данэхъэгъыхъэ	шылэхъар (шелковая сетка)	чилле джаулукъ
Шелковый тонкий	кулым дан	гульмэдын	гюльменди джи- бек, гюльменди чикиля

1	2	3	4
Фабричные платки и шали			кашемир джау- лукъ, кишмир бота
Пуховый платок	цы шъэбэ платыку		пух джаулукъ
Купеческая шаль		кIупIен, кумпен	купес джаулукъ
Шаль или платок с узорами			лаудан джаулукъ, бухар
Шаль белая, выпитая с бахромой			гранча, гирияча
Шарф: шелковый	шарф	шарф	боюнлукъ, чилле боюнлукъ
Шифоновый газовый, вязаный, тюлевый		дэнэпс, шарфIэпэхъ, чэсей хъар	

Ткани

Русские	Адыгейцы	Кабардинцы, черкесы	Карачаевцы, балкарцы
1	2	3	4
Ткань, материал	шэкI	щэкI	къумач
Сукно домотканое	цыяпхъ	цей	чепкен
Сукно фабричное	щыхъэ	щухъэ	схарла
Ткань шерстяная	цы шэкIы	цы щэкI	джюн къумач
Кашемир	кишмер	кашемир	кашемир, кишмир
Диагональ			дигинал
Шевиот, бостон		къэраукъ	шевиот
Драп	драп	драп	драф
Холст	чэтэн, пхъаш	чэтэн, пхъаш	кетен
Полотно	чэтэны	чэтэн	кетен
Вязь	амылкъан	боз	маймез, акъ кетен

1	2	3	4
Кумач	щәкІ плъыжь	щәкІ плъыжь	ачы къызыл къу- мач
Ситец	басма	чәсыргей	алакътай, басма
Сатин	сатин	сатин	атлес, маймез, къу- мач
«Чертова кожа»			орус къауракъ
Бумазея	бумазей	бумазей	памезей
Кисей	чәсей	чәсей	кисей
Батист	батист	батист	патис
Бархат	кътәабз	кътәабз	кътатапа
Плюш	плюш		джибек, сидан
Вельвет			къурт
Парча	парча	парча	сау пай, герхана
Шелк	дәнз	дәнз, пылз, дарий	чилле, дарий, джибек
Шелк плотный	даудан	лъудан	лаудан, пермак
Шелк сеп-жен, двуличный			мурса пай, пай да- рий, фай дарий
Атлас	алтәс	алътәс	атлес, джибек
Тафта	тафт	дарий	джарым пай, къа- нават
Чесуча	чәсуча		чәс уча, чилле дарий
Восточные кустарные шелковые и полушелковые ткани			шамеледжи, куте- не къанзар, шалад- жи, къаташ

§ 3. Традиционная пища адыгов и балкарцев

Адыги и балкарцы всегда придавали исключительно большое значение вопросам рационального питания и рациону пищи. Они выработали целую философскую систему питания, создали традиционные национальные виды пищи, в соблюдении оптимального соотношения, равновесия между человеком и средой его обитания. В этой связи утверждение великого русского медика С. П. Боткина: «Болезнь — это прежде всего утрата равновесия между человеком и окружающей его средой».

Физически большое общество, как известно, обречено на вымирание, поэтому каждый народ по необходимости, в зависимости от природно-климатических, географических условий его жизни и рода занятий, вырабатывает свою собственную национальную структуру питания.

Адыги и балкарцы к вопросам пищи, ее приема всегда подходили очень серьезно. Не случайно в связи с этим они выработали специальный этикет – застольный. Этому этикету обучали детей с раннего детства, ибо это был не просто прием пищи, но целая школа, которая требовала сосредоточенности, внимания, владения собой. Справедливо отмечала Н. Семенова, специалист по диетологии¹, что питанию, как и другим видам йоги, можно научиться.

Адыги и балкарцы всегда питались умеренно, особенно в походах. Об этом писали многие. Например, Фредерик Дюбуа де Монпере отмечал, что «во время путешествий черкесы необычайно воздержанны в пище: немного кислого пресного теста, замешанного на меде, в кошеле, притороченном к седлу, служит им для пропитания в течение нескольких дней»². Этой выносливости адыги приучали своих детей с малых лет. Традиционная пища адыгов и балкарцев делилась в основном на мясную, молочную и мучную. Много разнообразных блюд было из меда, фасоли, тыквы, яиц... Были и свои национальные напитки.

Говоря об адыгской кухне, следует отметить, что она не во всем одинакова у кабардинцев и адыгейцев. Многие традиционные адыгские блюда отсутствуют в настоящее время и у балкарцев. Отличаются они и по технологии приготовления. Отличаются также многие технологии приготовления различных приправ и подлив к блюдам. Однако большинство традиционных блюд сохранилось и у адыгейцев и у кабардино-черкесов. Горцы Северного Кавказа, в том числе и те народы, чьими предками были пришлые племена, на протяжении столетий совместной жизни на одном географическом пространстве и благодаря сходному роду деятельности выработали много общего в духовной и материальной культуре, в том числе и в пище.

В этом плане адыги и балкарцы не являются исключением. Традиционно они занимались животноводством

¹ Надежда Семенова. Человек – соль земли. СПб., 1999. С. 203.

² Фредерик Дюбуа де Монпере. Путешествие по Кавказу.

и земледелием. Адыги на протяжении своей многовековой истории создали новую породу лошадей (кабардинская лошадь — «адыгэш»), которая не уступает ни одной породе в мире своей выносливостью. Они также создали собственную породу овец («адыгэ мал»), которая является одной из самых неприхотливых и переносит зиму на подножном корме. Адыги вывели более восьми сортов яблонь и столько же груш. Они издревле выращивали не только яблоки и груши, но и персики, сливы, вишни, виноград, орехи и т. д. Они с большим умением разводили домашнюю птицу. Западные адыги, которые жили и живут на побережье Черного моря, занимались рыболовством. Правда, восточные адыги и балкарцы, которые жили в долинах горных рек, тоже в определенной степени занимались этим родом деятельности. Все это, естественно, оказывало влияние на структуру их питания.

Некоторые пищевые культуры края

Русские	Кабардинцы, черкесы	Карачаевцы, балкарцы
1	2	3
Кукуруза	нарыху	нарых
Просо	ху	тары
Пшеница	гуадз	будай
Овес	Іавос, зэйтхъ	зынтхы
Рис	прунж	пиринч
Рожь	хъэпцІий	къара будай
Ячмень	хъэ	арпа, ашлыкъ
Горох	гууэджэ, джэшхъурей	жашил къудору
Соя	сое	бурчакъ
Фасоль	джэш	къудору
Арбуз	хъарбыз	харбыз
Баклажан	баклажан	баклажан
Дыня	фопІытІ, фонащэ, хъэуан	хууан
Капуста	къэбыста	хобуста
Картофель	кІэртІоф	картоф, гардош
Лук	бжын	сохан
Морковь	пхъы	быхы

1	2	3
Огурец	нащэ	наша
Помидор	бадрэжан, помидор	бадражан
Редька	балыджэ фыццэ	турма
Свекла	жэгундэ	чюгюндюр
Тыква	кьэб	хьяр, кьап
Чеснок	бжыныху, сосмакь	сарымсах
Абрикос	абрикосей, хуэрджей	шаптал
Барбарис	кьэтхьансолыкьуй	тюртю
Виноград	жызумей	жюзюм
Вишня	балией, балий жыт	балли, баллий
Груша	кьужьларьсей	кертме
Земляника	губгьуэ мэрэкуэ, щы мэрэкуэ	жилек
Калина	зэрыджей зей	муртку, балам
Кизил	зэрыджей	муртку, балам
Малина	мамкьутей	нанькь
Мушмула	кьущхьэмышкей	кьушхамип
Облепиха	кьазмакьей	кьасмакь
Слива	кьыпцлей	эрик
Шиповник	хьэцбанэ	улэку, итбурун
Яблоня	мыларьсей	алма терек

Распространенной традиционной пищей адыгов и балкарцев были мясные блюда. Их готовили из баранины, говядины, птицы и дичи – из свежего (парного), сушеного, копченого, вареного мяса. Тушу разделявали тщательным образом по ее суставам. Прежде всего рубили на небольшие куски позвоночник, отделяли ребра, филейную часть, лопатки и задние ляжки. Если не было необходимости варить всю тушу барана или козы, т. е. пища готовилась только для членов семьи, то в первую очередь варили куски позвоночника, часть ребер, лопатку, печень, легкие, сердце. Последние четыре части жарили отдельно на масле. Голову и ноги осмаливали и тщательно мыли в горячей и холодной воде; внутренности (требуху) тоже очень тщательно мыли и одновременно с головой и ножками варили отдельно. Голову тоже разделявали соответствующим образом, т. е. сперва освобождали челюсти, их, в свою очередь, делили пополам,

затем — на правую и левую части. Из субпродуктов также готовили высококалорийные блюда.

Прежде чем варить свежее мясо, необходимо тщательно промыть его в холодной воде и опустить в емкость с уже горячей, но еще не закипевшей, подсоленной водой и варить, периодически снимая пену. Минут за 30–40 до полной готовности опускают в бульон головку лука или пучок очищенного зеленого лука, другие специи по вкусу. Сварившееся мясо вынимают, а бульон можно использовать отдельно.

Адыги вареное и жареное мясо всегда ели с пастой, о способе ее приготовления речь пойдет ниже. Обязательным условием употребления вареного мяса было то, что для нормального пищеварения его запивали либо бульоном, либо другим горячим напитком, но ни в коем случае — холодной водой. Как правило, мясо ели в горячем виде и с «шыпс» (подливой с чесноком на разной основе — бульона, кислого молока, сметаны, смеси сметаны и кислого молока).

Способ приготовления подливы: чеснок с солью растолочь в ступке или пропустить через чеснокодавку, присоединить к основе и хорошо размешать. По вкусу можно добавить горький перец (черный или красный). Бульон подается на стол после мяса, употребляется с пастой или без нее. В бульон перед подачей на стол можно положить жареное небольшими кусками пшеничное тесто или поставить все отдельно. Следует отметить, что к птице подают, как правило, другие подливы, приготовленные иными способами. Об этом речь пойдет ниже.

Любимым и распространенным мясным блюдом у адыгов и балкарцев был сальтисон («жарумэ» — каб., «джормэ» — адыг., «жерме» — балк.) Это блюдо готовится только из внутренних органов мелкого рогатого скота (барана или козы). Способ приготовления: рубец (часть желудка) сначала хорошо моют холодной водой, затем опускают в кипяток на несколько минут, после чего без труда снимается его слизистая пленка. Обработанный рубец разрезается на куски (от 10 до 20 см), которые раскладываются гладкой стороной вверх. Внутренний жир и тонкая кишка нарезаются на куски длиной чуть меньше кусков рубца и укладываются на них продольно, добавляя специи, соль по вкусу. Вся эта начинка осторожно заворачивается и перевязывается, как правило, хорошо обработанной тонкой кишкой того же барана или

козы. Варят сальтисон, как мясо, опустив в горячую подсоленную воду. К готовому блюду подают шипс, пасту, кукурузные лепешки, а в настоящее время – и пшеничный хлеб. Полученный при этом бульон не используют, разве что отдают собакам.

Сальтисон готовят и другими способами. Например, предварительно подготовленные колбаски слегка коптят над очагом и, по мере необходимости, варят или жарят (жарить можно на сковороде или вертеле). Копченое и подсушенное жареное жэрумэ едят в горячем виде с пастой или с отварным картофелем.

Адыгейцы готовят джормэ несколько иначе: тщательно обрабатывает брюшко животного. Мясо мелко рубят вместе с внутренним жиром, добавляют по вкусу соль, чеснок, душистый перец, затем готовый фарш заворачивают в разрезанную чистую брюшину (10–15 см), полученные колбасы перевязывают тонкой кишкой. Джормэ опускают в кипящую воду и варят 4–5 минут, после чего коптят. После копчения джормэ значительно менее подвержен порче. В другом случае джормэ моют в холодной воде, укладывают в котел или кастрюлю и наливают немного холодной же воды, сверху кладут крупно нарезанный репчатый лук, плотно закрывают крышкой и тушат на слабом огне до испарения воды. При этом джормэ разбухает от пара – и блюдо готово. Нарезав кусками, его подают на стол с пастой, кукурузными лепешками или хлебом. Приправой служит шипс на основе кислого молока или сметаны со специями. Примерное соотношение компонентов джормэ таково: 1 кг баранины или мяса козы, 500 г брюшины, 300 г лука, соль и чеснок – по вкусу¹. Кабардинцы тоже готовят это блюдо, разница – в технологии приготовления.

Колбаса (тхъэмц'ыгъуныбэ) и способ приготовления этого блюда: как правило, используют печень мелкого рогатого скота, но можно взять и говяжью печень. Ее отбивают специальной деревянной лопаточкой (бэлагъ) до тех пор, пока мякоть полностью не отделяется от грубых тканей и не превращается в однородную кашеобразную массу. При этом надо иметь в виду, что печень нельзя пропускать через мясорубку, т. к. после этого колбаса становится грубой и невкусной. С полученной массой смешивают внутренний жир, мелко нарезанный лук, до-

¹ Азаматова М. З. Адыгейская кухня. Майкоп, 1979. С. 15, 16. Шогенова В. Ш. Адыгская кухня. Нальчик, 1991. С. 12, 13.

бавляют специи и соль по вкусу. Эта масса не должна быть слишком жидкой, ею начиняют хорошо очищенную толстую кишку, концы которой перевязывают или зашпиливают заостренной деревянной палочкой. При этом нельзя заполнять кишку туго, — лишь наполовину, но равномерно по всей длине. Готовую колбасу опускают в подсоленную, уже закипевшую воду и варят. В процессе варки обязательно нужно проткнуть колбасу деревянной палочкой или вилкой в нескольких местах, чтобы она не лопнула. Блюдо подается обязательно в горячем виде, нарезанное на кусочки. Едят его с чесночной подливой, приготовленной на бульоне или кислом молоке. Приятнее всего эту колбасу есть с пастой. Примерный расход продуктов: на 1 кг печени — 250–300 г внутреннего жира, 150–200 г лука, 5–6 зубков чеснока, соль и специи по вкусу.

Излюбленное блюдо у адыгов и балкарцев — печень, обернутая тонким слоем внутреннего жира и поджаренная на вертеле над жарким древесным углем («тхъэмщыгъу гъэжъа», «жамбауур»). Адыги часто готовили печень с курдючным салом. В подсоленную воду клали целиком печень и курдюк и варили. Добавляли специи по вкусу. Готовые печень и сало необходимо слегка остудить и нарезать на ломтики (печень — толщиной в 1,5–2 см, курдюк — не более 1 см). Ломтики печени и курдюка подают «бутербродом» с острой чесночной подливой (шипс) и пастой. Это блюдо можно есть как в горячем, так и холодном виде. Печень также жарили, да и сейчас жарят на внутреннем жире. Для этого свежая печень разрезается на дольки. Каждая отдельно натирается поваренной солью, смешанной с красным молотым перцем. Распластывается на блюде внутренний жир, разрезается на куски такого размера, чтобы можно было завернуть каждый кусочек уже подготовленной печени. Завернутые во внутренний жир кусочки печени укладываются на сковороду в один слой и на умеренном огне обжариваются с двух сторон. Подаются на стол в горячем виде с пастой или хлебом.

Распространенное и в настоящее время мясное блюдо под соусом — «лыцыкIулыбжъа». Сперва обжаривают репчатый лук на сливочном или топленом масле до золотистого цвета. Затем туда добавляют отварную говядину или баранину, нарезанную узкими полосками, и тушат 10–15 минут. Добавляют острый черный или крас-

ный перец, сметану или сливки, соль. Можно вместо сметаны использовать бульон, только в этом случае к нему добавляют немного пшеничной муки. Все это слегка обжаривают, помешивая, а затем заливают бульоном. Полученный соус должен иметь консистенцию густой сметаны. При подаче на стол можно добавить толченого чеснока. Блюдо едят в горячем виде с пастой или хлебом. Технологий приготовления этого блюда несколько. Кроме описанного есть еще и другие. Например, можно сразу нарезать сырое мясо на мелкие кусочки и обжарить в масле до полной готовности, добавить нарезанный лук, красный перец. По готовности добавляют сливки или бульон. Примерный расход продуктов: на 1 кг мяса — 2,5–3 стакана сметаны, сливок или бульона, 1 столовая ложка муки, 150–200 г репчатого лука. Специи по вкусу.

Очень вкусное мясное блюдо — баранина по-чабански. Правда, оно из далекого прошлого, сейчас его практически не готовят. Но суть приготовления такова: тушу баранины с внутренностями нарезают на куски, добавляют соль, смешивают с нашинкованным луком (чем больше лука, тем лучше) и добавляют специи по вкусу. Все это помещается в шкуру барана, вывороченную шерстью наружу, которая была снята начиная с задних ног к голове. После того как мясо завернуто, шкуру «прошивают» металлической проволокой, чтобы из нее не выходил пар. Готовить следующим образом: вырыть яму, отступая от ее стенок, сложить камни. Между стенками ямы и каменного «мешка» укладывают дрова и разводят огонь, поддерживая его, пока не раскалятся камни. Затем во внутрь «мешка» укладывается подготовленное мясо, т. е. завернутое в шкуру, сверху его накрывают железным листом или углями, поверх чего снова разводят костер и поддерживают в течение 3–4 часов. После этого сгоревшую шкуру раскрывают и вынимают мясо, которое подают в горячем виде. Как правило, таким способом жарили ягненка или молодого барана.

Иногда мясо ягненка готовили в сливках. Способ приготовления этого блюда таков: сливки ставят на огонь и доводят до кипения, засыпают нарезанный мелкой соломкой лук и кипятят несколько минут, постоянно помешивая. Затем в кипящие сливки опускают кусочки мяса молочного ягненка — весом по 20–30 г — и уже на медленном огне варят минут 20–30. Солят и добавляют специи по вкусу. На стол подают в горячем виде с пас-

той. Блюдо можно украсить зеленью. Примерный расход продуктов: на 1 кг мяса ягненка — 1–1,5 кг сливок, 2–3 головки репчатого лука, соль, специи по вкусу.

Говядину, особенно баранину, жарили на вертеле над раскаленными углями. На торжествах зажаривали тушу барана целиком и подавали на стол на большом круглом столике, разложив вокруг куски пасты, и каждый из сотрапезников своим ножом отрезал себе кусочки по вкусу.

Очень распространенным блюдом на всем Кавказе, в том числе у адыгов и балкарцев, был шашлык. Разрезанное на кусочки мясо в течение суток маринуют в соке из лука с добавлением специй. Можно использовать парное мясо, посолив его и поперчив. Затем жарят на вертелах над углями. Подают в горячем виде. В процессе поджаривания необходимо поливать мясо чесночным соком. Это предохраняет мясо от перегорания и придает ему вкус и аромат. Жарили мясо и предварительно высушенное и вяленое. Вялят или коптят как говяжье, так и баранье мясо. Сначала его распластывают и делают на нем насечки ножом, чтобы равномерно распределилась соль, а солят достаточно круто — во избежание порчи, сворачивают и оставляют в прохладном месте, обычно на одну ночь. Затем вывешивают на солнце и вялят.

Особый вкус и аромат приобретает копченое мясо. В течение нескольких часов его держат над небольшим огнем с дымом. Своеобразный аромат приобретает мясо при копчении над дымящим костром из полусухих стеблей крапивы. Мясо жарят с картофелем, фасолью. Было немало и других мясных блюд и способов хранения мяса. Адыги и балкарцы готовили на зиму и своеобразный холодец («щхьэгъэфIаIуа», «тузлукъ эт»); готовили поразному, используя голову и ноги забитого скота. Кабардинцы, например, голову и ноги опаливали, разрубали на отдельные кусочки, тщательно промывали и укладывали в кадушку с рассолом, приготовленным из сыворотки. Ее сначала кипятили, периодически снимая пену. Сыворотку варили до появления жировых пятен на поверхности, и через сутки туда укладывали кусочки головы и ног забитого скота. Балкарский холодец отличался от кабардинского тем, что он готовился из головы, ног, печени, требухи и курдюка. Адыги мясо заготавливали на зиму и таким способом: мясо откормленного и забитого быка

разрубали на куски, просаливали и укладывали в кадушку. Оно долго не портилось. Балкарцы же отваривали мясо в больших котлах, отделяли кости, просаливали, добавляли лук, другие специи, закладывали мясо с жирным бульоном в кожаный мешок и туго завязывали. В таком состоянии мясо затвердевало и хранилось несколько месяцев.

Адыги и балкарцы в прошлом использовали в пищу и мясо лошади. Например, кроме того, что варили и парили конину, они готовили блюдо под названием «шыкъазэ». Способ его приготовления был таков: с ребер забитой лошади срезался жир длинными кусками, которой заправлялся солью, чесноком, луком, острым перцем, и всем этим начиняли тонкую кишку лошади. Эту колбасу сушили и она хранилась месяцами. Готовили и другие блюда из говядины и мелкого рогатого скота.

В структуре питания адыгов и балкарцев заметное место занимали блюда из домашней птицы. Знаменитое блюдо «джэд лыбжьэ» получило признание во всем мире. Не случайно оно неоднократно получало первые места на международных конкурсах по национальным блюдам мира. Так, на совещании СЭВ курица по-адыгски была признана одним из лучших продегустированных блюд и теперь пользуется неизменным успехом во многих странах.

Способ приготовления джэд лыбжьэ таков: тушку молодой курицы разрезают по суставам на куски. Предварительно слегка обжаривают нарезанный репчатый лук в глубокой сковороде, казанке или в не очень глубокой неэмалированной посуде на топленом или сливочном масле, добавляют по вкусу специи. Разделанную тушку укладывают в посуду с уже готовым луком, солят, хорошо перемешивают и накрывают плотно крышкой. Тушат на медленном огне до готовности, заливают сметаной и, сняв крышку, дают покипеть 7–10 минут. Отдельно готовят на воде болтушку из пшеничной муки. Туда добавляют соль, чабрец, и все это смешивают с соусом. Дают покипеть несколько минут и снимают с огня. Блюдо подается в горячем виде с пастой. Можно подать на стол толченый чеснок, который добавляется в соус перед употреблением. Если курица немолодая и жирная, то технология приготовления этого блюда несколько иная. Разделанную курицу укладывают в кастрюлю, добавляют немного воды, соли, закрывают плотно крышкой и тушат

на медленном огне до готовности. Одновременно вытапливается куриный жир, а вода полностью уваривается. Кладут мелко нарезанный лук, а затем и красный перец. А соус готовится по вышеописанному методу. Примерный расход продуктов: на одного цыпленка весом 600–700 граммов – 300 г сметаны, 3/4 стакана воды, 1 ложка пшеничной муки, 2–3 головки репчатого лука, соль, специи по вкусу. Курицу готовили с ореховым соусом, картошкой, под перцовым соусом. Очень распространенным блюдом являлась отварная курица с чесноком и т. д.

Индейку, утку и гуся чаще всего варили и употребляли с чесночным соусом. Индейку можно употреблять в горячем и холодном виде.

Адыги и балкарцы готовили и блюда из рыбы. Рыба в основном была речная (форель, усач и т. д.). Обычно она готовилась в сметане. Например, уже обжаренную рыбу заливали сметаной, добавляли соль и жарили на медленном огне. Можно рыбу жарить сразу на сметане, без предварительного обжаривания на масле. Подают на стол в горячем виде с пастой или хлебом. Но следует отметить, что рыба никогда не занимала сколько-нибудь значительного места среди традиционных продуктов питания горцев.

Большое место в структуре питания адыгов и балкарцев всегда занимала молочная пища. Она была самой разнообразной. Из молока и сметаны готовили высококалорийные и легкоусваиваемые блюда. Кислое молоко фактически заменяло третье блюдо. Оно хорошо способствует пищеварению, содержит жизненно необходимые витамины и утоляет жажду. Его едят с чуреком, мамалыгой, хлебом. Его готовили различными методами. Прежде всего молоко необходимо вскипятить, дать отстояться до температуры 40–45 ° и добавить закваску. Затем его размешивают, укутывают и оставляют на несколько часов в утепленном виде. После того как молоко заквасится, его помещают в прохладное место и дают остыть. При приготовлении кислого молока необходимо соблюдать определенные условия, в противном случае молоко испортится. Например, нельзя заквашивать при температуре 45 °. Нельзя добавлять в молоко воду.

В прошлом готовили «шхез». Это своеобразное консервированное молоко. Способ приготовления таков: свежее кислое молоко выливают в сито, выстланное слоем

полотна или несколькими слоями марли, и устанавливают на подставку, чтобы отделяющаяся сыворотка свободно удалялась. Через сутки оставшуюся гущу складывают в керамическую посуду, дно которой имеет очень небольшое отверстие, и слегка присаливают. Следующий слой заливают свежей сметаной, затем получается гуща из кислого молока. И так — до заполнения всей посуды. Затем верх заливают жиром или воском. Хранить нужно в прохладном месте. Соотношение сметаны и гущи кислого молока берется один к трем. Готовая масса режется ножом. Продукт можно намазать на хлеб, заправлять им супы, есть с чуреком, пышками. Блюдо очень богато белками.

Ценным и широко применяемым в адыго-балкарской кухне молочным продуктом являлась сметана. Ее использовали при приготовлении различных мясных и иных блюд. Из нее готовили специальные блюда (т. е. вкуса которых не достичь, используя какой-либо другой продукт) — «кхъуейжъапхъ», «жэмькуэ». Для приготовления кхъуейжъапхъ сметану доводили до кипения, добавив в нее несколько яиц и мелко нарезанный свежий сыр. Для того чтобы блюдо приобрело нужную консистенцию, добавляют кукурузную муку, продолжая непрерывно помешивать, варят до появления на поверхности этой массы жировых пятен. Блюдо подается в горячем виде и с охлажденной пастой. Примерный расход продуктов: на 1 кг сметаны — 200 г свежего сыра, 1–2 яйца, 2 столовые ложки кукурузной муки, соль и перец по вкусу. Из цельного молока и сметаны готовили и другие блюда. Молоко, лучше всего буйволиное, кипятили на медленном огне и давали остыть до утра. Образовавшуюся жировую пленку снимали и ели с кукурузными лепешками.

В рационе питания адыгов и балкарцев большое место занимал сыр. Его готовили в основном из коровьего молока, а также — из овечьего и козьего. Кабардинский копченый сыр получил всеобщее признание у многих народов. Он отличается высокими вкусовыми качествами и хранится несколько месяцев. Его готовили из цельного молока. Этот сыр был не только вкусным, питательным, но был незаменимым продуктом в походных условиях наряду с кукурузными лепешками, с которыми его ели. Из молока делали своеобразный творог и многие другие блюда. Многие иностранцы, которые бывали на

Северном Кавказе, отмечали, что кабардинский сыр чрезвычайно вкусный и долго хранится. Сыр также солили в кадушках с рассолом из сыворотки и он хранился длительно. Сыр также жарят в нескольких вариантах, в том числе на сливочном масле и с яйцом.

Адыги и балкарцы широко употребляли различные мучные продукты, блюда из бобовых. Адыги издревле готовили самые разнообразные блюда из пшена и кукурузы. Знаменитая пшенная паста подается на стол почти со всеми мясными и многими молочными продуктами. Кукурузные лепешки («кылыш» от гыржын), приготовленные в древесном угле, хранились несколько дней и обладали высокими вкусовыми качествами. Способ приготовления таков: готовится крутое тесто из кукурузной муки, заливаемой кипятком без соли. Подготовленная лепешка сперва подсушивается возле огня, затем ее укладывают под слой золы и древесного угля, где она и пропекается. Готовую лепешку остается протереть чистой тряпкой и подать на стол. Едят ее с мясом, сыром, бобами, сметаной, маслом и т. п. Адыги и балкарцы готовили из кукурузы и кукурузной муки и другие блюда.

Очень вкусное и питательное блюдо из кукурузы — мамалыга («мырамыз»), способ ее приготовления таков: вскипятить воду в казанке или другой эмалированной посуде. Просеянную кукурузную муку всыпать в нее, хорошо разбить муку деревянной лопаточкой и, помешивая, дать провариться. Мамалыга должна иметь консистенцию очень крутой каши. Она готова тогда, когда станет отлипать от посуды. Подают на стол в горячем виде; ее можно есть с мясными, молочными блюдами. Своеобразное блюдо из кукурузной муки — «хатлама». Ее можно приготовить следующим образом: замесить тесто из кукурузной муки на крутом кипятке с последующим добавлением небольшого количества пшеничной муки. Дать выстояться в теплом месте несколько часов. Затем слепить тонкие лепешки круглой формы, опустить их в кипящую воду, немного подсолить и варить до готовности. Лепешки готовы, когда они всплывут. Перед подачей на стол их надо ополоснуть в холодной воде. Едят вместо хлеба или пшенной пасты в горячем или холодном виде.

Из кукурузной крупы готовили пасту. Из толченой кукурузной крупы готовили суп («ІэшрыІ»). Следует по-

толочь в ступе кукурузные зерна, провеять до полной очистки их от шелухи, затем вымыть и варить с добавлением фасоли, мелко нарезанных кусков мяса, небольшого количества пшена, лука. Готовый суп посолить по вкусу, добавить сметаны, горького молотого перца по вкусу. Едят суп в основном в горячем виде.

Заметное место в структуре питания занимала затирка из кукурузной муки: в кипящую, немного подсоленную воду подсыпать кукурузную муку до получения массы консистенции густой сметаны. Непрерывно помешивая, варить до готовности (10–12 минут). Подать на стол в горячем виде со сливочным маслом. Початки молочно-восковой спелости варили, жарили на древесном угле. Поджаренные зерна кукурузы мололи на водяной мельнице и получали муку («хьэкхурт»). Ее ели с кислым молоком, сметаной. Она очень калорийная и долго не портится. Из зерен делали так называемую воздушную кукурузу. Из проросших семян кукурузы делали бузу. Способов ее приготовления несколько. Итак, кукурузные блюда занимали особое место в рационе питания адыгов и балкарцев. Эти блюда не только хорошо усваивались, но были очень полезными для организма человека, для поддержания оптимальных веса и фигуры.

Как было сказано выше, большое место в рационе питания адыгов занимали блюда из пшена. Они, в сущности, заменяли хлеб. Из проса готовили различные напитки и сладости. Самым распространенным блюдом из пшена была и есть «паста», которая употребляется вместо хлеба. Технология приготовления пасты такова: поставить воду на огонь, промыть пшено в горячей воде и опустить в кипящую воду. Массу необходимо помешивать деревянной лопаткой до тех пор, пока она не станет прилипать к посуде. Готовую пасту выложить в другую посуду и дать остыть, придав ей необходимую форму. Затем остывшую пасту разрезать на куски и подать на стол. Соотношение пшена и воды берется 1:3. В процессе приготовления пасты можно отделить какое-то количество воды и пшена и, доварив, получить великолепный суп («хьэнтхьупс»). Кстати сказать, единственное блюдо у адыгов, которое подается на стол как первое. Во всех других случаях в первую очередь подаются на стол вторые блюда и в конце – первое. При приготовлении пасты иногда добавляли немного кукурузной муки (по традиционной технологии нельзя добавлять манную крупу,

что, к сожалению, частенько наблюдается в настоящее время). Еще одно блюдо из пшена — рассыпчатая паста. Ее получают в процессе приготовления пасты. Когда крупа целиком распустится, с посуды снимается крышка, а верхнему слою крупы дают хорошо подсохнуть на медленном огне. При этом нельзя размешивать массу. Подсохшее пшено снимается, тонким слоем выкладывается на плоское блюдо, остывает и подсыхает несколько минут. Такую пасту можно есть со сметаной, кислым и кипяченым молоком. Пшено жарят, варят на молоке, делают первое блюдо из пшена, в том числе — молотого, халву («хэлыуэ»), хлеб, чурек. Адыги и балкарцы готовили различные блюда из фасоли, тыквы, арбуза и др. культур. Готовились различные супы, соусы. Из пшеничной муки делались пышки («лэкъум»), пирожки с различными начинками. Картофель, рис и другие продукты вошли в рацион питания адыгов и балкарцев с XIX в., и сейчас из них готовят разнообразные блюда.

Адыги и балкарцы готовили различные напитки и жидкую пищу. К ним относятся буза, марамажей (буза особого приготовления), арбузный мед, орех с медом и т. д. Предки адыгов в античную эпоху готовили алкогольный напиток «сано» из смородины, и оно не случайно часто встречается в литературных сюжетах. Были и другие алкогольные напитки, в частности, из винограда. Балкарцы варили очень приятное на вкус пиво.

Таким образом, адыги и балкарцы всегда питались рационально и умеренно. Это подчеркивали многие иностранные путешественники, ученые, которые бывали на Северном Кавказе и познавали быт, нравы горцев. Здесь трудно было найти человека с избыточным весом, поскольку в прошлом род деятельности горцев соответствовал рациону их питания. В настоящее время ситуация иная. Род деятельности значительно изменился, человек стал меньше трудиться физически, а высококалорийная пища осталась фактически неизменной, и поэтому сейчас много людей с избыточным весом и среди горцев. Еще одно: горцы стали употреблять много «чужих» продуктов, которые не являются традиционными для северокавказского региона.

Человек, являясь солью земли, должен питаться в первую очередь продуктами, приготовленными из тех культур, которые растут и выращиваются на его родной земле. Новые привычки в быту, проникшие извне, также

сказались на питании горцев. Отрицательно влияет на здоровье людей и отсутствие «Центров культуры питания».

ЛИТЕРАТУРА

Азаматова М. З. Адыгейская кухня. Майкоп, 1979.

Бесс, Жан-Шарль де. Путешествие в Крым// АБКНКА. Нальчик, 1974.

Д'Асколи Эмиддио Дортелли. Описание Черного моря и Татариин// АБКНКА. Нальчик, 1974.

Казанов. Культура адыгов (по свидетельствам европейских авторов). Нальчик, 1993.

Кобычев В. П. Поселения и жилища народов Северного Кавказа в XIX-XX вв. М., 1982.

Кох Карл. Путешествие по России и в Кавказские земли// АБКНКА. Нальчик, 1974.

Мамбетов Г. X. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1997.

Монпере, Фредерик Дюбуа де. Путешествие по Кавказу// АБКНКА. Нальчик, 1974.

Надежда Семенова. Человек – соль земли. СПб., 1999.

Паллас Петр Симон. Заметки о путешествиях// АБКНКА. Нальчик, 1974.

Пейсонель Карл. Трактат о торговле на Черном море// АБКНКА. Нальчик, 1974.

Потоцкий Ян. Путешествие в Астраханские и Кавказские степи.

Студенецкая Е. Н. Одежда народов Северного Кавказа.

Хан-Гирей. Черкесские предания. Нальчик, 1989.

Шогенова В. Ш. Адыгская кухня. Нальчик, 1991.

ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО АДЫГОВ И БАЛКАРЦЕВ

- § 1. Кузнечное и оружейное производство.
- § 2. Шерстяное производство.
- § 3. Художественная обработка дерева и камня.
Ювелирное производство.

§ 1. Кузнечное и оружейное производство

Важнейшей составной частью материальной культуры любого народа, в том числе адыгов и балкарцев, были предметы домашнего производства и ремесла. Предметы первой необходимости, оружие, различные сельскохозяйственные инструменты, предметы домашнего обихода были необходимой принадлежностью каждой адыгской и балкарской семьи. Материальная культура любого народа немыслима без них. И трудно будет представить себе уклад жизни народа в прошлом и настоящем, не имея полного представления об этой составляющей его материальной культуры. Именно при всестороннем изучении материальной и духовной культуры народа можно объективно судить о роде его деятельности, образе жизни и уровне развития на различных этапах его истории. Поэтому домашние промыслы являются важным объектом изучения любого этноса, в том числе адыгов и балкарцев.

В условиях натурального хозяйства и относительно слабого развития торговли с другими странами каждый народ был ориентирован всегда на то, чтобы удовлетворять свои потребности во всех областях жизни собственными ресурсами. Поэтому широкое развитие получили в прошлом у адыгов и балкарцев домашние промыслы. Они сами производили фактически все необходимое для жизни. «Какие ремесленники потребны черкесам, — писал Семен Броневский, — те у них и есть, а именно: кузнецы, оружейники, седельники, скорняки, ременьщики и серебряного дела мастера. Сии последние наводят чернь с золотою насечкою на серебре и стали для конских уборов и других оружейных украшений, на такой же образец и едва ли с меньшим искусством в отделке, как

работают в Великом Устюге. Казаки весьма уважают черкесские седла и стараются снабжать себя оными в рассуждении отменной легкости и ловкости деревянных арчагов и прочности кожаных тебеньков, служащих вместо чепрака. Черкесы готовят также порох, и всякий для себя делает селитру из быльника (буры), в июле собираемого, который, очистив от листьев и отростков, одни стебель сжигают. Остальные, для домашнего быта нужные ремесла, отправляют женщины. Ткут сукно (чекмень) и ковры, валяют войлоки и бурки, шьют женское и мужское платье, шапки, башмаки (чирики), делают шелковые с серебром и золотом тесьмы для обшивки кафтанов и шапок, из дикой конопли выделывают толстые нитки»¹.

Вот, что писал по этому поводу неоднократно побывавший в Черкесии в XIX в. Жак-Виктор-Эдуард Тебу де Мариньи (1793–1852). «Внутри ограды каждого жилища производится все, что необходимо для его обитателей. В частности, женщины там заняты тем, что делают из светлой пряжи сукно, бурки, седельные подушки, полотно, одежду, обувь, галуны, ножны для сабель, чехлы для ружей и пистолетов. Как и в произведении Гомера, черкесские княжны вовсе не освобождены от этих работ; наоборот, для них славой является выделиться, опередить в своем искусстве других. Мужчины занимаются плотничеством, налаживают ружья, лют пули, делают довольно неплохой порох, а также дубят кожи, прокатывая их между двумя кусками древесины. Кузнечное дело и обработка серебряных и золотых изделий являются единственными профессиями: первые выковывают ножи, топоры и гвозди. Серебряных дел мастера украшают оружие, рожки для пороха, пояса и т.п. Трудно представить себе степень совершенства этой работы, красоту и правильность рисунков, наносимых на металле чернью с помощью кислоты. У них есть старинное оружие»².

Свидетельством того, что изделия кустарного производства адыгов и балкарцев носили и прикладной характер, является то, что они были высокохудожественно оформленными и на них был большой спрос на внутреннем и внешнем рынках.

¹ Семен Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Нальчик, 1999. С. 197, 198.

² Жак-Виктор-Тебу де Мариньи. Путешествия в Черкесию // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 208.

«Адыгское народно-декоративное искусство весьма самобытно, — справедливо отмечает М. А. Меретуков. — Оно прошло длинный и сложный путь развития и имеет свои специфические черты. С древних времен адыги постоянно поддерживали широкие торгово-экономические и культурные связи со многими странами, что, естественно, оказало определенное влияние на развитие их декоративно-прикладного искусства. Оно впитало в себя отдельные элементы из декоративно-прикладного искусства других народов. Но эти элементы подвергались творческой переработке и органически слились с народным искусством адыгов.

Адыгское народное декоративно-прикладное искусство, в свою очередь, оказало влияние на народное искусство других народов. По данным Е. Шиллинга и С. А. Токарева, традиции адыгского золотопшвейного искусства проникли в русское. Казацкие и дагестанские мастера заимствовали у адыгов отдельные элементы ювелирного искусства. Поистине удивительна художественная культура адыгов с ее яркими специфическими чертами. Она самобытна, многогранна, сложна и является частью их национальной культуры. Для адыгского народного декоративно-прикладного искусства характерны растительные, животные и геометрические мотивы. В декоративно-прикладном искусстве нашли отражение окружающая природа, многие стороны этнической истории, быта адыгов, их мировоззрение, эстетические идеалы»¹.

Итак, домашние промыслы у всех народов, в том числе у адыгов и балкарцев, являлись народным искусством, которое всегда носило прикладной характер. Предметы первой необходимости, различные виды оружия, орудия труда были и своего рода произведениями искусства. При их создании мастера придавали исключительно большое значение не только удобству при их использовании, но и их красоте, изяществу.

В производстве предметов первой необходимости у адыгов и балкарцев большую роль играла женщина. Она не только воспитывала детей и ухаживала за членами семьи мужского пола, но также много времени уделяла пошиву одежды, обуви, производству предметов обихода.

¹ Меретуков М. А. Кустарные промыслы и ремесла адыгов (XIX — начало XX в.) // Культура и быт адыгов. Майкоп, 1981. С. 3-6; Е. Шиллинг. Адыгский узор — искусство. 1940. С. 160; Токарев С. А. Этнография народов СССР. М., 1958. С. 258.

Фредерик Дюбуа де Монпере еще в XIX в. писал, что в каждой черкесской семье женщины занимаются изготовлением предметов первой необходимости в хозяйстве: из светлой пряжи они ткут нечто вроде сукна буроватого или серого цвета, они умеют также выделывать фетровые манто (бурка, «щлакIуэ»); они шьют обувь и одежду; они занимаются даже выделкой седельных подушек, привязных ремней, ножен для сабель и чехлов для ружей¹.

Многие иностранные и русские авторы отмечали, что среди адыгов были большие мастера по производству оружия и по их украшению. «Главное щегольство черкесов состоит в оружии, — писал Семен Броневский, — и хотя они преимущественно стараются о доброте оного, однако не отвергают приличного украшения. Конские уборы, сабля, ружье, пистолет покрываются серебряною и золотую насечкой с чернью довольно богато и со вкусом, седло и сабельные ножны обшиваются тесьмами серебряными же и золотыми»².

Одним из древнейших и значимых родов деятельности людей было кузнечное дело. Получение человеком металла, особенно железа, является временем появления и первых кузнецов. Адыги всегда особо почитали железо. Ему они придавали сверхъестественную силу. Это и понятно. Научные исследования последних лет неопровержимо доказали, что именно древнейшие предки абхазо-адыгов — хатты, впервые научились выплавлять железо из руды. Этот промысел распространился в остальных странах. С древнейших времен адыги научились получать и обрабатывать этот металл. Поэтому недаром купцы всегда проявляли особый интерес к нему. Железо пользовалось особым спросом и стоило в 40 раз дороже серебра и в 5–8 раз дороже золота. Долгое время вывоз железа за пределы Малой Азии был запрещен. Именно этим обстоятельством могут быть объяснены неоднократные случаи контрабандного вывоза железа, описанного в ряде известных текстов. «Железо есть важнейший металл, — писал Хан-Гирей, — добываемый у себя черкесами; в некоторых верховьях рек и в краях гор нахо-

---

¹ Фредерик Дюбуа де Монпере. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазцам, в Колхидию, Грузию, Армению и в Крым// АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 454.

² Семен Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Нальчик, 1999. С. 170.

дят камень, имеющий железные частицы; этот камень, говорят, мелок, имеет цвет темно-красноватый. Наверху собранной кучи камней этого рода складывают целые сажени дров удобно для сгорания, потом зажигают их и тогда от влияния огня складенные камни приходят в такое состояние, что их можно разбить в мельчайшие куски, из которых и выплавляют металл с помощью угольного камня и мехов». Он также отметил, что добываемое таким способом железо не удовлетворяет потребность жителей¹.

Ученые пришли к выводу, что металлургия зародилась на Северном Кавказе в III тысячелетии до н. э. Издавна людей, умевших обращаться с металлом, чтили, приписывали им сверхъестественные силы. У адыгов и балкарцев был в древности такой обычай: женщины относили новорожденного в кузницу и купали его в кузнечной воде. По их представлению, это предохраняло от болезней и других несчастных случаев. Человек равно как обожествлял железо, считал кузнеца не человеком, а богом. По мнению древних наших предков, кузнец мог вселять в железо душу.

В хозяйственной жизни адыгов и балкарцев, как и у других народов, большую роль играла обработка металла. Как было сказано выше, еще в эпоху бронзового века (конец III — начало II тысячелетия до н. э.) на Северо-Западном Кавказе — территории проживания основного массива предков адыгов — существовал местный очаг металлообрабатывающего производства. Следует здесь отметить, что развитие металлургии и металлообработки Прикубанья шло по особому пути развития. «Предки адыгов, — пишет М. А. Меретуков — имея богатый опыт по обработке меди и бронзы, легко могли перейти к обработке железа». О появлении железа у племен Северного Кавказа Е. И. Крупнов пишет: «Циклы нартских сказаний о курдалагане, о Сафе, о Тлепше — это гимны, певшиеся предками народов Центрального Кавказа железному веку «топора и меча», определившему их дальнейшее развитие в условиях уже железоделательного производства, которое приходится на начало I тысячелетия до н. э.»².

Памятники материальной культуры, обнаруженные

¹ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 59.

² Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 375.

в результате археологических раскопок на территории предков адыгов, свидетельствуют о том, что они очень рано начали плавить железо и изготавливать из него оружие труда и оружие. Например, в Николаевском могильнике, который относится к VIII–VII вв. до н. э., обнаружены железные пряжки, наконечники¹. А в могильнике Ясенской Поляны, относящемся к VII–VI вв. до н. э., найдены железные наконечники копий². Энгельберт Кемпфер еще в XVI в. отмечал, что адыги очень трудолюбивы и добывают даже железо из рудников, которое они также куят и изготавливают из него всякого рода оружия³. На территории адыгов имелись различные виды железной руды, — отмечает М. А. Меретуков, — бурый, красный, хромистый и шпатовый железняк, болотная руда»⁴.

Адыги не только получали сталь, но они хорошо были знакомы с производством чугуна. Естественно, при таком уровне развития металлургии, они не могли не заниматься кузнечным производством. Поэтому кузнечное ремесло получило большое развитие. Ввиду специфических условий труда кузнец раньше других ремесленников стал работать в специальном помещении — кузнице. Нередко все население сообща строило ее. Первый день работы в новой кузнице отмечался как большой праздник. Собравшиеся обращались с молитвой к богу Тлепшу — покровителю кузнецов и оружейников, прося, чтобы он посвятил кузнеца во все тайны ремесла и всегда покровительствовал ему. Кузнецы были хорошо знакомы с технологиейковки, сварки, термической обработки и цементации железа и стали, а также с различными способами закалки. Чтобы закалить предмет, его нагревали до определенной температуры и погружали в холодную воду, растительное масло или животный жир. Последние два считались хорошей закалочной жидкостью, так как в масляной среде металл охлаждался медленнее, чем в воде. Кроме этого, адыги закалывали пашки, сабли, кинжалы и другие виды холодного оружия

¹ Анфимов Н. В. Протогеметский могильник сел. Николаевское. Сборник материалов по археологии Адыгеи. Т. 2. Майкоп, 1961. С. 117.

² Энгельберт Кемпфер. О Черкесии // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 117.

³ Меретуков М. А. Кустарные промыслы и ремесла у адыгов (XIX — начало XX в.).

⁴ Культура и быт адыгов. Сборник статей: Майкоп, 1981. С. 49, 50.

особым способом. Например, юношу сажали на скаковую лошадь и он, размахивая этим оружием, на полном скаку, закаливал его на ветру.

Адыгские кузнецы считали, что закаливающие свойства заключены в самой жидкости, и чтобы усилить эти свойства, добавляли в жидкость горное растение зыкер («зыкър»). Предмет подвергали закалке 2–3 раза, а иногда и 7 раз, чтобы придать ему большую твердость и прочность¹. Убеждение, что предмет приобретает особую твердость и прочность именно после семикратного закаливания, распространено среди адыгских кузнецов издавна. Вот что говорится в нартском эпосе по этому поводу: «Семь раз окунал бог-кузнец раскаленного ребенка, закалял до тех пор, пока его тело не превратилось в булат»².

«След железа в жизни человечества запечатлелся глубоко, пожалуй, навечно, — пишет Х. Х. Яхтанигов. — Не случайно фамилия «Кузнецов» — самая распространенная в мире. Таковы кабардинские фамилии: Гуковы, Гукетловы, Гучаковы; балкарские и карачаевские: Темирчиевы, Темировы, Демирчиевы; у абазин — Аджи, у эстонцев — Сепп, у поляков — Ковальский, у венгров — Ковач, у немцев — Шмидт. Божеств железа и кузнечного дела тоже немало. У адыгов — Тлепп, у балкарцев и карачаевцев — Дебет, у восточных славян — Сварог, у абхазцев — Шапва, у греков — Гефест, у итальянцев — Вулкан»³.

Профессор Дж. Н. Коков и Л. Дж. Кокова тоже перечисляют фамилии, где слово кузнец («гъукIэ») лежит в основе ряда адыгских фамилий:

- гъукIэ (кузнец);
- гъукIэжь (бывалый, известный кузнец);
- гъукIэкъул (гукекул);
- гъукIэлI (кузнец-мужчина);
- гъукIэмышъу (неопытный кузнец);
- гъукIэппц (старший кузнец);
- гъукIэппцокъуэ (сын старшего кузнеца)⁴.

Недаром поэтому такое заметное место занимают

¹ Меретуков М. А. Кустарные промыслы и ремесла адыгов (XIX — начало XX в.) // Культура и быт адыгов. Сборник статей: Майкоп, 1981. С. 49–55.

² Нарты. Кабардинский эпос. М., 1957. С. 27.

³ Яхтанигов Х. Х. Экспонаты повествуют. Нальчик, 1984. С. 3.

⁴ Коков Дж. Н. и Кокова Л. Дж. Кабардино-черкесские фамилии. Нальчик, 1993. С. 28.

железо и кузнец в нартском эпосе. Тлепш — ученик первого кузнеца Дабеча, становится богом кузнечного и оружейного дела. Он своим мастерством спасает род нартвов. Он им кует не только оружие, но и первые железные орудия труда, без которых немислима сама жизнь. Его именем давали клятву, в его честь произносились тосты; кузня со временем становится не только тем местом, где «в железо вкладывают душу» и создают многое необходимое людям, она становится священным местом, местом, где обитает один из главных богов — Тлепш. Слово Тлепш («лэпш») происходит от адыгского слова «лэщ» (сильный). Он действительно всемогущий, он может все. Вот как описывается дело Тлепша и Дабеча в знаменитом нартском эпосе:

Радостен труд кузнеца;
В душу руды он проник,
Понял железа язык.

В другом месте этого же сказания Тлепш говорит Дабечу:

«Я пращур молотобойцев,
Я всех кузнецов грядущих
Единый родоначальник.
Пришел я в первую кузню,
Прошусь к тебе в подмастерья.
Впусти же меня, хозяин!»
Войдя, принялся за дело.
Умело кует, проворно.
Дабеч у горна стареет,
А Тлепш мужает у горна.
Однажды полночью черной
Дабечу старому снится:
В кузне железо
Тлепш закликает,
Повелевает
Горной рудою.
Та покорялась
Беспрекословно,
Словно железо
Стало водою.
Радо железо...
«Мой Тлепш, ты один
Кузнец настоящий,
Глядящий бесстрашно
Железу в глаза!

Беспомощен я,
Как встанешь ты рядом,
Ты властвуешь взглядом
Над мощной рудой.
Умелой рукой
Бедро почини ты...»
А Тлепш чинит — лечит
Стальное бедро.
Лишь справился с делом,
О нем зашумела
Людская молва.
Собрание старейших
За Тлепшем послало
Быстрейших гонцов.
Он входит на Хасу,
Его там встречают
С почетом большим.
И сано семь бочек
В честь бога железа
На радостях пьют¹.

Так что, кузнец всегда был одним из главных и высокопочитаемых людей общества. Кузнецы, по общему мнению, обладали какой-то таинственной силой. Каждый из них имел свои секреты в обработке металла, в изготовлении различных видов оружия, инструментов, орудий труда. Они передавались только их ученикам. При этом следует иметь в виду, что не каждого желающего молодого человека брали настоящие кузнецы в ученики. Их тщательно отбирали, те держали строгий экзамен. Учитывали не только его физические данные, но и морально-психологические качества. Обучение ученика продолжается целый год. За этот период мастер передавал своему ученику искусство и секреты кузнечного дела. Ученик за обучение ничего не платил, но обязан был выполнять различные работы по хозяйству в доме своего учителя.

Окончание срока обучения сопровождалось торжествами, застольем, куда приглашались родственники и родители ученика. На этом застолье в торжественной обстановке учитель передавал своему ученику один из главных кузнечных инструментов, сделанный самим же учеником, и это означало, что он стал самостоятельным кузнецом. У знаменитых адыгских кузнецов обучались

---

¹ Нарты. М., 1957. С 323—328.

и ученики из соседних народов – осетин, ингушей, балкарцев и т. д. Нелегко было заслужить место сельского кузнеца, его все жители села не только уважали, но и узнавали его изделия, ибо почти каждая семья пользовалась его услугами. Кузнецы высокого мастерства имели свое клеймо, и по нему определялось, кто сделал тот или другой инструмент, орудие труда (серп или клещи, нож или кинжал и т. д.) или оружие. Поэтому он дорожил своим именем и авторитетом. Он не мог позволить себе производить что-либо некачественно, не вкладывая, как говорится, частицу своей души в него. Он создавал каждый предмет штучно, поэтому многие изделия кузнечного ремесла высоко ценились. Отдельные кузнецы были известны далеко за пределами своего села, края.

У адыгов и балкарцев существовала категория общинных кузнецов, обслуживающих весь населенный пункт. Общинные кузнецы нанимались на целый год или на один-два сезона. Например, в период весенне-полевых работ они обязаны были со своими инструментами находиться в поле и оказывать необходимую помощь крестьянам в их нелегком труде. За эти услуги последние выполняли все необходимые сельхозработы для самого кузнеца: вспахивали его земельный участок, осуществляли сев и т. д. Общинные адыгские кузнецы, которые работали в Балкарии, получали плату за свой труд скотом. Как видим, одно из древнейших у людей ремесел – кузнечное – играло огромную роль в экономике каждого народа. Кузнец был настоящим творцом, он был морально богатым человеком. Он был отражением духа народа, к которому принадлежал. Он всегда был не только его частицей, но всегда «сопровождал» металл, особенно железо, ибо его наличие ничемно без кузнеца. Поэтому они всегда едины, неразрывны. И не случайно бог железа и кузнечного дела адыгов и балкарцев Тлепш (Дебет) занимает одно из главнейших мест среди их богов¹.

В своей многовековой истории адыгам приходилось постоянно защищать свою землю и свободу от внешних врагов. Особенно длительной и напряженной была их борьба с различного рода азиатскими – тюркскими и ираноязычными – кочевыми племенами. Постоянно совершали набеги на адыгов монгольские войска, турки и крымские татары. Словом, история адыгов была факти-

¹ Мамбетов Г. Х. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1997. С. 50, 51.

чески историей их борьбы с различными завоевателями. И это все наложило свой отпечаток на их образ жизни. Поэтому их быт отличался военными чертами, т. е. вся их жизнь была подчинена войне. Адыги никогда не расставались с оружием: и в поле, и в походе, и в гостях, — даже спали при оружии. И в этих условиях адыг не мог позволить себе носить плохое оружие, особенно холодное. Он мог быть плохо одет, но он всегда должен быть вооружен превосходным оружием и иметь надежного и хорошо ухоженного коня. «В Персии и Турции и в других местах Азии вы найдете оружие более богатое, нежели в Черкесии, — писал Хан-Гирей, — но с таким прекрасным вкусом обработанных там не увидите»¹. Т. Лапинский писал, что в Черкесии почти повсюду есть оружейных и серебряных дел мастера, очень искусные в своей профессии, — это почти непостижимо, как они, с их немногочисленными и недостаточными инструментами, могут приготавливать превосходное оружие. Золотые и серебряные украшения, которые вызывают восхищение европейского любителя оружия, исполняются с большим терпением и трудом скудными инструментами.

А крупный кавказовед В. К. Гарданов писал, что адыгские оружейники и ювелиры не только удовлетворяли местный спрос, но высоким качеством и красотой своих изделий снискали себе славу искусных мастеров даже за пределами своей страны. Терские и кубанские казаки и офицеры Кавказской (русской) армии, понимавшие толк в оружии, охотно покупали его у адыгских мастеров; особенно высоко ценилось холодное оружие.

Г. И. Филипсон отмечал в своих воспоминаниях, что в период Русско-Кавказской войны черкесское оружие носили всегда и все офицеры русской армии, служившие на Кавказе. Он писал, что оружие имело условную цену, иногда до нелепости высокую. Холодное оружие было действительно недурно... наружный вид и отделка оружия были своеобразны и очень красивы. Русские солдаты, которые провели много лет в плену у черкесов, также утверждали, что производство оружия в стране весьма распространено и почти в каждом ауле имелись соответствующие мастера.

О многочисленности в Черкесии ремесленников по производству оружия могут свидетельствовать различные постановления народных собраний закубанских адыг-

¹ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 53.

ских племен, запрещавшие в период борьбы с царизмом во время Русско-Кавказской войны продажу оружия в Россию. Запрещение это подтверждалось, в частности, и на знаменитом Адагумском собрании 1848 г. Понятно, если бы продажа оружия в Россию была случайным явлением и не носила массового характера, то вопрос подобного рода торговли не возбуждался бы так часто на народных собраниях адыгов.

Следовательно, производство оружия в Черкесии в первой половине XIX в. было весьма значительным, ибо оно не только удовлетворяло внутренний спрос, возросший в связи с войной против царской России, но могло еще отправлять значительную часть своей продукции на внешний рынок.

В ходе Русско-Кавказской войны значительно возросли потребности не только в различных видах огнестрельного оружия, но и в порохе. Только сера, которая необходима для его приготовления, ввозилась из-за границы, а селитра, которая тоже идет на его производство, добывалась на месте. И, по утверждению многих иностранных и русских авторов, в каждом адыгском населенном пункте готовили порох. «Нет почти ни одного черкеса, — писал в 1836 г. Хан-Гирей, — который не имел бы огнестрельного оружия ... После этого трудно ли понять, что потребность пороха чрезвычайна у этих племен и это самое является причиною, что в каждом ауле приготавливают порох»¹.

Оружие адыгов и балкарцев было самым разнообразным. В древности и средние века широкое распространение имели лук и стрелы. Стрелы тщательно отделывались и снабжались железным острием. Луки были прочные и больших размеров. Стрелы хранились в колчанах. Были также секиры, пики, копья, дротики. Адыги делали очень прочные и чрезвычайно легкие кольчуги. В частности, кольчуга, состоящая из 20—25 тысяч колец, весила не более 500 г и умещалась на ладони человека.

Джеймс Белл, который находился среди черкесов несколько лет и досконально изучил их быт, нравы, отмечал, что многие черкесские кольчуги были непроницаемы для пуль и были такие кольчуги у них, за которые

---

¹ Гарданов В. Общественный строй адыгских народов. М., 1967. С. 108, 109.

давали до 200 быков¹. В большом количестве адыги производили шлемы, налокотники, сабли, кинжалы, щиты и другие доспехи воина. Адыгские виды оружия были известны далеко за пределами их родины. Они очень ценились в Иране, Турции, Ираке, России. Последняя специально выписывала адыгских оружейников для работы в Москве. Они изготавливали булатные сабли, панцири, шашки и другие виды холодного оружия. Ими снабжали офицеров русской армии, казаков. Имена многих оружейных мастеров были известны далеко за пределами Черкесии. Например, такие, как Ержибов, Таов, Дабагов, Сижажев, Купхабиев...

Мастера делали особого типа кремниевые ружья. Они были не только высокого качества и имели точную убийную силу, но и отделка их была изящной. Оружие делилось на наступательное и оборонительное. Говоря о вооружении черкесов, Хан-Гирей писал, что во всякое время черкес бывает обвешан или окружен оружием: всегдашняя опасность его жизни того требует. В самый же час нападения лучшие воины высшего класса и богатейшие из них бывают с ног до головы покрыты сверкающими доспехами. К наступательным видам оружия он относил следующие:

1. **Колчан**, или сайгадак, с луком и тридцатью стрелами. Он отмечал, что это оружие есть самое древнее в Черкесии, и поныне существуют еще старцы, которые помнят то время, когда большая часть воинов высшего класса носила это вооружение. Ни один народ, употреблявший это древнее оружие, не достиг до такой степени искусства в украшении его, как черкесы: серебряный прибор к колчану делается под чернью и позолоту. Чехол, на стрелы надеваемый, бывает шит серебром и золотом. Черкесы сами делают стрелы с большим искусством. В настоящее время это оружие употребляется реже, ибо все постигли преимущество огнестрельного оружия.

2. **Сабля колчанная**. Она носится при колчане, имеет ручку чешуйчатую и обыкновенно бывает оправлена в желтую медь, с искусством чеканенную. Эта сабля имеет то преимущество над шашкой, что ею можно рубить и колоть, между тем как шашкою можно только рубить.

3. **Ружье**. Это губительное оружие в настоящее время предпочитается всем другим, и каждый черкес, начиная

¹ Джеймс Белл. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838, 1839 гг. // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 499.

от пастуха до князя, имеет исправное оружие. Знатнейшие воины из лучших фамилий имеют ружья, оправленные в серебро под чернью, с позолотою и золотом насечкою на замке и подписью на стволе. Вместе с ружьем носят и сошки, искусно оправленные и состоящие из двух тонких и упругих прутьев.

4. **Пистолеты.** Они бывают собственно черкесские и турецкие. Высший класс всегда имеет при себе заряженный пистолет, и оружие это бывает часто виною смерти при случайных спорах.

5. **Пашка.** Ее носят обыкновенно при ружье; кто имеет ружье, тот должен иметь и пашку. Оружие это в большом уважении у черкесов, особенно древние пашки.

6. **Кинжал.** Это оружие можно, так сказать, причислить к верхней одежде черкеса, в особенности у лучших воинов высшего класса, ибо они снимают с себя кинжал только тогда, когда скидают и верхнее платье. Черкес ест, пьет, говорит, забавляется всегда с кинжалом на поясе и спит, имея его под своим изголовьем, следовательно, он вечно вооружен.

В прежние времена принадлежал к вооружению черкеса и топорик (майде), и поныне у древних азиатских народов употребляемый. Также в отдаленных веках черкесы сражались и пиками, что видно из древних их песен, но ныне эти оружия более не в употреблении.

К оборонительным видам оружия он относил следующие:

1. **Шлем.** Шлемы делаются различных форм: высокие и низкие. Они также бывают обыкновенно отделаны серебром с позолотою, с сеткою или забралом и с кистью наверху.

2. **Панцирь, или кольчуга.** Это оборонительное оружие бывает весьма полезно в сражениях между черкесами, происходящих, когда нередко доходят до холодного оружия; кольчуги сделаны из мелких стальных колец.

3. **Налокотники.** Их носят на обеих руках, и они делаются из железа, оправленного серебром с позолотою.

4. **Наручники.** Эти вещи вышиваются мастерски на красном сафьяне золотом и серебром черкешенками, и на них прикрепляются стальные сетки. Раструбы наручников, служащие защитой пальцев, укрепляются под налокотниками.

В древние времена к этим оборонительным оружием (орфография автора цитаты.— К. У.) принадлежали

кольчужные шаровары, равно как латы, которые ныне очень редки и не в употреблении.

У горцев издавна было широко развито производство оружия, связанное прежде всего с их военной организацией. Каждый мужчина от 20 до 60 лет считался воином и по тревоге должен был выступать полностью вооруженным. Археологи находят древние мечи, сабли, кинжалы, изготовленные до XVI в. От XVI–XVII вв. дошло несколько черкесских клинков и панцирей, которые хранятся в Оружейной Палате Московского Кремля. У адыгских народов с древних пор были высоко развиты связанные с военным делом ремесла – производство и украшение оружия. В музее хранится большая коллекция черкесских сабель рубежа XIV–XV вв., найденных при раскопках Белореченских курганов вблизи Майкопа.

К вооружению черкеса принадлежит и сбруя его боевого коня, состоящая в следующем:

1. **Арчак** («уанэпхъэ», т. е. деревянная основа седла). Он делается наподобие казачьих, но не в пример красивее, легче и ловчее.

2. **Подушка** шьется по большей части из мешаны, вывороченной и выкрашенной черною краскою, с каймою из красного сафьяна шириною в полтора вершка. Эта красная кайма обшивается по краям серебряным позументом.

3. **Вальтрап**. Он бывает из черного сафьяна: его обшивают также серебряным галуном. Таких вальтрапов не требуется для арчаков, отделанных серебром, которые покрывают разными покрывалами для охранения от дождя и прочего, разумеется, когда они не в употреблении.

4. **Потебеньки** делаются с разными, искусно вычеканенными фигурами, из белой или красной юфти лицом вниз.

5. **Потник** делается из войлока в 6 и 8 слоев; его покрывают сверху красным сафьяном, а внизу подкладывают желтую мешину.

6. **Уздечка** и **подхвостник** делаются с прекрасными серебряными с чернью, нередко и с позолотою, пуговками и пряжками. Беднейшие же имеют эти вещи из простого ремня. Нагрудники редко употребляются.

7. **Стремена** делаются обыкновенно из железа разных фасонов, их отделывают иногда серебром и нередко с чернью.

8. **Треноги** («лъахъэ»). Их делают с плетями и с железными или костными палочками.

9. Плети, или нагайки («щюупщ»), делаются круглые и треугольные. Последние с особенным искусством плетутся и обыкновенно бывают украшены шелковыми лопаточками. Ремни, употребляемые как к конской сбруе, так и к ружью вообще, делаются из кожи рогатого скота и с особенным вниманием вырабатываются. Их красят синькою, а также красною краскою, добываемую из ольховой коры с примесью, нередко и дубовой. Этой краскою выкрашенные ремни получают особенную доброту и мягкость.

10. Седельный топорик с топоричем.

11. Подседельный ящичек для соли, обыкновенно косяной.

Вещи эти приделываются к седлу, когда на долгое время войны пускаются в наезды. Ко всему этому еще надобно присовокупить вещи, составляющие необходимое, так сказать, утварь лучших наездников. Они суть: аркан, железные маленькие оковы для пленников, огниво, кремень, трут (фитиль или высушенный гриб-трутник, зажигающийся от искры), серные и восковые свечи, шило, запас ремней, чемоданчики, бритвы и прочие необходимые в поле вещи. Даже отчаяннейшие головорезы имеют нередко при себе готовую погребальную одежду — род савана, что доказывает решительную их готовность умереть во всякую пору.

Панцири, шлемы, пашки и ружья составляли прежде, да и ныне составляют богатство черкесов высшего класса, и они до того имеют к ним сильное уважение, суеверием вкорененное, что лучшие оружия не показываются народу и со тщанием хранятся, переходя от предков к потомкам и составляя драгоценный клад каждого семейства, ими владеющего.

Он далее отмечал, что адыги за кровь или за невесту платили оружием. Поэтому им дорожили. Занятнейшие панцири, сабли, шлемы и прочие имели свои названия, которые переходили от предков к потомкам, хранящим их.

Некоторые панцири в Черкесии оценивались в 30 душ обоего пола. Было много суеверных рассказов о сверхъестественности этих панцирей и другого оружия. Каждое значительное оружие имело свою историю. И он заключает: «Едва ли есть народ, в котором каждый воин имел бы на себе столько оружия, сколько имеет каждый воин-черкес. Он с ног до головы покрыт и обвешан дос-

пехами. Но все это так хорошо пристроено, что ни одна вещь не мешает ни его ловкости, ни проворству»¹.

Вот как сказал по этому поводу русский классик, певец Кавказа А. С. Пушкин в замечательной поэме «Кавказский пленник»²:

«Черкес оружием обвешан;
Он им гордится, им утешен;
На нем броня, пицаль, колчан,
Кубанский лук, кинжал, аркан
И шапка – вечная подруга
Его трудов, его досуга.
Ничто не брякнет; пеший, конный –
Все тот же он: все тот же вид
Непобедимый, непреклонный,
Гроза беспечных казаков,
Его богатство – конь ретивый,
Питомец горских табунов,
Товарищ верный, терпеливый...»

Мы сознательно привели слова Хан-Гирея по поводу вооружения черкесов, чтобы показать, какое внимание уделяли они этому важному вопросу. Иначе и не могло быть, т. к. целиком и полностью их образ жизни был подчинен защите своей родины. Одним из основных занятий уорков (дворян) была война, наездничество.

А. Фонвиль еще в XIX в. писал, что безоружным черкес не сделает ни шагу; он спит, ест, работает всегда и везде с оружием, и до того они привычны носить его с собою, что вес его нисколько их не беспокоит³.

По свидетельству турецкого географа и путешественника XVII в. Эвлия Челеби, Черкесия могла выставить 64 тыс. воинов⁴. А Иоганн Бларамберг отмечал, что, судя по числу семейств, общее число воинов, которое эти народы (черкесы. – К. У.) могут выставить в случае необходимости, можно оценить более чем в 60 тыс. человек. «Мы здесь исходили из расчета один воин от одной семьи; однако, – утверждал он, – учитывая образ жизни и нравы этих народов, которые покрывают глубочайшим позором того, кто остается дома в то время, как его соотечествен-

¹ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 242–248.

² Пушкин А. С. Сочинения. В 3 т. М., 1986. Т. 2. С. 10.

³ Фонвиль. Последний год войны Черкесии за независимость 1863–1864. Нальчик, 1991. С. 5.

⁴ Асвацатурян Э. Оружие народов Кавказа. Москва–Нальчик, 1995. С. 16.

ники сражаются с врагом, можно с уверенностью сказать, что это число должно быть значительно больше»¹. Все это говорит о том, что фактически черкесское общество представляло собой почти военную организацию. При таком образе жизни народ достиг большого мастерства и в производстве различных видов оружия. Небезынтересно будет остановиться более подробно на некоторых видах как наступательного, так и оборонительного видов адыгского оружия. «Знаменитая адыгская шашка представляет собой разновидность сабли, ее название имеет черкесское происхождение и означает длинный нож, — отмечает Э. Аставацатурян. — Очевидно, у черкесов и следует искать родину этого оружия». В письменных источниках слово «шашка» впервые было употреблено Джиованни Луккой в 1625 г.: «Постоянное беспокойство, которое принуждает их очень к войне, сделало из них лучших наездников во всех этих странах. Они мечут стрелы вперед и назад и ловко действуют шашкой (подчеркнуто нами. — К. У.). Голову защищают они кольчатым пишаком, покрывающим лицо. Оружием для нападения, кроме лука, служат им копыя и дротики. В лесу один черкес обратит в бегство 20 татар»².

Археологические материалы свидетельствуют о том, что наряду с длинной саблей со штыковым концом в погребениях XII–XIII вв. встречаются более короткие (до 1 м) малоизогнутые клинки, не имеющие штыкового конца и защиты для руки. Это, видимо, и есть ранние варианты шашки — длинного ножа. Шашку носили на портупее таким образом, чтобы боец одним движением вынимал ее из ножен и не меняя положения руки наносил удар³. Все указанные виды оружия черкесов, как наступательные, так и оборонительные, свидетельствуют о том, что они не уступали в своем вооружении самому хорошо вооруженному европейскому солдату того времени. Черкесский воин имел при себе все нужное в военных походах от предметов первой необходимости до верного коня. Одежда, конская сбруя и все остальное были исключительно приспособлены к условиям войны и долгих похо-

¹ Иоганн Вларамберг. Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992. С. 110.

² Джиованни Лукка. Описание татар// АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 71.

³ Аставацатурян Э. Оружие народов Кавказа. Москва–Нальчик, 1995. С. 29–35.

дов черкеса, что так метко описал великий Пушкин в поэтической форме в вышеприведенном отрывке.

В XVIII в. славились многие адыгские мастера по выделке стрел, которые продолжали использоваться на всем Северном Кавказе наряду с огнестрельным оружием. Их имена были известны далеко за пределами Черкесии. По данным М. Пейсонеля, из Черкесии вывозилось 300 тыс. стрел. Главными покупателями были татары и ногайцы. Стрелы выделялись двух сортов; высшего сорта — оклеивались орлиными перьями и употреблялись только феодалами.

Среди адыгских ремесленников существовала довольно узкая специализация, что значительно способствовало развитию их профессионального мастерства. Так, седла изготавливались обычно мастерами четырех специальностей. Деревянную часть седла делал арчачник («уэнаццIэ»), кожаные принадлежности седла — подушки, тебенки, ремни — шорник («фаццIэ»), металлические принадлежности — кузнец («гьукIэ»), серебряные и позолоченные украшения — ювелир («дыщэкI»). Русские и иностранные авторы единодушно отмечали, что черкесские мастера и мастерицы производили превосходные изделия, которые служили образцом для остальных народов Северного Кавказа. «Черкесские оружейники и ювелиры, седельники и шорники, ткачи и портные заслуженно пользовались широкой известностью и выступали законодателями горских народов, — писал В. К. Гарданов. — Прочность и красота, легкость и удобство создали славу черкесским изделиям, начиная от конского убранства и кончая костюмом, который получил распространение на всем Кавказе»¹.

§ 2. Шерстяное производство

Традиционно адыги и балкарцы, как и другие народы Северного Кавказа, издревле занимались животноводством, особенно высокого уровня развития получило овцеводство. Адыгская порода овец была самой распространенной. Адыги на протяжении многих столетий работали над тем, чтобы эта порода овец была выносливой и

¹ Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов. М., 1967. С. 110.

суровых условиях Северного Кавказа, ее мясо отличалось высокими вкусовыми качествами. И. Бларамберг отмечал, что черкесы содержат большие стада крупного рогатого скота и овец: по числу скота здесь оценивается богатство семьи. Овцы составляют почти все богатство черкесов и являются самой важной статьей их хозяйства; мясо едят без хлеба и соли. У черкесских овец мясо более светлое и более вкусное, чем у наших (русских). — *К. У.*) Частое употребление баранины в пищу не вызывает пресыщения. Овец доят и из их молока делают сыр¹. Ученые доказали, что в мясе этой породы овец, в отличие от других, отсутствует холестерин. Эта порода круглый год может обходиться подножным кормом. Самое главное — она дает высококачественную шерсть. Вот эту породу овец разводили адыги и балкарцы сотнями тысяч, и ее шерсть шла не только на внутреннее потребление, но в больших количествах вывозилась в различные страны. Экспортировалась не только шерсть, но и в меньшей степени и шерстяные изделия — бурки, сукно и другие товары, кроме этого, экспортировались овечьи шкуры, рога. М. Пейсонель, который исследовал торговлю черкесов в середине XVIII в., приводит интересные данные по этому вопросу. В частности, он отмечал, что из Черкесии ежегодно вывозилось в различные страны много шерсти и изделия из нее. Шерстяные изделия и сама шерсть продавались на турецком, русском, польском, крымском, молдавском и других рынках. В указанный период Черкесия вывозила около 100 тыс. центнеров шерсти. Он отмечал, что шерсть была довольно хорошего качества. При этом одна часть была белого цвета, а три четверти — черного. Кроме этого, весьма много шерсти потреблялось на месте, в самой Черкесии, для изготовления всех необходимых вещей. Пейсонель отмечал, что овцы в Черкесии не болели болезнью пелады, от которой лезет шерсть. Черкесы из шерсти делали различные сорта ткани. На заказ делали более тонкую шерсть. В этой связи Пейсонель приводит такой пример. «Сын Абдул-Аги, главного казначея Крыма, показал мне черкесское сукно такого хорошего качества, что я (т. е. Пейсонель. — *К. У.*) принял его за французское и мне стоило большого труда заставить себя поверить, что в этой стране можно найти

¹ Иоганн Бларамберг. Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992. С. 72.

шерсть, пригодную для производства столь хороших су-кон».

Следует отметить, что ткачество у адыгов имеет древние и богатые традиции. Об этом красноречиво свидетельствуют материалы археологических раскопок. Например, при раскопках городища Елизаветинского (IV в. до н. э.) найдены глиняные пряслица и гирьки от ткацкого станка. По данным Н. Анфилова, в древности ткацкое ремесло у адыгов было широко распространено¹.

Характеризуя кустарные промыслы и ремесла горских народов, О. В. Маркграф и Б. Е. Хижняков отмечали, что «искусство ткать шерсть известно не только каждому племени Северного Кавказа, но и в каждой сакле»². По данным Е. И. Крупнова, в конце бронзового и начале железного века (I тысячелетие до н.э.) племена Северного Кавказа производили грубошерстные и лучшего качества ткани. Он отмечал, что, «судя по ряду данных, употребление шерстяной ткани было очень широким»³. Тот же Пейсонель отмечал, что из Черкесии вывозилось ежегодно 100 тыс. кусков чекменя (материя, изготавливаемая из шерсти и очень распространенная по всей Татарии и Турции). Вывозилось 5–6 тыс. особого рода платя из шерсти. Кстати, это платье было различных сортов. Продавалось на внешнем рынке 50–60 тыс. штанов, или шальваров из шерсти. Одним из самых ходовых товаров из шерсти была знаменитая бурка. Она высоко ценилась не только внутри страны, но и на внешнем рынке. Ежегодно Черкесия экспортировала 200 тыс. бурок превосходного качества трех сортов. Пейсонель также отмечал, что существует и четвертый, или высший сорт, но таких в продаже не бывает, и они выделяются только по заказам знатных особ для личного их употребления или же для подарков. Они в большой цене, но из Черкесии вывозят их очень малое количество. Бурки производились главным образом из шерсти осенней стрижки с длинным ворсом. В этом плане трудно согласиться с утверждением М. Пейсонеля, что якобы бурки делали из шерсти весенней стрижки. «Стрижка производится два раза в год: в мае и в сентябре, — писал он. — Первая наиболее предпочтительна, потому что в эту пору

¹ Анфилов Н. Из прошлого Кубани. Краснодар, 1938. С. 38, 64.

² Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 329.

³ Там же. С. 329.

шерсть бывает длиннее». Наоборот, шерсть более качественнее, когда упитанность овец более высокая, т. е. осенью. Кроме шерсти и шерстяных изделий, как было отмечено выше, вывозилась в большом количестве кожа как крупного, так и мелкого рогатого скота. В частности, ежегодно вывозилось 5–6 тыс. хороших сыромятных кож. Ежегодно Черкесия поставляла в различные страны 500 тыс. овечьих шкур. Кроме этого, Черкесия экспортировала огромное количество шкур различных зверей. Изделия из них шли и на внутренние нужды. О развитии этой отрасли можно судить по следующим данным: Черкесия экспортировала около 60 тыс. кунных, 100 тыс. лисьих, 100 тыс. волка, 3 тыс. медвежьих шкур и 200 тыс. пар кабаньих (диких) клыков, из которых делали ножны и рукоятки для ножей, 200 тыс. пар бычьих рогов и много другое¹.

Следовательно, эти данные неопровержимо указывают не только на высокий уровень развития животноводства и охоты в Черкесии, но и на высокий уровень шерстяного производства в крае. Здесь следует отметить, что традиционно и балкарцы занимались довольно успешно этим производством, и балкарские шерстяные изделия делались на высоком уровне.

И. Бларамберг отмечал, что балкарцы ездят торговать в Имеретию до Рачи на реке Риони. Товары, которые они везут, — это, главным образом, войлочные бурки, коричневое и светло-желтое сукно, считающееся очень качественным, войлок, башлыки и меха². Обработкой шерсти и изготовлением из нее необходимых изделий традиционно занимались адыгские и балкарские женщины. Об уровне производства бурок, который был достигнут в прошлом в Кабарде, можно судить по такому факту: кабардинские бурки, демонстрировавшиеся на Всероссийской художественно-промышленной выставке в Москве в 1882 г., получили высокую оценку. Одна из них была удостоена серебряной медали выставки. Производство бурок являлось наиболее трудоемким и продолжительным процессом из всех видов войлочных производств. На изготовление одной хорошей бурки затрачивалось

¹ Пейсонель М. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750–1762 гг. МИТК «Возрождение», 1990. С. 25–27.

² Иоганн Бларамберг. Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992. С. 199.

20–27 человекоднев. Поэтому бурку делали целые бригады женщин из 5–10 человек. Производством бурок занималась почти треть хозяйств Кабарды и Балкарии. Основными центрами этого производства в Кабарде были следующие селения: Атажукино-1, Атажукино-2, Тамбиево-1, Кундетово-1, Джанхотово, Урусбиево и др.¹ «По сведениям Н. П. Тульчинского, — пишет Х.-М. А. Сабанчиев, — главными центрами суконного производства в Балкарии были Чегемское и Урусбиевское сельские общества. Однако суконное производство в товарных формах было привилегией Урусбиевского и, видимо, Хуламского обществ, изготовлявших «самые лучшие сукна». Суконное производство было сосредоточено в руках женщин, отличавшихся своим трудолюбием. Кроме сукна, горянки изготовляли бурки, войлочные ковры, шляпы и т. д. В Балкарии было три центра шерстяного производства, в том числе и по производству бурок: Урусбиевское сельское общество, селения Гунделен и Кашкатау»².

Как видно из приведенных данных, адыги и балкарцы производили в большом количестве сукно разных сортов и его производство занимало огромное место в крестьянском хозяйстве. Адыгские и балкарские сукна отличались высоким качеством. Это отмечали многие зарубежные и российские авторы. На Всероссийской выставке 1882 г. эти сукна были отмечены как одни из самых лучших. Многие балкарские населенные пункты были названы современниками «фабриками сукна». За год одной только Балкарией производилось около 400 тыс. аршин сукна, из которых 75 % шло на продажу. По всей Балкарии в конце XIX — начале XX в. 3 тыс. с лишним (3819) дворов занимались суконным производством исполу. Суконное производство, как и бурочное, было трудоемким и сложным. На изготовление одного куска сукна тратилось от 10 до 15 дней. Из войлочных изделий адыги и балкарцы изготовляли ковры («уиццэ»; «кийиз»), шляпы («уиццэ пылэ»; «бёрк»), ноговицы («лтей»; «ыпымла»), потники («шыццэлъ»; «терлик»), чехлы для ружей и др.³.

¹ Мамбетов Г. Х. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1997. С. 46–48.

² Сабанчиев Х.-М. А. Пореформенная Балкария в отечественной историографии. Нальчик, 1989. С. 97, 98.

³ Мамбетов Г. Х. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1997. С. 46–48.

Таким образом, шерсть и шерстяные изделия имели самое широкое применение в жизни адыгов и балкарцев и огромное количество этих товаров производилось на продажу.

§ 3. Художественная обработка дерева и камня. Ювелирное производство

Северный Кавказ является одним из удивительных регионов планеты Земля, благодаря обилию и разнообразию растительного и животного мира. Здесь произрастают самые разнообразные сорта деревьев, которые используются человеком с древнейших времен. Адыги и балкарцы испокон веков использовали эту богатую кладовую древесины в своих повседневных нуждах. Древесину они применяли как строительный материал, из различных ее сортов изготавливали самую разнообразную посуду, орудия труда, предметы первой необходимости. Поэтому они не только знали качество каждого сорта дерева, которых великое множество на Северном Кавказе, но знали, как и для каких нужд обрабатывать их.

Крупнейший знаток Кавказа Хан-Гирей перечислял названия многих сортов деревьев, которые произрастали в крае, и как они использовались. Он, в частности, отмечал, что здесь целые леса состоят из дубов, лип, тополей, клена, ясеней, ольхи, березы, сосны и ели; эти три последних вида растут в особенности в горах. Он далее писал, что сверх этого в горах же есть много таких деревьев, которых названия на русском языке ему не известны. Деревья эти следующие:

Пчье. Из этого дерева делают столы. Хешай, из которого преимущественно делают ложки и другую домашнюю утварь. Хгоапххъ, будучи выварено, дает прекрасную желтую краску. Еще замечательно негниющее дерево, или тис, имеющее темно-красный цвет и называемое черкесами Пхемифи («пхъэмыф».— К. У.).

Бергамот, яблоки, сливы, персики, абрикосы, черешня, вишни, грецкие орехи, каштаны и виноград в изобилии растут в горах. В лесах же, на горах и равнинах во множестве произрастают дикие сливы и виноград, кизил, кислица, груша, орехи, калина, ягоды лесные и степные и проч.¹. Семен Броневский тоже перечисляет целый спи-

¹ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 60.

сок деревьев и кустарников, которые произрастают в большом количестве на Кавказе, из которых адыги и балкарцы изготавливали различные предметы и изделия, необходимые в повседневной жизни. Он отметил дуб, бук, чинару, или явор; клен, липу, тис, или карагущ; березу, ольху и разные виды тополей, в том числе итальянский тополь, называемый русскими «рай-дерево»¹.

Такое изобилие разнообразных сортов деревьев позволило адыгам и балкарцам широко использовать в хозяйстве и в быту древесину. Они издавна изготавливали из дерева чаши, черпаки, тарелки, блюда, половники, сундуки, музыкальные инструменты, столики, стулья, различные орудия труда, брички, арбы, корыта, основы седел, о различных частях которых сказано выше, и др. То, какой популярностью пользовалось дерево в хозяйстве каждой семьи, очень наглядно отражено в адыгской песне, посвященной дереву, — «Песня дерева». В ней в поэтической форме рассказывается о многочисленных изделиях, которые изготавливались из дерева.

Мы позволим себе привести несколько строк из этой детской песни:

...к вам спешу я
по дороге
на быках
коротконогих.
Я — мосточек
вашей речки,
отопечек
вашей печи.
Я для взрослого
постель,
для ребенка —
колыбель.
Я и мачта,
Я и лодка,
И башмачная колодка.
Я и стрелы,
Я и лук,
И телега я,
И плуг.
Я и сито,
Я и палка,
И корыто,

---

¹ Семен Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Нальчик, 1999. С. 105.

и мешалка...
Знайτε, люди,
без меня
нет ни дома,
ни огня.
Без меня бы
вы пропали,
день бы прожили едва ли¹.

Обработка дерева и использование его для самых разнообразных нужд является одним из самых древних промыслов адыгов и балкарцев. Об этом свидетельствуют многочисленные археологические материалы, обнаруженные в различных регионах Северного Кавказа. Известно, что на нынешней территории КБР, еще задолго до начала нашей эры, проживали древнейшие предки адыгов. При раскопках Долинского селища эпохи меди обнаружено значительное количество глины с отпечатками прутьев и жердей, составлявших основу стен².

Большой популярностью пользовались в народе мастера по художественной обработке дерева. Особенно ценились у адыгов арубчики, которые делали арбы («выгу»), столь необходимые в прошлом каждой крестьянской семье. Мастера изготавливали красивые и добротные чаши для напитков и первых блюд. Они украшались различной резьбой. Г. Х. Мамбетов отмечает, что из грузовых транспортных средств наибольшее значение в жизни адыгов имела воловь арба, состоявшая полностью из дерева. Здесь он приводит слова Е. Маркова, который утверждал, что простота и бесхитрость этого экипажа доходит до гениальности: в нем нет ни одной лишней палочки, в нем только то, что крайне необходимо, без чего экипаж катиться не будет, или скотина не будет везти. Т. Лапинский писал, что в черкесских телегах не найдешь ни гвоздя, ни кусочка железа, но тем не менее они долго держатся и могут везти от восьми до десяти центнеров. На равнине телега приходится на каждые две семьи, в горной части — 2 на каждые пять семей; в высоких горах она уже не встречается³.

¹ Песня маленьких горцев. М., 1965. С. 42, 43.

² Крупнов А. П. и Подгаецкий Г. В. Долинское поселение у г. Нальчика // Материалы и исследования по археологии СССР. № 3. С. 170.

³ Теофил Лапинский. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Т. 1, 2. С. 56.

До середины XIX в. кабардинцы делали арбу целиком из дерева, она состоит из:

1. Двух толстых оглобель («гуфэ»; «арыш»), соединяющихся в передней части;
2. Кузова («гуфэ Iунэ», «кюбюр»);
3. Оси («гульэмыж»; «кечер агъач»);
4. Двух колес («шэрхъ»; «чарх»);
5. «Гублащхъэдэсэ»; «арба арыш»;
6. Ярма с пятью отверстиями («бжы»; «боюнсха»).

Со временем значительные изменения претерпели колеса и ось. Дело в том, что до конца XIX – начала XX в. колеса изготавливались из обыкновенной толстой деревянной круглой пластинки с отверстием для надевания на ось. А с начала XX в. деревянная ось заменяется железной. В результате этого кабардинская арба становится более прочной и удобной¹. Средства передвижения и прочие изделия из дерева производились не только для внутренних нужд, но и на продажу. Эти товары высоко ценились на рынках и ярмарках Северного Кавказа. Центрами производства средств передвижения были в Кабарде такие населенные пункты, как Докшоково, Джанхотово, Кашироково, Абаево, Дейское, Старый Лескен и др. Кроме этого, адыги и балкарцы занимались изготовлением мебели. Ее украшали самой разнообразной резьбой.

Важное место в прикладном искусстве адыгов и балкарцев занимало производство разнообразных циновок и плетеных изделий из прутьев, соломы и куги. У мастеров по дереву были свои секреты в технологии изготовления того или иного предмета, которые передавались от отца к сыну. Далеко за пределами своих селений были известны имена многих мастеров. Это Гетежеев и Умов из старого Лескена, Жабалиев и Битоков из Аушигера, Барагунов из Кенже, Апшацев и Ханичев из Псыгансу и многие другие. В резьбе по дереву находили отражение различные мотивы, но преобладающим был растительный орнамент. Мастера делали фигурки разных животных в качестве детских игрушек. Фигурки, которые служили мишенями во время состязаний юношей и во время праздников.

Жители страны гор – Кавказа – всегда находили са-

---

¹ Мамбетов Г. Х. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1997. С. 56, 57.

мое широкое применение камню. Край изобилует различными породами камней. Они применялись в строительстве жилых помещений и различных хозяйственных построек, из них производились различные орудия труда и предметы быта. Поэтому резьба по камню была традиционно одним из видов декоративного искусства народов Северного Кавказа, в том числе адыгов и балкарцев. Камень широко использовался как материал для изготовления надмогильных памятников. Адыги и их предки с древнейших времен применяли камень для строительства гробниц, дольменов.

Генрих-Юлиус Клапрот (1783–1835) – русский академик – и Ян Потоцкий (1761–1815) писали, что на берегу р. Сунжа в Малой Кабарде находится надгробный памятник со сводчатой крышей, состоящей из шестиугольной гробницы, каждая сторона которой имеет ширину в одну сажень и высоту в полторы. Памятник сооружен из камней квадратной формы и скреплен по углам твердой известью. В этой местности, в нескольких верстах от этой гробницы, на восточных берегах Сунжи видны могилы, покрытые грудой камней или ветхими каменными сооружениями пирамидальной формы. Далее они пишут, что примерно в десяти верстах в сторону от гробницы, на берегу Сунжи, на небольшом холме находится надгробный камень из песчаника толщиной в несколько вершков, в который вделан крест в форме розы. Совершенно особенная гробница, по всей видимости, самая древняя в Малой Кабарде, находится на восточной стороне ручья Яман-кул, примерно в трех верстах от Боташева-кабак, в северной долине под вторым гребнем. Эта гробница состоит из камней квадратной формы, и вокруг нее имеется еще около 100 небольших холмов земли, так называемые бугры, которые, вероятно, были могилами слуг князей, лежащих в гробнице. На камне, стоящем над дверью, вырублена надпись из трех строк¹. Обнаружены и более древние каменные памятники на территории Кабарды и других адыгских племен. В частности, Иоганн Бларамберг пишет, что в горах Вештау, вблизи ручья Етока, в долине под названием Темир-Кубчек, можно видеть каменную статую, которую черкесы называют Дука-Беган. Она изображает мужчину, вооруженного на черкесский манер; на ней видны надписи, сделанные

¹ Генрих-Юлиус Клапрот. Путешествие по Кавказу и Грузии// АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 278, 279, 283.

по-гречески и славянскими буквами. Статуя выполнена из темно-серого песчаника. Несколько крестообразная форма этой статуи говорит о том, что ее создание — это дело рук христиан. В этих краях иногда встречаются деформированные изваяния, сходные с Дука-Беган. Встречаются здесь также и надгробные камни с надписями на греческом языке¹.

Эти данные говорят о том, что камень использовался широко, в том числе и при строительстве гробниц и надмогильных памятников. Естественно, при таком широком использовании камня наши предки хорошо умели обрабатывать его и искусство резьбы по камню достигло больших высот. Адыги и балкарцы придавали камню особые свойства, почитали его. Каменные гробницы строились для людей знатных и зажиточных. Надгробные камни тоже ставились людям богатым. А простой народ обходился обкладкой могилы гладким камнем. Надгробные камни покрывались надписями и орнаментом. Основные центры резьбы по камню находились в предгорных населенных пунктах Кабарды: Лечинкай, Заюково, Шалущка, Кызбурун и др.

Широко использовались валуны для изготовления жерновов водяных мельниц. По утверждению Алима Кешокова, даже название его родного селения Шалущка произошло от слова «щхълмывэкъуэ», т. е. в этом селении традиционно изготавливали эти каменные круги и название его переводится как место изготовления жерновов. Также широко использовали адыги и балкарцы валуны для производства каменных кругов и для ручной мельницы. Они имелись во многих семьях. В настоящее время, к сожалению, утрачены многие способы резьбы по камню. Зато широко стали использовать резаный туф, гранит, мрамор. За последние годы стали использовать в строительстве цветной вулканический туф — как стеновой материал и для ограды. Выходит, камень испокон веков широко использовался человеком, жителям гор этот материал дарила сама природа. Далеко за пределами края были известны имена выдающихся мастеров по камню в XIX–XX вв. К. Сижажева, Г. Хаджиева, М. Шанибеева, З. Хитова и других.

Среди крестьянских ремесел адыгов и балкарцев важное место занимало ювелирное производство. Ювелиры

¹ Иоганн Бларамберг. Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992. С. 138.

(«дыщэкI»; «кюмюшчю») достигли значительных успехов в отделке различных предметов и частей женской национальной одежды. Они красиво и прочно отделывали золотом и серебром пояса, кинжалы, пашки, ножны, нагрудники, корсеты, шапочки, принадлежности конской сбруи.

В конце XIX – начале XX в. в одной только Большой Кабарде было около 50 профессиональных ювелиров. Их имена были известны далеко за ее пределами. Вот имена некоторых мастеров серебряного дела, которые приводятся Э. Аствацатуряном в работе «Оружие народов Кавказа»: Бегаев Натшао (вторая половина XIX в.), сел. Хамидия; Догужаев Кады (вторая половина XIX в.), сел. Урожайное; Саблиров Х. (вторая половина XIX в.), сел. Старая Крепость; Тумов Ф. (середина XIX в.), сел. Нижний Акбаш; Хабеков Нафедз (вторая половина XIX в.), сел. Дейское и др.¹ Изделия этих мастеров пользовались большим спросом у представителей многих народов. «Главная промышленность черкесов, – писал Н. Ф. Дубровин, – доведенная до довольно высокой степени, было ювелирство. Они имели искусных золотых дел мастеров». Аналогично высказывались и другие иностранные и русские авторы. Фредерик Дюбуа де Монпере писал, в частности, что среди черкесов есть очень искусные мастера, в особенности в деле обработки серебра в виде черных рисунков сернистого серебра; они покрывают ими рукоятки пистолетов, пашек, ножны кинжалов; они умеют также украшать насечкой стволы ружей... они делают замечательные коробочки, пуговицы, пояса, застёжки, кольца, кубки, чаши и т. д.²

Адыгские женщины занимались вышиванием золотыми и серебряными нитями, которыми украшались платья, постельные принадлежности, занавески, шапочки, кошельки и другие предметы первой необходимости. Ш. Ногмов отмечает, что адыги уже с 7 лет учили девочек вышивать золотом и шелком, делать тесемки, галуны, шить платья. Данным искусством в основном занимались представительницы знати. Существовали различные виды шитья.

Традиционное ювелирное производство у адыгов и

¹ Аствацатурян Э. Оружие народов Кавказа. Москва–Нальчик, 1995. С. 26, 27.

² Фредерик Дюбуа де Монпере. Путешествие по Кавказу// АВКИЕА. Нальчик, 1974. С. 435–445

балкарцев приходит в упадок к концу XIX – началу XX в. Тем не менее этот вид прикладного искусства долгое время занимал в их жизни особое место, и мастера-ювелиры оставили заметный след в культуре адыгов и балкарцев.

ЛИТЕРАТУРА

Асвацатурян Э. Оружие народов Кавказа. Москва–Нальчик, 1995. С. 16.

Белл Джеймс. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838, 1839 гг.// АБКИЕА. Нальчик, 1974.

Бларамберг Иоганн. Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992.

Броневский Семен. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Нальчик, 1999.

Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов. М., 1967. С. 110.

Интерьяно Джорджио. Быт и страна зихов// АБКИЕА. Нальчик, 1974.

Клапрот Генрих-Юлиус. Путешествие по Кавказу и Грузии// АБКИЕА. Нальчик, 1974.

Коков Дж. Н. и Кокова Л. Дж. Кабардино-черкесские фамилии. Нальчик, 1993.

Мамбетов Г. Х. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1997.

Монпери Фредерик Дюбуа. Путешествие по Кавказу//АБКИЕА. Нальчик, 1974.

Нарты. М., 1957.

Пейсонель М. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750–1762 гг. МИТК «Возрождение», 1999.

Пушкин А. С. Сочинения. В 3 т. М., 1986. Т. 2.

Сабанчиев Х.-М. А. Пореформенная Балкария в отечественной историографии. Нальчик, 1989.

Фонвиль. Последний год войны Черкесии за независимость 1863–1864. Нальчик, 1999.

Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978.

Яхтанигов Х. Х. Экспонаты повествуют. Нальчик, 1984.

Глава 4

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ АДЫГОВ И БАЛКАРЦЕВ

§ 1. *Языческие верования.*

§ 2. *Христианство.*

§ 3. *Ислам.*

§ 1. Языческие верования

Культура любого народа немыслима без его религиозного сознания. Религиозный фактор – это один из важнейших компонентов любой национальной культуры и национального самосознания. Религиозные верования народа тесно взаимосвязаны с его историей, с изменением условий его жизни и самого сознания. Многие культурные процессы в жизни народа, которые происходят на протяжении его истории, невозможно понять вне его религиозных верований. С другой стороны, религиозное сознание неизбежно взаимодействует со многими светскими компонентами духовной культуры, что, наряду с другими факторами, приводит к его эволюции. Всякая идеология развивается в соответствии с теми процессами, которые происходят в материальной и духовной жизни народа, с эволюцией семейных отношений. Религиозная идеология находится в том же отношении к общим условиям жизни людей. Она не имеет самостоятельной истории, оторванной от истории общества. Религиозные верования меняются у людей, потому что меняются их материальные условия жизни¹. Религиозную идеологию народа невозможно уничтожить волевым решением, запретом. Она испокон веков сопутствует человечеству. В этом плане был прав Ф. Энгельс, когда он говорил о христианстве: «С религией, которая подчинила себе римскую мировую империю и в течение 1800 лет господствовала над значительнейшей частью цивилизованного человечества, нельзя разделаться, просто объявив ее сострепанной обманщиками бессмыслицей. Чтобы разделаться с ней, необходимо прежде суметь объяснить ее происхождение и развитие, исходя из тех историче-

¹ Крывелев И. А. История религий. М., 1998. Т. 1, 2.

ских условий, при которых она возникла и достигла господства». Он также писал, что взгляд на все религии, как на изобретение обманщиков, — взгляд, господствовавший со времени вольнодумцев средневековья вплоть до просветителей XVIII в. включительно, — оказался уже неудовлетворительным, с тех пор как Гегель поставил перед философией задачу: показать рациональное развитие всемирной истории.

Все религии древности были стихийно возникшими племенными, а позднее национальными религиями, которые выросли из общественных и политических условий каждого народа и срослись с ними. Раз были разрушены эти их основы, унаследованные общественные формы, установленные политическое устройство и национальная независимость, то, разумеется, рушилась соответствующая им религия. Национальные боги могли терпеть рядом с собой других национальных богов других народов¹. Таким образом, религия — сложное социально-историческое явления и форма общественного сознания. В настоящее время все человечество разделено не столько по континентам и государствам, сколько по принадлежности к той или иной религии. Мир «разделили» между собой три мировые религии: буддизм (возник в VI–V вв. до н. э.), христианство (возникло в I в. н. э.), ислам (возник в начале VII в. н. э.). Кроме этого, функционируют в различных странах и национальные религии, которые существенно влияют на сознание многих людей и играют большую роль в их духовной жизни. Всесилие религии заключается в том, что уже не одно тысячелетие она существенно влияет на сознание миллионов людей и они будут придерживаться ее до тех пор, пока будет существовать мировая цивилизация.

Сегодня религия существенно влияет на сознание миллионов людей, религиозный фактор присутствует во всех общественно-политических, культурных и иных процессах, которые происходят в мире. Особое место занимает религия в жизни народов на Северном Кавказе. Религиозность у многих горцев неодинаковая. Если одни из них фанатичны в своей вере, то у других она не очень проявляется. Например, адыги и балкарцы относятся в этом плане к последним. Они в своем развитии придерживались различных религиозных верований, а сейчас

¹ Ф. Энгельс. Бруно Бауер и первоначальное христианство/ Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. 19. С. 306–312.

придерживаются ислама. Одно из особенностей религиозных верований народов Северного Кавказа, в том числе адыгов и балкарцев, — это их религиозный синкретизм (слитность, нерасчлененность), т. е. слияние и взаимодействие генетически и типологически разных религиозных элементов. Абри де ла Мотрэ (1674–1743) — французский путешественник, дипломат, писал еще в XVIII в., что нет ничего более сложного, чем черкесская религия в целом, так как она представляет из себя смесь с другими. Те, кто живет ближе к персам и татарам, смешивают язычество со многими магометанскими обычаями. Те же, кто имеет больше всего торговых отношений с москвичами, армянами и грузинами, заимствуют у них многое из их обрядов. Он также отмечал, что горные черкесы являются чем-то вроде друидов (почитание природы. — К. У.), поклоняющихся старым дубам и другим деревьям, где, как им кажется, живут какие-то невидимые божества, способные исполнить их мирные просьбы, так как о желаниях духовного добра и вечной жизни, испрашиваемых у неба, и обычных для тех, кто верит в бессмертие души, независимо от того, к какой религии они принадлежат, — у них нет никакого представления. Собираясь в определенные месяцы и дни, они образуют процессии с зажженными факелами вокруг этих деревьев, посвященных их божеству, у подножия которых они приносят в жертву различных животных, как, например, быков, овец, ягнят и коз. Их маги, или жрецы, выбранные из числа старейших, раздают присутствующим мясо и относят его больным и бедным, которые в тот день отсутствуют¹.

Таким образом, вплоть до настоящего времени во всех мировых религиях сохраняются остатки политеизма (от греч. «poly» — много и «theos» — бог) — многобожия, которое предполагает поклонение нескольким богам — в противоположность монотеизму (единобожию). У адыгов и балкарцев мы наблюдаем остатки язычества (многобожие). Политеизм (многобожие), как самое первое религиозное мировоззрение, зародился в недрах бесклассового общества и прошел длинный путь. Следует здесь отметить, что язычество, хотя мы называем его примитивной религией, обладает большой живучестью. «Зародившись в недрах бесклассового родового общества, —

¹ Абри де ла Мотрэ. Путешествие господина А. де ла Мотрэ в Европу, Азию и Африку // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 141, 142.

пишет А. Шортанов, — языческие религии проникают и в классовое общество, воспринимают новые идеи и общественные воззрения. В отличие от таких известных новых мировых религий, как буддизм, христианство, ислам, язычество было наиболее устойчивым. Именно поэтому адыгские племена, воспринявшие христианство еще в V в. н. э., остались носителями языческой культуры, а в XVI–XVII вв., уже восприняв ислам, они продолжали почитать священные рощи, и не столь усердно молились Аллаху, сколь торжественно проводили празднества в честь языческих божеств: Тхаголеджа, Тленпа, Шибле и др.»¹. Точно такое же положение мы наблюдаем и у балкарцев. До настоящего времени у наших народов известны имена многих языческих богов. По этому поводу еще в XIX в. один из знатоков и основателей адыгской истории и культуры, адыгской этнографической науки Хан-Гирей писал следующее: «Что касается до древнего их (адыгов. — К. У.) исповедания, ниспровергнутого введением между ними магометанской религии, то оно было, и везде, языческое. Черкесы верили многобожию, совершали празднества во имя грома, воздавали божеские почести существам тленным и многими другими поверьями идолопоклонства ознаменовали свое заблуждение. Во время язычества у черкесов главнейшие божества были:

1. **Мезитх** (бог лесов). Они умоляли это божество, располагавшее, по их мнению, судьбой зверей, об успехе на ловле. В племенных поверьях они представляли его ездящим на золотошетиной свинье, веря, что его повелением олени сходятся на лугах и что там какие-то девы доят их.

2. **Зейкутх** (божество наездничества). Воображение черкесов создало это божество, которое должно было покровительствовать знаменитому ремеслу их — наездам, но предания не осуществляют его в формах.

3. **Псыхъузгуацэ** (княгиня вод). Божество, повелевавшее водами. Если бы черкесы знали живопись, то, конечно, изобразили бы его в виде прекрасной богини, ибо их изображение представляло княгиню девицей.

4. **Ахин**. Это божество представляли существом весьма сильным, и надобно полагать, что почитали его особенно покровителем рогатого скота, потому что и поныне есть в горах одно семейство, которое в известное время осени обыкновенно выгоняет одну корову из своего

¹ Шортанов А. Т. Адыгская мифология. Нальчик, 1982. С. 4.

стада к священной роще или дереву, привязав к рогам ее сыр и хлеб. Жители окрестностей сопровождают эту жертву, которую называют самошествующая Ахинова корова, и по достижении священного места режут ее. Замечательно, что при совершении жертвоприношения, на месте заклания не сдирают кожи, а на том месте, где варят его, там не едят, но постепенно переходят с одного места на другое. В продолжение времени приготовления пищи народ, собравшийся для жертвоприношения, пляшет с обнаженными головами, при громком пении особенных молитвенных песен. Уверяют, что корова из стада упомянутого семейства при наступлении времени Ахинова праздника сама идет к месту жертвоприношения, почему и получила она название самошествующей.

5. Созереш. Это божество почиталось покровителем земледелия. Из дерева, черкесами называемого «хампхут», обрубок с семью сучьями хранился у каждого семейства. Собравшись в своих домах, приносили идола из амбара и ставили его среди хижин на подушках. К сучьям его прикрепляли восковые свечи, с открытыми головами совершали ему моления.

6. Емиш. Язычники почитали это божество покровителем овцеводства и в честь его совершали праздник осенью, при случке баранов. Однако же столь грубым заблуждением выдуманное божество, которых черкесы чтили, не мешали им постигать сущность Всевышнего творца Вселенной. Говоря: «Тхапхо (великий бог)», — кажется, они понимали его. Также достойно замечания, что черкесы не приносили, подобно славянам и другим язычникам, в жертву людей, не пили их крови и не делали из их черепов заздравных чаш.

Также Хан-Гирей указывал, что кузнецы считали Тлепша своим покровителем. Во времена язычества черкесы, кроме божеств, имели и святых нартв: в числе их Сасрук (Сосруко. — К. У.), который был чтим более всех; в определенную на то зимнюю ночь совершали в честь его пиршества, причем относили в гостиную комнату лучшую пищу и питье для Сасрука, а в конюшню приготавливали сено и овес для его лошади. Языческих обрядов чрезвычайно много осталось в свежей памяти горных черкесских племен.

«Рассматривая остатки обрядов язычества у предков нынешних черкесов, — писал Хан-Гирей, — я находил и явные следы христианства. Так, например, у черкесов

есть песня в честь святой Марии, в которой поют слова: «Мария великая, великого бога мать». Сохранились и христианские названия дней. Наконец, употребление изображения креста – несомненный знак христианского исповедания. Все удостоверяет нас в том, что предки нынешних черкесов были христиане. Но здесь кажется несколько странным то, что в остатках древнего исповедания черкесского народа являются признаки христианства и идолопоклонства в одних и тех же религиозных обрядах. Таким образом, преобразовавшееся идолопоклонство, в которое долгое время были погружены предки нынешних черкесов до принятия ими магометанской веры, оставило между потомками ныне видимые явные следы христианства и язычества, вместе смешанных¹. Основные языческие боги кабардинцев и балкарцев, которым поклонялись вплоть до XVIII в., были следующие:

1. Тхьэгъэлэдж (Даулет) – покровитель хлебопашества;
2. Амыш (Аймуш) – покровитель овец;
3. Ахын (Долай) – покровитель крупного рогатого скота;
4. Хакусташ (у адыгов) – покровитель рабочих волов;
5. ЗекIуатхъэ (у адыгов) – бог наездничества;
6. Мэзытхъэ (Апсаты) – бог лесов и охоты;
7. Псыхъуэгъуащэ (Суу-Анасы) – бог рек, воды;
8. Марием (у адыгов) – бог пчеловодства;
9. Лъэпщ (Дебет) – бог кузнечного дела, железа и оружия;
10. Тхьэшхуэ (Тейри) – самый главный бог;
11. Псатхъэ (у адыгов) – бог души;
12. Щыблэ (Шибля) – бог молнии и грома.

Таким образом, языческое религиозное мировоззрение складывалось веками и каждая эпоха накладывала свой отпечаток на него. Поэтому мы наблюдаем в язычестве много форм культа и мест обращения к потусторонним силам, родившимся в сознании древнего человека. Моления об урожае, различные заклинательные действия, обращение к силам природы и к духам добра и зла. Объектами (пунктами) обращения людей были различные камни, рощи, деревья и т. д. Были такие пунк-

¹ Хан-Гирей. Черкесские предания. Нальчик, 1989. С. 151–156.

ты — святые места и предметы семейные, сельские, общенациональные, родовые.

В первых религиозных верованиях любого народа, в том числе адыгов и балкарцев, заметное место занимает камень. В представлении древних людей камень обладал душой, он мог радоваться, дышать, печалиться. От камня даже родился один из главных нартских героев — Сосруко. Вот как описывается этот эпизод. Самая главная женщина нарттов — Сатаней-гуаща — стирала на берегу реки Псыж (р. Кубань: «псыж» — старая река (адыг.), где всегда чистила кольчуги. На другой стороне реки нартский пастух пас коров. Когда он заметил Сатаней, то подошел к берегу и стал поглядывать на нее. Сатаней была чрезвычайно красивой, белокурой. Брови ее были тонкие. Глаза пастуха застыли на Сатаней. «Эй, Сатаней-красавица, которую не сравнивают с другими красавицами, хоть раз взгляни на меня!» — крикнул пастух. Сатаней посмотрела на пастуха. Нартский пастух воспылал горячей страстью. Загорелась и Сатаней. Стало ей невмочь, и она присела на прибрежный камень. Когда Сатаней, закончив стирку, уходила домой, пастух окликнул ее: «Эй, Сатаней-красавица, кого не сравнивают с другими красавицами! Твоя мудрость превосходит ум мужчин... Зачем ты оставила этот камень? Возьми его и отнеси домой». Сатаней послушала пастуха и отнесла камень к себе домой. Отнесла и положила в отруби. Через некоторое время Сатаней услышала какой-то шум.

«Что за чудо, что за шум? — говорила Сатаней и подолгу оглядывала комнату. Подойдет ближе к камню — шум усиливается, отойдет — затихает. — Вот так чудо!» — воскликнула Сатаней, приложила ухо к камню и услышала, что внутри камня кипело. Это кипение и создавало такой шум. Когда она поняла это, обмотала камень шерстяной нитью. Спустя три дня шерстяная нить оборвалась. Она снова обмотала, и снова нить порвалась.

«Псатха (бог души. — К. У.), на счастье мне этот камень становится все больше», — сказала Сатаней и положила камень к теплему очагу. Там этот камень пролежал девять месяцев и девять дней и стал большим. Камень треснул и запылал огнем. Сатаней побежала к Тлепшу. «Можно ли тебе довериться, Тлепш?» — спросила она его.

— Если не доверять мне, зачем я людям служу добрым ремеслом? Радость для всех людей — мой молот и

клещи. Удар молота — моя жизнь. Я служу добру, — так сказал Тлепш, обидевшись, что Сатаней могла усомниться в нем хоть на миг.

— Я заметила такое дело, о котором невозможно промолчать, а если скажут — невозможно поверить. Как быть, что делать? — забеспокоилась Сатаней.

— Ау! (восклицание удивления), — сказал Тлепш, — не быть беде, когда ищут совета и за совет ничего не берут. Скажи, что случилось? Я готов помочь тебе.

— Почему я должна говорить о том, что могу показать тебе, и краснеть. Пойдем со мной, и я покажу тебе чудо, — сказала Сатаней.

— Коль говоришь «пойдем», я готов. Мужчина, сказав раз, не отступает от своих слов. У мужчины слово — дело! — сказал Тлепш, взял свои инструменты и вышел из кузни.

Когда Тлепш пришел к Сатаней и увидел у очага пылающий камень, он сказал:

— Ау, ау, что это? За свой век увидел много чудес и много слышал, но подобного видеть не видел и слышать не слышал. Уашхо, (бог неба. — К. У.) что за чудо?

Сказал так Тлепш и стал разбивать камень. Семь дней и семь ночей возился он с этим камнем. Наконец, Тлепш расколол камень, и оттуда выпал пылающий ребенок...

Так родился из камня эпический герой Сосруко. В его судьбе камень играет огромную роль. Сосруко не только рождается из камня, но и погибает от него. Лошадь — Тхожей, питается не овсом и не сеном, а кремниевыми булыжниками.

Во многих народных сказаниях, в том числе адыгских и балкарских, камни говорят человеческим голосом. Как видим, камень — это все, он — как бог. Он приносит добро и может принести и зло. Балкарцы рассказывали, что в Верхнем Чегеме был камень, называемый местными жителями «кырнаташ» (пористый камень), к нему приходили бездетные в надежде обрести потомство. Такой обычай существовал и у других народов.

Известно, что некоторые культовые предметы из камня, каменные постройки, в частности, надмогильные плиты, памятники, истуканы, башни, со временем становятся фетишем, т. е. материальными предметами, которым поклоняются. К такому объекту относится языческое капище (языческий храм, место), названное «Дыгулыпхъу». Как божество Дыгулыпхъу. Этот камень ле-

жал до недавнего времени на холме в верхней части села автора этой книги, неподалеку от дома его родителей. Никто не помнит, почему приносили жертвоприношения в древние времена. Приготовят еду во время Курмана, часть ее принесут и положат на этот камень, сделают старухи мыло, отнесут на камень куски со словами: «Это – Дыгулыпхъу, это ее доля». Приготовят вкусную еду – непременно принесут на камень часть ее. Если к утру ее не оказывалось, говорили: «Дыгулыпхъу свою долю приняла, блаженная». И снова приносили другие кушанья, всякое добро... Говорят, камень этот выброшен огнедышащей горой. И в самом деле этот камень из вулканического, знаменитого заюковского красного туфа, который добывается в этом селе на горе Хара-Кора. Возле этого камня совершали «синдрак» – пляску великого Тха. Во время этого действия свекровь-гуаша говорила кому-либо из собравшихся: «Во имя души твоей матери, пройдишь пляской под руку с моей невесткой». И так передавала очередь плясать. Обе груди невестки тряслись. Плясать заставляли так, чтобы груди были обнажены и предложены Тха (богу). Сноха три года не занималась хозяйством, а после того, как танец великого Тха был ею совершен, начинала работать в доме.

Куски мяса жертвенного приношения клали на каменный алтарь, и если к утру их не оказывалось на месте, то признавали, что всемогущий Тха принял их и вознес на небеса¹. «В одной главе с фетишизмом, но для удобства отдельно от последнего может быть рассмотрено поклонение камням и кускам дерева, — пишет Э. Тэйлор. — На Вест-Индских островах известны три камня, которым поклонялись туземцы: один приносил богатую жатву, другой облегчал страдания женщин при родах, третий посылал солнце и дождь в должное время». Таких примеров поклонения камню — уйма у многих народов. Например, в Балкарии и Карачае было множество фетишей, чаще всего камней, по тем или иным причинам ставших объектам поклонения, пишет М. Ч. Джуртубаев. Жители Хулама почитали камень Кёк-Таш (Небесный камень). По преданию, люди во времена страшного мора бежали в горы, и одна из женщин, утомленная, поставила на камень колыбель с младенцем, и на нем якобы остались следы дужек колыбели.

¹ Шортанов А. Т. Адыгские культы. Нальчик, 1992. С. 11–15.

В чегемском ущелье люди, управившись с каким-либо трудным делом, шли на поклонение к «к'яшхаташ» (лысый камень). Он напоминал фигуру стоящего во весь рост человека¹. Вообще, обряд жертвоприношения уходит своими корнями в глубь истории. С переходом от примитивного присваивающего хозяйства к производящему — скотоводству и земледелию — жертвоприношения принимают своеобразную форму: духам начинают посвящать живых животных. Например, ханты, манси, ненцы, эвенки и другие народы Севера посвящали духам живых оленей, чаще белой масти. Это животное нельзя было использовать в хозяйстве, ездить на нем верхом или запрягать. Алтайцы, хакасы, буряты, посвящая божеству коня белой масти, отпускали его на волю. Об обычае посвящать животных божеству говорится в Ветхом завете.

В эпоху классового общества заупокойные дары становятся более обильными, обряды — более жестокими. При погребении знатного лица — вождя, царя — уже практиковались и человеческие жертвоприношения. Покойника сопровождали на тот свет десятки, а то и сотни убитых рабов. Убивали жен, наложниц царя. У некоторых, особенно воинственных народов умерщвление врага в бою или военнопленного на каком-то этапе стало осмысливаться как жертва божеству. Например, ацтеки в Мексике приносили своим жестоким богам человеческие жертвы в огромных размерах. Но не только боги, а души умерших «требовали» порой человеческих жертв. Уже упоминалось об обычае убийства рабов, слуг, наложниц при погребении царя. Можно вспомнить здесь воспетого Гомером Ахилла. Он перебил множество троянцев во главе с самим Гектором для умиротворения тени своего погибшего друга Патрокла. По существу, в ту же категорию жестоких военных обычаев, требовавших истребления врагов во славу и по наущению своего бога, попадает и вся история истребительных войн израильтян за овладение Палестиной в конце II — начале I тысячелетия до н. э.

Разновидностью обычая приносить богам в жертву людей можно считать подношение божеству скальпа убитого врага. Этот варварский обычай имел место у древних скифов и получил распространение у северо-амери-

¹ Джуртубаев М. Ч. Древние верования балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1991. С. 61.

канских индейцев. Не чем иным, как обычаем приносить пленных в жертву богам или духам, был кровавый институт гладиаторских «игр» в Древнем Риме¹. Ни в письменных источниках, ни в фольклоре нигде не упоминается о человеческих жертвоприношениях у адыгов и балкарцев. В жертву приносили богам, как правило, животных – как крупный рогатый, так и мелкий рогатый скот. Одним из почитаемых языческих богов адыгов и балкарцев был Щыблэ (Шибля). Вот как описывает почитание адыгами этого языческого бога Жан Батист Тавернье – французский путешественник: «Когда гремит гром, все тотчас же выходят из селения и вся молодежь обоего пола начинает петь и танцевать в присутствии пожилых людей, сидящих вокруг. Если молния убивает кого-нибудь из них, они хоронят его с почестями и считают святым, признавая такую смерть милостью бога. Если молния ударит в один из их домов, то даже если не убиты ни мужчина, ни женщина, ни ребенок, ни животное, – вся семья, обитающая в этом доме, содержится в течение целого года, ничего не делая, за исключением танцев и пения. Тотчас же после этого посылают искать по всей стране белого козла, выбирая наиболее сильного. Этот козел кормится жителями того селения, в которое ударила молния, и содержится в большом почете до тех пор, пока молния не ударит в другое место. Все члены семьи, в дом которой ударила молния, ходят из селения в селение со своими родственниками: хотя они и не входят в них, а только останавливаются около них с танцами и песнями, однако каждый приносит им что-нибудь поесть. Весной, в определенный день, в том селении, где находится козел, собираются все те, в дома которых ударила молния. Они берут козла, у которого на шее всегда висит сыр, обычно формы и размера пармского сыра, и ведут его в селение первого правителя области. Они не входят в него, но правитель и все жители селения выходят и простираются перед козлом. После произнесения нескольких молитв, они снимают с него сыр и сейчас же заменяют его новым. Снятый с шеи козла сыр разрезается тут же на мелкие кусочки и раздается всем присутствующим. Затем всех пришедших хорошенько кормят и подают обильную милостыню, они проходят таким образом по всей стране из селения в селение и

---

¹ Токарев С. А. Ранние формы религии. М., 1990. С. 591–597.

собирают много подаания»¹. При грозе и молнии пели специальную песню. Ежегодно праздновали день первой молнии. Человека, которого убила молния, считали блаженным и хоронили его на том месте, где он погиб, и праздновали семь дней с жертвоприношением и пиром. Пир сопровождался плясками вокруг могилы погибшего от удара молнии. Также они считали святым убитого молнией животного, вокруг которого тоже плясали, и пир продолжался три дня. Священным считали дерево, в которое ударила молния, такому дереву приписывали целебные свойства.

Вообще, адыги и балкарцы подразделяли деревья на «добрые» и «злые». Они считали, что одни приносят счастье, другие — несчастье. Счастье приносящими деревьями считались все плодовые сорта. «Добрыми», или «счастье приносящими», признавались также «бзыху» (липа), «клей» (ясень), «жыгей» (дуб), «хьэмкIутIей» (боярышник). Было поверье, что боярышник обладает магической силой прогонять нечистую силу, предохранять людей и животных от порчи и наговоров. Запрещалось вырубать тутовник, грушу. К «недобрым деревьям» относились в представлении адыгов и балкарцев «зей» (кизил), «блашэ» (клен), «шэдыгъу» (дикая черешня) и др.

В случае заболевания человека на его шею надевали лоскуток материи с кусочками дуба, пораженного ударом молнии, остатки этой же материи привязывались к ветвям в качестве приношения. А многие иностранные путешественники отмечали, что горцы, в частности адыги, приписывали дубу целебные свойства. Они полагали, что это дерево вылечивает лихорадку. Страдающий этой болезнью или приезжал к дереву с запасом приношений, большей частью пирожков, писал Л. Я. Люлье, которые тут же и съедались приехавшими с больным: перед отъездом они зашивали кусочек этого дерева в лоскуток материи и надевали больному на шею, чтобы носил его постоянно. Остальная часть той же материи привешивалась к ветвям вроде приношения. Этот обычай наблюдается среди черкесов и в первой половине XIX в.

«Ритуалы, связанные с культом дерева, у балкарцев сохранились в той или иной мере до последнего времени», — писал К. Г. Азаматов. Балкарцы поклонялись таким деревьям, как груша, береза, тополь. Он приводит

¹ Жан Батист Тавернье. Шесть путешествий в Грузию// АВКНКА. Нальчик, 1974. С 78, 79.

пример, что ярким свидетельством почитания дерева балкарцами является культ грушевого дерева «Раубазы-терек», которое находилось в Верхней Балкарии, около с. Шаурдат. Ему поклонялись главным образом жители этого села. Кроме того, тайком от мулл, его почитали и жители других селений, в частности Глашева. К дереву Раубазы поклоняющиеся относились очень почитательно: ни в коем случае нельзя было срубить или срезать его ветви, имя его не произносилось вслух, особенно боялись этого женщины. Его называли «Иман-терек», т. е. «дерево веры».

По представлениям балкарцев, дерево Раубазы могло причинить большой вред тем лицам, которые не почитали его или плохо отзывались о нем. Недаром у жителей селений Верхней Балкарии существовала поговорка: «Пусть моим защитником будет Раубазы, а твоим Алла́х». Никто не смел пройти мимо дерева, не оставив около него какие-нибудь приношения: свежие хичины, отварное мясо, деньги и т. д. Большие жертвоприношения делались обычно в мусульманские праздничные дни. Кроме того, в четверг многие жители отправлялись на поклонение к дереву Раубазы, захватив с собой разнообразные яства, которые после молитвы оставлялись под ним или же подвешивались на его ветви. Бездетные женщины приходили к этому дереву с большими подарками, обнимали дерево и просили избавить их от бездетности. Перед свадьбой девушки, как правило, отправлялись к Раубазы-терек, где молились и просили у дерева благополучия в их будущей семейной жизни. Под этим деревом находили приют и лица, умыкнувшие невесту. В таких случаях жители с. Шаурдат защищали молодоженов от преследователей, говоря: «Ведь их обвенчал сам Раубазы». Дерево было срублено во второй половине XIX в. Но и после этого многие жители продолжали ходить на то место, где оно росло, совершать молитвы и делать жертвоприношения. Более того, многие женщины из Верхней Балкарии, завернув в чистые полотенца щепки от дерева Раубазы, увозили их с собой в Среднюю Азию и Казахстан в 1944 г. При возвращении на родину эти священные щепки были привезены назад¹.

Помимо того, что священные деревья и роци служи-

¹ Азаматов К. Г. Пережитки язычества в верованиях балкарцев // Сб. ст.: Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1980. С. 143-161.

ли местом совершения различных религиозных церемоний, здесь совершался и ряд других актов общественной жизни. Например, здесь собиралась хаса, происходил общинный суд. Священные деревья и рощи предоставляли человеку право убежища. Так, в их пределах строго запрещалось наказывать преследуемого, часто этим правом пользовались беглые рабы и холопы, отступники от норм адата и лица, подлежавшие кровному отмщению. Иностранные авторы, например, Пейсонель и Главани Ксаверио упоминают о знаменитом дереве панжанссан или панагиосан, к которому черкесы питали уважение, граничащее с идолопоклонством. Название дерева происходит от греческого слова панагия (пречистая, пресвятая), — имя, которое греки дали Богородице. Главани отмечает, что в поклонении черкесов деревьям и рощам имеются элементы язычества и христианства. В качестве примера он писал, что на левом берегу Терека, в том месте, где река эта прорывается через южный кабардинский хребет, находится древнее городище, называемое Татартуп (татарский холм). Это городище пользовалось прежде у кабардинцев величайшим уважением: клятва, произнесенная при Татартупе, считалась священной; протупники, отдававшиеся под покровительство Татартупа, считались неприкосновенными; здесь происходили собрания и совершались жертвоприношения. Кабардинцы клялись именем Татартупа¹.

У многих народов заметное место занимают священные рощи и деревья в их религиозных верованиях. В этом плане немало интересного мы находим в язычестве древней Греции. Например, в сказании из древнегреческого эпоса о том, как Медея помогла Ясону похитить золотое руно, сказано: «Ясон надел свои доспехи и пошел в священную рощу Ареса. Все кругом окутано было тьмой, лишь в роще сверкало золотым блеском руно, висевшее на священном дереве. Когда Медея с Ясоном вошли в рощу, поднялся страшный дракон, извергая пламя. Призвала Медея могучего бога сна Гипноса. Страшные заклинания шепчет она и льет на землю волшебные зелья...»

А в другом сказании о возвращении аргонавтов мы читаем: «Ветры, как бы сорвавшиеся с цепей, носятся над морем и рвут парус с «Арго». Стонет «Арго» под

¹ Ксаверио Главани. Описание Черкесии// АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 168–172.

напором волн, гнутся борта его, ломаются весла в руках могучих гребцов. Как щепку, носят волны «Арго». Гибель грозит аргонавтам. Тогда раздался голос с кормы. Он исходил из вставленного в корму «Арго» куска священного дуба, росшего в Дидоне. Голос повелевал аргонавтам ехать к волшебнице Кирке, чтобы очистила она Ясона и Медею от осквернившего их убийства Абсирта. Лишь только повернули аргонавты «Арго» на север, как стихла буря, и поняли все, что это воля богов»¹.

Адыги и балкарцы почитали железо, и кузнечное дело имело заметное место в их жизни. Тлепш похож на греческого Гефеста, Вулкана – римлян. О сходстве Тлепша и Гефеста писал еще крупный специалист по древней культуре Э. Тэйлор: «Как аналогию греческому божественному кузнецу Гефесту, – писал он, – можно указать огненного бога черкесов Тлепша, покровителя рабочих по металлическим изделиям и крестьян, которых он снабдил плугом и мотыгой»². Далее он писал, что Гефест-Вулкан, божественный кузнец, храмы которого связаны с подземным вулканическим огнем, и соединяет в себе свойства полинезийского Магуики с Тлепшем черкесов³.

Как известно, Кавказ был одним из центров становления мировой цивилизации. Долгие годы он оставался колыбелью различных культур, в том числе культуры добывания железных руд и металлообработки. Ученые считают, что железоделательное производство у народов центрального Кавказа началось уже в начале I тысячелетия до н. э. Например, синдские племена (I тысячелетие до н. э.) уже значительно продвинулись в развитии производительных сил, добыче железа и его обработке, а вообще ученые неопровержимо доказали, что впервые получили железо хатты – одни из древнейших предков абхазо-адыгов, которые жили в Малой Азии. Именно от них другие народы получили железо, в том числе и синд-меотские племена. Вполне естественно, что широкое применение железа протоадыгами одними из первых не могло не найти своего отражения в их мифологии и в героическом нартском эпосе. Поэтому в адыгском пантеоне Тлепш занимает одно из первых и значительных

¹ Легенды и мифы Древней Греции. Владикавказ, 1993. С. 205, 207.

² Тэйлор Э. Первобытная культура. М., 1939. С. 428.

³ Унежев К. Х. Феномен адыгской (черкесской) культуры. Нальчик, 1997. С. 25.

мест и является «огневым богом». Более того, он часто заменял и бога-громовержца Щыблэ. Подтверждением этого является тот факт, что, например, у абадзехов объединялись обрядовые церемонии в честь Щыблэ и Лъэпщ, связанные с вызыванием дождя и захоронением человека, убитого ударом молнии.

Лъэпщ — огневой бог вообще, в первом случае становится богом, человеком — во втором случае. Этот своеобразный его переход от бога к человеку отображается на процессах социально-экономического развития общества. Были специальные места для проведения празднеств в честь Тлепша. Здесь совершали обряд жертвоприношения ему. Например, в Шапсугии славилась роща в урочище Адыхико, куда шапсуги собирались в дни почитания Тлепша. В старину здесь на столетние деревья вешали мечи, кольчуги, шлемы и другие военные доспехи из железа. Образ Тлепша занимает важное место в нартском эпосе. В нем он выступает часто и богом железа, покровителем воинов и кузнечного дела. Вот что говорится о нем в нартском сказании «Железные ноги Тлепша»:

Тлепш, всесильный бог железа,
Молотом по наковальне
Громыхает, сотрясая
Доли, горы и леса.
Оружейник всемогущий
Снаряжение боевое
Нартским воинам готовит:
Он кует кольчуги, шлемы,
Наколенники, колчаны;
Из певучей белой стали —
Копья, стрелы и мечи...

Далее в этом же сказании говорится:

О коварных и жестоких —
«Да сразит их молот Тлепша!» —
Люди прежде говорили
И поныне говорят...¹

У балкарцев культ Дебета тоже был связан с кузнечным делом. Об этом свидетельствует широкое применение железных предметов в магических действиях и об-

¹ Нарты. М., 1957. С. 336, 337.

рядах. Центральной фигурой во многих из них является кузнец. Священными считались многие железные орудия труда — например, балкарцы очень почитательно относились к наковальне. Категорически запрещалось садиться на нее. Самым внушительным проклятием считалось проклятие, произнесенное около железных предметов (нож, кинжал и др.), положенных в середине комнаты¹. До недавнего времени в Кабарде, Адыгее и Черкесии сохранилась вера в исцеляющую силу кузнецов: считалось, что стоит больного ребенка окунуть семикратно в кадку с водой — «лээнс», что находилась в кузне, — и ребенок будет здоров. Посетитель «щопщак-кепш» (вечернее посещение раненого), перешагнув порог, должен был произнести «хох» вроде этого:

Лээнцу ди къаныр уи лээнц,
лээн махуэ тхэм фхуицц!
Тхэм япху уи нэлэ тетц,
сымаджэр псэуэ
Зэпэнцу тхэм уигъэхъуж!

Тлепш наш, кан — твой лекарь,
Да сделает бог его счастливым (для вас)
Лекарем.
Бога дочь — твое внимание,
Вольной пусть живет.
Да вылечит (его) Тха насовсем,
Да поскорее, я говорю².

При трудных родах кабардинцы и балкарцы вызывали кузнеца, которой именем Тлепша должен был отгонять от роженицы «нечистую силу». Для этого он брал из кузни воду, в которую опускали раскаленное железо, и с ее помощью массировал живот роженицы. До сегодняшнего времени на живот умершего кладут ножницы.

Значительное место среди языческих богов адыгов и балкарцев занимал бог речных вод «Псыхъуэгуац» (Суу-Апасы). Л. Я. Люлье сообщает о ней как о «деве вод речных». В ее честь устраивали празднества. Их приурочивали обычно к весеннему времени. К этой богине обращались молодые люди с молением о дожде. При этом они обливали друг друга водой и, в виде забавы, плеска-

¹ Джуртубаев М. Ч. Древние верования балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1991. С. 162.

² Шортанов А. Т. Адыгская мифология. Нальчик, 1982. С. 98, 99.

лись в воде до тех пор, пока не наскучит. Ее образ воплощается в образе «Ханцыгуацэ», к которому обращались адыги во время засухи. Речь идет о том, что был такой обряд, да и сейчас это имеет место, когда молодежь брала чучело и ходила по дворам, его обливали водой, а молодым дарили различные виды продуктов. Этим способом хотели вызвать дождь. Мифы о Псыхогуаше до наших дней не дошли, эта героиня фигурирует во многих сказках адыгских народов, где она выступает помощницей и защитницей обездоленных или сирот¹.

§ 2. Христианство

По вопросу проникновения христианства в среду адыгов и балкарцев существуют различные мнения. Но следует отметить, что остатки этой религии имели и в определенной степени имеют место до настоящего времени в жизни адыгов и балкарцев. Ученые отмечают, что первые семена христианства были занесены на Северный Кавказ еще в I в., благодаря апостольской деятельности святых Андрея Первозванного и Симона Канонита в причерноморских греческих колониях Кавказа. Отсюда христианство проникло и в среду заселявших Северно-Западный Кавказ адыгов (черкесов). В. Х. Тменов, Е. Б. Бесолова и Е. Н. Гонабоблев пишут, что, по церковному преданию, св. апостол Андрей в 40-м г. нашей эры проповедовал христианское вероучение среди горских народов — алан, абазгов, зихов. Это предание было записано авторами III–V вв.: Оригеном, Евсевием, Памфилом, св. Дорофеем, Епифанием Кипрским, а также отражено в более поздних грузинских хрониках и в православных Четьях Минеях: «Симон же и Андрей идоста в Аланию²». Семен Броневский писал, что черкесы, или черкассы, страбоновы керкеты, известны у восточных писателей под именем керкас, или геркас, о коих упоминают они как о народе христианском, находящемся в соседстве с Грузией. Французские монахи ввели между чихам (зихами. — К. У.) католическую веру. Верзахт, один их чихских князей, в 1333 г. принял римско-католический закон, а в 1439 г. имели уже сии народы одного католического ар-

¹ Шортанов А. Т. Адыгская мифология. Нальчик, 1982. С. 164, 165.

² Тменов В. Х., Бесолова Е. Б., Гонабоблев Е. Н. Религиозные воззрения осетин. Владикавказ, 2000. С. 39.

хи епископа в Тамане (Матриге) и двух епископов в Сибее и Лукуне, однако большая часть черкесов осталась в греческом исповедании¹.

Однако следует отметить, что существуют различные мнения ученых относительно сроков проникновения христианства в среду адыгов. В частности, А. Шортанов писал по этому поводу следующее: «В некоторых работах, в частности в «Истории Кабардино-Балкарской АССР», время проникновения христианства к адыгам приурочивается к V в.» А в «Очерке истории Адыгейи» отмечается, что начало сильного политического и культурного влияния Византии на Северо-Западном Кавказе относится к эпохе Юстиниана (527–565). К этому времени относят начало обращения в христианство прибрежных адыгов и появления на Кавказе греческих миссионеров...»

В первой половине VI в. адыги и абхазы имели уже собственные епископские кафедры, существовавшие на положении «автокефалий» (независимый, самоуправляющийся) константинопольского, а по другим сказаниям – антиохийского патриархата. В 519 г. Епископ Фанагорский, Иоанн, присутствовал на Константинопольском соборе и подписывался под обращением этого собора к патриарху Иоанну. Имя зихского (т. е. адыгского) епископа Доминиона встречается между подписями Константинопольского собора 526 г.¹ Однако еще задолго до этого времени христианство начало активно проникать к адыгам, находившимся – в полном смысле этого слова – в кольце христианского окружения: Византии, Грузии, Абхазии. В «Картлис Цховреба» говорится о том, что уже в первой половине I в. нашей эры христианские проповедники пытались проникнуть в абхазо-адыгскую среду, в частности, святые Андрей и Симон посетили с миссионерской целью города Пастафор и Босфор, где совершили «великие чудеса», обращая множество людей в христианскую веру. «Прибыв в город Севасти, что ныне Цхум, они проповедали слово божье. Блаженный Андрей оставил тут Симона Кананеанского с прочими учениками и отправился вверх в Джикети (Зихию. – К. У.), населенную дикарями, преданными порокам, неверными и безверными»³.

¹ Семен Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Нальчик, 1999. С. 121, 127.

² Очерки истории Адыгейи. Майкоп, 1957. Т. 1. С. 70.

³ Шопен Иеан. Новые заметки на древние истории Кавказа и его обитателей. СПб., 1866. С. 70.

Мнение о раннем проникновении христианства в абхазо-адыгскую среду разделял и Ю. Месаром, поддерживая в этом вопросе М. Тамарати (Тамарашвили), утверждающего, что христианство уже в пору своего зарождения имело среди абхазо-адыгских племен «твердую почву»¹. «Хотя насчет «твердой почвы» можно усомниться, — писал А. Шортанов, — но все же нельзя не считаться с фактами распространения христианства среди северокавказских народов уже в ранний период его существования, а Питиунт (Пицунд) в первой половине IV в. уже имел епископство, глава которого, Стратофил, присутствовал на первом вселенском Никейском церковном соборе (325), а в начале V в. христианство окончательно утверждается в Западной Грузии и в Абхазии». Ш. Д. Инал-Ипа в своем историко-этнографическом очерке «Абхазы» пишет, что, по преданию, в Абхазию семена христианства были занесены еще в I в. н.э., когда явились сюда апостолы Андрей Первозванный и спутник его Симон Каноний. Последний, просвещая абхазов, в 55 г. принял мученическую смерть на берегу р. Псырдаха, у Нов. Афона, где и был погребен, а впоследствии на том месте построена церковь его имени. Андрей же пошел дальше и распространял евангельское учение на земле джигетов (зихов-адыгов. — К. У.)².

Ш. Ногмов отмечал, что христианство значительно утвердилось среди адыгов при греческом императоре Юстиниане (527–565). «Греческий император Юстиниан, по сказанию старцев, — Юстин, или Юстук, — писал он, — был союзником адыгейского народа и даже называл себя адыгейским витязем. С помощью наших предков он одолел врагов империи. Так, между прочим особенно сохранилась память о победе, одержанной над готами и их союзниками. После того Юстиниан обратил милостивое внимание на адыхов и стал прилагать старание к обращению их в христианство. Адыхе приняли его от греков без сопротивления, что и послужило к сближению этих двух народов. Имя Юстиниана было в таком уважении между адыхами, что, для подтверждения своих слов, народ клялся юстиновым столом и юстиновым тронном. Юстиниана значит «юстинов стол»; шот юстук — «юстинианово седалище». В древности наш народ никогда не клялся именем всевышнего существа, но

¹ Месаром Юлиус. Пекхский язык. Чикаго, 1934.

² Ш. Д. Инал-Ипа. Абхазы. Сухуми, 1965. С. 565.

произносил для подтверждения истины имя уважаемого человека».

О том, что многие жители Северо-Западного Кавказа, в частности адыги, издавна исповедовали христианство, пишет крупный специалист в области духовной культуры народов Северного Кавказа А. А. Авксентьев, рассказывает генуэзец Георгий Интериано, побывавший на Кавказе в конце XV в., а также венецианец Иосафт Барбаро, ездивший в 1436 г. посланником в Азов. Об этом же писал голландец А. Витсен, побывавший в Черкесии в 1668 г. О наличии христианских обрядов и обычаев у адыгских народов сообщал польский дипломат С. Броневский, который в 1578 г. был послан к крымскому хану королем Польши Стефаном Баторием. О наличии у коренных жителей Северо-Западного Кавказа христианской религии свидетельствовали польский ученый Матвей Меховский и французский купец Жан Шарден, путешествовавший в 1671–1673 гг. вдоль Черноморского побережья Кавказа¹.

Ш. Ногмов далее пишет, что под влиянием союза с Юстинианом, греческое духовенство проникло в Кавказские горы, внесло к нам миролюбивые занятия искусствами и просвещение. К этой эпохе относят построение храмов божьих в нашей земле. Священник назывался у нас шогень; епископ – шехник («щихънагъ»). Предание сохранило даже название места, где обитал первый епископ, пришедший из Греции; оно находится в четырех верстах от крепости Нальчика и называется «Лесистый курган». И теперь этот курган очень высок. Вот содержание песни, в которой упоминается о нем и прославляется епископ, там обитавший: «Шехник наш защитник и воспитатель, шехник наш свет. Воспитатель рассуждал о законе божием с вершины лесистого кургана. И на лесистом кургане сковали ему дом из железа с дверьми из литого серебра, и там-то обитал светлый божий дух. И Ангелы беседовали с мудрым старцем. Свет от бороды его уподоблялся свету факела. Он парит в воздухе, как земная птица, подымается под облака и видит творящих беззакония. Ребро его не простая кость, но кость слоновая, и благородный золотой крест сияет на его груди».

Христианская вера процветала в Кавказских горах, будучи поддерживаемая греческим духовенством, заме-

¹ Авксентьев А. А. Ислам на Северном Кавказе. Ставрополь, 1984. С. 21.

нявшим у былых присылкой новых епископов и священников. От них произошли многие дворянские роды, которые говорят, что они происходят от шогеня Гирге или от шогеня Рум, так как не все духовные были из греков, но некоторые были и из латин. Христианская вера ослабела после падения Греческой империи, потому что уже некому было посылать новых епископов на места прежних. Окончательно она уничтожена в 1717 г. По приказанию турецкого султана крымские ханы Девлет-Гирей и Хаз-Гирей распространяли магометанскую веру огнем и мечом. В эту эпоху многие были убиты, книги их сожжены и пастырские жезлы их расхищены и брошены с презрением, от чего произошла следующая поговорка: «Чтоб твое имущество было расхищено, как расхищены были шогенские жезлы»¹.

Т. Лапинский отмечал, что у адыгов сохранился символ христианства – крест. Этот божественный символ и поныне можно найти во всех хижинах. Он видел крест, вышитый или вплетенный в намазник (коврик на котором мусульманин делает намаз). Он (крест. – К. У.) священ, так как его носил Иесха (Иисус), сын великого Тха. В большом божественном почете здесь Мара (Мария), которую почитают здесь как Тха-нан (матерь Божью)².

Христианство среди адыгов и балкарцев не могло иметь устойчивого положения в силу ряда причин. К ним прежде всего следует отнести то, что у этих народов не было централизованной государственности. Патриархально-родовые отношения в адыгском и балкарском обществах долгое время играли значительную роль, стало быть, племенная раздробленность являлась основным препятствием к устойчивому утверждению христианской религии. Поэтому не случайно древние языческие амулеты и ритуалы у этих народов держали устойчивые позиции. Если состоятельные слои населения придерживались христианской религии, основная часть населения еще во многом придерживалась язычества. Оно имело слишком большие и давние корни и вошло в плоть и кровь адыгов и балкарцев. Язычество у них прошло сквозь несколько общественно-экономических формаций:

¹ Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1994. С. 76, 77.

² Теофил Лапинский. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Т. 1, 2. Нальчик, 1995. С. 81, 82.

от первобытно-общинной до феодальной. На протяжении этих веков изменению подвергались некоторые незначительные детали язычества, а сущность, основное его содержание оставалось неизменным. В этих условиях произошло «сращивание» язычества с христианством.

До недавнего времени существовали предания у адыгских племен о пребывании греков — «урыма», принесших им христианство. Период наиболее сильного византийского влияния на адыгов продолжался с VI до начала VIII в. С XI до XIII в. это влияние перекрещивается с грузинским. Адыго-грузинские связи восходят к очень давним временам. Еще в первые века нашей эры грузинские цари не раз пользовались услугами предков адыгов для пополнения своих войск. Грузинская летопись «Картлис Цховреба» сообщает о наличии джиков (зихов-адыгов. — К. У.) в составе грузинского войска при царях Грузии Азорке и Армазели в 87–107 гг. Эти правители призывали себе на помощь в борьбе против армянского царя Арташана горцев Кавказа, в том числе и адыгов¹. Следы христианства сохранились в религиозных верованиях адыгов и балкарцев вплоть до настоящего времени. Следует отметить, что христианство к балкарцам проникло позже, чем к адыгам, и главным образом — из Грузии.

Ян Потоцкий (1761–1815) в своей работе «Путешествие в Астраханские и Кавказские степи» писал, что «балкары, населяющие высокие горы по ту сторону Кабарды, говорят на тюркском языке и являются язычниками». Далее он пишет: «Что касается нынешнего состояния религии у абазинцев и сванов, дело обстоит следующим образом: они питают такое большое уважение к своим церквям, что в течение уже нескольких столетий никто не решался приблизиться к ним более чем на тридцать шагов. У них есть также несколько греческих молитвенников, которые никто не решается открывать, но на них они приносят клятву. То же самое имеет место и у балкарцев, которые являются народом тюркского происхождения и проживают к западу от осетин и к северу от Имеретии»². М. Ч. Джуртубаев приводит любопытный документ по этому поводу. В частности, он пишет, что, стремясь не допустить дальнейшего распрос-

¹ Очерки истории Адыгеев. Майкоп, 1957. Т. 1. С. 72, 73.

² Потоцкий Ян. Путешествие в Астраханские и Кавказские степи.

транения ислама на Северном Кавказе, коллегия иностранных дел выражала мнение о необходимости замены грузинских миссионеров русскими. В ее донесении Сенату от 8 марта 1770 г. говорится: «По представлению святейшему Синоду бывшего в Москве грузинского архиепископа Иосифа да Московского Знаменского монастыря архимандрита грузинца Николая, учреждена с 1745 г. проповедь христианского закона в осетинском и за Малою Кабардою в Кавказских горах живущем народе (т. е. балкарском. — К. У.), который напрочь сего содержал христианской закон, но во времени онат потерял»¹.

А. Н. Даниельский в 1846 г. писал, что у балкарцев, карачаевцев и чегемцев «заметны следы прежнего христианства, ибо они сохраняют, почитают воскресные дни и развалины древних церквей, осеняют себя крестом, снимая при этом шапки, и едят свинину»². Говоря об атрибутах христианства, следует здесь отметить, что существуют различные мнения по поводу креста. Одни утверждают, что его присутствие связано с христианством, другие же склонны отнести его к язычеству. Один из крупных кавказоведов и знаток культуры адыгов Л. И. Лавров отмечал, что адыгское слово «джуэр», «жор» или «жуэр», означающее «крест», могло проникнуть к адыгам до их христианизации. Он считает, что адыгское «джуэр» первоначально означало не христианский крест, а дохристианский трехконечный фетиш, почитание которого еще не так давно имело место и у других народов Кавказа.

С появлением христианства этот же термин стал означать и «крест». Джоры обычно ставились под «священными» деревьями, в домах, у домов, у дорог, у источников и на могилах³. Л. Я. Люлье писал об адыгах, что «единственный символ предмета поклонения их есть деревянный крест особой формы, в виде буквы «Т», прислоненный к дереву»⁴. А. Шортанов указывал, что еще задолго до появления христианства среди адыгов крест служил фетишем, обладавшим, по представлениям на-

¹ АБКИЕА. Нальчик, 1934. С. 226.

² Джуртубаев М. Ч. Древние верования балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1991. С. 178.

³ Лавров Л. М. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев. Труды института этнографии, новая серия. М., 1991. С. 178.

⁴ Люлье Л. Я. Черкесия. Краснодар, 1927. С. 25.

ших предков, магической силой; древние представления о магических свойствах креста христианство заимствовало из язычества. От него идет образ креста-исцелителя, креста-спасителя. Считалось, что знак креста отвращает демонов, совершает чудеса, о которых во множестве сообщает христианская мифология.

«Превращению креста в фетиш способствовала, — указывает он далее, — безусловно его общая конфигурация, напоминающая древним общие очертания человеческого тела. Древнего человека ничто так, пожалуй, не ошеломяло, как все то, что похоже было на него самого. И богов он создавал по своему образу и подобию»¹.

Следы христианства и язычества сохранились в религиозных верованиях адыгов и балкарцев. Об этом писал Ш. Ногмов: «Христианство еще очень свежо в памяти народа. Предки почитали за пророка Аус Герга, т. е. «греческого Иисуса»; пророка Илью называют Яллия; Моисея — Аймыс или Аймыш; царя Давида — Тлепш, всевышнее божество — Псатха и Тха. Далее он указывал, что весной адыги воздерживались некоторое время от мяса... Великий пост назывался «баразгышхо», а маленькие посты — «баразбожие» (бэрэджэджьей), в апреле месяце бывал большой праздник, пекли особенной формы хлеб с изображением трех лиц, называемый «тих». Это слово есть испорченное «пасха». Также помнят, что если ставился возле дома или сада крест, то никто не осмеливался входить в дом или срывать что-либо в саду»².

Ксаверио Главани в своей работе писал: «Верование адыгов смешанное: они чтут субботу, воскресенье и пятницу, празднуют Пасху с христианами и Байрам с турками, утверждая, что все хорошо; в обществе христиан они не соблюдают никаких постов, находясь же с турками, выдают себя за турок; так поступают они и со всеми другими религиями. Каждый округ Черкесии имеет особое священное место, находящееся обыкновенно в лесу, где предметом поклонения служит большое дерево. Такое дерево черкесы называют «пенекассан». Это название происходит от греческого слова «панатия». Черкесы совершали перед этим деревом свои молитвы. Умиравшие оставляли свою саблю, ружье и одежду пенекассану; их относили туда с церемонией и вешали на деревья,

¹ Шортанов А. Т. Адыгейские культы. Нальчик, 1992. С 105, 106.

² Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1992. С. 78.

так что с течением времени лес оказывался наполненным всякого рода оружием, одеждою и другими предметами, но никто не осмеливался прикоснуться к ним»¹.

«Убедительным свидетельством того, что балкарцы и карачаевцы некогда были христианами, — пишет М. Джуртубаев, — являются названия месяцев в старинном календаре, приведенные И. М. Шамановым. Год начинался по этому календарю со дня зимнего солнцестояния, а первый месяц именовался «Башиль ай» — месяц св. Василия. Далее имена святых: Георгия («Аузнауал айы», «Аузу артайы», «къыркъауз ай» — первый месяц Аус-Керги, второй месяц Аус-Керги, месяц Герг-ауса), Николая (Николай), Ильи («Элия ай»), девы Марии («Байрым ай»). Присутствие некоторых терминов в балкарском языке также свидетельствует о влиянии христианства. «Бабас» — христианский священник, поп, — пишет он, — видимо, от греческого «папас». Суммируя изложенное, можно прийти к выводу, — указывает М. Джуртубаев, — что пережитки христианства в духовной культуре балкарцев и карачаевцев носят отчетливый отпечаток византийского влияния»².

Вплоть до XIX в. в некоторых кабардинских и балкарских семьях можно было обнаружить священные книги — Евангелия. Есть не один пример, когда пожилые люди хорошо помнили: если ставили крест в саду или перед домом (обычай существовал вплоть до середины XIX в.), они становились неприкосновенными. Если отец или мать, умирая, делали завещание и при этом складывали свои указательные пальцы крест-накрест, то, по обычаю, их воля исполнялась в обязательном порядке. До середины XIX в. сохранились и другие христианские обряды: если в каком-нибудь населенном пункте свирепствовала какая-либо эпидемия болезни или угрожала, то на границе села вкапывали крест. Он, по мнению людей, помогал в излечении болезни и служил знаком предупреждения, что туда нельзя войти, т. к. существовала реальная угроза заражения этой болезнью. Адыги и балкарцы верили, что любая вещь, оставленная без присмотра, была неприкосновенна, если клали возле нее крест, ибо она становилась священной. Наши пред-

¹ Глазани Ксаверио. Описание Черкесии // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 161, 162.

² Джуртубаев М. Ч. Древние верования балкарцев и карачаевцев. Нальчик. С. 178, 179.

ки считали священными местами и почитали развалины христианских церквей. Они не нарушали клятву, данную их именами.

Каждый год, в первых числах января, постились одну неделю, питаясь одними бобами. Этот пост назывался «тлеумсик». После этого праздновали Рождество Христова, тоже целую неделю, проводя время в компаниях и забавах. Праздновали каждый год Сретенье Господне. Масленицу называли «Угаг», а Великий пост – «Угыг», который продолжался 48 дней. В следующее за ним воскресенье праздновали Пасху – «Удыш». «В продолжение всего этого поста собирали яйца, не употребляли их ни для какой нужды», и даже разбивать яйцо считалось преступлением. Накануне Пасхи красили яйца. А также праздновали вербный день, который назывался «Гушгах», что означало «воскресенье мертвых». В этот день все отправлялись на кладбище и поминали своих предков молитвами, яствами. Праздновали и день Вознесения Господня – «От бек». «В этот день в первый раз приносили в жертву ягненка, готовили из него обед, и с того дня разрешалось употреблять мясо».

В день праздника Тхамышх («Тхъэм ипхъу»), что значит Божья дочь, каждая девушка относилась в Дом молитвы по цыпленку, из которых там готовили обед. Народ, собравшись на этот девичий обед, поздравлял своих гостей и угощал их в честь Богородицы. В следующую неделю отмечали праздник Богородицы – Тхашхоянэ («Тхъэшхуэ анэ»), т. е. мать Божья, в честь которой распевались специальные песни. Ежегодно отмечались также праздники: «Щечер», перед которым постились одну неделю, затем был праздник в честь святого Сергия, ежегодно 7 апреля праздновали «Нагышатх», когда девушки и молодые женщины дарили одна другой цветы, – он посвящался Марии. Был праздник Псутх («псыутх») – день окропления водою.

Адыги и балкарцы праздновали и другие христианские праздники – свидетельство того, что они не одно столетие были христианами и придерживались его традиций. Однако христианская религия не могла удерживать свои позиции в духовной жизни адыгов и балкарцев, и тому были свои объективные причины.

§ 2. Ислам

Прежде всего здесь надо отметить, что усиление политического влияния Турции и крымского ханства на Северном Кавказе сыграло большую роль в вытеснении христианства и утверждении ислама в крае. В этом плане Семен Броневский высказал следующее: «Черкесские народы и абхазы в древнейшие времена исповедовали христианский закон Греко-Восточной церкви. Нашествие татар и укоренившаяся на Кубани власть крымских ханов способствовали ко введению в сии земли магометанской веры. Грузинские цари, сколько ни старались удерживать христианскую веру между черкесами и осетинами, равно как и российские государи, посылавшие туда проповедников со времен царя Ивана Васильевича Грозного, не имели в том успеха по причине ли невежества проповедников, или оттого, что они встречали непреодолимые препятствия со стороны татар. Но черкесы всегда были склонны к христианству, и доньше (т. е. 20-е г. XIX в. — К. У.) развалины церквей почитаются в иных местах за убежище неразрушимое. Еще в начале 18 столетия они не имели точного вероисповедания, и, по собственному показанию кабардинцев, не более 80 лет минуло, как они совершенно отошли от Греко-Восточной церкви и приобщились к магометанству, — сначала князья, а потом и черный народ, который не имел ни одного точного понятия о новопринятом законе и по недостатку духовных чинов не отправлял надлежащих обрядов»¹.

Вытеснению христианства с территории Северного Кавказа значительно способствовало постепенное ослабление, а затем окончательное падение Византии в середине XV в. (1453). Этому процессу способствовало также ослабление и политическая раздробленность Грузии после ее временного расцвета при Багратидах, которая имела значительное влияние с самого начала XVIII в. Крымские ханы начали огнем и мечом распространять на Северном Кавказе ислам.

Фредерик Дюбуа де Монпере писал, что с середины XV в. соперничество между Россией и татарами-мусульманами в Черкесии привело к открытой борьбе между христианством и исламом в этой стране: каждая из двух могущественных сторон стремилась влиять на народ по

¹ Броневский Семен. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Нальчик, 1999. С. 165.

средством религиозных идей, и эта борьба продолжалось вплоть до наших дней. «История не знает примеров того, — писал он, — чтобы одна религия заменила другую в чистом виде, без заимствований у своей предшественницы; всегда новая религия прививается на старую и проповедники новой системы вынуждены мириться с подобным смешением из политических соображений, чтобы же воспринимать нововведения. Тот, кто внимательно проследит развитие христианства, увидит, что оно видоизменилось на тысячу ладов, несмотря на свою кажущуюся ортодоксальность, и каждый народ добавлял к нему некоторые свои древние праздники, древние обряды, упоминания о древних культах. Не составит труда проделать такой анализ развития христианства у некоторых народов.

У черкесов только князья и знать являются мусульманами и соблюдают его обряды, но делают они это для очистки совести, без всякого рвения и зачастую посмеиваются над этими религиозными церемониями. Народ же фактически является языческим»¹.

Следовательно, ислам вытесняет христианство из духовной жизни адыгов и балкарцев благодаря усилению позиции Турции и ее вассала — крымского ханства — на Северном Кавказе. Они как бы «опередили» Россию в кавказской политике, в том числе в утверждении ислама в крае. Это несмотря на то, что адыги и балкарцы не одно столетие придерживались христианского вероисповедания. Ислам, как и христианство, восприняли в первую очередь состоятельные слои общества, т. е. феодалы, в последующем и простой народ. Он становится господствующей религией у кабардинцев в XVIII в., а у балкарцев — в начале XIX в.

Любая мировая религия привносилась в среду того или иного народа мечом и кровью. Она утверждалась в ходе борьбы носителем той или иной религии против других народов. Не было исключением в этом отношении и ислам, который вошел в жизнь адыгов и балкарцев усилиями турков и крымских татар. Вот как описывает Ш. Ногмов некоторые эпизоды распространения ислама среди кабардинцев в конце XVII — в самом начале XVIII в.: «Крымский хан, известясь, что между умножившимися кабардинскими князьями, живущими в бес-

¹ Дюбуа де Монпериер Фредерик. Путешествие по Кавказу// АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 448, 449.

престанных раздорах, нет ни одного князя, достойного управлять кабардинцами, послал донесение о том турецкому султану, и султан прислал ему войско. Хан, присоединив к нему и свое собственное, отправился для покорения Кабарды.

В происшедшей битве кабардинцы были сбиты превосходством неприятеля и отступили к Баксану; там вновь завязался жестокий бой, в котором много кабардинцев пало, а остальные покорились (речь идет о сражении крымских татар и турок против Кабарды, предшествовавшем битве между ними, где противники потерпели жестокое поражение от кабардинцев. — К. У.). Хан принуждал кабардинцев принять магометанскую религию, умертвил древних шогенов, палки (жезлы) их разбросал, а книги истребил огнем; некоторые из шогенов скрылись в горах с книгами, где докончили жизнь в пещерах. Оставшиеся после них книги найдены полуистлевшими. Войско свое хан расположил по квартирам, в каждый дом по четыре человека, велел кормить, поить их и лошадей, в каждый поставил по одному мулле для обучения народа исламу. (подчеркнуто нами. — К. У.)». Он также пишет: «Уже несколько лет крымское войско находилось в Кабарде, собирая ежегодно подать; некоторые приняли ислам, тогда как другие, боясь притеснений турок, тайно исповедовали свою веру (т. е. христианство), что и продолжалось несколько лет. Турки, к которым присоединились крымские татары, со многими муллами, эфендиями, хаджи и с припасами, отправились на покорение кабардинцев, строя при этом в некоторых местах мечети и крепости. Достигнув Черным морем земли закубанцев, они успели многих обратить в ислам и основать в их земле крепость и мечеть, назвав ее Хаджи Кале»¹. Исходя из этого, можно предположить, что ислам, который начал проникать к кабардинцам примерно с XVI в., до конца XVIII в. не получил большого распространения на Кавказе. Но он стал интенсивно распространяться и завоевывать свои позиции с целью большего влияния Турции и Крымского ханства.

К балкарцам ислам стал проникать гораздо позже. Ученые предполагают, что начало его распространения в балкарских обществах относится к первой половине XVIII в. Массовое же обращение балкарцев в ислам про-

¹ Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1994. С. 142-145.

исходило в конце XVIII в. Этот процесс завершился приблизительно в первой половине XIX в.¹ Х.-М. Сабанчиев пишет: «В Балкарии мусульманская практика была опутана многими пережитками домусульманских верований, а также традициями и местными обычаями»².

Центром распространения ислама среди адыгов сделалась Анапа, и с тех пор в горах начали строить мечети и стало увеличиваться число магометанского духовенства. Первоначально представителями мусульманского духовенства (муллами и кадиями) были в основном турки, а потому ислам укреплял власть той части феодально-родовой знати, которая ориентировалась на Константинополь. Ревностными последователями ислама сделались в первую очередь кабардинские феодалы, которые придерживались протурецкой ориентации. Турция добилась принятия абадзехами в 1825–1829 гг. шариата и признания султана Главой веры. Но в массе абадзехи не были фанатичными поклонниками ислама, они даже не всегда платили эфендиям причитающиеся им налоги, т. е. десятину. Много абадзехов не следует учению корана, они удержали привычки идолослужения, жертвуют ветрам, чтут священные леса и в расприх предпочитают суд по обычаям.

В Шапсутии ревностными мусульманами являлись, главным образом, дворяне, ведущие работорговлю. Представители народных масс адыгов, так же как и раньше, редко становились настоящими правоверными мусульманами. «Черкесы и убыхи, — писал Карлгоф в середине XIX в., — считаются мусульманами, но настоящие мусульмане составляют незначительную часть народонаселения; это преимущественно люди, находящиеся в сношениях с турками по торговым делам и семейным связям; в общей же части народа, особенно в низших слоях, религиозные верования состоят из смеси остатков христианства и язычества»³. Несмотря на все старания Турции и крымских ханов, ислам, как и христианство, не пустил глубоких корней среди адыгов. В этом есть, на наш взгляд, свои объективные причины. Прежде всего

¹ История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1. С. 298.

² См.: Сабанчиев Х.-М. А. Пореформенная Балкария в отечественной историографии. Нальчик, 1989. С. 298.

³ Карлгоф Н. О политическом устройстве черкесских племен // Русский вестник. 1860. Т. 28. Кн. 2. С. 533; Очерки истории Адыген. Майкоп, 1957. С. 281–283.

следует отметить, что именно адыгский этикет стал важнейшим барьером в укреплении позиций религий среди адыгов. Дело в том, что религия никогда не играла такой важной роли в жизни адыгов, как это имело и имеет место у остальных народов Северного Кавказа. Речь идет о том, что адыгский этикет фактически всегда решал все «проблемы» религии, выполнял социальные функции в жизни общества больше, чем религия. Адыгэ хабзэ по своему функциональному назначению решает больше задач, чем религия. Она «растворяется» в адыгэ хабзэ, ибо он шире, чем религия: нет проблем в обществе, начиная от рождения человека до ухода его в мир иной, которые адыгэ хабзэ не регулирует. Поэтому именно адыгэ хабзэ стал и по сей день является «преградой» укреплению позиций религии в адыгском обществе¹.

О слабости позиций ислама в среде черкесов еще в середине XIX в. писал Ад. Берже: «Начало введения мусульманской веры у черкесов восходит ко временам недавним; она и теперь не успела между ними достаточно укорениться. Черкесы, слушая на общественной сходке служителей ислама, в большинстве своем оставались равнодушными и расходились, говоря: «Это дело мулл, а мы, слава Богу, князья; пусть они и проповедуют об этом своей же братии». Далее он рассказывает: «Еще не так давно был случай в одном из княжеских семейств, члены которого с большею или меньшею набожностью исполняли обряды ислама и, гордясь этим, презирали своих земляков, остававшихся в вере предков. Только один дряхлый старик, глава этого семейства, упорно отказывался от принятия мусульманской веры, — как вдруг случилось ему жестоко заболеть, старик был при смерти. Родственники его уже привели муллу и стали уговаривать его принять ислам, чтобы открыть себе путь в Мухаммедов рай, столь цветисто описываемый муллою. Старик долго слушал ненавистного ему проповедника и молчал, но наконец, махнув рукою, сказал: «Лучшие годы моей жизни я провел с людьми, теперь уже покойниками; они и не думали о мусульманской вере, но были благороднее, храбрее и простодушнее людей нынешних. Не хочу я вашего рая: куда они пошли, туда и я пойду, — мне лучше быть с ними»².

¹ Унежев К. Х. Феномен адыгской (черкесской) культуры. Нальчик, 1997. С. 134, 135.

² Берже Ад. Краткий обзор горских племен на Кавказе. Нальчик, 1992. С. 20, 21.

Главным источником, священной книгой ислама является Коран (буквально – декламация, чтение). В нем собраны поучения, речи и заповеди Мухаммеда (ок. 570–632). Он сообщил их своим последователям, начиная с 609 г. в Мекке и Медине, как откровения Бога, ниспосланные ему через святого духа или через архангела Гавриила. По содержанию в Коране можно выделить: Эсхатологию (учение о конечных судьбах мира и человека) ислама; иудаистские и христианские воззрения; древнеарабские обычаи, оформленные в ритуальные предписания ислама; арабский фольклор; мусульманское законодательство. Коран разделен на 14 глав (суры), состоящих из неравного количества – всего 6206 – ритмико-смысловых отрывков (айат, т. е. знамение). Традиционно суры делятся на «мекканские» (возникли до 622 г.) и «мединские» (возникли в 622–632 гг.). В мекканских сурах преобладает проповедь единобожия; в мединских сурах главное внимание уделено правовым вопросам, полемике с иудеями и христианами, закреплению обязанностей верующего. Коран оказал огромное влияние на культуру и литературу арабов-мусульман средневековья. Коран был переведен на латинский язык примерно в 1142 г. Робертом Кеттонским. Первый полный русский перевод Корана сделан с арабского Г. Саблуковым в 1877 г.¹

В лоне ортодоксального ислама в середине XVIII в. возникает религиозно-политическое движение «ваххабитов» (по имени основателя – Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба), отвергающих «новшества», которые появились в Исламе в процессе его исторического развития и контактов с древними религиозными системами. Ваххабизм в современных условиях стал знаменем экстремистов и террористов. На Северном Кавказе в XIX в. получило распространение религиозно-мистическое направление в исламе – мюридизм. Идеология мюридизма широко использована Шамилем в Дагестане и Чечне в ходе Русско-Кавказской войны. Идеологи мюридизма пытались создать имамат – исламское теократическое государство на Северном Кавказе. Они вели священную войну – джихад (газават) против России. Однако мюридизм не получил распространения в Кабарде и Балкарии. Ислам содействовал проникновению в среду адыгов и балкарцев арабского языка, но не живого, разговорного, а кора-

¹ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 279, 280.

нического. Основной пласт заимствований – это арабизмы, выражающие религиозную мифологию и мусульманскую мораль.

Язык Корана изучали лишь в духовных учебных заведениях, прежде всего в медресе, где дело ограничивалось изучением Корана и правил мусульманской религии. В практическую жизнь арабское письмо не проникло, ибо оно было чуждым духу адыгов и балкарцев. В середине XIX в. начала появляться документальная письменность на арабском языке, не получившая, однако, широкого распространения. Духовенство было представлено эфендиями, или кадиями, и их помощниками – муэдзинами (дьячок, приглашающий, объявляющий). В медресе обучались сохтэ («сохъутэ») и «еджакIуэ». Первые находились на второй ступени обучения после Корана, вторые – на первой ступени, они изучали Коран. Муэдзин обязан был созывать правоверных на молитву и в случае отсутствия эфенди подменять его. По своим правам духовенство занимало такое положение, какое занимали дворянство, а иногда и князья. В сословие духовенства могли попасть представители всех классов и сословий. Многие адыги и балкарцы обучались в Стамбуле, Каире, Бахчисарае, где получали среднее и даже высшее образование. Однако большинство служителей культа не владело арабским языком, а механически заучивало некоторые положения Корана. Иоганн Бларамберг еще в XIX в. писал, что у кабардинцев духовенство делится на мулл, которые, отправляя богослужение, являются также судьями; и на имамов, которые находятся при мечетях, где выполняют функции наших (христианских. – К. У.) дьяконов. Кроме них, имеется еще и кади, избираемый каждый год из мулл на роль верховного судьи во всех делах, каждое из шести княжеских семейств Кабарды (Мисостовы, Атажукины, Бек-Мурзины, Кайтукины – в Большой Кабарде и Тау-Султановы, Гелестановы – в Малой Кабарде. – К. У.) имеет при себе одного такого кади. По законам Корана духовенство освобождено от всяких повинностей и налогов; и ему еще платят подати в виде пшеницы, баранов и т. п.¹

Пользуясь почти теми же правами, что и князья, все лица духовного звания могли иметь даже домашних рабов. Представители духовенства пользовались рядом осо-

¹ Бларамберг Иоганн. Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992. С. 127, 128.

бых привилегий. В частности, их проступки разбирались только представителями их сословия. Никто из служителей культа не платил дани. Духовенство подчинялось князьям и дворянам только по светским делам. Происходило своеобразное разделение властей на светскую и духовную. Служителям духовенства ежегодно платили все семьи того или иного населенного пункта различного рода налоги. В конце XIX – начале XX в. в Кабарде и Балкарии наблюдается стремительное увеличение примечетских школ и медресе. К этому периоду уже имелось около 100 начальных мусульманских школ, в которых обучалось 1236 детей. Ислам, кроме Аллаха – Бога-Творца, почитает и его пророков: Мухаммеда, Хазреталия, Хизира, Алия, Исуса, Гису, Ибрагима, Муссу, Хуха, Исхака и других.

Ислам требует совершения ежедневно пятикратного намаза, чтения соответствующих сур из Корана (рано утром, в обеденное время, после обеда («ичынды»), вечером («ахъшэм») и около полуночи («жасы»)). Перед каждым намазом мусульманин должен совершать омовение (мыли руки, ноги, лицо). Ежегодно необходимо в течение одного месяца держать пост – уразу. В течение этого периода мусульманин в светлое время дня не имеет права ни есть, ни пить, ни курить. Во время уразы все пожилые мужчины вечерами должны посещать мечеть и должны там молиться («турыхъ»).

Одной из основных обязанностей каждого мусульманина является совершение хаджа (паломничества) – посещение Мекки и храма Каабы. Там посетители прослушивают проповеди у горы Арафат, семь раз обходят Каабу с молитвой и пьют воду из источника зам-зам. Хадж приурочивается к празднику жертвоприношения – Курману. Совершивший хадж получает почетный титул хаджи («хъэжы»). Весьма значительным мусульманским праздником является окончание уразы. Он продолжается три дня и сопровождается жертвоприношениями; посещают в массовом порядке мечети, поздравляют друг друга, – этот праздник является как бы всеобщим примирением. Эти три праздничных дня называют «хъид». В первый из них всем селом в мечети совершается торжественный «хъид нэмэз». В этот день все готовят различные кушанья и относят в мечеть, где угощают и стариков, и собравшихся детей. Спустя 69 дней после окончания великого поста – уразы – мусульмане отме-

чают большой праздник — Курман. Он тоже продолжается три дня, сопровождается жертвоприношениями (забивают, как правило, барана не моложе 6 месяцев или крупный рогатый скот (1 голова на 7 хозяев)). 2/3 части жертвенного мяса раздают соседям, родственникам и только 1/3 могут оставить себе. Считается большим праздником также день рождения пророка Мухаммеда — Мулид. На этот праздник приглашаются знатоки Корана, которые читают на празднике суры, поют зачиры.

За организацию похорон мусульман полностью отвечают служители духовенства. Они осуществляют омовение усопших, совершают «деур». Они также заключают брачные контракты мусульман. Словом, они несут во многом большую нравственно-этическую ответственность перед обществом и играют огромную роль в воспитании подрастающего поколения. Роль религии на современном этапе еще больше возросла. Она значительно влияет на сознание миллионов людей. Она пропагандирует добро, человеколюбие, трудолюбие и многие другие позитивные начала.

Однако следует иметь в виду, что увлечение религией, в особенности исламом, стало модным занятием для некоторой части молодежи, да и представителей старшего поколения. На самом деле религия у них — своеобразный способ самоутверждения в обществе и достижения своих корыстных целей. Как раз такие, «приспособившиеся» к религии, и становятся жертвами религиозных экстремистов и террористов, которые ничего общего не имеют с исламом или другими религиями. Поэтому необходима научно обоснованная политика взаимоотношений государства и духовенства, необходимо четкое их взаимодействие в вопросах воспитания молодежи, которая должна иметь правильное представление о месте и роли религии в обществе. Здесь опасны и воинствующий атеизм, и чрезмерное, фанатичное увлечение религией.

Словом, необходимо взаимное уважение государства и духовенства, максимальное использование ресурсов последнего, — в благотворном влиянии на сознание миллионов людей, в поддержании гражданского и национального согласия общества.

ЛИТЕРАТУРА

- АВКИЕА. Нальчик, 1974.
- Мотрэ Абри де ла.* Путешествие господина А. де ла Мотрэ в Европу, Азию и Африку// АВКИЕА. Нальчик, 1974.
- Азаматов К. Г.* Пережитки язычества в верованиях балкарцев// Сб. статей «Из истории феодальной Кабарды и Балкарии». Нальчик, 1980.
- Авксентьев А. А.* Ислам на Северном Кавказе. Ставрополь, 1984.
- Бауэр Бруно и первоначальное христианство.
- Берже Ад.* Краткий обзор горских племен на Кавказе. Нальчик, 1992.
- Бларамберг Иоганн.* Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992.
- Броневский Семен.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Нальчик, 1999.
- Джуртубаев М. Ч.* Древние верования балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1991.
- Инал-Ипа Ш. Д.* Абхазы. Сухуми, 1965.
- История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1.
- Карлгоф Н.* О политическом устройстве черкесских племен// Русский вестник. 1860. Т. 28. Кн. 2. С. 533; Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1957.
- Крыжелев И. А.* История религий. М., 1998. Т. 1, 2.
- Лааров Л. М.* Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев. Труды института этнографии, новая серия. М., 1959. Т. 1.
- Легенды и мифы Древней Греции. Владикавказ, 1993.
- Люлье Л. Я.* Черкесия. Краснодар, 1927.
- Месаром Юлиус.* Пекхский язык. Чикаго, 1934.
- Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 19.
- Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1957. Т. 1.
- Нарты. М., 1957.
- Ногмов Ш. Б.* История адыгейского народа. Нальчик, 1994.
- Потоцкий Ян.* Путешествие в Астраханские и Кавказские степи// АВКИЕА. Нальчик, 1974.
- Сабанчиев Х. М. А.* Пореформенная Балкария в отечественной историографии. Нальчик, 1989.
- Тменов В. Х., Бесолова Е. Б., Гонобоблев Е. Н.* Религиозные воззрения осетин. Владикавказ, 2000.
- Токарев С. М.* Ранние формы религии. М., 1990.
- Тэйлор Э.* Первобытная культура. М., 1939.
- Унежев К. Х.* Феномен адыгской (черкесской) культуры. Нальчик, 1997.
- Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
- Хан-Гирей.* Черкесские предания. Нальчик, 1989.
- Шопен Иван.* Новые заметки на древние истории Кавказа и его обитателей. СПб., 1866.
- Шортанов А. Т.* Адыгская мифология. Нальчик, 1982.
- Энгельс Ф.* Бруно Бауэр и первоначальное христианство. Сочинения. Т. 19.

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО АДЫГОВ И БАЛКАРЦЕВ

- § 1. *Нартский эпос и его историко-культурное значение.*
- § 2. *Предания, легенды, сказки – важнейшие жанры устного народного творчества адыгов и балкарцев.*
- § 3. *Институт «джэгуакIуэ».*

§ 1. Нартский эпос и его историко-культурное значение

В XIX в. началось широкомасштабное изучение истории и культуры народов Северного Кавказа, в том числе адыгов и балкарцев. Именно тогда начинается изучение устного народного творчества – богатейшего культурного наследия наших народов.

Первые адыгские и балкарские просветители развернули беспрецедентную и нелегкую работу по сбору образцов устного народного творчества. Неоценимую помощь им оказали представители передовой русской интеллигенции, которые бывали на Кавказе. Они не только оказывали теоретическую, литературную помощь горской интеллигенции, но также содействовали обработке и опубликованию собранных материалов. Фактически все собранные материалы печатались в центральных и краеведческих русских изданиях. В таких периодических печатных органах, как «Русский вестник», «Библиотека для чтения» и в специально учрежденных кавказских изданиях – «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа», «Сборнике сведений о кавказских горцах», «Терском сборнике», «Кавказском сборнике», газетах «Кавказ», «Терские ведомости», «Ставропольские губернские ведомости» и др.

Печатались нартские сказания, легенды, сказки, песни и другие жанры устного народного творчества горцев Северного Кавказа. Благодаря им русская и мировая общественность ознакомилась с неповторимой культурой горцев. Устное народное творчество адыгов и балкарцев занимает исключительно важное место в их духовной культуре. Оно являлось не одно столетие единственным

и самым важным «инструментом» воспитания подрастающего поколения в духе патриотизма и отваги. Через героический нартский эпос, сказки, сказания, легенды, пословицы и поговорки прослеживаются основные этапы истории народа. В фольклоре адыгов и балкарцев отражены их видение окружающей природы, история их взаимоотношений с другими народами. В устном народном творчестве перед нами предстают не только легендарные герои, но и реальные исторические личности, которые играли важную роль в судьбе своего народа. Эти герои не одно столетие служили примером в воспитании подрастающего поколения. В фольклоре отражены не только основные вехи истории народа, но и народная мудрость, и его талант.

Одним из главных жанров устного народного творчества является героический нартский эпос. Его значение в воспитании подрастающего поколения с течением времени только возрастает. Он — настоящий золотой фонд духовной культуры наших народов. Нартский эпос не только история героев, но и народная мудрость, школа мужества и трудолюбия.

Героический эпос всегда занимает среди фольклорных жанров особое место. Эпос больше, чем любой другой жанр, связан с историческими судьбами народов, и в нем ярче, чем в любом другом жанре, выражается национальное самосознание народа. Основным содержанием героического эпоса всегда является борьба, притом борьба, имеющая не личное, а общественное и национальное значение. Героический нартский эпос является средоточием и хранилищем мудрости народа, в нем отражен нравственный облик народа, понимание окружающего нас мира и мира самого человека, его духа во всем многообразии проявлений. В нартском эпосе показывается, как «выковываются» дух и характер его героев. Поэтому нартский эпос — это прежде всего кодекс героизма. В нем воспеваются человек, его добрые и героические дела. В нартском эпосе мы находим традиции и обычаи, которыми регулировались взаимоотношения людей. Можно сказать, в нартском эпосе представлена во всем многообразии традиционная культура народа. В нем четко показано, как она модернизировалась с учетом изменений социально-экономических и политических условий жизни народа, который, создавая свой героический эпос, воплотил свою жизнь, свой характер и духовный склад в

монументальных эпических образах и этим внес свой неповторимый вклад в сокровищницу мировой культуры. Поэтому не случайно в своих вдохновенных стихах, посвященных тысячелетию эпоса «Давид Сасунский», армянский поэт А. Исаакян писал:

...В сказаньях этих величавых
Обрел бессмертие народ¹.

Это сказано исключительно справедливо. Примечательно, что народ всегда верил в историческую реальность образов и событий эпоса и всегда четко различал сказание и сказку. Все народы, у которых имеется героический эпос, отчетливо различают эти два жанра и обозначают их разными наименованиями. Однако следует отметить, что эпические сюжеты бывают зачастую весьма близки к сказочным (примером может служить распространенный сюжет об Одиссее и циклопе) и «облачены» в такой же фантастический наряд. Но народ всегда ставил эпос над сказками, относился к нему с особой серьезностью. Это происходило именно потому, что в эпосе, в его образах и картинах, народ действительно видел сквозь фантастическую оболочку отзвуки своего реального прошлого, свою дополненную жизнь. Вот почему народный эпос по своему характеру глубоко национален. И все эпические памятники, в том числе нартские, невозможно оторвать от той национальной почвы, которая их породила. Сказку можно, обычно безболезненно, «пересаживать» из одной национальной среды в другую, меняя лишь некоторые детали или даже ничего не меняя. С эпосом такое перемещение проделать невозможно.

Следует здесь отметить, что героический нартский эпос на Кавказе распространен у адыгов (черкесов), абхазцев, карачаевцев, балкарцев, осетин и отчасти у сванов, ингушей, чеченцев, дагестанцев. Даже беглое знакомство с нартскими сказаниями разных народов Кавказа убеждает, что при всей близости, эти сказания у каждого народа сохраняют черты глубокого своеобразия и самобытности. Но несомненно то, что нартский эпос имеет одно первоначальное ядро со своим единым пространством и народом-создателем. А затем этот эпос был воспринят другими соседними народами, и по нарастающей он удалялся от первоначального ядра, видоизменяясь, заполняясь национальными чертами и особенностями народов,

¹ Исаакян А. Избр. соч. М., 1956. Т. 1. С. 207.

его воспринимавших. Поэтому общность и близость национальных вариантов нартского эпоса могут быть объяснены не одной причиной, а несколькими. В этом плане можно согласиться с В. И. Абаевым, который объясняет это несколькими причинами.

Во-первых, если данные народы находятся в генетическом родстве между собой, то общее может быть унаследовано от тех времен, когда эти народы жили еще вместе и составляли один народ. Так, общие черты, связывающие абхазский эпос с адыгским, объясняются единством их происхождения и некоего единого пространства, которое они занимали во времена становления нартского эпоса. Именно пространство, на котором жили предки абхазо-адыгов в древности, является местом его формирования. Об этом красноречиво свидетельствуют многочисленные названия мест, рек, гор и других топонимических названий, которые встречаются в нартских сказаниях.

Что касается других народов Кавказа, которые не являются родственными абхазо-адыгам ни по какому признаку, более того, некоторые из них – пришлые народы и сформировались как народность гораздо позднее, чем абхазо-адыги (например, осетины и тюркские народы), то надо полагать, что они восприняли эпос у абхазо-адыгов. Поэтому, во-вторых, тут приходится считаться еще с одним важнейшим фактором – субстратом. Будучи по языку не абхазо-адыгскими, некоторые кавказские народы, например, осетины, карачаевцы, балкарцы и т. д., формировались на кавказском субстрате, и очень многое в их языке и в фольклоре существует из этого кавказского субстрата, сближающего их, в частности, с адыго-абхазской, грузинской группой кавказских народов. Например, в нартских сказаниях и других эпических песнях осетин фигурирует бог охоты Афсати («псэт»: от адыгского «псэ» – душа, «тын» – отдать), иранской же мифологии чужд этот образ. Зато все без исключения западно-кавказские народы: кабардинцы, черкесы, абзины, сваны, мегрелы – хорошо знают это божество, причем у сванов оно носит даже близкое к осетинскому наименование: Апсат. Совершенно очевидно, что образ Афсати проник в осетинский эпос из кавказского субстрата. Субстрат – это второй, наряду с генетическим единством, момент, который надо учитывать при объяснении общих элементов в фольклоре народов Кавказа.

В-третьих, причина, в силу которой мы находим часто поразительную близость в мифологии, фольклорных мотивах и сюжетах самых различных народов, это типологическое единство, связанное со спецификой фольклора, как форма общественного сознания. Одинаковые условия материального и общественного существования с необходимостью порождают одинаковые формы их фантастического отражения в сознании людей. Таких типологических совпадений было и есть множество у народов Кавказа, которые живут уже не одно столетие в одинаковых условиях¹.

Наконец, в-четвертых, причина появления сходных элементов в фольклоре разных народов — это заимствование одним народом у другого многих элементов материальной и духовной культуры в результате длительного соседства и поддержания тесных экономических и культурных контактов. Так что, в итоге можно с уверенностью сказать, что создателем героического нартского эпоса теперь уже многих народов Кавказа является абхазо-адыгский этнос. Все остальные суждения относительно того, что его создателями являются якобы другие народы, несостоятельны. Подтверждение тому и абхазо-адыгские корни имен основных героев нартского эпоса.

Один из специалистов по нартскому эпосу, доктор филологических наук А. Гуттов пишет, что, признавая вероятность целого ряда заимствований у народов некавказского происхождения, можно считать правомерным мнение о местной природе основного ядра нартских сказаний. Это мнение является определяющим для авторов сборника «Сказание о нартах — эпос народов Кавказа», выпущенного Институтом мировой культуры им. А. М. Горького АН СССР на основе материалов Всесоюзной научной конференции, посвященной проблемам изучения нартского эпоса, и, следовательно, отражает взгляды большинства ведущих ученых-нартологов. Однако следует отметить, что существует и принципиально иная точка зрения по этому вопросу. Например, В. И. Абаев и французский ученый Ж. Дюмезиль в своих работах пытаются проводить мнение о скифо-аланском происхождении ядра Нартиады. А такие, не менее авторитетные ученые из Абхазии, как Инал-Ипа, Ш. Х. Салакая, А. А. Аншба, и из Адыгеи — А. М. Гадагатль, придерживаются мнения, что основные сказания эпоса о нартах зародились в сре-

¹ Нартский эпос. Орджоникидзе, 1957. С. 22–36.

де абхазо-адыгов. При этом следует отметить, что точка зрения первых трех ученых совпадает с мнением таких крупных кавказоведов, как Е. И. Крупнов и Е. М. Мелетинский, а А. М. Гадагатль отстаивает «адыгоцентристскую» теорию зарождения нартского эпоса¹.

Исследователь Н. Р. Иваноков на примере сопоставления имен основных героев нартского эпоса, на наш взгляд, убедительно доказывает, что ядром его является именно адыгский этнос. Правда, он иногда полемизирует с крупнейшим и авторитетным специалистом нартского эпоса А. М. Гадагатлем. В частности, он пишет, что нартский эпос существует только на Северном Кавказе. Размах же эпоса от народа, считающего себя единственным его создателем (осетины), делает в определенной степени сомнительным подобное утверждение: у народов, живущих рядом с осетинами (ингуши, чеченцы, народы Дагестана, Грузии) эпос представлен заметно незначительнее во всех отношениях, чем у находящихся на почтительном расстоянии западных адыгов. Уместно здесь вспомнить проницательное замечание благородного и не менее прагматичного П. К. Услара: «По мере удаления от центрального Кавказа на восток нартский эпос предается забвению, а сами герои превращаются в великанов». Заслуживает внимания и то, что в местах прежнего пребывания осетин нет следов нартского эпоса. Нет его ни у одного из тюркских народов, кроме балкарцев и карачаевцев, т. е. которые живут в непосредственном соседстве с адыгами².

Становление и развитие нартского эпоса охватывает не одно столетие. Его формирование началось на самой ранней стадии развития человечества — первобытнообщинного строя и продолжилось вплоть до феодализма. Каждая историческая эпоха накладывала определенный отпечаток на нартские сказания. Из их содержания четко видно, при каких социальных условиях происходит

---

¹ Гутюв А. М. Поэтика и типология нартского эпоса. М., 1993. С. 325; Абаев В. И. Нартовский (нартский) эпос. Краткая литературная энциклопедия. М., 1968. Т. 5; Он же. Нартский эпос осетин. Хиввали, 1982.; Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. М., 1990; Нартский эпос: Материалы Всесоюзного совещания, 1956. Орджоникидзе, 1957.; Салакаш Ш. Х. Абхазский нартский эпос. Тбилиси, 1970.; Гадагатль А. М. Героический эпос Нарты адыгских (черкесских) народов. Майкоп, 1987.

² Иваноков Н. Р. Кабардино-Балкарская правда. 1996. 20, 25 дек.

то или иное событие, которое описывается в сказаниях нарттов.

До возникновения нартского эпоса существовали определенные формы художественного мышления. Об этом свидетельствуют дошедшие до наших дней древнейшие стихи и песни, которые слагались в честь языческих божеств и покровителей, а также различные трудовые песни.

Фольклор является как бы «преднарттовским» жанром культуры. Древний фольклор адыгов, как и у других народов, стоявших на ступени патриархально-родовых отношений, выступает не самостоятельно, а в своем синкретическом единстве, когда разные его элементы — песни, пляски и музыка — составляли единое целое. Ритуальные и художественные формы народных зрелищ, календарных трудовых празднеств и религиозных церемоний у всех адыгов одинаковы. В адыгском (черкесском) фольклоре сохранилось много обрядовых и календарных песен, кохов, напевов символично-магического значения и стимуляционных речитативов. Особое место в фольклоре занимают древнейшие песни и хохи, посвященные различным родам трудовой деятельности людей. Трудовые песни, хохи и музыкальные произведения адыгов исполняются во время «мэлегъажь» (выгон отары), «вакIуэ дэки» (начало пахоты) и т. д. Песни, хохи и речитативы в ту пору не имели еще самостоятельного художественно-эстетического содержания, главное их назначение состояло в ритуальном оформлении трудовых торжеств, в магическом воздействии на людей. Синкретическая первобытная идеология порождала и синкретическое единство песни и хоха, танца и музыки. Идеология эта выражалась не только и не столько в религиозных представлениях, сколько в первобытно-материалистическом понимании древним человеком явлений природы, когда первоначальный материализм выступал в виде мифотворчества, когда искусство и поэзия служили единой цели общества — коллективному началу труда. Этот «дух коллективизма» отчетливо выражен во многих древнеадыгских песнях и хохах. В «Охотничьей песне», например, говорится:

О, охотник, ты — охотник дальнзоркий,
Что приметит твой глаз — не уйдет,
Чья серая собака хвост по земле волочит,
Что добыли — всем нам поровну еда,

Что в норах остается — всем нам поровну добыча,
Что в жнивье скрывается — всем нам поровну дичь.

В адыгском фольклоре много различного рода ритуальных и культурных церемониалов, посвященных различным божествам — покровителям животного и растительного мира. Кроме этого, много обрядов, связанных с рождением и смертью, свадьбой, излечением больного, освящением урочищ и т. д.

Многие языческие боги имеют свои гимны. В них воспеваются их сила. Вот имена некоторых из этих богов: Мазитха (бог лесов и охоты), Амыш (покровитель скотоводства), Тхаголедж (бог плодородия), Тлепш (бог кузнечного дела) и т. д. В гимнах им присутствуют элементы художественной типизации образа. Языческие боги-покровители с течением времени, по мере развития художественного мышления людей, становились покровителями отдельных разновидностей трудовой деятельности. В народной поэзии они обрели некоторые черты художественной конкретности и нередко становились персонажами героического нартского эпоса. В частности, такой трансформации подвергались образы таких языческих богов-покровителей, как Мазитха, Тлепш, Амыш и Тхаголедж.

На примере языческого бога Тлепша — покровителя огня и кузнечного дела, можно наглядно проследить эволюцию его образа в становлении одним из главных персонажей адыгского (черкесского) нартского эпоса. Если в языческих гимнах Тлепш выступает как «огневой бог»¹, позже этот «огневой бог», имевший весьма нечеткое выражение в культовой поэзии адыгов, приобретает конкретные черты «покровителя работников по металлическим изделиям и крестьян», которых он снабжает «плугом и мотыгой»².

Вот в сказании «Тлепш и старуха Уорсар» пишется:

В кузницу Тлепш удалился,
Молотом сплющил железо,
Выгнул хвостом петушиным,
Что — изнутри зазубрил,
Ручку приладил из чурки,
Вышел с подарком, и нарти
Сжали богатое просо
Первым на свете серпом³.

¹ Тейлор Э. Первобытная культура. М., 1939. С. 428.

² Там же.

³ Нарты. М., 1951. С. 315, 316.

В нартском эпосе Тлепш сохраняет все атрибуты покровителя кузнечного ремесла и вместе с тем является первым кузнецом нартского эпоса. В эпосе Тлепш выступает в конкретных жизненных обстоятельствах как совершенно конкретный человек-образ со всеми человеческими страстями; он превращается из бога в земного человека. Иначе говоря, в эпосе Тлепш — уже художественный образ. Поэтому в фольклоре адыгов (черкесов) героический эпос «Нарты» занимает центральное место. По признанию многих авторитетных специалистов, «Нарты» являются одним из самых древних эпосов мира. Один из крупных кавказоведов XX в. Е. И. Крупнов утверждает, что основные циклы нартского эпоса зародились «именно в начальную эпоху железа»¹, еще до скифского вторжения и появления ираноязычных племен на Северном Кавказе, на местном племенном субстрате, прежде всего предков абхазо-адыгов.

Действительно, многие нартские сказания указывают на это обстоятельство. И это еще раз доказывает, что именно на территории расселения предков абхазо-адыгов возник нартский эпос, а затем его восприняли те племена, которые появились здесь позже, в непосредственном с ними соседстве. В нартском эпосе центральное место занимает один из его главных героев — Сосруко. На примере этого героя, того, как он родился, какие подвиги совершал и как был убит, можно определить время формирования нартского эпоса. Он рожден от камня и закален Тлепшем, после чего становится «железным человеком». Все это говорит в пользу того, что нартский эпос действительно формировался в период перехода от камня к металлу. Однако это вовсе не значит, что в нартском эпосе не отразились и более поздние общественные формации. На примере таких нартских героев, как Шауей и Куйцук, мы видим наличие имущественного неравенства у нартов, хотя сказания о них зародились наряду со сказаниями о других героях.

При всем разнообразии содержания нартского эпоса одно из его центральных мест занимает тема беззаветной любви к Родине, бесстрашие и отвага героев в ее защите. Вместе с тем в эпосе достаточно полно представлены и такие жизненно необходимые темы, как трудолюбие, уважительное отношение к женщине, забота о

¹ Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 375, 376.

младшем поколении и его воспитание, т. е. те проблемы, которым особое внимание уделяет адыгэ хабзэ, и которые являются основным его содержанием.

Нарты повторяли часто: «Для чего вечная жизнь, когда она бесславна? Лучше смерть и вечная слава». Именно в этом духе воспитывались молодые люди в Стране Нартов.

Шли на Хасе Нартов речи
О геройской сече грозной,
О путях непроходимых,
О конях неутомимых,
О набегах знаменитых,
О джигитах непоборных,
О могучих, смелых людях,
Что за подвиг величавый
Песню славы заслужили¹.

Так на примере грозных и неустрашимых витязей воспитывалось подрастающее поколение нарттов. В нартском эпосе не только человек-воин — защитник Родины воспевается в песнях и прославляется в хохах, но и человек-труженик. Они одинаково почетны в Стране Нартов. Поэтому в «Нартах» в полном объеме представлена материальная основа жизни. В частности, во многих нартских сказаниях присутствует железо, его культ. Очень широко представлены орудия труда из железа. В этом плане наглядным примером являются сказания о Тлепше, где неустанно работает с железом и орудиями труда и железным оружием. Это и не случайно, ибо, как мы знаем, древние предки абхазо-адыгов являются пионерами в получении железа из руды.

Особенно часто упоминается во многих нартских сказаниях конь. Он — неразлучный друг любого нартского героя. Он для нарта больше, чем конь. Это животное в нартском эпосе выступает таким же всемогущим, как сам герой. Конь, имеющий неимоверные силы и возможности, в эпосе выступает как человек, как говорящая сверхъестественная сила. Конь — это аристократ среди всех животных, наделенный в эпосе человеческим языком и разговаривает с человеком. Конь, пока не испытает своего хозяина на верность в дружбе, его отвагу, не доверится ему. Он не подпускает к себе слабых и трусов.

---

¹ Нарты. М., 1951. С. 37.

Вот как описывается конь, которого Сосруко впервые оседлал, чтобы доказать, что стал настоящим джигитом для совершения великих дел на благо нарттов: «Если ты, Сосруко, сможешь сесть на этого коня, — говорит ему мать Сатаней, — он будет твоим». После этих слов Сосруко одним прыжком вскочил на хребет коня, как ухватился за гриву, как вскрикнул: «Эй, джигиты, берегитесь!» — и поскакал по ущелью. Но не успела мать взглянуть вслед своему сыну, как взвился конь, подобно звезде, и, подобно звезде, скрылся за облаками. Там, в поднебесье, конь решил сбросить с себя седока, чтобы тот упал на землю и разбился. Что только ни выделывал конь! И на дыбы вставал в воздухе, и вниз головой бросался в бездну, и снова взмывал ввысь, и скакал вверх ногами, а Сосруко все держался за его гриву, не падал. А конь то в океан бросался, чтобы сбросить его, то скакал по крутым обрывам, то по темным ущельям, то пролетал сквозь горные кольца. В конце концов понял, что ему не сбросить с себя Сосруко, и тут он заговорил человеческим языком: «Клянусь Амышем, богом животных, буду я твоим верным конем, если ты станешь настоящим нарттом!»¹. Жизнь нарта была невысказана без верного коня. Почти ни один нарт не совершал ни одного подвига без него. Позже эта привязанность к этому «великому творению природы» была передана потомкам нарттов. Многие авторитетные ученые, в том числе Е. П. Крупнов и Е. П. Алексеева, считают, что выращивание знаменитой кабардинской породы лошадей началось в глубокой древности в эпоху бронзы — в VIII–VII вв. до н. э. Таким образом, адыги на протяжении многих веков в тяжелейших условиях неустанно работали над созданием своего вечного спутника жизни — коня². У адыгов была целая система воспитания и содержания коня. Сам факт, что они вывели знаменитую кабардинскую породу лошадей, которая считается сейчас одной из самых выносливых на дальних дистанциях среди всех пород лошадей планеты, является красноречивым доказательством большой любви адыгского этноса к лошади. По свидетельству многих зарубежных авторов, которые бывали в Черкесии, черкес не только никогда не расстаётся со своим оружием и конем, но ни на что его не променяет. Таким обра-

¹ Нарты. М., 1951. С. 32, 33.

² Ашибоков Л. Х. Кабардинские аргамаки и современное коневодство. Нальчик, 1995. С. 6, 7.

зом, лошадь для адыга — это часть его культуры, это его национальное достояние. Его отношение к этому благородному животному так же строго и почтительно, как к самому человеку. Черкес скорее всего сам будет голодать, нежели оставит коня без корма.

В нартском эпосе воспеваются не только храбрость и любовь героев к своей родине, не только пропагандируется трудолюбие, в нем нашло достойное место и воспитание в человеке чувства прекрасного. Страна Нартов гордилась не только своими храбрыми воинами и умелыми хлебопашцами и пастухами, но она так же была богата искусными плясунами, певцами и музыкантами. На нартских сходах — хасах — устраивались не только соревнования по джигитовке, стрельбе из лука, метанию камня, борьбе, но и пляске, пению, красноречию и смекалке. Этим самцы нарты уделяли огромное внимание не только физической подготовке, но и нравственному, интеллектуальному воспитанию.

В этом плане ярким примером из нартского эпоса являются образы молодых его героев: Апхамез и Малечипх. В сказаниях о них, да не только о них, но и многих других героев нартского эпоса, мы часто видим, как проявляют нарты остроумие, смекалку, воспевают физическую красоту:

Лик ее — солнцу подобен,
Стан ее с тополем сходен.
Славится кожей нежной,
Умной, прилежной слывет ¹.

Таковыми словами описывается в сказании «Песнь об Ахумиде и Апхамезе» физическая красота и ум Ахумиды. Это лишний раз подтверждает, что нарты придавали важное значение этим качествам.

В другом месте этого же сказания мы читаем:

Взял Апхамез справедливый
Жизни источник — свирель,
Тихо запел свой счастливый,
Свой задушевный напев.
Он на свирели играет,
И оживает земля,
Доли, поля расцветают,
Вновь улыбаются лица,
Веселы звери и птицы,
Снова струится река ².

---

¹ Нарты. М., 1951. С. 259, 260.

² Там же.

Ашамез наделен высоким чувством прекрасного. Его свирель божественно воздействует на окружающий нартов мир. Настолько умело Ашамез играет на ней, что вокруг все оживает. Даже природа не может оставаться безразличной к задушевному напеву и игре на свирели. Это говорит о том, что нарты не только храбро защищали свой родной очаг, были умелыми наездниками, но могли также задушевно петь и играть на музыкальных инструментах, исполнять зажигательные танцы, то есть обладали и высокой внутренней культурой.

При внимательном изучении нартского эпоса, его сказаний можно обнаружить почти все элементы адыгэ хабзэ, все стороны которого в деталях представлены в нем. Это касается и семейно-брачных отношений, свадебных обрядов, принципов гостеприимства и воспитания детей и т. д. Даже такая деталь адыгэ хабзэ отражена в нартском эпосе: по обычаю, спустя несколько дней после рождения разнополых детей, делали зарубку в присутствии родственников и друзей и обручали младенцев с обязательным условием их женитьбы по достижении ими совершеннолетия, устраивалось торжественное угощение. Так, в сказании «Как Малечих и Пануко плясали удж» мы читаем:

У меня на колыбели
Сделали давно зарубку.
Нарт Пануко, ты другую
Выбирай себе голубку!¹

Как видим, нартский эпос является замечательным памятником устно-поэтического творчества (фольклора) адыгов. До возникновения письменности устно-поэтическое творчество для адыгов было единственной возможностью выразить свое отношение к явлениям и событиям действительности. Нартские сказания у адыгов сохранились в поэтической (певческой) и прозаической (повествовательной) формах. Сюжеты эпоса адыгов группируются в циклы. Исторически нартские сказания отражали процесс перехода от матриархата к патриархату, зарождение военной демократии и переход к классовому обществу, они имеют элементы и феодальных отношений. В нартском эпосе всегда происходит борьба между злом и добром, где всегда добро побеждает. В сказаниях тема родины, ее защиты от внешних врагов пред-

¹ Нарты. М., 1951. С. 372.

ставлена широко. Нартские герои – витязи – это прежде всего защитники родной земли от ненавистных чинтов и великанов. Герои защищают не только свою родину, они добывают своим соотечественникам огонь, освобождают из плена Насренжаке – нартского тхамаду. Кроме этого, они возвращают своим соотечественникам семена проса – главной сельскохозяйственной культуры нарттов, которая являлась основой их экономики. В эпосе воспеваются не только герой-витязь, его подвиги, в нем широко показано, какое место занимает в жизни нарттов женщина. Главный герой – женщина Сатаней – выступает как мать всех нарттов. К ней обращаются мужчины за советом. Кроме нее, воспеваются другие женщины: Даханаго, Адиюх, Малечипх, которые отличаются своей красотой и обаянием. Они пользуются всеобщим уважением. Они не только умны и красивы, но и добры. Это все говорит о большом авторитете женщин, бытовавшем в Стране Нарттов.

Внимательный анализ нартских сказаний позволяет сделать вывод, что нартты живут в основном по законам, похожим на неписанный свод законов адыгов – адыгэ хабзэ. Кроме этого, следует отметить (это видно из нартских сказаний), что древние нартты поддерживали широкие и многолетние контакты со многими другими народами. Ареал действия нартского эпоса охватывает огромное пространство. Это прежде всего территория расселения предков абхазо-адыгов или родственных племен, в том числе хаттов и касков – ближайших родственников синдо-меотских племен. Поэтому не случайно мы наблюдаем параллели между нартским эпосом и мифологией Малой Азии III–II тысячелетий до н. э. Например, рождение героя от камня и гибель его от колеса имеет место в нартском эпосе и фольклоре Малой Азии – родине хаттов. Столь же древние по своим истокам змееборческие мотивы эпоса и некоторые сюжеты, связанные с богом-кузнецом Тлепшем¹. Ценность и уникальность нартского эпоса заключается еще и в том, что не одно столетие этот памятник духовной культуры адыгов, одно из главных творений народного творчества, служил инструментом воспитания чувства доброты, непримиримости к несправедливости, хранителем народной мудрости. Нартский эпос не только история народа и народно-

---

¹ История Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1995. С. 53, 54.

го творчества, он также хранитель этикета адыгов, их культуры в целом.

За всю многовековую историю мировой цивилизации народы имели контакты друг с другом не только в период опустошительных войн, но когда они в конечном итоге заканчивали эти военные столкновения, то устанавливали между собой мирные – экономические, политические и культурные – отношения. Происходило взаимовлияние, взаимопроникновение их образов жизни и культур. Следы этого воздействия одной культуры на другую мы находим и в материальной сфере, и в духовной жизни, и в художественном мышлении народов.

Ярким примером в этом плане является взаимовлияние греческой и древнеадыгской культур. Об этом мы можем судить более полно, если сравним адыгский нартский эпос с древнегреческой мифологией, которые являются основой духовной культуры этих народов. Так, много параллелей можно провести между нартским эпосом и греческой мифологией. Сравним образы Прометея из греческой мифологии и Насренжаке из нартского эпоса. Прометей – могучий титан вопреки воле Зевса похитил с Олимпа огонь и дал его людям; он дал им знания, научил земледелию, ремеслам, постройке кораблей, чтению и письму; этим Прометей сделал жизнь людей счастливее и поколебал власть Зевса и его помощников – олимпийских богов.

Следует при этом иметь в виду, что в самой же греческой мифологии местом, куда был прикован Прометей, являются Кавказские горы. Это тоже не случайно. Мы читаем о Прометее: «Далеко за скалами виднеются снежные вершины Кавказских гор... Сюда-то, на край земли, привели слуги Зевса скованного Титана Прометея, чтобы приковать его несокрушимыми цепями к вершине скалы»¹.

А в нартском сказании «Как Батараз освободил Насрена, прикованного к вершине горы», написано, что богopodobный Пако забрал огонь у нартвов и, обращаясь к Насренжаке, говорит:

Понесешь сегодня кару, непокорный, –
На вершине горной закую тебя,
На горе высокой будешь одиноко
Жить до самой смерти пленником моим.

¹ Кун Н. А. Легенды и мифы Древней Греции. Владикавказ, 1993. С. 64.

Он железной цепью обвязал Насрена,
К Ошхамахо крепко приковал его¹.

И Прометей, и Насренжаке не только были прикованы к скале, но их обоих одинаково мучил орел. В легенде о Прометее мы читаем также: «Каждый день громадный орел прилетает, шумя могучими крыльями, на скалу. Он садится на грудь Прометея и терзает ее острыми, как сталь, когтями»². А в нартском эпосе мы читаем:

Был орел у Пако, хищник кровожадный,
Он его, злорадный, выпустил теперь.

Налетает хищник на тхамadu нартово,
Разрывает клювом грудь богатыря,
Пьет он кровь из сердца гордого Насрена,
Печень его клювом яростно клюет³.

Такую же параллель можно провести и между многими другими героями нартского эпоса и греческой мифологии: во многом сходны образы нартского Тлепша и греческого бога Гефеста – покровителей кузнечного дела и металлургии. Оба они выступают богами-кузнецами. Во многом они оба имеют одинаковое мастерство, обладают одинаковой силой. А что касается главных героев, Сосруко и греческого Ахилла, то мы и здесь находим много общего, в частности, у обоих одинаково уязвимое место (незакаленная часть тела) – ноги, от чего оба погибли. Вот что читаем в нартском сказании о смерти Сосруко: «И когда жан-шерх («жан» – острое, «шерх» – колесо, т. е. «стальное колесо» – К. У.) подлетело к Сосруко, он ударил колесо своими бедрами – и колесо отрезало ему обе ноги»⁴. Дело в том, что, когда Сосруко родился, Тлепш закалял его, а бедра, за которые он держал своими клещами тело ребенка, остались незакаленными и уязвимыми. Об Ахилле мы тоже читаем: «Покрывшись темным облаком, никому не зримый, направил он (Аполлон. – К. У.) стрелу Париса, и поразила она Ахилла в пятку, куда только и можно было поразить великого героя»⁵. Дело в том, что Фетида погружала младенца Ахил-

¹ Нарты. М., 1951. С. 283.

² Кун Н. А. Легенды и мифы Древней Греции. Владикавказ, 1993. С. 71.

³ Нарты. М., 1951. С. 283.

⁴ Там же. С. 134.

⁵ Кун Н. А. Легенды и мифы Древней Греции. Владикавказ, 1993. С. 305.

ла в подземную реку царства Аида – Стикс, причем держала его за пятку, от этого тело стало твердым, как железо, но пятки вода Стикса не коснулась, и она осталась уязвимой (отсюда знаменитое выражение «Ахиллесова пята» – К. У.). В целом, если рассмотреть более внимательно обычаи и традиции древних нартов и греков, то мы находим много общего. Это касается и методов воспитания детей, и взаимоотношений членов семьи, и многих других моментов жизни. Например, возьмем один из таких «узких» вопросов жизни, имеющий, однако важное значение во взаимоотношениях между супругами, как их появление на людях.

И у адыгов, и у древних греков женатый мужчина не появлялся на людях со своей женой. Не видели они ее и днем. Словом, законы легендарного спартанского законодателя Ликурга, которые детально регламентировали быт и личную жизнь людей, и адыгэ хабзэ, который тоже не менее детально регламентировал и регламентирует во многом и в настоящее время жизнь адыгов, во многом сходны. Более детальное сходство мы обнаруживаем между законами Ликурга и уэркъ хабзэ (дворянского этикета) адыгов. Адыгский исследователь Атек Намиток в своем труде «Происхождение черкесов» отметил идентичность многих других спартанских и черкесских обычаев: воспитание детей у чужих людей (аталычество), ношение одежды красного цвета во время военных походов, право всех граждан наказывать чужих детей, если они совершили какие-нибудь проступки и т. д. Этот же автор отмечает, какую примечательную роль играли и у черкесов, и у греков качели. Дело в том, что качели у этих народов имели магически-культовое содержание. Больных людей черкесы весной помещали в качели, и качание сопровождалось пением и заклинаниями, обращенными к божеству этой болезни. У древних греков тоже был институт наподобие адыгского наездничества. Например, в Древней Спарте существовал т. н. корпус «всадников», своего рода корпорация сверстников среди молодежи в возрасте 20 лет. Служба в корпусе была школой воспитания молодых людей. Они, как и адыгские наездники, устраивали набеги на соседние земли¹.

О подобных корпусах адыгской молодежи писал итальянец Ксаверии Главани (начало XVIII в.) в своей рабо-

¹ Андреев Ю. В. Спарта́нские вса́дники. ВДИ. 1969. № 4. С. 24–37.

те «Описание Черкесии»¹. В целом у адыгов сохранилось много воспоминаний о древних греках, которых они называли «алыдж», нашедших отражение в преданиях, именах, топонимических названиях. Много раз упоминается слово «алыдж» и в нартском эпосе. Слово «алыдж» — от греческого «эллин».

У адыгов верховный бог («Тхьэпхуэ») жил на вершине Эльбруса («Юащхьэмахуэ»). У греков боги также жили на вершине Олимпа. У тех и у других горы играли священную роль, и не только все вокруг горы окутано таинственностью, но на ней решаются все вопросы жизни соотечественников. На ней проводят состязания в силе, ловкости, красноречии и т. д. На горе решаются споры витязей, проводят дуэли. «Хьэрамэ Юащхьэ дызэхуицхьэ» (На горе Харамы встретимся, выясним отношения. — К. У.), — говорили при споре витязи.

Как в греческой мифологии, так и в нартском эпосе конь занимает особое место. Как мы говорили выше, конь в эпосе одарен умственными и нравственными качествами. Так, например, конь Сосруко по кличке Тхожей («Тхьуэжьей»), подобно коню Ахиллеса из «Илиады», дает советы богатырю.

Падение Трои тоже непосредственно связано с образом коня (отсюда выражение «Троянский конь». — К. У.). Дело в том, что греки по совету Одиссея, соорудив громадного деревянного коня, куда укрылись «самые могучие герои греков», вошли в Трою и уничтожили ее². В нартском сказании «Как нарт похитили Сатаней» образ коня тоже присутствует. Здесь тоже он используется как инструмент хитрости нартов. Речь идет о том, что нарт обратились за помощью в похищении Сатаней к старому Уазырмеджу («Уэзырмэдж». — К. У.). Но они, подумав, что после удачного исхода дела он может отбить ее у них, решили обмануть старика. Сказав, что якобы храп лошадей послужит причиной их обнаружения жителями города, где жила Сатаней, необходимо завязать морды лошадям. Конечно, нарт этого не стали делать, а Уазырмэдж, поверив им, завязал морду своему коню, и тот вскоре сдох. Старика оставили без коня, а нарт привезли Сатаней. Но она в конечном итоге осталась у

¹ Главани Ксаверио. Описание Черкесии // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 162.

² Кун Н. А. Легенды и мифы Древней Греции. Владикавказ, 1938. С. 310–317.

Уазырмеджа, который сказал нартам, что «это цена за моего коня, который погиб по вашей вине»¹. Подобный обычай похищения невесты, в частности Сатаней, мы встречаем и в греческой мифологии. Например, в мифе о похищении Европы Зевсом говорится о браке путем похищения невесты: «Недолго пришлось наслаждаться прекрасной Европе беззаботной жизнью. Увидел ее сын Крона, могучий тучегонитель Зевс, и решил ее похитить»².

У адыгов много мифов, легенд и особенно нартских сказаний, где человек превращается в чудовище, осла, быка, собаку, орла и т. д., чаще всего под колдовским воздействием на него. В мифе о Европе мы дальше читаем: «Чтобы не испугать своим появлением он (Зевс. — К. У.) принял вид чудесного быка»³. Согласно адыгской легенде, дом красавицы Адиух стоял на берегу реки. Если муж Адиух возвращался из похода темной ночью, она протягивала из своего окна свои светлые руки (так переводится с адыгского имя Адиух — от слов: «Iə» — рука, «ху» «хужь» — светлая, белая. — К. У.), освещая ими, словно солнцем, мост, и ее муж легко перегонял табун лошадей. Но однажды муж запретил Адиух освещать мост руками, и темной ночью он упал с моста и погиб. После этого Адиух вышла замуж за Соеруко, наделенного солнечными атрибутами. Эту легенду можно вполне определенно сравнить с греческим мифом о Гере и Леандре⁴.

Исходя из всего этого можно предположить, что Кавказ был не только одним из центров мировой цивилизации, но он был также своеобразной «лабораторией» великих открытий в духовной сфере. И на наш взгляд, совершенно прав адыгейский ученый, один из крупных специалистов по нартскому эпосу А. М. Гадагатль, когда утверждает, что греческие писатели задолго до нашей эры создали свои произведения по материалам сказаний народов Кавказа и первыми открыли их миру⁵. Поэтому не случайно многие легенды адыгского народа воспринимаются как греческие, поскольку греки, которые

¹ Нартхэр. Нальчик, 1993. С. 10, 11. На каб. яз.

² Кун Н. А. Легенды и мифы Древней Греции. Владикавказ, 1993. С. 143.

³ Там же.

⁴ Бетрозов Р. Этническая история адыгов. Нальчик, 1996. С. 143.

⁵ Гадагатль А. М. Героический эпос. Нарты адыгских (черкесских) народов. Майкоп, 1987. С. 190, 191.

первыми из чужестранцев столкнулись с предками адыгов, перенесли эти легенды на язык письма. В это нетрудно поверить, если учесть, что в греческой мифологии широко представлена кавказская топонимика, начиная с мифа об аргонавтах, заканчивая мифом о Прометее.

Ученый из Краснодара В. П. Федунев, ссылаясь на А. Гадагатля, пишет, что ядро мифа о Прометее (у адыгов – Насрена) намного древнее эсхилковского Прометея, относится к середине I тысячелетия до н. э. По мнению ряда исследователей, например А. Гадагатля, мы имеем дело с фактом заимствования древнеадыгского имени «Насрен» древними греками (Прометей) путем калькирования¹. Многие сходные моменты из жизни и древних греков, и адыгов мы находим в мифологии этих народов.

А. Гадагатль справедливо отмечает, что песни и «пшинатли» героического эпоса «Нартхэр» созданы в глубокой древности на живых наречиях племен и племенных союзов зихо-меото-адыгов. Эпос «Нартхэр», пожалуй, единственно наиболее ценный фольклорный памятник древней культуры, свидетельствующий о том, что язык адыгов на протяжении многих веков относительно мало изменился. Также автор указывает, что произведения адыгского эпоса «Нартхэр» оказали благотворное влияние на становление и развитие адыгской литературы народов Северного Кавказа. Адыгские поэты, прозаики и драматурги черпают из эпоса интересные темы для разработки. О могучей силе классического фольклора весьма емко сказал член-корреспондент АН СССР В. Базанов. «Классический фольклор, — писал он, — представляет ценнейшее национальное наследие. Народный эпос — это история, написанная самим народом, художественное обобщение важнейших событий национальной жизни. Нартский эпос в ряду других народных поэм и сказаний является памятником мирового значения. Это — автограф, полученный из рук самого народа». Адыгские поэты и прозаики учатся у эпоса искусству слова, осваивают его идейно-эстетические принципы, систему художественного мышления, приемы изображения образов.

Светом народной мудрости, традициями народного эпоса одухотворены повести и новеллы «Дочь шапсугов»,

¹ Нартский эпос и кавказское языкознание. Майкоп, 1994. С. 16–22.

«Абрек», «Месть табунщика», «Испытание мужества», «Урок жизни», романы «Дорога к счастью» и «Одинокий всадник» — Тембота Керашева. Мотивами нартского эпоса и эквивалентами народного эпического творчества навеяны и обогащены многие произведения адыгских писателей и поэтов. Они широко использовали и используют в своем творчестве лексические богатства эпоса, его традиционные приемы (сравнения, эпитеты, метафоры). К ним относятся прежде всего такие мастера художественного слова, как Юсуф Тлюстен, Аскер Евтих, Исхак Машбаш, Хамид Беретарь, Нальби Куско, Руслан Нехай, Хачим Теунов, Алим Кешоков, Аскерби Шортанов, Адам Шогенцуков, Абдулах Охтов, Хусин Гошоков, Алим Ханфенов, Курмен Тугуз и многие др.

С любовью к героям адыгского нартского эпоса Инной Кашежевой создано прекрасное стихотворение «О нарти!..»

И в небе легенд непомеркшем
витают загадочный дым,
И пламя, раздутое Тлепшем,
пылает рассветом моим.
Адыги прожили без Бога,
без вас бы прожить не могли,
Сосрыко, и ты, Бадыноко,
отважные предки мои!
Без вас было б мне одиноко
В поэзии, в жизни, в любви,
Сосрыко и ты, Бадыноко,
Отважные предки мои!

Таким образом, эпос «Нартхэр» — неиссякаемый источник духовной культуры адыгских народов, их многовековая память¹. Адыгский нартский эпос является не только замечательным памятником духовной культуры народа, но он также является живым свидетельством взаимовлияния культур народов, их взаимопроникновения и взаимообогащения, в том числе древних греков и адыгов, которые установили тесные экономические, политические и культурные контакты еще с тех пор, когда греки начали появляться в районе Причерноморья, — еще в I тысячелетии до нашей эры.

¹ Нартский эпос и кавказское языкознание. Майкоп, 1994. С. 16–22.

§ 2. Предания, легенды, сказки — важнейшие жанры устного народного творчества адыгов и балкарцев

Невозможно переоценить значение таких жанров устного народного творчества, как легенды, предания, сказки, народные песни в изучении культурного наследия адыгов и балкарцев. Фольклор является важнейшей составной частью духовной культуры. К нему, как к национальному богатству, обращаются писатели, композиторы, языковеды, историки, философы. В нем они находят богатейший материал для своего творчества, ибо в этих жанрах отражаются образ мышления и образ жизни народа. Устное народное творчество, сбор материалов и их опубликование явились первой «побудительной силой» возрождения чувства национального самосознания адыгов и балкарцев. Фольклор явился первым камнем фундамента «высокой» (профессиональной) культуры народа. Помимо нартских сказаний в устном народном творчестве адыгов и балкарцев значительное место занимают исторические песни, предания, сказания. В них воспеваются героические поступки многих исторических личностей в борьбе с внешним врагом, за торжество исторической и социальной справедливости и равноправия. В них также отображены самые знаменательные события в борьбе народа с иноземными завоевателями. В исторических сказаниях, преданиях, легендах отображаются уклад жизни народа, его род деятельности, взаимоотношения с другими народами и т. д. Ш. Х. Хут справедливо отмечает, что в большом числе сказаний в роли персонажей выступают реальные исторические лица, имена которых сохранились в памяти народа. Свои подвиги герои сказаний совершают на земле своих предков — создателей и носителей сказаний в реальной обстановке, и им не приходится ездить в дальние неизвестные края за тридевять земель. Их противники зачастую люди, живущие рядом, или чужеземные враги, творящие произвол на их земле¹.

В устном народном творчестве адыгов и балкарцев заметное место занимают животные. Основные персонажи в сказаниях, сказках, легендах о животных — волк, лиса, медведь, лошадь и т. д. В цикле сказаний об Андемиркане описываются не только его героические поступ-

¹ Хут Ш. Х. Несказочная проза адыгов. Майкоп, 1989. С. 27, 28.

ки. А в легенде о Гулей довольно красноречиво показано, как адыги выращивали породистых лошадей, об их достоинствах, о том, как вывели кабардинскую породу лошади «Альп», как охотились за ней даже чужестранцы, в том числе и турецкий султан. «Дошел слух до султана, что в Кабарде, в знаменитых тамошних табунах, — повествуется в «Гулей», — водятся богатырские кони Альп, быстрые, как ветер, и пылкие, как огонь; велел султан найти такого человека, который мог бы их достать». Далее рассказывается, как мужчина из Кабарды по имени Кур, который в это время гостил в султанской Бруссе, «изъявил желание достать Султану коня-альпа, а если можно, и нескольких таких коней богатырских...»¹. Здесь наглядно прослеживается, как адыги содержали коней, как их ценили и оберегали, и как чужестранцы шли на все, чтобы заполучить этих прекрасных созданий природы, которыми славились адыги.

В других мифах об Андемиркане тоже присутствуют лошади кабардинских пород, в том числе Альп, которые всегда отличались от других своей выносливостью и преданностью своему хозяину. В сказании о смерти Андемиркана мы читаем следующие строки: «Чудо-конь Жеманшарик, запертый в своей конюшне, чуя, что с его господином делается что-то недоброе, копытами разбил конюшню и поспешил стрелой на помощь Андемиркану. Но уже было поздно. Он нашел только бездыханное тело богатыря. Верный конь схватил его зубами и унес несколько поодаль от того места, где он был убит. Его жалобное ржание, что плач по неутешной утрате, трижды раздалось над телом; он стал выбивать копытами землю, которая засыпала собою безвременно погибшего богатыря». Здесь же дается представление о том, как был вооружен адыгский воин. «Когда на Андемиркана напали его враги, при нем не было его чудо-коня Жеманшарика, который мог бы унести его из беды быстрее, чем на крыльях ветра; но в его руках было ружье, которое никогда не давало промаха, и была пашка, ему никогда не изменявшая. В мгновение ока он прицелился из своего ружья, но выстрела не последовало: ружье оказалось без курка. С быстротой молнии он выхватил свою пашку; но и пашкой не мог зарубить врага: она оказалась вышибленной. Тогда он взялся за свой пистолет; но что

---

¹ Адыгский фольклор. Нальчик, 1979. С. 136–139.

проку в пистолете без замка? Наконец, он вынул кинжал; но и кинжалом нельзя было защищаться: он был с изломанным концом! В руках у него остался только подкинжальник, который подлый изменник, сделавший негодным все его оружие, не успел испортить». Из этого явствует, что адыгский воин был вооружен ружьем, пашкой, пистолетом, кинжалом и подкинжальником; а также — что он великолепно владел всеми этими видами огнестрельного и холодного оружия¹. Кроме этого, сказание раскрывает характер взаимоотношений Кабарды с Крымским ханством — вечным ее противником.

В сказаниях, преданиях, сказках мы прослеживаем и народные традиции и обычаи, которые являются неотъемлемой составной частью духовной культуры народа и которыми регулировались многосторонние взаимоотношения людей. «Фольклор горских народов, — пишет проф. З. Х. Толгуров, — сосредоточивший в себе, как в фокусе, их философские, эстетические и религиозные воззрения о добре и зле, о красоте человеческих поступков и т. п., складывался веками. Он отражает своеобразие пережитых веков, ступени духовного развития, миропонимания, которые пройдены ими, является средством, ведущим к пониманию стадий эстетического сознания, его диалектического поступательного движения»².

В устном народном творчестве адыгов и балкарцев значительное место занимают многие исторические события, произошедшие на протяжении многовековой истории этих народов. Им посвящены многие песни, поэмы, легенды и т. д. Анализируя содержание этих жанров фольклора, мы можем судить, с кем наши предки имели отношения и какой характер эти отношения носили.

Например, из балкарской народной поэмы «Кайсыды» мы можем заключить, что балкарцы имели тесные отношения с грузинами и эти отношения не всегда носили мирный характер, хотя преобладали именно дружеские контакты. Об одном из таких эпизодов в поэме устами главного ее героя, Кайсына, сказано следующее:

Бог даст, мы за горы перевалим,
А за труды ног девиц-невольниц возьмем...
Тронулись в путь и вышли на Чинар.

¹ Адыгский фольклор. Нальчик, 1979. С. 146, 147.

² Толгуров З. Х. В контексте духовной общности. Нальчик, 1991. С. 15.

С Чинара в Норичи (местность за перевалом в Имеретии) спустились.

С высоты черный ворон злоеппе прокаркал,
Кобылица из рук вырвалась,
В нее нечистая сила вселилась.

С этой кобылицей по Имеретии вестъ разнеслась,
Как чутки имеретины на тревогу!¹

В устном народном творчестве адыгов и балкарцев значительное место отведено сказкам, в которых воспевается человек-герой, человек-труженик и высмеиваются трусость, жадность, лень человека. Эти сказки адресованы детям и помогают воспитать в них трудолюбие, смелость и чувство беззаветной любви к Родине. Эти сказки – настоящая школа формирования полноценной личности. В частности, в балкарской сказке «Сосук» сказано, как Сосук лодырничал, лежал все время на солнце, и ничего не делал. Но, когда его родители по совету знахарей дали ему самостоятельность, он доказал на что способен. Дело в том, что знахари и знахарки посоветовали его родителям поселить Сосука на перекрестке семи дорог и дать ему семь баранов. Через семь лет Сосук приобрел 7000 баранов, т. е. своим кропотливым трудом в несколько раз преумножил поголовье скота, которое было подарено ему его родителями².

На основе преданий, сказок можно сделать определенные научные открытия по самым различным отраслям знаний. Например, из адыгского предания об Эльбрусе можно определенно заключить, что он – самая высокая гора, что у ее подошвы вытекает минеральная вода, что из этого предания греки переняли миф о прикованном к горе Кавказа Прометее и т. д.

По этому поводу в предании сказано: «Выше гор Кавказа поднимается Ошхамахо и упирается в небо своими двумя вершинами». А в другом месте этого же предания мы читаем: «Как-то – давно это было – один богатырь, с одним глазом во лбу, дерзнул проникнуть тайны Тха (бога. – К. У.) и пробрался в расщелину между обеими вершинами, в то самое место, где подымается огромная, видимая для глаза скала, у подошвы которой пробивается родник чистой, как горный кристалл, воды. Не потерпел бессмертный Тха дерзновенного поступка смертного и приковал его к скале длинной цепью за шею...

¹ Карачаево-балкарский фольклор. Нальчик, 1983. С. 229.

² Там же. С. 258.

В наказание за дерзкую попытку богатыря, Тха послал хищную птицу: коршун прилетает к нему каждый день и безжалостно клюет его сердце...»¹

В устном народном творчестве адыгов и балкарцев особое место занимает жанр сказки. Сказками являются устные прозаические эпические художественные произведения с установкой на вымысел и счастливый конец. «Без нарочитого вымысла нет сказки», — справедливо отмечает Ш. Х. Хут. «Сказки основаны, — пишет В. Я. Пропп, — на нарочитом вымысле, и этот признак не вторичен и неслучаен. Он в значительной степени определяет всю поэтику сказки. С формально логической стороны он установлен правильно, так все другие виды прозы (предание, легенда, быль, сказ) основаны на попытках передать реальность. В действительность рассказываемого народ в этих случаях верит»². «Сказка выделяется из других жанров народной прозы и тем, что присущая фольклору оптимистичность в ней ярче всего выражена. Если в сказаниях, преданиях, легендах и произведениях о нартах вера в торжество справедливости, победу добра над злом может быть и зачастую бывает выражена в подтексте, а сами произведения могут кончаться поражением или гибелью основного положительного героя, — пишет Ш. Хут, — то в сказках торжество правды, справедливости и добра всегда очевидно, в них положительный герой всегда одерживает победу. Нет ни одной сказки, в которой не восторжествовала бы справедливость»³.

«Под народной сказкой мы понимаем, — пишет он, — устное художественное произведение преимущественно фантастического характера с установкой на вымысел и счастливый конец»⁴.

Таким образом, в народных сказках мы всегда видим борьбу добра со злом и концовка всегда одна: добро побеждает зло и справедливость торжествует. И на таких примерах испокон веков воспитывали детей справедливыми, добрыми, снисходительными. Убедительным образцом такого нравоучения является адыгская сказка «Дочь и падчерица». Чтобы нагляднее представить себе

¹ Фольклор адыгов. Нальчик, 1979. С. 217, 218.

² Пропп В. Я. Жакровый состав русского фольклора // Русская литература. 1964. № 4. С. 58.

³ Адыгский фольклор. В 2 т. Кн. 2. Майкоп, 1980. С. 3–5.

⁴ Хут Ш. Х. Сказочный эпос адыгов. Майкоп, 1981. С. 5.

ее содержание, мы приводим более пространные выдержки из этой сказки: «Жил-был старичок, который после смерти своей жены женился на второй. У него было две дочки: одна от первой жены, а другая от второй. Жена ненавидела свою падчерицу до глубины души: она заставила мужа отвести ее в пустой дом, находящийся в лесу, и оставить ее там на съедение зверям. Оставшись одна, девочка с наступлением ночи взяла немного пшена и бросила в захваченный с собою котелок, чтобы сварить себе кашицы. Когда она была занята этим делом, прибежал мышонок и попросил у нее похлебать немного кашицы. Она ему не отказала и накормила мышонка. Потом мышь сказала ей: «Сегодня ночью придет медведь, даст тебе колокольчик и скажет: «Возьми этот колокольчик, и если ты обежишь с ним три раза вокруг дома, и я не поймаю тебя, то получишь от меня серебряную телегу с тройкой лошадей; если же поймаю, то съем тебя». На это ты согласишься и возьми колокольчик. Тогда я выскочу, а ты мне отдай колокольчик; я с ним обегу дом три раза, а ты заберись на крышу дома и сиди там смирно, выжидая, что дальше будет!» В полночь пришел медведь с колокольчиком и зашел в дом. «Эй, девочка! — сказал он человеческим голосом. — Возьми этот колокольчик, звони в него, и если обежишь дом три раза, а я не поймаю тебя, то я тебе подарю серебряную телегу с тройкой лошадей; если же я тебя поймаю, то съем!» Она согласилась и взяла колокольчик. Тогда выскочил мышонок и, звоня в колокольчик, побежал вокруг дома; вернувшись, он передал его девочке и юркнул в свою норку. «Ты меня победила!» — сказал медведь и подарил ей серебряную телегу с тройкой лошадей.

Прошло несколько дней. «Привези кости твоей дочки!» — сказала злая старуха и погнала старика в лес... Далее говорится, что старик вместо костей своей дочери привез ее с серебряной телегой и тройкой лошадей. А злая старуха от досады выколола себе глаз. Потом она стала досаждать мужу: «Отведи туда и мою дочь, чтобы и она приехала на серебряной телеге!». Этими словами она заставила старика отвезти в лес ее дочь и оставить там. С наступлением ночи тот же мышонок подходит к ней и обращается к ней с той же просьбой, что к первой дочери старика. Но она ударила мышонка и прогнала. В полночь заходит медведь и ставит ей такие же условия, что и в первый раз. На этот раз медведь догнал девочку и

съел ее. Утром злая женщина погнала старика в лес: «Ступай привези мою дочь на серебряной телеге!». Старик нашел только косточки второй дочери, собрал их в мешок и понес домой. Когда жена это увидела, то выколола себе и другой глаз. С тех пор злая жена проводила жизнь в тяжких мучениях, а старик с дочкой – в полном довольстве»¹. Такова философия почти каждой сказки.

Предания – один из выдающихся и своеобразных жанров устного народного творчества адыгов и балкарцев. Предания (по-адыгски – «таурыхъ») наиболее близки к сказаниям и хабарам, но отличаются от них полным отсутствием фантастического, подобного вымыслу в волшебной сказке. «Наличествующий в преданиях поэтический вымысел, – справедливо отмечает Ш. Хут, – носит реалистический характер. Исключения составляют лишь мифологические предания, в основе которых лежат древние верования. В отличие от сказаний и сказок, в преданиях не встречаются сверхъестественные существа, не происходят невероятные события. Все действующие в них персонажи – обыкновенные люди, в большинстве своем исторические лица.

Действие в этих произведениях происходит в реальной обстановке. Предания свидетельствуют о достоверных памятных событиях истории, о деяниях реально живущих людей, о происхождении названий реально существующих или существовавших городов, сел, урочищ и т. д. В преданиях рассказывается о происхождении различных фамилий, народов, даже поговорок. Таково, например, предание: «Откуда произошли бжедуги». Когда женился сын кабардинского князя, отец его по обычаю должен был подарить рог одному из наиболее отличившихся представителей того адыгского племени, с правителем которого он роднился. За несколько дней до назначенного срока жители долины реки Псекупс во главе с Абадзехий приехали в Кабарду. Вдруг они узнают, что князь изменил свои намерения и решил отдать рог крымцам. Тогда Абадзехий похитил рог и уехал со своей группой. Узнав об этом, кабардинцы стали называть их «бжьэдыгъу» (похититель рога) и враждовать с ними, причиняя при этом большой вред и абадзехам, жившим ближе к Кабарде. По просьбе абадзехов псекужцы решили переселиться на равнину, принадлежавшую князю Болото-

¹ Адыгский фольклор. Нальчик, 1979. С. 289–291.

ко Думанишу. Тот предложил предводителям псекужцев Хымышу и Чечану стать его уорками, но они отказались и заявили, что захватят равнинные земли. Состоялась битва между бжедугскими и болотоковскими войсками. В этом сражении погиб князь Болотоко Думаниш. Курган, где его похоронили называли «Думанищы и Гуащхъ». Хымыш и Чечан поделили равнину. Люди Хымышы поселились между реками Псекупс и Афипис, эту территорию стали называть «Хымышей». Чечан со своими людьми поселился между реками Псекупс и Пшиш. Эта территория получила название «Чечанай». Из предания мы узнаем, как и почему бжедуги переселились с гор на равнину и о том, как появились топонимы «Чечаней», «Хымышей», «бжедуги»¹.

По своему генезису, общественной функции и бытовому назначению хабары («хзыбар») близки к преданиям. Об их близости можно судить, если сравнить сущность и содержание этих жанров. Для этой цели мы можем привести в пример один хабар из устного народного творчества кабардинцев — о происхождении выражения «хъэтIохъушчыкъуей напэ» (совесть атажукинцев). Дело в том, что в представлении многих кабардинцев эта фраза означает, что якобы атажукинцы (заюковцы. — К. У.) лишены всякой совести. В действительности же все обстояло совершенно наоборот. В прошлом у адыгских князей были свои пелуаны (силачи, богатыри), которые находились при них. Такой силач-борец был и у одного из самых влиятельных кабардинских князей Атажукина — владельца села Атажукина I (ныне с. Заюково Баксанского района КБР). Авторитет князей и их влияние на народные массы определялись во многом и по тому, какой у князя пелуан. Князь Атажукин имел пелуана неимоверной силы и ловкости по имени Созрыхъа. Он его оберегал и высоко ценил. Когда князь куда-либо уезжал, приказывал своим подчиненным, чтобы они следили за ним и предостерегали от ненужных встреч с другими людьми, и в его отсутствие не устраивали никаких состязаний с его участием.

Об этом пелуане хорошо был осведомлен князь Шужей, с которым Атажукин поддерживал дружеские отношения и у которого тоже был свой пелуан по имени Хъусин лъабгъуз. Но Шужей искал момента, чтобы ус-

¹ Хут III. Х. Несказочная проза адыгов. Майкоп, 1989. С. 38–41.

троить состязание двух пелуанов в отсутствие Атажукина, т. к. он не был уверен в победе своего пелуана над атажукинским. Узнав, что Атажукин отправился в дальний путь, Шужей обманным путем забрал его пелуана и устроил состязание двух богатырей, и когда Созрых, пелуан Атажукина, стал одерживать победу над пелуаном Шужея, последний вонзил подкиндальник в горло атажукинского богатыря, т. е. произошло коварное убийство. По возвращении князь Атажукин узнал об этом и решил отомстить Шужею за своего пелуана. Но так как сам Шужей был пелуаном и Атажукин не мог одолеть его силой, он решил перехитрить его и убить. После их ссоры они помирились и решили поклясться в дружбе и сломать стрелу лука по древнеадыгскому обычаю возле Джулата, который был для них священным местом. Так и поступили. На обратном пути, в районе между Баксаном и Чегемом, Атажукин предложил отдохнуть и поесть, прежде чем вернуться домой, а слуг отправил в ближайшие селения за продуктами. Ему необходимо было остаться с Шужеем один на один. И когда Шужей заснул, он подошел к нему и нанес своим кинжалом смертельный удар. Говорят, что после его удара Шужей вскочил и заплакал, умоляя Атажукина рассказать людям, что он его победил не силой а хитростью. А Атажукин, в свою очередь, дал ему слово, что именно так и сделает. И когда Шужей умирал, произнес последние слова: «Что ж, ты меня победил хитростью, пусть это будет на твоей совести, Атажукин» — и увидел его глаза глядящими на орлов, которые кружили над его головой. Оттуда и пошла фраза «хьэтлохтущыкъуей напэ», т. е. месть Атажукина за своего богатыря, который был убит его приятелем Шужей. Теперь можно вынести этот случай на суд читателя, который сам вправе дать свое объяснение мысли этой знаменитой фразы, которая незаслуженно оскорбляла выходцев из Атажукина I (Заюково).

Кстати сказать, приведенную версию хабара об Атажукине неоднократно рассказывал покойный отец автора этих строк, Унежев Хаждаут, который отличался глубокими знаниями устного народного творчества адыгов. С этим вариантом дословно совпадает версия большого знатока культуры адыгов, крупного кабардинского писателя Мухамеда Кармокова¹.

¹ *Къэрмокъуэ Мухъэмэд. Хьэтлохтущыкъуей хьыбархър* (Атажукинские хабары). Нальчик, 1996. С. 7–35.

Особое место в устном народном творчестве занимают пословицы. В краткой, запоминающейся форме, народ выражает в них свое отношение к любому вопросу. Этот жанр фольклора отличается от других многим. Скажем, если человек в сказках, легендах больше фантазирует, то в пословицах он передает то, что видит в реальной жизни. Пословицы отличаются от других жанров еще и тем, что последние могут существовать отдельно, а пословицы «присутствуют» везде: они и в легендах, и в сказках, и в песнях и т. д. Пословицы, выражая в краткой форме мудрые мысли народа, также призваны учить людей остроумию, лаконичности, логически правильному мышлению. Пословица – народная мудрость, выраженная одной фразой. Нет ни одного рода деятельности человека, который так или иначе не отражается в пословицах. В этом их «универсальность». Для примера приведем некоторые адыгские пословицы: «Книга – ключ к образованию» (Тхылгыр щӀэныгъэм и ӀункӀыб-зэщ). «После дождя не накидывай бурку» (Уӕшх блӕкӀам щӀакӀуӕ кӀӕлӕумыщтӕж) и т. п.¹

Таким образом, предания, легенды, сказки, как важнейшие жанры устного народного творчества, всегда играли исключительно большую роль в воспитании подрастающего поколения. В них нашли свое отражение важнейшие этапы истории народа, его обычаи и традиции, его мироощущение.

В устном народном творчестве мы видим культурный облик народа, его поступательное движение по нелегкому пути своей истории. В фольклоре мы черпаем богатейший материал из истории и культуры народа. Само устное народное творчество – важнейшая составляющая часть духовной культуры народа.

§ 3. Институт джӕгуакӀуӕ

Человек с того времени, как выделился из животного мира, всегда мечтал, фантазировал и внимательно изучал окружающую его необъятную природу. На полудикие племена производили поэтическое впечатление величественные горы, стремительные реки, прекрасные равни-

¹ Гукемух Абубекир Махмудович, Кардангушес Зарамук Патурович. Адыгӕ псалтӕжӕхӕр (Кабардинские пословицы). Нальчик, 1994. С. 107.

ны, дремучие леса и многое другое. Древний человек также восхищался своими соплеменниками, которые проявляли бесстрашие и силу при защите своей территории или охоте за зверьми-гигантами. Люди не только воспевали жизнь и подвиги героев, ярко изображали природу и кровавые события истории, но и с восторгом описывали любовь, наслаждение и страдания. Все эти поэтические мысли излагали стихами, зачастую «подпитанными» музыкой, т. е. в виде песни.]

[И первыми поэтами-певцами у адыгов были «джэгуаклуэ». Они, как трубадуры и барды средневековой Европы, были не только поэтами и певцами, но играли важную социальную, нравственно-этическую и эстетическую роль в жизни народа. Их роль была весома и еще тем, что у адыгов долгое время отсутствовала литературная письменность, и они были хранителями всех значимых эпизодов истории народа, его героических подвигов в борьбе с иноземными завоевателями, которых было множество на протяжении многовековой истории адыгов. Джэгуаклуэ были не просто единичные романтики-певцы или придворные шуты, а целое и довольно многочисленное сословие, очень одаренные и проницательные люди.] Словом, институт джэгуаклуэ адыгов представлял мощную и влиятельную социальную силу общества.] Один из крупнейших знатоков адыгской истории и культуры Хан-Гирей писал, что «в прежние времена было в Черкесии особое сословие, так называемые декаоко (джэгуаклуэ.— К. У.), которые исключительно занимались стихотворством, воспевали кровавые события, народные и славные деяния отличившихся воинов, составляли жизнеописания знаменитых мужей и пели вековые песни; таким образом, эти певцы подвиги предков передавали потомкам и в таких занятиях находили не только пропитание, но даже и богатство. Каждый князь, пользовавшийся уважением своих подвластных, имел при себе таких певцов, содержал их в довольстве и обогащал дарами.

Сила и красота слога произведений поэтического воображения этих певцов были чрезвычайны. «Нельзя без ужаса слышать, — отмечал он, — как в этих древних поэмах воспеты страшные битвы и бедствия народов: кажется вы видите перед собою ужасное пламя, пожирающее засеянные поля, жилища и все достояние побежденного племени, видите трупы растерзанных воинов, пла-

вающие в крови своей; слышите звуки оружия с остервенением режущихся врагов и стук цепей, влачимых обреченными на вечное рабство...

Далее он пишет, что этим певцам и их современникам делает честь то, что они не употребляли выражений грубых и неблагопристойных, воспевая события частные и народные, хотя и передавали имена людей, достойных презрения и поношения потомства. Если бы в древних песнях черкесских (которые содержат в себе драгоценные для любопытства потомков события, современные их предкам, и черты характеров людей минувших веков) означались эпохи происшествий в них воспетых, то они могли бы во многом заменить историю предков настоящего поколения¹.

Следовательно, джэгуаклуэ были не только поэтами-певцами, но и настоящими летописцами своего народа. Они пользовались не только большим авторитетом среди всех слоев населения, они фактически обладали статусом неприкосновенности. } Фредерик Дюбуа де Монпери отмечал, что «у черкесов есть свои трубадуры или сочинители «кикоакое» (джэгуаклуэ. — *К. У.*), уважаемые во всех слоях общества и даже среди воров. Их инструмент — двух- или трехструнная гитара, и достаточно им показать ее, чтобы быть пропущенными беспрепятственно повсюду. Они являются хранителями многих эпизодов истории страны и древних преданий, какими были барды у франков и кельтов, а также в древней Ирландии»².

[Песни, сочиняемые джэгуаклуэ были самые разнообразные. Они не только прославляли или осуждали героические или неблагоприятные поступки отдельных людей, но также были песни жизнеописательные, наезднические, колыбельные, песни для торжественных мероприятий, исторические, с описанием различных битв и т. п.] Например, после смерти какого-нибудь славного воина его наследники, родственники или друзья, желая увековечить память о герое, поручали певцам изложить его героические поступки в песне. Джэгуаклуэ, окончив составление жизнеописания, пели его в присутствии знатоков, которые, если находили что-либо противное современным приличиям, приказывали это изъять из песни,

¹ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 111, 112.

² Монпери Фредерик Дюбуа де. Путешествие по Кавказу// АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 444.

и обработанное таким образом жизнеописание делали достоянием широкой общественности. В этой связи Т. Лапинский отмечал, что этих патриархальных певцов уважают и боятся. Каждый хороший или плохой поступок, храбрость и трусость, корыстолюбие и самопожертвование, гостеприимство и скупость, красота и любовь, как и легкие нравы, находят своих панегиристов или беспощадных сатириков. Ими воспеваются героические поступки и подвиги, различные чудесные истории. Он также рассказал об одном случае, свидетелем которого был в 1857 г. во время очередного сражения черкесов с русскими на реке Адагум. Один такой джегуаклуэ влез на дерево, откуда далеко раздающимся голосом воспевал храбрых и называл по именам боязливых. «Адыг больше всего на свете боятся быть названным трусом в национальных песнях, — пишет он, — в этом случае он погиб: ни одна девушка не захочет быть его женой, ни один друг не подаст ему руки, он становится посмешищем в стране. Присутствие популярного барда во время битвы — лучшее побуждение для молодых людей показывать свою храбрость»¹.

«Джегуаклуэ как подлинно народные артисты явились родоначальниками театрального искусства. Самым интересным с точки зрения развития и становления народного театрального зрелища у адыгов было искусство джегуако», — пишет А. Шортанов. — Не случайно в дословном переводе это слово означает «играющий». Оно во многом эквивалентно современному слову «артист».

Джегуаклуэ — профессиональное лицо. Он трудится только на поприще искусства и живет исключительно на заработки от своего артистического труда. Он не только поэт-певец, но и рассказчик-импровизатор. В творческую группу «джегуако» входило несколько человек, иногда до десяти и более. Группа «джегуако» состояла преимущественно из двух-трех музыкантов, играющих на национальных инструментах: «шикапшина» (род скрипки), «бжами» (свирель), «накьырэ» (зурна) и «пхьэцлыч» (ударный инструмент). Кроме музыкантов эту группу представляли певцы и рассказчики, а иногда и акробаты. Идейным и художественным руководителем оставался «глава репертуара» — поэт-певец. Каждый участник группы совмещал в своем творчестве несколько ви-

¹ Теофил Лапинский. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995. С. 123.

дов исполнения, иначе говоря, музыканты должны были уметь хорошо петь, а певцы — владеть мастерством рассказчика-импровизатора. Следует отметить, что институт «ажагафы» отличается от искусства джегуако. Если первое целиком и полностью основано на традиционных, веками выработанных и уже отчасти канонизированных формах народного зрелища, то второе, сохраняя определенные традиции первого, активно и непосредственно вмешивалось в жизнь, в события дня, остро и ярко комментировало происходящее, опираясь на реалистические примеры, на живой разговорный язык¹. Джегуаки, занимаясь профессиональной деятельностью, не имели собственности и не занимались никаким хозяйством. Балкарский просветитель XIX столетия С. Урусбиев писал, что «эти гегуако были люди, не имевшие никакой собственности, не занимавшиеся решительно никаким хозяйством; они не носили оружия и разъезжали по Кабарде исключительно с целью присутствовать на народных собраниях, битвах, разных увеселениях и плясках, вообще искали всегда какого-нибудь народного собрания»².

Джегуаки обладали неограниченным правом говорить от имени обиженных и обездоленных сословий и классов общества. Они могли подвергнуть критике кого угодно и за это не понести никакого наказания. Они всегда выступали за торжество справедливости и равноправия. М. Горький в своей статье «Разрушение личности» обратил на это внимание и писал следующее: «На Кавказе, в Кабарде, еще недавно, по словам А. Веселовского, существовали джегуако, бездомные народные певцы. Вот как один из них определил свою цель и свою силу: «Я один словом своим, — сказал он, — делаю из труса храбрца, защитника своего народа, вора превращаю в честного человека, на мои глаза не смеет показаться мошенник, я противник всего бесчестного, нехорошего»³.

И как справедливо отмечал А. Шортанов, все выдающиеся произведения поэзии и музыки адыгского и балкарско-карачаевского народов созданы вдохновенным тру-

¹ Шортанов А. Т. Театральное искусство Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1961. С. 10, 11.

² Урусбиев С. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1881. Вып. 1. Отд. 2. С. 1.

³ М. Горький. О литературе. М., 1959. С. 87.

дом народных джегуако и халкжерчи. Они составляли значительную силу общества. Эти творцы народных зрелищ и празднеств всегда были желанными гостями во всех населенных пунктах Северного Кавказа. Но следует отметить, что, кроме этих подлинно народных актеров, музыкантов, поэтов, мастеров сатиры, были и так называемые придворные джегуако (халкжерчи). Удельные и наиболее знатные князья имели своих джегуако (халкжерчи). Однако, как утверждает З. Налоев, придворному джегуако исторически предшествует дружинный. От архаического, синкретически сложного джегуако, он отличается по крайней мере тремя чертами: у дружинного джегуако на первый план выступают обязанности певца за счет понижения функции скомороха; он стал оседлым и странствует только вместе с княжеской дружиной; находится на экономическом содержании сюзерена. По мнению ученого, институт дружинного джегуако сложился у адыгов не позднее IV в. н. э., когда у них начинается процесс зарождения феодальных отношений. Именно тогда у князей появляются дружины, и джегуако сопровождают их в походах, вдохновляя и воспевая в эпических песнях подвиги князей и бойцов дружины¹.

Жак-Виктор-Эдуард Тебу де Мариньи писал, что песни джегуако по своему содержанию призваны прославлять достоинства и осуждать дурные поступки. И он приводит пример из песни, которую пел джегуако, представлявшую собой жалобу юноши, которого хотели изгнать из родных краев за то, что он один вернулся из похода против русских, где погибли все его соратники. Это было лишним подтверждением того, что в истории черкесов постоянно видишь черты, напоминающие героические времена античной Греции².

Именно дружинные джегуако были авторами песен наездников («зеклуэ уэрэд»). «Во время отправления в наезды, — писал Хан-Гирей, — воины, составляющие партию, поют песни наезднические: из этих песен некоторые поются с особливим благозвучием, и, пропев один куплет, воины призывают на помощь счастье некоторых знаменитых предков своих князей: нередко склоняясь на гриву коня и сняв шапки, а в других случаях, моля бога о

¹ Налоев З. М. О придворном джегуако. В Сб.: Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1980. С. 122, 123.

² Мариньи Жак-Виктор-Эдуард Тебу де. Путешествие в Черкесию // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 314, 315.

даровании успеха им в предприятиях. Песни эти возбуждают в наездниках желание испытать опасности и прославиться. Они есть также жизнеописательные – об отличившихся наездничеством воинах»¹. Походными или наездническими песнями могли быть также и нартское «пшинапли». С дальнейшим развитием феодальных отношений, по мере усиления феодальной раздробленности и феодальной междоусобицы, у удельных князей появляются свои собственные джагуако, т. е. идет процесс перерождения дружинных джагуако в придворные.

«Придворный джегуако, – пишет З. Налоев, – видимо, сохранил все обязанности дружинного: своим искусством обслуживал двор князя, ездил с ним в походы, создавал песни о его подвигах и его войске. Ш. Ногмов пишет, что гекуюки и трубачи, которые на войну ездили всегда на серых конях, должны были сочинять стихи или речи для одушевления воинов перед сражением. Становясь перед войском, они пели или читали свои стихи, в которых упоминали о неустрашимости предков и приводили для примера их доблестные подвиги. Налоев также утверждает, что институт джегуакуз исчез с принятием ислама адыгами². Джегуако ездили на войну не только на серых лошадях, но и одеты были в черкески серого цвета и в обязательном порядке – безоружны. И это их отличало от прочих, т. к. в серый цвет одевались и князья. И на войне джегуако был лицом неприкосновенным. Его также узнавали по тому, что он всегда носил с собой музыкальный инструмент³. Хотя джегуакуз не были зависимым сословием, все же придворные джегуакуз должны были выражать интересы своих князей. В этом они отличаются от общенародных джегуакуз, которые «обслуживали» все население. Последние были абсолютно независимые и свободные в своем «творчестве».

«При всей критичности в деятельности джегуакуз, ни один черкес не позволял себе унижить, оскорбить даже ярого своего противника или своих соплеменников. В этом заключалась их высокая, нравственно-этическая культура. В этой связи Хан-Гирей приводит любопытный пример. Еще при жизни пожилого рыцаря Бзехе-

¹ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 113.

² Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1994. С. 72.

³ Налоев З. М. О придворном джегуако. Сб. ст.: Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1981. С. 126, 127.

неко Бексирза его дети заказали джэгуакІуэ жизнеописательную величальную песню и «найдя в ней описание такого подвига, который унижал одного из его соперников, приказал порицание выкинуть из песни»¹.

[Говоря о джэгуакІуэ, нельзя не вспомнить хатяико («хэтыакІуэ») – организатора, церемониймейстера адыгских обрядовых плясок и игр, который своими обязанностями весьма напоминает «человека жезла» – одного из главных участников ритуалов и праздников в нартском дворце Хаттского государства. Как справедливо замечает З. Налоев, обязанности хатяико были одной из функций джэгуакІуэ, но в его отсутствие в этой роли мог выступать и обычный человек, обладающий знанием тонкостей ритуала и талантом балагура.]

«Если адыгскую свадьбу условно разделить на составные элементы – ритуальные действия, обрядовые пляски, игры-джигитовки, обрядовая трапеза, привоз невесты, то обнаружим, что сфера хатяико ограничивается первыми двумя элементами, – пишет З. Налоев. – Хатяико участвовал не только в ритуальных действиях, но он также сопровождал обряд введения невесты в Большой дом (родителей жениха). В этом случае хатяико запевал обрядовую песню, желал невесте счастья и благополучия («нысэишэ узрад»), а хор подпевал. Спорадически участники обряда останавливали ритуальное шествие, устраивая перед невестой пляски. При сопровождении невесты хатяико останавливал ритуальное шествие, ставил невесту среди девушек и объявлял, что якобы она его пленница. Хатяико обладал в данном случае статусом неприкосновенности и нельзя было отнимать у него невесту, а только можно было выкупить. Присутствовавшие складывали деньги и выкупали ее у хатяико. При этом основную долю выкупа платил самый близкий родственник жениха. По окончании обряда собранную сумму делили между собой хатяико и музыканты. Из этого видно, что хатяико в таких случаях играл роль джэгуакІуэ. На свадьбах накрывали для них специальный стол – джэгуакІуэ Іэна «джегуаковский стол», где их угощали»².

Таким образом, институт джэгуакІуэ имеет давнюю историю и он выполнял важную социальную, идеологи-

¹ Хан-Гирей. Черкесские предания. С. 129–139.

² Налоев З. М. Дджегуако в роли хэтыакІуэ. Сб. ст.: Культура и быт адыгов. Майкоп, 1980. С. 113–138.

ческую и эстетическую нагрузки. ДжэгуакIуэ составляли значительную прослойку в обществе и обладали статусом неприкосновенности. Они выступали в роли критиков, вдохновителей воинов, поэтов, музыкантов и артистов. Их уважали и боялись. Они делились на общенациональных, дружинных и княжеских джегуакIуэ. Нередко на свадьбах и других торжествах джегуако выступал в роли хатняко. К слову джегуакIуэ прислушивались и князя, и крестьяне, даже воры!

Они далеко не были придворными шутами, ибо они были высококультурными, талантливыми и проницательными людьми. Не имея образования, как такового, они превосходно играли на музыкальных инструментах, сочиняли стихи, создавали глубокосодержательные песни, посвященные храбрым воинам и знаменитым битвам, которые происходили в различные эпохи истории их родины. Вместе с тем они выявляли пороки людей независимо от их социального статуса. Можно смело говорить о них, как о своеобразных «идеологах» своего народа. Тем не менее этот институт, как многие другие традиционные общественные институты, приходит в упадок к концу XIX – началу XX в.

ЛИТЕРАТУРА

Абаев В. И. Нартовский (нартский) эпос. Краткая литературная энциклопедия. М., 1968.

АВКИЕА. Нальчик, 1974.

Адыгский фольклор. В 2 т. Т. 2. Кн. 2. Майкоп, 1980.

Адыгский фольклор. Нальчик, 1979.

Андреев Ю. В. Спартакие всадники// Вестник древней истории. 1969. № 4.

Аниба А. А. Вопросы по этике абхазского нартского эпоса. Тбилиси, 1970.

Ашибоков Л. Х. Кабардинские аргамакIи и современное коневодство. Нальчик, 1995.

Бетрозов Р. Этническая история адыгов. Нальчик, 1996.

ГадагатIль А. М. Героический эпос Нарты адыгских (черкесских) народов. Майкоп, 1987.

Горький М. О литературе М., 1959.

Гукемух АбубекIр Махмудович, Кардангушев Зарамук Патурович. Адыгэ псалъэжхэр (Кабардинские пословицы). Нальчик, 1994.

Гутов А. М. Поэтика и типология нартекого эпоса. М., 1993.

Ивановок Н. Р. Кабардино-Балкарская правда. 1996. 20, 25 дек.,

Исаакян А. Избр. соч. М., 1956.

- Рышков Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
- Лун Н. А. Легенды и мифы Древней Греции. Владикавказ, 1933.
- Кээрмокъуэ Мухъэмэд. ХьэтЮхъуцъыкъуей хъыбархэр (Ата-жукинские хабары). Нальчик, 1996.
- Лапинский Теофил. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995.
- Фредерик Дюбуа де Монпере. Путешествие по Кавказу// АВКИЕА. Нальчик, 1974.
- Налоев З. М. О придворном джегуако. В сб.: Из истории феодальной Кабарды и Балкарии Нальчик, 1980.
- Налоев З. М. Джегуако в роли хьэтиякIуэ. Сб. ст.: Культура и быт адыгов. Майкоп, 1980.
- Нартский эпос и кавказское языкознание. Майкоп, 1994.
- Нартхэр. Нальчик, 1993.
- Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1994.
- Пропл В. Жанровый состав русского фольклора// Русская литература. 1964.
- Тейлор Э. Первобытная культура. М., 1939.
- Толгуров З. Х. В контексте духовной общности. Нальчик, 1991.
- Урусбиев С. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1881. Вып. 1. Отд. 2.
- Фольклор адыгов. Нальчик, 1979.
- Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 111, 112.
- Хут Ш. Х. Несказочная проза адыгов. Майкоп, 1989.
- Шортанов А. Т. Театральное искусство Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1961.

СЕМЕЙНЫЙ БЫТ АДЫГОВ И БАЛКАРЦЕВ

- § 1. *Формы семьи, брака. Брачные запреты.*
- § 2. *Брачный выбор. Сватовство.*
- § 3. *Свадебные обряды.*
- § 4. *Внутрисемейные отношения. Влияние женщины.*
- § 5. *Новое и традиционное в свадебных обрядах.*

§ 1. Формы семьи, брака. Брачные запреты

Проблемы семьи и ее быта всегда занимали и занимают большое место в жизни любого народа. Общеизвестно, что семья является первичной ячейкой общества, его основой.

Каждый значительный переворот в социально-экономической жизни общества вызывал соответствующие изменения в формах брака и семьи. Отсюда можно сделать вывод, что каждому историческому периоду развития общества соответствовали различные типы семьи. Указывая на эту важную закономерность, К. Маркс отмечал, что семья «должна развиваться по мере того, как развивается общество, и должна изменяться по мере того, как изменяется общество, точно так же, как это было и в прошлом. Она представляет собою продукт общественной системы»¹. Ф. Энгельс также подчеркивал влияние классовых обществ на формирование семьи: «Семья дает нам в миниатюре картину тех же противоположностей и противоречий, в которых движется общество, разделенное на классы»².

Будучи важным социальным институтом общества, семья выполняла и выполняет целый ряд общественно значимых функций — организация производства, передача новым поколениям этнокультурных норм, традиций, обычаев и т. д. Важным этапом в развитии семьи являлась ее большая патриархальная форма. Научное определение места и роли патриархальной семьи в разви-

¹ Маркс К. Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество»// Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 45. С. 254.

² Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства// Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 70.

тии общественных форм дал Ф. Энгельс. Согласно его концепции, патриархальная семейная община являлась переходной формой «от семьи, возникшей из группового брака и основанной на материнском праве, к индивидуальной семье современного мира»¹. Семейная община, по Ф. Энгельсу, представляет собой такой коллектив, который «охватывает несколько поколений потомков одного отца вместе и их женами, причем все они живут вместе, одним двором, сообща обрабатывают свои поля, питаются и одеваются из общих запасов и сообща владеют излишним доходом»².

На Северном Кавказе, в том числе у адыгов и балкарцев, семейная община на определенном этапе ее исторического развития, несомненно, имела широкое распространение. Возникнув еще в рамках родового строя, она продолжала существовать и в условиях феодального общества. М. О. Косвен отмечал, что «семейная община, или патриархальная семья, была основной ячейкой патриархально-родового общества. Она состояла из трех-четырех – иногда до семи, – поколений потомков, нисходящих и боковых, одного отца, составляющих одно хозяйство, покоившееся на коллективной собственности на землю и основные средства производства, а равно на коллективном потреблении продуктов этого производства. Численность такой семейной общины доходила в старину до нескольких сот человек.

Патронимия являлась результатом естественного увеличения и разделения семейной общины. Уровень развития производительных сил и соответствующие общественные условия ставили предел разрастанию этой общины, она делилась, но так, что выделившиеся из нее меньшие семейные группы сохраняли между собой в некоторых отношениях и формах хозяйственное, общественное и идеологическое единство и образовывали особую родственную группу – патронимию, которая состояла из меньшего или большего числа отдельных, все же связанных между собой родственных семей, ведущих свое происхождение от одного общего предка, носящих общее патронимическое название и пр.»³.

Патронимия была впервые выявлена на Кавказе

¹ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 70.

² Там же.

³ Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963. С. 4.

М. О. Косвеню в 1931 г. У различных народов Кавказа патронимия имеет свои особые, притом разнообразные наименования. Таковы описательные выражения осетинское и картлийское — «от одного огня (очага) разошедшиеся», хевсурское — «из одного огня вышедшие», адыгское — «от одного огня разделившиеся», кумыкское — «отошедшие от одного очага», абхазское — «разделившие между собой дом». Кроме этого у некоторых народов Кавказа патронимия обозначается и своим специальным термином: у адыгейцев — «хабль», у кабардинцев — «лъэпкъ». У ряда кавказских народов употребляется для обозначения патронимии большое число различных иноязычных терминов, обозначающих в соответствующих языках родственную группу вообще или патронимию в частности. Таковы иранские термины: тохум или тухум — «семья» (балкарцы, кумыки, аварцы, таты); арабские: тайфа или тайпа — «часть» (ногайцы, чеченцы, ингуши, кумыки, аварцы и др.).

Патронимия народов Кавказа состояла либо из больших, либо малых, либо тех и других одновременно семей. «У балкарцев патронимия состояла еще в недавнем прошлом из больших и малых семей, — пишет М. О. Косвен, — но в позднейшее время больших семей не встречалось. Число семей в одной патронимии могло быть от трех-пяти до нескольких десятков. На кавказском материале хорошо прослеживается процесс разрастания и разветвления самой патронимии. Отдельные семьи, входившие в патронимию, размножались, разрастались, сегментировались, или делились, и в результате давали начало патронимиям. Таким образом, в составе данной патронимии возникали новые, молодые патронимии. Вновь образовавшиеся патронимии жили по общему правилу, сохраняя свое единство, компактно, вместе с тем и не отделялись от старой патронимии, помогая одна другой и пр. Лишь в позднее времена, и то эпизодически, отделялись и переселялись на свободные места, не теряя все же связи со своими сородичами. В результате на Кавказе встречаются патронимии различного размера и различного состава: меньшие и большие, состоящие сами из нескольких патронимий.

Патронимия на Кавказе в прошлом обычно занимала отдельное селение. До недавнего еще времени были патронимические кварталы — «хъэблэ», «тохум». С течением времени кварталы теряли свой исключительно пат-

ронимический характер и в данном квартале оказывались две или несколько разных патронимии¹. До начала XX в. на Северном Кавказе существовали как малая, так и большая семья. В большой семье хозяйство велось сообща под руководством старшего («тхьэмадэ», «табада»). Численность большой семьи колебалась от 20 до 60 человек. Как отмечает проф. Мамбетов Г. Х., в XIX в. чаще стали встречаться семейные разделы, особенно после отмены крепостного права (1867), когда уже стали преобладать малые семьи, состоящие из двух поколений – родителей и их детей. Так, по семейным спискам 1886 г. в селении Жанхотово Большой Кабарды большие семьи составляли 22 %, в Безенгиевском и Урусбиевском обществах Балкарии – по 39. Сохранение больших семей объяснялось малоземельем, бытованием пережитков патриархально-родовых отношений, сохранением натурального хозяйства². Между членами семьи было разделение труда. Как правило, мужчины занимались земледелием и скотоводством, на женщинах лежала вся работа по дому и значительная часть домашних промыслов, подростки же помогали взрослым. В малой семье женщина чаще должна была участвовать в земледельческих работах: в уходе за посевами и уборке урожая, подростки раньше втягивались в крестьянский труд.

Старший мужчина – глава семьи – был не только распорядителем хозяйственной деятельности, но и хозяином почти всего имущества семьи. Даже в большой семье, мало что сохранившей от своей бывшей демократической организации, к концу XIX – началу XX в. старший распоряжался семейной собственностью, сдавая в аренду землю, продавая скот и т. д. Всецело под властью главы семьи находились и дети. Даже взрослые сыновья должны были беспрекословно подчиняться и вести себя с ним подчеркнуто почтительно: не спорить, не заговаривать первыми, в его присутствии не сидеть, не показываться в небрежном виде. В случае развода родителей дети, как правило, оставались с отцом.

Таким образом, у адыгов и балкарцев уже в XIX в., особенно в результате усилившихся в пореформенное время процессов разложения натурального хозяйства,

¹ Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963. С. 186–190.

² Мамбетов Г. Х. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1997. С. 154, 155.

получила преобладание малая, или нуклеарная, семья. Существовавшая наряду с ней большая, или патриархальная семья сохранилась преимущественно в горных районах, несколько меньше испытавших на себя влияние капиталистических отношений. Это касается в основном Балкарии. В дореволюционном прошлом и у адыгов, и у балкарцев имелось немало семей переходного от большесемейного – к малосемейному типу¹.

По мнению А. И. Мусукаева и А. И. Першица, большую семью и семейную общину следует различать как две различные исторические формы семьи, отличающиеся друг от друга теми чертами, которыми обычно характеризуются деспотическая семья и демократическая семья, причем последняя форма семьи является исторически более ранней. Низшие самостоятельные структурные единицы сельской общины – большие семьи («унз-зэшхэс» – у каб., «уллу-юй» – у балк.) представляли собой патриархальные родственные и хозяйственные коллективы, которые состояли из ближайших родственников двух, трех, а иногда четырех поколений по нисходящей и боковым линиям, характеризовались коллективной собственностью, общим производством и потреблением при соответственно деспотическом, демократическом или смешанном управлении. В процессе развития семьи действовал так называемый семейный цикл. Малые семьи разрастались и превращались в расширенные большие, т.е., разросшись еще больше и достигнув определенного порога, снова дробились на малые и т.д. Поэтому большие и малые семьи, как правило, всегда соседствовали друг с другом. Все же в старину, с ее натуральным хозяйством и патриархальным укладом жизни, действительно было больше расширенных больших, а в новое время стало больше малых семей².

Как отмечал В. К. Гарданов, у всех адыгов, уже в первой половине XIX в. средний размер семьи составлял от 5–6 до 8–9 человек, что указывает на преобладание малых семей. Эту же мысль подчеркивала Я. С. Смирнова. Это не означает, что в этот период и позже не было у

¹ Новое и традиционное в культуре и быте кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1986. С. 111, 112.

² Мусукаев А. И. и Першиц А. И. Народные традиции кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1992. С. 18.

адыгов и балкарцев больших семей, но их было значительно меньше¹.

Брак у адыгов и балкарцев был и есть экзогамный, т. е. категорически запрещается брак между родственниками как по отцовской, так и по материнской линии до седьмого колена. При заключении брака рассматривались не только родственные отношения до седьмого колена, но учитывались также молочные и другие формы искусственного родства. Непосредственное отношение к экзогамии имеет, на наш взгляд, сохранившееся в адыгском языке известное выражение — «ЛӀаужьыр бжыблӀэ мауэ» или «лӀаужьыр блыкӀэ мауэ» (Кровная наследственность передается до седьмого поколения). Хотя предки адыгов и балкарцев не были знакомы с законами генетики, они предполагали, что кровное родство распространяется именно до седьмого поколения. «Повсеместно сохранившиеся нормы экзогамии запрещали браки между родственниками любых или по крайней мере очень многих степеней родства, — отмечает Я. С. Смирнова, — однофамильцами и членами возводящих себя к общему предку фамилий. Препятствием к браку было также родство по усыновлению и побратимству»². Кроме кровного родства, при заключении брака у адыгов и балкарцев имел место и ряд других брачных запретов. Как было отмечено, нельзя было вступать в брак, находясь в молочном родстве, т. е. молодым, которые вскормлены грудью одной матери. В этой связи Б. А. Ланге писал: «Отношения духовного родства устанавливаются также вследствие вскормленного грудью чужого ребенка».

Молочное родство совпадало у адыгов и балкарцев также с усыновлением. Обряд усыновления заключался в следующем: усыновляемый прикасался губами к обнаженной груди старшей женщины в той семье, которая усыновляла. «Этого было достаточно, — указывала Т. Т. Шикова, — чтобы возникли родственные взаимоотношения между фамилией усыновивших и усыновленными, категорически исключившие брачные отношения

¹ Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая половина XIX в.) М., 1967. С. 38. Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. Вторая половина XIX — XX вв. М., 1983. С. 24, 25.

² Смирнова Я. С. Семья и семейный быт // Сб.: культура и быт народов Северного Кавказа. М., 1968. С. 190.

между ними»¹. Запрещался брак между семьями аталыка и воспитанника. Не одобрялось вступление в брак между ближайшими соседями. В прошлом запрещался брак между представителями различных сословий. Иоганн Бларамберг отмечал, что ни у одной нации не развито так чувство дворянской гордости, как у черкесов, и потому там никогда не бывает случаев неравного брака: князь женится только на дочери князя, а рожденные вне брака дети никогда не могут унаследовать прерогативы их отцов, если, как минимум, они не женятся на законных княжнах; в этом случае они становятся князьями третьего ранга. Князь, который женится на дворянке, покрывает себя меньшим позором, чем князь, который выдает свою дочь замуж за дворянина². Адыги и балкарцы почти всегда соблюдали порядок старшинства в браке, т. е. старший брат или старшая сестра должны были вступать в брак раньше, чем младшие их братья и сестры. Если нарушался этот обычай, сын мог быть изгнан из семьи, и потерять права на получение части имущества родителей. Особенно осуждался выход замуж младшей сестры раньше старшей, т. к. это, по представлению адыгов и балкарцев, унижало последнюю. В таких случаях виновную младшую дочь родители могли проклясть, отказаться от регистрации ее брака и, конечно, от получения калыма. Нельзя было вступать в брак, если в семье был траур, пока он не кончится. Брак запрещался также между семьями, находившимися в состоянии кровной вражды. Общественным мнением не одобрялся брак между представителями различных религиозных верований и разных национальностей. Народы Северного Кавказа с особым предубеждением относились к смешанным бракам, особенно женщин: здесь сказывалось то обстоятельство, что «при патрилокальном поселении такие браки вели к утрате данной народности как самой женщины, так и рожденных ею детей», — отмечает Я. С. Смирнова.

Строго запрещалась добрачная половая жизнь. Особенно общественное мнение было строго в этом отношении к девушке. Ее просто не брали в жены. Адыгам и

¹ Шикова Т. Т. Об условиях и формах заключения брака у кабардинцев в дореволюционном прошлом. Ученые записки КВНИИ. Т. 16. С. 131.

² Бларамберг Иоганн. Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992. С. 87.

балкарцам были свойственны твердые нравственные устои. III. Ногмов отмечал, что адыги славились своим целомудрием. «Мужчина, соблазнивший девушку и отказавшийся на ней жениться, мог быть убит, и в лучшем случае отделаться крупным штрафом за бесчестье или изгнанием», — отмечают А. И. Мусукаев и А. И. Першиц. Та же участь ждала того, кто вступал в интимные отношения с чужой женой. Еще более строгие требования предъявлялись к противоположному полу. Девушку, уличенную в добрачной связи, никто не брал замуж, а если эта связь не получала огласки, то после первой же брачной ночи ее отсылали к родителям, а те, еще в середине XIX в., убивали ее или продавали в рабство. Хуже всего приходилось неверным женам. По адыгским адатам, мужья были вправе делать с ними, что хотели, например, убить или изувечить и отослать обратно домой. Немецкий путешественник К. Кох писал еще в 1840-х гг.: «Иногда муж отрезает преступной жене нос или уши, выбривает ей волосы на голове, обрезает рукава ее одежды и в таком виде отправляет ее обратно к родителям». По шариату, неверную жену полагалось предать мучительной смерти: зарыть живой в землю, побить камнями, сбросить со скалы. Таким образом, у адыгов и балкарцев половая жизнь до брака и вне брака была почти невозможна.

Запрещался брак между несовершеннолетними. Поэтому брачный возраст у адыгов и балкарцев для мужчин — от 20 до 25 лет, у девушек — от 18 до 25 лет. Карл Кох писал, что неестественный обычай женить детей до достижения ими зрелости не встречается у черкесов, зато бывают случаи, когда молодые вступают в брак только на тридцатом году жизни. Обычно же молодые люди вступают в брак в возрасте от двадцати до двадцати четырех лет. Этой причиной можно объяснить, почему черкесский народ, несмотря на чужеземное вмешательство, сохранил в течение тысячелетий свой облик. Этому далее способствовало в немалой степени и то, что у черкесов не распространены браки между родственниками. Молодому человеку не разрешается жениться даже на девушке из того же клана, так как все члены этого клана рассматриваются как родственники¹.

В прошлом адыги и балкарцы, как и другие народы

¹ Культура адыгов (По свидетельствам европейских авторов)/ Сост. Х. М. Казанов. Нальчик, 1993. С. 156, 157.

Северного Кавказа, платили калым («уасэ» – адыг., «калым» – балк.) за девушку. Калым у адыгов и балкарцев был в прошлом большим. Так, в начале XX в. в средних крестьянских семьях у адыгов – 600 рублей, у балкарцев – 400 рублей, одна лошадь и несколько голов крупного рогатого скота. Иоганн Бларамберг, говоря о калыме у черкесов, писал, что приданое, по-татарски «калым», или, как здесь говорят, «баши», достигает у князей 200 рублей серебром и выплачивается либо деньгами, либо пленниками, крепостными, оружием или скотом. Приданое невесты зависит от отца, который определяет, каким оно будет по своему усмотрению и передает жениху вместе с невестой; однако, главный подарок, который считается частью приданого, делается после рождения первого ребенка; одновременно с подарками отец молодой женщины вручает ей повязку и покрывало, составляющие неотъемлемую часть наряда замужней женщины. Далее он приводит целый список калыма за невесту. Цена за невесту составляет у князей и дворян от 30 «башей» и около 18 «башей» у простого народа. Вот какова цена для князей и дворян: 1) мальчик; 2) одна кольчуга; 3) шлем; 4) боевые перчатки и налокотники; 5) одна пашка; 6) восемь быков; 7) конь, равный по стоимости, как минимум, двум быкам; 8) обычная лошадь. Эти первые восемь «башей» являются обязательными и требуются неукоснительно; что касается остальных двадцати двух, то их обычно выплачивают в виде двадцати быков, ружья и пистолета.

Главные «баши» для простолюдинов следующие: 1) лучший конь; 2) ружье с серебряной насечкой; 3) два быка; 4) двадцать баранов и десять коз; 5) медный котел, стоимостью не менее двух быков; 6) обычная лошадь. Остальные «баши» могут быть заменены и выплачены в виде рогатого скота в возрасте не менее трех лет; одна голова скота в этом случае приравнивается к одному «бану»¹.

Существовало несколько форм заключения брака. Основной формой создания семьи являлся брак, заключаемый по соглашению между родителями невесты и жениха на определенных условиях, основанных на обычном праве адыгов и балкарцев. Следующий брак – по системе «нареченных», известный у адыгов под наиме-

¹ Бларамберг Иоганн. Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992. С. 87–89.

нованием «гушэкъуапэ ибзэ». Эта форма брака у адыгов уходит своими корнями в глубь тысячелетий. Об этом упоминается, например, в нартском эпосе. Вот что сказано по этому поводу в нартском сказании «Как Малечипх была обручена и как ее нареченный женился на другой»: «Малеч, бездетная жена Жагиши, на старости лет, ночью, родила девочку, которой дали имя Малечипх, что означает: дочь Малеч. В ту же ночь в семье нарта Унаджа («унэж»), — кстати, без ложной скромности отметим — это указывает на то, что род Унежевых, автора данной работы, уходит своими корнями к нартскому эпосу и его фамилия является одной из древнейших у адыгов (К. У), — жившего по соседству, родился мальчик. Его называли Унаджоко. По нартским обычаям мальчик и девочка, родившиеся в одну ночь, должны были стать мужем и женой, когда наступит их совершеннолетие. Поэтому на углах колыбелек («гушэ»), в которых лежали маленькие Малечипх и Унаджоко («унэжикъуэ» — К. У), нарты вырезали знак обручения. Малеч и Жагиша жили бедно, а родители Унаджоко (Унэжикъуэ) — побогаче...»¹

Эта форма брака, уходящая в глубокую древность, бытовала между кунаками, близкими друзьями, принадлежащими к разным родам. В первые же дни после рождения родители в присутствии близких родственников и друзей обручали младенцев с обязательным условием их женитьбы по достижении ими совершеннолетнего возраста. Само обручение обставлялось как торжество. До совершеннолетия детей будущие родственники посещали друг друга, девочке преподносились различные подарки.

Следующей формой брака было похищение невесты, так называемый брак уводом. Этот брак существовал в трех принципиально различных видах. Первым из них было настоящее насильственное умыкание, совершавшееся без согласия как самой девушки, так и ее семьи. К нему прибегали по разным причинам: в отместку за неудачное сватовство, чтобы породниться с богатой или знатной семьей, но чаще всего, чтобы, поставив родню девушки перед свершившимся фактом, заставить ее уменьшить калым, как отмечает Я. С. Смирнова². Но такие формы брака были редки и часто заканчивались кро-

¹ Нарты. М., 1957. С. 377.

² Смирнова Я. С. Семья и семейный быт // Культура и быт народов Северного Кавказа. М., 1968. С. 193.

вопролитием. Второй разновидностью брака уводом было похищение девушки с ее согласия. К нему прибегали приглашавшиеся друг другу молодые люди, когда они не рассчитывали на согласие родителей или, опять-таки, когда жених не имел возможности внести полный калым. Наконец, третьей и вместе с тем наиболее распространенной разновидностью было фиктивное похищение, совершавшееся по взаимной договоренности между женихом, невестой и ее семьей.

Однако наиболее распространенной формой заключения брака был брак по сговору («лгыхъукIэ къэшэн»). Оформлявшая его обрядность начиналась сватовством, во время которого стороны предварительно договаривались о размерах калыма и сроках его уплаты. Увоз невесты у адыгов и балкарцев сопровождался пиршеством и различными церемониями — обрядом ее вывоза из родительского дома, инсценированными попытками задержать поезжан, которым приходилось откупаться подарками и т. д. Наконец, невесту, доставляли в дом жениха, где происходили основные свадебные торжества, которые длились несколько дней.

У адыгов и балкарцев существовали и левиратный, и сороратный браки.

Левиратный брак — это брак брата с женой умершего брата. По обычаю вдова могла выйти замуж за брата умершего мужа, если он изъявлял на то свое желание. Это объяснялось экономической целесообразностью и полезностью для воспитания осиротевших детей. Если никто из братьев умершего не желал вступить в брак со своей снохой, то ей разрешали вернуться домой и устраивать свою личную жизнь по своему усмотрению. Но дети, как правило, оставались в доме умершего отца. Поэтому чаще всего вдова не уходила к своим родителям и жила в семье бывшего мужа со своими детьми, особенно если она не была в молодом возрасте.

По обычаю допускался брак с сестрой умершей жены (**сороратный брак**), но обязательно с ее согласия. Это делалось в тех случаях, если остались малолетние дети, а, по мнению адыгов и балкарцев, родная тетя могла лучше всех других быть им второй матерью. Однако следует отметить, что и левират, и сорорат были редким явлением в жизни адыгов и балкарцев, а в настоящее время этот обычай почти забыт.

§ 2. Брачный выбор. Сватовство

Испокон веков адыги и балкарцы к брачному выбору, т. е. выбору невесты и жениха, подходили очень серьезно. Кроме вышеперечисленных брачных запретов, учитывали и многие другие моменты, прежде чем остановить свой выбор на той или иной личности в качестве жениха или невесты.

Родители жениха, прежде чем начать процесс сватовства, тщательно интересовались семьей девушки-избранницы их сына. Здесь учитывалось все: от нравственного облика девушки и ее родителей до общественного мнения об этой семье. Бывало часто, что невесту для жениха находили его родители или ближайшие родственники и друзья. Жених, в свою очередь, старался прислушиваться к их совету, в том случае, если у него не было невесты, с которой он мог быть знакомым до этого момента. И когда он выбирал себе какую-нибудь девушку, начинался процесс сватовства («пыхъун», «келечи ййну»). После того как была найдена подходящая кандидатура невесты, к ее родителям посылали сватов из ближайших родственников жениха. При согласии родителей девушки для жениха организовывали «хъыджэбзаплъэ»; «къызкъарау». Это в случае, если молодые люди до этого не были знакомы. Жених в сопровождении двух-трех молодых людей из числа родственников или друзей отправлялся в дом родителей невесты или какого-нибудь родственника и знакомился с ней. По достижении согласия между женихом и невестой, ее сторона отправляла двух-трех мужчин к родителям жениха для того, чтобы познакомиться поближе с их хозяйством и бытом. «Этот обычай, соблюдавшийся и при некоторых других формах брака, — отмечает Х. Думанов, — назывался «унаплъэ», что буквально означает «смотреть дом». Визитеры осматривали дом, хозяйственные постройки, знакомились с родителями и родственниками жениха»¹.

Визиты родственников жениха в дом невесты повторялись 2–3 раза. Считалось плохим тоном со стороны родителей невесты соглашаться на выдачу своей дочери замуж с первого раза. А Иоганн Бларамберг отмечает, что у черкесов, когда молодой человек намерен жениться, он сообщает об этом своим родителям и друзьям.

¹ Думанов Х. М. Социальная структура кабардинцев в нормах адата. Нальчик, 1990. С. 95, 96.

Для этого он собирает их всех вместе; они делают ему подарки оружием, лошадьми, быками и прочими предметами. Созванные молодым человеком его друзья направляются к дому той, которой он добивается, чтобы сообщить о намерениях молодого человека отцу и братьям девушки; они обговаривают с родственниками условия, и жених таким образом может заполучить свою избранницу сразу же после уплаты «баша» (калыма — «уасэ»). Если жених не в состоянии сразу уплатить весь «баш», он может выплатить его постепенно после женитьбы¹. У адыгов и балкарцев имели место различные приемы, с помощью которых показывали сватам свое отношение к сватанию.

Б. А. Ланге писал о балкарских сватах: «Что касается брака, то он заключается путем свободного уговора с родителями невесты, причем предварительные переговоры поручаются кому-либо из родственников жениха. Сначала собираются сведения о семействе, к которому принадлежит невеста, и если, по справкам, окажется, что семейство это удовлетворяет условиям обычая, т. е. хорошего происхождения — равного с желающим свататься, имеет достаточное состояние, то приступают к сватовству. Родственник, которому поручены переговоры, отправляется к родителям невесты и, смотря по обстоятельствам или прямо, объявляет им о цели своего приезда или дает знать о ней намеками. Тогда собираются все родственники девушки и сообща решают, принять или отклонить предложение. Если и жених, в свою очередь, удовлетворяет всем требованиям обычая, то родственники дают свое согласие на брак, но не решают вопроса окончательно»². Имея все нужные сведения друг о друге, обе стороны готовились к переговорам о браке. Во главе сватов назначали близкого к жениху человека, уважаемого, красноречивого. В. Я. Тепцов в этой связи отмечал: «Когда у жениха все готово для брака, он выбирает из среды своих ближайших родственников доверенных лиц. Самым почетным доверенным считается дядя по матери»³. О роли дяди невесты по матери свидетельствуют и Б. В. Миллер⁴.

¹ *Бларамберг Иоганн*. Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992. С. 87, 88.

² *Ланге Б. А.* Балкария и балкарцы // Кавказ. 1903. № 301.

³ *Тепцов В. Я.* По истокам Кубани и Терека // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1892. Вып. 19.

⁴ *Миллер Б. В.* Карачае-этнографическое обозрение. 1899. № 1, 2.

«В число сватов жениха входили родственники, — пишет М. Кудяев, — близкие знакомые, соседи и родственники невесты, если они жили в его селении (последние могли оказать помощь сватам жениха). Первое посещение сватов предполагало знакомство с родителями и родственниками невесты. Их принимали по закону гостеприимства как самых дорогих и почетных гостей — у очага, где горел огонь. Очаг считался в доме святым местом, и прием у очага означает, что сватам оказывается высокая честь. Хозяйка дома ставила у очага три полена, давая этим понять сватам, что переговоры одним посещением не кончатся, что им придется посетить дом невесты три раза. Если родная тетя невесты по отцу касалась рукой железного очажного треножника, это значило, что родители невесты должны посоветоваться с родственниками и с ней. Поставленный у очага чистый чугунок говорил: пока ничего ответить не можем. Очажные щипцы в вертикальном положении показывали, что родители хотят спросить согласия невесты на брак. Шампур в вертикальном положении — отказ от брака. Полное ведро воды — нужен совет со старшей сестрой, которая замужем далеко. Ложки на деревянном подносе — мы еще не готовы дать ответ. Чашка на сковороде — скоро дадим ответ. Железная лопаточка на золе — не торопите нас с ответом. Когда шли переговоры сватов с родней невесты, в очаге постоянно поддерживали огонь. Тушить огонь, когда шли переговоры, считалось большим оскорблением для сватов. Огромное значение во время переговоров имели пища и напитки. Горячую пищу для сватов у балкарцев готовила невеста. Это был для нее своеобразный экзамен. Хозяева дома старались подать гостям самую лучшую пищу. Если на стол подавалось парное молоко, сваты должны были понять, что невеста еще очень молода. Кипяченое молоко — не достигла брачного возраста. Айран — у невесты старшая сестра еще не вышла замуж, а по обычаю младшей не полагалось раньше нее выходить замуж. Густой айран — старший брат не женат, по обычаю балкарцев она также не могла выйти замуж до тех пор, пока он не женится. Айран с грибами — в доме много маленьких детей, родители ухаживать за ними не в состоянии, и поэтому она выйти замуж пока не может. Айран, приготовленный в маслобойке, — невеста отказывается от брака. Масло на столе — невеста богатая. Сыр — невесту сватает много женихов. Яйцо в сметане —

родители невесты хотят узнать поподробнее о женихе. При первом посещении сваты преподносили невесте подарки – платок, кольцо, серьги, бусы, и т. д. Если подарки принимали, это значило, что переговоры будут продолжаться. О времени второго посещения сватов родители невесты сами сообщали родителям жениха. Если перед старшим из сватов ставили отдельно один кусочек печени, это значило, что им надо посетить дом невесты еще один раз. Поданный в отдельной тарелке кусочек жареного легкого заключал в себе вопрос о материальном положении жениха. Колбаса из желудка («жёрме») – семья жениха среднего достатка. Колбасой из печени («сохта») давали знать, что переговоры будут идти успешно. Колбасой из мяса – просят большой калым. Шашлыки означали: надо сделать много подарков. Три ребра барана – ждем ответа при третьем посещении. Если сторона невесты хотела дать знать, что исход будет удачным, то на стол подавалась вареная курица. Половина курицы или индюка – надо платить половину калыма.

При третьем посещении дома невесты сватов принимали также радушно, но с новыми испытаниями. Если подавался на стол серый хлеб, это означало, что жених очень молодой; хлеб, крошенный в айран – жених очень старый, без зубов. Хатлама – отказ от переговоров. Однако следует отметить, что обычаи подачи пищи, связанные со сватовством, в каждом селении Балкарии имели свои особенности»¹.

У адыгов в прошлом брак официально оформлялся в доме родителей невесты задолго до ее перевоза в дом жениха или его родителей. Брачный контракт («нэчыхъ», «неках») составлялся муллою в присутствии свидетелей обеих сторон, которые его и подписывали. Мулле полагалась плата за оформление брака, с конца XIX в., по приговору общественного схода, – 5 рублей за оформление брака девушки и 2 рубля за оформление брака вдовы².

Следует отметить, что адыги и балкарцы после принятия ими ислама, начали оформлять брачный контракт письменно. Слово «нэчыхъ», от арабского «наках», – брачный контракт, который предусматривал долю выкупа калыма в пользу жены на случай развода против ее воли или же смерти мужа. Кроме «наках», который становил-

¹ Кудасев М. Ч. Карачаево-балкарский свадебный обряд. Нальчик, 1988. С. 34–38.

² Мафедзев Сарabi. Адыги. Нальчик, 2000. С. 143.

ся собственностью жены, в брачный контракт («дэфтэр») включали полный комплект одежды невесты, нагрудные украшения («щылу»), женский пояс, украшенный драгоценными металлами (золото, серебро), — все это родственники жениха преподносили будущей невестке. У адыгов в брачном контракте оговаривалось, к примеру, какова будет одежда невесты, чем и как она будет украшена.

У адыгов и балкарцев были свои специальные тосты, посвященные каждому знаменательному событию в их жизни. Обряду «нэчыхытх» у адыгов посвящен такой хох:

Невестка пусть будет доброй,
Пятки благословенные она тут оставит,
Носком счастливым она к ним ступит,
Новую семью прославит
Она в согласии со всеми,
Кроткий нрав — ее украшение,
Своих родных она возрадует,
А куда пошла — ей в радость,
Пусть приумножит их добро.
Хабзэ для нее — не тягость и не угодничество,
Она мастерица на все руки,
Младшие ею любимы,
По старшим она скучает.
Она, как клей, для дружбы в доме,
Ее ум и мысли прекрасны,
В большом и малом она пример,
Трудолюбива, заботлива,
Малых она нежит,
Взрослых ласкает,
Своих детей не делит,
Свекор ею доволен,
Для свекрови она опора,
Дела у нее спорятся,
Новое приумножает.
Хох! — говорю я,
Пусть такой она станет¹.

Девушка после оформления брака могла оставаться дома у своих родителей несколько месяцев, год, а то и больше.

Таким образом, к вопросу выбора невесты и жениха адыги и балкарцы подходили исключительно серьезно.

¹ Новое и традиционное в культуре и быте кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1988. С. 135.

Тщательно взвешивали все плюсы и минусы как со стороны жениха, так и со стороны невесты. Во избежание ошибок в брачном выборе переговоры шли долго и брак оформляли не сразу. Процесс сватовства длился не одну неделю. Поэтому семьи были крепкими, в них царила атмосфера взаимоуважения и любви. И разводы были редкими.

§ 3. Свадебные обряды

Как справедливо отмечает С. Мафедзев, пока есть человек, пока существует семья, свадьба бессмертна, ибо она – основа жизни рода, начало новой семьи, часть бытия. Более того, свадьба – это один из основных ритуалов в любой национальной культуре. Свообразное зеркало, в котором отражаются многие стороны этнической сути народа, его истории. Свадебные ритуалы, обряды – результат поиска не одного поколения, на них – зарубки далекого прошлого, отметины социальных, экономических, информационных пренятствий, через которые прошел народ. О том свидетельствует каждый эпизод, каждая деталь свадебного обряда. Прежде чем сделаться частью обычая, он имел реальную, магическую или же религиозную основу¹. У адыгов «нэчыхь-тх» и «уасэ-тых» были самостоятельными обрядами. В настоящее время то, что в Большой Кабарде называют «нэчыхь-тх», в Малой Кабарде известно как «уасэ-тых» (поездка за калымом). В первом случае церемония происходила в доме невесты, а во втором – в доме жениха.

Как было отмечено выше, после оформления брака невеста еще некоторое время находилась в доме своих родителей. За этот период ей готовили приданое, подарки для близких родственников жениха. Но главное – в этот период не очень пожилые ее родственницы и соседки готовили невесту к будущей семейной жизни. У адыгов этот период называется «жэщпыс» – ночные посиделки. Невесту учили правилам поведения в новой семье, объясняли, какие обычаи «избегания» существуют между членами семьи. Учили также ее всем правилам интимной жизни, начиная с первой брачной ночи и т. д.

Были свои законы, обычаи, которые регулировали отношения между родителями жениха и невесты или дру-

¹ Мафедзев Сараби. Адыги. Нальчик, 2000. С. 148.

гие непредвиденные случаи после оформления брака, но – пока девушка оставалась в доме своих родителей. Например, Л. Я. Люлье отмечал, что у черкесов, если в то время, пока невеста остается еще в родительском доме, она будет кем-нибудь похищена, то жених вправе преследовать похитителя и обязан ему мстить. Подобное оскорбление относится к числу самых нестерпимых обид: в этом случае требование чести обязывает всякого решиться на самые крайние меры для получения удовлетворения. Ссоры такого рода по большей части сопровождаются кровавыми последствиями. Если родители невесты из каких-нибудь личных выгод содействовали ее похищению и это бывало доказано, то они лишались калыма, а невеста принадлежала по праву первому жениху.

С другой стороны, были защищены права невесты и ее родителей, к примеру, отказаться от невесты без причины и без основательного повода значит, нанести оскорбление и ей самой, и ее семейству. При этом часть калыма («уасэ».— К. У.), обыкновенно выплачиваемая предвзвешенно женихом, не возвращается, более того, в виде пени за отказ, он обязан был дополнить к этой части столько, чтобы составила половина условленного калыма¹. Но самые главные свадебные обряды начинались с поездки сторонников жениха за невестой, ее привоза («нысэшэ», «гапу джанги», «келин»). Эта часть свадебных обрядов считалась одним из самых главных, ответственных элементов свадьбы адыгов и балкарцев. К самой же свадьбе обе стороны готовились с особой тщательностью. Заранее оговаривались все детали. Готовились национальные блюда, предназначенные именно для этого обряда. Снаряжали специальную повозку, на которой должны были привести невесту. Ее сопровождали всадники, число которых иногда доходило до 100 человек. Быть в числе сопровождающих повозку было высокой честью для каждого молодого человека. Туда отбирали отличных наездников, ловких, обладающих хорошими знаниями адыгэ хабзэ, тау адет. Всадники («фызышэ шу») не только сопровождали свадебный кортеж: им приходилось преодолевать всевозможные препятствия и испытания, которым они могли подвергаться со стороны представителей невесты по пути следования домой. Поэтому они должны были хорошо стрелять по движущейся ми-

¹ Люлье Л. Я. Черкесия. Историко-этнографические статьи. Краснодар, 1997. С. 45.

пении и на полном скаку, вести борьбу как с конными, так и с пешими противниками, уметь петь песни, обладать красноречием, чувством юмора и т. д. Тщательно распределялись обязанности каждого члена свадебной процессии. Назначали тамаду, который отвечал за проведение этого важного мероприятия.

О предстоящей свадьбе, ее сроках заранее сообщалось всем родственникам, соседям, друзьям жениха и невесты. По пути за невестой молодые люди пели свадебные песни («фызышэ уэрэд», «той жыр»), развлекались. Во дворе родителей невесты участникам свадебной процессии чинили самые разнообразные препятствия. Замечательный знаток адыгской культуры Хан-Гирей писал по этому поводу: «Брат или ближайший родственник вступающего в супружество с многочисленными друзьями являются в дом невесты, где проводят несколько суток до сделки относительно платежа выкупа, причем приглашенные друзья жениха каждый что-нибудь платит за него. В продолжение этого времени нет шуток удачных и веселых, которым не подвергали бы приехавших за невестой. Всякую ночь молодежь собирается в дом, где расположены гости, и там проводят в шуме, играх и шалостях. Надетое снимают, обыкновенно отдавая им взамен свое самое изношенное, почему и приезжающие за невестой нередко одеваются в изношенные же одежды.

Перед самым отъездом один из числа приехавших за невестой должен, войдя в тот дом, где она находится, окруженная многочисленными женщинами, коснуться ее платья («Іэщхьэубыд».— К. У.), до чего тут находящаяся толпа женщин старается не допускать, в чем и нередко успевают, и в таком случае делают подарки («ІэщхьэубыдпщІэ».— К. У.) пожилым женщинам, которые при этом случае, так сказать, располагают церемонию. Но по обычаю нужно было заплатить выкуп за вставания невесты («гьэтэджыпщІэ».— К. У.). Преодолев эти «препятствия», молодой человек доводил невесту до порога, потом он брал ее на руки, выносил и сажал в арбу»¹.

Это называлось «выводом невесты». Тут же выносили знамя невесты («келинни байрагъы»), которое представляло собой большую палку, на одном конце которой прикреплялся большой платок, несколько разноцветных платочков и лент, две перчатки, символизирующие, по мнению адыгов и балкарцев, пожелание молодоженам

¹ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 289.

крепкой любви и много детей. Молодежь со стороны невесты стремилась отнять это знамя у дружка жениха, у которого оно находилось. В свою очередь, знамя зорко охраняли все сторонники жениха. Если его все же удавалось отнять у них, это считалось большим позором и приходилось платить за него выкуп немалого размера.

«У балкарцев с дружками жениха верхом на лошадях ехали и женщины. Нередко и сам жених, а также певцы, танцоры и музыканты. По обычаю балкарцев, ответственный за перевоз невесты делал подарки ее родителям. Доверенный жениха, прежде чем вывести невесту, должен был три раза обводить ее вокруг очага, в котором в обязательном порядке поддерживался огонь. Затем всадники со стороны жениха, встав в круг, — отмечал Г. Х. Мамбетов, — исполняли вокруг очага танец «Тека-на»¹.

Когда свадебная процессия трогалась в путь, молодежь закрывала ворота дома родителей невесты и не выпускала гостей, пока последние не выплачивали выкуп за нее («куабжэ дэнэ»). По пути следования домой свадебной процессии устраивали различные препятствия и не пропускали ее до тех пор, пока опять не выплатят выкуп. Свадебная процессия останавливалась на границе населенных пунктов, и там молодежь устраивала спортивные состязания. Они соревновались в стрельбе, джигитовке, играли в игру «пылэзфлэхь» (снятие друг у друга шапок гостей и представителей невесты). Навстречу свадебному поезду выезжала большая группа молодежи на лошадях и подводе с напитками и различными блюдами для приема невесты. Все это сопровождалось играми, пением, скачками, джигитовкой. Словом, устраивали настоящий праздник веселья, шуток...

Адыги не везли невесту сразу в дом родителей жениха, а помещали у его родственников или ближайших друзей. Поселение новобрачной в «чужом доме», по мнению Хан-Гирея, называется «тейша». А. П. Ногмов называл это «тейшаием», кабардинцы — «тейша» называли «ехьэллэ» («нысэр ирахьэллэц» — невесту поместили к ним). Невесту помещали в чужом доме и при умыкании девушки. В «чужом доме» невесту всячески развлекали, там устраивали игры, танцы, — словом, молодежь и здесь веселилась. И в тейше, и в доме родителей жениха при

¹ Мамбетов Г. Х. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1997. С. 167, 168.

невесте находился «жэмхэгъасэ» (представитель рода невесты, который сопровождал ее). Слово «жэмхэгъасэ», на наш взгляд, имеет переписное значение. Человек, который выполняет роль помощника невесты в ее адаптации в новой семье. Все другие переводы этого слова безосновательны.

Таким образом, невесту сначала помещали в «чужой дом» и держали там до ввода в дом жениха, т. е. до завершения свадьбы.

Хан-Гирей о свадьбе черкесов писал так: «Ежели дом, назначенный для первоначального пребывания невесты, находится не в том же ауле, то она едет обыкновенно на арбе, запряженной парой коней или волов. Тут конные толпы едут впереди и сзади невесты, напевая протяжные веселые песни, нарочно для подобных случаев сложенные, и беспрестанно стреляя из ружей и пистолетов, и если кто встретится с свадебным поездом, то обыкновенно к нему пристает; в противном случае молодежь забавляется над неучтивыми путниками: простреливает у них шапки, сбрасывает с седла, срывает одежду и прочее. Во все время поезда продолжается пение и стрельба. Невесту редко привозят прямо в дом жениха, а назначают дом приятеля, в дверях которого останавливается весь поезд: невесту вводят в покои, а ее сопровождающие разъезжаются, сделав еще несколько выстрелов, направленных обыкновенно в трубу этого дома»¹. В момент приближения свадебной процессии к населенному пункту жениха навстречу выходили молодые люди и, после того как участники «нысапэ» поели «пехъэжьэ» (им навстречу присылали угощение родители жениха), начиналась игра «шуралъэс» (конные и пешие), по-западно-адыгски – «къурагъзау» – война с палками. Цель молодых людей, которые встречали свадебный поезд, – добратся до повозки, где сидит невеста и сорвать с нее (повозки) красную накидку. Ради этого происходила ожесточенная борьба. Всадники нападали на пеших, пешаки били друг друга. Словом, эта игра напоминала настоящую войну конных с пешими.

К прибытию свадебной процессии к дому, куда должны были поместить невесту, жених должен был находиться в доме своего приятеля, и оттуда он посещал по ночам свою невесту до полного завершения свадьбы. По этому поводу Хан-Гирей пишет, что, муж новобрачной

¹ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 289, 290.

удаляется в дом своего приятеля и оттуда посещает молодую супругу следующим образом: по заходе солнца он в сопровождении одного молодого человека отправляется к ней; там обыкновенно перед его приходом никого постороннего не бывает, молодая жена стоит у постели в безмолвии, пока сопровождающий не удалится из комнаты. Молодые супруги расстаются еще до восхождения солнца ¹.

А Жак-Виктор-Эдуард Тебу де Мариньи о черкесских свадьбах писал, что невесту устраивают в комнате, предназначенной для супругов; «там она в одиночестве терпеливо ждет свое будущее, поддерживая огонь в очаге, который им заменяет свечи. Только после того как все в доме заснует, приятель идет в лес за женихом, чтобы привести его к невесте. Прежде чем отдаться божественным радостям, которые их объединят, молодой супруг разрезает кинжалом корсет, который его супруга носит с пяти или шести лет: он сделан из сафьяна и снабжен двумя деревянными планками, которые накладываются на груди и из-за сильного давления мешают грудям развиваться. Корсет также очень тесно сжимал бюст от ключиц до живота. Они его носят на себе даже ночью и снимают его только тогда, когда он изнашивается. Таким образом, получается, что черкешенка в день замужества имеет такую же талию, что была у нее в возрасте шести лет». Автор далее отмечает, что обычай не видеть жен проистекает не из презрения черкесов к прекрасному полу, я думаю — наоборот, он изначально возник с целью продлить царство любви между супругами путем создания тех же трудностей, которые испытывают любовники, жаждущие друг друга, и благодаря которым их иллюзии сохраняются столь долго ².

При посещении невесты родственниками и друзьями жениха были свои условности. Например, за вход в помещение, где находилась невеста, необходимо было сделать определенный подарок. Это называлось «техъэшпIэ» («кёрлюч»). Свадьба продолжалась несколько недель, и самым распространенным и обязательным пожеланием семьи жениха было: «ГуфIэгъуэ кIыхь тхьэм фхуишI» (Да будет ваша радость продолжительной). Исключительно важную роль на свадьбе играл джэгъуакIуэ, которого

¹ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 289, 290.

² Тебу де Мариньи Жак-Виктор-Эдуард. Путешествие в Черкесию // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 297.

специально приглашали на свадьбу. ХатиякIуэ распоряжался танцами и играми молодежи. Устраивали театрализованные представления: акробатика («кIажэра-кIуэ»), джигитовка, другие игры. Важной составной частью свадебных обрядов является момент «введения невесты в большой дом» («унэишэ»; «ауалгъан кюн»). В Малой Кабарде эти торжества называются «нысаплъэ» (смотрины невесты), у западных адыгов — «нысапэ джэгу» (торжества по поводу привоза невесты).

Хан-Гирей довольно ярко описал этот процесс «возвращения невесты в дом жениха». В частности, он отмечал, что она едет, окруженная многочисленной толпой женщин и девиц, при громких криках и пении веселящихся. Шествие открывают несколько человек, сидящих в арбе, запряженной лошадьми или проворными быками. У самой ограды мужнего дома сопровождающие новобрачную останавливают ее, и тут родственники мужа должны расстилать по земле шелковую ткань, начиная от дверей ограды до дверей дома, для вступления по ней молодой супруги в дом, где начинается для нее новая эпоха жизни. На пороге мужнего дома новобрачную осыпают сухариками, изготовленными для этого случая, что называют обрядом осыпания. Вслед за этим подносят ей блюдо с медом и маслом или орехами, которые, впрочем, она не ест, но угощает ими тут находящихся пожилых женщин.

Хозяин дома, где молодая супруга была некоторое время, также делается аталыком, в таком виде, как и воспитатели ¹.

Составной частью «унэишэ» является обряд снятия покрывала («хытех»). Суть этого обряда заключается в следующем: после того как невесту ввели в «большой дом», с нее снимают покрывало («щхьэтепхъуэ»), которым она покрыта. III. Ногмов отмечает, что покрывало с новобрачной снимали женщины «с возможной быстротой» при помощи стрелы. Того, кому это поручалось, называли «хитех», т. е. сниматель ². Выполнять роль снимателя считалось почетным и ответственным делом, поэтому не каждому оно поручалось. Снимателями покрывала могли быть и мужчины. Женщина снимала покрывало стрелой и позже специальной палочкой. И ее

¹ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1974. С 290, 291.

² Ногмов III. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1958. С. 80.

хранили в доме до тех пор, пока не появится у невестки первый ребенок. Из этой палочки потом делали специальное приспособление для детской люльки («гушэпс баш»). Мужчина же снимал покрывало кинжалом или шашкой. Процесс снятия покрывала с головы невесты проходил театрализованно. После того как с новобрачной сбросили покрывало, все друг друга поздравляли. Отныне мужчина — сниматель покрывала — назывался братом невесты. В знак такого родства он делал ей подарки, а семья новобрачных устраивала для него угощение.

У балкарцев покрывало снимал один из близких друзей жениха. Он снимал его кинжалом, рукояткой плетки, палкой, обмотанной с конца шелковой материей, или просто рукой. Составным элементом обряда «ввода невесты в большой дом» являлся также «побег старухи» («ныуэжь цIэпIывэж»). Этот обряд выполнялся, когда была жива бабушка жениха. Когда вводили невесту в большой дом, бабушка инсценировала побег из дома. Она выбегала из дома, прихватив с собой некоторую пищу, ветхую одежду, что-либо из домашней утвари. Она жаловалась, что, мол, приведенная внуком невеста бессердечная, что она выгнала ее из дома и т. д. Присутствовавшие женщины и мужчины делали вид, что ее жалеют, а невеста топала ножками и, ведомая двумя женщинами, показывала, что старухе нет места в доме и т. д. Все это происходило в присутствии джэгуакIуэ и музыканта, которые делали вид, что хотят оказать ей помощь. После долгих уговоров присутствующих старуха возвращалась домой, а свадьба продолжалась дальше.

Одним из самых значительных элементов свадьбы адыгов и балкарцев был обряд возвращения жениха в отцовский дом, т. е. своеобразное «примирение» жениха со своими родителями («щауэишыж»; «киеу кёрну»). Дело в том, что когда новобрачную привозили, жених уходил в «чужой дом», т. е. к близкому другу или родственнику и находился там, пока невесту не вводили в «большой дом» его родителей. Причем не имело значения, определена невеста в тейшэ или же ее привезли прямо в дом родителей жениха. Жениха везде и всюду сопровождал дружка («щауэкъуэт»). Дружка, например, отводил по вечерам жениха к новобрачной.

В свою очередь, к невесте была специально приставлена девушка-дае, которая ухаживала за ней. В «чужом доме», где находился жених, устраивались джигитовки,

другие различные игры. Фактически свадьба проходила в том доме, где временно находился жених. Но во всех этих увеселительных мероприятиях молодых он не участвовал, а занимал почетное место и наблюдал. Новобрачного там посещали его друзья, родственники — мужчины и женщины — и преподносили ему подарки. Особенно торжественным, радостным и веселым для молодежи был день, когда забирали жениха из «чужого дома» к его родителям. В этот вечер хозяин дома резал жертвенного барана, собирал друзей, соседей, родственников и устраивал проводы жениха.

После специальных тостов молодые люди запевали песню по поводу возвращения жениха в дом родителей. Хозяин «чужого дома» делал своему «кан» (подарки) и отпускал домой с молодыми людьми, которые пришли за ним. Жениха вводили во двор его родителей в сопровождении песни «Уэредаэ». В песне говорилось, что они привели новобрачного. Если хотите позвать его, так зовите. Не хотите звать — тогда уводим. С такими шуточными песнями жениха подводили к дверям помещения, где сидели старшие. Оттуда несколько раз подряд приглашали его. Он входил в помещение, а тамада за столом преподносил ему чашу с «махъсымэ» (буза). Все вставали, за исключением самого старшего, и произносились специальный тост для этого случая. Жених принимал чашу с махъсымэ и передавал ее дружке. Подобно старшим мужчинам, жениха звали и старшие женщины. Они тоже произносили специальный тост, подавали чашу с махъсымэ жениху и отпускали. Как правило, примирение жениха с матерью происходило на следующий день после его примирения со старшими мужчинами. Это называлось у адыгов «шэнттегуэж». Молодые люди относили в «чужой дом» или какому-нибудь соседу кушанья и махъсымэ, полученные от старших, накрывали стол и продолжали веселиться. После завершения этого обряда жених еще некоторое время не обосновывался дома. Правда, ночью он оставался с невестой, а утром опять уходил в «чужой дом». Если он был княжеско-дворянского происхождения, после обряда «примирения» отправлялся на несколько месяцев в так называемый поход («щауэщIэ зекIуэ»).

В свадьбе был такой обряд, как ввод невесты в «большой дом», где она знакомилась со своей свекровью. Суть этого обряда заключается в том, чтобы снять запрет на

право разговора невесты со своей свекровью. Это называлось у адыгов «унэишэ цыкIу» или «гуащэтехьэ». При знакомстве они обменивались подарками, якобы платя за право разговора друг с другом («псалъапцIэ», «хак сёз»).

Т. Лапинский свидетельствовал по этому поводу: «Между тем невеста представляется своей свекрови. Это происходит очень серьезно и с большим достоинством, — отмечал он. — Невеста почтительно целует руку своей свекрови, которая видит ее в первый раз. Эта последняя внимательно рассматривает свою невестку и кончает всегда тем, что красота и хороший вид девушки далеко превысили ее ожидания, что она очень довольна выбором своего сына и надеется, что получила хорошую помощницу в хозяйстве, которая народит ей много внуков, и тому подобными любезностями. Затем она выходит в сопровождении двух приведших ее женщин из сакли во двор, где ее встречают восторженные крики и пение собравшейся молодежи, и так как теперь она показывается без покрывала, то все смотрят на нее с любопытством. Ее отводят в саклю мужа, и она больше не принимает участия в свадебном веселье»¹. Западные адыги, кроме этого, еще устраивали так называемый танец столика — «Iэнагъэудж».

Очень торжественно проводили адыги первый выход невестки за водой. К этому дню специально готовили подарки, она отправлялась первый раз за водой в сопровождении женщин. Они брали с собой заранее приготовленные подарки: что-либо из верхней одежды, платочки, различные кушанья. Подарки вручались первому попавшемуся в пути за водой. Молодежь веселилась, подшучивала над невестой. После всего этого родители жениха и невесты организовывали взаимные визиты («кIэлъыгъакIуэ», «къыкIэлъыкIуэ») или «благъэзэгъэцIыху» (знакомство родственников). Сначала визит наносили родственники жениха семье новобрачной. Затем следовал ответный визит. Заранее о визите никто никого не извещал. Просто знакомились породнившиеся семьи. В последние годы стали брать с собой при подобных визитах новобрачного и его родителей.

У балкарцев первыми визит наносили родители новобрачной, затем следовал ответный визит родителей

¹ Лапинский Теофил. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995. Т. 1. С. 99.

жениха. Они с собой брали и его, и он в доме родителей невесты подвергался всевозможным «проверкам». Например, его заставляли колоть дрова, оседлать коня и т. д. Такой «проверки» не было у адыгов.

Свадьба адыгов и балкарцев проходила красиво и торжественно, и в ней было много целесообразного, мудрого. Она длится несколько дней подряд и в несколько этапов. На каждом из них выполняются определенные специфические обряды. Правда, за последние годы в эти обряды внесено много новшеств, в том числе и лишних, таких, которые в прошлом считали бы нецелесообразными.

§ 4. Внутрисемейные отношения. Влияние женщины

Адыги и балкарцы испокон веков строили внутрисемейные отношения на взаимном уважении, но авторитет отца и матери был непререкаемым. «Отдавая в семье предпочтение, — отмечает Р. Мамхегова, — главенствующую роль мужу, адыгэ нэмыс предписывает нормы поведения внутри семьи между супругами и их детьми»¹.

У адыгов и балкарцев в семье и обществе исключительным уважением и авторитетом пользовалась женщина. Далеко не соответствуют действительности утверждения некоторых авторов о якобы бесправном положении женщины у адыгов и балкарцев. Красноречивым подтверждением того, что она обладала большим авторитетом в обществе и семье, являются многочисленные высказывания авторитетных людей прошлого, которые хорошо знали быт, нравы адыгов и балкарцев. Мы позволим себе привести некоторые из них. В частности, Хан-Гирей писал, что к числу прекрасных черт черкесов можно отнести и величайшее уважение к женщинам: убийца, преследуемый уже вооруженными мстителями, вверив себя покровительству женщины, спасается от явной близкой гибели: преследовавшие преступника останавливаются у порога дома, где тот скрылся, и, укротив мщение приличием, отступают, между тем покровительница составляет удобный случай покровительствуемому удалиться в безопасное место. Достойно замечания, что и если

¹ Мамхегова Раиса. Очерки об адыгском этикете. Нальчик, 1993. С. 100.

бы муж ее был в числе преследователей преступника, который мог бы быть даже убийцей ее родного брата или отца, то и тогда он нередко может найти защиту в ее доме; его проведут в безопасное место, лишь потом предоставляется мстителям преследовать его по своему произволу. Переступившие этот закон уважения к прекрасному полу делаются предметом презрения¹.

Семен Броневский писал, что у черкесов жены содержатся не в такой неволе, как турчанки и персиянки; могут обращаться с женщинами и видаться с мужчинами, за исключением молодых новобрачных жен, которые несколько лет кряду не должны из дома выходить, и когда жена принимает у себя гостей мужского или женского пола, муж не должен присутствовать в той беседе. Спрашивать коего о здоровье жены или дочери почитается за неприличность и даже за обиду; одним ближайшим родственникам с жениной стороны позволено удовлетворить в том свое любопытство, и то не при чужих людях².

Пьер Симон Паллас тоже отмечал, что у черкесов муж не любит, когда ему говорят о его жене и детях, и считается даже оскорбительным, когда у него спрашивают о здоровье жены³.

Женщина, в свою очередь, тоже уважительно относилась к мужчине, независимо от его социального положения в обществе. В этой связи Хан-Гирей свидетельствует, что черкесские женщины, встретив мужчину, останавливаются лицом к нему и, пропустив его, продолжают свой путь. Когда войдет в дом мужчина, какого бы он ни был звания и состояния, то женщина встает с места, хотя бы даже вошедший был бы ее крепостной человек.

У черкесов жены в совершенной зависимости от воли мужей, но из этого не следует заключать, что они у них рабыни. Напротив того, обхождение мужа с женою также основывается на строгих правилах приличия. Когда муж ударит или осыплет бранными словами жену, то он делается предметом осуждения точно так, как когда бы он, имея средства, не одевал ее соответственно его состоянию. К этому присовокупить должно и то не менее важ-

¹ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 292, 293.

² Броневский Семен. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Нальчик, 1999. С. 186, 187.

³ Паллас Пьер Симон. Заметки о путешествиях в южные наместничества Российского государства в 1793-м и 1794 г./ АВКНБ. Нальчик, 1974. С. 222.

ное обстоятельство, что жена-красавица всегда владеет сердцем мужа и, несмотря на обыкновение, которое предписывает жене безусловное повиновение мужу, она часто повелевает им. Жена молодая, не имевшая еще детей, некоторое время соблюдает особенную стыдливость. Но женщина в летах, мать семейства, свободна более в своем обращении. Словом, женщины у черкесов пользуются свободой. Многоженство, которое магометанская религия разрешает, черкесам чуждо, хотя некоторые из них имеют по две жены, но случается так мало, что почитается за редкость. Мы говорили уже, сколь велико уважение мужчин к женщинам в Черкесии и как взаимные отношения мужей с женами подчинены законам приличия, но и у них бывают случаи, в которых и прекрасный пол подвергается оскорблениям, но такие случаи суть гнусные плоды беззакония, противные и обычаям черкесов¹.

Об уважительном отношении к женщине и ее влиянии в Черкесии писал также И. Бларамберг. «Черкесские женщины, — отмечал он, — не только пользуются репутацией изумительно красивых и образцово преданных; они пользуются также важной привилегией, которая вытекает из морального кодекса этого народа: если женщина с распущенными волосами без покрывала бросается в гущу сражающихся, кровопролитие прекращается, и тем скорее, если эта женщина в почтенном возрасте или из известной фамилии. Достаточно того, чтобы мужчина, которого преследуют враги, укрылся в помещении женщины или чтобы он дотронулся до какой-нибудь женщины, как он становится неприкосновенным. Одним словом, никакая кара, никакая месть и тем более убийство не могут быть совершены в присутствии женщин: их откладывают до другого случая.

Вместе с тем между лицами одинакового положения считается постыдным отдавать себя под защиту прекрасного пола, поэтому к ней прибегают только в крайних случаях и чтобы избежать неминуемой смерти»². А женщина-мать, женщина-сестра, женщина-дочь в семье пользовались еще большим уважением со стороны мужчин — членов данной семьи. Вместе с тем у адыгов и балкарцев во внутрисемейных отношениях большое место занимали различные запреты под названием «обы-

¹ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 293, 294.

² Бларамберг Иоганн. Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992. С. 91.

чаи избегания». Они распространялись между супругами, между родителями и детьми, между родителями жениха и невесты, между детьми — с учетом их возраста — и другими членами семьи. В частности, несмотря на уважительные отношения между супругами, в их взаимоотношениях имели место и определенные условности и запреты. Например, как констатировал Фредерик Дюбуа де Монпере, еще в XIX в. у черкесов, как в Древней Спарте, женатый мужчина не решался показываться на людях вместе со своей супругой, он мог навещать ее только без посторонних. Узнавать что-либо или говорить с мужчиной о его супружеской жизни — большая бестактность. Только с возрастом эти строгие правила могут быть в какой-то мере смягчены¹.

У адыгов и балкарцев отношения между родителями и их детьми всегда строились на взаимной любви и уважении друг к другу. Дети не только любили своих родителей и почитали их, но родители, в свою очередь, проявляли к ним большую любовь. По обычаю запрещалось наказывать собственных детей физически, оскорблять их достоинство. Строго запрещалось перечить родителям. Вместе с тем родители старались не показывать чужим людям и старшим родственникам свои чувства к своим детям. Бывший корреспондент лондонской газеты «Таймс» Дж. А. Лонгворт еще в XIX в. писал: «Как спартанцы в древности, черкесы посещают своих жен как бы тайком, а по отношению к плодам этих тайных встреч, к своим детям, они не позволяют себе самого малейшего проявления нежности»². Плохим тоном считалось хвалить или ругать своих детей при чужих людях. Супруги не выясняли отношений при своих детях. Невестка не разговаривала со своим свекром до тех пор, пока он не разрешит. Такой запрет мог продолжаться несколько лет. Дети не имели права садиться за один стол с родителями и обедать вместе. Невестка не имела права называть по имени не только родителей мужа, но и старших членов семьи и родственников. Она могла придумать им новые ласкательные имена. Свекор общался с невесткой через посредников. Когда он знакомился с ней, он делал

¹ Монпере Фредерик Дюбуа де. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазцам, в Колхидию, Грузию, Армению и Крым// АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 440.

² Лонгворт Дж. А. Год среди черкесов// АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 578.

ей подарки («техьэпцIэ»). Более этого, свекор одаривал невестку и при первом разговоре с ней («гъэпсэлъапцIэ»). Супруги не называли друг друга по имени.

Взаимоотношения членов семьи были уважительными и вместе с тем строгими. Женщина в семье и обществе пользовалась всеобщим уважением и авторитетом. К ее слову прислушивались все мужчины. В семье авторитет отца был непререкаемым. Его слово был законом для остальных членов семьи. Он, в свою очередь, по возможности учитывал мнения взрослых детей, жены. Строгие, но вместе с тем уважительные взаимоотношения были между самими детьми.

Однако следует отметить, что под влиянием времени и заимствований из других культур, адыги и балкарцы многое утратили из своей традиционной культуры, в том числе и в свадебных обрядах. Появилось много ненужного в современных свадебных обрядах, семейные узы ослаблены. Все это влияет на количество разводов, которое растет из года в год.

§ 5. Новое в традиционных свадебных обрядах

У адыгов и балкарцев до настоящего времени сохранились многие свадебные обряды. Тем не менее, как было отмечено выше, появилось в этих обрядах и много нового. Как и прежде, бытуют почти все брачные запреты, которые имели место в прошлом. В частности, в настоящее время при заключении брака соблюдается строгая экзогамия, т. е. запрещены браки между родственниками по отцовской и материнской линиям до седьмого колена. По-прежнему запрещены браки при молочном родстве.

В настоящее время при брачном выборе во многих случаях негласно учитывается сословная принадлежность: состоятельные семьи стараются породниться с себе подобными. При этом многие родители не обращают внимания на желание своих детей. Да и сами молодые люди зачастую не чужды холодного расчета при брачном выборе. Небезынтересными, на наш взгляд, будут данные, полученные в результате социологических исследований, которые были проведены нами в 2001 г. среди студентов первых и вторых курсов Кабардино-Балкарского госуниверситета. Так, на вопрос: «Учитывать ли мнение родителей и ближайших родственников при выборе невесты

или жениха?» — из 500 опрошенных положительно ответили на данный вопрос 75,2 %, отрицательно — 24 % и 0,8 % затруднились ответить. Эти данные свидетельствуют о том, что в настоящее время немало молодых людей предпочитают самостоятельно решать вопрос брачного выбора. А в ответе на вопрос: «Кому должна принадлежать инициатива знакомства между девушкой и юношей?» респонденты распределились следующим образом: инициатива должна принадлежать юноше — 94,9 %; остальные 5,1 % указали, что инициатива должна исходить от девушки. Если в прошлом молодой человек по обычаю не мог прямо сказать о своем желании жениться родителям и сообщал об этом через своего друга или родственника, то теперь этот обычай часто нарушается, и молодой человек говорит об этом сам. Если в прошлом калым был обязательным условием заключения брака, теперь он не обязателен. Часто сами родители невесты отказываются от получения калыма, считая это оскорблением их достоинства, а в Зольском районе КБР калым вообще упразднен.

В прошлом свадебным нарядом невесты служило национальное платье. Теперь чаще всего она одета в белое европейское платье. Раньше, забрав невесту из родительского дома, ее на время помещали в «чужой дом», т. е. в дом родственников или друзей жениха. В настоящее время ее везут прямо в дом родителей жениха. В том же доме, т. е. у родителей жениха, собираются все его родственники, друзья, соседи, ожидающие возвращения свадебного поезда. По его возвращении невесту помещают в специально приготовленную для молодоженов комнату, которая, как и прежде, называется «лэгъунэ», «отоу».

При заключении брака умыканием свадебные обряды немного отличаются от обрядов, исполняемых при заключении брака по сговору сторон. Когда девушку похищают, ее могут на время поместить у кого-либо из друзей или родственников жениха. О том, что девушку украли, родственники жениха дают знать в тот же вечер родителям невесты. Поручается это сделать, как правило, наиболее уважаемым, авторитетным людям из ближайших родственников жениха. Получив это известие, родители невесты посылают к ней кого-либо из близких родственников (обычно 2–3 человека). Прибыв к ней, они спрашивают, согласна ли она остаться или нет. Если де-

вушка не согласна и ее действительно увезли насильно, ее забирают с собой и уезжают. В случае ее согласия — оставляют. Здесь следует отметить, что в прошлом похищенная девушка считалась опозоренной и не было перспектив выйти замуж за другого, и часто родители были просто вынуждены оставлять ее у похитителя.

В настоящее время отношение к похищенной девушке в корне изменилось. Она уже больше не считается опозоренной и свободно может выйти замуж за другого, правда, если между похитителем и девушкой не было никаких интимных отношений. Именно поэтому родители жениха посылают к родным девушки оповестить о случившемся в тот же вечер. В случае согласия девушки ее оставляют, и через несколько дней родственники жениха опять едут в дом невесты, чтобы договориться о дне свадьбы. В прошлом, прежде чем забрать невесту в дом родителей жениха, нужно было обязательно заключить мусульманский брак. Чаще всего он заключался в доме родителей невесты (в случаях брака по сговору), а при заключении брака по умыканию — заключался в доме, где была помещена невеста («чужой дом»).

В настоящее время этот обычай не соблюдается и при браке по сговору, и при браке умыканием. До заключения мусульманского брака чаще всего заключается гражданский брак. А некоторые в тот же вечер, когда привезли невесту, заключают мусульманский брак, но позже — и гражданский. Для заключения мусульманского брака родители невесты посылают к родителям жениха родственников и близких друзей семьи — мужчин. Этот обряд называется «начыхьитх». Причем количество посылаемых людей не ограничено, но и слишком большое их число также не одобряется. По прибытии в дом родителей жениха гостей рассаживают по комнатам с учетом их возраста. С ними садятся за стол и родственники жениха — «хэгъэрей». Из числа гостей выбираются два человека, которым поручается пойти к невесте, разузнать, всем ли она довольна, и попросить показать им свидетельство о заключении брака. Вернувшись к старшим, они докладывают обо всем, показывают брачное свидетельство или подтверждают его наличие в доме жениха. После этого приступают к заключению мусульманского брака, если он не заключен в тот же вечер, когда невесту привезли.

Для этой церемонии приглашается мулла. Выбира-

ются два свидетеля: один со стороны жениха, другой со стороны невесты. Затем мулла, заключающий брак, правой рукой обхватывает соединенные пальцы свидетелей и поочередно трижды задает вопрос: «По велению Божьему множить род человеческий и по установленному для этого закону пророком нашим Мухаммедом такую-то дочь такого-то отца отдаешь в замужество такому-то сыну такого-то?» Свидетель со стороны жениха отвечает: «Взята». Обряд регистрации мусульманского брака на этом завершается. В перерывах между застольем, гостям устраивают танцы, стараются окружить их вниманием и почетом. Когда же пиршество подходит к концу, родители жениха и самые близкие его родственники заходят в комнату, где находятся старшие. В руках у вошедших должен быть поднос с угощением. Они знакомятся с родственниками невесты, по этому случаю произносятся тосты, благопожелания. Затем родители и родственники жениха, вошедшие с ними, уходят из комнаты гостей. После всего этого тамада за столом произносит тост и завершает торжество. Гостям в дорогу преподносят различные кушанья, живого барана, соответствующие напитки. Родственники невесты на второй день после заключения мусульманского брака собираются опять у родителей невесты, чтобы отведать полученное накануне угощение.

Одним из новшеств в традиционной свадебной обрядности является так называемый *щыгъынхъыж*. Суть его заключается в следующем: родители невесты до бракосочетания посылают к родителям жениха родственников, которые отвозят личные вещи, одежду невесты, подарки близким родственникам жениха. Гостей встречают со всеми почестями, для них накрывают стол, устраивают танцы и т. д. Затем две наиболее авторитетные женщины из числа гостей отправляются к старшим женщинам — родственницам жениха. Там они с пристрастием демонстрируют личные вещи, одежду невесты, подарки и говорят, кому из родственников жениха какой адресован. После того как женщины-родственницы невесты завершают свою миссию, они возвращаются домой.

Все эти обряды обязательно исполняются при любой форме заключения брака; и при браке умыканием, и при браке по сговору. Но следует отметить, что обряд «*щыгъынхъыж*» соблюдается не на всей территории респуб-

лики. Например, в Малой Кабарде такого обряда нет. Там личные вещи, одежду невесты и подарки родственникам жениха отвозят мужчины, которые едут заключать мусульманский брак. Наряду с новыми элементами в традиционных свадебных обрядах сохранены и старые (ввод невесты в дом жениха, обряд примирения новобрачного с родными и др.), но и они претерпели значительные изменения, многие из них упрощены, как, скажем, обряд «ввода невесты в большой дом». Для того чтобы осуществить этот обряд, невесту теперь уводят к соседям или в дом, находящийся в том же дворе родителей жениха, и оттуда вводят в большой дом. Правда, как и прежде, это сопровождается свадебной песней «уэредада». Невесту ведут под руку; голова ее под покрывалом. Невесту вводят в комнату, где собираются старшие женщины, свекровь, другие родственницы, приподнимающие покрывало, чтобы присутствующие могли видеть ее лицо. Затем все женщины поочередно подходят к ней, ей их представляют. Одним из нововведений в этом обряде у кабардинцев является то, что, когда свекровь подходит к невесте, их привязывают одну к другой. Присутствующие женщины требуют выкуп с родственников жениха и, когда получают его, они разъединяют связанных. Тут же друзья жениха устраивают танцы, причем приглашают тех женщин, которые должны «заплатить» за танец. Плата за танец называется «к'афэбжьэ» (кафа и «бжьэ» — выпивка).

После этого невесту заводят в ее комнату. Что же касается обряда «примирения новобрачных с родными», то он также претерпел изменения. Одно из существенных изменений, которое, казалось бы, должно было сильно повлиять на обряд, — «возвращение жениха» — состоит в том, что сейчас, как правило, во время свадьбы жених не покидает родительского дома, он лишь формально избегает старших семьи и рода. Тем не менее и сейчас обряд «возвращение жениха» на адыгской свадьбе считается почти обязательным. Теперь жениха на время, обычно пока не пройдет обряд «унэишэ», отправляют к одному из соседей. Элементы традиционной свадьбы медленно, но неуклонно изживаются в процессе переустройства семейного быта. Многие обычаи избегания ушли в прошлое. Например, новобрачные раньше не имели права появляться вместе в обществе, а сейчас это не соблюдается, как и многое другое.

С 70-х гг. XX столетия начали входить в обыкновение так называемые двойные свадьбы. Речь идет о том, что через несколько дней или на следующий день после традиционной свадьбы (заключения брака), в доме родителей новобрачного устраивается празднество для молодежи как со стороны жениха, так и со стороны невесты. На нем теперь присутствуют сами молодожены. «Вторая свадьба», в которой участвуют и новобрачные, одобряется ныне и старшим поколением. По установившемуся обычаю в ходе такой свадьбы молодежь отправляет своих представителей для приветствия и поздравления к родителям жениха, которые брали на себя все заботы о молодежи. В свою очередь родители жениха наносят ответный визит молодежи. В наши дни на «второй свадьбе» музыка, танцы нередко бывают современными – европейскими. На «второй свадьбе», в отличие от традиционной, юноши и девушки сидят за одним столом. За последние годы изменилось отношения людей, в том числе и молодежи, к формам проведения свадебных обрядов. В частности, в обряде бракосочетания появились новые элементы. Об этом красноречиво свидетельствуют результаты социологических исследований, которые проведены среди студентов 1–2 курсов Кабардино-Балкарского госуниверситета. Так, например, только 5 % респондентов согласны провести бракосочетание по старинному обычаю, а 72,1 % указали, что хотели бы устроить свадьбу в сочетании старых обычаев с новыми формами.

Небезынтересные данные получены по вопросу: «Хотите ли вы жить с родителями после создания семьи?» Отрицательно ответили на этот вопрос 73,4 % респондентов и только 21,5 % изъявили желание жить со своими родителями. В современной свадьбе появились элементы, которые ранее не имели места. Например, за последние годы получил широкое распространение обычай проведения своеобразных аукционов. Суть его состоит в следующем: по завершении обрядов «вводе невесты в большой дом» и «примирение жениха с родными», молодежь собирается в одной комнате, где для нее накрыт стол. Причем за столом юноши и девушки сидят вместе. К этому времени молодые родственницы и соседки жениха наряжают кукол, другие игрушки, а иногда даже живого ягненка. Для украшения используются всевозможные предметы и материалы (отрез ткани, платки, духи, конфеты и т. д.). Каждая девушка, используя свою фан-

тазику, старается нарядить свою куклу поярче и со вкусом, чтобы она выделялась среди других. И вот наступает момент, когда девушек с их куклами созывают в комнату, где сидит молодежь. Они становятся вдоль стены так, чтобы все видели их самих и их «произведения». Тамада молодежного стола громко объявляет имя и фамилию первой девушки, говорит, кем она доводится жениху, затем берет из ее рук наряженную куклу и красочно, в шутливой форме расписывает ее достоинства. Кто-нибудь из сидящих за столом называет начальную цену куклы, и ведущий начинает еще более расхваливать игрушку. Цена возрастает с поразительной быстротой и, наконец, назвавший самую высокую, передает деньги и получает куклу. Как правило, обладатель куклы тут же вручает ее понравившейся ему девушке из сидящих за столом. Затем наступает очередь второй, третьей и т. д. «Аукцион» сопровождается песнями, плясками и т. п. Часть денег, вырученных на «аукционе», остается в доме жениха в качестве подарка, оставшуюся тратят на кушанья, выпивку, и на другой день друзья и родственники жениха собираются вместе и веселятся.

За последние годы широкое распространение получила так называемая смешанная свадьба. Суть ее состоит в том, что по предварительной договоренности стороны жениха и невесты собираются на «нейтральной территории» (ресторан, кафе или другое общественное помещение) и там справляют свадьбу. В этот же день происходит регистрация в ЗАГСе и обмен кольцами, после чего молодежь садится за свой стол, старшие — отдельно, но в одном здании, и отмечают свадьбу. Здесь родственники жениха и невесты знакомятся, родители невесты знакомятся со своим зятем и т. д. Словом — все элементы свадьбы в один день. Правда, до этого заключается мусульманский брак.

Время, постоянные контакты адыгов и балкарцев с другими народами привнесли много нового в их культуру. Это объективный процесс. Диалог культур — это их взаимовлияние, взаимообогащение. Главное — не рассориться в этом диалоге, сохранить в каждой культуре глубоко «национальное», которое «работает» на сегодняшний день, на сближение народов, на человеколюбие, которое призывает к добру и терпимости друг к другу.

Свадебные обряды, как важнейшая составная часть культуры каждого народа, являются одним из главных рычагов этого культурного диалога.

ЛИТЕРАТУРА

- Бларамберг Иоганн.* Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992.
- Броневский Семен.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Нальчик, 1999.
- Гарданов В. К.* Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.) М., 1967.
- Думанов Х. М.* Социальная структура кабардинцев в нормах адата. Нальчик, 1990.
- Косвен.* Семейная община и патронимия. М., 1963.
- Кудяев М. Ч.* Карачаево-балкарский свадебный обряд. Нальчик, 1988.
- Культура адыгов (По свидетельствам европейских авторов)/* Сост. Х. М. Казанов. Нальчик, 1993.
- Ланге Б. А.* Балкария и балкарцы// Кавказ. 1903. № 301.
- Липинский Теофил.* Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик. Т. 1, 2.
- Лонгворт Дж. А.* Год среди черкесов// АБКИЕА. Нальчик, 1974.
- Люлье Л. Я.* Черкесия. Историко-этнографические статьи. Краснодар, 1997.
- Мамбетов Г. Х.* Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1997.
- Мариньи Жак-Виктор-Эдуард Тебу де.* Путешествие в Черкесию// АБКИЕА. Нальчик, 1974.
- Мафедзев Сараби.* Адыги. Нальчик, 2000.
- Миллер Б. В.* Карачае-этнографическое обозрение. 1899. № 1, 2.
- Монпьер Фредерик Дюбуа де.* Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазцам, в Колхидию, Грузию, Армению и Крым// АБКИЕА. Нальчик, 1974.
- Мусукаев А. И. и Першиц А. И.* Народные традиции кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1992.
- Нарты.* М., 1957.
- Новое и традиционное в культуре и быте кабардинцев и балкарцев.* Нальчик, 1986.
- Ногмов Ш. Б.* История адыгейского народа. Нальчик, 1958.
- Паллас Пьер Симон.* Заметки о путешествиях в южные наместничества Российского государства в 1793-м и 1794 г.// АБКИЕА. Нальчик, 1974.
- Мамхегова Раиса.* Очерки об адыгском этикете. Нальчик, 1993.
- Смирнова Я. С.* Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. Вторая половина XIX–XX в. М., 1983.
- Тепцов В. Я.* По истокам Кубани и Терка// Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1892. Вып. 19.
- Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. Нальчик, 1978.
- Шикова Т. Т.* Об условиях и формах заключения брака у кабардинцев в дореволюционном прошлом// Ученые записки КБНИИ. Т. 16. С. 131.

СИСТЕМА ВОСПИТАНИЯ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ У АДЫГОВ И БАЛКАРЦЕВ

§ 1. Средства и методы военно-физического воспитания.

§ 2. Умственное воспитание.

§ 3. Нравственно-этическое воспитание.

§ 4. Эстетическое воспитание.

§ 5. Трудовое воспитание.

§ 1. Средства и методы военно-физического воспитания

Комплексное воспитание подрастающего поколения любого народа является важнейшей задачей семьи и общества. Каждый народ на протяжении своей многовековой истории накопил богатейший опыт в деле воспитания подрастающего поколения. Адыги и балкарцы, как и любой другой народ, задолго до рождения ребенка начинали заботиться о его физическом, интеллектуальном и нравственном здоровье. В этой связи женщина, будущая мать, была окружена всеобщим вниманием и заботой. Ее предостерегали от физических и психических перегрузок, рационально организовывали ее питание и отдых. В меру, с учетом ее индивидуальных способностей, загружали физически. Все это делалось, чтобы ребенок родился физически и психически здоровым человеком. Система воспитания подрастающего поколения называется народной педагогикой. И совершенно справедливо отмечает крупный специалист по народной педагогике адыгов И. А. Шоров, что «народная педагогика — это, в самом общем плане, веками накопленный традиционный опыт воспитания. Она является результатом коллективного творчества многих поколений. Недооценивать педагогические знания народных масс, противопоставить народную педагогику научной, — значит совершить методологическую и практическую ошибку»¹.

Желаемых результатов в таком архиважном для се-

¹ Шоров И. А. Адыгская народная педагогика. Майкоп, 1988. С. 17.

мьи и общества деле, каковым является воспитание подрастающего поколения, можно добиться, если умело соединить средства и методы народной педагогики с деятельностью учебных заведений, научных учреждений и общества в целом. При таком сочетании и с учетом традиций и обычаев каждого народа можно воспитать полноценную личность. Но, к сожалению, приходится констатировать, что при советском режиме государство фактически игнорировало богатейший опыт каждого этноса, накопленный народной педагогикой, и воспитание осуществлялось односторонне. Людей пытались воспитывать с «одним лицом», с одинаковыми ориентирами и ценностями. Словом, взращивали своеобразных манкуртов. Основу всей этой системы воспитания составляла одна культура — «культура трудящихся». Но это противоречило объективному ходу истории. Нельзя было создавать одинаковую культуру для всех советских людей, которые отличались друг от друга традициями, обычаями, религией, образом мышления и образом жизни. Каждый народ воспринимал мир по-своему, и у каждого из них была и своя система воспитания детей. Воспитание должно быть построено таким образом, чтобы наука и народная педагогика взаимодействовали, чтобы научная педагогика критически осваивала народный опыт, ибо вне народных, национальных традиций воспитания у народа нет будущего. Еще в нартском эпосе на примере детства многих его героев показано, какое внимание уделяли воистину выдающиеся люди воспитанию подрастающего поколения. В частности, в сказании «Детство Бадыноко» мать героя, обращаясь к воспитателям своего сына, говорит: «Теперь я прошу вас, чтобы вы поселились в подземелье и втайне ото всех нартов, втайне даже от отца моего ребенка, воспитывали Бадыноко до тех пор, пока он не сядет на коня»¹. А старики, которым она поручила воспитание своего ребенка, ответили: «Клянемся, что вырастим нарта, сильного духом, крепкого телом, могучего в битве; такого витязя, чтобы каждый муж считал для себя высокой честью находиться с ним рядом в ратном деле»². Воспитание детей осуществлялось комплексно, т. е. обращали внимание не только на их физическую подготовку, также заботились о воспитании у мальчиков смелости и отваги, об их нравственных качествах.

¹ Нарты. М., 1957. С. 157.

² Там же.

Как было сказано выше, адыги и балкарцы задолго до рождения ребенка начинали заботиться о его здоровье. В этой связи Хан-Гирей приводит интересные факты. Он пишет, что у черкесов принимаются меры предосторожности для того, чтобы беременная женщина, когда ожидает близкого рождения, не имела случая чего-либо испугаться, как-то: грозы, молнии и т. п., а равно чтобы она не поднимала тяжелых вещей, напрягая чрезмерно свои силы, во избежание преждевременных родов. Здесь и суеверие не бывает посторонним обстоятельством: в присутствии ее не вынимают из ножен кинжала, в особенности же пашки; когда же ее разрешению предшествует тяжелая болезнь, то кладут под ее изголовье саблю и дают ей испить воды, которою облита была эта сабля¹.

Огромное внимание адыги уделяли военному воспитанию мальчиков. Для этой цели была создана целая система, по признанию многих иностранных и русских авторов, подобная спартанской. Например, итальянский монах Джiovанни Лукка в своей книге «Описание перекопских и ногойских татар, черкесов, мингрелов и Грузии в 1625 году» писал: «Постоянное беспокойство, которое причиняют им татары и ногойцы, приучило их очень к войне и сделало из них лучших наездников во всех этих странах. Они мечут стрелы вперед и назад и ловко действуют пашкой. Голову защищают они кольчатым шишаком, покрывающим лицо. Орудием для нападения, кроме лука, служат им копы и дротики. В лесу один черкес обратит в бегство 20 татар»². [Постоянные физические упражнения и обучение военному делу адыгских мальчиков было обусловлено необходимостью постоянно защищать свою родину и сделало этот народ одним из влиятельнейших и храбрых народов на Северном Кавказе. И недаром так восхищались смелостью и отвагой черкесов все иностранные авторы. Еще в конце XVI в. польский дипломат Мартин Броневский отмечал, что адыги «весьма ловки, крепки, храбры и воинственны»³. О воинской доблести черкесов писал также и Джорджи Интериано: «Они постоянно воюют с татарами, которые окружают их почти со всех сторон. Ходят даже за

¹ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 274, 275.

² Джiovанни Лукка. Описание перекопских и ногойских татар, черкесов, мингрелов и Грузии в 1625 г. // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 71.

³ Броневский Мартин. Описание татарин // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 54.

Босфор вплоть до Херсонеса Таврического, той провинции, где находится колония Каффа, основанная в древности генуэзцами. Охотнее всего совершают походы в зимнее время, когда море замерзает, чтобы грабить приморских жителей – скифов, и горсточка черкесов обращает в бегство целую толпу скифов, так как черкесы гораздо проворнее и лучше вооружены, лошади у них лучше, да и сами они выказывают больше храбрости»¹. Даже царские генералы, которые воевали против адыгов, вынуждены были признать высокие моральные и боевые качества черкесов. «Храбрые по природе, – писал генерал Дубровин, – привыкшие с детства бороться с опасностями, кабардинцы в высшей степени пренебрегали самохвальством». [О своих подвигах кабардинец никогда не говорил, никогда не прославлял их, считая такой поступок неприличным. Самые сильные джигиты отличались необыкновенной скромностью: говорили тихо, не хвалились своими подвигами, готовы были каждому уступать место и замолчать в споре, зато за действительное оскорбление отвечали оружием с быстротой молнии, но без угрозы, без брани и крика. И в то же время черкес был в обращении с людьми вежлив, почтителен, откровенен, говорил мало и редко и то, что думал, относился с неподкупной любовью к родине, сохранял твердую веру в блестящую будущность своего народа. Любовь к родине развила у адыга глубокое сознание необходимости ее защиты от врагов.] Недаром кабардинские народные певцы (джэгуакIуэ) в своих поздравительных хохах, обращенных к новобрачному, желают «детям его долгой жизни» и «быть славными защитниками родины»².

[С раннего детства адыги учили своих детей владеть всеми видами оружия.] И. Бларамберг, восхищаясь искусством черкесов в обращении с оружием, писал: «Можно было бы подумать, увидев воина, настолько перегруженного оружием, что его движения должны быть стесненными и неуклюжими, однако черкес на коне со всем этим оружием являет собой пример подвижности, ловкости и прекрасных качеств всадника»³.

¹ *Интервиано Дж.* Быт и страна зихов, именуемых черкесами// АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 50.

² *Кокеев Г. А.* Военное воспитание у кабардинцев в прошлом// Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института. Нальчик, 1946. С. 264, 269.

³ *Иоганн Бларамберг.* Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992. С. 65.

Адыги обучали мальчиков не только умению владеть оружием, но также с первых их шагов обучали искусству верховой езды. Адыги создали специальную систему выращивания лошадей и ухода за ними. О лошади адыг заботился, как о себе. Он ее никогда не подковывал и никогда не использовал шпор, как это имело место у других народов; никогда не наказывал свою лошадь, ибо лошадь для черкеса была не просто средством передвижения, скорее, она была для него боевым товарищем. В бою всадник и лошадь составляли единое целое, единый орган. Дж. Интериано отмечал: «...черкесы значительную часть времени проводят на коне. Дарят охотно все свое имущество, за исключением коня и оружия. Всегда знатные черкесы одеты хуже других, за исключением обуви, оружия и коня, которых никогда не дарят. В этом имуществе заключается вся их роскошь, и часто случается, что отдают все свое состояние за коня, который им понравится, и нет у них ничего дороже хорошего коня»¹. Из этих высказываний иностранных авторов видно: чтобы быть привязанным к лошади до такой степени, необходимо приучать человека к ней чуть ли не с младенчества. Как справедливо отмечает Г. Х. Мамбетов, основным родом войск у адыгов была кавалерия. Поэтому они с древнейших времен выращивали боевого коня: выносливого, быстрого, неприхотливого, послушного воину друга, способного на многокилометровые переходы. Еще со времен нартского эпоса известны замечательные кони Сосрыкъуэ – Тхъуэжьей, Шауея – Джэмыдэжь, которые часто помогали им совершать героические подвиги. Адыги за свою многовековую историю вывели великодушную породу лошадей, известную под названием «кабардинская», к которой относились «щолэхъу», «бекъан», «къундет», «трамэ» и другие, хорошо известные не только среди русского казачества, но и в Польше, Венгрии, Турции, в Крыму и т. д. Адыгский воин на своем коне покрывал в сутки до 100 км.

По обычаю адыг не имел права сдаваться в плен. К этому его приучали с самого детства. Сдаться в плен считалось большим позором. Если он оказывался в неприятельском окружении и видел, что положение безвыходно, то убивал свою лошадь и залегал за ее трупом с вин-

¹ Джорджио Интериано. Быт и страна зихов, именуемых черкесами// Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 47–50.

товкой на присошке, отстреливался до последнего патрона, затем ломал винтовку и шашку и встречал смерть с кинжалом в руках, зная, что с этим оружием его невозможно было взять в плен¹. О чувстве собственного достоинства, о горской воинской чести и преданности обычаям своих предков, об отсутствии права сдаваться в плен по древнему обычаю адыгов, которые закладывались в характер с детских лет, мы можем судить по воспоминаниям декабриста Н. И. Лорера, который записал разговор старого черкесского князя с генералом Раевским во время Русско-Кавказской войны. Мы приведем лишь небольшую, но весьма примечательную часть обширной беседы двух достойных друг друга людей – непримиримых врагов. «Раз мы были у палатки Раевского, – вспоминал Лорер, – когда к нему привели горского князя (из западных адыгов – черкесов. – *К. У.*), приехавшего просить о выдаче тел убитых горцев (адыги ни в коем случае не оставляли тела своих убитых соплеменников на поле боя). Я никогда не забуду разговора их, – пишет он далее и переходит, собственно, к разговору:

«Зачем вы не покоряетесь нашему великому государю, – спросил Раевский князя, – а заставляете нас проливать кровь напрасно? Знаю, что у вас в горах скрывается англичанин Белл, мутит вас и обнадеживает помощью Англии; поверьте мне, что он вас обманывает, помощи вы ни от кого не получите, а лучше выдайте мне его с руками и ногами и получите за это много серебра от нашего государя, который очень богат». Тогда горский князь с достоинством отвечал через толмача: «Удивляюсь я словам генерала. Ежели это правда, что царь ваш так богат, то для чего же он так завидует нашей бедности и не позволяет нам спокойно сеять наше просо в наших бедных горах? Ваш царь, должно быть, очень корыстолюбив. Что же касается англичанина Белла, то мы не можем его выдать. Потому что он наш друг и гость и много делает нам добра. И у вас, как и у нас, есть негодяи, которых можно купить, но мы, князья, дворяне, всегда останемся честны, и нет у вас столько золота и серебра, чтоб совратить нас с пути чести».

Я заметил, что Раевскому сделалось как-то неловко, и он поторопился кончить этот щекотливый разговор, приказав выдать князю прощенные им тела соотечествен-

¹ Мамбетов Г. Х. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1997. С. 199, 200.

ников, лежащих в куче, как дрова. На нарочно присланной за ними арбе отправились покойники восвояси, чтобы быть похороненными на земле, не оскверненной пятою гяура. Горцы отбирали только тела убитых пулями: смерть от пштыка они считают бесчестною. На руках некоторых трупов я заметил красные шерстяные пшурки, и мне разъяснили, что это обыкновение соблюдается всегда при отправлении на войну. Жены и возлюбленные дают мужьям и любимыми этот амулет с пожеланием победить или умереть. Это — «со щитом или на щите», как в древней Греции, как в рыцарской Европе 14-го столетия дамы украшали шарфами защитников феодальных замков своих»¹.

Таков был закон войны черкесов, которому обучался каждый мальчик с самого раннего возраста.

Как известно, адыги не допускали малейших проявлений нежности и ласки к своим детям в присутствии посторонних, хотя они беззаветно любили их. Взрослые старались приучать детей безропотно переносить бессоницу, голод, труд, опасности. Яркое тому подтверждение — рассказ, оставленный нам Крым-Гиреем (Инатовым): «...герой рассказа никогда не видел своих детей и не позволял никому, кто принадлежал к его семье, показываться на глаза ему при посторонних. Между прочим у него был сын, красивый и ловкий парень. В одной битве горцев с русскими старик начальствовал партией. Эти потерпели поражение и, подобрав свои трупы, бежали в дальние горы. Не имея за собой погони, горцы расположились для отдыха на прекрасной поляне у опушки леса, где протекал журчащий ручей. Начальник партии сел под деревом, а около него расположили на траве трупы. Один из них отличался редкой красотой и возбудил в уздене любопытство узнать, кто он был.

— Чей этот труп? — спросил он черкесов.

— Это труп вашего сына, — отвечали те.

— Унесите его отсюда, — продолжал с невозмутимым хладнокровием, — я никогда не любил сообщества с моими детьми.

Труп унесли. И история суровых учеников Ликурга или бойцов Рима не может представить такого примера детоотвержения», — заключает автор рассказа².

¹ Мемуары декабристов. М., 1988. С. 483, 484.

² Крым-Гирей (Инатов). Путевые заметки. Избранные произведения адыгских просветителей / Сост. Р. Х. Хашхожева. Нальчик, 1980. С. 98.

Именно сызмальства мальчиков учили переносить холод и голод, презирать смерть. Регулярные физические упражнения и обучение военному искусству стали необходимой составной частью воспитания подрастающего поколения адыгов.

«Требования, предъявляемые к князю, — писал И. Бларамберг, — следующие: уважение к старости, импозантная внешность и физиономия с правильными чертами, физическая сила и особенно неустрашимость; не обладающий этими качествами не может рассчитывать на уважение своих соплеменников и могущество. Воспитание состоит из различного рода физических упражнений, призванных развить силу и ловкость — это верховая езда, обучение искусству воровства, военные походы, стрельба из лука, ружья, пистолета и тому подобное с самого юного возраста, — пишет он далее. — Воспитатель приучает своего воспитанника к упражнениям, которые закаляют его тело и развивают в нем ловкость; с этой целью он предпринимает с ним небольшие вылазки за добычей, учит его ловко воровать сначала у своих крестьян: барана, корову, лошадь, а позднее посылает его к соседям — воровать их скот и даже людей»¹.

Итальянский автор Ксаверио Главани обратил внимание на один черкесский обычай воспитания мальчиков. «С наступлением весны молодые дворяне образуют общества в 50–100 человек. Они веселятся, пьют, едят и посылают в другие округа отряды отборных наездников, которые подкрадываются к селениям, прячутся в кустарниках, а вечером, когда дети отправляются по воду, набрасываются на них, выбирают самых красивых девочек и мальчиков и мчатся с ними обратно в свой округ. Захваченные обращаются в рабство и продаются. Обычай этот у них существует издавна. Я спрашивал у одного черкесского бая, — продолжает Главани, — почему позволяют подобные набеги дворянству. Он отвечал мне: «Помимо всего остального прочего, это дает нам возможность развивать воинственный дух молодежи»².

Все это напоминает нам порядок, установленный Ликургом — спартанским законодателем. В Спарте было два сословия — «спартиаты», или «община равных», вое-

¹ Иоганн Бларамберг. Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992. С. 85.

² Ксаверио Главани. Описание Черкесии // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 162, 163.

низированное объединение господствующего рабовладельческого класса, и противостоящий им класс, или сословие рабов-илотов. Держать илотов в повиновении было трудно, так как их было в несколько раз больше, чем спартиатов. Чтобы количество рабов не увеличивалось, спартиаты устраивали периодические массовые убийства илотов, так называемые криптии. Это рассматривалось как «военные упражнения для молодежи».

Как пережиток военной демократии (переходный период от родового строя к классовому), в Спарте существовал корпус «всадников», своего рода корпорация «сверстников», среди молодежи в возрасте старше 20 лет. «Всадники» – особый охранительный орган, соединивший в себе функции (если можно назвать применительно к условиям того времени) тайной полиции, разведки и т. д. Служба в корпусе была своего рода отдушиной, дававшей выход политической энергии молодежи. В обязанности «всадников» входила также криптия¹.

Греки-лаконцы, как и адыги, не лелеяли своих детей. Они утверждали, что дети в Спарте принадлежат не родителям, а государству. Плутарх пишет: «Отец не имел права воспитывать свое дитя, но должен был приносить новорожденного в назначенное место, называемое лесхой, где восседали старейшины филы. Внимательно осмотрев его и найдя крепким и сильным, они разрешали его вскармливать, назначив ему участок земли (клер) из числа 9 тыс. наделов. Если же дитя оказывалось безобразным и хилым, они приказывали выбросить его в место, называвшееся Апотеты (пропасть вблизи Тангета), так как считали, что ему самому лучше будет не жить и для государства станет только обузой человек, который с рождения оказывался слабым и безобразным². О наличии этого обычая у древних греков свидетельствуют и данные фольклора. В мифе о Гефесте говорится: «Гефест, сын Зевса и Геры, бог огня, бог-кузнец, с которым никто не может сравниться в искусстве ковать, родился на светлом Олимпе. Он родился слабым и хромым ребенком. В гнев пришла великая Гера, когда показали ей, богине, некрасивого хилого сына. Она схватила его и сбросила с

¹ Бетров Р. Ж. Происхождение и этнокультурные связи адыгов. Нальчик, 1991. С. 99.

² Плутарх. Хрестоматия по истории Древней Греции/ Под ред. Д. П. Каллистратова. М., 1964. С. 134.

Олимпа вниз на далекую землю»¹. Аналогичный случай мы находим и в нартском эпосе, где неполноценных детей умерщвляли сами матери. Например, в сказании «Детство Шауея» мы читаем:

«Как все молодые нарты, Канж и после женитьбы много времени проводил на охоте, дома бывал редко. Возвращаясь, он всякий раз думал: «Быть может, жена моя Нарибгея уже родила сына? Бог жизни, великий Псатха, сделай, чтоб это было так!» Но желание Канжа не сбывалось. Годы шли, и Канж старел, оставаясь бездетным. А на самом деле у жены Канжа рождались дети, но об этом никто не знал. Всякий раз, когда наступали роды, Нарибгея ложилась перед пылающим очагом, и ребенок падал прямо в огонь. Когда малютка метался и кричал, погибая в пламени, мать говорила: «Этот не достоин быть моим сыном, он горит в огне». Так жена Канжа рожала девять раз, и все девять сыновей ее погибли в пламени очага»², то есть каждый раз, когда она видела, что ее ребенок не такой сильный и здоровый, какого бы она хотела, она убивала его.

В Древней Греции, когда мальчики достигали семилетнего возраста, их отбирали у родителей и отдавали на воспитание чужим людям. Можно провести аналогию с обычаем адыгов отдавать своих детей на воспитание в другую семью — с аталычеством. Ксенофонт пишет, что в Спарте «вместо того, чтобы изнеживать детей обувью, Ликург потребовал укреплять их ноги хождением босиком. Он считал, что, отказавшись от обуви, они гораздо легче будут подниматься в гору и более безопасно спускаться вниз. Ликург предпочитал, чтобы пища способствовала росту юношей и делала их тела более гибкими, полагая, что это будет лучше, чем если они будут толстеть от питания»³.

Общеизвестно, что адыги тоже были умеренны в еде и поэтому отличались стройностью фигуры. В 1829 г. венгерский ученый Шарль де Бесс писал: «Черкесы очень сдержанны, они умеренны в пище и, за исключением торжественных случаев, обычно питаются вареным и под-

¹ Кун Н. А. Легенды и мифы Древней Греции. Владикавказ, 1993. С. 37, 38.

² Там же.

³ Ксенофонт. О быте и воспитании спартанцев. Хрестоматия по истории Древней Греции // Под ред. Д. П. Калистратова. М., 1964. С. 131.

соленным просом... Благодаря своей умеренности, черкесы не знают многих болезней и доживают до глубокой старости...»¹.

«Прекрасная фигура черкеса, — писал И. Бларамберг, — сохраняется скромной жизнью и частыми упражнениями на воздухе»².

У адыгов важнейшими средствами военно-физического воспитания детей были различные народные игры (игра в мяч, соревнования в прыжках, беге, борьбе; в метании камня, перетягивании каната, лазанье по канату или шесту, в борьбе пеших и конных; скачки, джигитовка, стрельба в цель, восхождение на гору и т. д.).]

Ж.-В.-Э. Тебу де Мариньи отмечал у черкесов их воспитанность и крайнюю любовь к независимости, которую никто не может укротить... Привыкшие с самого нежного возраста к суровой закалке тела, к пользованию оружием и управлению лошадью, черкесы не знают другой славы, кроме победы над врагом, и другого позора, кроме отступления перед неприятелем³.

И так, черкесы и балкарцы учили мальчиков преодолевать страх, прививали непоколебимость в выполнении своего долга перед родиной, говоря словами Платона, закаляли характер со «стойкостью в исполнении должного»⁴ перед своими предками. Причем большое внимание уделялось развитию у подрастающего поколения решительности. Главный упор в этом процессе делали не только на физической закалке мальчиков, но и учитывали, что без тренировки самого сердца, как важнейшего органа человека, невозможно добиться никаких результатов в этом деле. Поэтому не случайно у адыгов присутствует слово «сердце» во многих выражениях, характеризующих смелость и отвагу человека. К примеру — выражения, которые приводит Б. Бгажноков: «Дыгъужыгу кIуэцIыльщ» (В его груди сердце волка); «Дыгъужыгу ипшац» (Сердце волка съел); «Гу кIуэцIыльщ» (С мощным сердцем в груди); «Гушхуэ кIуэцIыльщ»

¹ Жан-Шарль де Бесс. Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению, Малую Азию и в Константинополь в 1829 и 1830 гг. // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С 341.

² Бларамберг И. Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 365.

³ Жак-Виктор-Эдуард Тебу де Мариньи. Путешествие в Черкесию // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 293.

⁴ Платон. Диалоги. М., 1986. С. 428.

(Большое сердце в груди). Таким образом, адыги придавали решающее значение воспитанию духа. Большое и широкое сердце — «гушхуэ», делает человека мужественным, храбрым, отважным, даже благородным. Человек с маленьким или, как говорят обычно, узким сердцем («гузэв») становится боязливым, пугливым, малодушным (гузэвэх)¹.

Все это учитывалось в жизни подрастающего поколения. Как было отмечено выше, между системами военно-физического воспитания подрастающего поколения адыгов и древних греков часто проводили параллели многие иностранные авторы, хорошо знавшие быт и культуру этих народов. Об этом еще раз напоминает и адыгский ученый И. А. Шоров. «Оценивая взгляд адыгов на физическое воспитание подрастающего поколения; условия, образ жизни, — пишет он, — которые имели важное значение в физическом воспитании; саму систему физического воспитания у адыгов, многие ученые отмечали немало общего с античной Грецией»². Аналогичную мысль высказывал в своем дневнике в 1868 г. и Тебу де Мариньи. Много раз бывавший в Черкесии, он писал: «Воспитание состоит из всякого рода упражнений для тела, чтобы сделать его сильным и ловким; из обучения верховой езде, борьбе, стрельбе из лука, ружья, пистолета, ребенка учат искусству руководить набегом, ловкости в кражах и умению переносить голод и усталость, стараются развить в них красноречие и способность к рассуждению, с тем чтобы они могли иметь влияние на собраниях. Подобное воспитание напоминает нам героические времена Греции, и оно пользовалось таким признанием, что татарские ханы посылали своих детей в Черкесию на воспитание»³. При этом следует отметить, что такое воспитание начиналось в раннем детстве. Дж. Белл писал: «Прошлую ночь младший сын моего хозяина, десяти лет, провел в горах, где он стерег лошадей, это составляет как бы предмет воспитания... Мальчик был уже на войне так же, как и его брат четырнадцати лет»⁴.

¹ Бгажноков Б. Х. Адыгская этика. Нальчик, 1999. С. 61.

² Шоров И. А. Адыгская народная педагогика. Майкоп, 1989. С. 246.

³ Жак-Виктор-Эдуард Тебу де Мариньи. Путешествие в Черкесию в 1818 году // АВКИЕА. Нальчик, 1974. С. 301.

⁴ Дж. Белл. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838, 1839 гг. // АВКИЕА. Нальчик, 1974. С. 526.

Много внимания уделял исследованию военно-физического воспитания подрастающего поколения черкесов и Хан-Гирей. Он писал, что «воспитатель прилагает свои попечения о том, чтобы его воспитанник был ловок, учтив в обхождении со старшими, а с младшими соблюдал приличие своего звания, равно как неутомим в верховой езде и искусен в употреблении оружия»¹.

Чтобы научить молодых людей переносить трудности и лишения, взрослые люди брали их с собой в военные походы, где они проходили своеобразную «практику». Г. Ю. Клапрот писал по этому поводу, что занятие знатных людей – обычно охота и военные упражнения; они (черкесы. – К. У.) часто предпринимают походы, направляясь на несколько дней в леса и горы, где их единственной пищей служит немного проса, которое они берут с собой. Такой образ жизни и свобода имеют для них столько привлекательного, что они ни за что не хотят менять его и охотно отказались бы от всего, чтобы иметь возможность вернуться обратно к настоящему положению².

Воспитатели приобщали своих воспитанников к различным мероприятиям, развивали в них навыки верховой езды, ориентации в местности в ночное время и в ненастную погоду и т. д. Для воспитания смелости и выносливости использовали различные методы и средства. Например, аталык будил своего воспитанника темными ненастными ночами, вручал ему оружие, уводил в глухой лес, в горы или степь, где воспитанник учился ориентироваться, находить нужную тропинку и т. д. Испытывая твердость духа воспитанника, аталык рассказывал ему страшные истории. При этом сам незаметно исчезал, оставляя воспитанника одного во мраке ночи, ожидая, не закричит ли, не позовет ли своего воспитателя³. Многие нартские сказания дают представление о средствах и методах воспитания детей, как их приучали к различным лишениям, выносливости, не бояться ни огня, ни холода и т. д. Например, в сказании «Детство Шауея» мы читаем такие строки: «Нарибгея (будущая мать Шауея), как только почувствовала предродовые муки,

¹ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 262.

² Генрих-Юлиус Клапрот. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 262.

³ Меретуков М. А. Семья и семейный быт адыгов в прошлом и настоящем // Культура и быт адыгов. Майкоп, 1976. Вып. 1. С. 94.

улеглась перед пылающим очагом. Сатаней подбежала к огню, подставила подол, чтобы подхватить рождающегося ребенка. Но мальчик прорвал подол Сатаней и упал в самое полыхание огня. Его пеленало пламя, но он не плакал, Сатаней с Канжем (отцом Шауея) тут же решили, что мальчика, играющего с огнем, следует воспитывать на ледяной вершине Ошхамахо». Далее сказано, что он воспитывался на вершине Горы Счастья. «Сатаней (воспитательница Шауея) поставила колыбель так, — говорится в сказании, — чтобы студеная вода капала в рот мальчику, заменяя ему материнское молоко. Вечером сосульки замерзали, и мальчик засыпал. Вскармливая волшебной влагой, баюкая в ледяной колыбели, растила Сатаней сына Канжа, пока у него не прорезались зубы. Тогда его пищей стали орехи и фазанье мясо». Далее в процессе воспитания видно, как его рационально кормили и как менялся рацион его питания, т. е. сначала преобладала жидкая пища, потом — птица и орехи, позже начинают давать оленину и, наконец, — мясо кабана. Юношу обучали джигитовке и метанию тяжелых камней. И до тех пор, пока он по-настоящему не научился искусству верховой езды, его держали на вершине Горы Счастья и воспитывали¹.

Дж. Интериано отмечал, что черкесы новорожденного несут к реке и там купают, не обращая внимания на мороз и холод, весьма обычные в тех краях. И благородному черкесу подобает лишь править своим народом и защищать его да заниматься охотой и военным делом². А кавказский генерал-губернатор П.С. Потемкин в 1784 г. отмечал, что «кабардинцы при рождении младенца... его оставляют на воздухе без всякого призре-ния». Это все говорит о том, что адыги и балкарцы уделяли самое пристальное внимание физическому развитию ребенка, поэтому, в частности, у адыгов было много обрядов, связанных с рождением детей и их совершеннолетием, в которых самое активное участие принимала молодежь, где она показывала свою ловкость, храбрость, умение владеть всеми видами оружия, навыки в верховой езде и т. д.

В честь рождения мальчика адыги устраивали тор-

¹ Нарты. М., 1957. С. 462–464.

² Джорджио Интериано. Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование// АВКИЕА. Нальчик, 1974. С. 47–49.

жества — состязания молодежи «къуейплъыжкIарыщIэ». Во дворе на высокой деревянной перекладине подвешивали копченый сыр, рядом — промасленную кожаную веревку. По этой веревке необходимо было подняться до перекладины, добраться до сыра и откусить кусочек, и юноша, достигший этой цели, получал приз. Призами могли быть кисеты, чехлы, уздечки или другие предметы, которые заранее готовились членами семьи новорожденного. В этой игре проверяли силу и ловкость участников-подростков. Как правило, эта игра устраивалась спустя 2—3 дня после рождения мальчика, и в ней участвовала вся молодежь села. Через несколько дней после рождения ребенка устраивался обряд «завязывания ребенка в люльку» («гуцэхэпхэ», «бешик башларгъа»). Для девочек он был иным, чем для мальчиков, и его организовывали для женщин-родственниц и соседок семьи ребенка. Например, у балкарцев перед первым пеленанием мать ребенка пекла три или пять пирогов с начинкой из мяса или сыра. Это угощение называлось «отоу тьюб» (пол комнаты). Два пирога клали в изголовье колыбели, один посередине и два в ногах. После этого мать и женщина, которая перерезала пуповину ребенка, молча (иначе ребенок, считали, будет плаксивым), съедали три пирога, а два других, лежащих в ногах, выбрасывали в какое-нибудь укромное место, полагая, что с ними удалится из колыбели все недоброе, что может повлиять на здоровье и судьбу ребенка.

Г. Х. Мамбетов пишет, что перед завязыванием ребенка, которое поручалось опытной, многолетней и доброй женщине, в приготовленную постель укладывали кошку, делая вид, что завязывают ее. Эта игра должна была способствовать хорошему, спокойному и продолжительному сну. Обычно люльку ставили изголовьем на юго-запад. Мать новорожденного, находившаяся рядом, внимательно следила за процедурой завязывания и слушала объяснения исполнительницы обряда. При этом строго учитывалось положение органов тела ребенка, чтобы правильно формировалась его фигура. В частности, испокон веков знали, что если подушка была высокой, то шея ребенка становилась короткой, низкая способствовала удлинению шеи. При пеленании и завязывании руки ребенка вытягивали вдоль туловища, но не слишком сильно, так как плечи при этом могли сформироваться опущенными.

Таким образом с первых дней после рождения ребенка родители заботились о его физической красоте, правильном формировании его фигуры, о его здоровье в целом¹.

У адыгов и балкарцев был и обряд, связанный с первым шагом ребенка, под названием «лътэуэвз». В этом обряде участвовали женщины и дети. Наряду с традиционными национальными блюдами для этого обряда готовили и специальную национальную халву. Обряд открывала бабушка или старшая из женщин – специальной обрядовой песней. После песни ребенка подводили к столу с обрядовой халвой, покрытой покрывалом, поверх которого лежали ножи, газыри, кинжал, Коран и т. д. В зависимости от того, к какому предмету притрагивался ребенок, «определялась» его будущая профессия. Кроме этого, адыги и балкарцы торжественно отмечали начало выпадения молочных зубов ребенка.

Очень торжественно и пышно отмечали совершеннолетие юноши. На этом мероприятии присутствовала своеобразная комиссия, которая строго проверяла военно-физическую подготовку молодого человека, его умение владеть всеми видами оружия, его навык в верховой езде, смелость, отвагу. Также эта «комиссия» проверяла знание им адыгэ хабзэ и тау адет. Словом, это был своеобразный экзамен, который приурочивался к какому-нибудь общенародному празднику. Ритуал посвящения в совершеннолетие заканчивался тем, что рядом с посвященным ставили длинный шест («къурагъ»; «къурукъ»). Молодого человека поздравляли с его совершеннолетием, желали ему успехов на всем жизненном пути и объявляли, что он стал полноправным членом общества. Особо отличившийся в проверке юноша, ловкий, умело владеющий оружием, получал от старейших право танцевать с избранной им девушкой.

Можно сказать, адыги и балкарцы создали целую систему физического и военного воспитания подрастающего поколения, которая была на протяжении веков серьезной школой подготовки к будущей нелегкой жизни, ожидавшей его.

«В здоровом теле – здоровый дух» – это очень хорошо знали предки адыгов и балкарцев и первостепенное внимание уделяли физическому и нравственному облику молодого человека.

¹ Мажбетов Г. Х. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1997. С. 180–183.

§ 2. Умственное воспитание

Адыги и балкарцы, как и любой другой народ, с древнейших времен высоко ценили ум, мудрость, знания в каждом человеке, с раннего возраста старались развить умственные способности своих детей. Для этого была создана целая система интеллектуального воспитания подрастающего поколения. Такую важнейшую задачу, какой является воспитание всесторонне развитой личности, невозможно успешно решить без учета и использования богатейшего опыта народной педагогики. Именно при умелом сочетании ее со школьным воспитанием можно добиться существенных результатов в этом важном для любого общества вопросе.

Как известно, у каждого народа существовали свои нравственные идеалы, собственное понимание цели и задач воспитания, как и практика его осуществления. В формах и методах всей системы воспитания подрастающего поколения выражались национальные чувства и психология народа, его бытовые устои. В деле воспитания детей огромная ответственность ложится на семью. Поэтому адыги и балкарцы считали, что основная цель семьи – рождение и воспитание детей. Эта мысль внушалась молодым людям, вступающим в брак с помощью традиционных благопожеланий (хохов), песен, которые пелись на свадьбах. Задача семьи, по народным воззрениям, заключается не только в том, чтобы иметь детей, но и вырастить и воспитать их, передать детям богатейший социальный опыт своего народа (знания, убеждения, жизненные цели, правила поведения в обществе и т. д.), накопленный до их рождения.

Систему интеллектуального воспитания молодого поколения, совокупность знаний, которые давались адыгской молодежи в прошлом, можно подразделить на две группы:

1) общие, включающие знание родного языка, истории своего народа, географии родной земли, математические, астрономические, сельскохозяйственные;

2) специальные, к которым относятся знания по различным ремеслам¹.

Традиции умственного, нравственно-эстетического,

---

¹ Шороев И. А. Идеи умственного воспитания в адыгском устном народном творчестве. Ростов н/Д, 1987. С. 41.

военно-физического и трудового воспитания передавались из поколения в поколение. Народная память сохранила много морально-этических формул в устном народном творчестве, которые отражают отношение к детям в семье, их воспитанию, к взаимоотношениям родителей и детей, детей и старших членов семьи, общества в целом. Пословицы как одна из форм философского мышления народа выражали и морально-этическую сторону воспитания детей. У каждого народа существует много пословиц, связанных с воспитанием подрастающего поколения, в том числе и по развитию умственных способностей детей, показывающих значение интеллекта для каждого человека. Вот некоторые из них: «Глупец рассказывает о себе раньше, чем ты его спросишь»; «Говори – подумав, садись – оглядевшись»; «Лучше умный враг, чем глупый друг»; «И дурак умен, пока молчит»; «Когда голове ума недостает, страдают ноги»; «Дважды подумай – один раз скажи» и т. д.

Как справедливо отмечал И. С. Кон, «не зная, как тот или иной народ воспитывает своих детей, невозможно понять его образ жизни, ни особенности его социальной истории»¹. Приемы воспитания ребенка, выработанные народом в неразрывной связи с другими компонентами культурного наследия, являются ценным, сохранившимся с древнейших времен памятником культуры народа. Проблемы воспитания – в широком смысле слова – относятся к числу проблем, поставленных всем ходом развития человечества. «Любая эпоха в соответствии со специфическими для нее задачами социально-экономического, нравственного и культурного развития испытывает потребность в личности с определенным уровнем знаний и принципов поведения», – отмечает К. Шварцман.

Взгляды адыгов и балкарцев на умственное воспитание формировались, как уже отмечено, в течение многих веков, народ выработал свою систему интеллектуального развития подрастающего поколения. Большое значение в воспитании детей придавали изучению истории своего народа. Старшие растили младших патриотами. Источником исторических сведений для народной педагогики служили все жанры фольклора: легенды, предания, сказания, сказки, эпос, поговорки, пословицы и т. д. Взра-

---

¹ Кон И. С. Этнография детства // Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М., 1983. С. 3.

лые члены семьи рассказывали детям сказки, обучали их отгадывать загадки: все это развивало ум, смекалку, память и сообразительность ребенка. Родители и другие старшие члены семьи старались насытить свою речь пословицами и поговорками, так как они отражали моральный кодекс; нравственные стремления народа удерживали детей от плохих поступков, требовали от них правил соблюдения этики. Нередко старшие дети в семье обучали младших различным считалкам, скороговоркам. Большой любовью у адыгских и балкарских детей пользовались сказки на самые разнообразные сюжеты – бытовые, волшебные, охотничьи, о животных, сказки, в которых добро всегда побеждало зло.

Огромное значение в умственном воспитании подрастающего поколения имеют скороговорки, сказки, загадки. Особенно последние как своего рода умственные упражнения. В них много интересной информации о повадках животных, явлениях природы и т. д. Возьмем такие загадки: «В огне не горит в воде не тонет (лед)»; «Маленькие глаза, маленький нос, в маленький тулупчик одета (мышь)»; «На нашем чердаке золотая палка (луч солнца)», и многие другие.

И. А. Шоров справедливо отмечает, что загадывание загадок имело форму игры. Если никто из участников состязания не отгадывал загадку, то загадавшему говорили в качестве поощрения за трудную загадку: «Даем тебе аул такой-то, скажи нам отгадку», – после чего он выдавал ответ. Так за вечер отдельные участники соревнования «выигрывали» несколько аулов. Поэтому загадки у адыгов называются «к'уажэхъ» («к'юджэхъ») – дословно: выигрывание аулов. Это был своеобразный счет загадок и разгадок за игру. На таких вечерах зарождались новые загадки. Их участники соревновались в сочинении лучших из них. Здесь проявлялось поэтическое мастерство соревнующихся, умение создать зрительный и звуковой образ, наиболее ярко отражающий существо загадываемого предмета.

Во многих сказках встречаются пословицы и поговорки, загадки и задачи, стихи и песни, которые заучиваются детьми с большим желанием. Например, в сказке «Псалъэ пажинцэ» (Сто истинных слов) приводится сто поговорок и пословиц, отличающихся высокой поэтичностью, легкостью выражения и т. п. В сказке «Зайчиха, лиса и волк» имеются стихи, пословицы и поговорки.

каз о справедливом наказании волка, съевшего зай-
заканчивается пословицей: «Е пцлауэ фЫ уцмы-
» (Сделав зло, не рассчитывай на добро)¹.

Умственному развитию ребенка способствуют путем
ения родного языка, истории своего народа, геогра-
родной земли. До сих пор память адыгского народа
анила многочисленные предания, раскрывающие
рию наших народов с древнейших времен, с периода
эствия гуннов, аварцев, рассказывающие о борьбе ады-
хазарами, готами, татарами, монголами, крымскими
рами и т. д. Важным условием формирования ин-
ектуальных способностей детей считали обучение с
их лет. Поэтому часто с детьми вели беседы о раз-
ных явлениях природы, о предметах окружающей
ни и т. д. Якоб Рейнеггс писал, что мальчик в дни
эти проводит время за тем, что должен знать черкес-
и язык; занимается религией, чтением и письмом².
печивая умственное воспитание детей, исходили из
ицина доступности, не навязывая детям то, что было
зможно им знать и усвоить, поэтому все знания да-
сь последовательно, с учетом возраста, наглядно по-
палось то, что надо знать, делать, учитывались инди-
альные возможности каждого ребенка, их интересы
лечения. Путем неоднократных повторений и уп-
нений, показа, проверки и т. д., добывались хорошего
ия того или иного вопроса, создавали для этого необ-
мые условия. В умственном развитии детей беспись-
ых народов важное значение имело посильное уча-
подростков в сельскохозяйственном производстве,
молодежь не только овладевала навыками физиче-
работы, но и получала метеорологические, матема-
ские, агрономические и иные знания. М. Г. Загазе-
пишет, что с древних времен детей учили следить за
исходящим в окружающей природе. Взрослые вы-
цены были наблюдать за погодой, так как от этого
зела продуктивность их труда. Свои наблюдения кре-
не обобщали в приметах. Некоторые, наиболее досто-
ые народные приметы предвосхищали то, что позднее
подтверждено наукой. Умозаключения возникали
зультате длительных наблюдений и изучения при-

*Шорев И. А. Идеи умственного воспитания в адыгском уст-
тародном творчестве. Ростов н/Д, 1987. С. 44.*

*Якоб Рейнеггс. Всеобщее историко-топографическое описа-
авказа// АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 211.*

родных явлений, поведения животных и птиц, насекомых, которые безошибочно, благодаря их биологическим свойствам, чувствуют изменения погоды. Исходя из своих знаний метеорологии, крестьяне старались предугадать, каков будет урожай той или иной культуры, какова будет сохранность приплода животных. Например: журавли низко летят — скоро снег ляжет; паутина летает — будет ясная погода; звезды ярко блещут — к морозу; ласточки низко летают — к ненастью; вороны каркают — к дождю; пчелы с шумом вьются и рано возвращаются в улья — к дождю и т. д.

Дети получали от взрослых самые разнообразные географические знания. Им рассказывали о лесах, о названиях гор, рек и озер, об их влиянии на погоду и т. д. С малых лет детям рассказывали о населенных пунктах своего края, о соседних и дальних народах. Старшие устраивали своеобразный экзамен младшим: выявляли, кто больше перечислит названий населенных пунктов, рек, гор, животных и т. д. Все это развивало у детей их умственные способности, память, расширяло круг знаний об окружающей природе.

С раннего возраста в детях развивали математическое мышление. В форме различных игр давали им решать различные задачи и примеры. На наш взгляд, М. Загазежев приводит интересные методы передачи детям математических знаний: «Важным средством умственного развития детей, молодежи служило изучение различных мер длины, — пишет он. — Линейными мерами, как и у других народов в прошлом, у адыгов и балкарцев служили различные части человеческого тела и разные предметы. Детей учили измерять расстояние (например, адыги) толщиной указательного пальца — «залэ» (самая малая мера); длиной двух сложенных пальцев — указательного и среднего — «тгуалэ» (кабардинский вершок); шириной трех сложенных пальцев — указательного среднего и безымянного — «шылэ»; шириной четырех пальцев — «пшлалэ» (расстояние от изгиба указательного пальца до сгиба мизинца, но без охвата большого пальца); шириной кулака — «шэтвэр» (расстояние от сгиба указательного пальца до сгиба мизинца с охватом большого пальца). Детям предлагалась задача: сколько в аршине поместится пальцев — по одному, по два, по четыре и т. д. Количество их зависело от размера руки данного человека. Были и другие линейные измерения, которые должны были знать дети и подростки:

1. Расстояние между расставленными до предела указательным и средним пальцами.

2. Расстояние между расставленными до предела указательным и безымянным пальцами.

3. Расстояние между расставленными до предела указательным пальцем и мизинцем.

4. Длина ступни ноги — кабардинский фут.

5. Локоть — расстояние от кончика среднего пальца до локтя.

6. Шаг — расстояние между расставленными до предела ногами.

7. Аршин — единица измерения, равная 80 см.

8. Сажень — единица измерения, равная 2,31 м.

Длина и ширина частей тела измерялись в сравнении с эталоном. Таким эталоном первоначально был аршин, позже — сажень и метр. Каждый обязан был знать размер своих пальцев, кулака, локтя, шага в сравнении с эталоном, ибо специально изготовленных измерителей расстояния было очень мало.

Были и специфические приемы измерения земельной площади, например, веревка длиной от 4 до 6 метров и палка из орешника такого же размера.

Детям с раннего возраста прививался интерес к устному счету. Им предлагалось много задач следующих типов:

1. Ребята ходили пасти лошадей. Вместе с лошадьми их было 26 голов и 82 ноги. Сколько ребят и лошадей?

2. Двое пошли — 5 рублей нашли. Четверо пойдут — много ли найдут?

3. Под одной яблоней проехали десять всадников. Первый сорвал одно, второй — два, третий — три... десятый — десять. Сколько всего яблок они сорвали?

4. Летела стая лебедей. Навстречу им летит один лебедь и говорит: «Здравствуй, сто лебедей!» Лебеди ему отвечают: «Нас не сто лебедей. Вот если б нас было еще столько, сколько есть, да еще полстолько, да еще четверть столько, да ты, лебедь, то было бы ровно сто лебедей, а теперь рассчитай-ка, сколько нас? (стая из 36 лебедей)».

5. Человек должен был перевести вброд через реку волка, овцу и сено. Но если оставить волка с овцой, то волк съест овцу, а если оставить овцу с сеном, то овца съест сено. Как перевести их, чтобы все были в целости и сохранности?

6. «Сколько Вам лет?» – спросил мальчик у старика. «Если проживу еще половину тех лет, которые прожил, и еще один год, то мне будет 100 лет». Сколько лет старику?

Подобные задачи-игры были важным средством развития у детей и молодежи сообразительности, любознательности, самостоятельности мышления. Кроме этого, подросткам и юношам предлагались задачи следующего содержания: «Каковы должны быть длина и ширина в саженях земельного участка размером в десятину, гектар?» Детей и подростков учили знанию мер объема, измерению объема сыпучих и жидких тел. Они знали, например, весовые единицы: дирхам – 3,12 г, фунт – 409 г и т. д. Развитию мышления способствовала и сложная система денежных единиц, которая существовала среди адыгов и балкарцев. Например, у адыгов она состояла из следующих единиц:

1. «Пара» – самая мелкая монета.

2. «Клэпйейклэ» (капек) – название заимствованной у русских копейки.

3. «Шай» (шай) – пять копеек.

4. «Апэсы» (апасы) – 20 копеек.

5. «Сом фйыцлэ» («къара сан») – 25 копеек.

6. «Щаих» – 30 копеек.

7. «Сом» (сом) – рубль.

8. «Тумэн» (тумен) – 10 рублей.

9. «Мин» – 1000 рублей.

Детям объясняли, сколько копеек составляют один рубль, два, три, четыре, десять рублей. Сколько 20 копеечных монет в рубле, а сколько по 25 копеек, сколько десятков в ста рублях, а сколько по сто рублей в тысяче рублей и т. д.¹ Младшие получали знания от старших о физических свойствах различных горных пород, дерева, металлов и многое другое. Умственному развитию детей способствовали астрономические сведения, которые им передавались. С давних пор адыги и балкарцы умели ориентироваться во времени по лунному календарю. По нему они знали названия всех дней недели и каждого месяца, дни весеннего и осеннего равноденствия (21 марта и 22 сентября), дни летнего и зимнего солнцестояния (21 июня и 22 декабря). Они знали, что лунный месяц равен 27,31 суток. Например, адыги давно заметили, что

¹ Загазетжев М. Г. Очерки по адыгской народной педагогике. Нальчик, 1996. С. 12–22.

звезды на небе не разбросаны хаотично, а делятся на группы и созвездия, и каждое из них имеет свое определенное место на небе. Многие из них имели свои названия. Например, созвездие Плеяды называют «Вагъузбэ» («вагъуз» — звезда, «бэ» — много), что значит и по-русски много звезд. Созвездие Большой медведицы — «Вагъузэшибл» («семь звезд-братьев»). Они также знали названия и других небесных тел. Например, Венера («Нахущ-вагъуз» — звезда утренней зари) и т. д. Подрастающее поколение получало необходимые знания и по народной медицине, о целебных свойствах различных продуктов питания, о лекарственных растениях; рецептах приготовления из них различных лекарств, какое лекарство при каких болезнях использовалось. Например, при ожоге детей учили прикладывать на пораженный участок кожи тертый картофель, кусок холодного металла, смазывать маслом. Чирьи учили лечить пластырем, который изготовлялся из меда, желтка яйца и тертого корня подорожника. При обмороке — класть на лоб холодный компресс. При кашле — пить горячее молоко, мед с молоком, настой ягод. Вообще, адыги широко применяли мед не только в пище, но и при лечении многих заболеваний. Они издавна знали о лекарственных качествах этого незаменимого натурального продукта. Мед давали с различным сочетанием при многих заболеваниях. Например, при головных болях — мед с орехом. При пониженной кислотности — холодная вода с медом и т. д. Нередко при заболеваниях дыхательных путей применялись легочный жир барсука, медведя, а также козлятина и козий жир.

Немаловажное место в развитии интеллекта детей занимали санитарно-гигиенические знания, которые передавались им старшими. С ранних лет детей приучали содержать свое тело и одежду в чистоте. Огромную роль в умственном развитии детей имело устное народное творчество. Об этом речь шла в отдельном разделе данной книги.

Таким образом, адыги и балкарцы придавали огромное значение умственной эволюции подрастающего поколения; на протяжении их многовековой истории была выработана целая система воспитания. Она способствовала формированию интеллектуальных способностей детей, их творческому мышлению, развитию памяти, самостоятельности в решении многих задач, с которыми они

сталкивались в жизни. И совершенно прав М. Загазев, который утверждает, что изучение народной системы умственного воспитания показывает, что многие народные методы, средства, накопленные тысячелетиями и оправдавшие себя на практике, никогда не потеряют своего значения, требуют более внимательного подхода. Особенно это важно при индивидуальном методе воспитания ребенка.

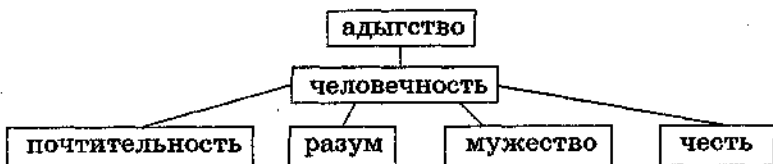
§ 3. Нравственно-этическое воспитание

Нравственно-этическое воспитание подрастающего поколения является важнейшей задачей в формировании полноценной личности с высокими морально-этическими, эстетическими качествами. Поэтому народная педагогика адыгов и балкарцев всегда обращала огромное внимание на этот аспект формирования личности. И при оценке личности для нее важна была не только сама связь человека с другими членами общества, а какая эта связь, на каких нравственно-этических принципах она зиждется. Нравственная культура, чувства чести и долга, толерантность и воспитанность, справедливость, смелость и отвага были первоочередными в деле воспитания подрастающего поколения. Все эти качества человека находили свое конкретное воплощение в адыгэ хабзэ и тау адег. А как справедливо отмечает Ю. К. Намитлоков, понятие «адыгагъэ» означает совокупность лучших нравственных качеств, которые должны быть воспитаны у молодого человека. Когда говорят «Адыгагъи, цыхугъи хэлъкъым», — это значит «Нет в нем ни адыгства, ни человечности»; такая характеристика является резко осуждающей, отрицательной характеристикой личности. Наоборот, изречение «Цыхугъи, адыгагъи хэлъц» — которое значит «Есть в нем и человечность, и адыгство», — является выражением самой высокой похвалы нравственных качеств человека.

«Адыгагъэ, — пишет он, — совокупность лучших нравственных качеств, которые должны быть присущи и присущи на самом деле истинному черкесу: человечность, почтительность, гостеприимство, верность данному обязательству»¹. Нравственно-этические качества человека

¹ Намитлоков Ю. К. Адыгская народная педагогика о воспитании детей: Сб. ст. по педагогике и психологии Адыгейского пединститута. Майкоп, 1957. Вып. 1. С. 20.

оценивается у адыгов через адыгство. А архитектонику адыгства Б. Х. Бгажноков вывел следующим образом¹:

В период феодализма в социальной структуре адыгского общества стал занимать доминирующее положение класс профессиональных воинов-рыцарей – «уэркъ». В некоторых областях Черкесии (в Кабарде, Беслане, Темиргое, Бжедуги, Хатукае и др.) он составлял едва ли не треть всего населения. Уорки несли службу у князей (шцы) и первостепенных дворян (лпакъуаллш). Принимая рыцаря на службу, князь или тлякотлеш одаривал его боевым конем, оружием, земельным участком, рабами, крестьянами. Этот дар, или бенефиций, так и назывался «уэркъ тын» – дарение рыцарю. Условия несения службы закреплялись присягой: уорк давал клятву служить сеньору верой и правдой, считая его врагов своими врагами. Деревням с подвластным уорку населением присваивалось имя их владельца, что поднимало авторитет воина, престиж рыцарского звания.

Отношения уорков между собой и с другими сословиями определялись и регулировались обычным феодальным правом. Но дополнительно к этому сложились и действовали такие институты, как «уэркъыгъ» – рыцарская этика (или рыцарский моральный кодекс) и «уэркъ хабз» – рыцарско-дворянский этикет. Уэркъыгъ строится на тех же заповедях, что и адыгагъ: человечность, почтительность, мудрость, мужество, честь. Специфический характер рыцарской этики обнаруживается лишь при близком рассмотрении, когда выявляется вес и практическая значимость всего наличия заявленных моральных ценностей².

С. Мафедзев справедливо отмечает, что главным в нравственном воспитании были выработка и закрепление у подрастающего поколения таких качеств, как уважение к старшим, к родителям, к лицам противоположного пола, чувство долга и чести, честность, скромность,

¹ Бгажноков Б. Х. Адыгская этика. Нальчик, 1999. С. 20.

² Там же.

чувство собственного достоинства и т. д.¹. Все это находило свое отражение и закрепление в общественных и семейных традициях, а также в устном народном творчестве, которое в воспитательной практике адыгов и балкарцев составляло важный элемент нравственной культуры. Мир личности ребенка был неотделим от семьи и родни, соседей и односельчан, от чувства долга по отношению к родителям, по отношению к старшим. И наоборот, адыги и балкарцы не в меньшей степени уважали и любили младших по возрасту. Старшие в первую очередь показывали младшим пример уважительного отношения к личности. Задача нравственного воспитания включала в себя не только формирование в сознании нравственных идей, но и умение осуществлять их на деле, в практике поведения по отношению ко всем окружающим так, чтобы ситуативная реакция не расходилась с принятыми нравственными нормами. Уличенный в безнравственном поведении человек покрывал позором не только собственное имя, но и честь всей фамилии, народа.

Дж. Интериано писал, что черкесы держатся того мнения, что никто не должен считаться благородным, если о нем имеются слухи, что он когда-либо занимался недостойным делом, хотя бы то был (человек) из самого древнего, даже царского рода².

Из этого высказывания видно, что общественное мнение имело огромное влияние на формирование нравственного поведения человека. Ему не прощался ни один безнравственный поступок. Поэтому одной из главных проблем в нравственном воспитании было взаимоотношение личности и общества. Во многих произведениях устного народного творчества проводится мысль о том, что человек зависит от общества в образе своих мыслей, в нравах, а поэтому вся его деятельность должна быть направлена на то, чтобы теснейшим образом быть связанным с народом, служить ему. Эту мысль мы часто находим в героическом нартском эпосе, особенно в цикле сказаний о Сосруко. Сосруко – неизменный друг людей. Все свои подвиги он совершает для людей. Он похищает огонь у

¹ Мафедзев С. Х. Межпоколенная трансмиссия традиционной культуры адыгов. Нальчик, 1991. С. 176.

² Джорджио Интериано. Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование// АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 49.

великана ради блага своих сограждан, он спасает нартов от засухи, он первым бросается на врага. В одном из сказаний о Сосруко говорится, что в праздник урожая Тхамада нартов НэсрэнжыакІэ (Насрен Длиннобородый) должен был вручить первую чашу Хасы самому достойному из нартов. По решению совета им оказался Сосруко. Завистники и враги, будучи не в состоянии одолеть Сосруко силой, хитростью зарывают его живым в землю. Крепко держится плотная земля. Но и скованный старой крепкой землей, Сосруко вечно живет. Он продолжает думать о людях, о возвращающемся весеннем обновлении, когда снова и снова цветет земля. В это время он рвется наверх, на землю, но не может вырваться из-под земли. Сосруко задыхается, земля его душит, из глаз льются слезы. Родники, бьющие у подножья Эльбруса, — это горькие слезы Сосруко. И он говорит: «Сэ цІыхум сэбэп сацыхуэмыхъужыфкІэ, си нэпс гуацІэхэр абыхэм сэбэп яхурехъу» (Раз я уже не в силах помочь людям, то пусть им помогут мои горькие слезы). Личное счастье человека и интересы общества считаются в народном творчестве нераздельными. Честный человек не может быть счастливым, когда окружающие его сограждане страдают. Взгляд народа на соотношение личного счастья человека с интересами общества получил отражение во многих пословицах и поговорках. Например, «Хъэндыркъуакъуэрэ пэт Сызыхэс псыр кууэ цытарэт», — жеІэ»¹ (Лягушка и та говорит: «Была бы глубже вода, в которой я обитаю»). Невольно напрашивается аналогия: у многих наших современников и в помине нет ни совести, ни чести, ни чувства сострадания к своим согражданам. Воспользовавшись тем, что сплошь криминализированное государство создало все условия для безнаказанного расхищения народного добра, они отгородились от общества и, создав себе земной рай на фоне всеобщего обнищания народа, живут для себя и для своих детей. Но они забывают одну простую истину, что отдельно взятый человек не может построить себе счастье вне общества. И самое интересное то, что именно такие люди чаще всего говорят с большой трибуны о чести и достоинстве, о нравственности.

С раннего возраста адыги и балкарцы учили своих детей творить добро, быть справедливым, честно и добросовестно выполнять свой долг перед родителями, близки-

¹ Адыгэ псалъэжхэр. Налшык, 1994. С. 80.

ми, друзьями обществом в целом. Воспитывали в детях честь, достоинство, совесть, приучали ценить в каждом человеке эти же качества. Многочисленные поговорки и пословицы очень метко характеризуют существенные стороны понятия совести («укытагыз»): «Напэ зиэм насып илэц» (У кого есть совесть, у того есть счастье). Никогда не уважали того человека, который вступил в сделку со своей совестью. Поэтому в народе говорится: «Укытэр цыхугыз и дамыгыз» (Совесть — метка человечности). Важнейшей составной частью нравственного воспитания является интернациональное воспитание. С ранних лет детям рассказывали о соседних народах, о кунаках, о побратимах его семьи из числа соплеменников, о представителях других народов. Им объясняли, что нет плохих народов, а есть плохие и хорошие люди всех народов. И в устном народном творчестве адыгов и балкарцев сохранилось много примеров таких дружеских отношений между народами. Например, в кабардинском фольклоре немало песен, посвященных героям — выходцам из соседних народов: «Агурби Гетегежев» (об ингуше), «Залимхан» (о чеченце), «Таукан» (о балкарце).

Методы и средства нравственного воспитания были самыми разнообразными. Основными из них были следующие: пример, убеждение, упражнение, испытание, поощрение. В народной педагогике адыгов и балкарцев считается, что пример старших и родителей является главным условием нравственного воспитания. Старшие и родители показывали своим образом жизни, каким должен быть человек, человек высокой нравственности. Живой пример гораздо больше влиял на сознание ребенка. Важным моментом в воспитании подрастающего поколения является метод убеждения. Недостаточно одного примера и простого объяснения, что необходимо быть хорошим человеком, — необходимо убеждать, и не один раз. Чтобы процесс воспитания проходил успешно, недостаточно использовать перечисленные методы, но также необходимо, чтобы старшие и родители, осуществляющие этот процесс, обладали необходимым авторитетом. Дети должны видеть в воспитателе непререкаемый авторитет в семье и обществе. В деле воспитания детей огромное значение имеют поощрение их добрых и, напротив, порицание плохих поступков. Им далеко безразлично, как к их поведению относятся старшие и родители. Ни одно

их действие нельзя оставлять без внимания. Поощрение всегда вызывает чувство уверенности и удовлетворенности. Оно ценно тем, что помогает закрепить положительные формы поведения, а поощряемые поступки служат образцами поведения для других. Одним из главных видов поощрения были одобрение, похвала.

Поэтому желание прославиться было основной чертой характера горцев. Отличиться храбростью стремились не только представители княжеско-дворянского сословия, но и выходцы из простых семей. В этом плане Хан-Гирей приводит любопытный пример. Однажды молодые люди, собравшись над пропастью, разговорились между собою и забавлялись играми. Один из этих молодых людей предложил вопрос: существует ли человек, который для славы, не боясь смерти, бросится в страшную пропасть? В это время некий пастух, слышавший все споры молодежи, вступает в их середину и, произнеся: «Прошу сказать бжедугцам, что я погиб для их славы», — бросается в пропасть и там погибает. Такое страшное понятие черкесов о славе показывает некоторым образом сходство нравов этого народа с нравами спартанцев¹.

Таким образом, народная педагогика адыгов и балкарцев придавала огромное значение нравственному воспитанию подрастающего поколения. В этом процессе они использовали различные методы и средства. Детям с ранних лет прививали такие важные для человека качества, как совесть, честь, долг, патриотизм, интернационализм, честность и др., без которых немислима полноценная личность.

§ 4. Эстетическое воспитание

Человек с раннего периода своей истории фантазировал, любовался красотой окружающей его природы. Он наблюдал за природными явлениями, как сменяется зима весной, как пробуждается природа, как жизнь ее снова затихает к зиме. Адыги и балкарцы, окруженные уникальной по своей красоте природой, всегда находились среди прекрасного. Они жили в окружении густых лесов и величественных гор, бурлящих горных рек, плодородных степей с разнообразной растительностью и жи-

¹ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 326.

вотным миром. Все это влияло на настроение и способствовало развитию эстетических чувств. С раннего возраста горцы учили своих детей замечать и понимать изумительность природы, среди которой они жили. Их учили не только понимать всю ее красоту, но и бережно относиться к ней, не наносить ей вреда.

Поэтому не случайно в народной педагогике адыгов и балкарцев такое важное место занимает эстетическое воспитание подрастающего поколения. Адыги и балкарцы, как и другие народы, выработали свои эстетические взгляды, эстетическую культуру в целом. Эти взгляды и понятия у бесписьменных народов передавались устно из поколения в поколение и наглядным образом — красотой и опрятностью одежды, функциональностью орудий труда, декоративностью предметов обихода и многим другим, сотворенным руками человека. Народная педагогика предполагает через эстетическое воспитание формирование эстетического отношения к жизни: труду, окружающим людям, личному поведению, вещам, природе. Воспитывалось сознательное отношение к прекрасному, умение понять и оценить его. Детей старались учить различать прекрасное и безобразное, замечать красоту человека и природы. При этом обращали внимание не только на внешнюю сторону, но и на внутреннюю красоту вещей самого человека.

Как справедливо отмечает М. Г. Загазежев, народ в эстетическом воспитании детей большое значение придавал поэтическим произведениям для детей, которые передавались из поколения в поколение. Он видел, что такие произведения глубоко затрагивают эмоциональную жизнь ребенка, который реагирует на окружающий мир больше чувством, нежели умом. С учетом особенностей детской психики народ создавал детский фольклор, отвечающий эстетическим вкусам ребенка.

Огромна роль матери и бабушки в эстетическом воспитании ребенка. Именно с матерью, а затем с бабушкой сталкивается ребенок с первых дней его жизни. Такие детские жанры, как колыбельные песни, считалки и прибаутки являются первыми методами эстетического воспитания детей. Колыбельные песни не только успокаивали ребенка, но и способствовали накоплению у него чувственных восприятий — ритма и мелодии песни. Через колыбельные песни ребенок учился восхищаться красотой мелодии. Они обогащали духовный мир ребен-

ка. Именно первые два-три года в его жизни колыбельная песня является одним из действенных инструментов эстетического воспитания. Затем на смену им приходят различные игры, прибаутки. Они оперируют образами, понятными и близкими детям. С помощью прибауток создавалось доброе, жизнерадостное настроение, воспитывалось чувство юмора, умение мыслить самостоятельно. Огромную роль в умственном и эстетическом воспитании детей играли сказки. Сказочники придавали своему повествованию драматический характер, выявляя различные оттенки сказки, и тем самым усиливая ее эстетический и эмоциональный колорит.

Адыги и балкарцы учили детей не только восприятию всего прекрасного, но также добивались от них жизненной активности, развивали способность самим творить красоту в трудовой деятельности, в быту, в общественной и личной жизни. Через трудовое и физическое воспитание старшие показывали на конкретных примерах, что важно не просто создать что-либо, но важно было показать, как необходимо создавать красиво, со вкусом. Это касается одежды, различных предметов обихода. Например, девочек обучали не просто золотошвейному делу или другим занятиям, но также стремились развить их эстетические чувства. Создаваемые предметы должны были отличаться не только качеством, но и радовать глаз. Об эстетическом вкусе адыгов можно судить на примере их одежды и других предметов материальной культуры, которые с удовольствием перенимали все народы Кавказа. В эстетическом воспитании подрастающего поколения огромную роль играли танцевальное и музыкальное искусство. Молодежь учили танцевать грациозно, с соблюдением всех правил и тонкостей этого искусства. Юношам и девушкам внушали, что в красивом танце человек преображается, становится одухотвореннее, красивее. Поэтому движения танца способствовали развитию эстетики человека. Молодежь, заучивая старинные народные песни, училась слушать и понимать их философию.

Таким образом, адыги и балкарцы уделяли огромное внимание эстетическому воспитанию подрастающего поколения. С ранних лет они учили детей понимать красоту колыбельной песни, танцев, мелодий народных песен. Приучали их не только к трудовой деятельности, но прививали им эстетический вкус при создании тех

или иных предметов, видов одежды, орудий труда и т. д. Детей учили видеть красоту природы, восхищаться ею и беречь ее; различать в каждом человеке его внешнюю и внутреннюю красоту. Им внушали, что человек — самое прекрасное создание природы, что подлинной красотой человека является его внутренний мир. Именно при таком воспитании можно было рассчитывать на появление в человеке чувства любви к другому человеку. Именно такой человек является высоконравственным и эстетически развитым — культурным.

Всему этому обучали на конкретном примере поведения старших и родителей, через их практическую деятельность.

§ 5. Трудовое воспитание

Недаром Ф. Энгельс указывал, что труд — источник всякого богатства. Он действительно является таковым наряду с природой, доставляющей ему материал, который он превращает в богатство. Но он еще и нечто бесконечно большее, чем это. Он — первое основное условие всей человеческой жизни, и притом в такой степени, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека¹. Действительно, вне труда нет человечества. Именно умение трудиться отличает человека от животного мира. И каждый народ, ныне существующий и давно исчезнувший, вырабатывал свои системы трудового воспитания подрастающего поколения. Именно через это воспитание человечество передает богатейший опыт трудовой деятельности, который накоплен за многовековую его историю.

Адыги и балкарцы, как и любой другой народ, с раннего возраста приучали своих детей к трудовой деятельности. Им объясняли, что труд — основное условие жизни человека, что он должен постоянно трудиться, что необходимо любить труд. Именно трудом человек достигает счастья, в труде проявляет все свои возможности. Дети видели, что трудолюбивый человек — уважаемый человек в обществе, а тунеядца презирают все, т. е. они убеждались, что вне общественного мнения не существует ни один человек и о нем судят по тому, как он трудится,

¹ Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 20. С. 486.

как относится к своим функциональным обязанностям. Старшие всячески старались укреплять в сознании детей чувство любви к труду, поднимая сознание молодежи до понимания важности и необходимости ежедневно трудиться, воспитывая и развивая в ней чувство глубокой ненависти к людям, которые жили за счет труда других.

Народные педагогические идеи о роли труда в жизни человека и общества в целом, в формировании полноценной личности, во многом близки идеям, высказанным многими выдающимися людьми о труде и трудовом воспитании. Например, Н. Г. Чернышевский писал, что жизнь имеет своим главным источником труд. Придавая большое значение физическому труду в умственном развитии человека, Л. Н. Толстой писал: «Телесный труд не только не исключает возможность умственной деятельности, не только улучшает ее достоинство, но и поощряет ее»¹. В. Белинский утверждает, что «...только труд может сделать человека счастливым, приводя его душу в ясность, гармонию и довольство с самим собой»². Как справедливо отмечает М. А. Меретуков, трудолюбие в крестьянских семьях являлось одним из критериев определения воспитанности человека. Труд был самым главным элементом формирования личности, он был не только целью, но и средством воспитания подрастающего поколения, а трудолюбие, умение работать хорошо и в свое удовольствие, — это итог, результат трудового воспитания. К тем, кто пренебрегал физическим трудом или занимался им с неохотой, народ относился неуважительно³.

Трудолюбие адыгов было подмечено многими иностранными авторами, которые изучали их быт, нравы, обычаи, жизнь в целом. Например, Ф. Дюбуа де Монпере отмечал, что «воспитательницы (аталычки) обучают девушек вышивать, делать позументы, шить платья, плести корзинки, соломенные циновки и выполнять другие работы, присущие их полу»⁴. Дж. Белл также писал, что черкесы «очень искусны и трудолюбивы. Мужчины занимаются уходом за лошадьми и земледелием; старшие женщины занимаются ежедневными заботами по хозяй-

¹ Толстой Л. Н. Соч. М., 1928. Т. 41. С. 287.

² Белинский В. Г. Письма. М., 1914. Т. 1. С. 287.

³ Меретуков М. А. Семья и семейный быт у адыгских народов. Майкоп, 1987. С. 93.

⁴ Фредерик Дюбуа де Монпере. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазцам, в Колхидию, Грузию, Армению и в Крым // АВКИЕА. Нальчик, 1974. С. 444.

ству, присматривают за садами, обрабатывают шерсть, лен, коноплю для изготовления одежды, молодые девушки занимаются также прилежно шитьем, пряжей, тканьем и другими подобными работами»¹. О трудолюбии любого народа можно судить по многим показателям, по тому, что он создал в материальной и духовной сферах своей жизни. Адыги и их предки на протяжении своей многовековой истории создали немало. Например, хатты – древнейшие предки абхазо-адыгов – первыми научились выплавлять из руды железо, они же впервые применили военную колесницу; есть предположение, что они были первыми мореплавателями на планете. О культуре Древней Синдики – первой государственности синдо-меотских племен – можно говорить много. Это знаменитые породы кабардинских лошадей, овец, различные виды холодного оружия и военных доспехов; адыгские черкеска и бурка, в целом одежда, перенятая всеми народами Кавказа и казачеством, многое другое. Нетрудолюбивый народ и его предки не достигли бы таких успехов в материальной и духовной культуре. Ш. Ногмов писал о трудолюбии адыгов: «Древние адыги одарены были благородством души и хорошими умственными способностями, славились деятельностью и сметливостью, они были известны своим трудолюбием»².

В адыгском обществе в воспитании подрастающего поколения соблюдался классовый принцип: в воспитании детей княжеско-дворянского происхождения приоритет отдавался военно-физическому и умственно-нравственному воспитанию, и меньше – трудовому, а в крестьянских семьях приоритет отдавался трудовому воспитанию. Однако это вовсе не означает, что на другие формы воспитания у тех или других сословий не обращали внимания. Наоборот, воспитание осуществлялось в целом комплексно, но с приоритетом того или иного направления. Народная педагогика адыгов и балкарцев как коллективный опыт воспитания была универсальной системой, опирающейся на живой пример окружающей среды, черпающей из нее свои методы. Народная педагогика отличалась своим, более устойчивым консерватизмом, хотя и она пользовалась самыми различными методами,

¹ Джеймс Велл. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838, 1839 гг. // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С 507.

² Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1994. С. 65.

применяла самые различные средства воздействия на детей, начиная от непосредственного их участия в работе, от показа и разъяснения до просьбы, увещевания, убеждения, приказания, принуждения. Поэтому роль народной педагогики и семейного воспитания не снижается и в настоящее время, а наоборот, даже возрастает. Практика показывает, что ни одно государство, ни одна школа, ни один молодежный клуб и т. д. не воспитает высоко нравственного, трудолюбивого, эстетически развитого человека, если в семье он не получил соответствующего воспитания. Основы нравственности и интеллекта закладываются прежде всего в семье. Именно она формирует человека как личность, а общество дальше развивает эти полученные качества человека.

Воспитание адыгов и балкарцев делилось, таким образом, на семейное и общественное. Мальчиков, естественно, воспитывали несколько иначе, чем девочек. Однако воспитание как семейное, так общественное, как мальчиков, так и девочек, происходило не изолированно друг от друга, а было взаимосвязано.

В процессе воспитания детей в семье особая ответственность ложилась на женщин. Выполняя свои посильные обязанности в семье по уборке дома, двора, уходу за домашним скотом и птицей, приготовлению пищи, обработке шерсти, обеспечению членов семьи одеждой, обувью, женщины непосредственно прививали детям трудовые, нравственные и эстетические навыки, честность, трудолюбие, мужество, уважение к людям. Семья представляла собой маленький коллектив, члены которого были связаны трудовой деятельностью и общими жизненными интересами, где каждый человек имел свои конкретные обязанности. В семье дети познавали систему взаимоотношений ее членов, обязанности, обычаи и обряды своего народа. Семейное воспитание было тесно связано с дополнявшим его общественным. Общество влияло на детей через самые различные каналы — кунацкую, институт аталычества, на различных торжественных и ритуальных мероприятиях, при домашних и полевых работах и т. д. Адыги и балкарцы рассматривали воспитание детей не как семейное, а как общественное дело. Все члены фамилии были ответственны за поступки каждого своего сородича. Все они принимали участие в уплате калыма и плате за кровь. Каждое преступление ложилось позором на всю семью или фамилию, село или аул.

Огромную роль в трудовом воспитании подрастающего поколения играли пословицы, легенды, сказки, рассказы о труде.

Однако какими бы поучительными и содержательными они ни были, все они лишь подготавливали детей к труду, создавали благоприятные условия для уважительного отношения к труду. Самым же главным, определяющим фактором в трудовом воспитании является сам труд во всем его многообразии, причем труд напряженный, не допускающий расслабления, не зависящий от настроения, обязательный, ибо, как отмечал В. А. Сухомлинский: «Труд только тогда воспитывает, когда он нелегок»¹. Основными требованиями трудового воспитания подрастающего поколения в народной педагогике адыгов и балкарцев были:

1) учет возрастных и индивидуальных особенностей детей;

2) доступность трудовой деятельности детей;

3) постепенное усложнение трудовой деятельности детей;

4) опора на детскую самостоятельность и инициативу;

5) обеспечение непрерывности выполнения детьми трудовых поручений;

6) руководство и контроль со стороны взрослых за трудовой деятельностью детей и подростков;

7) поощрение или порицание за выполненную работу;

8) развлекательное и опосредованное приобщение детей к физическому труду.

Считалось, что детей необходимо тщательно воспитывать с самых ранних лет, так как в более позднем возрасте трудно будет прививать трудовые и нравственные качества. Мысль эта выражалась в адыгской народной поговорке: «Чы щыккэ къыумыгъэшар, баш хъуа нэужккэ къыпхуэгъэшыжынукъым» (Сгибай прут, пока он молодой). Детей начинали приобщать к труду уже с 2-3 лет. В этом возрасте их учили систематически выполнять посильную работу: подать ложку, тарелку, поднять упавший со стола предмет. С семи лет начинали приобщать к труду более серьезно и целенаправленно. Летом родители и родственники брали с собой мальчиков на горные пастбища и учили их ухаживать за ско-

¹ Сухомлинский В. А. Избранные педагогические сочинения. М., 1979. Т. 1. С. 526.

том, готовить пищу. Мальчиков 13–14 лет привлекали к участию в ночном выпасе скота. С 15–16 лет мальчик трудился, как взрослый: пахал, косил, ездил один за дровами в лес и т. д. Многие подростки постигали основы ремесла, которым занимались их отцы и старшие братья. Они овладевали мастерством кузнеца, ювелира, плотника, оружейника, шорника. Во многих семьях эти профессии были наследственными.

Девочек тоже учили различным ремеслам. Их привлекали к трудовой деятельности даже раньше мальчиков. К 15–16 годам девочка уже могла самостоятельно вести домашнее хозяйство. Ф.-Ф. Торнау писал, что у адыгов основным достоинством девушек считалось, после красоты, умение хорошо работать. Специфика трудового обучения в животноводстве в прошлом обуславливалась особенностями этой хозяйственной отрасли. Мальчиков туда брали с подросткового возраста – 12–15 лет. До этого они познавали труд пастуха, чабана, табунщика в домашних условиях, ухаживая за животными. К труду животноводов дети приобщались, наблюдая за работой взрослых, которые иногда привлекали их к работе в качестве помощников. Немаловажное значение имели рассказы о нелегкой, но благородной работе табунщиков, пастухов, чабанов, об особенностях их труда. Немалую роль играли сведения о повадках животных в различных ситуациях, их болезнях, методах кормления, об их охране и т. д. Детей с ранних лет приучали к обращению с животными, так, чтобы они их не боялись, но были терпеливы и осторожны. Мальчиков с 3–4 лет сажали на коня, давали погладить лошадей, жеребят, телят, агнят.

Настоящие трудовые навыки подростки получали на кошах, когда их туда брали. Здесь они усваивали не только знания о животных, об их повадках, но и как экономнее использовать пастбищные угодья, как ориентироваться во времени и на местности. Мальчик обязан был знать, что нельзя быстро гонять маточных животных, пасти там, где сквозит; уметь организовать водопой у теплых источников (родников) с некрутыми подступами. Ребятам объясняли, что лошадей нельзя поить водой перед дальней дорогой и после нее. Нельзя сразу распрягать коня после дороги, пока не остынет его тело. Подростки – помощники табунщиков, знали, что нельзя смешивать кровь кобылицы и жеребца, а необходимо обмениваться жеребцами с другими табунщиками. Такие

же требования предъявлялись и к остальным типам животных. В трудовом воспитании большое значение имели народные игры – игровая форма воспитания, являющаяся промежуточной между идеальными представлениями и опосредованными методами воспитания, заключенными в пословицах и поговорках. Игра составляла один из наиболее ранних и наиболее доступных методов, посредством которых ребенка обучали общению с внешним миром, его социализации. Она закладывала первые трудовые навыки, развивала умение, вырабатывала привычки, совершенствовала мастерство. Игра оказывала благотворное влияние на формирование характера ребенка, воспитывала в нем самостоятельность, смелость, находчивость, самообладание, терпение, хладнокровие, аккуратность, развивала дух коллективизма, солидарности. Вообще, у алыгов было много интересных игр, связанных с земледельческим и животноводческим бытом, которые были хорошей школой воспитания подрастающего поколения.

С. Мафедзев приводит много примеров таких обрядовых игр. К ним относятся: национальная борьба («банэ»), «дамэкъуэпэс» («дамэкъуэ» – палки, вставляемые в воловье ярмо, «пэсын» – сесть верхом), «зыкъих» (обернуться вокруг чего-либо) и др.

Игра «дамэкъуэпэс» проходила в три тура.

1. Играющий выбирает ровную площадку. Ноги он ставит вместе, руки вытягивает вперед. В каждой руке по одному «дамэкъуэ» (палка длиной 40–50 см), которые берутся чуть ниже, чем посередине, и вытягиваются в продолжение рук. Теперь играющий наклоняется вперед, опираясь на палки, которые ставятся на землю вертикально. После этого, передвигая палки вперед, игрок постепенно вытягивает туловище, пока тело его не принимает горизонтального положения. Таким образом, играющий становится в стойку человека, отжимающегося от земли, с той лишь разницей, что в «дамэкъуэпэс» опорой для рук служат палки. Исходное положение играющий принимает, совершая обратное поочередное передвижение палок.

2. Этот тур проходил так же, только когда игрок вытягивал туловище, передвигая палки вперед, он должен был оторванной от земли палкой касаться (попеременно) другой палки. Возвращался в исходное положение игрок так же, как и в первом туре.

3. Здесь игрок принимал стойку и занимал исходное положение, попеременно касаясь палкой палки. Бывали случаи, когда все туры не выявляли победителя. Тогда перед игроками, ставшими в стойку, клали шапку, которую они поднимали зубами. Для этого надо было обладать очень сильными руками¹.

По своему характеру, целям, задачам, многочисленным детским играм можно разделить на несколько групп: трудовые, военно-прикладные, игры-забавы. Примером игр с трудовой направленностью может служить игра-борьба из-за кожи. Это был красочный праздник всех пастухов-всадников. Они соревновались в умении применять те основные приемы, которые связаны с их повседневной работой: отбивание от стада бычка и ловля барана или козла, проявление сноровки в забивании и снятии шкуры без повреждения, езда на необъезженной лошади. Сначала эта игра была командной. В разных местах поля выстраивались команды. Их могло быть несколько, но не больше 10 человек. По сигналу судьи наездники устремлялись к туше козла или барана, каждый старался первым подхватить тушу и унести, но ввиду того, что конкуренты мешали это делать, туша перекидывалась членам команды. Схватившиеся соперники бросались в погоню за тем, у кого была туша, и отнимали ее, тем временем на помощь приходили товарищи по команде, которые оттесняли конкурентов. Все это проводилось на поляне до тех пор, пока какая-либо из команд не клала тушу в обозначенное для этого место. Были и другие народные игры, которые носили характер трудового воспитания.

Все вышеизложенное – свидетельство тому, что народная педагогика адыгов и балкарцев уделяла особое внимание трудовому воспитанию подрастающего поколения. К физическому труду приобщали детей с ранних лет, он носил непринужденный, но сильный характер. Детям объясняли, что именно в труде – основа благополучия человека, общества в целом, что трудолюбивый человек всегда в почете. Современная наука может успешно решать вопросы воспитания подрастающего поколения при широком использовании богатейшего педагогического опыта любого народа, выработанного веками.

¹ Мафедзев С. Х. Обряды и обрядовые игры адыгов. Нальчик, 1979. С. 86, 87.

ЛИТЕРАТУРА

- АБКНКА. Нальчнк, 1974.
- Баажнокое В. Х. Адыгская этика. Нальчнк, 1999.
- Белнкский В. Г. Письма. М., 1914. Т. 1.
- Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838, 1839 гг. // АБКНКА. Нальчнк, 1974.
- Бесс Жан-Шарль де. Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению, Малую Азию и в Константинополь в 1829-м и 1830 г.
- Бетровое Р. Ж. Происхождение и этнокультурные связи адыгов. Нальчнк, 1991.
- Бларамберг И. Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа // АБКНКА. Нальчнк, 1974.
- Броневский Мартин. Описание татар // АБКНКА. Нальчнк, 1974.
- Джированни Лукка. Описание перекопских и ногойских татар, черкесов, мингрелов и Грузии в 1625 г. // АБКНКА. Нальчнк, 1974.
- Загазеев М. Г. Очерки по адыгской народной педагогике. Нальчнк, 1996.
- Интериано Дж. Быт и страна зиков, именуемых черкесами // АБКНКА. Нальчнк, 1974.
- Клапрот Генрих-Юлиус. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // АБКНКА. Нальчнк, 1974.
- Кокеев Г. А. Военное воспитание у кабардинцев в прошлом. Ученые записки кабардинского научно-исследовательского института. Нальчнк, 1946.
- Кон И. С. Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М., 1983.
- Ксенофонт. О быте и воспитании спартанцев. Хрестоматия по истории Древней Греции // Под ред. Д. П. Каллистова. М., 1964. С. 131.
- Кун Н. А. Легенды и мифы Древней Греции. Владикавказ, 1993.
- Мажбетов Г. Х. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. Нальчнк, 1997.
- Мариньи Жак-Виктор-Эдуард Тебу де. Путешествие в Черкесию // АБКНКА. Нальчнк, 1974.
- Мафедзев С. Х. Межпоколенная трансмиссия традиционной культуры адыгов. Нальчнк, 1991.
- Мемуары декабристов. М., 1988.
- Меретуков М. А. Семья и семейный быт у адыгских народов. Майкоп, 1987.
- Монпере Фредерик Дюбуа де. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазцам, в Колхидию, Грузию, Армению и в Крым // АБКНКА. Нальчнк, 1974.
- Намитлоков Ю. К. Адыгская народная педагогика о воспитании детей. Сб. ст. кафедры педагогики и психологии Адыгейского пединститута. Майкоп, 1957. Вып. 1.
- Платон. Диалоги. М., 1986.

Плутарх. Хрестоматия по истории Древней Греции// Под ред. Д. П. Каллистова. М., 1964.

Рейнеггс Яков. Всеобщее историко-топографическое описание Кавказа// АБКИЕА. Нальчик, 1974.

Сухомлинский В. А. Избранные педагогические сочинения. М., 1979. Т. 1.

Толстой Л. Н. Соч. М., 1928. Т. 41.

Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978.

Шоров И. А. Адыгская народная педагогика. Майкоп, 1989.

Шоров И. А. Идеи умственного воспитания в адыгском устном народном творчестве. Ростов н/Д, 1987.

Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 20.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

- § 1. *Становление светского образования.*
- § 2. *Нальчикская окружная горская школа и ее преобразование в реальное училище.*
- § 3. *Роль общественных культурно-просветительских организаций в системе образования.*

§ 1. Становление светского образования

Отмена крепостного права в России, которая открыла эпоху развития буржуазных отношений и окончательного включения Северного Кавказа в ее состав, создала объективные условия для развития народного образования и культуры в крае. Этот вопрос особенно остро стоял у горцев Северного Кавказа, где отсутствовала всякая письменность и народ фактически был поголовно безграмотный. Для зарождавшейся новой экономики и новых общественных отношений нужны были соответствующие кадры во всех сферах жизни. И для решения этих задач нужно было начинать с самого главного – с развития народного образования. Уже не отвечали запросам нового времени духовные учебные заведения, где процесс обучения подрастающего поколения сводился только к изучению Корана или к усвоению арабского языка незначительным числом людей. Это все не отвечало запросам новых производственных и общественных отношений в крае, который постепенно втягивался в общероссийские экономические, политические и культурные процессы, заметно набиравшие темпы после отмены крепостного права.

Россия, несмотря на свою колониальную политику на Северном Кавказе, вынужденно приступала к введению здесь светского образования. Правда, многие передовые мыслители России и первые горские просветители неоднократно ставили вопрос просвещения горцев, создания сети учебных заведений и подготовки кадров национальной интеллигенции. Хан-Гирей с сожалением констатировал, что черкесы на собственном языке не имеют книг, ибо лишены лучшего приобретения челове-

ческого разума – письменности. «О них можно сказать то же, что Г. Левин говорит о киргизах, – пишет он: «Все их просвещение ограничивается слабыми лучами, озаряющими человека, который хотя немного мыслит, имеет воображение и принимает впечатления окружающих предметов».

По принятии черкесами магометанской религии им были необходимы проповедники веры, почему у них и появились и собственные эфенди, кадии и муллы. Эти духовные особы пишут и отвечают на арабском и турецком языках; но весь предмет их знания заключается в толковании догматов религии и в изучении ветвей шариата. Князья и дворяне редко обучаются грамоте, почитая такое занятие неприличным своему званию. И тем не менее, – утверждает он, – черкесы совершенно способны к просвещению. Если бы ни одна просвещенная держава не имела сношений с черкесами, тогда бы только появление среди них какого-нибудь самого высокого гения могло бы произвести их преобразования, чего нельзя было бы ожидать скоро, но в настоящее время... мы не должны терять надежды, что и этот народ в наш век получит, так сказать, новую, изящную жизнь посредством образования»¹.

Г. Ю. Клапрот отмечал, что у черкесов умеют писать и читать в основном служители культа, что их муллы, священники из вольноотпущенников князей или узденей, отправляются учиться немного читать и писать к татарам из Табасарана или в Эндери, получают звание эфенди и возвращаются в свое Отечество². Даже были специальные проекты создания светского образования в крае. Но царское самодержавие всячески препятствовало этому. Но теперь наступили новые времена, общество перешло к своей модернизации и объективно настало время решения этого вопроса. Отдельные влиятельные политические деятели России пытались объяснить свое бездействие в развитии школьного образования на Северном Кавказе якобы природной ленью и неспособностью учиться горских детей. Однако, к счастью, в России и зарубежом были такие люди, которые видели в горах Северного Кавказа вполне способных к просвещению и достижению заметных успехов в образовании, литературе и науке.

¹ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 105, 106.

² Клапрот Г. Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 262.

Среди них Семен Броневский, который хорошо знал интеллектуальные способности черкесов. Он писал: «...все науки их находятся в руках духовных: однако, судя по врожденной понятливости и остроумию, примечаемым в черкесах, должно думать, что в непродолжительное время они могли бы поравняться с просвещеннейшими народами, если б победили свои закоренелые предрассудки. Многие из кабардинцев почти самоучкой от обращения с русскими умеют читать и писать по-русски, а говорят так чисто, что никакого различия с коренным россиянином нельзя заметить»¹.

А Теофил Лапинский с восхищением говорил, что молодые адыги имеют исключительное стремление к учению и хорошие дарования; в Константинополе очень часто проданные в рабство мальчики достигают высокого звания; чтобы выучить то, что изучает турок, адыгу требуется наполовину меньше времени. Он далее пишет, что часто видел мальчиков, которым попала в руки какая-либо старая книга, печатный или написанный лист бумаги, бегущих за солдатом с настойчивой просьбой объяснить им, что написано. Два мальчика 13–14 лет, которые приобрели дружбу одного унтер-офицера, научились в продолжение года не только говорить по-польски, но и достаточно хорошо читать и писать. Водя карандашом по витиеватым строчкам книги, с кусочком бумаги перед собой, они были в состоянии полдня читать по слогам и писать каракули, не двигаясь с места и забывая часто о еде².

И. Бларамберг, подтверждая эти высказывания Т. Лапинского, отмечал, что «было весьма легко дать образование этому народу, учитывая его природные наклонности и интеллектуальные способности, если бы удалось искоренить его предубеждение против всякого рода науки. Доказательством этому служит то, что многие черкесские и кабардинские князья научились читать и писать по-русски, так сказать, без чьего-либо участия и помощи и говорят на этом языке настолько чисто и с таким правильным произношением, что их можно принять за настоящих русских»³. Царское правительство, как бы оно

¹ Семен Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Нальчик, 1999. С. 197.

² Теофил Лапинский. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995. Т. 1, 2. С. 98.

³ Иоганн Бларамберг. Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992. С. 98.

ни противилось просвещению горцев Северного Кавказа, вынуждено было открывать светские учебные заведения. Оно рассматривало свою просветительскую деятельность как один из методов колониальной политики, которую оно проводило после завершения Русско-Кавказской войны.

Венгерский ученый Жан-Шарль де Бесс писал по этому поводу, что правительство, устраивая эти школы, имело в виду весьма мудрый политический расчет. Дети местных жителей, меняя свои первоначальные представления и постепенно отказываясь от своей неприязни к русским, возвратятся к домашним очагам более образованными, более развитыми и приобщенными к европейским нравам. Легкость, с которой учатся эти дети, необычайна, самый старший из них читал передо мной русскую книгу очень бегло и внятно, хотя пробыл в школе всего один год – срок, после которого родители забирают своих детей, чтобы прислать на их место других¹.

Первая светская школа которая была открыта в Нальчике в конце 20-х гг. XIX в., называлась аманатской (от араб. слова «аманат» – заложник, даваемый в обеспечение договора). Подобные светские учебные заведения были открыты и в других регионах Северного Кавказа.

Правда, задолго до открытия светских учебных заведений были предприняты попытки создания национальной письменности. Этому периоду предшествовала большая подготовительная работа по сбору словарного материала. В этом трудном деле участвовали не только первые просветители горцев Северного Кавказа, но и русские, и иностранные ученые. Например, первый, но ограниченный словарный материал адыгейской письменности собрал и опубликовал в начале XVIII в. шведский военнопленный в России Штралберг. Несколько больше сделал академик Гюльденштедт в 1773 г. В бумагах академика Палласа (конец XVIII в.) имеются четыре черкесских глоссария. В словаре второй половины XVIII в., составленном в России, помещен раздел с кабардино-черкесским языком. Собираание словарных материалов продолжалось и в XIX в. – Клапротом, Тебу де Мариньи, Дж. Беллом и другими учеными. Первая попытка создания адыгейской письменности относится к само-

¹ Жан-Шарль де Бесс. Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению, Малую Азию и в Константинополь в 1829-м и 1830 г.// АВКИЕА. Нальчик, 1974. С. 338.

му началу XIX в. Такую попытку впервые предпринял Хаджи Нотаук Шеретлуков. Однако она закончилась безуспешно. Лишь с конца 20-х гг. XIX в. начались реальные попытки создания адыгской письменности. И здесь шла борьба между русским и арабо-мусульманским влиянием. Был создан ряд проектов алфавита. Решающее влияние в этом процессе оказали русские ученые.

Первый черкесский алфавит на русской графической основе был составлен Грациловским в 1829 г. В 1840 г. Люлье составил на той же основе новый вариант черкесского алфавита и через шесть лет издал грамматику и русско-французско-черкесский словарь (Одесса, 1846).

В 1855 г. адыгский просветитель Умар Берсей составил алфавит на арабской основе и опубликовал в Тифлисе литографическим способом «Букварь черкесского языка». В 60-х гг. XIX в. известный русский кавказовед Услар составил алфавит черкесского языка на русской графической основе¹. Завершение Русско-Кавказской войны и окончательное присоединение Северного Кавказа к России совпало с периодом подъема общественно-политического движения и буржуазных реформ 60-х гг. XIX в.

Революционно-демократические и философские воззрения Н. Г. Чернышевского, Н. А. Писарева, педагогические идеи Н. И. Пирогова, К. Д. Ушинского, Л. Н. Толстого не только усваивались просветителями народов Северного Кавказа, но и проникали через них в далекие и глухие ущелья края, помогая им в их нелегкой борьбе за просвещение своего народа, за открытие школ, за приобретение своих соплеменников к передовой русской культуре.

Русская педагогика становилась основой, на которой развивалась педагогика многонационального русского государства. Почти все просветители и первые педагоги народов Северного Кавказа находились под влиянием идей русских революционных демократов и просветителей. Ярким свидетельством этого является творчество адыгских просветителей: Кази Атажукина, Умара Берсея, Паго Тамбиева, Нуха Цея, Цуга Теучежа, революционера Мосса Шогенова и др. В 60-х гг. XIX в. на общественно-политическом поприще велики заслуги русских педагогов: Н. И. Пирогова, К. Д. Ушинского, Л. Н. Тол-

¹ Очерки истории Адыгеев. Майкоп, 1957. Т. 1. С. 264, 265.

стова и русских революционных демократов. Кази Атажукин, один из первых адыгских педагогов, считал себя последователем К. Д. Ушинского. Его большой заслугой является перевод на адыгский язык и издание в 1857 г. некоторых статей Ушинского из «Детского мира», способствовавших ознакомлению адыгов с основами естествознания.

Кази Атажукин был убежденным сторонником того, что выход адыгов из невежества возможен только в результате приобщения их к русской культуре. Для этого он предлагал изучить и усвоить в первую очередь русский язык. Обучение же русскому языку, по его мнению, должно было строиться на базе родного языка. Он предвидел, что потребность горцев в знании русского языка с каждым годом будет возрастать. Вместе с тем он осуждал тех, кто предлагал изучение арабского языка, насаждаемый мусульманским духовенством. «Алфавит из русских букв, — отмечал он, — облегчит народу изучение русской грамоты и этим ускорит сближение кабардинцев с русскими и с их просвещением». Атажукин не ограничился одними рассуждениями о просвещении своего народа, но и приступил к практическим делам. По образцам учебников Ушинского он составил в 1868 г. «Кабардинскую азбуку» и первые книги для чтения. Во второй половине XIX в. на общественном и педагогическом поприще появляются такие просветители, как Умар Берсей, Паго Тамбиев, Нух Цей и др. Умар Берсей — сторонник изучения русского языка и культуры, был исключительно образованным человеком. Он знал русский, французский, турецкий, татарский языки. В 1850–60 гг. Берсей состоял старшим преподавателем при Ставропольской гимназии, где обучал адыгов родному языку. Берсей тоже создал «Букварь черкесского языка», который был издан в 1855 г. в Тифлисе. В 1861 г. он составил адыгскую азбуку на основе русской графики. В 1862 г. он работал вместе с исследователем кавказских языков, в дальнейшем — членом-корреспондентом Академии наук Петром Усларом, над изданием азбуки на русской графической основе. Более подробные сведения о Кази Атажукине и Умаре Берсее читатель найдет в другом разделе данной работы.

В Майкопской горской школе работал педагог-литератор Паго Тамбиев, воспитанник Закавказской учительской семинарии. Он был знаком с учеником и последо-

вателем К. Д. Ушинского, известным русским педагогом Д. Д. Семеновым. Большое внимание П. Тамбиев уделял сбору, обобщению и печатанию материалов по народной педагогике адыгов. Он в сотрудничестве с русским ученым Л. Лопатинским вел большую научную работу по разработке кабардинского алфавита и грамматики.

Развитию педагогической мысли и светского образования на Кубани, в том числе и в Адыгее способствовала деятельность русского педагога Д. Д. Семенова и Л. Н. Толстого. Д. Д. Семенов работал на Кубани в 1870–1878 гг. Под его руководством были подготовлены первые группы учителей для Кубани. В Кубанской (Ладожской) гимназии, где работал директором Д. Д. Семенов, учились и адыги. Великий русский писатель и мыслитель Л. Н. Толстой до конца своей жизни поддерживал связь с Кавказом, в том числе с некоторыми жителями Адыгеи. По совету Л. Н. Толстого в ауле Тахтамукай жители добились открытия первой светской школы. Он подарил населению этого аула библиотеку, состоящую из книг классической русской литературы, словарей, учебников. Это была первая библиотека в ауле. Но открытие светских школ в крае задерживалось. Тем не менее увеличивалось количество обращений представителей горских народов в адрес различных государственных учреждений по поводу открытия учебных заведений для местных детей. Например, в 1829 г. Федор Бекович-Черкасский, близкий знакомый А. С. Грибоедова, выдвинул проект открытия в Нальчике училища для обучения детей русскому и арабскому языкам. Срок обучения устанавливался в три года. Переписка об открытии школы в Нальчике затянулась. Однако в 1836 г. последовало общее распоряжение «принимать туземное юношество в полковые и батальонные школы при войсках Кавказского корпуса». Предлагалось этот опыт распространить по всему Северному Кавказу. Как отмечает Т. Х. Кумыков, служба в армии и обучение в кадетских корпусах оставались основной формой подготовки кадров. Такое положение не могло удовлетворить потребности народного образования в регионе. Необходимость организации школьного образования на местах видели и другие представители горцев Северного Кавказа. Как было отмечено выше, после Федора Бековича-Черкасского, выдвинувшего идею о создании школы в Нальчике, в 1836 г. Хан-

Гирей в «Записках о Черкесии» также поставил вопрос об открытии начальной школы для адыгских народов Северо-Западного Кавказа. Но и этот проект остался неосуществленным. 10 февраля 1841 г. кабардинский временный суд обратился к начальнику Центра Кавказской линии генерал-майору Пирятинскому с рапортом, в котором вновь поднимался вопрос «об устройстве в Кабарде училища, и об отправке Ш. Б. Ногмова в Петербургскую академию наук». Эту идею поддержал и Д. Кодзиков, который находился в тот период в Пятигорске. Данный проект долго обсуждался, дорабатывался, в конечном итоге был одобрен и представлен военному министру, который, в свою очередь, доложил императору Николаю I.

Вопрос получил в основном положительное решение, и было выделено 1990 рублей ассигнований, и предлагалось начать строительство школьного здания в 1842 г. Но оно затягивалось в связи с частыми переменами руководства Кавказской армии и Центра линии. В конечном итоге обсуждение данного вопроса завершилось к весне 1843 г. и наместнику Кавказа Нейдгарду было велено открыть в Нальчике школу, но с тем непременным условием, чтобы 50 % учащихся составляли дети русских дворян и обер-офицеров. Но в марте 1847 г. было отменено решение об учреждении в Нальчике школы «собственно» для детей кабардинцев. Взамен этой школы предлагалось учредить «школы военных воспитанников» из двух отделений: одного — солдатского, а другого для детей русских офицеров, кабардинских князей и дворян, с допущением нескольких детей отличившихся урядников линейного казачьего войска, т. е. 25 кабардинцев, 25 русских чиновников и урядников и 25 кантонистов. В 1848 г. это решение было пересмотрено, и местом расположения школы была названа станица Екатериноградская. Администрация исходила из того, что дети в станице, будучи изолированными от постоянного влияния их родственников, быстрее усвоят обычаи и нравы русских. Но кабардинские родители не согласились с этим. И кавказская администрация, боясь вызвать обострение ситуации, вынуждена была согласиться с предложением об открытии с января 1851 г. кабардинской школы в Нальчике с контингентом в 25 человек за счет общественных сумм. В день открытия в списке учеников значилось 12 человек, в том числе два кабардинца,

4 балкарца, 4 осетина, 1 – из Сванетии и 1 карачаевец. В список кандидатов для поступления вошли 17 человек, в том числе 9 кабардинцев, 7 осетин из Дигоры и один балкарец.

Обучение детей осуществляли два учителя. Заведовал школой инспектор, поручик Кельчевский. В кабардинской школе в 1857 г. учились Абай Шаханов, Асламурза Абаев, Султан-Бек Абаев, Муса Шарданов, Заурбек Тамбиев, Тембот Кучмазукин, Карашай Куденетов, Кази Касаев. Официально школа была создана для обучения детей «почетных» осетин и балкарцев, составлявших в отдельные годы больше половины состава учащихся. Кабардинская школа, хотя и просуществовала всего 10 лет, сыграла определенную роль в приобщении отдельных лиц из русских, кабардинцев, балкарцев и осетин к развитию просвещения, содействовала формированию национальной интеллигенции¹. Аналогичная работа по созданию светского образования проводилась и в Черкесии. Здесь первая светская школа была открыта в 1877 г., а в 1891 г. было открыто еще пять таких горских школ с трехлетним сроком обучения. Школы, созданные в аулах, назывались окружными и начальными и работали по специальному уставу, утвержденному в 1858 г. Окончившие начальную школу принимались во второй класс уездных училищ и в гимназию².

Светское образование шире распространялось во второй половине XIX в. Особенно значительное число школ было открыто в Кубанской области в 1861–1867 гг. В области за это время было открыто более 100 школ. В 1866 г. в г. Майкопе, а в 1868 г. в Лабинске были открыты горские школы, дававшие знания в объеме двухклассного начального училища. До 1892 г. Майкопская горская школа выпустила 177 человек, в основном адыгов. В 1899 г. Майкопская школа была преобразована в низшее механико-техническое училище. В 1866 г. в Туапсе было открыто годичное училище для подготовки переводчиков-горцев. В 1876 г. одноклассные начальные училища были открыты в Суворово-Черкесском, Хантукте, позже – в Хакуринохабле. Во всех этих школах преподавание велось на русском языке. Кроме них, в Майкопе,

¹ Кумыков Т. Х. Культура, общественно-политическая мысль и просвещение Кабарды во второй половине XIX – начале XX века. Нальчик, 1996. С. 209–213.

² Народы Карачаево-Черкесии: История и культура. Черкесск, 1998. С. 250.

Баталпащинске (Черкесске), Екатеринодаре (Краснодаре), Армавире, Лабинске, Уружке, Усть-Лабе, Ладожской и в других населенных пунктах были открыты разные школы и учебные заведения, где адыги учились вместе с русскими.

Начало школьному образованию в Адыгее положило открытие на рубеже XVIII–XIX вв. в селении Богундыре (ныне Славянк-на-Кубани) шапсугским дворянином Магометом Хаджи школы-медресе, создание им алфавита адыгейского языка. Сеть примечетских школ в Западной Черкесии была довольно широко развита, учащиеся в них не только готовились к исполнению обязанностей муллы, кадия и судьи, но и получали элементарные знания по истории, географии, астрономии, фольклору, арабскому и персидскому языкам, осваивали адыгэ хабзэ. Определенную роль эти школы сыграли в деле сохранении черкесского языка, на котором велось преподавание, в том числе по алфавитам, составленным учителями (Тлецерук Гарун, Хызетль Ибрагим). Примечетские школы просуществовали до 20-х гг. XX в.

С включения в административно-территориальную систему России начинается вовлечение адыгов в российскую систему образования с целью приобщения их «к общерусской гражданственности», до 1864 г. – эпизодическое (с использованием уже существовавших русских школ), после завершения Русско-Кавказской войны – создание русских светских школ непосредственно в адыгейских аулах. В первой половине XIX в. дети почетных горцев, мирных или состоящих на службе у России, учились в пансионатах при Ставропольской (с 1849 г.) и Екатеринодарской гимназиях, военной школе при Навагинском полку (с 1848 г.), Полтавском, Таманском, Уманском окружных училищах (1850), Новороссийской школе для туземцев (1850). Количество горских вакансий было незначительно, преподавание велось на русском языке, черкесский изучался как предмет, в т. ч. русскими учащимися. Создание учебных заведений непосредственно для горцев началось с открытия в 1866 г. Майкопской горской школы (до 1892 г. выпущено 177 чел., в 1893 г. – обучалось 66 чел.). Начиная с 70-х гг. открываются одноклассные начальные училища в аулах: Суворово-Черкесском, Хаштук, Хакуринохабле, Гатлукае, Понежукае, Габукае, Шенджие, Бжедужабле, Уляпе, Пчегатлукае, Кошехабле, Хатажукае, Егерухае, Адамии, Ходзе,

Блечепсине. К 1916 г. в адыгейских аулах работали 12 школ (682 ученика), содержащихся на средства населения (по 1,5 руб. с крестьянского двора). Сумма из бюджета г. Майкопа, выделяемая на народное образование, составлял в 1895 г. — 15 %, в 1910 г. — 32,3 %, в 1911 г. — 36,5 %. К 1915 г. город вышел на I место в России по этому показателю.

В XIX — начале XX в. предпринимались попытки (10) создать адыгскую письменность (в т. ч., и выходцами из Западной Черкесии или работавшими в ее учебных заведениях: Хан-Гиреем, Умаром Берсеем, Хаджибечем Анчоком, Ахметом Шаймовым, Паго Тамбиевым), национальную школу, готовить национальные кадры учителей (силами Черкесского благотворительного общества с 1914-го по 1926 г. проводились курсы для учителей черкесского языка). В Адыгее принимались меры по организации женского (в 1913 г. в ауле Панахес — женская школа) профессионального образования. В 1914 г. возбуждалось ходатайство об открытии в Майкопе женского ремесленного училища; действовали военно-ремесленная и торговая школы; 9 сентября 1915 г. открылся Майкопский учительский институт, в 1916 г. — Майкопская учительская семинария, в которых в перспективе предполагалось готовить учителей, знающих черкесский язык, для аульских школ. Небольшая часть адыгов получала высшее образование в российских и зарубежных (Каир, Стамбул) высших учебных заведениях.

Существовавшая до 1917 г. система образования в силу своей сословности, политических целей, ставившихся перед ней, оказалась не в состоянии обеспечить широкий доступ к образованию горцев. К Октябрю 1917 г. адыгейцы подошли практически безграмотными (7 % — учились на русском языке; 0 % — на родном языке; в том числе, учителей — 4 адыгейца, отсутствовал унифицированный алфавит).

Однако некоторым адыгам и балкарцам удавалось получить образование в петербургских и московских учебных заведениях. Например, кроме тех просветителей, о которых речь идет в другом разделе данной работы, в 1859 г. адыг Шумаф Татлок окончил Московский университет, стал кандидатом права и был оставлен на работе в Москве. В Ставропольской гимназии было учреждено 65 вакансий для горцев, в Екатеринодарской — 25¹.

¹ Очерки истории Адыгеев. Майкоп, 1957. С. 444–447.

Вообще, в Ставропольской гимназии обучались многие представители горцев Северного Кавказа, в том числе адыги и балкарцы, которые впоследствии сыграли неопенимую роль в деле развития образования, литературы и культуры своих народов. Во многих отчетах Кавказского учебного округа о состоянии горских школ отмечалось, что горцы по-прежнему стремились к образованию, особенно к изучению русского языка. Например, из предписания начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска атаману Екатериноградского отдела от 11 октября 1893 г. видно, как росла потребность в образовании среди горцев: «...В последнее время среди горского населения вверенной мне области замечается большое стремление к образованию. Потребность эта так велика, что имеющиеся горские вакансии в Ставропольской гимназии и в Майкопской горской школе не удовлетворяют всех желающих учиться. Желая насколько возможно содействовать поднятию уровня образования среди горского населения, я нахожу необходимым предоставить в Лазовской семинарии две вакансии горцам, окончившим курс в Майкопской горской школе, с целью подготовки из них учителей для аулов. Об изложенном прошу ваше высокоблагородие объявить аульным обществам вверенного вам отдела, предложить им ассигновать на содержание одного стипендиата 180 рублей в год»¹.

Атаман Екатеринодарского отдела счел возможным на первых порах открыть школу в ауле Козег, вторую школу намечалось открыть в Шапсугском обществе, а третью в селении Понежукай для обслуживания 4 аулов (Понежукай, Ассокай, Габукай и Джиджи-Хабль).

По настоящему требованию аульских общин (в 1890–1902 гг.) за счет населения были открыты одноклассные школы в адыгейских аулах Гатлукае, Понежукае, Габукае, Шенджи, Бжедугхабле и др. В Черкесии были открыты горские начальные школы в аулах: Атажукин, Баташевск, Дудароковск, Ловско-Кубанский, Лоово-Зеленчукский, Хагундоковский и др.². Многие очевидцы, побывавшие среди адыгов, отмечали их способность и желание учиться. Например, по наблюдениям воспитанника московского университета Ф. Юхотникова, через 5–6 лет после начала приема горцев в Ставро-

¹ Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1957. С. 447.

² Там же. С. 448, 449.

польскую гимназию, из 20 горцев, учеников этой гимназии, большинство не только начало соперничать с русскими, но и заметно выдаваться вперед. На горцев посыпались награды и поощрения. Они являлись в родной аул с новыми познаниями и на родном языке¹.

Определенная организационная работа по открытию начальных светских школ проводилась также в Кабарде и Балкарии. Но этот важный процесс проходил медленно. Отсутствовала необходимая материально-техническая и методическая база, не хватало достаточно подготовленных педагогических кадров. Этот процесс задерживался еще и тем, что была слабо организована работа по осуществлению эффективного руководства школьным образованием. Часто переходили из одних ведомств в другие органы, которые обязаны были координировать деятельность учебных заведений. Так, в начале XIX в. учебные заведения края находились в ведении наместника Кавказа и через него подчинялись Министерству народного просвещения России. А с 1814-го по 1832 г. руководство школами находится в подчинении Казанского учебного округа, с 1832-го по 1848 г. — Харьковского учебного округа, и только 18 декабря 1848 г. учреждается Кавказский учебный округ, который начал свою работу 5 апреля 1849 г. и сосредоточил в себе все руководство школьным образованием в регионе. Этот учебный округ становится одним из главных центров педагогической мысли не только Кавказа, но и России в целом. Благодаря стараниям этого учебного округа на Северном Кавказе открываются десятки светских школ, издается учебная и иная методическая литература, проводятся научные исследования по истории, языкам горцев, осуществляется подготовка педагогических кадров из числа местного населения и т. д. В 1905 г. в состав Кавказского учебного округа входили по Закавказью: Бакинская, Елизаветопольская, Курганская, Тифлисская, Эриванская, Черноморская губернии, Дагестанская, Батумская, Карс-кая области, Закатальский и Сухумский округа; по Северному Кавказу: Кубанская и Терская области, а Ставропольская губерния подчинялась непосредственно Министерству просвещения России. Так, в Терской области, куда входили Кабарда и Балкария, в 1847 г. насчитывалось 230 учебных заведений, в которых обучалось

¹ Юхонников Ф. Нечто о горцах, учащихся в Ставропольской гимназии (БМБГ). С. 3, 4.

6027 мальчиков и 1323 девочки, на одно учебное заведение приходилось 2220 человек. По инициативе сельских обществ и здесь открывались начальные светские школы. По отчету начальника Нальчикского округа в Кабарде и Балкарии в 1906 г. было 38 школ (без сл. Нальчик). Из них 8 школ находились в русских населенных пунктах, и они значились церковно-приходскими, 28 были в кабардинских и 1 в балкарском сел. Кашкатау. Эти селения были следующие: Абаево, Ахлово, Атажукино II и Атажукино III, Аргудан, Ашабово, Булатово, Бороково, Докшоково, Лафишево, Касаево, Каголкино, Кармово, Кайсын-Анзорово, Кучмазокино, Куденетово I, Куденетово II, Тамбиево I и Тамбиево II, Иналово, Шалушкино, Нальчикско-Клишбиевское, Старый Урух, Мисостово, Хапцево, Муртазово, Бековическое. В 38 школах округа преподавателями работали 40 человек. По различным причинам к 1908 г. были закрыты ранее функционировавшие школы в селениях: Атажукино I и Мисостово¹. По инициативе К. Х. Атажукина и других передовых людей Кабарды и Балкарии в 1866 г. в Нальчике были организованы педагогические курсы для подготовки сельских учителей, которые сыграли большую роль в создании светского образования. Кроме министерских школ, в 1896 г. была открыта в Нальчике так называемая воскресная школа для взрослых людей². В Кубанской, Терской областях и Черкесии, куда административно входили адыги и балкарцы, наряду с министерскими школами функционировали мусульманские школы-медресе, которые готовили кадры религиозных служителей и частично – учителей для сельских медресе. Ученики-сохсты поступали в это учебное заведение в возрасте 10–12 лет. Они там изучали арабский язык и в основном Коран. Но преподавание в этих учебных заведениях находилось на низком учебно-методическом уровне, и дети получали слабые знания.

Таким образом, конец XIX – начало XX в. в истории адыгов и балкарцев является исключительно важным периодом в деле становления и развития светского образования. В этом процессе неocenимую роль сыграли многие передовые русские ученые литераторы и педагоги,

¹ Сабиров Мухарби. Культура народов Кабарды и Балкарии в конце XIX – начале XX в. Нальчик, 2001. С. 414, 415.

² История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. В 2 т. 1967. Т. 1. С. 414, 415.

первые адыгские и балкарские просветители. В данный период создаются алфавиты этих народов, проводятся научные исследования по истории, этнографии и языку горцев, печатаются первые школьные учебники, открываются светские школы, осуществляется подготовка учительских кадров из местной молодежи. Огромную роль в просвещении горцев сыграли многие русские учебные заведения, в которых обучались в разные годы многие представители народов Северного Кавказа, в том числе адыгов и балкарцев. Однако развивающаяся экономика края и само время требовали дальнейшего развития народного образования; в экономике, культуре требовались кадры нового поколения с более высоким уровнем подготовки. Необходимо было еще больше расширить сеть учебных заведений. В этом вопросе большую роль сыграла для Кабарды и Балкарии Нальчикская горская школа.

§ 2. Нальчикская окружная горская школа и ее преобразование в реальное училище

К завершению Русско-Кавказской войны царское правительство вводит новые правила приема горцев Северного Кавказа в высшие учебные заведения России. Еще 5 сентября 1858 г. наместник Кавказа получил предписание от военного министра, где излагались новые правила приема представителей горцев в российские высшие учебные заведения. До этого предписания для обучения детей «почетнейших» владельцев Кавказа в столичных военно-учебных заведениях выделялось 30 вакансий. Теперь в соответствии с этим предписанием льготные условия приема горцев отменялись. Отныне наместник мог ходатайствовать о зачислении детей горцев в вузы России в исключительных случаях. А 39 тыс. рублей, которые ежегодно выделялись на обучение горцев в столичных военно-учебных заведениях, передавались наместнику Кавказа «для усиления образования в крае». В этих условиях началась школьная реформа в крае. И одним из важных моментов этой реформы на Северном Кавказе явилось создание горских школ. 20 октября 1859 г. был принят Устав горских школ. В первом параграфе название этих школ определялось так: «Для распространения гражданственности и образования

среди покорившихся горцев и для доставления служащим на Кавказе семейным офицерам и чиновникам средств к воспитанию и обучению детей». Горские школы на Северном Кавказе открылись во Владикавказе и Нальчике (1860), Грозном (1863), Майкопе (1866) и сел. Назрань (1870).

Школа состояла из четырех классов – 3 основных и одного подготовительного. По своему статусу она приравнивалась к уездному училищу. Срок обучения в подготовительном классе составлял 3 года. Обучение было платным. В школе изучали закон божий, мусульманские законы, русский язык, географию, краткую русскую и всеобщую историю, арифметику, начальные понятия геометрии и алгебры, чистописание. Учебная программа была составлена таким образом, чтобы выпускники школы могли поступить в 4-й класс российской гимназии. Они получали также свидетельство, которое давало право работать учителями сельских начальных школ. За 1–2 года дети изучали русский язык. Уже в 1869 г. в Нальчикской горской школе обучалось 58 человек, из них детей кабардинских князей и дворян – 18, балкарских таубиев – 5, русских офицеров и урядников – 29 и прочих – 6, пансионеров – 43, в том числе на счет кабардинской общественной суммы 18 княжеских детей¹. На краткосрочных педагогических курсах, где готовились сельские учителя, обучались Барасбиев Исмаил, Бахов Тембулат, Докпоков Хакяша, Джабоев Ахья, Мамышев Али, Мамбетов Хамид, Лукожев Герандуко и Керевов Залим-Гирей. Работой курсов руководил Кармов И. М. – учитель подготовительного класса Нальчикской горской школы. В связи с преобразованием Нальчикской горской школы в реальное училище, Педагогические курсы перестали функционировать в 1908 г.

Первая русская революция 1905–1907 гг. оказала определенное влияние на политическое сознание и учащихся Нальчикской горской школы. Передовая часть молодежи во главе с их преподавателем И. М. Кармовым выступала против жесткого и казарменного режима в школе. Недовольство вскоре переросло в открытое выступление: 15 ноября 1905 г. был совершен поджог учительской комнаты школы. «Подозрение пало, – гово-

¹ Кумыков Т. Х. Культура, общественно-политическая мысль и просвещение Кабарды во второй половине XIX – начале XX в. Нальчик, 1996. С. 215, 216.

рится в протоколе педагогического совета, — сначала на двух учеников... затем на двух служителей». Не выяснив, кто именно поджег учительскую, администрация школы 16 ноября издала приказ о роспуске учеников по своим селениям на три дня, якобы для участия в мусульманско-религиозном празднике Къурмэн.

Занятия возобновились 9 ноября, однако революционные волнения среди учащихся усилились. На одном из тайных собраний учащихся была составлена петиция, состоявшая из 9 требований. В первом и втором ее пунктах содержалось требование, чтобы учебно-воспитательная работа была значительно улучшена. Далее в петиции говорилось, чтобы учителя не оскорбляли учеников и не запирали учеников старших классов в виде наказания. Были пункты и по улучшению бытовых условий учеников. Но из девяти пунктов петиции особый интерес вызывает последний. В нем требовалось «разрешить свободное собрание учеников». Как видно из этого факта, ученики, наряду с социально-экономическими требованиями, выдвигали и политические. В этих условиях дирекция школы снова просит вышестоящие органы разрешить распустить учеников до января 1906 г. В населенных пунктах Кабарды и Балкарии, в том числе и в Нальчике, возрастало число революционных выступлений. Они разворачивались настолько быстро, что администрация школы, не дождавшись решения директора народных училищ Терской области, 2 декабря 1905 г. вынуждена была распустить учащихся школы по домам, ввиду того, что и «большинство учеников имеет при себе разного рода оружие».

Но вскоре появилась вторая петиция учеников школы. В ней было записано:

1. Немедленно уволить смотрителя училища Раздорского как главного виновника всей неурядицы и назначить на его место всеми уважаемого, строгого и в то же время отечески относившегося к нам учителя Исхака Махмудовича Кармова.

2. Допустить наших родителей в педагогический совет с правом голоса.

3. Разрешить чтение газет в училище.

4. Ускорить преобразование школы в реальное училище, о чем давно ходатайствуют родители.

Далее в петиции говорилось о необходимости «поставить садоводство на научную основу и превратить нас из

работников, очищающих дорожки для прогулки супруги господина Раздорского, в учеников-садоводов». Дирекция вынуждена была идти на некоторые уступки и удовлетворить определенные требования учеников. В частности, смотритель школы Раздорский Ф. И. был переведен во Владикавказ. Было возбуждено ходатайство перед наместником Кавказа о необходимости скорейшего преобразования Нальчикской горской школы в реальное училище. Но Кавказская администрация 6 февраля 1906 г. прислала в Нальчик специальную комиссию для выяснения причин волнений учеников. Расследовалось и дело Кармова И. М. В материалах по следствию было записано: «Кармов считается главным виновником бывших волнений в школе». Дирекция школы тоже поддержала это мнение комиссии, и за участие в выступлениях учащихся Кармов И. М. был уволен из школы.

Таким образом, впервые в истории Кабарды и Балкарии в революционном движении приняла участие и учащая молодежь. В 1908 г. Кавказская администрация вынуждена была дать свое согласие на преобразование Нальчикской горской школы в реальное училище. И решением Государственной Думы с 1 июля 1909 г. Нальчикская окружная горская школа была преобразована в реальное училище. Однако имеются и другие источники, утверждающие, что эта школа была преобразована в реальное училище лишь в 1912 г.¹

Реальное училище состояло из 6 основных классов и одного подготовительного. По требованию передовых учителей-просветителей впервые в качестве предмета в программу училища был введен кабардинский язык. Строительство здания реального училища началось 13 июля 1911 г. и завершилось в 1913 г. Кстати сказать, в этом здании состоялся съезд народов Кабардино-Балкарии, провозгласивший Советскую власть. С 1924 г. здесь располагался Ленинский учебный городок. Несколько лет здание занимал историко-филологический факультет, а в настоящее время размещается медицинский факультет Кабардино-Балкарского госуниверситета. После преобразования окружной горской школы в реальное училище по предложению руководства Кавказского учебного округа Нальчикскому реальному училищу было присвоено «Кабардино-Горское Императора Александра III ре-

¹ *Саблиров Мухарби*. Культура народов Кабарды и Балкарии в конце XIX – начале XX в. Нальчик, 2001. С. 118–123.

альное училище». Парадокс этого названия заключается в том, что именно при Александре III поднятый вопрос о преобразовании Нальчикской горской школы в среднее учебное заведение был положен под сукно как не заслуживающий решения в ближайшем будущем.

Такие же реальные училища были открыты и в Майкопе, Грозном, Владикавказе, Дербенте. Эти училища были первыми средними учебными заведениями Северного Кавказа, что явилось значительным событием в истории развития народного образования в крае. Следует здесь отметить, что в начале XX в. меняется социальный состав учащихся этих учебных заведений. В частности, стали принимать на учебу и детей крестьян. Больше стали принимать и представителей горских народов, хотя их число оставалось еще незначительным.

Т. Х. Кумыков по этому случаю приводит любопытную таблицу за 1916 год:

Реальные училища	учеников	русских	горцев	крестьян	%
Кабардино-горское	257	106	91	74	28,7
Майкопское	238	195	1	50	21,0
Владикавказское 1-ое	519	384	92	145	27,9
Владикавказское 2-ое	374	196	114	150	40,0
Грозненское	533	369	56	167	31,2
Дербентское	484	233	118 арм. 109 татар	112	23,1
Итого	2405	1486	581	698	29,0

Таким образом, в реальных училищах Северного Кавказа обучалось в 1916 г. 2405 учеников, в том числе 581 горец, что составило 24,5 %. Из всех обучающихся в реальных училищах Северного Кавказа кабардинцы и балкарцы составили всего 2,2 %, а в Майкопском реальном училище обучался всего лишь один горец. Если взять горцев, то только 10,5 % приходится на долю кабардинцев и балкарцев. Еще меньшее количество представителей коренного населения работало учителями в этих учебных заведениях.

Как было сказано, представители горцев Северного Кавказа обучались в учебных заведениях России. По данным первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., из Нальчикского округа в средних, специальных средних и высших учебных заведениях обуча-

лись 123 человека, в том числе, в средних учебных заведениях – 91, в специальных средних учебных заведениях – 15, в высших военных учебных заведениях – 2, в средних военных учебных заведениях – 4, университетах и других вузах – 8, в специальных и технических вузах – 3 человека. В 1894 г. в Московском университете обучались Магометтирей Шипшев (юридический факультет) и Кургоко Лафишев (медицинский факультет)¹. И в других вузах страны обучались представители адыгов и балкарцев, которые впоследствии стали известными людьми у себя на родине и сыграли важную роль в развитии культуры, образования и науки своего народа.

Неоценимую роль для развития народного просвещения на Северном Кавказе сыграли некоторые русские педагоги, которые не только искренне любили горцев, но и сочувствовали им по поводу отсутствия у них учебных заведений. И, как справедливо отмечает Т. Х. Кумыков, основная работа по организации народного образования в крае ложилась на плечи русской учительской интеллигенции. В первых школах, за некоторым исключением, работали русские учителя. Среди них можно назвать только по одной Кабарде такие имена, как П. Корешкова, С. Ткачева, М. Бескровная и др.

По данным 1908 г., из 28 учителей, работавших в кабардинских сельских школах, 14 были русскими. В последующие годы их число значительно возрастает. Среди первых сельских учителей были П. Девжевский (сел. Абаевское), А. Губернаторов (сел. Исламовское), И. Е. Зотов (сел. Абаевское), А. А. Ивановский (сел. Бороковское), З. М. Липилкин (сел. Баташевское), Ф. Г. Кононов (сел. Атажукинское 3-е), И. С. Сараев (сел. Бековичское), А. С. Месетова (сел. Ахлово) и др. Среди учителей, работавших в селениях Кабарды, немало было и женщин. Многие из них навсегда остались на Кавказе и до конца своей трудовой деятельности служили делу просвещения горцев. Долг каждого честного горца – помнить их добрые дела и быть благодарным за их самоотверженный труд.

Конец XIX – начало XX в. является важным периодом в истории народов Северного Кавказа, в том числе адыгов и балкарцев, в становлении народного образова-

¹ Кумыков Т. Х. Культура, общественно-политическая мысль и просвещение Кабарды во второй половине XIX – начале XX в. Нальчик, 1996. С. 246–248.

ния. С большими трудностями пробивало себе дорогу народное просвещение, горцы приобщались к русской и через нее к мировой культуре. Неоценимую роль в этом деле сыграли представители прогрессивной русской интеллигенции. Первые просветители из среды горцев Северного Кавказа и первые русские педагоги, которые навсегда поселились на Кавказе, заметно подняли здесь уровень народного образования.

§ 3. Роль общественных культурно-просветительных организаций в системе образования

В ликвидации безграмотности горцев Северного Кавказа помимо светских учебных заведений определенную роль сыграли различные просветительские общественные организации, которые были созданы в крае в конце XIX – начале XX в. В их работе принимали участие многие русские учителя, ученые, отставные офицеры и представители местной интеллигенции. Эти организации проводили различные творческие вечера, спектакли, вечера-диспуты, встречи ученых различных сфер знаний. На этих мероприятиях пропагандировались различные научные знания среди местного населения, оказывалась определенная помощь горцам в проведении различных научных исследований по экономике, истории и культуре народов Северного Кавказа. Издавались различные периодические издания, в которых печатались разнообразные материалы по истории, языку, устному народному творчеству горцев. Некоторые просветительские общества оказывали реальную материальную и моральную поддержку многим молодым людям из горцев в их учебе в учебных заведениях различных городов России. Эти общества также оказывали посильную помощь в открытии светских учебных заведений в населенных пунктах края, занимались распространением книг местных и российских авторов. Эти общества способствовали сближению народов Северного Кавказа и их – с Россией. Члены этих обществ открывали в крае свои газеты и другие печатные органы, типографии, библиотеки, которые значительно способствовали просвещению местного населения.

Так, 5 февраля 1907 г. был утвержден соответствующими органами Терской области устав такой общественной организации под названием «Общество распространения образования среди кабардинцев и горцев Нальчик-

ского округа». Учредителями этого общества были Ти-зенгаузен В. А., Клишбиев С. К., Кармов И. М., Шипшев М. Г., Мулаев И. И., Шарданов В. Б. и др. Это общество ставило своей задачей просвещение народов Кабарды и Балкарии, изучение кабардинского языка в школах, оказание помощи студентам, кабардинцам и балкарцам, обучавшимся в высших и средних учебных заведениях; устройство различных концертов и творческих вечеров, открытие своими силами в селах светских школ, их содержание и подбор учительских кадров. Основными денежными средствами были членские взносы, различные пожертвования, деньги, выручаемые на творческих вечерах, концертах и спектаклях. Ученые и деятели культуры поддерживали это общество. Например, автор работы «Исторические сведения о кабардинском народе» В. Н. Кудашев писал, что «весь доход от продажи этого издания поступает в пользу общества распространения образования среди кабардинцев и горцев Нальчикского округа». Обществу же предоставлялось исключительное право на дальнейшее переиздание этого труда, также обществу было подарено автором 1000 экземпляров этой книги на общую сумму 7500 рублей. Кстати сказать, эту книгу приобрели частные лица не только в Кабарде и Балкарии, но и за их пределами. Общество оказывало помощь в обучении молодежи. Например, решением его правления в 1908 г. выпускникам Нальчикской горской школы: Озрокову Султану и Хуранову Батыю было выдано по 75 рублей для дальнейшей учебы в Моздоке, Агубекову А. и Тлебзухову А. — по 41 рубль для поездки на учебу в Новороссийск или Моздок. Шеретлоков Тау-Султан, который учился в 1914 г. в Петроградском университете, получал от общества 150 рублей. Кроме единовременной финансовой помощи студентам, общество назначало некоторым выходцам из Кабарды и Балкарии, обучавшимся в российских учебных заведениях, и стипендии.

Кроме этого общества в Нальчике были созданы и другие общественные организации. Одно из них — «Нальчикское общественное собрание». Эти общественные организации тоже сыграли определенную роль в просвещении населения Кабарды и Балкарии. Известный балкарский просветитель И. А. Урусбиев после выхода в отставку некоторое время преподавал кабардинскую и балкарскую музыку в Нальчикской горской окружной школе и создал свою типографию, через которую он пропагандировал кабардинскую и балкарскую куль-

туру, способствовал просвещению народа. В начале XX в. создается библиотечное дело. В частности, в 1910 г. была открыта Нальчикская общественная библиотека имени Н. В. Гоголя, позже – им. Н. К. Крупской, теперь это – Национальная библиотека. В это же время возникает периодическая печать. С 1908 г. в Париже начинает выходить журнал «Мусульманин». Именно в этом журнале впервые напечатал свой труд «Балкария» М. Абаев. В 1911 г. в Петербурге выходит первый номер газеты «В мире мусульманства».

В этот период на Северном Кавказе выходили газеты «Вестник Горского студенчества», «Жизнь Северного Кавказа», «Кубанская жизнь», «Кубань», «Кубанский край», «Свобода», «Северо-Кавказский край», «Терек», «Ставропольский вестник» и т. д. В 1891 г. население Нальчика получало 42 названия журналов и газет в количестве 238 экземпляров¹. Благодаря деятельности Нури Цагова, Адама Дымова, Хасана Эльбердова, Назира Катханова, Али Шогенцукова и других представителей кабардинской интеллигенции, просветительское движение в Кабарде и Балкарии поднялось на новую ступень. Впервые в Баксанской духовной семинарии начали изучать историю Кабарды, было поставлено издательское дело, налажен выпуск первой кабардинской газеты «Адыгэ макъ». Издателем этой газеты стал Гафар Дымов. Типография была открыта им в 1917 г. До июля 1918 г. вышло 52 номера этой газеты. «Адыгэ макъ» сыграла огромную роль в формировании общественного мнения. Она явилась проводником новых, прогрессивных идей. Газета призывала к просвещению народа, в ней публиковалось немало материалов по истории и культуре народа. Печатались образцы устного народного творчества, в том числе сказания о нартах, пословицы, поговорки и т. д. Должное внимание газета уделяла и международным проблемам, в частности – колониальной политике Англии в Индии и т. д., что способствовало поднятию политической культуры населения. Словом, газета пропагандировала просветительские идеи, звала народ к образованию.

Были и другие общества, которые сыграли определенную роль в изучении природы края и распространении просветительских идей. Огромную роль в научном исследовании коневодства и пропаганде кабардинской

¹ История Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1995. С. 182.

породы лошадей играло «Кабардинское скаковое общество», созданное в конце 1904 г.¹.

Таким образом, в конце XIX – начале XX столетия в духовной жизни народов Северного Кавказа, в том числе адыгов и балкарцев, происходят значительные события. Создается светская система образования, начинают функционировать новые учебные заведения в населенных пунктах края, рождаются различные общественные культурно-просветительские организации, начинают выходить местные газеты, идет процесс распространения и пропаганды лучших трудов классиков русской литературы, налаживаются издательское и библиотечное дело. Все это способствует приобщению горцев Северного Кавказа к образованию. Проводятся научные исследования в различных сферах знаний. Словом, конец XIX – начало XX в. является поворотным этапом в истории и культуре горцев Северного Кавказа.

ЛИТЕРАТУРА

Бесс Жан-Шарль де. Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению, Малую Азию и в Константинополь в 1829-м и 1830 г. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974.

Бларамберг Иоганн. Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992.

Броневский Семен. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Нальчик, 1995.

История Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1995.

История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. В 2 т. 1967. Т. 1.

Клапрот Г. Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. // АБКИЕА. Нальчик, 1974.

Кумыков Т. Х. Культура, общественно-политическая мысль и просвещение Кабарды во второй половине XIX – начале XX века. Нальчик, 1996.

Лапинский Теофил. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Т. 1, 2. Нальчик, 1995.

Народы Карачаево-Черкесии: История и культура. Черкесск, 1998.

Саблиров Мухарби. Культура народов Кабарды и Балкарии в конце XIX – начале XX в. Нальчик, 2001.

Очерки истории Адыгеев. Майкоп, 1957.

Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978.

Юхотников Ф. Нечто о горцах, учащихся в Ставропольской гимназии (БМБГ).

¹ *Саблиров Мухарби.* Культура народов Кабарды и Балкарии в конце XIX – начале XX в. Нальчик, 2001. С. 133–149.

АДЫГЭ ХАВЗЭ (АДЫГСКИЙ ЭТИКЕТ) И ТРАДИЦИОННЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ

- § 1. *Сущность адыгэ хавзэ (адыгского этикета) и его роль в жизни народа.*
- § 2. *Аталычество и его роль в обществе.*
- § 3. *Институт наездничества – образ жизни адыгских феодалов.*
- § 4. *Гостеприимство адыгов и балкарцев.*
- § 5. *Куначество и его роль в обществе.*
- § 6. *Абречество.*
- § 7. *Адыгская хаса и балкарское тёре.*
- § 8. *Институт кровной мести.*

§ 1. Сущность адыгэ хавзэ (адыгского этикета) и его роль в жизни народа

Подобно тому как ребенок своим первым криком при появлении на свет Божий заявляет о своем праве на жизнь и на протяжении жизненного пути совершает не только добрые, а порой и недостойные поступки, народы, ныне живущие и давно исчезнувшие, тоже за свою многовековую историю оставили после себя заметные добрые и недобрые следы в истории человеческой цивилизации. К примеру, если бы у еврейского народа не было бы ни Альберта Эйнштейна, ни Давида Ойстраха или многих других гениев, то их учение – иудаизм, который является основой христианства, одной из мировых религий, открывшей новое видение мира, – навсегда вошло бы в историю мировой культуры.

Подобно этому «взрыву» гениального творчества человеческого духа инки Америки, древние египтяне, китайцы, индусы и многие другие народы тоже оставили после себя множество гениальных творений в материальной и духовной культуре человеческой цивилизации. В этом многообразии самовыражения народов мира, к сожалению, были и случаи в истории некоторых из них, когда они ставили человечество на грань глобальной катастрофы, когда нравственность, духовность отодвигались ими на задний план и приоритет отдавался их вождями и правителями сиюминутным политическими интере-

сам или личной славе. Но уникальность и сложность человеческой истории заключается в том, что почти всегда разум, справедливость одерживают победу над «дьявольскими» идеями и их носителями. Этому способствовали культура человечества, ее позитивные начала, дух доброты, дух человеколюбия. И чтобы понять ту многообразную культуру человечества, вклад каждого народа в эту общую «копилку», необходимо внимательно изучить культуру каждого из них, его мироощущение, его поведение, образ мышления, его систему ценностей, ибо, как метко высказался Гоголь, «национальное — не в описании сарафана», а в том, чтобы смотреть на мир «глазами своей национальной стихии». Вот чтобы понять эту самую «национальную стихию» адыгов, необходимо рассмотреть, в чем заключается феномен адыгэ хабзэ (адыгского этикета), который является для этого древнего народа уникальным способом восприятия мира, в том числе самого человека. А чтобы понять культуру адыгов, как любого другого народа, необходимо разобраться в ментальности этноса. Это очень важно, потому что ментальность — возможность человеческого сознания воспринимать и осваивать мир в тех пределах и ракурсах, которые даны ему его культурой и эпохой. Ментальность народа — это «мыслительный инструментарий», который в определенную эпоху находится в распоряжении человека и исторически обусловлен, унаследован от предшествовавшего времени и вместе с тем непременно изменяется в процессе его творчества, всей исторической практики. Для уяснения сути ментальности народа исследователю приходится, не принимая на веру выраженные заявления людей, оставивших те или иные тексты и другие памятники, «докапываться» до более потаенного пласта их сознания, пласта, который может быть обнаружен в этих источниках скорее как бы против их намерений и воли¹. Чтобы выявить эти пласты адыгов, понять их духовность, необходимо разобраться в адыгэ хабзэ, который является своего рода неписанным законом, культурной ориентацией, охватывая все стороны жизни, начиная от самых незначительных моментов до принципов взаимоотношений этого этноса с другими народами и государствами.

Адыгэ хабзэ для черкеса — это, пожалуй, больше, чем

¹ Гуревич А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993. С. 59, 60.

религия, больше, чем целая философская система взглядов на окружающий нас мир. Адыгэ хабзэ для адыга — это его образ жизни, его образ мышления. Адыгэ хабзэ — это поведение адыга от его рождения до ухода в иной мир. Он его соблюдал везде и всюду. С этим неписанным законом он рождался и уносил его в могилу. Сложность феномена адыгэ хабзэ заключается в том, что он пронизывал и пронизывает в определенной степени и сейчас всю адыгскую жизнь, присутствуя на всех уровнях сознания и поведения людей всех возрастов, поколений, обоого пола независимо от социального статуса каждого. Сложность феномена адыгэ хабзэ заключается еще и в том, что этот свод законов регулировал каждый поступок любого человека в любой ситуации, будь это в быту или на войне. «Детализируя» все действия человека, он как свод неписаных законов адыгов, выступает во многом и как общее учение, и на вопрос: «Что такое адыгэ хабзэ?» однозначно ответить трудно.

Адыгэ хабзэ формировался как выражение ментальности адыгэ начиная с древнего периода его истории и всегда приспосабливался к новым социально-экономическим и политическим условиям. Можно предположить, что адыгский этикет в том понимании, в каком мы его представляем и знаем, окончательно сформировался в условиях феодализма. Именно в феодальной Черкесии он оформился наиболее полно и наиболее полное представление о его принципах и элементах было получено из познания этого периода. Поэтому, чтобы понять феномен адыгэ хабзэ, мировоззрение его носителей — адыгов, необходимо иметь четкое представление о феодализме вообще и об адыгах, в частности.

Адыгэ хабзэ не только регулировал поведение каждого человека, но и проникал в систему общественных институтов, способ производства, социальный строй, типы военной организации, принципы взаимоотношений адыгского общества с другими народами и т. д. Адыгэ хабзэ регламентировал отношение даже к рабам и врагам.

Принципы адыгэ хабзэ мы рассматривали в предыдущих разделах данной работы. В частности, мы постарались показать систему воспитания подрастающего поколения согласно установкам адыгэ хабзэ, которая имела место в жизни адыгов многие столетия. Были представлены такие важнейшие составные элементы адыгского этикета, как гостеприимство, куначество, аталыче-

ство, кровная месть и т. д. Система взаимоотношений между представителями различных социальных слоев общества, институты представительной власти, как они функционировали, точнее сказать, как они регулировались посредством адыгэ хабзэ, — все это также было рассмотрено выше.

Адыгэ хабзэ и духовные установки адыга неразрывны. Первое формировало второе. Чтобы понять феномен адыгэ хабзэ, надо разобраться с ментальностью носителя этого этикета, и наоборот, чтобы понять ментальность адыга, необходимо иметь четкое представление об этом этикете, о социальных условиях его возникновения и функционирования. Другими словами, адыгэ хабзэ и менталитет адыгов находятся в тесной диалектической взаимосвязи.

Об адыгском этикете писали многие авторы, в том числе зарубежные путешественники и ученые. Но все они затрагивали только отдельные аспекты этой проблемы. Наиболее полно из местных авторов рассмотрел эту малоизученную область традиционной культуры адыгов Б. Х. Бгажноков в своей работе «Адыгский этикет», опубликованной в 1978 г. Не вдаваясь в подробный пересказ этой работы, укажем, что она является практически первой попыткой осмысления этой сложной, но удивительно интересной темы. Автор в основном исследовал принципы общения людей по адыгскому этикету, что является одним из важнейших элементов адыгэ хабзэ. По нашему мнению, Б. Х. Бгажноков справедливо отметил, что этикет — это прежде всего ядро, организующий центр традиционно-бытовой культуры общения. Обычно же под этим понимают форму поведения, обхождения, правила учтивости, принятые в каком-либо обществе¹. Этикет какого-либо народа, т. е. этноэтикет, не существует вне времени и пространства. Поэтому он видоизменяется в зависимости от изменений социально-экономических и политических условий жизни каждого этноса. В связи с этим содержание этикета и его место в социальной жизни той или иной общности определяются конкретно-историческими условиями развития этноса.

Э. Дюркгейм отмечал, что в обществах сегментарного типа, т. е. замкнутых, мало подверженных влиянию со стороны, нормы этикета почти всецело, до деталей, определяют форму поведения: «Способ, каким человек дол-

¹ Бгажноков Б. Х. Адыгский этикет. Нальчик, 1978. С. 10.

жен питаться, одеваться в каждом обстоятельстве, жесты, которые он должен производить, определены с точностью»¹.

Как было сказано выше, адыгский этикет зародился и развился в глубокой древности. Он уходит своими корнями в эпоху родового строя. Многие принципы адыгского этикета имели место уже в эпоху создания нартского эпоса, в сюжетах которого в той или иной степени они прослеживаются. Адыгский этикет — творение всего народа. Поэтому он тесно связан с его историей, вернее сказать, он «растворен» в его истории, он — его история. Не случайно в адыгском этикете остались следы каждой эпохи этой истории, начиная с периода матриархата (материально-родовой организации) до настоящего времени. В этом плане можно привести примеры из нартского эпоса, в котором нашли свое отражение и матриархальный, и патриархальный периоды истории адыгов и их преломление в адыгском этикете. Именно в нартском эпосе можно проследить путь становления и развития адыгского этикета, ибо он создавался и развивался в период от родового строя до появления феодализма. Именно на стадии феодализма окончательно сформировался адыгский этикет в таком виде, в каком мы его знаем и каким его узнали европейцы.

Рыцарское, уважительное отношение к женщине по адыгскому этикету выработано у адыгов еще в эпоху нарттов. Об этом красноречиво свидетельствуют многие нартские сказания, где в центре событий и объектом всеобщего уважения выступает женщина. В нартском эпосе часто выступает «мать нарттов» — Сатаней. Она — величественная фигура матриархата. Знаменательно, что создатели эпоса обрекли всех своих героев на физическую смерть, а Сатаней наделили бессмертием. В этом плане можно согласиться с В. И. Абаевым, который считает, что можно мыслить нарттов без любого из героев, даже главнейших, но нельзя их мыслить без Сатаней. Она — олицетворение доброты, чистоты и неугасимого огня любви к очагу, к ближним². Это касается прежде всего более раннего этапа становления нартского эпоса, когда женщина выступает во всех вопросах жизни общества в роли главного действующего лица.

¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Одесса, 1900. С. 231.

² Нарты. Адыгский героический эпос. М., 1974. С. 17.

Так и в других нартских сказаниях, посвященных Адиюх, Даханого, Малечипх, легко прослеживаются черты матриархата, следы которого запечатлены в адыгэ хабзэ в отношении к женщине. Словом — фактическое обожествление женщины, она священна, неприкосновенна, ее слово — закон для всех. Эти традиции адыгского этикета уходят своими корнями в матриархально-родовой строй адыгов и их предков. Все это наложило определенный отпечаток на этикет этого этноса.

В нартских сказаниях женщин наделяли неимоверной физической силой и по отношению к мужчинам, и по отношению к природе. Это говорит о том, что женщина занимала особое место в жизни народа.

Вот как эта сила женщины показана в нартском эпосе на примере одной из его героинь — Малечипх («Мэлэ-чипхху» — «дочь Малеча». — К. У.) в сказании «Как Малечипх вышла замуж»:

Малечипх реке великой
Говорит слова такие:
«Слушай, Псыж¹ полноводный,
Псыж холодный, бурливый,
Горделивый, свободный,
Разомкни свои волны
Перед вестником скорби!»
В тот же миг на семь протоков
Разделилась гладь речная,
И по камням семицветным
Конь ступает без опаски².

Таким образом, эти строки из нартского эпоса свидетельствуют о том, что женщина в жизни адыгов, как и у остальных народов мира на стадии матриархата, играла главную роль, и это отразилось в их культуре. Однако следует отметить, что основное ядро нартского эпоса относится ко второму периоду общечеловеческой истории, а именно патриархату. И это тоже наложило отпечаток на адыгский этикет. Культ мужчины, особенно старшего члена семьи, рода, фамилии, общины — тхамады всегда присутствует в нартском эпосе. Примечательно и то, что в этом эпосе четко прослеживается процесс перехода общества от матриархата к патриархату, когда мужчина начинает занимать главное место в жизни общества. Это

¹ Древнее адыгское название реки Кубань — Псыж, дословно: «древняя река».

² Нарты. Кабардинский эпос. М., 1951. С. 376.

видно из работы хасы нартов, куда вообще не приглашались женщины, это подтверждают и многие нартские сказания более поздних периодов истории адыгов.

В сказании о бое Сосруко с могущественным и всемогущим Тотрешем отразилось патриархальное отношение к женщине. Например, после поражения Сосруко, возвращавшийся домой, на вопрос матери – Сатаней: «Что нового видел ты в пути на хасе?», отвечает: «Женщина о хасе не спрашивает, к женщине за советом не идут, кто идет, тот не мужчина!»¹.

А в другом нартском сказании о Бадыноко, он выступает против обычая нартов убивать стариков, когда они достигали преклонного возраста и становились физически беспомощными людьми. Речь идет о том, что по достижении преклонного возраста такому нарту устраивали «последний пир». После такого пира его сажали в плетеную корзину и сбрасывали с обрыва. Такую гору называли адыги «жыгъеибг» (дословно: «гора, где оплакивали стариков». – К. У.). В отказе от этого жестокого обычая нартов мы видим, какое уважение стали оказывать не только старику, но и старухе, что культ старшего, уважительное отношение к нему занимают особое место в адыгском этикете.

Вот описание момента отказа от обычая убивать стариков в сказании «Как Бадыноко ввел в Стране Нартов новый обычай».

Был у нартов старый, но плохой обычай. Когда мужчина становился таким дряхлым, что не мог уже вытащить тремя пальцами меч из ножен, не мог сесть без чужой помощи на коня, не мог натянуть лук, чтобы подстрелить дичь, не было у него силы, чтобы надеть на ноги ноговицы, чтобы держать грабли в руках, чтобы сложить копну сена, не было уже у него силы, чтобы не дремать, охраняя стадо, – сажали этого дряхлого старца в плетеную корзину и выносили из селения. Выносили и поднимали на вершину Горы Старости. К плетеной корзине приделывали большие каменные колеса и пускали корзину по обрыву – в пропасть. По обычаю нартов Бадыноко должен был сбросить своего отца после «последнего пира» в пропасть, но он пожалел его, спрятал в пещере и там его содержал. В свою очередь, Бадын – отец, давал своему сыну умные советы, как выйти нартам из различных экстремальных

¹ Нарты. Адыгский героический эпос. М., 1974. С. 17, 18.

ситуаций, и благодаря этим советам старого мудрого человека нарты были спасены от голода и разрухи. А когда нарты узнали, что именно благодаря советам старца они спасены, они порешили: отменить старый обычай, ибо он плох, не увозить дряхлых стариков на вершину Горы Старости, не бросать их в пропасть по дороге смерти, а лелеять их старость и слушаться их мудрых советов. Так ввел Бадыноко в Стране Нартов новый обычай, и старики жили с тех пор до самого предела своей жизни, наставляя нартов мудростью и благославляя Бадыноко ¹.

Мы привели эту поддержку из нартского сказания, стремясь показать, как менялась психология у древних нартов по отношению к старшему поколению, как вырабатывались у древних предков адыгов культ старшего, уважительное отношение к нему, что является по сегодняшний день неотъемлемой составной частью адыгского этикета. Вершиной высочайшего уважительного отношения к старшему по адыгскому этикету является институт тхамадизма. Мы уже говорили о тхамадизме, и нет надобности повторять сказанное, но следует отметить, что фигура тхамады всегда присутствует и в нартском эпосе. Без его участия и решающего слова ни один вопрос не обсуждался, будь то бытовой вопрос, будь то общественные дела. Хаса нартов проводилась с его непосредственным участием и под его руководством. На хасу специально приглашался тхамада, его слово было решающим. Все это наложило определенный отпечаток на его место в адыгском этикете, которое он занимает по сегодняшний день.

Многие другие стороны адыгского этикета также уходят своими корнями в глубокую древность, чему мы имеем множество подтверждений из нартского эпоса. В этом плане много примеров мы находим по вопросам институтов гостеприимства, куначества, наездничества, системы воспитания подрастающего поколения, уважительного отношения не только к представителям старшего поколения, но и младшего.

Вот что говорится, например, в нартском сказании «Как родился Бадыноко» как свидетельство того, что с древнейших времен у адыгов гость был священной личностью и был окружен огромным вниманием хозяина дома: «Спустя некоторое время Сосруко вновь приехал в

¹ Нарты. Кабардинский эпос. М., 1951. С. 213–217.

ту семью вместе с одним нартом-всадником. Его пригласили в дом, ждал он недолго — и, как положено по обычаю, в отведенную ему комнату вошла хозяйка, неся рог с марамажеем¹ в руках, и с нею кан-девушка².

Утром, когда стало светать, вернулся Шабатын. Как только он вошел в дом, сказали ему: «У нас гостит Сосруко».

— Приведите ко мне, не держите в кунацкой, — сказал он и велел позвать к себе Сосруко³.

В этих выдержках одного из нартских сказаний ясно представлены принципы института гостеприимства, со всеми его атрибутами, который занимает одно из значительных мест в адыгском этикете и четко прослеживается в древнейшем памятнике духовной культуры адыгов.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что возникновение адыгского этикета и в целом адыгской народной культуры и ее проникновение в современную культуру прошло длительный путь. Действительно, путь к современному адыгскому этикету был чрезвычайно трудным и длительным. Он во многом восходит не только к нартскому эпосу, но и к мифологии, хотя между ними невозможно провести четкую границу. Поэтому справедливо отмечает, на наш взгляд, Ю. М. Тхагазитов, что «соотношение миф-эпос-этикет позволяет выяснить своеобразие сущности и формы имманентного развития традиционных звеньев адыгской культуры. На исторически последовательных стадиях развития адыгов, духовного освоения ими мира соотношение миф-эпос-этикет, как составляющая динамической целостности, представляет собой основу преемственности различных типов художественного сознания»⁴. Другими словами, до формирования адыгского этикета в жизни его носителя прежде всего имели место миф и эпос. Поэтому этикет при своем формировании не мог опираться на них и они наложили определенный отпечаток на него. Миф-эпос-этикет выступают как структурная целостность. Но миф, как известно, возникает на самых ранних этапах развития человечества, т. е. тогда, когда человек выделяется

¹ М а р а м а ж е й — национальный алкогольный напиток адыгов.

² К а н - д е в у ш к а — девушка, которая отдана в другую семью на воспитание.

³ Нарты. Адыгский героический эпос. М., 1974. С. 231.

⁴ Тхагазитов Ю. М. Духовно-культурные основы кабардинской литературы. Нальчик, 1994. С. 9.

из биологического мира и становится существом биосоциальным. Генетически и типологически, в синхронном и диахронном аспекте миф соотнесен с обрядом, ритуалом. А архаический ритуал важен еще потому, что он по своему синтезирует архаический миф и этикет, так как ритуал не только «запечатлевает» миф, но в нем, несомненно, воплощены первоначальные свойства этикета, в том числе адыгского. Миф, ритуал, эпос, этикет находятся в органической связи, они взаимодействуют друг на друга и взаимопроникают. Адыгский этикет рационализировал впоследствии миф, эпос¹. Исходя из этого можно заключить, что адыгский этикет в своем становлении и развитии прошел три основных этапа или стадии: миф, эпос и сам этикет.

Одним из основных постулатов адыгского этикета является традиционно-бытовая культура общения, коммуникативное поведение каждого человека независимо от его возраста и социального положения. Этот процесс можно подразделить на следующие стадии: 1) неопределенности; 2) регламентации; 3) обобщения. Стадия неопределенности относится к самому раннему периоду человеческой истории, когда люди еще не пришли к тому, чтобы установить, строго фиксировать стандарты общения, приуроченные к различным ситуациям взаимодействия. На этом этапе истории человечества «нащупываются» только возможные пути стандартизации взаимодействия, и процесс этот носил в основном стихийный, малоосознанный характер.

Вторая стадия знаменует собой формирование и утверждение широкой сети правил коммуникативного поведения во всех типичных социальных ситуациях. Причем эти правила поведения непомерно детализированы и конкретны. Это и есть, собственно, стадия формирования этикета в целом. Она охватывает период человеческой истории начиная с родового строя и продолжается до феодализма, где завершается формирование этикета.

Разложение феодального общества кладет начало третьей стадии развития адыгского этикета, который переживает и современность².

Из сказанного следует, что этикет уходит своими корнями в мифологию и к героическому эпосу, а миф орга-

¹ Тхагазитов Ю. М. Духовно-культурные основы кабардинской литературы. Нальчик, 1994. С. 9–13.

² Бгажноков Б. Х. Адыгский этикет. Нальчик, 1978. С. 10, 11.

нически связан с ритуалом, и они нередко выступают вместе. Миф является словесным выражением ритуала. Из ритуала и мифа рождается обычай, система взаимоотношений, а следовательно, принципы межродового общения.

Эти нормы поведения людей определяются ментальностью этноса, природными условиями и уровнем развития производительных сил. «Видные мыслители XVII–XVIII вв. Боден, Монтескье и Гердер в согласии с научным уровнем их эпохи предлагали, – писал Л. Н. Гумилев, – все проявления человеческой деятельности, в том числе культура, психологический склад, форма правления и т. п. определяются природой стран, населенных разными народами»¹.

Так и адыгский этикет, как культура народа, тесно связан с природой, со средой обитания адыгского этноса. Взаимосвязь природы и этноса более подробно мы постарались рассмотреть в другом разделе данной работы. Адыгский этикет в своем становлении и развитии прошел длинный путь, как и сам народ – его носитель и создатель. Как было сказано выше, нет такой сферы человеческой жизнедеятельности, которую бы не затрагивал адыгский этикет, где бы им не регулировались все действия человека. Чтобы понять этот феномен, необходимо остановиться на отдельных сторонах деятельности и поведения людей и на том, как они регулируются адыгским этикетом. Именно после этого можно себе представить ясную картину об этом уникальном явлении, восхищавшем многих зарубежных ученых и путешественников, которые бывали в Стране черкесов и ближе познакомились с ним. Европейские авторы сравнивали адыгэ хабзэ с «франкским», с рыцарским этикетом времен первых королей Германии и Франции. «Обхождение их (черкесов. – К. У.) похоже на франкское: они вежливы и, приветствуя, снимают шапку; женщины принимают чужеземцев с радушием; для принятия пищи они садятся по-франкски за стол»², – писал Ксаверио Главани в своем «Описании Черкесии», составленном еще в 1724 г. А англичанин Дж. Белл, который жил среди черкесов в течение трех лет (1837–1839), высказался об адыгском этикете следующим образом: «По всему тому, что

¹ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. Л., 1989. С. 166.

² Ксаверио Главани. Описание Черкесии // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 161.

я видел, я смотрю на черкесов в массе, как на самый вежливый от природы народ, который я когда-либо знал или о котором я когда-нибудь читал»¹. А корреспондент лондонской газеты «Таймс» Дж. Лонгворт, который тоже внимательно изучал быт, нравы черкесов, писал, что «ни в какой другой стране мира манера поведения людей не является столь же спокойной и достойной»².

Весьма лестно высказывались европейцы не только об адыгэ хабзэ, но в целом о черкесах. Они все отличали не только уникальностью адыгского этикета, но также восхищались их духом, физической красотой, трудолюбием и т. д. Известный ученый-геолог, натуралист и археолог Фредерик Дюбуа де Монпере еще в прошлом столетии писал о черкесах следующее: «Если бы я смел судить о путях Господних, я бы сказал, что Провидение пожелало возродить, обновить другие деградировавшие расы, смешав их с прекрасной черкесской расой; но нам ли судить о деяниях высшего разума!»³. Этот перечень высказываний зарубежных авторов о черкесах, которые бывали в их стране, можно было бы продолжить.

Адыгскому этикету трудно дать однозначное определение, но попытаемся объяснить, в чем его суть и специфика. Во-первых, следует отметить, что адыгэ хабзэ возник в глубокой древности, уходит своими корнями в эпоху матриархата, родового, бесклассового строя. Этот факт мы постарались доказать на примере нартского героического эпоса, где многие элементы и принципы адыгского этикета имеют место.

Во-вторых, адыгский этикет «вторгается» во все сферы жизни человека и общества. В нем детально разработана система воспитания подрастающего поколения. В-третьих, в адыгском этикете подробно «расписаны» правила межличностного общения не только между членами одной семьи, но и с чужими людьми. Здесь эта система настолько детализирована, что по этикету требуются особые формы и правила в межличностных контактах — от приветствия до прощания. Эта система общения регламентирует правила поведения любого человека как в быту, так и в общественных местах. В-четвертых, по адыгскому этикету в межличностном общении особое место от-

¹ Белл Джеймс. Дневник Пребывания в Черкесии в течении 1837, 1838, 1839 гг. // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 507.

² Там же. С. 566.

³ Там же. С. 445.

водится толерантности каждого человека. Поэтому эта черта характера воспитывается в каждом человеке с раннего возраста. Соблюдать все требования адыгского этикета – значит обладать «адыгагъэ», т. е. человечностью. Адыгский этикет предполагает прежде всего видеть в человеке самого человека, уважать в нем личность, если даже он враг. В этом плане уместно сослаться на один из важнейших принципов адыгского гостеприимства, по которому хозяин дома не имеет права отказывать в приеме в качестве гостя любому человеку, если даже между ними кровная вражда.

Предполагается, что именно адыгский этикет стал одним из основных барьеров в укреплении позиций религии в среде адыгского этноса. Ни для кого не секрет, что у адыгов религия никогда не играла такой важной роли в жизни, как это имело и имеет место у остальных народов, в том числе горцев Кавказа. Дело в том, что адыгский этикет решал почти все проблемы религии, выполнял социальные функции в жизни общества больше, чем религия. Требования религии «растворились» в адыгэ хабзэ, ибо он содержательней, чем религия в охвате проблем общества. Тем не менее следует констатировать, что, при сравнении важнейших требований и принципов адыгэ хабзэ и религии мы находим много общего.

Следовательно, адыгэ хабзэ не только неписаный свод законов адыгского этноса, но и своеобразная религия. Адыгский этикет оказывается подчас сильнее, чем религиозное сознание, поэтому религия не могла вытеснить его из жизни адыгского этноса. Но этот феномен еще требует специального научного исследования. Чтобы понять суть и специфику адыгэ хабзэ, не достаточно только знания его – необходимо родиться адыгом и жить среди адыгов. Для постижения сути адыгэ хабзэ необходимо знать дух адыга, который формируется именно через адыгэ хабзэ. Адыгэ хабзэ и адыгский менталитет неразрывно связаны друг с другом. Менталитет адыгов не только складывается посредством адыгэ хабзэ, но и проявляется через него.

Таким образом, адыгэ хабзэ – это особый способ видения окружающего нас мира. Это особый тип поведения человека. Это особая форма межличностных отношений. В этом его жизненная сила. Несмотря на самые немыслимые формы и методы воздействия на адыгэ хаб-

зе на протяжении тысячелетий, он модернизировался с учетом изменений социально-экономических и политических условий жизни адыгов, и до сих пор продолжает оказывать значительное влияние на жизнь общества. В тех семьях, где испокон веков адыгэ хабзэ был нормой жизни, методом воспитания детей, показателем уважительного отношения к личности, он до сих пор жив и выполняет те же функции, что и сотни лет назад, но с некоторыми «поправками», сделанными временем, особенно эпохой бурных и противоречивых событий XX в. На адыгский этикет, в целом на адыгскую культуру наложил глубокий отпечаток социальный строй, который видоизменялся в течение многовековой истории данного этноса. А социальный строй каждого этноса во многом зависит от среды его обитания, от ее ландшафта. В таком вечном единстве находились все народы, ныне живущие и исчезнувшие за всю историю человечества.

Народ адыгов, находясь в тесной гармонии с природой Кавказа, через адыгэ хабзэ развивался, вырабатывал свой дух, свой менталитет. Видимо, поэтому великий немецкий мыслитель прошлого столетия Гегель отметил, что «только в кавказской расе дух приходит к абсолютному единству с самим собой, — только здесь дух вступает в полную противоположность с условиями природного существования, постигает себя в своей абсолютной самостоятельности, вырывается из постоянного колебания туда и сюда, от одной крайности к другой, достигает самоопределения, саморазвития и тем самым осуществляет всемирную историю»¹. Именно в органическом единстве с природой Кавказа адыги, как и другие коренные народы, создали свой образ жизни, свой образ мышления, свои стереотипы поведения.

Стандарты мышления народа, в том числе и художественные, всегда соответствовали социально-экономическим и политическим условиям его жизни. Если исходить из этого положения, то адыги задолго до монгольского нашествия, еще в IV в., переживали период феодализма. Таким образом, период от IV до XIX в. был периодом не только дальнейшего развития феодализма, но и отрезком времени, когда адыгэ хабзэ — основной неписаный закон жизни, модернизировался. Это был период, когда многие его принципы и положения начина-

¹ Гегель Г. В. Философия духа. Энциклопедия философских наук. В 3 т. М., 1977. Т. 3. С. 6-408.

ют все четче и четче защищать интересы князей и дворян. Более того, именно период зарождения и развития феодальных отношений сопровождался процессом выделения из общадыгского этикета нового – дворянского этикета («уэркъ хабзэ»). Стало быть, уэркъ хабзэ зародился наравне с процессом появления князей и дворян в адыгском обществе. Подобно тому, как они имели свой особый социальный и политический статус, в отличие от трудового люда, адыгские феодалы создали себе свой особый этикет, свою особую культуру, которая в целом опиралась на общадыгский этикет.

Академик П. С. Паллас охарактеризовал адыгских феодалов следующим образом: «Это род рыцарей, которые поддерживают между собой и в отношении подданных настоящую феодальную систему, подобную той, которую немецкое рыцарство ввело раньше в Пруссии и Лифляндии»¹.

Адыгские князья и дворяне не то что создали свой новый, отличный от общадыгского, этикет; они просто на его основе создали свои стандарты поведения, свои формы и методы соблюдения всех его требований и принципов. Уэркъ хабзэ, можно полагать, более детализировал адыгэ хабзэ. Все важнейшие его требования соблюдались более скрупулезно, более «заметно», со своими специфическими способами и методами. Эту разницу между простыми крестьянами и феодалами в соблюдении адыгэ хабзэ мы прослеживаем везде и всюду. Возьмем, к примеру, танцевальный этикет адыгов, который является составной частью общадыгского этикета. А многие его элементы соблюдались в первую очередь именно князьями и дворянами. Например, один из традиционных общественных институтов адыгов – наездничество был только их занятием. «Набеги с целью добычи рабов, скота, имущества по своей значимости в социальной жизни, в духовной атмосфере феодальной Черкесии, – пишет Б. Бгажноков, – одна из самых примечательных страниц ее истории. Не случайно в пантеоне адыгских языческих божеств покровитель наездничества и наездников – Зеклуэтхэ («зеклуэ» – поход, набег; «Тхэ» – Бог)»².

¹ Паллас Петр Симон. Заметки о путешествиях в южные наместничества российского государства в 1793 и 1794 гг. // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 216.

² Бгажноков Б. Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983. С. 79.

Что касается другого, не менее значимого традиционно-го института – аталычества, который занимал заметное место в жизни адыгов, в адыгэ хабзэ, то он был фактически институтом феодалов, т. е., в первую очередь, детей князей и дворян отдавали на воспитание аталыку.

Образ жизни адыгских феодалов, их культура были образцом для подражания всех остальных горцев Кавказа. Многие феодалы Абхазии, Чечни, Дагестана, Осетии и все остальные горцы с большой охотой отдавали своих детей на воспитание адыгским уоркам (дворянам) – аталыкам. Они знали, какое место занимает адыгэ хабзэ в жизни Черкесии и какие положительные функции он выполняет в воспитании полноценного, высококравственного, физически здорового молодого поколения. Словом, они знали, что воспитанный на традициях адыгэ хабзэ всегда мог выжить в любых экстремальных ситуациях, ибо этого человека отличали такие качества, как выносливость и вежливость, смелость и отвага, толерантность и честность, доброта и непримиримость к несправедливости и т. д.

Адыгэ хабзэ огромное значение придавал развитию в человеке разумной способности суждений и эстетического чувства прекрасного, чувства меры и справедливости в делах как гражданских, так и частных. Для более полного понимания сути и специфики уэркъ хабзэ необходимо обратиться к некоторым его требованиям и принципам. Есть специальные понятия в этом этикете, как уэркъ къафэ (дворянский танец), уэркъ хьэл (дворянский характер), уэркъ шытесыклэ (дворянский метод верховой езды) и т. д. О том, что именно уэркъ хабзэ соблюдал более скрупулезно, щепетильно все требования адыгэ хабзэ, на базе которого он возник, можно наблюдать на примере танцевального этикета дворян. По этому этикету партнеры должны были танцевать более степенно, без резких движений, более торжественно. Вообще, по общеадыгскому танцевальному этикету строго запрещалось танцору все, что могло унижить девушку. Например, не допускалось прикосновение к ней во время танца, запрещались какие-либо резкие жесты, шутки и т. д. Особенно строго эти требования соблюдались при уэркъ къафэ (дворянском танце). Кроме этого, девушкам тоже запрещались резкие движения при танце. Она должна вести себя скромно, вместе с тем торжественно, ее осанка должна была быть во время танца горделивой, а движения

плавными. Она не имела права поднимать свои руки выше пояса, движения рук тоже должны были быть плавными и как бы ласкающими. Она должна была только изредка смотреть во время танца прямо в глаза партнеру. Дворянка выходила в круг танцевать на ходулях, затем она спокойно снимала деревянные ходули и танцевала. До тех пор, пока девушка не наденет эти ходули и не займет свое место, ее партнер обязан был стоять перед ней, почтительно вытянув руки по швам. Затем, откланявшись, он отступал на несколько шагов назад, пятясь, и, развернувшись правым плечом к девушке, возвращался на свое место. Дворянин почти за все время танца стоял на пальцах и, как орел, парил над девушкой¹. Причем не допускался надменный взгляд в сторону девушки, наоборот, партнер смотрел в ее сторону торжественно и ласково, как бы любясь грацией ее движений, красотой, оберегая ее. Инициатива прекращения танца и ухода из круга принадлежала во всех случаях девушке. Считалось плохим тоном долго танцевать с одной и той же девушкой и часто выходить в круг на танец, т. е. соблюдалась своего рода джентльменская очередность в танцах. Таким образом, в дворянском танце все требования этикета дворян соблюдались исключительно строго и неукоснительно, и случаи отклонения от этих норм осуждались строго. А когда танцевали простые крестьяне и другие представители низших слоев общества с некоторыми отклонениями от этих норм танцевального этикета, их судили не так строго и старались особо не обращать внимания на эти «изъяны», т. е. и их танец соответствовал их общей культуре, которая была более грубой, более «приземленной».

В подчеркнуто детальном соблюдении всех норм дворянского этикета его носителями можно убедиться еще на примере застольного этикета. Мы немного затронули этот вопрос в другом разделе в связи с культом тхамалы. Но следует отметить, что именно за столом адыг не столько принимал пищу, сколько показывал свою культуру, свой интеллект. Адыгское застолье в целом — это адыгэ хабзэ в миниатюре, это адыгская философия.

Прежде всего следует отметить, что адыги всегда питались очень умеренно, но и пища была самой разнообразной и высококалорийной. О разумном питании, о ко-

---

¹ Бгажноков Б. Х. Черкесское игрище. Нальчик, 1991. С. 56–61.

личестве разнообразных блюд, подаваемых гостям, говорили многие иностранные авторы.

Присутствовать за адыгским столом не только интересно, но и чрезвычайно трудно, ибо, по признанию многих авторитетных авторов, адыгский застольный этикет является одним из самых сложных во всем мире. Здесь за каждым человеком закреплено определенное место, пусть в помещении или во дворе, где присутствуют десятки, а то и сотни гостей. Рассаживаются гости прежде всего в зависимости от возраста и степени родства с хозяином дома. Самое почетное место застолья отводится тхамаде, где он и находится до конца. Пища также подается в той же последовательности, в какой рассаживались гости. А самое трудное в обслуживании стола гостей — это подача блюд, особенно части птицы, туши барана или крупного рогатого скота. Дело в том, что не каждую долю можно было подавать любому человеку, а в зависимости от возраста и степени родства гостей и только определенную. Даже были (во многом и сейчас это соблюдается) строгие требования по поводу очередности подачи блюд.

Мы эти примеры приводим не для того, чтобы описать все правила, а чтобы отметить, что они самым тщательным образом соблюдались по дворянскому этикету. Более того, по нормам этого этикета строго запрещалось употребление дворянами и князьями требухи. Употребление ее считалось унижением их достоинства, и всегда эту часть передавали крестьянам и рабам. Настолько к подобным вещам они строго подходили, что даже серединку арбуза не ели, сравнивая ее с требухой. Так, по крайней мере, многие старожилы Кабарды объясняли странность обращения с арбузом дворян и князей.

Но в целом самой главной особенностью, стержнем дворянского этикета было то, что он всецело схож со средневековым рыцарским. Вообще, черкесы всегда приучали своих детей быть умеренными во всем. Содержание понятия «чрезмерность» выходило за рамки благовоспитанности. Это касается и умеренности в еде, и лаконизма в речи, и сдержанности в проявлении эмоций, и даже в выборе цвета одежды и т. п. Уместно вспомнить здесь расхожее японское выражение: «Все излишнее безобразно». Тяготы и различные жизненные трудности были известны с ранних лет, в том числе детям князей и дворян. Именно последние воспитывались выносливыми,

умеющими переносить голод, холод, ибо их образ жизни заключался в постоянных военных походах и набегах. Впоследствии эти качества не раз их выручали¹. Многие иностранные авторы обращали внимание на большую сдержанность адыгов в еде.

Жак-Виктор-Эдуард Тебу де Мариньи, который был в «в стране Черкесии» в начале XIX в., писал, что они ребенка обучают искусству руководить набегом, ловкости в кражах и умению переносить голод и усталость (выделено нами. — К. У.). Он указывал, что подобное воспитание напоминает героические времена Греции, и оно пользовалось таким признанием, что татарские ханы древности посылали своих детей в Черкесию на выучку аталыкам. Во время своих путешествий или набегов против соседей им на целый день хватает небольшого количества кислого теста (имеется в виду, наверное, «хъэтыкъ» — лепешка из кукурузной муки. — К. У.). Эту пищу, которую называли «комил» («гъуэмылэ» — провизия. — К. У.), они держат в кожаном мешке, притороченном к седлу².

Следует особо подчеркнуть, что адыги очень строго подходили к употреблению алкогольных напитков. Именно в этом они были очень умеренными, и считалось большим позором для всего рода и села, если кто-либо показывался в обществе в нетрезвом состоянии. Особенно в этом отношении были строги князья и дворяне, которые должны были быть готовыми в любую секунду сесть на лошадь и отправиться в поход или стать на защиту своего отцовского очага. Джiovани Лукка — итальянский монах Доминиканского ордена, автор описания крымских татар, ногайцев, черкесов, абхазов и грузин — еще в XVII в. писал, что на пирах молодым не предлагают пить до тех пор, пока последние не совершат какого-нибудь ловкого воровства или какого-нибудь важного убийства. Речь в данном случае идет о молодых дворянах и князьях, для кого именно набеги и воровство являются основным родом занятий. Далее он указывал, что самый обыкновенный напиток у этого народа составляет вода, вскипяченная с медом и небольшим количеством проса («махъсымэ». — К. У.). Этот напиток охмеляет так же силь-

¹ Мальбахов Б., Эльмесов Н. Средневековая Кабарда. Нальчик, 1994. С. 9.

² Жак-Виктор-Эдуард Тебу де Мариньи. Путешествия в Черкесию // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 295, 301.

но, как и вино. Впрочем, черкесы не сильно предаются пьянству¹.

Другой европейский автор, Эдмонд Спенсер, писал следующее: «Закаляемые в том, что мы называем лишениями, с младенчества и практикуя воздержание в высокой степени, которое считается (в Черкесии. — К. У.) добродетелью, они переносят все превратности войны не только без сетования, но с бодростью²».

Нет почти ни одного принципа адыгэ хабзэ, по которому дворянский этикет не пытался бы выделиться, но совершенно определено, что в основе всего уэркъ хабзэ лежит именно адыгэ хабзэ. Б. Бгажноков утверждает, что «различие между этикетом высших и низших сословий было малоощутимым»³. Просто, как было сказано выше, представители высших сословий — князья и дворяне — имели возможность и стремились соблюдать все требования адыгэ хабзэ в полном объеме и более обстоятельно, детально. Собственно, именно состоятельные слои населения имели возможность придерживаться этого этикета.

Оба этикета вовсе не исключают, а, наоборот, дополняют друг друга; дворянский этикет вырастает из общеадыгского этикета, который уходит своими корнями в эпоху родового строя. А уэркъ хабзэ сформировался в условиях феодализма, на стадии развитых его отношений, когда окончательно сложился класс дворян со всеми политическими, социальными и культурными особенностями. Таким образом, дворянский этикет — это культура класса. Поэтому эта культура соответствовала статусу дворян в обществе.

Князья и дворяне настолько пытались выделиться из общей массы по своему этикету, что даже имели свой особый язык. Л. Я. Люлье пишет, что «князья и дворяне в Кабарде имеют особое наречие, которое скрывают от простого народа. Точно, существовало между черкесами искаженное наречие, коего смысл не каждому был известен. Оно называлось «шакобзе», т. е. языком охотничьим»⁴.

¹ Жан Батист Тавернье. Шесть путешествий. Нальчик, 1974. С. 72.

² Спенсер Э. Путешествия в Черкесию. Майкоп, 1994. С. 43.

³ Бгажноков Б. Х. Адыгский этикет. Нальчик, 1978. С. 24.

⁴ Люлье Л. Я. Черкесия. Историко-этнографические статьи. Краснодар, 1927. С. 15.

Но ключевым, самым главным принципом уэркъ хабзэ, является рыцарская мораль. Дух благородства и воинственность в дворянском этикете занимают доминирующее место. Стремление адыгских князей и дворян к славе через проявленную смелость и отвагу во время войны является основным стимулом жизни. Поэтому больше всего презирались по адыгскому этикету, в особенности по уэркъ хабзэ, трусость и малодушие. Рыцарю, уличенному в трусости, посвящали свои осуждающие и осмеивающие песни джэгуакIуэ (народные певцы) и такие «герои» до конца своих дней жизни не могли смыть с себя позора. Более того, его дети, весь род презирались обществом, их старались не брать с собой на войну или в набег. Были даже случаи, когда в знак всеобщего презрения на такого труса надевали особое платье («къарабгъэ джанэ») – рубашку труса. Ш. Ногмов тоже обращал внимание на своеобразную кару труса по адыгскому этикету. Он, в частности, отмечал, что «адыхе славилась храбростью и беззаветным мужеством. Уличенных в трусости выводили перед собранием в войлочном безобразном колпаке для посрамления и налагали пеню, которая определялась ценою в пару волов. Храбрость рождает славолубие; уверенность в себе дает человеку характер самостоятельный»¹.

Э. Спенсер указывал на пример их отчаянной доблести: русские офицеры уверяли, что черкесский воин никогда не сдается, сражаясь до последнего дыхания, даже с войском врагов, лишь только когда он обессиливает от ран, тогда только он может сдаться на милость победителя. Ко всей этой храбрости мы можем добавить, что они владеют таким же количеством хитрости, ловкости, что абсолютно невозможно перехитрить их: враг никогда не может рассчитать их движений. Он также отмечал, что нет слов, чтобы описать достойным образом стремительность черкесского заряда, самым храбрым европейским войскам он показался бы абсолютно жутким. Более того, этот англичанин указывал, что черкесы были самыми лучшими партизанами в мире². Есть предположение, что именно черкесы, вернее, древние их предки, начали одними из первых в практике истории войн применять партизанскую форму борьбы с врагом. Если учесть, что

¹ Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1994. С. 66, 67.

² Спенсер Э. Путешествия в Черкессию. Майкоп, 1994. С. 42, 43.

адыги всегда были объектом агрессий самых различных племен и что история адыгов – это прежде всего война, защита своей территории от внешних врагов, то нетрудно поверить в эту версию. Их метод ведения партизанской войны описали многие авторы и все они отмечали, что черкесам не было равных в таких способах ведения боя. Враг не мог раскрыть тактику ведения боя черкесами, т. к. «появляясь как из-под земли, они сейчас находятся в одном месте, затем в другом, и даже ползут подобно змее в траве и удивляют часового, дежурившего на воротах крепости; одним словом, каждое дерево, утес и кустарники служат черкесу засадой»¹.

Дух свободы, чувство собственного достоинства и славы – вот главный смысл жизни адыга. Ради этого он, не задумываясь, мог распрощаться со своей жизнью, и эту особенность адыгского духа подчеркивали многие европейские авторы, даже те, которые были их заклятыми врагами и воевали с ними. Черкес, если он отправлялся на войну, должен был или одержать победу, или погибнуть на поле боя как герой.

В воспоминаниях Н. И. Лорера, декабриста, сосланного на Кавказ наряду со многими другими офицерами, участниками событий 1825 г. на Сенатской площади, нетрудно уловить дух патриотизма, героизма черкесского князя и дворянина, вообще черкеса. Именно адыгэ хабзэ предполагает такое поведение на войне.

Адыгский этикет, в том числе уэркъ хабзэ, также предписывает внешне спокойное перенесение страданий, чрезвычайную, по внешним понятиям доходящую до абсурда, скромность и вежливость. А что касается почтительно-величального отношения к женщине, то в этом плане адыгэ хабзэ стоит ближе к этикету западно-европейских средневековых рыцарей². По адыгэ хабзэ, особенно по дворянскому этикету, человек должен быть чрезвычайно скромным и щедрым. Скупость и надменность расценивались как одни из главных пороков настоящего черкеса. Поэтому князья и дворяне одевались скромно, жили тоже в скромных жилищах. Об этой особенности характера адыгских князей и дворян писал Ш. Ногмов. Владельцы обращаются с уорками и народом просто, без гордости и надменности. Сильнейший и богачейший владелец живет в такой же хижине, как и последний уорк.

¹ Спенсер Э. Путешествия в Черкесию. Майкоп, 1994. С. 43.

² Бгажноков Б. Х. Адыгский этикет. Нальчик, 1978. С. 23.

Если уорк увидит на владельце хорошее платье, шапку или другое и пожелает иметь эту вещь, то владелец не в праве ему в этом отказывать¹. Любой князь или дворянин мог подарить любому человеку все, что тому понравилось, за исключением коня и оружия. С ними расставались очень трудно, если таковое случалось в их жизни. Щедрость и отвага – лучшее средство у черкесов приобрести известность. Таково мнение многих авторов.

По адыгскому этикету, в том числе по уэркъ хабзэ, строго осуждалось в характере человека самохвальство. Какой бы героизм ни совершал черкес, он не должен был этим хвастаться – о своих подвигах черкес никогда не говорил. Многие авторы, которые хорошо знали дух черкеса, отмечали, что тот отличается большой сдержанностью, в том числе в распространении своих добрых и отважных поступков.

Хан-Гирей в «Записках о Черкесии» отмечал, что неприличным почитается у черкесов болтливость и, по их мнению, должно более слушать и менее говорить. Говорить о своих подвигах, возносить самому себе похвалу, в каком бы то ни было виде, почитается у черкесов величайшим пороком. Кроме того, по их мнению, хвалить человека в глазах его – суть гнусное лицемерство. По дворянскому этикету строго осуждалось употребление в речи неприличных или ругательных слов. Хан-Гирей обращает на это внимание и пишет, что произносить бранные слова князья и дворяне почитают за поступок, достойный презрения, что и родило у черкесов поговорку: «Настоящему дворянину не сродни бранные слова»².

Оставаясь во всем сдержанным, черкес в то же время не признавал никаких преград в защите чести и достоинства своего сеньора, почтенного старца, гостя, кунака или женщины. При этом черкес, особенно князь или дворянин, внешне должен был выглядеть спокойным, невозмутимым, даже если он оказывался в самых экстремальных ситуациях. Черкес, согласно этикету, ни в коем случае не должен был проявлять внешне свой гнев, негодование, страдание и т. д.

Хан-Гирей также отмечал, что все обряды вежливости черкес соблюдал по дворянскому этикету, даже по отношению к своему врагу. Достоинно замечания то, что

¹ Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1994. С. 74.

² Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1992. С. 277, 278.

все эти обряды вежливости соблюдаются и тогда, когда братья или князья и дворяне друг друга ненавидят, даже и тогда, когда они бывают явными врагами, но ежели им случится встретиться в таком месте, где законы благопристойности удерживают их оружие в бездействии, например, в доме князя или дворянина, в присутствии женщин, на съездах дворянства и тому подобных случаях, где приличия воспрепятствуют обнажать оружие, враги остаются в границах вежливости и даже оказывают нередко друг другу разные услуги, что называется дворянская (то есть благородная) неприязненность или вражда; но затем эти враги являются самыми свирепыми кровопийцами там, где они могут свободно обнажать свое оружие; и тем более вежливость их делает им честь, и народ питает к ним большое за то уважение. Да и в самом деле, человек, чуждый вежливости и понятия о приличиях, может ли сродниться с долгом общежития¹.

Неприличным считалось и считается до сих пор по адыгэ хабзэ проявлять сколько-нибудь заметное любопытство по какому-либо вопросу, касающегося дел другого человека. Например, по адыгскому этикету, неприлично спрашивать у человека, попросившего отпраздновать куда-то вместе с ним, о направлении и цели поездки. Отсюда и народная поговорка: «Адыгэлъыр дыздэкъуэр дэнэ жи́лэу и́лэупи́цкъркъым, зыи́цкъркъыр даи́цкър дыщекъэр жи́лэу арацъ» (Настоящий черкес не спрашивает, куда нужно идти, а спрашивает только о том, когда отправляться). Здесь прежде всего речь идет о характере князя, дворянина. Как отмечал Б. Бгажноков, известно, что всякий рыцарь, не требуя никаких разъяснений, должен был последовать за позвавшим его человеком, а тем более сеньором. Этот же автор в своем труде цитирует Ф. Торнау: «Таков обычай у черкесов: друзья оказывают услугу, требующую иногда крови, не спрашивая и не добываясь даже отгадать, в чем она заключается»².

Важнейшей нормой морали по уэркъ хабзэ, вообще по адыгскому этикету, было не разглашать тайны другого человека, особенно близких, друзей, соседей и т. д. ни при каких обстоятельствах. Поэтому распространенной была поговорка у дворян: «Уэркъ зашкъркъым» (Уорк тайны не разглашает). Соблюдать эту норму этикета дво-

¹ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1992. С. 277.

² Бгажноков Б. Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983. С. 94–97.

рян считалось важнейшим долгом каждого честного человека, что было справедливым и по отношению к адыгским мужчинам других сословий. Заинтересованность феодальной знати в строгом соблюдении данного правила породила у адыгов довольно суровое по тем временам наказание для тех, кто нарушал закон. В старину черкесы прожигали шапку того, кто раскрывал чужую тайну, почему и вошло в обыкновение говорить: «У него шапка сквозная», когда хотели упрекнуть кого-нибудь в нарушении тайны.

Следование нормам вежливости в обращении друг к другу, что является одним из основных требований адыгского этикета, начинается с приветствия. Подобно застольному или танцевальному этикету адыгов, приветствие и прощание занимают особое место в адыгэ хабзэ, в том числе дворянском этикете. Формы приветствия у адыгов – самые разнообразные, в зависимости от места, времени и ситуации, в которых встречаются люди, – утром и днем, на работе, на свадьбе или просто в пути, пешком или верхом и т. д. Адыги разработали целую систему приветствий, и каждое отражает содержание той ситуации, при которой происходит встреча. Здесь заложена целая философия. Более того, даже формула приветствия не во всех ситуациях осуществления трудовой деятельности одинаковая. Например, пахаря или сеятеля путник приветствовал словами: «Бов апций!» (Да будет тебе изобилие!); людей, занятых уборкой урожая или косарей, приветствовали: «Шхонх апций!» (Без горя, без беды съешь тебе собранное!); пастуха приветствуют словами: «Бохъу апций!» (Умножитья твоему стаду!) и т. д. На такие приветствия отвечали словами: «Упсэу апций!» или «Уи Iуэху фIы ирикIуэ!» Слово «апций» не переводится дословно, но оно означает «добро», «хороший», «благополучие». Если встречали человека, который встал на ноги после выздоровления, приветствовали словами: «Лъапэ махуэ къыхуэхъжэж!» (Пусть счастливым вновь твой шаг будет!)¹.

Многие авторы, в том числе Хан-Гирей, Тебу де Мариньи, отмечали, что адыги приветствовали малознакомых, но высокочтимых людей, гостей и женщин прикладыванием правой руки к головному убору. Инициатива

¹ Мамбетов Г. Х. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1994. С. 207–211; Шоджэн Х. КъэрдэнгъушI З. Адыгэ хабзэу ычIахэр. Нальшк, 1995. С. 6–11.

первым приветствовать другого принадлежала младшему по возрасту. Он должен был первым приветствовать старшего словесно, но право подачи руки первым принадлежало старшему человеку. У адыгов, как у мужчин, так и женщин, не принято целоваться во время приветствия. Вот что писал Хан-Гирей по поводу приветствия у черкесов: «Приветствия состоят в том, что встречающий или посещающий гостя, или старшего по летам, или по знатности происхождения, приветствуют его, произнося: «Желание доброго приезда», причем поднимают правую руку к голове своей и вслед за тем, спустя некоторое время, спрашивают его о здравии с тем же знаком приветствия. Надобно заметить, что делают рукою эти движения легко и не торопясь. Вообще, по коренным обычаям черкесов с приветствием не делают смешанных и странных телодвижений, как это у других азиатских народов бывает»¹. При этом следует отметить, что младшие не вступают в разговор после приветствия, младший по возрасту, когда ему подает руку старший, здоровается обеими руками, как бы поддерживая своей левой рукой его правое предплечье. Этим жестом он проявляет свое особое уважение к этому человеку. Мужчины обнимаются, когда они давно не виделись, или если они близкие друзья, или родственники. Что касается приветствия разнополых людей, то право первой подать руку принадлежит женщине. Кстати сказать, вообще правом на рукопожатие не обладают женщины многих народов, в том числе Северного Кавказа. Например, у чеченцев, таджиков и др. налагается запрет на рукопожатие между лицами противоположного пола. Мужчина и женщина обнимаются только в том случае, если они близкие родственники. Мужчины, если они даже просто односельчане, или если чужой человек встречает по дороге другого, или группу людей, они приветствуют друг друга словами типа «Флохъус ашций!» (С добром пребудь!). При этом первым должен приветствовать прохожий, а те ему вежливо отвечают.

Хан-Гирей отмечал, что вообще «соблюдение вежливости в обращении есть неременная обязанность каждого черкеса. Не только князья и дворяне, которые по всей строгости подчинены закону благопристойности, но даже и простой народ между собою следует этому прекрасному правилу, облагораживающему человека»².

¹ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1992. С. 276, 277.

² Там же. С. 275.

Точно такие же нормы приличия соблюдались и в настоящее время во многом соблюдаются у адыгов по адыгэ хабзэ и при прощании человека с человеком или группы людей друг с другом, и здесь свои особые правила. Одним из главных моментов в этой церемонии, на наш взгляд, являлось и является то, что черкес никогда не высказывал своего неудовлетворения приемом хозяина дома. Были специальные формы выражения своего неудовлетворения тем человеком, у которого он гостил. В таком случае гость поворачивал своего коня хвостом к дому хозяина и садился на него, а если был доволен приемом — то наоборот, направлял голову коня в сторону дома и садился, а затем отъезжал, прощаясь и благодаря хозяина за теплый прием.

Н. Данилевский в своей работе «Кавказ и его горские жители» в середине XIX в. отмечал, что черкесы «любят вежливость, скромность, чинопочитание; всякое ругательное слово (особенно название вором) имеет последствие: строгость замечания, угрозу и самый поединок, для которого не назначается ни места, ни времени; там, где впервые встречаются соперники после ссоры, бывает и место поединка, часто кончающегося убийством»¹.

Нормы приличия строго соблюдались, в первую очередь, князьями и дворянами. Именно они были страстными радетелями этих строгих правил вежливости. Дворянский этикет, вообще адыгэ хабзэ, предполагал, как было сказано выше, чтобы даже кровные враги уважали достоинство друг друга. Скажем, если они встретились и ожидался неминуемый поединок, то по уэркэ хабзэ каждый предлагал противнику первым нанести удар или стрелять. Соблюдались такие правила: «Ты старше, и потому право первого удара за тобой»; «Я первый вызвался на дуэль; поэтому теперь ты начинай первым»; «Ты гость в наших краях, бей первым» и т. д.

«Рассматривая вообще нравственную сторону черкесов, — писал Хан-Гирей, — находим у них идеи высокие, благородные, истинно рыцарские; находим в делах их поступки великодушные, достойные похвалы»². Именно адыгэ хабзэ, особенно уэркэ хабзэ, был выражением идеального образа мыслей, высоконравственных, благородных и отважных поступков. Особенно чрезвычайно высокие

¹ Данилевский Н. Кавказ и его горские жители. М., 1846. С. 182.

² Хан-Гирей. Черкесские предания. Нальчик, 1989. С. 214.

требования предъявлялись к человеку в его поступках и действиях по моральному кодексу уэркъ хабзэ. Это подтверждает множество пословиц, поговорок. Приведем некоторые из них: «Уэркъ бгы задэщ» (Рыцарь – неприступная скала); «Уэркъытър дэгъзеигъуэ кIыхьщ» (Рыцарство – долгий (трудный) подъем) и т. д.¹

Князья и дворяне не только создали свой собственный этикет, целиком и полностью основанный на принципах адыгэ хабзэ, и скрупулезно соблюдали вплоть до мелочей все нормы уэркъ хабзэ, но так же строго следили за тем, чтобы их кровь оставалась чистой. Категорически запрещалось по уэркъ хабзэ жениться или выходить замуж за представителя низших сословий. Э. Спенсер писал, что, возможно, ни один народ не желает более, чем черкес, сохранить свой род чистым и незамутненным, особенно их князья, поэтому при выборе жены большее внимание уделяется красоте форм и фигуры, чем образованию. Действительно, черкес истинно адыгской породы редко берет жену среди народа любого племени Кавказа, который не имеет такой же родословной, как он сам².

Высшее сословие, не имея знаний ни по современной генетике, ни по иной отрасли науки, из многовековой практики знало, что в крови заложено все то, каким будет человек. Они во многом интуитивно чувствовали, что у человека неблагородного сословия, человека плебейского происхождения и образ мышления, и образ жизни всегда будут плебейскими. Они знали, что человек такого происхождения, какие бы обстоятельства ему ни создавали, никогда не станет высоконравственным, благородным. В душе человека низкого происхождения всегда сохраняются отрицательные начала, дух разрушения, зависти, ненависти к другим людям, как бы внешне он ни притворялся. Поэтому не случайно у адыгов, преимущественно благородного происхождения, до сих бытует поговорка «Хъэцыбанэм и пIэм хъэцыбанэ къокIаж» (На месте пиновника всегда произрастает пиновник). Она сродни русской поговорке: «Яблоко от яблони недалеко падает».

Одна из отличительных черт характера адыга – дух воинственности, дух отваги. Именно эта черта воспитыв-

¹ Бгажников Б. Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983. С. 100, 101.

² Спенсер Э. Путешествия в Черкесию. Майкоп, 1994. С. 799.

валась в человеке с раннего возраста. Вся система воспитания, особенно детей князей и дворян, была построена на том, чтобы выработать эти качества. И это отмечали многие авторы, в том числе иностранцы. «Черкес благородно представляет на Кавказе, — указывалась О. де Гелль, — последние остатки того рыцарского и воинственного духа, который пролил столько блеска на народы средних веков»¹. Большинство авторов, которые интересовались феноменом адыгской храбрости, воинской доблести, преданности однажды данному слову, благородства, указывают на то, что именно сложная и глубоко продуманная система воспитания, которая создана на основе адыгэ хабзэ, является его основой.

Типологически адыгэ хабзэ сходно с этикетом восточных народов: китайцев, индусов, арабов, японцев — и с этикетом средневековых рыцарей Западной Европы. Много общего, особенно между уэркэ хабзэ и традиционным японским этикетом «бусидо». Как известно, и японский этикет бусидо сложился в эпоху феодализма как этикет военной аристократии, этикет многочисленного сословия рыцарей — самураев. И бусидо, и уэркэ хабзэ предполагают неукоснительную верность своему долгу. По адыгскому этикету, человек никогда не должен задумываться над проблемами жизни и смерти. Зато он всегда видел перед собой эталон высшей добродетели и считал своим долгом ему подражать. Этому всецело был подчинен образ жизни.

Адыгские князья и дворяне исповедовали принципы храбрости, отваги, презрения к смерти, защиты своей свободы, достоинства, и их главным занятием были войны и набеги. Пользуясь личной неприкосновенностью и опираясь на силу своих вооруженных вассалов — уорков, — делали набеги своим основным занятием и одним из главных источников пополнения своих доходов. Они нападали даже на соплеменников, на соседние народы, в том числе на казачьи станицы, и угоняли табуны лошадей, стада скота, даже людей. При этом князья щедро делились награбленным имуществом со своими дворянами, с которыми они совершали эти набеги. В этой связи адыгский просветитель А.-Г. Кешев отметил, что «не корысть и не кровожадность, а жажда подвигов и не умирающая в сердце народа любовь к независимости и сво-

¹ М-ль де Гелль О. Путешествие в степи Каспийского моря и по Российскому меридиану. 2-е изд. Париж, 1868. С. 189.

боде воодушевляли адыгов в продолжительной борьбе за политическое свое существование»¹.

Г.-Ю. Клапрот писал, что «занятие знатных людей – обычно охота и военные упражнения; они часто принимают походы, направляясь на несколько дней в леса и горы, где их единственной пищей служит немного проса, которое они берут с собой. Такой образ жизни и свобода имеют для них столько привлекательного, что они ни на что не хотят менять его и охотно отказались бы от всего, чтобы иметь возможность вернуться обратно к настоящему положению»².

Н. Ф. Дубровин писал следующее: «...но не одна жажда добычи побуждала черкеса к разбою и грабежу: слава заставляла его ходить на хищничество. Желание приобрести известность, сделаться храбрым джигитом (витязем), прославиться своею удалью не только в одном каком-либо, но в целом обществе, в долинах и по горам, составляли его цель, его желание и вместе с тем лучшую награду за тяготы переносимых трудов. Во многих случаях черкес брался за оружие, не знал отдыха, презирал опасности во время хищничества и боя только для того, чтобы стать героем песни, предметом былин и длинного рассказа у очага бедной сакли, а этого нелегко было достигнуть при врожденной скромности черкесов и отсутствии хвастовства и самохвальства. Черкес знал, что прославленный поэтом-импровизатором, он не умрет в потопстве, что слава его имени и дел переживет и самый гробовой гранит»³.

Такой образ жизни феодалов, в которой главным делом была война, требовал огромного напряжения духовных и физических сил. Поэтому они были выносливы, терпимы, скромны и сдержанны. Для них, в целом для адыгов, славное имя было нетленным, непреходящим, ценным (точнее, бесценным) само по себе, оно не покупается и не продается; славное имя превосходит всякую материальную награду. Адыгу всегда был присущ дух соперничества, и это приближало его к природе, к игре. Данные качества выработались множеством состязаний, детских и общенародных национальных игр.

¹ *Каламбий (А.-Г. Кешев). Записки черкеса. Нальчик, 1988. С. 224.*

² *Генрих-Юлиус Клапрот. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг.// АВКИЕА. Нальчик, 1974. С. 262.*

³ *Дубровин Н. Черкесы (адыге). Нальчик, 1991. С. 18.*

Отличительная черта характера адыгских феодалов — это дух неподчинения, славы. И если проследить историю адыгов, то она — ожесточенная борьба партий, княжеских фамилий, которая порой доходила до открытых вооруженных столкновений и почти непрекращающихся раздоров и войн между ними; каждый феодал ставил свою независимость выше общеадыгских интересов. В отличие от многих народов, адыги — народ гражданской общины, но не государственной в собственном смысле слова. И совсем поражает в истории адыгов тот факт, что этот талантливый и не лишенный высокого интеллекта народ хладнокровно сам себя уничтожал на протяжении веков. Их дух соперничества часто был направлен не на творческий поиск, не на созидательное начало, а на разрушение. Именно по этой причине у адыгов после их предков — синдо-меотских племен — не осталось централизованной мощной государственности.

В бесконечных спорах адыгских княжеских фамилий мы видим лишь дестабилизирующий фактор. Князья не признавали никаких авторитетов. Каждый из них действовал по своему усмотрению. А простолюдины в этом отношении отличались послушанием. Так что адыги, к сожалению, не были прагматиками и расчетливыми для себя. Они не сумели ответить на вызов истории — не создали, вернее, не воссоздали после Древней Синдики свою государственность. Адыги держались не самодержцем, а народом. На это все наложил определенный отпечаток узркъ хабзэ, через который воспитывался дух адыга, в том числе дух неподчинения и соперничества, что не всегда имело позитивные последствия в судьбе всего народа.

Особенность сознания адыга, духа свободолюбия, воспитания по адыгэ хабзэ, являлась одной из причин того, что адыги не создали централизованного государства. Именно психологический фактор сыграл в этом вопросе негативную роль. Вот что пишет по этому поводу известный отечественный политолог Г. К. Дахунов: «Психологический фактор, невзирая на его кажущуюся легковесность, также оказывает серьезное воздействие на становление государства, что связано с образом жизни нации... Свободолюбивый характер кавказских народов также затруднил формирование у них государственных структур». Если это утверждение справедливо по отношению ко всем кавказским народам, то оно вдвойне спра-

ведливо по отношению к адыгам, особенно к князьям и дворянам. В этом плане Г. К. Дахунов отмечает, что именно психологические особенности характера этого народа, вытекающие из его образа жизни стали непреодолимым препятствием к объединению адыгских племен и созданию ими централизованного государства.

Среди этих особенностей характера адыгов, отмечаемых почти всеми исследователями, на первом месте стоит неукротимая жажда независимости, доходящее иногда до абсурда свободолюбие, постоянное стремление к индивидуальной славе, личному подвигу. Отсюда игнорирование всякой дисциплины и организованности¹.

Н. Дубровин отмечал также, что «...сильно развитая самостоятельность общин и аристократический элемент, не желавший отказаться от своих вековых преимуществ, препятствовали слиянию черкесов в одно целое. Народ, привыкший к необузданной свободе, не перенес повелительного тона муртазаков, присылаемых с приказами от народного собрания!»² Правда, здесь, кроме психологического фактора, для создания централизованного государства необходимы еще и экономические, географические, демографические и иные условия. Но следует признать, что наряду с этим адыгэ хабзэ в создании и сохранении высокой нравственности адыгского этноса совершил беспрецедентную революцию в истории мировой культуры. Адыгэ хабзэ не только сформировал ментальность адыга, но и сохранил духовную энергию народа. Этот этикет был всегда примером подражания и предметом восхищения многих народов. Недаром соседние с адыгами народы, если хотят похвалить человека, говорят, что он «благородный, как черкес»; «он, как черкес, сидит на коне»; «он храбр, как черкес» и т. д.

Поэтому адыгский этикет занимает особое место в общекавказской культуре. В связи с этим один из специалистов по культуре Н. М. Рехвиашвили отмечал, что «выработанный и строго соблюдаемый адыгскими племенами этикет... был принят в качестве единой нормы поведения почти всеми кавказцами». Аналогичную же оценку дает адыгскому этикету С. И. Дахильгов, ученый из Грозного: «Известно, что близживущие с адыгами вайнахи и другие народы восприняли некоторые обы-

¹ Дахунов Г. К. Некоторые политико-психологические аспекты геноцида адыгов: Рукопись. Личный архив. 1996. С. 6, 7.

² Дубровин Н. Черкесы (адыге). Нальчик, 1991. С. 226.

чай и нормы этикета адыгов. Про благородного человека вайнахи говорили: «Черсе санна эзде к'юнах ва из» (Он благороден, как черкес). Гордого мужчину называли: «Кура г'лавбате» (Гордый кабардинец) и т. д.¹

Таким образом, адыгэ хабзэ, в том числе уэрк' хабзэ (дворянский этикет), являлся и до сих пор во многом является важнейшим регулятором человеческих взаимоотношений, поведения людей в быту и в общественных местах. Он так же строго регламентировал взаимоотношения адыгов с другими народами и государствами. Правда, с течением времени, особенно в XX в., многие важнейшие нормы адыгского этикета претерпели значительные изменения, ослабились их социальные функции. А что касается уэрк' хабзэ, то он, с физическим уничтожением большевистским режимом их носителей — дворян и князей, вообще исчез. Более того, большевистская пропаганда сделала понятие «уэрк' хабзэ» нарицательным. И, как отмечала моя мать Шамсят, если хотели очень оскорбить «те, которые были ничем, а теперь стали всем», кого-либо из благородного происхождения, то их любимым выражением было слово «Уэрк'ыхьэ» (дословно: «собачий дворянин»). И ее можно понять, когда она говорила об этом с огромной скорбью: «Для меня это слово было самым оскорбительным, которым меня когда-либо называли». Действительно, нетрудно представить себе психологическое состояние человека, когда втоптывают в грязь этикет, на принципах которого он воспитывался, и было воспитано не одно поколение его предков.

Другого подхода к культуре народов, особенно традиционной, не могло быть у «кухарок». Слишком сильна была в них тяга к разрушительству всего и вся. Как поется в песне, у нас «более семидесяти лет шла гражданская война», и чтобы вернуться из войны «страны дураков» в «страну гениев» нужно, к сожалению, много времени. В этой связи нам представляется возможным и необходимым возродить в полном объеме адыгский этикет, в том числе уэрк' хабзэ. Правда, это надо сделать с учетом тех перемен, которые произошли во всех сферах жизни нашего общества.

И если бы адыгский этнос смог соединить все позитивные начала и функции адыгэ хабзэ, в том числе уэрк' хабзэ, с достижениями научно-технической революции

¹ Бгажноков Б. Х. Адыгский этикет. Нальчик, 1978. С. 25.

современной человеческой цивилизации, мы бы значительно быстрее продвинулись вперед, к процветанию. Речь идет о том, чтобы человек жил и работал по нормам адыгэ хабзэ, но с использованием достижений научно-технической революции. Как мы постарались показать выше, нормы воспитания, поведения, общения и самых разнообразных отношений людей, на которые распространяется адыгэ хабзэ, предполагают уважать человека в человеке, бережно относиться к среде своего обитания, строить взаимоотношения с другими народами и государствами, уважая честь и достоинство каждого. В этом — жизненная сила адыгэ хабзэ, который для адыга больше, чем этикет, больше, чем религия. В адыгэ хабзэ адыг «растворяется», он не представляет себе жизни вне его норм и принципов. Это его образ жизни и образ мышления. В этом заключается феномен адыгэ хабзэ.

§ 2. Аталычество и его роль в обществе

На протяжении веков экономическая жизнь, социальная организация адыгов и балкарцев менялась, и к этим изменениям приспосабливалась их культура, исчезали одни общественные институты, появлялись новые. В этом плане одним из важнейших и уникальных явлений в общественной жизни этих народов является институт аталычества, который имеет древние корни. Он являлся одним из главнейших институтов установления искусственного родства между различными фамилиями, представителями отдельных социальных слоев адыгского и балкарского обществ и укрепления интернациональных связей с другими народами. Он также был основной школой воспитания детей князей и дворян.

По поводу института аталычества И. Бларамберг указывал, что «в соответствии с обычаем, который сохранялся с отдаленных времен, князя не имеют права воспитывать своих сыновей ни в своем доме, ни под своим наблюдением, а должны как можно раньше, чуть ли не с самого рождения, отдавать на воспитание в чужой дом. Каждый уздень (дворянин. — К. У.) делает все возможное, чтобы предпочтение было отдано именно ему, и тот, на кого падает выбор князя, расценивает это событие как знак особого доверия. Избранный таким образом воспитатель называется аталыком; он должен обучать, одевать,

кормить своего воспитанника вплоть до того дня, когда он должен быть возвращен в отчий дом, что, как правило, бывает не раньше, чем он достигает возмужания, и его воспитание считается завершенным»¹. Однако следует отметить, что на воспитание аталыку отдавали и девочек. Правда, ее воспитанием занималась жена дворянина, в чей дом привели ее воспитывать.

Условия и причину появления института аталычества у адыгов попытался объяснить в свое время адыгский просветитель, ученый прошлого столетия Хан-Гирей. Он, в частности, писал: «Причиной введения в обиход такого рода воспитания было, кажется, следующее: князья издавна, для увеличения своей силы, искали всех возможных средств привязать к себе дворян, а дворяне для всегдашней защиты и воспомоществования себе во всех случаях всегда желали более сблизиться с князьями: бедные всегда и везде нуждаются в помощи богатых, а слабые – в покровительстве сильных, могущество коих увеличивается обширностью влияния их на других. Для обоюдного сближения оказалось вернейшим средством воспитание детей, которое, связывая два семейства, в некотором смысле, кровным родством, приносит обоюдные выгоды...»²

Действительно, в условиях острой и бескомпромиссной феодальной междоусобицы каждый князь заинтересован был иметь побольше союзников среди очень влиятельной и воинственной социальной прослойки адыгского и балкарского обществ – дворянства. А оно само тоже было крайне заинтересовано иметь своего покровителя в лице княжеских фамилий. При таком методе установленное искусственное родство между представителями различных социальных слоев общества обязывало обе стороны ко многому. Они должны были теперь оказывать всякую поддержку друг другу, в том числе дворянин-аталык должен был сопровождать князя – отца его воспитанника – во всех его походах и мероприятиях, а он, в свою очередь, – защищать его от посягательств на свободу и имущество со стороны других людей. Особые, близкие чувства вырабатывались в ходе воспитания между ребенком и аталыком. Бывало так, что воспитанник больше уважал своего воспитателя, чем своего родного отца. Это и понятно. Дело в том, что ребенка отдавали на вос-

¹ *Бларамберг И.* Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992. С. 84, 85.

² *Хан-Гирей.* Черкесские предания. Нальчик, 1989. С. 159.

питание в чужой дом сразу же после рождения и он там находился до совершеннолетия, а родители, особенно родной отец, имели право видеться со своим ребенком очень редко. При таком отчуждении, конечно, воспитанник больше привыкал к своему аталыку. III. Ногмов пишет, что воспитанник был обязан не жалеть ничего для своего аталыка и исполнять все его желания. А отец молодого князя награждал воспитателя лошадьми, скотом и даже холопами и потом отпускал с честью домой. Речь идет о том, что при возвращении воспитанника в отчий дом выполнялось много обрядов и все это осуществлялось торжественно и пышно. Это торжество сопровождалось джигитовкой, скачками, различными состязаниями молодых людей¹. Институт аталычества, зародившись еще в эпоху родового строя, на протяжении веков претерпевал большие изменения. В период феодальных отношений аталычество начинает принимать резко выраженный классовый характер. Другими словами, этот институт во многом используется для воспитания детей феодалов (князей и дворян). Поэтому желающих взять на воспитание детей из этих социальных слоев населения было множество, чтобы через этот институт установить искусственное родство с могущественными фамилиями. Многие до рождения ребенка объявляли о своем желании быть воспитателем детей привилегированного семейства, т. е. аталыком. А те, в свою очередь, чтобы не обидеть претендентов, иногда вынуждены были соглашаться, чтобы их ребенок воспитывался у нескольких аталыков поочередно до достижения им совершеннолетия. В таком случае все аталыки имели одинаковые права и возможности для получения поддержки и помощи со стороны родителей их воспитанника. Так, установленное искусственное родство по аталычеству считалось священным, и все члены семейства аталыка становились родными для воспитанника. А чаще всего сами родители ребенка выбирали себе аталыка для детей из числа своих вассалов, в том числе и из соседних народов, которые в той или иной степени были зависимы от первых. Здесь следует отметить, что аталыка выбирали тщательно. Он должен был иметь в обязательном порядке хорошую репутацию, до тонкостей знать этикет, военное дело и т. д.

Институт аталычества использовался также для

---

¹ Ногмов III. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1994. С. 69.

установления более близких отношений и между соседними народами и даже государствами. Например, много случаев, когда грузинские князья и дворяне отдавали на воспитание своих детей кабардинским феодалам. А. М. Пейсонель писал, что почти все дети хана (крымского) и султана (турецкого) воспитываются в Черкесии. Ханам и султанам было желательно обучить своих детей с ранних лет военному делу, поэтому их отдавали на воспитание кабардинцам и другим черкесам, которые постоянно находились под ружьем и отличались своей воинственностью и храбростью. Адыгские же феодалы при этом обретали могущественных покровителей, с помощью которых вели борьбу со своими врагами. С другой стороны, аталычество во многом способствовало примирению и сближению между собой разноплеменных горских семей и обществ. Следует также отметить, что наряду с добровольной отдачей ребенка на воспитание при обоюдном согласии обеих сторон были случаи, когда совершали набеги друг на друга, похищали детей из дома родителей или аталыков и воспитывали их. К похищению детей прибегали и кровники. Дело в том, что при убийстве человека по законам горцев, в том числе адыгов и балкарцев, обязательно нужно было отомстить убийце. Вот, чтобы прекратилась эта месть, убийца должен был выкрасть ребенка у потерпевшей семьи и воспитать его. В таком случае можно было остановить месть. «Родство, установившееся путем аталычества между убийцей и семьей кровоместника, — писал Ф. И. Леонтович, — являлось одним из главных способов примирения враждующих родов и прекращения кровомщения»¹. Аталык («быфыкъуада») должен был обучать воспитанника владению всеми видами оружия, верховой езде, выработать у него выносливость, отвагу и соблюдать самые разнообразные обычаи и обряды, связанные с этим процессом воспитания. Например, в семье аталыка торжественно отмечали первый самостоятельный шаг ребенка, как это имело бы место у родителей, по достижении годовалого возраста воспитанника показывали родным и близким, которые делали аталыку различные подарки. Этот обычай назывался «к'яан еплт'» (смотр воспитанника). С 5-6-летнего возраста мальчика начинали приучать к верховой езде, первый день обучения отмечался как празд-

¹ Мамбетов Г. Х. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1994. С. 218–220.

ник, известный под названием «день первого стремени». А когда воспитаннику исполнялось 12–13 лет, его возили по селам, знакомили со всеми родственниками аталыка, он находил новых друзей, родственников, т. к. по обычаю не только семейство аталыка становилось его родным, но часто случалось, что жители целого села, общества и даже народа считали себя аталыками ребенка знатной фамилии и этим самым они подчеркивали свою близость к ней, после чего могли рассчитывать на поддержку и помощь представителей этой фамилии. Воспитанник имел право принимать самое активное участие во всех торжествах и других мероприятиях, которые проводились в семье его аталыка, т. е. он становился полноправным членом этого семейства и нес ответственность за все, что происходило в этой семье.

В течение всего времени, которое воспитанник находился в семье аталыка, родители могли посещать своего ребенка всего 1–2 раза. Плохим тоном считалось для родителей, если они проявляли ласку или нежность к своему ребенку, особенно мальчику.

Аталык пользовался большим влиянием на своего воспитанника (кана). Воспитатель принимал самое активное участие во всех вопросах жизни своего воспитанника. Были, например, случаи, когда аталыки выступали в качестве доверенных лиц, посланцев на различных дипломатических переговорах. Так, например, доверенным лицом князя Шолоха Сунчалеевича в переговорах с русским правительством выступал его аталык-черкес.

Установившиеся таким образом родственные связи считались священными и обязывали обе стороны относиться друг к другу как к самым близким родственникам. Молодые люди семей аталыка и воспитанника не могли пожениться, ибо дети воспитателя становились молочными братьями и сестрами кана. Он не мог жалеть что-либо для своего аталыка и обязан был исполнять все его желания, вознаграждать своего воспитателя 9/10 добычи, которую он добыл, пока обучался у него. Аталык настолько привязывался к своему воспитаннику, что в случае его смерти (в XVI–XVII вв.) в знак глубочайшей своей печали обрезал себе кончики ушей, а в XVIII–XIX вв. обрезание ушей было заменено годичным трауром. Когда же выходила замуж воспитанница, то аталык получал большой подарок от ее молодого супруга. Об этих правах и обязанностях аталыка писали Хан-Гирей и

III. Ногмов. По обычаю аталык мог иметь одного воспитанника, а последний – нескольких аталыков. В число последних входил и тот, кто первый раз брил ему голову и хранил его волосы.

На воспитание аталыку отдавались и дети зажиточных слоев крестьянства, но это случалось редко, и они в основном воспитывали своих детей сами. Вообще, институт аталычества играл важную социально-политическую и культурную роль на протяжении веков в жизни горцев Кавказа, в том числе адыгов и балкарцев. Помимо воспитательных функций, он всегда приспосабливался к той социальной организации, при которой функционировал. В феодальную эпоху он окончательно становится средством установления отношений сюзеренитета-вассалитета. Вместе с этим институт аталычества, как было сказано, выходил за рамки одной этнической общности. Через него воспитывались дети других народностей, и этот институт служил одним из важных рычагов сближения разных племен и народностей. Это все способствовало взаимовлиянию и взаимообогащению их культур. Однако этот институт функционировал с учетом положения и влияния Кабарды на другие соседние народы. Дело в том, что кабардинский князь охотно отдавал своих детей на воспитание балкарским таубиям (князьям), осетинским алдарам и баделятам, но он сам мог быть аталыком ребенка только вышестоящего лица. В данном случае он воспитывал детей крымского хана, признавая тем самым его «протекцию» или сюзеренитет¹.

Институт аталычества, несмотря на эти особенности, сыграл важную роль в укреплении международных связей адыгов и балкарцев. Такого мнения придерживались многие авторы, в их числе К. Сталь, Н. Дубровин, Ф. Леонтович. В частности, Н. Дубровин писал следующее: «Обычай аталычества много способствовал примирению и сближению между собою разноплеменных горских семейств. Кроме того, при таком способе воспитания дети приучались говорить на чужих наречиях, что при существовании разноязычия для них бывало весьма полезно впоследствии»².

¹ Кажаров В. Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX в. Нальчик, 1994. С. 393.

² Дубровин Н. Ф. Черкесы (адыги). Краснодар, 1927. С. 106.

Если вернуться к связям адыгов с крымским ханством через аталычество, то мы находим здесь много любопытного. При этом необходимо отметить, что в Кабарде, в отличие от Западной Черкесии, не образовалось сословие султанов («хануко» — сын хана. — К. У.). В Кабарде князь, взявший на воспитание сына крымского султана, естественно, возвышался над другими князьями. В случае войны с Крымским ханством его владениям не грозило разорение. В условиях же мира ему обеспечивалась поддержка в борьбе с его противниками.

Поскольку политические связи, устанавливаемые через аталычество, выходили за пределы Кабарды и Балкарии, то здесь неизбежно должны были столкнуться государства, так или иначе заинтересованных в подчинении одного другому. Известно, что Крымское ханство, воюя с Кабардой, прокладывало путь агрессивным устремлениям Османской империи. Но те же цели преследовала и Российская империя. Белградский мирный трактат (1739) и Кючук-Кайнарджийский мирный договор (1774), а затем ликвидация Крымского ханства в 1783 г. положили конец аталыческим связям адыгов с Крымом. Однако настоящим началом разрушения института аталычества на Кавказе является известная прокламация Ермолова от 1 августа 1822 г. В ней говорилось: «Отныне впредь воспрещается всем кабардинским владельцам и узденям отдавать детей своих на воспитание к чужим народам, то есть: к закубанцам, карачаевцам и вообще горским народам, но воспитывать их в Кабарде. Тех, кои отданы прежде, тотчас возвратить»¹. Таким образом, одна из важных причин упадка института аталычества — в колониальной политике царизма на Кавказе, которая была связана с нарушением уклада жизни, общественных институтов адыгов и балкарцев, как и остальных горцев Кавказа. Двадцатые годы XIX столетия являются не только потерей самостоятельности Кабарды, но и началом ликвидации ее сюзеренитета над соседними народами. Этой прокламацией наносится мощный удар по единству горцев Кавказа, и отныне институт аталычества замыкается в пределах Кабарды, к тому же в существенно ослабленном и деформированном состоянии. Это первая причина упадка института аталычества. Второй, не менее важной причиной является то, что к этому вре-

¹ Леонтович Ф. И. Адагы кавказских горцев. Одесса, 1882. Вып. 1. С. 261.

мени происходят существенные изменения в социальной организации общества, обостряются его противоречия. Тем не менее аталычество существовало в Кабарде до середины XIX в.

После реформ 60-х гг. XIX в. аталычество, которое сыграло такую заметную роль в жизни народов Кавказа и за его пределами, окончательно уходит в прошлое. Оно являлось на протяжении не одного столетия одним из важнейших методов воспитания детей князей и дворян, поддержания связей между народами, взаимовлияния их культур. На институт аталычества наложила свой отпечаток социальная организация адыгского общества, и он носил в основном классовый характер.

Но особо следует остановиться на средствах и приемах воспитания подрастающего поколения, особенно мальчиков из княжеских и дворянских семей. В этом процессе в равной степени обращалось внимание и на физическое, и на умственное развитие. Систему воспитания адыгов многие авторы сравнивали со спартанской. Это и понятно: греческая и древнесиндская культура оказывали друг на друга огромное влияние еще в первом тысячелетии до нашей эры. Фредерик Дюбуа де Монпере в XIX столетии писал, что князья (адыгские. — К. У.) имеют обыкновение поручать своих сыновей в юном возрасте вассалам, которые поселяют их у себя и обучают всевозможным телесным упражнениям, верховой езде, различным хитростям, необходимым в опасных походах; это вызывает в памяти пример Пелеи, отдавшей Ахиллеса на воспитание кентавру Хирону. Родители не оплачивают воспитателю, «аталыку», ни его труды, ни содержание ребенка, но когда ребенок достигает юношеского возраста, он отдает своему аталыку, пока он находится в его доме, лучшую часть добычи, которую он может захватить во время грабительских набегов или на войне. Воспитатель преподает также своему ученику великое искусство красноречия и рассудительности, чтобы тот мог блистать на собраниях или импровизированных местных советах, где обсуждаются интересы нации¹. Дюбуа де Монпере также прямо указывал, что в нравах античной Греции, Греции Гомера и черкесов мы находим много общего. Разве не сходны феодальные порядки скептухов

¹ Фредерик Дюбуа Де Монпере. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Колхидию, Грузию, Армению и в Крым// АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 440.

в Древней Греции с порядками в сегодняшней Черкесии? Разве не одинаков общественный строй, основу которого составляли рабы и пленники? Агамемнон, Улисс, Ахилл, которые на своих быстроходных судах обрушивались внезапно на богатые города, чтобы ограбить их и увезти их жителей, обнаружили бы множество своих «живых портретов» среди современных черкесов.

Парис, похитивший Елену и сидонянок, поступал так же, как поступают и доньне в Черкесии. Все, что сказано о воспитании мужчин и женщин, о житейском труде, о постыдности для мужчины появиться на людях со своей женой, о пище, похоронах и т. д., все это возвращает нас в Грецию и заставляет согласиться с тем, что должна была быть колонизация в какой-то форме, должны были быть частые связи в античные времена, для того чтобы черкесы могли сохранить столько черт примитивных нравов греков. Но вопрос в том, какая из наций оказывала влияние и какая была восприимчивей¹. Выходит, те постоянные контакты, которые имели место между древнейшими предками адыгов и греками еще в античную эпоху, не могли пройти без взаимовлияния обычаев, традиций в культуре в целом. Это все нашло свое отражение в мифологии, фольклоре, героическом эпосе этих народов. Если взять ту же систему воспитания мальчиков, о которой мы говорили выше, то она и у спартанцев, и у адыгов почти идентична. Система их воспитания требовала, чтобы мальчики воспитывались выносливыми, храбрыми, решительными. Таким образом, адыги приучали своих детей переносить холод, голод, зной продолжительное время. Особое внимание уделялось выработке у них терпимости, то есть толерантности во всем, в том числе по отношению к своему противнику. Толерантность у адыгов считается одной из особенностей их характера по сравнению с остальными народами. Именно эта черта характера являлась всегда одним из главных условий того, что адыг редко терял самообладание и делал поспешные выводы. Недаром говорят, что адыг долго терпит, но если выйдет из себя, то его не остановишь ничем. Действительно, он долго проявляет терпимость, но когда исчерпает ее, то становится необузданным, неуправляемым. И не один раз убеждались в этом многие, кто недо-

¹ *Фредерик Дюбуа Де Монпере. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Колхидию, Грузию, Армению и в Крым// АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 456.*

оценивал адыгскую толерантность или кто воспринимал терпимость к другим людям как трусость. Все эти качества вырабатывались годами на протяжении всего времени становления человека как личности. Хан-Гирей пишет, что при воспитании детей исключительное внимание уделялось личному примеру старших, практической стороне дела, обучению различным навыкам владения оружием. «Воспитатель или аталык, — указывал он, — прилагает свои попечения о том, чтобы воспитанник его был ловок, учтив в обхождении со старшими, с младшими соблюдал приличие своего звания и равно был неутомим в верховой езде и отважен в употреблении оружия. Аталыки ездят с воспитанниками в отдаленные племена, чтобы приобрести вновь вступающему на стезю наездничества друзей и знакомства»¹. Старожилы рассказывают, что в их аулах было немало джигитов, которые обладали исключительной выносливостью и терпеливостью, когда они сутками могли лежать в засаде в буквальном смысле слова неподвижно, без воды и пищи, чтобы не быть обнаруженными противником. В воспитании храбрых, выносливых воинов исключительно важную роль играли различные национальные игры, которые носили военный характер. В этих играх мальчишки и юноши проходили суровую военную выучку. Эти игры посвящались различным хозяйственным, семейно-бытовым обрядам, но все они воспитывали такие качества, которые необходимы были воину, защитнику родины. Многие из этих игр появились еще в эпохи язычества, доклассового общества, они носили религиозный характер. Еще в XIX — начале XX в. среди адыгов и балкарцев по-прежнему бытовали различные обряды, совершаемые ими в честь языческих «покровителей» земледелия, скотоводства и т. д. Некоторые из этих реликтовых обрядов сопровождалась играми или же театрализованными представлениями. В частности, еще в конце XVIII — начале XIX в. среди адыгов одним из самых торжественных весенних праздников был праздник Пасхи (ПутЫж). О начале Пасхи возвещали рано утром пальбой из ружья. По случаю этого праздника делали друг другу подарки, угощали друг друга яйцами, веселились и играли. Но, как свидетельствовал И. Бларамберг, «среди прочих увеселений во время этого праздника есть стрельба из лука

¹ Хан-Гирей. Черкесские предания. Нальчик, 1989. С. 159.

в цель, причем мишенью служит яйцо»¹. Этот же автор писал, что «требования, предъявляемые к князю, следующие: уважение к старости, импозантная внешность и физиономия с правильными чертами, физическая сила и особенно неустрашимость; не обладающий этими качествами не может рассчитывать на уважение своих соплеменников и могущество»².

§ 3. Институт наездничества – образ жизни адыгских феодалов

В системе воспитания мальчишек высшего адыгского сословия исключительное место занимал институт наездничества. Он являлся образом жизни феодалов, частью их культуры. Дело в том, что с последующей дифференциацией адыгского общества и развитием феодальных отношений основным занятием князей и дворян становятся набеги, войны, грабежи. Слыло позорным для князей и дворян занятие физическим трудом. Они считали, что для этого существуют крестьяне и домашние рабы, которые должны были пасти скот и растить хлеб. А назначение «настоящих» мужчин – это грабеж, воровство, войны. Именно в этом вопросе мы наглядно видим, какой отпечаток наложила на образ жизни различных слоев общества на протяжении веков социальная организация.

«Высшие звания, состоящие из князей и дворян, почитают неприличным их достоинству упражнению в науках, доставляющих средства познавать страну, в которой живем, обычаи, нравы и, наконец, саму природу. Равномерно считают не только не соответственным своему званию, но даже постыдным жить спокойно дома, в неге, почему большую часть времени и проводят на коне в разъездах»³.

Джорджио Интериано – путешественник, географ и этнограф эпохи итальянского Возрождения, автор первого в средневековой литературе монографического описания Черкесии, еще в конце XV в. писал, что черкесы «держатся того мнения, что никто не должен считаться благородным, если о нем имеются слухи, что он когда-

¹ *Бларамберг И.* Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992. С. 77.

² Там же. С. 84.

³ *Хан-Гирей.* Черкесские предания. Нальчик, 1989. С. 170.

либо занимался недостойным делом, хотя бы то был (человек) из самого древнего царского рода. Они хотят, чтобы дворяне не занимались никакими торговыми делами, исключая продажу своей добычи, говоря — благородному подобает лишь править своим народом и защищать его, да заниматься охотой и военным делом».

При этом следует отметить, что феодалы обращали мало внимания на материальную сторону вопроса. Свидетельством тому является тот факт, что всю добычу, полученную в результате этих набегов, они раздавали своим подданным, за исключением коня и оружия, которые являлись вечными их спутниками и главными «орудиями труда». Интериано также замечал, что они настолько щедры, что были хуже одеты, чем их подданные¹. Вот в эти набеги брали с собой молодых людей и приучали их к этим рискованным делам, и они находились со взрослыми до конца «сезона» наездничества. Дело в том, что весна и осень у адыгских феодалов — период, когда они целиком были заняты набегам, которые обычно перемежались с охотой и другими развлечениями, для чего князья и урки выезжали в «поле». Весенний выезд «в поле»² совершался после того, как снег окончательно стаял и появлялась трава, необходимая для подножного корма коней, так как везти с собой большое количество зерна, а тем более сена, было бы очень обременительно. Весенние набеги совершались в апреле-июне. Осенний цикл набегов продолжался, как и весенний, тоже около трех месяцев — с сентября по ноябрь. Лишь наступление зимних холодов и снегопады заставляли адыгских феодалов возвращаться в свои дома. Выпадение снега было, как правило, сигналом к прекращению осеннего сезона набегов, так как снежный покров хорошо фиксировал следы, которые приводили к кошу (лагерю), где располагалась группа феодалов во главе с князем.

«Во время наездничества в поле все роли были строго распределены, здесь соблюдаются все требования адыгского этикета. Наиболее молодые и служители наезжают по ночам в аулы за добычей, захватывают и пригоня-

¹ Джорджио Интериано. Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование// АБКИЕА. Нальчик, 1974 С. 49.

² Черкесы вдали от населенных пунктов разбивали лагерь и с ночевкой месяцами находились там.

ют быков и баранов для пищи, иногда, если удобней, набеги делают и днем, посылая в ближайшие аулы за провизией, которой нельзя раздобыть молодечеством, — писал Хан-Гирей, — как-то: за пшеном, молоком, сыром и прочим. Между тем лучшие наездники отправляются в дальние племена. Там угоняют они табуны лошадей, захватывают людей и с добычей возвращаются к своим товарищам, которые всякую ночь пируют на счет оплошных жителей окрестных аулов, с нетерпением ждут возвращения наездников. Наконец, при наступлении времени разъезда по домам обыкновенно пленников и лошадей, доставшихся в добычу, променивают на товары и тут начинается дележ всего приобретенного, для чего избирают из среды себя людей, на беспристрастие которых полагаются. Они делят добычу на равные части по числу людей, составляющих партию, и каждый, начиная со старшего по возрасту, выбирает часть, которая ему более понравится. Здесь оказывается особенное уважение старости и вообще возрасту, так что каждый из партии, хотя был бы он просто повар, но старше князя летами, прежде князя своего имеет право выбрать часть из дележа, которая ему нравится. Тем не менее князь-предводитель и некоторые другие лица получают независимо от дележа особую долю. По окончании дележа князь возвращается к себе, распустив партию по домам. Жители аулов поздравляют возвратившихся с поля наездников, и они (наездники. — К. У.) делают подарки поздравляющим, в особенности старикам и пожилым женщинам. В продолжение лета и зимы, когда наездники находились дома, они откармливали своих коней, готовили новые сбруи и оружие, т. е. снова готовились к очередным походам и лагерной жизни, которая была суровой и рискованной на каждом шагу. Тем не менее и во время их нахождения дома, между наездниками, пользуясь удобным случаем по обстоятельствам, они делали набеги, разбой, воровство или занимались общественными делами; ездили на съезды общества и посещали друг друга»¹.

Таким образом, и во время наездничества, и во время дележа добычи всегда соблюдались дипломатические требования института наездничества, который был одной из основных школ воспитания молодых феодалов, обучения их всем хитростям военного дела. Так воспитывался дух

---

¹ Хан-Гирей. Черкесские предания. Нальчик, 1989. С. 170–172.

адыгов с момента рождения ребенка до его возмужания, и этот процесс продолжался на протяжении всей жизни дворянина до достижения им преклонного возраста. На протяжении всего этого времени он проводил жизнь на коне в постоянном риске, к чему настолько привыкал, что вне этих набегов и войн, походов и лагерной жизни он себя не считал полноценным мужчиной. Да и общество не считало мужчин, которые не участвовали в этих мероприятиях, полноценными людьми, особенно если они княжеского или дворянского происхождения. И в институте наездничества наблюдается отражение социальной организации адыгского общества на их культуре. В этой связи можно еще отметить следующее: пользуясь личной неприкосновенностью, опираясь на силу своих вооруженных вассалов-уорков, адыгские князья сделали набеги своим основным занятием и одним из главных источников пополнения своих доходов. «Самые знатные из них, — писал о черкесах в конце XVII в. Витзен, — не обрабатывают землю, а стараются набрать небольшую кучку людей и ночью грабят и угоняют скот, похищают людей как у друзей, так и у врагов». То же самое отмечали Интериано, Пейсонель, Гюльденштедт, Рейнегс, Потоцкий и др.¹

Если посмотреть на институт наездничества адыгов и, проанализировав сложную систему взаимоотношений его участников, сравнить условия их «лагерной» жизни с современными военными учениями солдат регулярной армии, то мы можем найти много общего. В первом и во втором случаях у членов этих партий, особенно у молодых, вырабатывались воинские навыки, в первую очередь разведывательно-диверсионной работы. Развивались такие качества, как выносливость, решительность, храбрость, умение настойчиво преследовать противника, добывать необходимые сведения об объекте нападения и т. д. Но разница между наездничеством и военными учениями — в главном: первое происходит в реальных условиях и нет никакой инсценировки опасности и военных действий, а второе — от начала и до конца инсценировка этих событий.

Институт наездничества, являясь образом жизни князей и дворян, стал одновременно их этикетом, который

---

¹ Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов. М., 1967. С. 169.

вошел в адыгский этикет как «уэркъ хабзэ». Таким образом, с дальнейшим изменением социальной организации адыгского общества, а именно с установлением феодальных отношений, из среды этого общества в лице феодалов выделяется особая социальная прослойка, главным занятием которой является, в основном, военная служба. Именно адыгские дворяне несли военную службу у своих князей. Уорки обязаны были сопровождать своего князя во всех военных походах и набегах, когда бы и где бы ни предпринимались они князем. Последние, в свою очередь, обязаны были защищать своих подданных во всех случаях, когда им угрожала какая-либо опасность или кем-либо ущемлялись их интересы.

Высшим духовным проявлением образа жизни адыгских феодалов был культ славы. Он не был подвластен даже закону смерти. Неумное желание сохранить свое доброе имя в памяти поколений заставляло их идти на смерть без всяких раздумий. Для адыга славное имя было ценнее собственной жизни. Оно у него не покупалось и не продавалось. Славное имя превосходило всякую материальную награду. Честь и слава — вот два великих мотива, во имя которых адыги совершали подвиги, шли на самые невероятные безумства и гибели.

Приоритет, которым дорожили адыги, — это духовная, нравственная сторона жизни. Она преобладала над материальной. У адыгов цель не оправдывает средства. У них в почете не победа любой ценой, а нравственное поведение в битве. Честь важнее славы и победы, достигнутой коварством или с использованием своего превосходства.

В этом плане об интересном случае рассказал Хан-Гирей в своем очерке «Беслый Аббат». Дело в том, что один из молодых жанинских князей застрелил двоюродного брата бжедугского князя Ногоя. Родственники убитого требовали по законам кровной мести, чтобы жанинцы заплатили за кровь убитого. Но жанинский князь Непдагоко как старший из этого племени, отвечавший за всех соплеменников, в том числе и в вопросах платы за кровь убитого, под разными предложениями медлил с исполнением требования потерпевшей стороны. Это вдвойне оскорбило кровоместников, и они искали случая убить его. Однажды Непдагоко, проводив отъезжающих гостей, один возвращался к себе домой и тут встретился с Ногоем, поджидавшим его в лесу с двумя своими братьями. Жанинский князь был почти без оружия, он имел при

себе одну только шашку, но у него лошадь была отличная, следовательно, бегство, может быть, спасло бы его; но бежать, конечно, он посчитал позором; он сошел с дороги, остановился лицом к кровоместникам; правая его рука лежала на рукояти шашки. Братья Ногоя схватились было за оружие, чтобы застрелить врага, так неосторожно попавшегося им в руки. Жизнь жанинского князя висела, что называется, на волоске, но бжедугский князь предотвратил готовую месть, с упреком сказав своим братьям: «Мы не приехали убить голого (т. е. невооруженного) человека!» Более того, не довольствуясь этим жестом благородства, Ногой приветствовал его как старшего по возрасту, проводил на некоторое расстояние, и, пожелав ему доброго пути, великодушный мститель возвратился домой. После этого поступка кровоместников жанинский князь, в свою очередь, вскоре выполнил требование платы за кровь убитого¹. Это говорит о том, что по законам адыгского этикета нельзя достигать своих целей любой ценой и любыми средствами, а только достойными методами. Адыгский этикет требует уважительного отношения к любому человеку, в том числе к кровному врагу, т. е. этикет требует преследовать врага и мстить ему, уважая его честь и достоинство.

Таков был адыгский, особенно дворянский этикет, который формировался в условиях феодализма и который целиком и полностью соответствовал его социальной организации.

§ 4. Гостеприимство адыгов и балкарцев

Мы показали, какое место занимали в воспитании подрастающего поколения такие традиционные общественные институты, как аталычество, наездничество, которые действовали на протяжении веков при определенной социальной организации общества. Эти институты, имеющие многовековую историю, видоизменялись в зависимости от изменений социально-экономических условий. Именно в условиях феодальных отношений они достигли своего наивысшего расцвета, стали обслуживать исключительно интересы феодалов — князей и дворян.

Именно интересам военно-феодальной знати, ее под-

---

¹ Хан-Гирей. Черкесские предания. Нальчик, 1989. С. 213, 214.

растающего поколения была подчинена вся система воспитания, которая осуществлялась посредством институтов аталычества и наездничества. Система воспитания, как одна из важнейших составных частей культуры любого народа, всегда была подчинена социальным условиям, при которых она осуществлялась. И в условиях отсутствия «высокой», т. е. профессиональной культуры и сети учебных заведений или системы образования, исключительно огромную роль играли в воспитании подрастающего поколения любого народа те традиционные общественные институты, которые обеспечивали этот процесс. В данном случае такую важную функцию у адыгов на протяжении тысячелетий выполняли институты аталычества и наездничества. Однако, кроме них, в адыгском и балкарском обществах были и другие традиционные общественные институты, которые накладывали свой определенный отпечаток на образ жизни адыгов и балкарцев, на культуру в целом. К таким традиционным общественным институтам относятся: адыгская хаса (сословно-представительное собрание), гостеприимство, куначество, покровительство, адыгские «братства», джегуаклуэ, абречество, кровная месть, усыновление.

Раскрыть сущность традиционной культуры адыгов и балкарцев невозможно без изучения самих традиционных общественных институтов, на которых она базировалась, ибо эти институты отражали образ жизни народа, общественные отношения, при которых они существовали. Общественные отношения, в свою очередь, всегда зависели от уровня социально-экономической жизни каждого этапа исторического развития народа. Более конкретно образ жизни, образ мышления, поведение народа проявлялись именно через эти традиционные общественные институты. Если исходить из того положения, что образ жизни народа является «выражением достигнутого уровня культуры»¹, то общественные институты и культура находятся всегда в тесной диалектической взаимосвязи. Через эти институты регулировались взаимоотношения людей, вырабатывались стандарты мышления народа. Но внимательный анализ функционирования этих традиционных общественных институтов на протяжении их многовековой истории позволяет сделать вывод, что

---

¹ Толстых В. И. Образ жизни, понятие, реальность проблемы. М., 1975. С. 21.

они обслуживали преимущественно интересы состоятельных слоев общества. Это можно увидеть наглядно при изучении феодализма адыгского общества. Например, в условиях его перехода от родового, бесклассового общества к феодальному традиционные институты стали на службу тех слоев общества, которые из родовых старейшин и военных предводителей превратились в привилегированное сословие, не занимавшееся производительным физическим трудом. Именно из этого сословия адыгов постепенно складывается особый класс, класс профессиональных воинов. Привилегированные сословия феодального адыгского общества составляли: князья («пщы») и дворяне («уэркъ») трех или четырех степеней — у «аристократических» племен и дворяне двух степеней — у «демократических» племен¹. Из анализа феодальной Черкесии видно, что образ жизни этих привилегированных сословий существенно отличался от образа жизни трудового крестьянства и подневольных членов общества. При таком соотношении статуса этих разных слоев общества главными «участниками» регулирования традиционных общественных институтов были князья и дворяне. Именно они оказывали самое существенное влияние на деятельность общественных институтов. Значит, традиционная культура, основанная на их системе была прежде всего культурой привилегированных слоев общества. Другими словами, основными носителями культуры любого народа всегда являлось высшее сословие народа. А уделом трудового крестьянства был изнурительный ежедневный физический труд. Исходя из этого положения, мы имеем основание предположить, что «малая» культура трудового народа — примитивная, малоэффективная, более грубая. Поэтому не случайно на базе адыгского этикета возник особый — этикет дворянский. Именно он соблюдал все нюансы адыгского этикета, но с учетом социального статуса его носителей.

Значительную часть времени князья и дворяне проводили в гостях, походах, на охоте, в состязаниях, в набегах, были заняты общественными делами и т. д. А общественные институты функционировали через эти занятия. Поэтому они выражали интересы тех слоев общества,

---

¹ В феодальной Черкесии племена делились на «аристократические» (кабардинцы, бесланевцы, махошевцы, бжедуги, темиргоевцы и др.) и «демократические» (абадзехи, шапсуги, натухаевцы и др.)

которые были главными «участниками» всех институтов.

Начнем с одного из самых древних и значительных традиционных институтов адыгов и балкарцев — института гостеприимства. Традиционное гостеприимство не только общественный институт, но и прежде всего часть традиционной культуры, даже сама культура народа. Через гостеприимство народ всегда проявляет свой образ жизни, образ мышления. Гостеприимство показатель не только уровня экономической жизни народа, но и прежде всего его воспитание и знания этикета. Через него опосредованно народ показывает свое отношение к чужому человеку, проявляя заботу о его благополучии и безопасности. Гостеприимство — это особая форма международной дипломатии, образец особенностей характера и нравственности народа.

Адыгское и балкарское гостеприимство, как и другие общественные институты, имеет древние традиции и его содержание всегда соответствовало тем социально-экономическим условиям общества, при которых оно функционировало. Уникальность и неповторимость горского гостеприимства вообще, адыгского и балкарского, в частности, заключается в том, что важнейшие его принципы чуть ли не по пунктам совпадают с требованиями дипломатии всех времен и народов. Особенно много сходного мы находим между древнейшими формами международных связей античной Греции и адыгским традиционным гостеприимством. Мы знаем, что в своем историческом развитии древняя Греция, или Эллада, прошла ряд сменявших друг друга общественных укладов. В ранний период эллинской истории (XII—VIII вв. до н. э.), в условиях складывающегося рабовладельческого государства еще сохранялся родовой строй. Для последующего времени греческой истории (VIII—IV вв. до н. э.) характерным типом политического образования явились города-государства, по-гречески «полисы». Между этими самостоятельными мирками возникали самые разнообразные формы международных связей и международного права. Одной из древнейших таких связей и правовых норм в Древней Греции была проксения, т. е. гостеприимство. Проксения существовала между отдельными лицами, родами, племенами и целыми государствами. Житель какого-нибудь города (проксен) оказывал услуги и принимал как частных граждан, так и послов

из другого города и брал на себя защиту интересов данного города и нравственное обязательство быть посредником между ним и властями своего родного полиса. В свою очередь, в том полисе, с которым был связан, он пользовался известными преимуществами по сравнению с другими иностранцами в отношении торговли, налогов, суда и всякого рода почетных привилегий. Через проксенов велись дипломатические переговоры; приходившие в город посольства обращались прежде всего к своему проксену. Институт проксении, получивший в Греции очень широкое распространение, лег в основу всех последующих международных связей древнегреческого мира.

Все чужестранцы, проживавшие в данном городе, даже изгнанники, находились под покровительством божества — Зевса-Ксения (гостеприимца). Надо учесть, что древние греки еще с VII в до н. э. начали осваивать районы Причерноморья, т. е. места проживания основной массы синдо-меотских племен, где установились постоянные контакты между ними, и не могло не произойти взаимовлияния их культур. Но вопрос в том, кто у кого что перенял. Тем не менее, институты адыгского гостеприимства и куначества и древнегреческий институт проксении имеют одни и те же принципы, которые, в свою очередь, легли в основу международной дипломатии¹. Удивительное сходство этих институтов можно обнаружить при более подробном рассмотрении отдельных сторон адыгского традиционного гостеприимства и куначества.

Традиционное адыгское гостеприимство, как и остальные общественные институты, описаны и изучены многими иностранными путешественниками и учеными. Они все едины в мнении о том, что институт гостеприимства занимал всегда на протяжении веков очень важное место в жизни адыгов, в их культуре, как и у остальных горцев. Более того, он является чуть ли не ее основой, ибо прежде всего через него проявляются особенности характера народа.

Однако следует отметить, что институт гостеприимства, как и остальные общественные институты, весьма архаичный по своему происхождению, в процессе исторического развития подвергся глубоким изменениям и под влиянием обстоятельств — главным образом под силь-

¹ История дипломатии. М., 1959. Т. 1. С. 32.

нейшим воздействием феодальных отношений — принял не только новые формы, но и новые социальные функции, нередко во многом отличные от прежних. Трансформируясь в условиях феодального строя, гостеприимство у горцев, в том числе у адыгов и балкарцев, обнаружало чрезвычайную гибкость и приспособляемость к феодальным порядкам и нуждам, прежде всего к интересам феодалов — князей и дворян. Следует здесь отметить, что ни один обычай не был так широко использован ими для обслуживания своих интересов, как гостеприимство и тесно связанные с ним куначество и патронат. Вместе с тем гостеприимство показало удивительную стойкость в сохранении некоторых своих традиционных черт, связанных с дофеодальными порядками, что способствовало поддержанию популярности этого обычая в обществе. Все это позволило гостеприимству у горцев, в том числе у адыгов, долгое время играть роль важнейшего общественного института, удовлетворяющего потребности самых различных слоев общества¹. Если попытаться обобщить взгляды на обычаи и традиции адыгов, в том числе на институт гостеприимства, высказанные различными авторами, то прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что гостеприимство, как и другие общественные институты, большей частью рассматривалось вне времени и пространства, т. е. бралось в статике и без учета особенностей его развития в различные эпохи. Ни одним автором по истории общественных институтов почти не рассматривалось, как они влияли на культурный облик народа. На самом деле гостеприимство, наложило определенный отпечаток на его духовность. Чтобы понять этот важный момент, необходимо рассмотреть основные положения этого института, которые характеризуют менталитет адыгского народа. Прежде всего надо отметить, что все авторы, писавшие по этому вопросу, в том числе и те, которых трудно заподозрить в особых симпатиях к черкесам, считали, что гостеприимство является их главной добродетелью. Чтобы это утверждение не было голословным, можно привести некоторые конкретные высказывания отдельных авторов. В частности, Ф. И. Леонтович в сборнике адагов писал, что «...гостеприимство у черкес считается первой добродетелью, и гость у них, кто бы ни был, есть

¹ Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов. М., 1967. С. 289, 298.

особа неприкосновенная¹. «Гостеприимство – добродетель, свято чтимая у древних, сохранилась и поныне на Кавказе, а в особенности у черкес (адыг)», – писал в 1859 г. Л. Я. Люлье².

Подобно тому, как были заложены основы международной дипломатии в Древней Греции через институт «проксения», по справедливому замечанию Хан-Гирея, в адыгском народе, разделенном на различные племена, хотя и соединенных языком и обычаями, но которых ни законы человеколюбия, ни мудрость правления не могли слить в одно целое, должно было проявиться такое действие, которое могло бы заменить спасительные законы, ограждающие собственность и жизнь каждого. Сама междоусобица, равно как военные обстоятельства и мирные между собою схождения двух племен, двух аулов требовали того, чтобы существовала связь между двумя частными лицами, которых обоюдные выгоды рождали необходимость взаимной защиты, и эта самая безопасность гостя, которою всяк пользуется под кровом черкеса, утверждена родовыми правами, обратившими особу гостя в некую святыню. Обыкновение почитать за стыд торговлю, в особенности продавать пищу, доставило путнику везде безвозмездное довольствие, а знакомства, при том приобретаемые и приносящие обоюдные пользы, могли положить основание гостеприимству (выделено автором. – К. У.), что, наконец, сделалось добродетелью народною, и сия священная добродетель, с незапамятных времен укоренившаяся в домашнем быту черкес³.

Таким образом, сами социальные и экономические условия жизни любого народа, в том числе адыгского и балкарцев, создали объективную необходимость появления того или иного обычая, той или иной традиции. Так, на протяжении веков создавались основные черты культуры любого народа, которая в свою очередь приспосабливалась к новым историческим условиям, но многие из них сохранили свой первоначальный смысл и остаются неотъемлемой частью культуры народа.

Одной из особенностей горского гостеприимства вообще, адыгского, в частности, является то, что оно носит

¹ Леонтович Ф. И. Адамы кавказских горцев. Вып. 1. Одесса, 1882. С. 125.

² Люлье Л. Я. О гостеприимстве у черкес // Кавказ. 1889. № 7. С. 38.

³ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1992. С. 281, 282.

сакральный (от лат. «священный».— К. У.) характер. «Гость есть святыня в Черкесии, и гостеприимство есть неотъемлемая принадлежность черкесов»¹,— читаем у Хан-Гирея. Сакральность адыгского гостеприимства неоднократно подчеркивали многие авторы.

Великий певец Кавказа М. Ю. Лермонтов в своей известной поэме «Измаил-Бей» писал о черкесах:

Гордились дружбою взаимной;
Там каждый путник находил
Ночлег и пир гостеприимный;
Черкес счастлив и волен был.

Адыгская народная пословица гласит: «Гость — посланник Бога» (Хьэщэр тхэм и лыклуэщ).

Хан-Гирей писал, что «...черкесы вообще, принимая гостей, уверены в том, что делают угодное Творцу, и с благоговением говорят: «Продовольствие гостя Бог дарует гостеприимному», не предпочтительна ли эта сердечная простота полудикого черкеса расчетливости просвещенного европейца?»².

Ш. Ногмов писал еще в XIX в., что «...память прежнего гостеприимства сохранилась в преданиях о тогдашних нравах. Несмотря на все бедствия и политические перевороты, эта добродетель не ослабела и ныне. Для нас всякий путешественник, переступивший через порог сакли, есть лицо священное»³. Особенность горского гостеприимства заключается в том, что оно часто выходило за рамки семейного быта и часто выполняло функции, присущие обычно политическим институтам. Поэтому не случайно многие стороны этого древнего общественного института имеют прямое отношение к ряду требований норм международного права. Например, такие его неотъемлемые понятия, как «дипломатическая неприкосновенность», «политическое убежище», «уважение чести и достоинства иностранных граждан» и т. д. Дело в том, что адыгское и балкарское, как и в целом горское, гостеприимство имеет несколько основополагающих принципов, без соблюдения которых этот институт теряет всякий смысл. Во-первых, это то, что гостеприимство распространяется на любого человека, независимо от нацио-

¹ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1992. С. 280.

² Там же. С. 282.

³ Ногмов Ш. В. История адыгейского народа. Нальчик, 1994. С. 67.

нальности, пола, возраста, политических убеждений, религиозных верований, в том числе на преступника.

Во-вторых, это то, что хозяин дома обязан защищать гостя от любых преследователей и опасностей. Ради его безопасности он должен жертвовать всем, вплоть до своей жизни. Пока гость находится у него, если он даже его кровник, право кровной мести на гостя не распространяется. Оно вступает в силу с того момента, как гость покидает дом или территорию хозяина. Благодаря именно этому священному институту была спасена не одна человеческая жизнь, когда человек, преследуемый за те или иные преступления, обращался к тому или другому хозяину, чтобы его приняли в качестве гостя.

Ш. Ногмов писал по этому поводу, что гостя встречают ласково, угощают радушно, дают ему лучшее ложе, провожают с благословением и передают для безопасности друг другу на руки. Хозяин отвечает перед всем народом за безопасность чужеземца, и кто не сумел обереечь гостя от обиды или даже простой неприятности, того судили и наказывали. Хозяин должен был в случае необходимости жертвовать для гостя жизнью¹.

Таким образом, хозяин, защищая своего гостя и заботясь о его благополучии, не просто отвечал за его безопасность и нес моральную и юридическую ответственность перед ним, но защищал этим честь и достоинство своего рода, села, племени. Он от их имени отвечал перед тем народом, фамилией, к которым принадлежал его гость. Поэтому меры кары за нарушение этих важнейших принципов гостеприимства были очень суровыми. Притом наказывали за такое нарушение его соплеменники, члены рода, а не чужие.

О сакральности гостеприимства у адыгов свидетельствуют многочисленные факты, которые имели место в их жизни. Много интересных случаев, где скрупулезно соблюдались важнейшие требования гостеприимства, доходившие порой до абсурда, если посмотреть на них с позиций сегодняшних дней. Мы не можем удержаться от желания привести один из таких примеров, который имел место в жизни предков автора этих строк. Этот случай произошел в XIX в. с Унежевым Штаруко, дедом моего отца. Однажды вечером к Штаруко приехали в гости его друзья-наездники из очередного набега в ла-

¹ Ногмов Ш. В. История адыгейского народа. Нальчик, 1994. С. 67.

герь русских. Он распорядился, чтобы их приняли по всем правилам адыгского гостеприимства, устроив застолье до утра. Его друзья-наездники обратили внимание на необычное поведение своего старого приятеля, который всегда отличался остроумием, веселым характером. И когда с упреком по поводу его необычного настроения стали высказывать свое недоумение, он распорядился вытащить медный таз из-под кровати. Оказалось, что накануне, перед приездом его друзей-наездников, в доме скончался ребенок. И чтобы встретить гостей как подобает адыгу, он велел спрятать труп ребенка под кровать и оказать приехавшим знаки внимания по правилам адыгского гостеприимства...

Восхищаясь поступком своего друга, наездники похоронили ребенка и, попрощавшись с Штаруко, разъехались по домам до очередного своего похода. В памяти народа остался этот поступок старого черкеса. Так ревностно соблюдались все требования обычая гостеприимства, а когда отходили от этих принципов, это считалось большим пороком и такой человек подвергался всеобщему осуждению и наказанию.

Одна из особенностей черкесского гостеприимства заключается в том, что были специальные помещения для приема гостей — кунацкие («хьэццэцц» — по-кабардински). У состоятельных адыгов было принято строить даже отдельный дом для гостей, который, как правило, располагался вне территории хозяйственного двора, чтобы каждый путник мог без стеснения и затруднения заехать в этот дом и расположиться.

В связи с этим Хан-Гирей писал, что, не говоря уже о высшем классе, который, не заботясь о собственном покое, строит приют для гостей, но и среди простого народа поставляют себе первым долгом иметь особенный дом для гостей, и гостеприимство они превозносят до высочайшей степени; зажиточные крестьяне имеют в домах своих особенные отделения для гостей: лучшая часть всего, что земледелец приобретает от трудов своих, оберегаема бывает на случай приезда гостей же. Знакомец и незнакомец равно принимаемы и угощаемы. Все стремятся оказать услужливость гостю. Наконец, не слыхано в Черкесии, чтобы гость покупал когда-нибудь что-нибудь для своего продовольствия»¹. У простого населения

---

¹ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1992. С. 280, 281.

кунацкой служила одна из лучших комнат дома или комната, предназначенная для молодоженов («лэгъунэ»), а также комната для взрослых сыновей и дочерей¹. Как правило, «гостиный дом» (хьэццэщ) строился в наиболее удобном месте, он имел особый дворик, огороженный частоколом или плетнем. При гостинином доме была и своя конюшня. В гостинином доме или комнате были все необходимые предметы утвари для удобства гостя, начиная от музыкальных инструментов и до постельного белья. Все иностранцы, побывавшие в стране черкесов, единодушны в том, что кунацкие адыгских князей и дворян представляли собой лучшую постройку в усадьбе и украшались не только внутри, но и снаружи.

В. К. Гарданов справедливо отмечал, что сосредоточение в кунацкой адыга всего лучшего, что было в данном доме, имело своей целью не только украсить помещение, где находился гость, и создать ему максимально возможные удобства, но и подчеркнуть, что все, что есть в доме лучшего, принадлежит гостю, отдается хозяином в его полное распоряжение и пользование. В этом проявилась одна из наиболее древних черт горского гостеприимства вообще, адыгского, в частности. Поэтому закон адыгского гостеприимства гласит, что все имущество хозяина дома является достоянием и его гостя, пока последний пребывает под крышей этого дома².

Одной из особенностей адыгского и балкарского гостеприимства более позднего периода является то, что оно распространялось не только на знакомых и друзей, но и на всякого путника, ищущего ночлега и приюта. Беспрекословно признавалось право любого человека, в том числе и незнакомого, останавливаться в качестве гостя в любом доме, и безусловная обязанность хозяина — оказать ему самый радужный прием и предоставить все необходимое. В феодальной Черкесии институт гостеприимства использовался часто как инструмент защиты представителей бедных слоев населения. Они обращались к влиятельным феодалам, чтобы их приняли под свое покровительство. По этому поводу Хан-Гирей писал, что «...по введенному в Черкесии обыкновению слабый человек, находя свое положение опасным, ограждал себя

¹ Мамбетов Г. Х. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1994. С. 133.

² Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов. М., 1967. С. 293.

посредством покровительства могущественной особы таким образом: он является к лицу, сильному властью, знатностью рода, обстоятельствами, и поручает себя, свое семейство, все достояние его покровительству, в чем ему и не отказывают никогда, ибо не соблюдавший обыкновения — оказать защиту просящему — наносит тем собственному своему достоинству величайшее посрамление в мнении народа, что делает неизгладимое пятно его роду. Лицо же, принятое под защиту, поступает уже под покров гостеприимства на правах гостя, так же точно, как относительно гостя и гостеприимства. Таким образом, поступающие под покровительство владельцев живут по большей части в аулах своих покровителей, что приносит и этим последним пользу, умножая число их окружающих и подвластных, оказывающих им разного рода услуги. Иные же из таковых покровительствуемых людей, обитая и в другом ауле или даже племени, состоят под защитой посторонних владельцев, которых покровительству себя поручают, во избежание самовласти тех, от которых находятся в зависимости. Другие же, большею частью люди торгующие и потому нередко выезжающие из своего племени в другое, также имеют в разных племенах своих покровителей, так сказать, на всякий случай, и они нередко, потерпев бедствия от разбоев, впоследствии посредством своих покровителей не только освобождаются от плена, но даже и всю потерю свою получают обратно. Покровитель заступает за покровительствуемого им, как за своего гостя.

Это обыкновение до такой степени распространилось, что оно, можно сказать, сделалось спасительною отрадою слабых. Так, немошные вдовы и сироты, поручив себя и свое достояние покровительству сильной особы, ограждаются безопасностью. Так, слабый, будучи в деле с сильным, не в состоянии от него получить удовлетворение, повергается к ногам постороннего владельца, просит его защиты, и владелец заступает за него, как за своего гостя, и доставляет ему удовлетворение. Даже жены своих правых мужей (в низшем классе) прибегают к такому же роду покровительства посторонней особы, и в случае, когда она имеет собственность, состоящую в рогатом скоте и вещах, то это имущество поручает покровительству этой особы, которая с вящею готовностью защищает оное. Черкесы под названием «гость» в обширном смысле пони-

мают и людей, таким образом прибегающих к защите и покровительству постороннего владельца»¹.

Из этого высказывания блестящего знатока культуры адыгов Хан-Гирея видно, что институт гостеприимства приспособливался к новым социально-экономическим условиям и использовался умело различными социальными слоями в своих целях. В частности, дворяне и князья прибегали к нему для установления своего покровительства над представителями бедных и слабых слоев населения, для укрепления своего влияния на большее число людей и позиции по сравнению с другими феодалами. А бедные слои населения и представители других племен и народов приобретали в лице своих покровителей надежную защиту от посягательств со стороны других влиятельных князей и дворян.

В связи с этикетными нормами института гостеприимства следует отметить, что считалось дурным тоном со стороны хозяина дома и его окружения спрашивать гостя, откуда он, кто он такой, как его зовут, с какой целью он приехал в их край, на сколько дней он остановился у него и т. д.

В свою очередь, уважающий себя гость долго не задерживался в доме хозяина, старался не злоупотреблять уважительным отношением к себе. Более того, он не имел морального права останавливаться в качестве гостя в доме, где в данный момент отсутствовал хозяин дома или взрослые сыновья. В таком случае его принимали в другом доме этой фамилии, где хозяин был дома. Это прежде всего касалось чужих, незнакомых людей, а на друзей и знакомых этот запрет не распространялся.

О сакральности адыгского гостеприимства говорит еще такой факт, что в XVI–XVII вв., если хозяин дома не смог защитить гостя от преследователей, такого человека сбрасывали в пропасть как опозорившего весь род. Поэтому, если гость нуждался в защите, то хозяин обязан был предоставить ему личную вооруженную охрану, она должна была не только охранять гостя во время его пребывания в доме, но и сопровождать до безопасного места, передать тому, кто следующим примет гостя. По обычаю гость мог сохранить свое инкогнито за все время присутствия в доме хозяина, если он сам не изъявлял желания объявить себя. В таком случае хозяин ограничивался приветствием вошедшего в его дом гостя, он не должен

¹ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1992. С. 282, 283.

был вступать с ним в продолжительную беседу, пока сам гость не затевал разговор. По нормам адыгского гостеприимства гость не позже, чем через три дня объявлял себя и давал знать хозяину, что его приезд не является секретным. Только после этого гостини́й дом наполнялся членами семьи хозяина, его родственниками и соседями, которые оказывали гостю всевозможные знаки внимания.

Эту особенность черкесского гостеприимства тонко подметил в свое время М. Ю. Лермонтов в своей знаменитой поэме «Измаил-Бей». Возвратившийся на родину Измаил-Бей подошел к дому, где

Одно лишь светится окно...
Заржал черкеса конь усталый,
Ударил о землю ногой,
И отвечал ему другой...
Из сакли кто-то выбегает,
Идет — великий Магомет
К нам гостя, верно, посылает.
«Кто здесь?» — «Я странник!» — был ответ.
И больше спрашивать не хочет,
Обычай предков сохраня,
Хозяин скромный...

Ритуал приема гостя был очень сложным, и его необходимо было соблюдать вплоть до мельчайших деталей. Были особые правила угощения гостя. Потчевать гостя и выполнять его малейшее желание было первейшей заботой не только хозяина дома и его домочадцев, но и всех односельчан, присутствующих при приеме гостя. Однако на хозяина падала основная ответственность за прием гостя.

Огромные усилия прилагались для того, чтобы предоставить гостю возможно более разнообразную и вкусную пищу. Даже еще в XVIII–XIX вв. у адыгов сохранился обычай засеивать просом для гостей особое поле и выделять для их стола специальную часть домашнего скота. Даже засеивали овсом особые участки для лошадей гостя. Об этом писали Л. Я. Люлье и Н. Ф. Дубровин. Разнообразие и количество блюд, подаваемых гостю, зависело от его статуса. Чем выше статус, тем обильнее и разнообразнее было угощение. «Число подаваемых блюд увеличивается с значением гостя», — отмечал Ф. Ф. Торнау. Описывая один из обедов, которым его угощали в Черкесии, он подчеркивал, что был поражен разнообра-

нием подававшихся блюд: «Их было так много, что я не успел пересчитать»¹. Иногда количество блюд, подававшихся почетному гостю, достигало фантастической цифры. Так, упомянутый Л. Я. Люлье писал, что в 1827 г. один из натухайских старшин по имени Дешенко-Темирок угощал приехавшего к нему из Анапы Гасан-Пашу обедом, состоявшим из 120 блюд².

Скупость состоятельного человека при угощении гостя осуждалась всем обществом, расценивалась как большой позор. Поэтому поведение такого хозяина характеризовалось у адыгов пословицей: «Ты ешь один (не делась), как ногойский князь»³.

§ 5. Куначество и его роль в обществе

Наряду с традиционным адыгским и балкарским гостеприимством, одним из архаичных общественных институтов у горцев вообще, адыго-черкесов и балкарцев в частности, является куначество. Оно возникло на базе гостеприимства, и строгую грань между гостем и кунаком в правилах приема трудно провести. Кунак – слово тюркское, которое означает «гость». У адыгов такого слова не было, его привнесли в среду горцев тюркские племена. У черкесов есть свое слово, которое точно определяет значение этого понятия – «ныбжьэгъу», «благъэ», «хэгъарей». Институт гостеприимства является одной из форм искусственного родства. Слово кунак впервые в литературе мы встречаем у Дж. Интериано. Так, в своей работе «Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование» он писал, что у зихов (черкесов. – К. У.) в обычае гостеприимно и с величайшим радушием принимать всякого. Хозяина и гостя они называют «конак», что значит по-латински hospite. По уходе гостя хозяин провожает конака-чужестранца до другого гостеприимного крова, охраняет его и, если потребуется, то отдает за него жизнь, как самый преданный (друг). И хотя, как уже было сказано, грабеж в здешней стране – такое обычное явление, что на этом деле,

¹ Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера // Русский вестник. 1864. № 10. Т. 53. С. 419.

² Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов. М., 1967. С. 297.

³ Сталь К. Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавк. сб. Тифлис, 1910. Т. 21. С. 135.

казалось бы, заработать им не грех, однако конакам своим они обычно остаются верны и дома, и вне дома (и относятся к ним) с величайшим радушием»¹.

Несмотря на то, что правила приема гостя вообще и кунака были в основном одинаковы и они пользовались одними и теми же правами и привилегиями, тем не менее были в них некоторые различия. Например, хозяин дома обязан был отвечать за безопасность гостя до тех пор, пока он находился в его доме. После того, как гость покидал его дом, хозяин не только не отвечал за его жизнь, но мог даже участвовать в его ограблении, даже убийстве. А с кунаком дело обстояло совершенно по-другому в данном случае. Хозяин дома всегда, где бы ни находился его кунак — гость, приятель — обязан был защищать его, оказывать необходимую помощь, вплоть до свершения вместе с ним кровной мести. Далее: обычай гостеприимства строго запрещал хозяину интересоваться делами незнакомого ему гостя, задавать такому гостю какие-либо вопросы, нарушать его инкогнито до тех пор, пока он сам не сообщал о себе необходимое. В отношении кунака-друга, приятеля, хозяин, наоборот, должен и обязан был вести себя иначе: проявлять повышенный интерес к тому, с какой целью он посетил его дом, принимать самое активное участие в разрешении его проблем. Принципиальное отличие кунака от обычного гостя заключалось еще в том, что связь гостя с хозяином носила единовременный характер, а с кунаком — постоянный.

Посещая то селение, где проживал его кунак, человек обязан был посещать именно его, останавливаться у своего кунака, в противном случае это считалось тяжким оскорблением не только одного кунака, но и всего его рода. А гость мог в очередной раз остановиться в любом другом доме.

Кунак мог остановиться не в гостинице хозяина, а в самом жилом его доме или же (если хозяин был достаточно состоятельным) в специальном доме, построенном внутри хозяйского двора для приема приезжих родственников и самых близких знакомых. Несмотря на большую близость куначества и гостеприимства, различие между ними подметил еще Л. Я. Люлье. Он писал:

¹ Джорджо Интериано. Быт и страна зиков, именуемых черкесами, достопримечательное повествование//АВКИЕА. Нальчик, 1974. С. 50, 51.

«Право покровительства (куначества), которым пользуется каждый черкес без исключения, между нутухайцами и шансугами, в отношении к иноземцам, не следует смешивать с гостеприимством (выделено авт. — К. У.), собственно, состоявшим в принятии и угощении посетителей и проезжающих, останавливающихся для отдохновения или для ночлега в доме знакомого или даже незнакомого человека»¹.

Кунаками могли быть представители различных племен, фамилий, государств. Был специальный обряд установления куначеских отношений между двумя мужчинами. Суть этого обряда заключалась в том, что договаривающиеся стороны брали напиток (бузу или санэ (вино). — К. У.), наливали в чашу и пили поочередно, давая клятву друг другу перед Богом быть братьями и относиться друг к другу, как братья. Одновременно они обменивались оружием и другими подарками. С этого момента они становились кунаками. А в раннее время куначеские отношения устанавливались клятвой договаривающихся сторон, отпивающих поочередно из чаши бузы или санэ, куда бросали золотую монету. Позже, когда ислам проник в среду горцев, в том числе адыгов и балкарцев, желающие стать кунаками приносили клятву в дружбе на Коране в присутствии матери одного из них. Следует здесь отметить, что прежде чем установить куначеские отношения, договаривающиеся стороны должны были знать друг друга очень хорошо, они должны были испытать друг друга в самых экстремальных ситуациях и должны были быть уверенными друг в друге, как в самом себе. Только после этих неоднократных испытаний друг друга они становились кунаками, ибо велика была ответственность каждого за своего друга, теперь уже брата, и такие отношения устанавливались навсегда, до самой смерти. Более того, их потомки продолжали отношения своих предков и редко они прерывали их. Институт куначества сыграл огромную роль на протяжении веков в укреплении дружбы между различными племенами и народами, не говоря уже об укреплении дружеских связей внутри одного и того же народа. Это было очень важно в условиях гор, когда при передвижении из одного места в другое путника подстерегала опасность на каждом шагу. А при наличии своего кунака в среде других племен и народов ему была гарантирована личная безопасность.

¹ Любе Л. Я. О гостеприимстве у черкес//Кавказ. 1889. С. 33.

Позже, когда участились экономические, культурные и иные связи между народами, особенно когда получила дальнейшее развитие торговля, т. е. когда в среду горцев стали проникать атрибуты капитализма, армянские, грузинские, еврейские купцы начали умело использовать институт куначества горцев вообще, в своих торговых делах. Дело в том, что они стали за определенную плату нанимать кунаков с тем, чтобы те сопровождали их на своей территории во избежание ограбления или, что еще хуже, убийства. Сами адыгские и балкарские феодалы тоже вели почти все свои торговые операции через находившихся под их покровительством иностранных купцов, часть которых на положении «кунаков» поселялась даже на постоянное жительство в аулах, принадлежащих адыгским князьям и первостепенным уоркам (таубиям). Так, до сегодняшнего времени почти во всех больших адыгских и балкарских сельских населенных пунктах проживают потомки этих купцов: евреев, армян, грузин и других национальностей. Правда, они уже давно пишутся и считаются адыгами или балкарцами и восприняли их язык, быт, нравы, обычаи, но старожилы помнят происхождение, корни каждого из них. По поводу куначества и его особенностей Хан-Гирей писал, что между разными племенами на Кавказе не было бы других отношений, кроме военных, если бы дружба и гостеприимство не производили между ними частных, но не менее прочных и для человечества полезных связей, кои, отлучая злобу от меча, приглашают вражду к отдохновению. Дружба на Кавказе имеет также свои особенности: слово «кунак» или друг значит то же самое у черкесов, что у босняков «побратим» и в древности у наших предков «крестовый брат», т. е. такой друг, за которого жертвуешь имуществом и жизнью. Когда кунак придет к другому в гости или по своей надобности, то принимающий в доме своем снабжает приезжего друга всем нужным, не жалея собственности, а в случае недостатка в чем, пускается с ним вместе на воровство и отдает свою добычу своему кунаку. Сей странный способ помогать друг другу, с обидой ближнего употребляемый между кавказскими народами от древнейших времен, есть главное звено их политических соотношений. Каждый старается иметь кунака в отдаленной стране и прибегает к нему в случае нужды, а посредством связей, каковы все имеет в чуждой земле, сближаются между собою все

народы или по крайней мере есть возможность к взаимному их сообщению. Он также отмечал, что лучший и весьма употребительный способ обеспечить себя от разбоев на случай переезда из одного места в другое внутри гор, состоит в приискывании надежного кунака, каковые охотно нанимаются в провожатые за умеренную плату и отвечают за ценность особы и пожитки путешественника¹. Хан-Гирей поясняет, что в черкесском языке наемные провожатые иностранных купцов называются не словом кунак, а «хегрий» (хэгъзрей) и «декоате» (декIуэтей). Он также отмечает, что «хотя существует великая разность между наемными кунаками и тою связью, которая под тем же именем существует у горцев между собою, однако не менее того обычай требует, чтобы наемный кунак защищал своего наемщика, не падая своей жизни, ежели не хочет себя навсегда обесславить»².

Институт куначества использовался многими горцами, особенно кабардинцами-крестьянами, которые из-за притеснений со стороны князей и дворян убегали в русские крепости, за Кавказскую линию и получали покровительство от русской военной и гражданской администрации. В этом отношении имеется много документов, четко показывающих, когда русское начальство на Кавказской линии устанавливало свое покровительство над такими беглыми кабардинскими крестьянами. По этому поводу были многочисленные письменные обращения кабардинских князей и дворян в адрес местного русского начальства и правительственных органов, где они выражали свой протест по поводу такого приема их крестьян «в гости» и установления своего покровительства над ними. В этих обращениях кабардинские крепостные и рабы принимаются «в кунаки» или «гости» и не выдаются царскими властями.

Так, в письме князей и уорков Большой Кабарды к командиру войсками на Кавказской линии П. С. Потемкину, полученном 23 января 1783 г., сказано, что «...притом имеем, Ваше Высочество, просить: из природных холопов наших, равно ж и из черных народов, переходя в Ваши крепости и находятся там канаками... Прикажете оных канаков Ваших нам возвратить»³. В другом письме к тому же П. С. Потем-

¹ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1992. С. 283, 284.

² Там же. С. 284, 334.

³ Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов. М., 1967. С. 321, 322.

кину князей Большой Кабарды, полученном 20 февраля 1783 г., содержится аналогичная просьба: «Уходящих от нас канаками к вам холопов наших милостиво прикажите нам возвратить»¹. Из этих приведенных примеров видно, что под термином «кунаки» скрывались люди, прибегавшие к покровительству — патронату. Из этого следует также, что куначество и патронат — взаимодополняющие понятия. Но права и принципы взаимоотношений кунаков — равноправных друзей — и патрона, и лица, отдающего себя под покровительство, разные. Если в первом случае устанавливали дружеские, братские отношения на паритетных началах, то в куначестве-патронате устанавливались феодально-зависимые отношения. Здесь устанавливались отношения между влиятельными феодалами и крестьянами. Куначество-патронат, выступавшее под флагом гостеприимства и патриархального покровительства, было особенно удобной для горских феодалов формой закрепощения свободных общинников, составляющих основную массу горского крестьянства. Но были и случаи, когда к состоятельному князю одного племени обращался с просьбой принять под свое покровительство дворянин другого племени. В таком случае просящий переходил к принимающему со всеми его зависимыми крестьянами.

В условиях феодальной Черкесии адыгские князья и дворяне фактически установили свою монополию на право охраны гостей-чужеземцев при их передвижении через их страну, с чем, естественно, не хотел мириться простой народ, который отстаивал свое право на такое же покровительство. Однако следует отметить, что только у шапсугов, натухайцев и абадзехов тфокотлям (вольные земледельцы. — К. У.) удалось в конце XVIII в. восстановить древнее право адыгского народа на защиту своих гостей при переезде через свою страну. Дружеские, куначеские отношения и гостеприимство сопровождалось у адыгов соблюдением обычая одаривания гостей. У адыгов подарки делались не каждому гостю, а гостю знакомому, приятелю. Обычно подарки делались гостям из других аулов, племен и народов. Дарили от оружия и камней до рабов. Здесь следует отметить, что подарки не всегда делались гостю на основе принципов взаимности.

¹ Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов. М., 1967. С. 322.

Богатый и знатный человек должен был помогать своим более бедным знакомым. Это породило в Черкесии особую разновидность гостей, которые специально приезжали за получением подарков. Такого человека — приятеля того или иного феодала — называли «гостем с просьбою» (хьэццэ лъагуэ). Таким образом, общественные институты гостеприимства, куначества, покровительства-патроната сыграли огромную роль в жизни горцев. Они наложили определенный отпечаток на культурный облик адыгов и балкарцев, ибо через эти институты регулировались отношения людей, нормы их поведения. Они трансформировались с изменением социально-экономических и политических условий народа, приспосабливались к новым историческим условиям. А поскольку культура народа была отражением этих институтов, она тоже видоизменялась. Уходили в прошлое те элементы культуры, которые не «вписывались» в рамки нового времени, но в целом суть, основное содержание, важнейшие нормы этой культуры сохранились по сегодняшний день. И сейчас она переживает период своего возрождения.

§ 6. Абречество

Следующим общественным институтом горцев, в том числе адыгов и балкарцев, который имеет непосредственную связь с гостеприимством, куначеством и покровительством, является абречество. Он тоже имеет свои глубинные корни, восходя к родовому строю. Но этот институт тоже претерпел на протяжении веков определенные изменения и под воздействием новых социально-политических условий приобрел новое содержание. Первоначально институт абречества возник как результат нарушения норм обычного права теми или иными членами общины, племени, семьи и т. д. Дело в том, что абреком становился человек, который был изгнан из семьи, рода, племени и т. д. за те или иные нарушения норм поведения того сообщества, где он жил. Поэтому абрек был изгоем этого сообщества и вел жизнь одинокого бездомного бродяги. Естественно, целью его жизни главным образом было воровство, ему надо было выжить в одиночестве.

Ф. И. Леонтович писал, что «абрек («пси хядз», «псы-

хэдзэ».— *К. У.*) — изгой, исключенный из семьи и рода, т. е. выпавший из родовой зависимости и потому лишившийся и защиты своего рода. Абреком делался по преимуществу убийца (речь идет о человеке, который убил невинного человека или убил нечестным путем.— *К. У.*), от которого отказался род, решив не платить за него «цену крови», и вообще не брать убийцу под свою защиту. По черкесским обычаям, убийца в таком положении должен был уходить из своего рода в горы и другие места и скрываться здесь, ведя жизнь бездомного и безродного бродяги — абрека, пока не находил для себя в чужом роде защитника — кунака, являвшегося посредником в деле примирения абрека с родом убитого. Изгойство постигало вообще лиц, нарушивших общественное спокойствие... На этом основании абреком делалось лицо, лишенное наследства и изгнанное из своей семьи и рода за неповиновение отцу и вообще старшему в роде и за другие проступки, влекущие для рода необходимость частой уплаты пеней за своего беспокойного члена, который в таких случаях обыкновенно изгонялся из рода»¹.

Почему абрек мог называться «псы-хэдзэ», становится понятным, если мы прочтем воспоминания Джеймса Белла о Черкесии. Он с 1837-го по 1839 г. жил среди черкесов и внимательно изучил их быт, нравы. В частности, говорил о законах взаимоотношений членов «братств», численность которых могла быть от пятнадцати, двадцати до двух или трех тысяч человек. «Хотя братства всегда выплачивают штрафы за смертоубийства, совершенные его членами,— писал он,— но после совершения двух или трех убийств одним и тем же человеком его обычно предают смерти или же наказывают продажей в рабство. Такого же рода наказания налагаются также и в других случаях неисправимой преступности. При выполнении смертного приговора осужденного бросают в море или реку со связанными руками... Человек, приговоренный к смерти своим собственным братством, может, если он сумеет это сделать, спастись бегством — бежать к кому-нибудь из членов другого братства и приобрести в его лице кунака, и последний вместе с его сообществом (т. е. братством) обязан защищать его или заплатить за него штраф»². Из этого положения видно,

¹ Леонтович Ф. И. Адамы кавказских горцев. Одесса, 1882. Отд. 4. С. 359, 360.

² Джеймс Белл. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838, 1839 гг. // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 484.

что на первоначальной стадии абреками-изгоями становились люди, совершившие какие-либо преступления, которые противоречили нормам обычного права и за это строго наказывались, одной из мер наказания было «псы хэдзэ», т. е. дословно – «топить в воде», и оттуда пошло это название абреков. Или, как сказано выше, он оставался в живых, если мог сбежать и обратиться к другому братству, общине и его принимали в свое общество. Эта кара была очень суровой, особенно на стадий родового строя, ибо изгой-абрек был предоставлен самому себе и в таких условиях было исключительно трудно выжить.

Специалисты, изучавшие институт абречества, в частности Ф. И. Леонтович, Н. Карлгоф, отмечали, что исключение из фамилии (рода) имеет у черкесов одинаковое значение с объявлением в Европе преступников вне покровительства законов. Человека, исключенного из фамилии, всякий может оскорбить, ограбить, убить или взять в рабство, не навлекая на себя ничьей мести, если виновный не найдет покровительства в какой-либо другой фамилии¹. Дело в том, что абрек – изгой из рода, племени проводил в основном жизнь в одиночестве, скитался в горах, добывал себе на пропитание путем воровства, грабежа и охоты, и до тех пор, пока он не обращался к тому или иному лицу, он оставался абсолютно беззащитным и на него не распространялись обычаи гостеприимства, покровительства, где человек бы надежно мог быть гарантированным от любых посягательств на его жизнь со стороны любого человека.

Но с течением времени, под воздействием внешних факторов институт абречества приобретает новое содержание. Речь идет о том, что в результате колониальной политики царизма на Кавказе, в особенности в результате его войны с горцами, уже с первой половины XIX в. слово «абрек» становится синонимом всякого «немирного горца», т. е. всякого, который выступал против политики покорения кавказцев, в знак протеста покидал свое постоянное место жительства и вел своеобразную партизанскую войну против русских в одиночестве. И, если в народе всемерно осуждалось традиционное абречество-изгойство, которое являлось в основном результатом нарушения норм поведения горца, то абречество как ре-

¹ Кажаров В. Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX в. Нальчик, 1994. С. 337.

акция человека на колониальную политику царизма в народе вызывало сочувствие, а некоторые из них становились в представлении своих соплеменников национальными героями. В результате колониальной политики царизма на Кавказе, прежде всего в ходе борьбы против адыгов, не только отдельные лица подавались в горы и становились абреками, выражая этим способом свой протест против такой политики; но и целые фамилии, даже княжеские и дворянские, со своими подданными крестьянами уходили из Кабарды в современную Черкессию — за Кубань и тоже становились абреками. Их в народе еще называют «хъэжрэт» от арабского слова «хиджра» — «бегство». Они — беженцы — стали самыми непримиримыми «непокорными» царизму. И это явление стало одной из разновидностей абречества, которое существенно отличалось от традиционного института. Как видим, закубанские кабардинцы становились «абреками» прежде всего по отношению к России, к ее правительству, которое поставило этих «беженцев» вне российского закона, утверждавшегося здесь в результате покорения Кабарды. Другими словами, они становились абреками не в понимании обычного права адыгов, а по законам Российской империи, которая выдавала свою захватническую политику на Кавказе вообще, в Кабарде в частности, за борьбу с «разбойниками». Само же адыгское общество не изгоняло их и не ставило ни одного из них вне закона, ибо они нарушали законы Российского государства, а не нормы обычного права. И исходя из этого в народе по отношению к ним соблюдались все требования адыгэ хабзэ, в том числе нормы гостеприимства, куначества, покровительства и т. д. Очень жесткие меры наказания предусматривались со стороны царских властей по отношению к «непокорным» кабардинским князьям и дворянам. В специальных прокламациях генерала Ермолова предусматривались весьма конкретные меры этих наказаний. Одновременно в них поощрялись те кабардинские владельцы, которые лояльно относились к представителям царской администрации и проводимой им политике на Кавказе.

Генерал Ермолов следующим образом пытался обосновать необходимость издания таких прокламаций, данных, в частности, кабардинскому народу: «Беспрестанные набеги в наши границы, разорение жителей и самые убийства, производимые кабардинскими владельцами,

заставили меня употребить силу для наказания их»¹. Далее он указывал, какие меры наказания предусматриваются по отношению к тем кабардинским князьям и дворянам, которые сопротивляются колониальному режиму и в знак протеста убегают за Кубань или открыто сопротивляются. В частности, в прокламации отмечается, что: «...владельцы, которые не явятся к начальнику российских войск, будучи прежде замешаны в злодействах, изгонятся из Кабарды. Подвластным их объявляется свобода и независимость; они принимаются под защиту и покровительство и впредь нет над ними власти, кроме Великого нашего Государя; их в самой Кабарде наделяю землями и выгодами... Владельцы и уздени, остающиеся в горах, лишаются достоинства своего, равно и дети их; лишаются также земель, которые без разрешения моего никем занимаемы быть не могут. Рабы их, которые убежали, получают вольность. Владельцам и узденям, верноподданным Великого Государя, воспрещается всякое с ними, изменниками, сношение, и накажу строго, если узнаю о том. Я объявлю всем кабардинцам и, в особенности, простому народу, что всех владельцев и узденей, бежавших за Кубань или укрывающихся в горах, как явных изменников своему Великому Государю лишаю всех прав их и достоинств». Также предупреждалось, что, если кто из кабардинцев будет с ними иметь связи и сношения, будет строго наказан. Более того, запрещалось с «абреками» вступать в новые связи родства, и если до этого времени были с ними разбирательства (судились. — К. У.) по шариаду, отныне все судебные дела уничтожаются. Узденям и простому народу велено было при встрече с ними действовать оружием, т. е. убивать. Если кто из изменников, бежавших за Кубань или укрывающихся в горах, будет нападать на население или догнан будет в преследовании и против него простой народ стрелять не будет, то население будет наказано оружием, о чем и дано уже приказание начальникам строящихся крепостей². Всячески поощрялись те кабардинские князья и дворяне, которые оказывали услуги царской администрации в борьбе с «непокорными» людьми. Так осуществлялся великий принцип завоевателей всех времен и народов: «Разделяй и властвуй».

¹ Леонтович Ф. И. Адамы кавказских горцев. Одесса, 1882. Отд. 4. С. 257.

² Там же. С. 257–361.

В изменении уклада жизни горцев, в том числе адыгов, в разрушении их традиционных институтов, в том числе выпереперечисленных, а в связи с этим и наступлении кризиса традиционной культуры и утраты многих ее элементов огромную негативную роль сыграла колониальная политика царизма на Кавказе. Были даже специальные постановления, указы, директивы, прямо запрещающие соблюдение многих обычаев и традиций, которые столетиями имели место в жизни горцев Северного Кавказа, и в том числе черкесов. Эти постановления, указы и т. п. царской России нанесли огромный ущерб традиционной культуре горских народов, для которых она была единственным инструментом регулирования далеко не простых взаимоотношений внутри каждого народа и между самими горцами. В этой связи можно привести некоторые документы царской администрации, которые разрушили эту культуру. Одним из таких наглядных ее документов, который был направлен на разрушение, например, института аталычества, является прокламация генерала Ермолова от 1 августа 1822 г., которая выпала сразу, как только Кабарда потеряла свою политическую самостоятельность. В ней было сказано: «Отныне впредь воспрещается всем кабардинским владельцам и уздеям отдавать детей своих на воспитание к чужим народам, то есть: к закубанцам, карачаевцам и вообще горским народам, но воспитывать их в Кабарде. Тех, кои отданы прежде, тотчас возвратить»¹. Этот документ был первым ударом по аталычеству, которое веками было одним из инструментов поддержания дружеских связей и установления искусственного родства не только внутри адыгского народа, Северного Кавказа в целом, но и с Грузией, Крымом. Дело в том, что многие грузинские князья и дворяне и крымские ханы отдавали своих детей адыгским князьям для воспитания. Прокламацией генерала Ермолова было положено начало разрыву исторически сложившихся аталыческих связей между этими народами, и круг действия этого института замкнулся внутри Кабарды.

Вторым, принципиальным шагом в содействии кризису института аталычества является начало подрыва его основы — вассально-иерархической структуры господствующего класса в Черкесии. В этом плане царское прави-

¹ Леонтович Ф. И. Адамы Кавказских горцев. Одесса, 1882. Отд. 4. С. 261

тельство с 60-х гг. XVIII в. проводило активную политику социального раскола, в том числе кабардинского общества. Ярким примером такой политики со стороны царского правительства, ведущей к социальному расколу, является рапорт командующего Кавказским корпусом П. А. Текелли генерал-фельдмаршалу Г. А. Потемкину, где отмечалось, что «...кабардинские все узденья с владельцами находятся теперь в великом несогласии. О причиняемых якобы от сих последних первым обидах положили между собою, если владельцы их неудовольствуют, то узденям с ними никуда не ездить, и кто имеет на воспитании владельческих детей по их обычаю возвратит к отцам и их не принимать». Поскольку социальной основой аталычества были отношения сюзеренитета-вассалитета между князьями и дворянами, то этот документ наносил огромный удар по институту аталычества. Но следует отметить, что после преодоления временного кризиса отношений между князьями и дворянами этот институт продолжал существовать в Кабарде и позже. Институт аталычества окончательно уходит в прошлое после реформ 60-х гг. XIX в., в результате чего произошли на Северном Кавказе, и в жизни адыгов, большие социально-экономические и политические изменения, которые окончательно подорвали все его основы¹. Вот таким путем был уничтожен царской Россией один из важнейших элементов традиционной культуры адыгов и балкарцев — институт аталычества, который играл на протяжении веков огромную роль в поддержании нормальных человеческих взаимоотношений не только внутри одного общества, но и между народами.

Но этим не ограничивались действия царской администрации на Северном Кавказе для того, чтобы окончательно подорвать все основы традиционной культуры горцев, в том числе адыгов. В этом плане можно привести в пример некоторые мероприятия царского правительства, которые существенно затрудняли функционирование и других общественных институтов, без которых немислима была их традиционная культура. После начала строительства Кавказской линии в 1777 г., в условиях продолжающегося сопротивления кабардинцев систематическим военным операциям царских генералов

¹ Кажаров В. Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII — первой половине XIX в. Нальчик, 1994. С. 397–399.

на территории Кабарды, царское правительство вводит в ней так называемую билетную систему, институт доносителства, правила регулирования времени действия гостеприимства и условия ограничения ношения оружия кабардинцами.

Эти новые правила царского правительства на территории Кабарды и за ее пределами были направлены на то, чтобы сделать фактически невозможным соблюдение принципов гостеприимства, значительно ограничить передвижение горцев по своей территории и за ее пределами с тем, чтобы максимально воспрепятствовать поддержанию всяческих связей между горцами, с одной стороны, и между отдельными семьями внутри адыгского общества — с другой. Суть введенной царским правительством билетной системы заключалась в том, что отныне, особенно после введения родовых судов и расправ в 1793 г. в Кабарде, кабардинцы не имели права передвигаться по своей территории и за ее пределами без специального письменного разрешения русского военного руководства края, они также не имели права посещать без специального разрешения военные крепости. Если даже кабардинцы получали такое право на посещение крепостей, все равно для представителя каждой прослойки существовали особые правила. Были введены строгие меры наказания для тех, кто принимал гостей из других районов, не имеющих письменного разрешения на посещение того или иного населенного пункта. Заметившие людей без таких разрешений обязаны были доносить об этом русскому начальству, в противном случае люди, которые не доносили на безбилетных, подлежали наказанию. Кроме этого, значительно ограничивались условия ношения оружия. А в условиях гор, где на каждом шагу для путешественника была реальная угроза быть убитым или ограбленным, не каждый здравомыслящий человек мог отправляться в путешествие, для того чтобы навестить своих родственников или друзей. Более того, время действия гостеприимства значительно было сокращено.

Все это подрывало веками действовавший уклад жизни горцев, их традиционные общественные институты, стало быть и их культуру. Чтобы не быть голословным в этом отношении, можно привести выдержки из некоторых документов царского правительства. Например, в одном из них сказано, что «...въезд в линию, по причине

дерзновений кабардинских, не иначе им позволяется, как по билетам российского правительства за ручательством старшего владельца Татарханова данным. Вход же в крепости совсем им запрещается; а когда начальники крепости согласятся их впустить, то не иначе, как чтобы владелец имел при себе только двух вооруженных узденей, уздень — одного вооруженного холопа, а простой — безоружен»¹. Недоверие к адыгам, как и к остальным горцам Северного Кавказа, не ограничивалось этим документом. Царское правительство, запрещая им передвижение даже по их территории, предполагало, что они якобы укрывают своих соплеменников под видом гостеприимства. Для максимального ограничения поддержания связей между горцами в пункте № 24 «наставления» генерала Ермолова Кабардинскому Временному суду от 29 августа 1822 г. устанавливается следующий порядок: «Поелику воспрещается кабардинцам отлучаться из Кабарды без письменных видов, то всякий, имеющий по надобностям своим отъехать в другие места, снабжается печатными билетами: а) внутри линии — по билету от Временного суда; б) за Кубань и в горы — по билету начальника в Кабарде; в) в дальние места в Россию — по билету начальника линии»². При всем этом представитель царской администрации сделал «снисхождение» к кабардинцам, объявив в этом «наставлении», что «все билеты сия выдаются без пошлин и на простой бумаге, коих экземпляры будут доставлены суду через начальника в Кабарде». В случае передвижения кабардинцев по своей территории и за ее пределами без билета и отклонения от того указанного в нем маршрута предусматривалось строгое наказание горцев, вплоть до лишения их жизни. Например, еще 18 января 1823 г. подполковник Подпрятков уведомлял Кабардинский Временный суд, что он «отдал приказ крепостным и постовым начальникам, чтобы всех тех кабардинцев, кои осмеливаются проезжать в горы утаенно и мимо крепости без записки крепостного начальника, бить оружием»³.

Следует также отметить, что царская военная адми-

¹ Грабовский Н. Ф. Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость (исторический очерк). ССКГ. Тифлис, 1876. Вып. 9. С. 161.

² Леонтович Ф. И. Адамы кавказских горцев. Одесса, 1882. Вып. 4. С. 167.

³ Там же. С. 267, 268.

нистрация на Северном Кавказе значительно ограничивала, как было отмечено выше, время пребывания человека у того или иного хозяина в качестве гостя, что противоречило нормам традиционного гостеприимства. В билетах, выдаваемых горцам, дающих право на посещение того или другого населенного пункта, где проживал его приятель (кунак) или родственник, четко указывался срок его пребывания в качестве гостя.

Так, со стороны представителя царской администрации в апреле 1853 г. дано предписание Кабардинскому Временному суду, что «...распорядиться теперь же собрать всех посторонних людей, шатающихся в Кабарде, и потребовать от них билеты. Тем из них, которые имеют действительные, дозволить проживать до окончания срока, а которые не имеют билетов или имеют, но просроченные, — тех немедленно отправить к своему месту по этапам через ближайшие пункты кордонной стражи»¹.

Более жесткие наказания предполагались особенно в отношении «немирных» адыгов, т. е. абреков. Часто бывало так, что эти билеты не выдавались вообще, и горцы были лишены прав посещения своих друзей и родственников. А кто поддерживал связи с «немирными» жителями, наказывался «по всей строгости военных законов», лишался всякого состояния: движимого и недвижимого имущества, а их крепостным крестьянам предоставлялась свобода. Абреков не только наказывали материально и физически, но и отсылали на каторжные работы или зачисляли на военную службу в русской армии. Часто бывало так, что кончали жизнь самоубийством те лица, которые наказывались физически, ибо эта мера наказания считалась самым большим позором для человека по законам адыгского этикета. Они предпочитали смерть такому позорному наказанию в присутствии женщин, стариков и детей.

Институт доносительства, всевозможные меры наказания тех лиц, которые поддерживали связи с «непокорными» лицами — абреками, ограничения при передвижении горцев по своей территории и за ее пределами, введенные царским правительством на Северном Кавказе, исключительным образом повлияли не только на их свободу, самостоятельность: самое страшное то, что эти

¹ Кажаров В. Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в XVIII — первой половине XIX в. Нальчик, 1994. С. 325.

«новшества» империи оказали пагубное влияние на моральный облик многих горцев. Во избежание наказания за подозрение в связях с абреками и безбилетными их соплеменниками многие из горцев находили свое спасение от преследований со стороны представителей царской администрации в доносителъстве. Зачастую этот метод доносителъства использовали многие непорядочные люди как метод сведения счетов со своими противниками, прибегая к ложному доносителъству на ни в чем не повинных людей. Так, в 20–50-е гг. XIX в. царизмом наносится сокрушителъный удар по традиционному горским общественным институтам, которые являлись основой адыгской традиционной культуры. Следовательно, наносится удар по веками выработанной морали, которая выдержала строгое испытание временем.

Таким образом, адыги, балкарцы и остальные горцы Северного Кавказа в результате колониальной политики царизма потеряли не только свою политическую, экономическую самостоятельность, но и понесли огромный ущерб в традиционном укладе жизни, традиционной культуре.

§ 7. Адыгская хаса и балкарское тѐре

Одним из архаичных общественных институтов адыгов является хаса (сословно-представителъное собрание), насчитывающая с момента возникновения тысячелетия. Она в различные исторические эпохи выполняла разные функции в общественной жизни народа. Например, если сравнить хасу эпохи нартгов (эпических героев адыгов) с хасой феодальной Черкесии, то можно обнаружить много различий между ними. Архаичности этого общественно-го института адыгов мы находим много подтверждений, когда знакомимся с эпическим нартским эпосом, являющимся одним из самых древних эпосов, созданных в ранний период железного века¹.

В нартских сказаниях мы часто встречаем слово «хаса» и видим, какое значение придавалось нартами этому древнейшему их институту. В нартском эпосе адыгов мы читаем, что каждый год нарты собирали большую хасу. На ней решали важные общественные дела и уст-

---

¹ Нарты. М., 1974. С. 14.

раивали состязания в силе, ловкости и храбрости молодых людей. В сказании о Сосруко мы читаем:

Собрали хасу, сильные мчались туда,
И малого мужа, молодого Сосруко,
Нарты пригласили на хасу.
Сел Сосруко на коня и прибыл на хасу¹.

В другом месте сказаний о Сосруко говорится, что когда он отправился на хасу нартов, встретил не менее сильного и грозного героя, чем он сам, — Тотрепа. И когда Сосруко попытался поиздеваться над последним, тот, показав свою силу и храбрость, хотел снести ему голову. Этот эпизод из жизни этих двух героев нартского эпоса описывается так:

Сосруко — наш кан,
Сосруко — наш свет...
Поправив шапку, он садится (на коня).
На хасу нартов ты едешь...
И хотел снести ему голову, (Сосруко сказал):
Сегодня у нартов санопитие (винопитие. — К. У.),
Не замути им напиток.
Сегодня из нашего рода
(Людей) не убивают,
Кто убьет, того ждет возмездие².

Из этого мы видим, что хаса была местом, где решались самые важные дела и устраивались спортивные состязания, и, подобно законам Олимпийских игр древних греков, законы адыгов во время хасы запрещали враждовать друг с другом, убивать людей, т. е. время заседания хасы считалось священным.

Таким образом, хаса имеет древнюю и интересную историю, она занимала очень важное место в общественно-политической и культурной жизни народа.

Наивысшего расцвета хаса, как и другие общественные традиционные институты адыгов, достигает в период феодализма. Например, у кабардинцев ближе к 80-м гг. XVIII в. хаса была трехпалатной: 1) княжеская хаса, 2) дворянская хаса, 3) хаса крестьян. Она убедительно отражала взаимоотношения различных классов и сословий Черкесии, в частности, согласно разделению Большой Кабарды в XVIII в. на удельные княжества и партии, а также временные союзы княжеских родов. Сле-

¹ Нарты. М., 1974. С. 196.

² Там же. С. 210, 211.

дует различать хасы: 1) в уделе; 2) в партии, включавшей два удела; 3) при объединении трех уделов и, наконец; 4) общекабардинскую хасу, вернее, хасу Большой Кабарды.

Место проведения хасы в уделе, партии, коалиции феодальных кланов определялось старшими в них князьями, а созыв общекабардинской хасы — пши-тхамадой. Как правило, это место находилось непосредственно во владениях старшего князя или же в вотчинах его вассалов. Но при этом в большинстве случаев хаса проводилась в стороне от постоянных жилищ.

Следует здесь отметить, однако, что были и общие черты между хасой партов и феодальной хасой, но были и существенные различия между ними, ибо они действовали в различные исторические эпохи и в различных социально-экономических, политических и культурных условиях жизни народа. Хотя хаса представляла собой прежде всего политический институт, она как высший законодательный орган определяла и решение судов любой инстанции, отвергая или утверждая их. Тем не менее хаса заметно влияла на культуру адыгов, ибо через этот влиятельный институт регулировались важнейшие стороны взаимоотношений различных слоев общества, их образ жизни и т. д. На хасе, как нигде, формировалась политическая культура каждого ее участника, культура поведения, культура общения людей друг с другом, что является основным компонентом культуры любого народа. Другими словами, на хасе каждый класс показывал не только свое место в обществе, свое влияние на его жизнь, но и свое поведение, свою мораль. На хасе не только вырабатывался язык дипломатии, но и применялись на практике важнейшие ее принципы, что непременно накладывало определенный отпечаток на культурный облик народа. На хасах наряду с принципами взаимоотношений между различными классами и сословиями адыгов, прослеживались и взаимоотношения между разными княжескими фамилиями, партиями, фракциями и т. д. Адыгская хаса даже определяла принципы взаимоотношений с соседними народами. И в результате завоевания Россией Кавказа, Кабарды, хаса теряет полностью и окончательное значение высшего законодательного, распорядительного органа и превращается в совещательный и консультативный орган, а затем полностью уходит из жизни адыгов. Последнее упоминание о хасе встречает-

ся в 1826 г. Так был уничтожен и этот традиционный общественный институт адыгов, имевший давнюю и интересную историю, который возник как собрание – совет нартов (героев) и трансформировался в феодальную эпоху в сословно-представительное собрание с различными его разновидностями и палатами.

Одним из политических институтов у балкаро-карачаевцев было Тёре. Х. Малкандуев отмечал, что апофеозом деятельности Халкъ Тёре были XVI–XVIII вв., когда глубинные процессы развития средневековых Балкарии и Карачая, сопровождавшиеся процессом феодализации, породили сложные формы общественного бытия, ряд социальных институтов и немалое число специфических явлений, из которых, вероятно, наиболее интересным было возникновение и функционирование на протяжении нескольких столетий такого общественного феномена, как Тёре. Он возник в кризисной для народа ситуации, когда ясно обозначилось, какое организационное оформление необходимо для его существования. Отсутствие централизованной власти и наличие феодальной раздробленности обеспечивали побудительный мотив для утверждения определенного политического порядка и формирования союза сельских общин высшим органом Тёре. Он явился единственным политическим органом, который влиял на все стороны жизни народа ¹.

Тёре происходит от слова «тёр», которое в караево-балкарском языке означает почетное место в доме или святое место в языческих святилищах, мечетях. Слово «тёр» у древних тюрков – священное место, которое находилось напротив двери и слово «тёре» обозначает святой совет. В Карачае его настолько почитали, что дорогу, по которой ездили в Балкарию на Тёре, называли «Тёре жол» – дорога на Тёре.

Слова «тёре», «тёрю» – закон, законность; правило; правление; судебное разбирательство есть во всех тюркских и монгольских языках.

М. Абаев считал, что Тёре был древним, судебно-законодательным народным учреждением балкаро-карачаевцев ². Это был высший выборной общенациональный универсальный орган социально-политического и законодательного порядка, регулирующий политическую и

¹ Х. Х. Малкандуев. Этническая культура балкарцев и караевцев. Нальчик, 2001. С. 36–46.

² Абаев Мисост. Балкария. Нальчик, 1992. С. 37

общественную жизнь балкарцев и карачаевцев. Тёре состоял из самых влиятельных и уважаемых людей всех сословий, кроме крепостных крестьян. В. Миллер и М. Ковалевский отмечали, что эти люди были хранителями спокойствия и порядка в обществе¹. Выборы в Тёре проходили один раз в семь лет. Каждый аул называл из своей среды пять или семь наиболее уважаемых людей. Эти кандидатуры тщательно обсуждались на сельской площади всем взрослым мужским населением и утверждались на этом сходе. Сами избранники общины выбирали из своей среды одного представителя в общеущельский совет, или Гитче Тёре – Малое Тёре. Подобные советы из девяти человек в прошлом действовали в Урусбиевском, Чегемском обществах, в Большой Балкарии и Хуламо-Безенгиевском ущелье, в Карачае. В свою очередь, Малое Тёре выдвигало одного члена Общепародного Тёре. Кроме этого, было еще княжеское Тёре. Таким образом, в Балкарии и Карачае были Халкъ Тёре и Бий Тёре (княжеское Тёре). Но в жизни балкарских и карачаевских аулов большую роль играли местные Малые Тёре, которые решали самые разнообразные вопросы жизни села, в том числе уголовные и гражданские дела.

В отличие от Малых Тёре, общепародное Тёре не было постоянно действующим органом и собиралось раз в два-три месяца. Во время заседаний Тёре охраняли специальные стражники. Члены Тёре должны были быть принципиальными и объективными. «Ложь пустословия у них порицается», – писал Н. А. Караулов².

Таким образом, Тёре, как институт парламентской и судебно-правовой системы, сыграл огромную роль в общественно-политической жизни балкаро-карачаевцев. Он регулировал взаимоотношения фамилий, балкарских обществ.

§ 8. Институт кровной мести

Одним из традиционных общественных институтов горцев, в том числе адыгов и балкарцев, который оказы-

¹ Миллер В., Ковалевский М. В горских обществах Кабарды (Вестник Европы. СПб, 1884. Т. 2. С. 575).

² Караулов Н. А. Балкары на Кавказе /Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1908. Вып. 38. С. 149.

вал существенное влияние на культуру народа, являлся институт кровной мести («лгы щІэжын» — по-кабардински). Этот институт не одну сотню лет был частью традиций и обычаев народа, занимая важное место в общественной жизни горцев. Институт кровной мести являлся одним из важных регуляторов человеческих взаимоотношений. Он часто выступал как мощный сдерживающий фактор при различных экстремальных ситуациях, в которых оказывались люди. Функции этого института во многом были весьма существенными у адыгов и балкарцев, как и у остальных горцев Кавказа, если учесть, что у них не было на протяжении многих столетий государственных правоохранительных органов.

Л. Я. Люлье писал, что «...горцев кровомщение не есть необузданное, неудержимое чувство, вроде вендетты корсиканцев; это скорее обязанность, налагаемая честью, общественным мнением, требованием крови за кровь»¹.

Так что, кровная месть это не просто возмездие за нанесенную обиду, а скорее всего обычай, которому должен был следовать любой человек, какого бы ранга он ни был. Этот обычай необходимо было соблюдать, как и другие обычаи, предписанные адыгэ хабзэ.

С дальнейшим изменением экономических и социальных условий жизни народа этот институт видоизменялся, приспособлялся к новым обстоятельствам. К примеру, если на стадии родового строя действовал принцип «око за око, зуб за зуб, кровь за кровь, жизнь за жизнь», то в дальнейшем примирение сторон осуществлялось и через уплату штрафа за оскорбление личности, увечье или убийство. Но следует отметить, что часто наряду с уплатой штрафа потерпевшей стороне кровная месть осуществлялась убийством самого человека, который совершил преступление, или его ближайших родственников. Особенно это имело место среди князей и дворян. Чаще всего представители этих сословий мстили, совершая убийство обидчика или его близких, и редко примирение заканчивалось уплатой штрафа. Такой способ примирения потерпевшей стороны с обидчиком происходил чаще тогда, когда потерпевший был выходцем из крестьян или других низших слоев населения. Считалось большим позором, если тот или иной род не мстил за оскорбление, убийство или другое преступление, которое

¹ Люлье Л. Я. Черкесия. Историко-этнографические статьи. Вып. 4. Краснодар, 1927. С. 40.

могло совершиться тем или иным человеком. Не отмстившие за своего близкого человека или соплеменника презирались всеми людьми.

Люлье также отмечает, что самая тяжелая обида, возмущающая душу горца больше, чем убийство родственника, — это оскорбление, наносимое посягательством на честь родственницы, женщины или девушки, или вообще семейства; подобные случаи почти никогда не оканчиваются примирением, прежде, чем позор не будет смыт кровью виновного, или кого-нибудь из его родственников.

Обычай требовал, чтобы кровный обидчик немедленно по совершении убийства бросал свой дом и искал убежища и покровительства в чужой общине; он должен был сделать это потому, что, если он оставался дома, то ответственность за убийство распространялась не только на близких его родственников, но и на других членов его рода, и даже на всех представителей одной с ним общины. Обидчик мог оставаться дома в том случае, если он выплачивал семейству своей жертвы цену раба. Плата эта называлась «унэимыкышцэ» (плата за право оставаться дома. — *К. У.*). Затем окончательное миролюбивое соглашение могло быть достигнуто при помощи посредников, когда они силою убеждения склоняли семейство убитого принять в выкуп цену крови («лы уасэ»), или если дело идет только о поражении, — согласиться на вознаграждение по определению суда ¹.

Польский полковник Теофил Лапинский, который со своей бригадой воевал против русских на стороне западных черкесов во время Русско-Кавказской войны, писал, что самый тяжелый случай у черкесов — это кровная месть. Этот ужасный обычай горцев стоит здесь ежегодно жизни многим людям. Часто брат либо другой родственник недоволен платой за кровь или не согласен с приговором, или слишком нетерпелив в ожидании последнего и убивает либо самого убийцу, либо кого-нибудь из его племени. Из-за этого возникают бесконечные нападения и убийства; в народе убух с 12-го по 17-е октября 1859 г., т. е. в течение пяти дней, было убито 42 человека из двух семейств. Все племя должно было взяться за оружие, чтобы прекратить кровопролитие ².

¹ Люлье Л. Я. Черкесия. Историко-этнографические статьи. Вып. 4. Краснодар, 1927. С. 40, 41.

² Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995. Т. 1, 2. С. 95.

По обычаю кровная месть не осуществлялась внутри рода, фамилии — мстили только чуждому человеку. Но бывали случаи, когда топили в воде или убивали неисправимого преступника из своей общины. Месть не имела срока давности. Бывали случаи, когда мстили правнуки за своего прадеда, т. е. месть переходила из поколения в поколение, нужно было мстить, если даже пройдут десятилетия, и через несколько поколений. Такой был моральный принцип горцев. Согласно обычаю, мстить должен был сын за отца, брат за брата или сестру, если таковых не было у потерпевшей стороны, то должны были мстить за него его ближайшие родственники «по отдаляющей» по крови. При том мстили прежде всего человеку, который совершил убийство или другое преступление, а если ему удалось скрыться от преследований, то мстили самым близким преступника. И бывало часто так, что убивали совершенно ни в чем неповинных людей из-за того, что он родственник преступника — «обидчика».

О строгости этого закона у горцев, в том числе у адыгов и балкарцев, можно судить и по тому факту, что если убийца умирал своей смертью, а ему не успели отомстить за содеянное, то мстили его родственникам. Бывали случаи, когда адыгские князья и дворяне мстили не только одному человеку, а всему роду, племени, даже целому селению. Их просто выжигали до последнего человека, в том числе детей и стариков.

На кровника распространялись самые разнообразные запреты. Он принимал особый образ жизни и соблюдал его до тех пор, пока не отомстил за своего близкого человека. Например, он не имел права участвовать в каких-либо торжествах, появляться в общественных местах, заниматься полезным трудом, вступать в брак, он даже не имел права бриться и должен был покрывать свою голову черным башлыком, т. е. он ходил в своеобразном трауре до тех пор, пока не отомстит. Были свои законы и правила взаимоотношений между кровниками и обидчиками. Если, например, обидчик случайно встретил на пути кого-либо из представителей потерпевшей стороны, то он должен был беспрекословно уступать дорогу последнему. А если они встретились случайно в доме у кого-либо или в общественных местах, то и в этом случае обидчик должен был покинуть это место. По законам адыгского этикета считалось большим позором убивать

при кровной мести пожилого человека, женщину, умалишенного, больного человека.

При встрече обидчика и кровника правом первого выстрела обладал последний. Категорически запрещалось по законам гор убийство из-за угла, внезапно, без всякого предупреждения. Месть всегда должна была свершаться в честном поединке. Большим нарушением закона кровной мести считалось убийство обидчика палкой, а не холодным или огнестрельным оружием. Это расценивалось как большое оскорбление личности, пусть даже такого врага. Как было сказано выше, примирение сторон в условиях феодальной Черкесии достигалось уплатой штрафов обидчиком потерпевшей стороне. Крупнейший специалист по феодальной Черкесии В. К. Гарданов писал, что, согласно обычному праву адыгов, имущественные платежи составляли основную форму наказаний всех свободных членов общества за любое преступление, включая убийство (если потерпевшая сторона не прибегала к мести). Адыги, как и другие горцы Кавказа, не знали таких форм общественного наказания, как заключение в тюрьму, телесные наказания, смертная казнь, до тех пор, пока у них не стали вводиться нормы шариата и русское законодательство¹. Однако нельзя согласиться с В. К. Гардановым в том, что не было у адыгов такой меры наказания за тяжкие преступления, как смертная казнь. Подобная мера наказания применялась к тем преступникам, которые совершали такие тяжкие преступления, как убийство, изнасилование и т. д. Например, абрека-убийцу часто топили в воде, потому и было такое выражение, как «псыхэдзэ» (топить в воде. — К. У.). Об этом мы говорили выше относительно вопроса об абречестве.

Л. Я. Люлье писал по этому поводу, что у черкес «есть и смертная казнь: она определяется по суду в таких случаях, когда преступник, уже несколько раз сряду прежде нарушавший присягу и установленные правила, признается неисправимым. Так как община и родственники виновного отвечают за него и уплачивают часть пени, на него налагаемой, а в случае его несостоятельности, платят все сполна, то, когда тяжесть подобных последовательных, значительных издержек делается, наконец, невыносимой, преступника объявляют исключенным из

¹ Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов. М., 1967. С. 227.

общины, лишенным покровительства законов и всяких прав. Человек, о котором такое объявление сделано, называется «психядз». Если он не успеет тотчас после объявления скрыться бегством, то схватывается, заковывается в кандалы, привязывается к дереву и убивается из огнестрельного оружия. Однако никто из своих не поднимет на него руки. Обыкновенно заставляют какого-нибудь раба сделать смертельный выстрел. Чаще же всего такого преступника бросают в воду, привязав ему на шею камень. Отсюда и произошло название «психядз», означающее слово в слово — «брошенный в воду»¹.

Какое бы преступление человек ни совершил, в том числе и убийство, в Черкесии никогда не применялся метод телесного наказания. Любой преступник, будь он даже самый последний человек, предпочитал смерть телесному наказанию. По этому поводу Хан-Гирей писал, что во всех случаях, требующих мер наказания, налагались штрафы: о телесном наказании не имели и понятия. Большое распространение имели в жизни адыгов, когда необходимо было прекратить кровную месть и примирить враждующие стороны, посредничество и ручательство. В качестве посредников в этих случаях выступали авторитетные мудрые люди.

Хан-Гирей отмечал, что вообще посредничество и ручательство были обычаями у адыгов, регулирующими многие общественные отношения². Одним из таких активных посредников, который ездил по селам и примирял враждующие стороны, был видный кабардинский общественный деятель XVIII в. Жабаци Казанок. Он не только примирял стороны, но и выступал ярким противником кровной мести, которая уносила жизни не одной тысячи ни в чем не повинных людей. «Цена» за жизнь человека, которая выплачивалась, была разной для всех людей. Ее величина зависела от сословной принадлежности потерпевшего. Чем выше он находился на феодальной иерархической лестнице, тем его «цена» была более высокой. Например, в XVIII — первой половине XIX в. «цена крови» адыгского князя колебалась от 6 до 8 тыс. быков, а тлхукотля (свободного крестьянина) — всего 160 быков. При этом следует отметить, что в эту «цену крови» князя входили и самые различные драго-

¹ Люлье Л. Я. Черкесия. Историко-этнографические статьи. Вып. 4. Краснодар, 1927. С. 38, 39.

² Хан-Гирей. Черкесские предания. Нальчик, 1989. С. 261.

ценные предметы, и снаряжения, начиная от кольчуги, кончая высокопородными лошадьми и конской сбруей¹.

Тем не менее, как и для остальных традиционных общественных институтов адыгов, и для института кровной мести в конце XVIII в., когда Россия приступает к конкретному завоеванию горцев Северного Кавказа, наступает кризис. Первый этап этого кризиса связан непосредственно с учреждением Российским государством в Кабарде «родовых судов и расправ». С этого момента убийства, вооруженные грабежи и другие крупные уголовные преступления начали разбирать по законам Российской империи, в Верховном пограничном суде, который находился в Моздоке, а более мелкие, незначительные гражданские дела разбирались на основе адата — обычного права адыгов. Но под давлением местных князей и дворян Кабарды, России пришлось ликвидировать «родовые суды и расправы» в 1807 г. и учредить мехкеме (духовные суды), что можно рассматривать как наступление второго этапа кризиса института кровной мести в Кабарде.

Отныне по шариату за преступления люди подвергались смертной казни и телесному наказанию. Убийцу наказывали не родственники убитого, а «духовные суды». Месть осуществлялась от имени Бога. Учреждение Ермоловым Кабардинского Временного суда в 1822 г., знаменовавшее полную утрату Кабардой своей политической самостоятельности, естественно, приводит к отмене мехкеме. И этот факт являлся началом третьего этапа кризиса института кровной мести. С этого времени, исходя из «Наставления» Кабардинскому Временному суду от 29 августа 1822 г., генерал Ермолов отмечал, что «...убийство, измену, возмущение в народе, побег за пределы линии, нападения и хищничества в оной, обнажение оружия в ссорах с причинением ран» будут разбираться на основе теперь уже действующих законов Российской империи².

Однако это вовсе не означает, что институт кровной мести, который имел место в жизни горцев Северного Кавказа, в том числе адыгов и балкарцев, не одно столе-

¹ Мамбетов Г. Х. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1994. С. 144.

² Кажаров В. Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII — первой половине XIX в. Нальчик, 1994. С. 417–419.

тие и выполнял определенные социально-политические и нравственные функции, навсегда исчез. Более живучими оказались его нравственные начала, которые навсегда закрепились в психологии горца. Какие бы «наставления», «прокламации» и законы ни были изданы и введены в среде горцев, все равно в глубине души каждого из них в той или иной степени чувство мести за своего близкого человека будет жить. Это чувство передается из поколения в поколения с молоком матери. Чувство мести сохраняется в душе каждого горца независимо от его желаний и правовых ограничений интуитивно, подобно тому, как интуитивно представители животного и растительного мира приспособляются к окружающей среде, вырабатываются защитные функции. Институт кровной мести со множеством его отрицательных сторон сыграл определенную положительную роль в жизни горцев, и с этим нельзя не считаться.

На наш взгляд, очень актуальным является для политических деятелей при определении политической стратегии и тактики в том или ином регионе Российской Федерации учитывать психологию каждого народа, которая складывалась веками и имеет свои специфические особенности.

И если подвести некоторый итог сказанному, то все традиционные общественные институты, о которых мы говорили, не случайно столько веков присутствовали в жизни народа. Каждый из этих институтов по своему влиял на образ жизни, на образ мышления, на поведение народа, в целом — на его культуру. Более того, они и есть культура народа. Да, многие стороны этих институтов сегодня «не работают», не вписываются в сегодняшние реалии, но те их стороны, которые воспитывают человеколюбие, честь личности, высокую духовность, сближение народов, необходимо возрождать и пропагандировать. Поэтому не случайно именно духовная культура является консолидирующей силой общества.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев Мисост. Балкария. Нальчик, 1992.
Бгажноков Б. Х. Адыгский этикет. Нальчик, 1978.
Бгажноков Б. Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983.
Бгажноков Б. Х. Черкесское игрище. Нальчик, 1991.

Белл Джеймс. С 1837-го по 1839 г. прожил среди черкесов, пытаясь организовать их борьбу против России. Белл главным образом жил среди западных адыгов (черкесов) – шапсугов, натухайцев и убыхов.

Бларамберг И. Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992.

Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов. М., 1967.

Гелль О М-ль де. Путешествие в степи Каспийского моря и по Российскому меридиану. Париж, 1868. 2-е изд.

Гегель Г. В. Философия духа. Энциклопедия философских наук. В 3 т. М., 1977. Т. 3.

Грабовский Н. Ф. Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость (исторический очерк). ССКГ. Тифлис, 1876. Вып. 9.

Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. Л., 1989.

Гуревич А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993.

Данилевский Н. Кавказ и его горские жители. М., 1846.

Дахунов Г. К. Некоторые политико-психологические аспекты геноцида адыгов. 1996. С. 6, 7. Рукопись. Личный архив.

Дубровин Н. Черкесы (адыге). Нальчик, 1991.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Одесса, 1900.

Кажаров В. Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. Нальчик, 1994.

Каламбий (А.-Г. Кешев). Записки черкеса. Нальчик, 1988.

Караулов Н. А. Балкары на Кавказе /Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1908. Вып. 38.

Липинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995. Т. 1, 2.

Леонтович Ф. И. Адамы Кавказских горцев. Отд. 4. Одесса, 1882.

Любе Л. Я. О гостеприимстве у черкес//Кавказ. 1889. № 7.

Малкандуев Х. Х. Этническая культура балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 2001.

Мальбахов Б., Эльмесов Н. Средневековая Кабарда. Нальчик, 1994.

Мемуары декабристов. М., 1988.

Миллер В., Ковалевский М. В горских обществах Кабарды (Вестник Европы. СПб., 1884. Т. 2. С. 575).

Нарты. Адыгский героический эпос. М., 1974.

Нарты. Кабардинский эпос. М., 1951.

Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик. 1994.

Спенсер Э. Путешествия в Черкесию. Майкоп, 1994.

Сталь К. Ф. Этнографический очерк черкесского народа// Кавк. сб. Тифлис, 1910. Т. 21.

Толстых В. И. Образ жизни, понятие, реальность проблемы. М., 1975.

Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера//Русский вестник. Т. 53. 1864. № 10.

Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1992.

Шоджэн Х., Кэрдэнггушэ З. Адыгэ хабэу шыгэхэр. Нальшых, 1995.

ОБРАЗОВАНИЕ И КУЛЬТУРА В XX – НАЧАЛЕ XXI В.

§ 1. *Образование и наука.*

§ 2. *Интеллигенция и ее роль в обществе.*

§ 1. Образование и наука

В создании светского образования и профессиональной культуры адыгов и балкарцев, как и других народов Северного Кавказа, у которых отсутствовала своя литературная письменность до начала XX в., исключительную и главную роль сыграла русская культура, а через нее и мировая. Дело в том, что контакты горцев Северного Кавказа, которые были установлены с Русским государством в далеком прошлом, несмотря на многие драматические эпизоды этих взаимоотношений, объективно оказали огромное влияние на становление «высокой» (профессиональной) культуры горцев, в том числе адыгов и балкарцев.

Как было отмечено выше, процесс становления светского образования, культуры в целом у адыгов и балкарцев, как и у остальных народов Северного Кавказа, начался еще в XIX в. В этом деле огромную роль сыграли представители прогрессивной русской интеллигенции и первые просветители горцев Северного Кавказа. Они не только впервые поставили вопрос об открытии светских школ, средних специальных и высших учебных заведений, научных учреждений, создании национальной художественной литературы, музыкального и театрального искусства, но они были непосредственными зачинателями всех этих дел. Именно в XIX в. открываются первые светские школы и другие учебные заведения. Адыгские и балкарские просветители с помощью русских ученых и педагогов создали первые учебники по языку, осуществляли попытки научного исследования истории, этнографии, языка, хозяйственной жизни края.

Однако дальнейший исторический прогресс не позволял довольствоваться просветительским движением. В ходе культурного развития перед адыгами и балкарцами, как и перед остальными горцами Северного Кавказа,

стояли не менее сложные задачи. Социально-экономическое, политическое развитие края, его дальнейшее включение в общероссийские процессы настоятельно и объективно требовали, чтобы была открыта широкая сеть учебных заведений, культурно-просветительских, научных и иных учреждений. И одной из очередных задач, которые решались в крае для создания «высокой», профессиональной культуры, было открытие таких учебных заведений. Теперь культурные запросы общества уже не удовлетворялись наличием просветителей-энтузиастов, получивших образование в учебных заведениях России и которых было незначительное количество. Необходимо было «инвестировать» «профессиональную» культуру непосредственно в регионе. Для этого следовало начинать с заложения фундамента этой культуры, а его должны были составить школы, гимназии, лицеи открытые непосредственно в населенных пунктах.

Конец XIX – начало XX в. характеризуется для истории народов Северного Кавказа в их культурном развитии настоящим бумом появления учебных заведений: различного рода курсов, школ и т. п. Это и понятно. Дело в том, что царское правительство, завоевывавая Северный Кавказ, больше пыталось физически уничтожить его народы, чем оказывать посильную помощь в развитии экономики и культуры. Но ход истории невозможно было остановить, и правительство вынуждено было открывать и учебные заведения, и другие культурно-просветительские учреждения. Следует здесь отметить, что и сама Россия во многом отставала от европейских стран в развитии культуры, образования.

Для подтверждения этого факта можно привести много примеров. Но, на наш взгляд, достаточно сослаться в этом плане на результаты Всероссийской переписи населения 1897 г. и анализ этих итогов специалистами. В частности, они пришли к выводу, что при существовавших тогда темпах развития народного образования всеобщая грамотность мужской части населения Центральной России могла быть достигнута через 180 лет, женской – через 280 лет, а населения Средней Азии, Казахстана, Кавказа – через 940 лет¹. К 1910 г. по всей России из 22 % детей школьного возраста учащихся было

¹ Мамбетов Г. Х., Хутуев Х. И. Братская помощь русского и других народов СССР в развитии культуры Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1984. С. 50.

всего 4,7 %. Еще плачевнее было состояние дел в этом важном социальном вопросе на Северном Кавказе. Еще к началу XX в. горские дети фактически были лишены возможности учиться в школах. В крае к этому периоду на 4,7 тыс. населения была всего одна школа. И в этой школе училось только 2,5 % всех детей¹. К примеру, в конце XIX – начале XX в. менее чем в 30 селениях Кабарды были одноклассные министерские школы, где обучалось 548 учеников. Вообще к 1915 г. в Нальчикском округе имелись 83 начальные школы, в слободе Нальчик – 11 школ, в кабардинских селениях – 44².

Как было отмечено выше, с конца XIX – начала XX в. развернулась определенная работа по развитию народного образования не только в Кабарде, но и в Адыгее и Черкесии. Особенно много школ было открыто в Кубанской области. За период с 1861-го по 1867 г. на Кубани открылись более 100 школ. 1 января 1861 г. начала работать окружная горская школа в Нальчике. Правда, в ней обучались в основном дети русских чиновников. В 1866 г. в Нальчике были организованы курсы учителей. В том же году в Майкопе, а в 1868-м в Лабинске были открыты горские школы, дававшие знания в объеме двухклассного начального училища. Естественно, в них учились адыги. В 1899 г. Майкопская школа была преобразована в низшее механико-техническое училище. В 1866 г. в Туапсе было открыто годичное училище для подготовки переводчиков-горцев³. Следует отметить, что подготовка специалистов – новое явление в народном образовании горцев.

Учебные заведения открылись в этот период и в других городах и селениях Кубанской области, где обучались и представители горской молодежи. В конце XIX – начале XX в. создается материально-техническая и иная база для открытия учебных заведений, различного рода культурно-просветительских, научных и иных учреждений. Создаются музеи, типографии, издательства. Кроме этого, начали издаваться различные газеты, журналы и иные печатные органы. Так, еще с самого начала XX в. жители Нальчика получали более 40 названий газет и журналов в количестве 238 экземпляров. Среди них были

¹ Советская культура. История и современность. М., 1983. С. 301, 302.

² История Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1995. С. 199, 200.

³ Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1957. С. 445.

такие популярные газеты, как «Терские ведомости», «Северный Кавказ», «Русские ведомости»; журналы «Русская мысль», «Исторический вестник». Через книжный склад «Посредник», находившийся в Прохладной, в Нальчике распространилось 17 названий работ Л. Н. Толстого («Свеча», «Два старика», «Кавказский пленник» и др.)¹.

Но одним из поворотных периодов в истории народов России и Северного Кавказа является эпоха, которая была открыта в результате Октябрьских событий 1917 г. Период правления большевистской партии человечеством оценивается по сей день неоднозначно. Но следует отметить, что большевики смогли привлечь на свою сторону миллионы людей, особенно из бывших национальных окраин России, и установить свой режим благодаря тому, что они дали много обещаний и, к их чести, многое им удалось решить в национальном вопросе, особенно в культурном строительстве. Справедливости ради надо отметить, что большевики после их прихода к власти, в том числе и на местах, добились значительных успехов прежде всего в народном образовании. Вопросы школьного развития регулярно обсуждались на всех уровнях государственной власти и форумах партии. В одной Адыгее, где к концу XIX в. почти не было светских школ, уже в 1922/23 учебном году функционировали 41 адыгейская и 38 русских школ. В 1925 г. был открыт Адыгейский педагогический техникум, где начали обучаться адыгские учащиеся².

За каких-нибудь 15 лет после октября 1917 г. в крае была создана широкая сеть образовательных учреждений, были изданы букварь, учебники на родных языках. О бурном развитии народного образования в крае можно судить на примере Адыгеи, где в 1918 г. был издан букварь С. Сиюхова и И. Хыдзетля. У истоков современной адыгейской письменности стояли Д. А. Ашхамаф — первый адыгейский ученый лингвист и Н. Ф. Яковлев — лингвист-кавказовед. В 1927 г. адыгейский алфавит, как и кабардинский, был переведен с арабского на латинскую основу, а в 1937 г. — на русскую. В Адыгее уже в 1937 г. грамотность населения составила 97,3 %. К концу 30-х гг. в Адыгее было 57 национальных школ.

¹ История Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1995. С. 202.

² Очерки истории Адыгейского народа. Майкоп, 1981. Т. 2. С. 91.

Система образования в Адыгее в советский период прошла путь: в области школьного строительства – от 12 школ в 1916 г. до 64 (39 адыгейских и 25 русских), в 1922 г., до 164 (111 – средних), в 1988 г. на 58 427 человек; в сфере подготовки учительских кадров – от 150 педагогов (по образованию: специальное-педагогическое – 34, общее среднее – 60, неполное среднее – 9, начальное – 47) в 1922/23 учебном году до 5 тыс. в 1985 г. (84 % – с высшим образованием); в профессиональном образовании: начальном – от ремесленной школы (1920), школ ФЗО (1943) до средних профтехучилищ (6 – в конце 80-х гг.); среднем – от низшего механико-технического училища (1917) до современных средних специальных учебных заведений (в 80-х гг. – 6); высшем – от учительского института (1940) в составе одного факультета с 60 студентами и 14 преподавателями до лучшего в РФ педагогического института. Учебные заведения практически полностью обеспечивали потребности Адыгеи в специалистах народного хозяйства (в 1983 г. – 33 тыс. специалистов, в т. ч. 12,9 тыс. с высшим образованием, на тыс. рабочих приходилось 750 человек с высшим и средним образованием, с 1973-го по 1983 г. численность специалистов из числа коренной национальности возросла в 1,5 раза и составила 12 тыс. человек, в т. ч. 3850 – с высшим образованием), ежегодно получали высшее и среднее специальное образование 2700 человек, массовые профессии – 1800 человек. В 1988 г. 39 % областного бюджета направлялось на нужды образования. Такова была база, на которой предстояло развиваться системе образования в 90-е гг. в новой социально-экономической и политической ситуации, в условиях становления государственности адыгов.

Следуя традициям, руководство республики оказывает постоянную поддержку в структурной перестройке образования и его управления, в открытии новых учебных заведений, создании условий для развития национальной школы, повышении авторитета учительства (в 1992 г. учреждены звания «Народный учитель РА», «Заслуженный работник народного образования РА», «Отличник ПТО РА»). Принят ряд нормативно-правовых актов, в их числе: законы РА «Об образовании», «О языках народов РА», «Об организации работы по опеке и попечительству», «О размере оплаты труда приемных родителей и льготах, предоставляемых приемной семье в

зависимости от количества взятых на воспитание детей». Утверждены 5 целевых программ. Широкая сеть учебных заведений была открыта и в других адыгских административно-территориальных образованиях (Кабарде и Черкесии. — К. У.), где они оказались в результате национально-государственного строительства в бывшем Советском Союзе.

Например, в 1923 г. был открыт педагогический техникум для подготовки учителей кадров в Нальчике¹. Кроме этого, были открыты различного рода педрабфаки, курсы и другие учебные заведения для народного образования и других сфер экономики и социальной жизни региона. Примеров в этом плане предостаточно. Следует при этом отметить такой важный момент в жизни адыгов и балкарцев в развитии их культуры, как создание национальной литературной письменности. Дело в том, что до XX в. более чем у 40 народов России не было своей письменности, в том числе у адыгов и балкарцев. Она была создана у них в 20-е гг., что сыграло огромную роль в деле становления и прогресса «высокой», профессиональной культуры народа. Это было большим шагом в развитии народного образования, в целом культуры, если учесть, что грамотность населения адыгов к XX в. составила всего лишь 2 %, а балкарцев — 0,2 %. Правда, тут имеются в виду те, кто владел русской грамотой, а не те, кто владел и другими языками. Речь идет о том, что до начала XX в. немалое число представителей кавказских народов, в том числе адыги и балкарцы, у которых господствующей религией был ислам, владело арабским языком, на котором отправлялись и до сих пор отправляются все религиозные обряды и шло обучение канонам этой религии. К сожалению, до сих пор процент людей, которые владели арабским языком, никем не подсчитан. По крайней мере, это касается населения Северного Кавказа. Таким образом, если учесть и категорию людей, владевших арабским и русским языками и умевших писать и читать на этих языках, то грамотность населения народов Северного Кавказа, включая адыгов и балкарцев, была значительно выше, чем та цифра, которая традиционно приводится до сих пор в литературе.

Надо признать, что при всей противоречивости и даже пагубной деятельности большевиков за годы своего прав-

¹ История Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1995. С. 291.

ления, они не только решили многие проблемы развития каждого народа, но и дали возможность каждому из них осознать себя как народ, а не «нацменьшинство». И это было одним из величайших завоеваний той политики.

Морально-психологический климат, который был создан к началу XX в. в нашем обществе, как никто понял великий философ Н. С. Булгаков. Он писал: «Признавать самих себя в национальном смысле мы можем не заглядыванием себе за пазуху или рассматриванием себя в лупу, но изучением национального творчества... Вот почему в эпохи возбужденного национального самосознания открываются глаза и на национальную феноменологию, изучается родной язык, лирика, эпос, искусство, обычай и т. д., и все то, что не замечалось или не различалось дремлющим национальным самосознанием, оживает, становится красочным и колоритным. Самый поворот внимания в эту сторону, его изоппрение, пробуждение любви к родному есть уже заслуга перед национальным самосознанием, ибо на этом оно воспитывается. Инстинкт переходит в сознание, а сознание становится самосознанием»¹.

Именно в начале XX в. благодаря проводимой политике по национальному вопросу, особенно по культурному строительству, каждый народ «открыл глаза» и на свою национальную феноменологию и получил возможность изучить родной язык, эпос и все остальное. И с этим позитивным явлением нельзя не считаться. В 20–30-е гг. не только открываются учебные заведения и учреждения, но каждый народ, в том числе адыги и балкарцы, получает реальные возможности организации различных профессиональных творческих союзов, коллективов всех направлений культуры. XX в. в истории культуры многих, в прошлом бесписьменных народов, не исключая адыгов и балкарцев, характеризуется своего рода периодом распада синкретического сознания и образования целой системы форм общественного сознания, которая сложилась через профессиональную, «высокую» культуру. Однако несмотря на огромные усилия большевистской партии в создании профессиональной культуры народов, именно в этой сфере были заложены основы неравноправного развития народов, обнаружившиеся впоследствии.

Большевики умело использовали эту самую тонкую

---

¹ Булгаков Н. С. Героизм и подвижничество. М., 1992. С. 183, 184.

сферу человеческой деятельности для обоснования своей политики в национальном вопросе и установления своего режима. Дело в том, что Ленин и его единомышленники хорошо понимали, что без разъединения народов, без противопоставления различных слоев населения одной и той же нации, невозможно одержать победу в борьбе за власть. По этой причине они и создали миф о наличии «двух культур» у каждого народа – «культуры буржуазной» и «культуры трудящихся». В конечном итоге, большевики выступили против национальной культуры, против ее развития во имя «полного слияния рабочих всех национальностей и осуществления всемирной революции». Практика наглядно показала, что дали такое «слияние» и «всемирная революция». Жизнь не раз доказала, что основным создателем и носителем культуры каждого народа, на каком бы уровне он ни находился, является состоятельная, образованная часть населения. Поэтому, объявив настоящую войну «буржуазной культуре» каждого народа, большевики объявили беспощадную войну и ее носителям, т. е. самой образованной, дееспособной части населения каждого народа¹.

«Лозунг национальной культуры, – писал Ленин еще в 1913 г., – есть буржуазный (а частью и черносотенно-клерикальный) обман. Наш лозунг есть интернациональная культура демократизма и всемирного рабочего движения». Далее он писал, что, кто хочет служить пролетариату, тот должен объединить рабочих всех наций, борясь неуклонно с буржуазным национализмом и «своим», и чужим. Кто защищает лозунг национальной культуры, тому место среди националистических мечпан, а не среди марксистов². Но следует здесь заметить, что культура – это прежде всего язык, традиции и обычаи народа, которые сопутствуют каждому этносу. Все слои каждого народа, независимо от их социального, политического и материального статуса, всегда оставались носителями своего родного языка, национальных обычаев и традиций.

Марксисты не хотели замечать, что именно в указанных вопросах все слои любого народа едины и выступают за сохранение и развитие своей национальной культуры. Национальность каждого народа проявляется именно в культурном творчестве. Культура и образованность

¹ Унежев К. Х. Феномен адыгской (черкесской) культуры. Нальчик, 1997. С. 208–210.

² Ленин В. И. ПСС. Т. 24. С. 120–122.

не одно и то же, ибо культурное творчество первично по отношению к образованию. И поэтому не случайно большевики выступили против национальной культуры и ее автономии. Выступив против всякой национальной культуры, большевики пропагандировали космополитизм. В конечном итоге это привело к утрате каждым народом своего «национального лица», своей неповторимости в образе жизни и образе мышления. Более того, большевики не просто объявили войну национальной культуре каждого народа и ее носителям: практика строительства «светлого будущего» показала, что фактически носители этой культуры были уничтожены или изгнаны со своей родины. Не случайно в современных условиях все народы бывшего Советского Союза ринулись на возрождение своей национальной культуры, традиций и обычаев, которые всегда служили для каждого из них одним из важнейших механизмов воспитания подрастающего поколения и регулирования поведения граждан и их взаимоотношений.

В этом отношении национальные проблемы всегда стояли остро у народов Кавказа, где культ предков, их традиций и обычаев всегда занимал особое место. Именно горцы Северного Кавказа больше всего пострадали от так называемой культурной революции большевистского государства. Дело в том, что у многих из них была своя высокая традиционная культура, которая уходила корнями в глубь тысячелетий, и регулировала всю их общественно-политическую, социальную жизнь. Но к началу XX в. горские народы не успели создать свою профессиональную культуру, сформировать национальную интеллигенцию, хотя и имели первых просветителей. Поэтому произошел разрыв преемственности. Что касается других, более многочисленных народов, у которых была уже своя профессиональная культура с огромной армией национальной интеллигенции, то они в меньшей степени ощутили большевистскую политику, «культурную революцию». Хотя большевики изгнали цвет национальной интеллигенции этих народов, все равно какая-то ее часть и определенная материально-техническая база оставались у них. Этого всего не было у народов Северного Кавказа.

Да, советский режим создал повсеместно широкую сеть культурно-просветительских, научных учреждений, учебных заведений и т. д. Но фактически это все было начато на пустом месте, без достаточного учета наличия

высокой традиционной культуры, которая была объявлена «националистической». Поэтому в плане ассимиляции горцев Северного Кавказа большевики достигли грандиозных успехов. За примерами нет необходимости далеко ходить.

Ни для кого не секрет, что одной из важнейших составных частей национальной культуры любого народа является его родной язык. Язык — это отражение духовного состояния народа. Общеизвестно, что каждый ребенок, когда он появляется на свет, с молоком матери впитывает родной язык. Становление ребенка как личности, личности полноценной, познание им окружающего его необъятного мира должно проходить через усвоение родного языка и с помощью его. Это аксиома. Но это особый разговор, который требует к себе внимания исследователей на примере отдельных народов. Не случайно гениальные люди всех времен и народов так много внимания уделяли этому вопросу. Недаром великий певец Кавказа Расул Гамзатов сказал:

И если завтра мой язык исчезнет,
То я готов сегодня умереть¹.

Дело в том, что большевики до захвата ими власти заложили основы неравноправного положения языков в нашем государстве. Правда, они на словах неустанно повторяли о равноправии наций и народностей, в том числе и по проблемам языка.

В этой связи для читателя будет небезынтересным вспомнить положение из решений II съезда РСДРП по данному вопросу. Так, в восьмом пункте Программы большевиков, принятой на этом съезде, говорится следующее: «Право населения получать образование на родном языке, обеспечиваемое созданием за счет государства и органов самоуправления необходимых для этого школ; право каждого гражданина объясняться на родном языке на собраниях; введение родного языка наравне с государственными (выделено нами. — К. У.) во всех местных общественных и государственных учреждениях»². Речь идет о том, что большевики еще с первых дней своего существования разделили языки народов одного и того же государства на «государственные» и «негосударственные», т. е. на официальные и неофици-

¹ Гамзатов Р. Мой Дагестан. Махачкала, 1974. С. 59.

² Второй съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959. С. 421.

альные. Естественно, тот язык, который получает статус государственного, имеет больше прав и возможностей в своем функционировании. Поэтому не случайно, спустя 8 десятилетий, все народы бывшего Советского Союза приняли заново закон о своих языках и объявили их у себя в республиках государственными. Что касается Северного Кавказа в этом архиважном вопросе, то и здесь мы «опередили» всех. Кабардино-Балкария, т. е. ее чиновники, даже были инициаторами и вдохновителями проведения подобной политики. Они доказали «ненужность» родных языков и отказались от их преподавания в школах республики. Так, шаг за шагом, с помощью «своих» же чиновников мы почти уничтожили свою древнюю традиционную культуру, свой родной язык. Начиная с 60-х гг. до недавнего времени в школах Северного Кавказа родные языки либо не преподавались вовсе, либо на их изучение отводилось меньше часов, чем на иностранные языки. Поэтому мало кто из среднего и младшего поколений горцев умеет читать и писать на родном языке грамотно. Следует здесь отметить, что и в современных условиях, когда под давлением общественности властные структуры повернулись лицом и к этой проблеме, многие руководители учебных заведений не создают необходимых условий для изучения родных языков. Некоторые чиновники даже создают осознанно или по непониманию такие условия для молодежи, чтобы она не изучала свой родной язык. Все эти «недоработки» вызывают у определенной части коренных народов недоверие к федеральным и местным органам власти.

В. И. Ленин никогда не был до конца последовательным демократом ни в одном вопросе по проблеме национальных отношений. В частности, он утверждал: «Борьба против всякого национального гнета, — безусловно, да. Борьба за всякое национальное развитие, за «национальную культуру» вообще, — безусловно, нет...» Он далее говорил, что пролетариат же не только не берет-ся отстаивать национальное развитие каждой нации, а напротив, предостерегает массы от таких иллюзий, отстаивает самую полную свободу от капиталистического оборота, приветствует всякую ассимиляцию наций, за исключением насильственной или опирающейся на привилегии¹. Но дело в том, что если происходит ассимиля-

---

¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 24. С. 132, 133.

ция того или другого народа, то уже не имеет значения «насильственная» она или «ненасильственная».

В культурном строительстве отразились и остальные негативные явления, которые имели место в других сферах жизни общества. Помимо физического уничтожения многих деятелей культуры, науки и духовенства, были разрушены памятники материальной культуры под видом борьбы против религии. Но самое страшное то, что в годы культурного строительства происходит унификация методов мышления: живое, многоцветное, многомерное, оно в эту пору сводится к абстрактному единству.

Утверждается единая норма поведения не только в образе жизни, но и в образе мышления. Нарождающаяся молодая литература, музыка, искусство и вся остальная профессиональная культура должна была быть единой, вернее, единственной — социалистической по своему содержанию. Всякая альтернатива в культуре, как и в экономике, и политике исключалась. Тем не менее при всей противоречивости и значительных недостатках в культурном строительстве одним из главных его достижений является то, что за годы большевистского режима была создана огромная армия национальной интеллигенции. Значительных успехов достигли и адыги, и балкарцы. Молодые писатели, поэты и драматурги превратили литературу из «словесной науки» в «красное искусство». По меткому выражению Г. Д. Гачева, не только создается «высокая культура», но и происходит разделение труда внутри духовной интеллигенции, где имели место нарушения принципа социальной справедливости.

Именно в 20–30-е гг. закладывались основы наследственности советской бюрократии, т. е. дети бывших революционеров имели приоритет в образовании. Как раз в этот период стали учиться в школах и вузах дети обеспеченных семей, а таковыми были новые бюрократы, вчерашние «революционеры». В частности, в 1938 г. 42,3 % студентов вузов составляли выходцы из интеллигенции.

При гарантированном бывшей конституцией СССР праве на бесплатное образование, включая высшее, реализовать его удавалось не всем. Дети из бедных семей вынуждены были как можно раньше начинать трудиться, ибо родители не могли их прокормить. Поэтому число учащихся сокращается при переходе к более высокой

ступени образования. Только половина детей продолжает учиться после четырех классов, один из десяти идет в восьмой класс и менее 5 % получают высшее образование. Заметим, что тогда в Англии было обязательное десятиклассное образование. Даже до установления платы в вузах и средних учебных заведениях многие студенты вынуждены были оставлять учебу по материальным соображениям.

Указом Совнаркома от 20 октября 1940 г. (кстати, противоречащим Конституции, по которой изменения в ней должны были производиться только по решению бывшего Верховного Совета СССР) была введена плата за обучение в 8–10 классах средней школы в размере 150–200 рублей в год, а для студентов вузов – 300–500 рублей в год. Если учесть, что средняя зарплата составляла тогда 335 рублей в месяц, а фактический заработок многих рабочих – не более 150 рублей, становится ясно, что это была существенная преграда на пути к образованию, но для детей бюрократии эта преграда была преодолима.

Самое удивительное то, что введение платы за обучение объяснялось растущим благосостоянием народа. В первые же годы после введения этого указа 20 % учащихся средних школ РСФСР бросили учебу¹. Это в основном были дети рабочих и крестьян. Так советская бюрократия пробивала себе дорогу не без помощи различных антидемократических законов и указов самого государства. Шаг за шагом в среде кадров интеллигенции утверждалась некомпетентность, особенно среди руководящих работников. Рост некомпетентности и безответственности бюрократии связан также и с системой подготовки кадров специалистов народного хозяйства через высшие и средние специальные учебные заведения. Учебные заведения тоже строят свою работу с учетом этой некомпетентности бюрократии и характера ее работы. Они готовят в основном специалистов среднего качества и широкого профиля, т. е. и здесь «валовое производство», а не качество.

Но вернемся к современному периоду. Достойны внимания читателя результаты социологических исследований, проведенных нами по вопросам состояния учебно-воспитательной работы в вузах и средних специальных заведениях республики. Здесь следует отметить, что респондентами были, главным образом, студенты Кабарди-

¹ ЭКО. 1989. № 9. С. 128–132.

но-Балкарского госуниверситета и Кабардино-Балкарской сельскохозяйственной академии. Вот некоторые оценки работы учебных заведений самими же студентами: на вопрос «Как вы оцениваете формы и методы проведения семинарских и практических занятий в вашем вузе?» — ответы были не очень утешительными. В частности, формы и методы проведения занятий, где студент должен не только закреплять полученные знания, но и учиться мыслить, удовлетворяли только 29,2 % респондентов, зато 54,2 % опрошенных отметили, что формы и методы их совершенно не устраивают. А когда мы попросили респондентов отметить наиболее характерные недостатки, которые имеются, на их взгляд, в работе учебного заведения, то 46 % опрошенных отметили, что преподавание предметов мало увязывается с будущей работой, т. е. это говорит о том, что учебные заведения работают в отрыве от реальной жизни и потребностей производства. Следует также отметить, что 10,6 % респондентов показали, что в учебных заведениях преподается много лишних дисциплин; 15,9 % опрошенных отметили, что их скупо знакомят с новейшими достижениями науки и техники. 13,3 % из общего числа респондентов указали, что их недостаточно приобщали к научной работе.

Эти недостатки являются, на наш взгляд, наиболее характерными для большинства учебных заведений нашей страны, где готовят кадры для всех отраслей народного хозяйства. Результаты социологических исследований, хотя они и небесспорны и не являются последним словом в оценке деятельности наших вузов и техникумов, показывают, что мы мало внимания уделяем качеству подготовки специалистов и работа учебных заведений далеко не отвечает требованиям сегодняшнего времени. Не потому ли наши специалисты, выезжающие за рубеж, переаттестовываются, прежде чем получить допуск к работе?

Таким образом, основы некомпетентности бюрократии закладываются в учебных заведениях, где она готовится. А на основной работе после окончания учебного заведения она (бюрократия) фактически заново приобретает профессию, быстро приспосабливается ко всем тонкостям непроизводительной работы, безответственности, трудясь на себя. Особенно тяжелые последствия может иметь господство бюрократии в сфере науки и культуры, где работа — это творчество, а любая творческая работа —

это сугубо индивидуальная деятельность. Здесь, как нигде, нужна полная свобода деятельности и мышления. Именно при абсолютной свободе творчества можно выдвигать новые идеи, создавать новые духовные ценности, без которых невозможен прогресс общества.

Сверхотрицательно влияет на экономику бюрократия, тормозящая внедрение в производство научных открытий. В этом плане небезынтересными будут для читателя некоторые примеры преступной медлительности нашей бюрократии в использовании достижений науки и техники в производстве.

В недавнем прошлом наша страна по фундаментальным научным разработкам на 10–15 лет обгоняла такую высокоразвитую страну, как Япония. А Япония зато намного быстрее вводила в производство достижения науки и техники, в том числе и наши. Если у нас от разработки до внедрения самый короткий срок был 18 месяцев, то в Японии самый длительный срок – 3 месяца¹. Мы здесь не учитываем того, что многие крупные открытия наших ученых десятилетиями не внедрялись в производство.

Или такой пример: еще в 60-е гг. наши ученые разработали метод непрерывной разливки стали. Этот метод впервые применен в Донецке, но до сих пор не получил у нас нужного распространения. Хотя, по оценке авторитетных специалистов, «это – крупнейшее в послевоенный период нововведение в металлургической промышленности». Однако с горечью надо констатировать тот факт, что преимущество новой технологии используем не мы. Япония получает таким путем 92,7 % выплавляемой стали, ФРГ – 84,6 %, Южная Корея – 71,1 %, США – больше половины. А наша страна, автор этой технологии, – лишь около 14 %. Известный японский специалист Тадао Моримото подсчитал, что только при производстве горячего проката бывший СССР терял свыше 30 % выплавляемой стали. Энергия, по существу выбрасываемая на ветер нашей черной металлургией, превышала ее выработку всеми атомными электростанциями страны.

На производство одной тонны стали наша страна тратила на 62 % больше энергии, чем Япония. Потери в отрасли колоссальные, их общий объем составляет в тоннах такую же сумму, какую составляло производство ста-

¹ Международная жизнь. 1988. № 4. С. 15.

ли за год в Китае, несмотря на то, что бывшему СССР принадлежит приоритет в разработке прогрессивного метода непрерывной разливки стали и сегодня вся мировая металлургия оперирует этим методом. Основной объем нашей стали плавится в мартенах, т. е. с использованием самого экологически вредного метода, от которого цивилизованные страны стремятся отказаться вообще (в Японии мартенов нет уже давно)¹.

Пагубное влияние бюрократии на науку и культуру заключается и в том, что она контролирует их кадровый состав. Она выдвигает на руководящие должности всех важнейших сфер человеческой деятельности угодников, дилетантов. При монополии партии в подборе и расстановке кадров чаще всего во главе научных, учебных и культурных учреждений оказывались они и, в свою очередь, подбирали себе подобных, создавали свои «ударные бригады» и постепенно изгоняли из этих коллективов таланты, преданные своему делу. Свобода творчества в науке и культуре особенно ограничивается в национальных республиках, ибо, как нигде, здесь действуют свои особые кланы. Научные, культурные учреждения превращены практически в вотчины местных «князей», а своих сотрудников они воспринимают, как своих «крепостных крестьян». При такой расстановке сил трудно проявить свободомыслие. Бюрократия сделала науку и культуру в нашей стране исполнителями своих социальных заказов. Они стали настолько политизированными, что из науки (особенно в этом преуспели общественные науки) полностью была исключена альтернатива. В раскрытии тех или иных процессов и прогнозировании дальнейшего развития общество обеспечивалось «генеральной линией строительства светлого будущего».

Таким образом, казарменный социализм вместо капиталистов и помещиков — официальных владельцев собственности, вместо царя, монарха и т. д. — создал новых фараонов, кстати, со своими мавзолеями вождей не только нашей страны, но и даже мирового пролетариата, неофициальных обладателей не только материальной собственности общества, но и его интеллектуального богатства. Большевицкий режим исключил полностью не только свободу творчества, но и физически уничтожил множество талантливых представителей интеллигенции,

¹ Правда. 1989. 6 июня; Известия. 1990. 13 мая.

а многих оставшихся в живых превратил в своих слуг, рабов. А большинство интеллигенции не могло отказаться от буржуазно-демократических форм разрешения общественных противоречий и не хотело идти дальше: в массовый террор, гражданскую войну, немедленный социализм и мировую революцию. Другая, менее образованная и меньшая часть считала такой путь неизбежным и потому решительно ринулась в Октябрь. Следует здесь отметить, что многие из среды интеллигенции, поверившие в правоту сторонников «красногвардейской атаки на капитал» постепенно отошли от них и покинули свою Родину, а те, кто не успел эмигрировать и пытался рассуждать самостоятельно, оказался в числе «врагов народа» и закончил свою жизнь в концлагерях.

Пока еще нет точных данных, сколько человек, представителей интеллигенции, покинуло нашу страну начиная с 1917 г. по настоящее время, но, во всяком случае, этот великий бег продолжается по сей день. За период Гражданской войны за границей оказалось более 500 крупных ученых, возглавлявших кафедры и целые научные направления. К ним относятся такие крупные ученые, как С. Н. Виноградский, В. К. Агафов, К. Н. Давыдов, Б. П. Уваров, П. А. Сорокин и др. В одном только Париже Общество русских инженеров насчитывало три тысячи человек, Общество химиков – более 200 членов¹.

Практика партийного строительства, которая осуществлялась по принципу «Чем больше членов партии – тем лучше», и ее антидемократическое руководство обществом, в том числе и культурой, нанесли огромный ущерб интеллектуальному потенциалу нашего государства. С 30-х гг. шел процесс значительного роста партии, с одной стороны, и постепенный спад интеллектуального и нравственного уровня членов партии в целом, партийных руководителей всех звеньев. Например, если в год смерти Ленина в ней было 500 тыс. коммунистов, то к 1934 г. партия выросла более чем в пять раз (2,7 млн чел.). Такое массовое пополнение ее рядов в стране, где большинство населения было неграмотным, не могло не привести к снижению интеллектуального уровня партии.

Катастрофические последствия имела также внутрипартийная борьба и репрессии 30–40-х – начала 50-х гг. Их жертвами стали почти все лучшие члены партии, ко-

---

¹ Перестройка, гласность, демократия, социализм, СССР: демографический диагноз. М.: Прогресс, 1990. С. 201, 202.

торые смело и открыто критиковали недостатки, имеющиеся не только в деятельности партии, но и в целом государства. Из политической жизни нашей страны были исключены не только плюрализм, критика и самокритика, но и носители этих демократических принципов нашего общества. Была истреблена не только та часть членов партии, которая мыслила самостоятельно, но и уничтожены условия проявления всякой демократии, всякого свободолобия. В результате этой инквизиции по-советски партия оказалась без оппонентов, утвердилась одна правда, одна идеология, одно мнение, одна политика. Все это вместе взятое: тотальный рост партийных рядов, репрессии, догматизация и еще большая централизация внутрипартийной жизни и фактическое лишение партийной массы права на теоретическое творчество — привело к падению интеллектуального и нравственного уровня партии в сравнении с соответствующими качественными характеристиками общества в целом.

Кстати, об этом предупреждал в 1941 г. В. И. Вернадский, т. е. в час, когда вражеская армия приблизилась к Москве, он писал, что «...крупные неудачи нашей власти — результат ослабления ее культурности. Средний уровень коммунистов — и моральный, и интеллектуальный — ниже среднего уровня беспартийных, он сильно понизился в последние годы — в тюрьмах, ссылке, казнены лучшие люди партии, делавшие революцию...» Действительно, на фоне отчуждения народа от собственности и управления происходил процесс разделения партии на пассивную массу и руководящую элиту, в руках которой была сосредоточена вся полнота власти.

Партия сдала свои интеллектуальные позиции, выпустила из своих рук интеллектуальную инициативу. Более того, в партийную среду все больше начали проникать малоподготовленные люди. Они же начали «делать погоду» в партии. Усилились антиинтеллектуальные настроения в ней, начали развиваться тенденции пренебрежительного отношения к людям гуманитарных профессий. На фоне такой антигуманной политики бурно начала развиваться в партии и обществе технократическая иллюзия. На деле это означало исключение из партийной политики, в том числе и в экономической сфере, человеческого фактора. Гуманистические, духовные ценности общества уходят на задний план; мы забыли, что не хлебом единым жив человек.

Вся партийная работа переносится из области идеологии и политики в область хозяйственной деятельности, в сферу повседневных, хозяйственных забот. В этот период, на волне оздоровления общей обстановки в партии и стране, усиления внимания к вопросам развития экономики, социальной сферы прозвучали также призывы к большей деловитости и конкретности в партийной работе. Безусловно, это была позитивная линия. Однако в части подбора партийных кадров она привнесла форму односторонней ориентации на выдвижение в партийные органы всех звеньев по принципу производственной грамотности работника. Как говорилось, например, в решении сентябрьского (1953) Пленума ЦК КПСС, партийный руководитель, который не знает механизма и агротехники возделывания картофеля и овощей, не представляет себе существа квадратно-гнездового способа посадки, других агротехнических мероприятий, окажется не в состоянии возглавить борьбу за подъем овощеводства.

Такой хозяйственно-технологический подход к подбору и расстановке партийных кадров был закреплён на XX съезде КПСС. Выступивший с отчетным докладом Н. С. Хрущев в очередной раз и с новой силой подчеркнул линию ЦК, обязывающую партийные кадры, всех коммунистов совершить поворот к вопросам конкретного руководства хозяйственным строительством. Этим самым партия фактически отказалась от своих специфических функций — идеологической, политико-воспитательной работы, и приоритет отдала хозяйственной деятельности, подменяя во всем хозяйственные и советские органы.

Принципиально важное для партии требование о повышении компетентности, деловитости в руководстве экономической политикой, будучи переведенным на уровень текущих дел, быстро вылилось в формальный акт «укрепления» партийных комитетов преимущественно специалистами промышленности и сельского хозяйства. Одновременно вытесняются из партийных комитетов работники с гуманитарным образованием. С неослабевающей энергией проводилась такая кадровая политика и после октябрьского (1964) Пленума ЦК КПСС.

XX съезд КПСС постановил, что партийные организации должны совершить крутой поворот к вопросам конкретного руководства хозяйственным строительством, усилить изучение техники и экономики промышленных

предприятия, колхозов, МТС и совхозов, чтобы руководить их работой с глубоким знанием дела. Он тоже указал, что для этого необходимо, чтобы на руководящей работе в райкомах партии, в особенности в качестве секретарей и инструкторов по зонам МТС, находились люди, хорошо знающие сельскохозяйственное производство. Съезд также постановил: одновременно провести такую же кадровую политику и в городах с тем, чтобы в горкомах партии секретарями, инструкторами работали люди с инженерно-техническим образованием¹.

Новое руководство, пришедшее к власти в октябре 1964 г., не устранило имевшихся в то время причин, порождавших негативные процессы в партии и обществе. Более того, оно фактически встало на защиту консервативных устоев и порядков, а в ряде случаев стало возрождать старые сталинские методы руководства и управления. Осудив Хрущева за волюнтаризм и субъективизм, они прежде всего позаботились о том, чтобы перечеркнуть его радикальные начинания. Наряду со справедливым осуждением реальных ошибок Хрущева было поставлено под сомнение и то положительное, динамичное, что он, особенно на первых порах, принес с собой. Так, под флагом исправления волюнтаристских проявлений в партийной жизни были отменены нормы обновления руководящих кадров, что явилось одной из причин, породивших злоупотребление властью, моральное перерождение многих руководителей.

Подводя итоги работы в кадровой политике, XXVI съезд КПСС (1981) отметил в позитивном плане, что 75 % общего числа секретарей ЦК компартии бывших союзных республик, крайкомов и обкомов и 60 % секретарей горкомов и райкомов партии являются специалистами инженерно-технического профиля. Конечно, во время этого «инженерного бума» на партийную работу пришли многие специалисты, выросшие с годами в настоящих партийных работников. Это факт положительный. И все-таки в целом этот подход не выдерживает проверки жизнью. Об этом красноречиво говорит анализ состояния экономики и социальной сферы, проведенный в партийных документах тех лет. В девятой, десятой и одиннадцатой пятилетках, т. е. в период, когда в партийных комитетах работало наибольшее число специалистов народного хо-

---

¹ КПСС в резолюциях... М., 1971. Т. 7. С. 112, 113.

зайства, темпы прироста национального дохода уменьшились более чем вдвое.

С начала 70-х гг. регулярно не выполнялись планы по большинству народно-хозяйственных показателей. В этот же период особенно усилилась практика подмены государственных органов партийными. Ослабло идейное влияние партии в обществе. Безусловно, далеко не все из имевшихся неудач можно списать по статье «издержки в кадровой работе». Здесь действовал сложный комплекс объективных и субъективных причин. И тем не менее какая-то связь с составом кадров должна все-таки существовать.

Спору нет, общественный статус специалистов в современном обществе высок, и кадровый корпус партии без них, конечно, был невозможен. И все-таки, не странно ли, что основной контингент политических работников подготавливался у нас в сельскохозяйственных и политехнических институтах? Этим самым партия утратила свое политическое существо. В этой связи январский (1987) Пленум ЦК КПСС правильно признал необходимым пополнить идеологический корпус партии людьми, хорошо знающими экономику, юриспруденцию, философию, социологию, литературу и искусство. Но было уже поздно. Даже после этого многие идеологические отделы обкомов, райкомов возглавлялись агрономами, инженерами. Например, в Кабардино-Балкарии почти все секретари РК и ГК КПСС были — до приостановки их деятельности — с сельскохозяйственным или инженерно-техническим образованием. Даже во многих отделах пропаганды и агитации республиканских партийных комитетов немало было без гуманитарного образования. Среди секретарей горкомов, райкомов партии около 80 % к концу 80-х гг. были специалистами промышленности из сельского хозяйства. Все эти негативные явления, которые имели место в кадровой политике, не могли не сказаться на состоянии экономики и культуры общества в целом. Тем не менее наблюдалось дальнейшее развитие культуры народов Кавказа, в том числе адыгов и балкарцев. Мировую известность получили многие профессиональные коллективы культуры, представители литературы, науки и искусства.

Одним из позитивных моментов в деятельности советского государства за годы его существования является то, что оно решило многие проблемы социально-эко-

номического, политического и духовного развития наций и народностей, в том числе горцев Северного Кавказа. За короткий исторический период на местах была создана развитая экономика, широкая сеть учебных заведений, научных и культурно-просветительских учреждений. За несколько десятков лет с помощью учебных заведений и научных учреждений бывшего Советского Союза была создана национальная интеллигенция в прошлом бесписьменных народов включая адыгов и балкарцев.

Неоценимую помощь в культурном строительстве адыгам и балкарцам, как и остальным горцам Северного Кавказа, оказали русский, грузинский, украинский и другие народы. Для адыгов и балкарцев был открыт широкий доступ в высшие и средние учебные заведения страны. На льготных условиях их принимали в эти учебные заведения. Как правило, квалифицированные кадры из северокавказских народов готовились в самых престижных и ведущих учебных заведениях Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Ростова-на-Дону и других городов. Количество студентов из нашего региона с каждым годом росло. Так, в 1924/25 учебном году в различных городах страны обучались 200 кабардинцев и балкарцев, а в 1925/26 учебном году их число уже достигло 685 человек¹. Нет ни одного специалиста высшей квалификации в северокавказских республиках, которые не обучались бы в ведущих вузах и научных учреждениях страны. Кроме этого, в первые годы советской власти для подготовки кадров народного хозяйства, культуры и образования в крае были открыты совпартшколы, педагогические, медицинские, агрономические, торговые и другие техникумы, а позже и высшие учебные заведения, и научные учреждения.

Например, в Нальчике с 1 октября 1924 г. начал свою работу областной педагогический техникум с контингентом учащихся в 134 человека, в том числе 65 девушек. На базе совпартшколы, педтехникума и школы-интерната был создан учебный городок (впоследствии его переименовали в Ленинский учебный городок). Он стал главной кузницей кадров национальной интеллигенции Кабардино-Балкарии. В учебном городке имелось шесть учебных заведений, в том числе курсы трактористов, педтехникум, сельскохозяйственная школа, совпартшкола,

¹ История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 2. С. 143.

фельдшерско-акушерские курсы, тракторный техникум. На базе Ленинского учебного городка был открыт медицинский техникум, который провел свой первый набор в 1925 г. в количестве 40 человек. Ленинский учебный городок был не только учебной базой, но занимался и научно-исследовательской деятельностью. Именно здесь было создано первое научно-исследовательское учреждение Кабардино-Балкарии.

В первую очередь научной деятельностью на Северном Кавказе занимались приезжие ученые из Москвы, Ростова-на-Дону, Ленинграда и других городов страны. Они исследовали природные богатства края, язык, культуру местного населения. Для этой цели на Северном Кавказе организовывались научные экспедиции по самому широкому кругу проблем истории, этнографии, археологии, геологии и других отраслей знаний. В них принимали активное участие многие представители горских народов, которые, в свою очередь, приобщались к научно-исследовательской деятельности. Результаты этих научных экспедиций печатались в центральных и местных изданиях. Таким образом, эти научные экспедиции русских ученых были огромной школой для многих первых ученых — представителей народов Северного Кавказа. Кроме этих разовых экспедиций, на местах начали функционировать различные научные учреждения, в которых работали, кроме местных, и присланные из центральных научных учреждений и учебных заведений ученые и педагоги. Например, в 1923 г. в Кабардино-Балкарии было создано общество по изучению местного края. Оно исследовало материалы, характеризующие прошлое и настоящее края, а также исследовало его естественные богатства. В нем имелось три секции: естественно-историческая; социально-экономическая; историко-этнографическая.

Впоследствии, в 1926 г., на базе этого общества на территории Ленинского учебного городка был открыт государственный Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт, имевший секторы: естественно-научный, историко-этнографический, социально-экономический, библиографический, а также сектор по популяризации знаний и помощи школам. По поводу его организации в постановлении Центрального Исполнительного Комитета Кабардино-Балкарской автономной области от 6 января 1926 г. говорилось: «В целях привле-

чения научных сил в Кабарду и Балкарию для научного изучения и исследования естественных богатств и производительных сил области, экономики, истории, археологии и этнографии, в целях подготовки научных работников по краеведению, а также распространения разносторонних научно-проверенных сведений среди широких масс населения о Кабарде и Балкарии, считать необходимым организовать в помещении учебного городка Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт»¹.

Аналогичные научные учреждения были открыты в 20–30-е гг. XX столетия и в других регионах Северного Кавказа, например, в Адыгее и Черкесии. Крупным очагом культуры, в том числе научно-исследовательской работы на Северном Кавказе, был г. Ростов-на-Дону. Во второй половине 30-х гг. XX столетия здесь открылся Северо-Кавказский горский научно-исследовательский институт. При нем имелась специальная аспирантура, куда по брони принимались молодые талантливые представители горских народов. «Целевая установка... горской аспирантуры, — говорилось в одном из документов тех лет, — кавказоведение со специальным горским уклоном, по размерам всех научных дисциплин, и охватываются тремя отделами краевого горского научно-исследовательского института». В этом же документе говорилось, что к горцам нельзя еще применять в полной мере те строгие требования, какие установлены при приеме в аспирантуру. С разрешения Главнауки приемные требования для горцев, поступавших в аспирантуру, были несколько снижены, более того, для аспирантов, не прошедших полного вузовского курса, был установлен 4-летний срок обучения.

Еще один яркий пример братской помощи русского народа и государства горцам Северного Кавказа в изучении природных ресурсов края и подготовки кадров народного хозяйства. В конце 1925 г. в Москве было открыто Московское научное общество горцев Северного Кавказа, устав и план работы которого были утверждены Наркомпросом РСФСР. Общество ставило перед собой задачу: изучить особенности развития общественных формаций горских народов, историю их экономики, быта, историю колонизации, аграрных отношений, вовлечения

¹ Герандоков М. Х. Культурное строительство в Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1975. С. 108–112.

горцев в национально-освободительное и революционное движение, в современную экономику и советское строительство¹.

В 1927 г. была создана Мало-Кабардинская опытно-оросительная станция (МКООС). В начале методическое руководство этой станцией осуществлялось Северо-Кавказской опытно-материальной станцией (СКОМС), расположенной в Новочеркасске. В 1932 г. МКООС была выделена в самостоятельное научно-исследовательское учреждение Кабардино-Балкарии. Тематика изучаемых научных проблем этого учреждения была самой разнообразной: вопросы орошаемого земледелия, производства различных сортов овощей, картофеля, конопли, риса, различных кормовых культур, винограда. Огромную помощь в создании этой станции оказали ведущие ученые страны, среди них член-корреспондент ВАСХИЛ профессор Б. А. Шумаков, профессор П. С. Простаков, профессор П. И. Добровольский и др. В начале 30-х гг. в Кабардино-Балкарии создается еще одно научно-исследовательское учреждение по метеорологии. Инициаторами его создания были опять-таки выдающиеся ученые Советского Союза. Академики С. И. Вавилов и А. Ф. Иоффе, мотивируя свой выбор в 1934 г., писали, что в качестве места, предлагаемого ими для работы, почти без колебаний был выбран Эльбрус.

В СССР нет другой такой горы, где бы столь удачно сочетались огромная высота (5633 м – высшая точка Европы) со сравнительно легкой доступностью. Эльбрус находится вблизи культурных центров (Нальчик и др.). К селению Терскол, у его подножия (высота 2200 м), подходит хорошая дорога. На Эльбрус была организована научная экспедиция, в которой принимали участие 50 сотрудников, командированных пятью научными учреждениями: физическим институтом Академии наук, Всесоюзным институтом экспериментальной медицины, Государственным оптическим институтом и Ленинградским физико-астрономическим институтом. Экспедиция проводила исследования космических лучей, биохимические и физиологические исследования организма человека и животных; изучала солнечную радиацию, распространение радиоволн в горных условиях и другие проблемы.

¹ Национальный вопрос и национальная культура в Северо-Кавказском крае. Ростов н/Д, 1926. С. 44–46.

В 1935 г. в Нальчике была создана Кабардино-Балкарская станция садоводства им. И. В. Мичурина (с 1937 г. — государственная селекционная станция). Станция возникла на базе учебного хозяйства Высшей коммунистической сельскохозяйственной школы. Она имела отделы агротехники, селекции, защиты растений и виноградарства¹.

В 20–30-е гг. на Северном Кавказе значительные успехи были достигнуты в школьном образовании. За этот период были открыты во всех населенных пунктах края десятки начальных, средних общеобразовательных школ. Готовились быстрыми темпами учительские кадры. Количество учеников, обучавшихся в этих школах, с каждым годом увеличивалось. В одной только Кабардино-Балкарии с 1920/21 до 1931/32 учебного года количество школ возросло с 84 до 230, т. е. на 274 %. За этот же период количество учащихся возросло с 4194 до 32 761 человека, или на 781 %².

Таким образом, в 20–30-е гг. XX столетия происходит настоящая революция в культурном строительстве народов нашей страны. Особенно много успехов было достигнуто в школьном образовании и подготовке отрядов национальной интеллигенции. Однако наряду с вышеперечисленными упущениями со стороны государства в этой важной сфере жизни любого общества, каковой являются наука и образование, были и другие недостатки. В частности, это касается литературной письменности многих народов бывшего Советского Союза. Речь идет о том, что в 30-е гг. письменность многих народов, в том числе адыгов и балкарцев, была переведена с латинского на русский алфавит. В Кабардино-Балкарии это произошло в 1936/37 учебном году. На наш взгляд, этот переход отрицательно повлиял на состояние изучения родного языка. Были значительно усложнены алфавиты этих народов. К началу 1921 г. выпускник восточного филиала Петроградского университета Т. А. Шеретлов при участии Н. Ф. Яковлева, А. И. Пшунетова и других составил кабардинский алфавит на латинской графической основе. М. Энеев, И. Абаев и другие разработали балкарский алфавит. Создание алфавита адыгов и балкарцев на арабской графической основе способствовало

¹ Герандоков М. Х. Культурное строительство в Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1975. С. 203–206.

² Ж. «Революция и горец». 1931. № 9. С. 16.

бы усилению влияния мусульманской религии на адыгов и балкарцев. К тому же следует отметить, что латинский алфавит по сравнению с арабским не так громоздок и более легок для усвоения. Выступая на III Пленуме Северо-Кавказского крайкома РКП(б) 21 ноября 1924 г., А. И. Микоян говорил: «Переход на латинскую грамоту разбивает стену между европейской и мусульманской культурой, создает сближение между западом и востоком»¹.

Такой переход значительно бы упростил алфавит. Дело в том, что сейчас, например, в кабардинском алфавите есть такие буквы, которые состоят из 3–4 русских букв. Кроме этого, значительно сократилось бы количество букв адыгского и балкарского алфавитов и многое другое. Латинская основа алфавита значительно способствовала бы культурному сближению и адыгских народов, которые разбросаны по всему миру.

Знаменательным событием в культурном строительстве Северного Кавказа явилось открытие в крае высших учебных заведений. Оно явилось новым качественным периодом в развитии культуры этих народов. По решению правительства РСФСР в 1932 г. был открыт Кабардино-Балкарский государственный педагогический институт. Открытие этого института диктовалось возрастающей потребностью в подготовке учительских кадров в связи с введением обязательного всеобщего начального образования и уже начавшимся развитием семилетнего образования. К тому же ни одно учебное заведение страны не готовило и не могло готовить учителей кабардинского и балкарского языков и литератур, необходимость в которых росла с каждым годом в связи с развитием школьного образования, а также в результате резко возросшего спроса со второй половины 20-х гг. XX столетия на кадры этого профиля ввиду укрепления государственного аппарата и органов управления области, перевода всего делопроизводства на кабардинский и балкарский языки.

До открытия пединститута подготовка национальных педагогических кадров осуществлялась в основном в Горском педагогическом институте, находившемся во Владикавказе. Но с начала 30-х гг. он уже не мог удовлетворять потребности Кабардино-Балкарии в этих специали-

¹ Герандоков М. Х. Культурное строительство в Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1975. С. 94, 95.

стах, и 23 апреля 1932 г. бюро обкома партии обсудило вопрос об организации своего пединститута и его открытие с начала 1932/33 учебного года. Предусматривалось открытие при педвузе отделений кабардинского, балкарского и русского языков. Был создан специальный комитет содействия строительству педагогического института. На его строительство уже в 1932 г. Наркомпрос РСФСР ассигновал 255 000 рублей. Директором пединститута был назначен И. Н. Покровский. Из-за отсутствия подходящего помещения для пединститута его разместили в г. Пятигорске в здании Пятигорской (межрайонной) Совпартшколы. Подготовка к открытию пединститута полностью была завершена к 7 сентября 1932 г. Первый набор студентов состоял из 100 человек. Из них 86 получали государственную стипендию. При институте был открыт рабочий факультет (рабфак) для подготовки молодежи к поступлению в вуз. Началась подготовка научно-педагогических кадров для пединститута. Для этой цели в целевую аспирантуру Горского научно-исследовательского института и других вузов направлялись представители Кабардино-Балкарии. В конечном итоге открытие Кабардино-Балкарского педагогического института состоялось 15 сентября 1932 г. Он имел три факультета: биологический, физико-математический и литературный; на которых обучались 100 студентов. В качестве преподавателей работали в 1933 г. 13 человек, в том числе два профессора и два доцента.

Потребности вновь открывающихся школ в педагогических кадрах разных направлений обусловили открытие новых отделений. При пединституте в 1934 г. был открыт учительский институт с двухгодичным сроком обучения. Два его отделения (математическое и историческое) готовили учителей для преподавания в 5-7 классах. Немного позже при учительском институте открылись еще два отделения: естественно-географическое, языка и литературы. В том же году (1934) открылось заочное отделение. В 1934/35 учебном году открыт отдельный исторический факультет. Началась также подготовка преподавателей-физиков. В 1936 г. состоялся первый выпуск пединститута. Школы Кабардино-Балкарии получили 80 учителей биологии, русского, кабардинского и балкарского языков и литературы. Первая группа математиков была выпущена в 1937 г. Весной этого же года в районе Затишья г. Нальчика (на нынешней тер-

ритории главного корпуса КБГУ) было закончено строительство учебного корпуса, студенческого общежития и жилого дома для научно-педагогических кадров пединститута. Пединститут был переведен в г. Нальчик и 1937/38 учебный год начал в новом здании. В становлении первого вуза Кабардино-Балкарии огромную помощь оказали ведущие учебные заведения и научные учреждения – оборудованием, педагогическими кадрами, литературой и т. д.

В культурной жизни народов Северного Кавказа в 50-е гг. XX столетия произошли значительные события. Одним из них в Кабардино-Балкарии в эти годы было открытие в 1957 г. Кабардино-Балкарского государственного университета. Кстати, это был первый университет на Северном Кавказе. Совет Министров СССР 5 апреля 1957 г. принял постановление об открытии Кабардино-Балкарского университета на базе института. В свою очередь, Совет Министров РСФСР принял соответствующее постановление от 24 мая 1957 г. и передал вновь созданному университету учебное здание, общежитие и все оборудование Нальчикского сельскохозяйственного техникума. В соответствии с приказом Министра высшего и среднего специального образования СССР В. П. Елютина 1 сентября 1957 г. Кабардино-Балкарский государственный университет начал свою работу в составе 4 факультетов: историко-филологического, физико-математического, инженерно-строительного и сельскохозяйственного, и 21 кафедры.

В 1957/58 учебном году в КБГУ обучались уже 3100 студентов, в том числе 1666 студентов по дневной форме обучения. Студенческая семья составила из представителей почти 20 национальностей, в т. ч. 817 русских, 617 кабардинцев и 87 балкарцев¹. Огромную работу провел при открытии КБГУ его первый ректор, впоследствии доктор исторических наук, профессор Х. М. Бербеков, чье имя по достоинству носит сейчас этот университет.

Хатута Мutowич Бербеков был не только талантливым ученым и педагогом, но обладал также большими организаторскими способностями. Благодаря его настойчивости и стараниям был открыт первый государственный университет в Северо-Кавказских автономиях. Это

¹ КБГУ – 50. Нальчик, 1982. С. 8–13, 52–54.

был исключительно справедливый и требовательный руководитель, вместе с тем доброжелательный человек. Был большим другом студенческой молодежи. Многим талантливым молодым людям, которые впоследствии сыграли огромную роль в становлении науки Кабардино-Балкарии и самого университета, он дал дорогу в большую науку. Сейчас, несмотря на их социальную незащищенность, многие из них составляют золотой фонд культуры Кабардино-Балкарии. Кабардино-Балкарский госуниверситет (ректор Б. С. Карамурзов) в последние годы стал научно-интеллектуальным центром республики. Здесь сосредоточена основная часть ее научно-педагогической интеллигенции и учащейся молодежи. В КБГУ на 1 сентября 2001 г. обучалось более 12 тыс. студентов, в том числе на дневном отделении – 8084 человека и на ОЗО – 4217 человек. К этому же периоду количество профессорско-преподавательского состава доходило до 1000 человек, в том числе докторов наук, профессоров – более 150, кандидатов наук, доцентов – более 500 человек. В университете имелось 94 кафедры и 16 факультетов.

В КБГУ созданы различные научные школы, которые получили большую известность среди научной общественности РФ и за ее пределами. Ученые КБГУ не только занимаются педагогической деятельностью, но и проводят большую научную работу; их труды получили высокую оценку специалистов. К ним относятся доктор наук, профессора А. А. Шебзухов, (он же проректор КБГУ), Х. Б. Хоконов, М. Х. Хоконов (декан физического факультета), М. М. Ошхунов, М. Х. Шхануков, А. М. Кармоков, М. Т. Шаов и другие. За последние годы значительных успехов добились ученые-химики и биологи, – плодотворно трудятся на химическом и биологическом факультетах такие талантливые ученые, доктора наук, профессора, как М. К. Керефова, Л. Х. Слонов, С. Х. Шхагапсоев (декан биологического факультета), Р. И. Дзуев, Х. А. Кетенчиев и другие. На химическом факультете работают такие известные педагоги и ученые, как Б. К. Шурдумов, А. М. Хараев (декан химического факультета), Н. И. Машуков, Х. В. Кушхов, Л. А. Аликаева, А. Х. Шаов, Ж. А. Кочкаров, Ю. А. Малкандуев, Т. И. Оранова и др. За последние годы значительно увеличилось число историков – докторов наук, которые разрабатывают самые актуальные проблемы истории и культуры народов Кабардино-Балкарии. Наряду

с учеными старшего поколения в социально-гуманитарном институте работают молодые, перспективные педагоги и ученые: А. И. Мусукаев, К. Ф. Дзамихов, Р. Дж. Ветрозов, М. З. Саблиров. Их имена известны далеко за пределами Северного Кавказа и Российской Федерации.

Филологическая наука КБГУ представлена большим отрядом высококвалифицированных научно-педагогических кадров. К ним относятся такие доктора наук, профессора, как А. Х. Хакуашев, Дж. Н. Коков, З. Х. Толгуров, Т. Е. Эфендиева, А. Х. Мусукаева, М. М. Текуев, Х. Т. Таов, С. К. Башиева (проректор КБГУ), Р. С. Аликаев (директор института филологии) и др. В университете большую научно-педагогическую работу ведут высококвалифицированные ученые-философы – представители адыгов и балкарцев. К ним относятся доктора философских наук, профессора С. И. Эфендиев, В. З. Гетигежев, В. А. Шевлоков, Р. Х. Кочесоков, Х. Г. Тхагопсоев.

Таким образом, Кабардино-Балкарский госуниверситет за последние годы стал одним из ведущих научных и образовательных учреждений Кабардино-Балкарии. Несмотря на значительное ослабление внимания государства к науке и образованию, коллектив университета продолжает готовить кадры народного хозяйства, культуры и образования. Ученые КБГУ разрабатывают самые актуальные проблемы почти по всем отраслям знаний. Имена многих из них известны широкой научной общественности страны и за ее пределами. Однако, если сравнить масштабы задач, стоящих перед обществом, требования к современным специалистам в условиях рыночной экономики и становления правового общества с современным состоянием учебно-воспитательного процесса, то следует признать, что в системе образования и науки много нерешенных проблем.

Как в целом по стране, не всегда учитываются требования условий научно-технического прогресса, формирования совершенно новых общественных отношений. В вузе, если открывались новые отделения и факультеты, то с опозданием на десятилетия и без наличия соответствующей материально-технической, учебно-методической базы и квалифицированных научно-педагогических кадров.

Следующим серьезным недостатком в деятельности

университета является то, что он готовит специалистов по многим специальностям без учета потребностей республики в таких кадрах. В качестве примера можно привести юридический, экономический и другие факультеты. По этим специальностям наблюдается перепроизводство кадров. В частности, юридический факультет выпускает ежегодно около трехсот специалистов, а правоохранительные органы республики не нуждаются в кадрах этого профиля в таком количестве. Мы здесь не учитываем, что и многие другие учебные заведения региона готовят юристов.

Серьезные проблемы имеются в работе вуза по условиям приема абитуриентов – с введением системы школьного тестирования при поступлении в КБГУ. На наш взгляд, тестирование полностью исключает творчество абитуриентов. При тестировании абитуриентов также отсутствует прозрачность при выявлении их знаний.

Не лучшим образом повлияли на подготовку кадров и организационные мероприятия, проводившиеся за последние годы в работе высших и средних специальных учебных заведений, т. е. создание «империи образования» в республике, где техникумы и колледжи подчинены университету. Тем не менее за последние годы КБГУ достиг значительных успехов в деле подготовки кадров интеллигенции и НИР. КБГУ подключен к системе Интернет, имеются различные современные лаборатории, оснащенные вычислительной и иной техникой.

Однако в вопросах подготовки и воспитания кадров интеллигенции для народного хозяйства, культуры и образования имеется немало нерешенных проблем. Правда, они носят общегосударственный масштаб. Одной из причин такого плачевного положения в сфере образования и науки является то, что за последние годы упал их престиж, государство значительно ослабило внимание к этим важнейшим сферам жизни. К величайшему сожалению, следует констатировать тот факт, что и в настоящее время многие проблемы развития культуры, образования не нашли своего разрешения.

В подготовке и воспитании высококвалифицированных кадров сельского хозяйства, других важнейших отраслей экономики, транспорта, бизнеса и в научно-исследовательской работе значительных успехов достиг коллектив Кабардино-Балкарской государственной сельскохозяйственной академии (КБГСХА). Она была создана в

1981 г. на базе двух факультетов Кабардино-Балкарского государственного университета. В Постановлении Совета Министров СССР от 25 июня 1981 г. говорилось: «Совет Министров СССР постановляет: Принять предложение Министерства сельского хозяйства СССР, Госплана СССР, Министерства высшего и среднего специального образования СССР и Совета Министров РСФСР об организации в 1981 г. в г. Нальчике агрономелиоративного института Министерства сельского хозяйства СССР на базе сельскохозяйственного факультета и факультета механизации сельского хозяйства Кабардино-Балкарского государственного университета Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР». Этот вуз был вторым высшим государственным учебным заведением после Кабардино-Балкарского государственного университета в республике. Создание такого образовательного учреждения явилось огромным достижением в развитии культуры и образования Кабардино-Балкарии. Приказом Министра сельского хозяйства СССР от 17 июля 1981 г. № 789-к его первым ректором был назначен доктор биологических наук, профессор, декан сельскохозяйственного факультета того периода Фианшев Борис Хамзетович, проректором по учебной и научной работе – Ахматов Мусса Ахматович¹. На этих должностях оба проработали около 20 лет, т. е. до 2000 г.

За этот период коллектив вуза достиг таких успехов, которые можно назвать эпохальными, и он занял достойное место среди высших учебных заведений страны. Для наглядности можно привести несколько конкретных примеров. Если к моменту открытия Кабардино-Балкарского агрономелиоративного института (КБАМИ) в 1981 г. подготовка специалистов осуществлялась только по четырём специальностям (агрономия; механизация сельского хозяйства; гидромелиорация; механизация гидромелиоративных работ), то уже к 2002 г. эта цифра достигла 20. За этот же период количество кафедр увеличилось с 7 до 45, а количество факультетов – с 2 до 10. За этот период значительно возрос научно-теоретический уровень профессорско-преподавательского состава. Например, если в 1981 г. из 104 человек профессорско-преподавательского персонала было только 4 профессора, то сейчас в этом вузе работает около 500 высококвалифи-

¹ Фианшев Б. Х. Сельскохозяйственные образовательные учреждения Кабардино-Балкарской Республики. Майкоп, 2001. С. 36, 37.

цированных преподавателей, в том числе более 60 докторов наук, профессоров, около 200 кандидатов наук, докторов.

За последние 20 лет заметно увеличился и контингент студентов, обучавшихся в КБГСХА. Если в 1981 г. в нем обучались 225 студентов, то в 2002 г. было уже более 7 тыс. человек, в том числе на дневном отделении более 4 тыс. человек¹. Вуз имеет развитую материально-техническую базу и, если к моменту его открытия в 1981 г. имелись здания, строения общей площадью только около 10 тыс. м², то в 2002 г. – в том числе, учебная площадь – 28,2 тыс. м². По всем основным учебным дисциплинам имеются специализированные, оснащенные учебные лаборатории и кабинеты. Организовано и успешно функционирует послевузовское образование. Как справедливо отмечает профессор Л. А. Шوماхов, становление и развитие второго по величине высшего учебного заведения в КБР связано с именем Б. Х. Фиапшева, – его по праву можно назвать ведущим организатором высшего сельскохозяйственного образования и аграрной науки в республике. Под его началом создана мощная материально-техническая база КБГСХА, подготовлены десятки научно-педагогических кадров.

Добросовестный труд Б. Х. Фиапшева в должности ректора КБГСХА по достоинству был оценен государством и общественностью. Ему присвоены почетные звания: «Заслуженный деятель науки Российской Федерации», «Заслуженный деятель науки Кабардино-Балкарской Республики»; «Заслуженный деятель науки Республики Адыгея». Несмотря на то, что он возглавлял этот вуз в период острого экономического кризиса и значительного сокращения средств, выделяемых государством на образование и науку, он сумел преобразовать возглавляемый им многотысячный коллектив в одно из ведущих учебных заведений страны. Своевременно, с учетом рыночных отношений, в которые наше общество входило с большими издержками, коллектив КБГСХА открыл много новых и перспективных специальностей, как то: «Бухгалтерский учет, анализ и аудит»; «Финансы и кредит»; «Товароведение и экспертиза товаров»; «Коммерция (товарное дело)»; «Энергообеспечение» и др.

---

¹ Фиапшев Б. Х. Сельскохозяйственные образовательные учреждения Кабардино-Балкарской Республики. Нальчик, 2001. С. 117.

В КБГСХА трудятся сейчас высококвалифицированные научно-педагогические кадры, имена которых известны далеко за пределами КБР и Северо-Кавказского региона. К ним относятся доктора наук, профессора:

агрономический факультет: декан З. Д. Хамоков, Р. М. Хачетлов, М. Х. Хапцев, В. М. Князев, В. И. Кумахов, Б. Х. Жеруков (он же ректор), Р. С. Шидаков;

зооветеринарный факультет: декан И. Х. Таов, профессора: А. М. Биттиров, М. И. Калабеков, В. М. Гукеев, Л. Х. Ашабоков, Т. Н. Коков, С. Х. Энеев, И. Ш. Тамаев, Т. Т. Тарчоков, О. О. Гетоков, Х. Т. Купшхов, Л. Х. Азаматов, М. К. Вологиров, Ф. Ж. Шукаева, С. Ч. Казанчев;

финансово-экономический факультет: декан А. Б. Фиашев, В. А. Кумахов, Х. М. Рахаев;

факультет бухгалтерского учета и аудита: декан Б. А. Шогенов, профессора: Л. З. Гукеева, В. С. Мисаков, Ж. С. Жангоразова;

факультет механизации сельского хозяйства: декан Х. Х. Урусмамбетов, профессора: М. Х. Каскулов, Н. Л. Виндижев, Ю. М. Хаширов;

факультет природообустройства: декан М. Ю. Беккиев, профессора: А. Х. Сохроков, М. А. Ахматов, К. Н. Анахаев;

факультет энергообеспечения предприятий: декан Ю. А. Шекихачев, профессор Х. У. Бутов;

факультет товароведения и коммерции: декан Х. М. Унежев, М. М. Шахмурзов, Р. Х. Кудав.

Кроме этого, на физико-математической и других кафедрах успешно работают известные ученые, доктора наук, профессора: В. А. Ашабоков, М. М. Хачев, Х. И. Боташев, М. П. Дохов, А. А. Беев и др.

В 2000 г. на прямых и альтернативных выборах абсолютным большинством голосов ректором КБГСХА был избран молодой, талантливый ученый, доктор сельскохозяйственных наук, профессор Б. Х. Жеруков. Он успешно продолжил все хорошие традиции вуза в деле подготовки и воспитания кадров сельского хозяйства, экономики и бизнеса. По ходатайству Правительства КБР и Ученого совета КБАИ государственный комитет Российской Федерации по высшему образованию издал приказ о переименовании 6 января 1995 г., а Министерство сельского хозяйства и продовольствия Российской Федерации своим приказом от 11 января 1995 г. подтвердило переименование Кабардино-Балкарского аграрного ин-

ститута в Кабардино-Балкарскую государственную сельскохозяйственную академию. За двадцать один год существования академии многие ее сотрудники получили высокие звания: «Заслуженный деятель науки КБР», «Заслуженный деятель науки РФ». Преподаватели, наиболее опытные и с большим стажем научно-педагогической деятельности получили без защиты докторских диссертаций ученые звания профессоров. На наш взгляд, руководство вуза поступило справедливо и гуманно по отношению к этим замечательным ученым и педагогам. К сожалению, такой практики нет в Кабардино-Балкарском государственном университете, где трудятся не меньше замечательных педагогов и ученых с большим опытом работы, которые в силу ряда объективных причин не смогли защитить докторские диссертации, но по своему теоретическому и методическому уровню подготовки не уступают многим докторам наук, профессорам.

Огромную роль сыграл в становлении сельскохозяйственной науки и в подготовке высококвалифицированных кадров народного хозяйства профессор К. Н. Керевф. Десятки его учеников сейчас составляют золотой фонд не только сельскохозяйственной академии, где он, проработав до конца своей жизни, дал дорогу в большую науку и многим представителям соседних республик, краев, областей и регионов бывшего Советского Союза. Его научные труды являются основой сельскохозяйственной науки растениеводства Северного Кавказа. К. М. Керевф получил четыре авторских свидетельства на новые сорта озимого овса, кукурузы и озимой пшеницы, еще четыре сорта озимого овса и один сорт проса приняты госсортсетью на испытание. К. Н. Керевф с 1958 г. работал в Кабардино-Балкарском государственном университете проректором по научной работе, а с 1965 по 1973 гг. — ректором университета, затем зав. кафедрой. За успехи в трудовой деятельности был награжден многими медалями и орденами, в том числе орденом «Дружбы народов». Издал около 400 научных трудов, в том числе фундаментальные монографии и учебные пособия для студентов высших учебных заведений. К. Н. Керевф был избран почетным профессором Горского государственного сельскохозяйственного университета и академиком АМАН, имел почетные звания: «Заслуженный деятель науки РФ и Кабардино-Балкарии», «Заслужен-

ный агроном РФ и Кабардино-Балкарии», «Заслуженный кукурузовод Кабардино-Балкарии», почетный гражданин Терского района КБР.

В дело подготовки и воспитания кадров сельского хозяйства и ученых Кабардино-Балкарии большой вклад внес З.-Г. Х. Шауцуков. Он долгие годы заведовал кафедрой механизации сельского хозяйства в Кабардино-Балкарском госуниверситете и кафедрой сельскохозяйственных и мелиоративных машин Кабардино-Балкарской государственной сельскохозяйственной академии. З.-Г. Х. Шауцуков обосновал, разработал и внедрил новые механизированные технологии возделывания кукурузы. Его метод использования при культивации спаренных игольчатых дисков не потерял своей актуальности до настоящего времени. В процесс становления сельскохозяйственной науки, подготовки и воспитания кадров национальной интеллигенции огромный вклад внесли многие ученые других национальностей. Таким замечательным ученым и педагогом, который проработал в КБГСХА с момента ее создания, является Петр Григорьевич Лучков. Он создал единственную в Российской Федерации научную школу по подготовке специалистов по горному садоводству. Подготовил около 15 кандидатов и трех докторов наук по проблемам развития горного садоводства. Совместно со своими учениками он разработал научно обоснованную технологию выращивания адаптивно-ландшафтных интенсивных промышленных садов в условиях горного рельефа Центрального Предкавказья, которая внедрена на огромных площадях региона. П. Г. Лучков имеет более 300 научных трудов, в том числе более 5 монографий. Имеет 4 авторских свидетельства на изобретения. Этот список можно было бы продолжить и дальше.

Таким образом, Кабардино-Балкарская государственная сельскохозяйственная академия состоялась как высшее учебное заведение. За сравнительно короткий период своего существования она вошла в число лучших сельскохозяйственных высших учебных заведений страны. Количество специальностей, по которым вуз готовит кадры, возросло за двадцать лет его существования с 4 до 20. Было открыто много отделений по специальностям самых перспективных направлений экономики сельского хозяйства и бизнеса. Словом, КБГСХА своевременно и уверенно вписалась в рыночную экономику, которая про-

бывает себе дорогу в нашей стране с большими издержками.

В КБР с 1990 г. функционирует Северо-Кавказский институт искусств (ректор – доктор философских наук, профессор Ф. С. Эфендиев). Этот вуз готовит кадры культуры и искусства для всех субъектов Северного Кавказа. Кроме этого, в Нальчике открыт филиал юридического института МВД РФ, который готовит кадры для правоохранительных органов республики. В КБР кадры среднего звена готовят более десяти средних специальных учебных заведений. Среди них такие учебные заведения, как педагогический колледж, медицинский колледж, коммунально-строительный техникум, музыкальное училище, колледж дизайна, колледж информационных технологий и экономики.

Настоящим «скачком» в развитии культуры, образования и науки явились последние годы для Адыгеи. Значительных успехов добилась Республика Адыгея за это время в высшем и среднем специальном образовании. Усилия руководства республики были направлены на улучшение качества подготовки специалистов народного хозяйства, культуры и образования. Значительно усилена работа не только высших учебных заведений, но и средних специальных образовательных учреждений. При наличии старейших и авторитетных в регионе учебных заведений – Педагогического колледжа им. Х. Андрухаева, Адыгейского республиканского училища искусств им. У. Х. Тхабисимова, медицинского училища, в последние годы созданы колледжи: гуманитарно-технический (преобразован из ПТУ), два политехнических (на базе техникумов с/х, деревообрабатывающей промышленности и ПТУ). Четыре колледжа действуют в структуре высших учебных заведений. Самыми крупными учебными заведениями являются колледжи: политехнический при МГТИ (1999 чел.) и гуманитарно-технический при АГУ (1656 чел.). Расширилась и изменилась структура специальностей. Наряду с кадрами педагогов, медиков, музыкальных работников, освоена подготовка по новым специальностям в соответствии с потребностями республики и региона: мастер производственного обучения, модельер-конструктор, техник-программист, бухгалтер, менеджер, специалист по государственному и муниципальному управлению, банковское дело, экономика и бухгалтер, правоведение. Программное обеспечение ЭВМ

вооружает своих воспитанников дополнительными специальностями (Адыгейский педколледж – русский язык и литература в V–IX классах, музыка, экология, логопедия и др., всего – 16).

Качественно новый шаг в 90-х гг. был сделан в республике в развитии высшего образования. Знаменательным стал 1993 г.: Адыгейский государственный педагогический институт Указом президента России преобразуется в Адыгейский государственный университет, в этом же году постановлением Правительства РФ открывается Майкопский государственный технологический институт.

Адыгейский государственный университет (1993; ректор – доктор социологических наук, профессор Р. Д. Хунагов) – старейший учебный, научный и методический центр республики. После преобразования в нем созданы 5 филиалов, два института, открыты два факультета, 3 учебных центра, 15 новых кафедр. Республиканский институт повышения квалификации и Адыгейский педагогический колледж им. Х. Андрухаева вошли в систему университета на ассоциированных началах.

В университете:

10 факультетов (математический, физический, естествознания, исторический, филологический, адыгейской филологии и культуры, экономический, педагогический, юридический, иностранных языков);

2 института: искусств, физической культуры и дзю-до;

гуманитарно-технический колледж (по 10 специальностям, по 6 – обучение ведется по совмещенным планам);

отделение Института экологии горных территорий КБНЦ РАН;

профессионально-подготовительный центр, (в 1999 г. его услугами воспользовались 800 абитуриентов);

подготовительное отделение;

5 филиалов (в РА и городах Краснодарского края).

При АГУ функционирует республиканская физико-математическая школа. В университете – 52 кафедры, 20 из них имеют аспирантуру, 4 – докторантуру. Совокупность профессиональных образовательных программ АГУ позволяет реализовать концепцию непрерывного образования от вузовского до дополнительного профессионального.

В университете трудится около 600 человек, в т. ч.: докторов наук, профессоров – 48 (8,8 %), кандидатов наук, доцентов – 173 (32 %); 10 заслуженных деятелей науки РФ и РА, 17 академиков Российских и Международных академий. Более 9000 студентов, аспирантов, докторантов обучается по 30 специальностям. В 1999/2000 учебном году в АГУ зачислено 1153 человека. Выпуск в 1999 г. составил 1320 человек, диплом с отличием получили 183 выпускника. Защитили квалификационные работы на «отлично» 747 человек. Наиболее высокие результаты на факультетах: историческом, экономическом, юридическом, иностранных языков. По итогам летней экзаменационной сессии 1999 г. успеваемость составила на очном отделении – 87,7 %, заочном – 94,2, качество успеваемости соответственно – 57,4 % и 32,3 %.

В учебном процессе используются новые технологии, рейтинговый контроль результативности обучения, издания мультимедиа. Через Интернет-центр обеспечен свободный доступ студентов, аспирантов, преподавателей к сети Интернет, к которой подключено 55 рабочих станций в составе 15 классов. Компьютерный парк университета составляет 300 единиц.

Студентами и преподавателями ведется активная научно-исследовательская работа, организовано около 20 учебно-научных и исследовательских лабораторий и центров. В 1999 г. в конференциях различных уровней приняли участие 383 человека. На международных, всероссийских и региональных конкурсах 41 студенческая работа отмечена медалями, дипломами и грамотами. Университет участвует в разработке важных научных программ фундаментального и прикладного характера. Сложились три научные школы («Педагогика национальной школы» – научн. рук. д-р пед. н. профессор К. И. Бузаров, «Биотехника» – научн. рук. д-р пед. н., заслуженный изобретатель РФ Ю. Т. Черкесов, «Здоровье человека» – науч. рук. д-р пед. н. К. Д. Чермит) и 32 научных направления. С 1993-го по 1999 г. преподавателями опубликовано 1800 работ, в т. ч. 32 монографии. Университет издает два научных журнала: «Вестник АГУ», «Труды физического общества Республики Адыгея» и газету «Университет».

При университете функционируют несколько советов по защите кандидатских и докторских диссертаций. С 1993-го по 1999 г. защищено 9 докторских и 134 кан-

дидатских диссертации, в т. ч. преподавателями АГУ соответственно 3 и 44.

Расширяются международные связи АГУ. На протяжении ряда лет в университете обучается молодежь из Сирии, Иордании, Турции, стажировются и участвуют в научных конференциях аспиранты, преподаватели и ученые из США, Франции, Германии, специализирующиеся в области русского языка и кавказоведения. За пять лет в зарубежных командировках побывало 10 преподавателей АГУ. На базе АГУ проведены 4 международные конференции. Университет курирует международные экологические программы «ЭКОмост» и «Река к реке», является членом Международной ассоциации университетов при ЮНЕСКО, Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. При университете создан центр культуры, более 20 % студентов участвует в работе различных творческих коллективов, команда КВН вышла в I Лигу. Значительны спортивные успехи студентов, всемирно известна секция самбо и дзюдо, созданная Я. К. Коблевым, заслуженным тренером РФ, членом-корреспондентом РАО; гандбольная команда девушек «Адыиф» вошла в Суперлигу.

В Майкопском государственном технологическом институте 7 факультетов (финансово-экономический, инженерно-экономический, новых социальных технологий, аграрных технологий, экологический, технологический, среднего профессионального образования);

- филиал (в Тахтамукайском районе);
- политехнический колледж;
- центр многоуровневого обучения.

В вузе работает около 300 человек (в 1993 г. – 30 чел.), в их числе – 2 академика, 8 докторов (2,8 %; 3 профессора), 80 кандидатов (28 %; 36 доцентов) наук. В 1997–1999 гг. преподавателями вуза защищено 22 диссертации, в т. ч. 4 докторских. В институте – 33 кафедры, аспирантура по 17 и докторантура по 5 специальностям, диссертационный совет по 2 специальностям лесного хозяйства. В МГТИ обучаются 9487 человек, в т. ч. по программам ВПО – 6966 (очно – 3445, заочно – 3521), по программам СПО – 2512 человек (очно – 2009, заочно – 503), 71 аспирант, 12 докторов. Обучение ведется по 12 специальностям ВО и 9 специальностям СПО. В 1999 г. состоялся первый выпуск 477 студентов очной формы

обучения, принято на первый курс в 1999/2000 учебном году по программам ВПО – 1174 человека (очно – 660, заочно – 514). МГТИ имеет семь компьютерных классов, объединенных в локальные сети, выход в Интернет.

Научная деятельность вуза связана с проблемами региона и оказывает влияние на основные аспекты социально-экономической, технической и природоохранной жизни РА. Исследования ведутся по направлениям:

- оптимизация процессов формирования и регулирования рыночной экономики республики;
- устойчивое развитие горных и предгорных районов;
- охрана окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов;
- биология и селекция орехоплодных.

В институте осуществляется ряд проектов: по сохранению старых черкесских садов, разработке природных минеральных удобрений, исследованию структуры занятости населения и др.

За 5 лет в институте издано 23 монографии, 8 научных сборников. По числу полученных научных грантов институт занимает 8 место (из 30) среди вузов Северо-Кавказского региона.

Широки международные связи МГТИ:

- с 1995 г. институт – член комплексной Международной программы «Интеграция»;
- действует клуб ЮНЕСКО «Адыгея» (единственный на Северном Кавказе);
- осуществляется активное сотрудничество с Берлинским техническим университетом, Берлинским институтом туризма, немецкой службой академических обменов;
- институт – соучредитель российско-австралийского предприятия «Экотех»;
- с 1997 г. – член Международной Ассоциации Университетов при ЮНЕСКО.

МГТИ располагает хорошей учебно-материальной базой, которая постоянно укрепляется и развивается; треть студентами общежитиями (92 % обеспеченность), в 2000 г. введена в строй студенческая поликлиника, осуществляется материальная поддержка студенчества (5 видов именных стипендий до 4 минимальных окладов).

Открытие и становление МГТИ связано с именем Тхакушинова Аслана Китовича, ректора института, доктора социологических наук, профессора, академика

А(Ч)МАН, Международной академии информатизации, заслуженного учителя РФ, заслуженного деятеля науки Кубани. За выдающийся вклад в развитие науки, образования и культуры его биография занесена в Кембриджский словарь «Кто есть кто», в 1997 г. он стал человеком года в области образования (по решению Биографического центра Кембриджа). В январе 2000 г. Международная академия наук природы и общества присудила А. К. Тхакушинову медаль Петра I «За заслуги в деле возрождения науки и экономики России». Он автор 7 монографий и более 60 научных статей.

В 1993 г. по инициативе Президента РА А. А. Джаримова на базе АГУ был открыт филиал лечебного факультета КГМА, впоследствии преобразованный в АФ КГМА в составе факультетов: лечебного и повышения квалификации.

В настоящее время в республике действуют филиалы:

- Московского открытого социального университета;
- Современного гуманитарного университета;
- Московского государственного социального университета;
- Северо-Кавказской академии государственной службы, в которых обучаются 2449 студентов.

Хороших результатов добились и общеобразовательные школы республики. Только в 1974/75 учебном году в школах Адыгеи работало более 5 тысяч учителей. Более 300 имело почетные звания и значки. В том же учебном году восьмилетнюю и среднюю школу окончило более 13 тысяч человек¹. В Адыгейской Республике за последний период десятки ученых стали докторами наук, профессорами, которые уверенно вписались в российскую науку. Это такие известные крупные ученые из Адыгеи, доктора наук, как Р. Д. Хунагов, А. М. Гадагатель, М. Х. Шебзухов, Э. А. Шеуджен, З. И. Керашева, М. М. Керашев, М. Б. Беджанов, Р. Ю. Намитокова, А. Ш. Бузаров, К. Х. Делокаров, М. Н. Афасижев, Т. И. Афасижев, М. А. Меретуков, Дж. Х. Мекулов, К. Г. Шазо и др. Многие ученые адыги и балкарцы работают в вузах и научных учреждениях Москвы, Ростова-на-Дону и других городов Российской Федерации. Это такие крупные специалисты, доктора наук, профессора, как М. А. Кумахов,

---

¹ Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1989. Т. 2. С. 296.

М. А. Кумахов (братья. — К. У.), К. С. Басниев, А. К. Шагиров, Д. А. Напсо, М. Д. Напсо, Ю. А. Хагуров и др.

В Карачаево-Черкесии трудятся — правда, их меньше — такие высококвалифицированные специалисты, как доктора наук, профессора Л. А. Бекизова, Х. Х. Хансиров, Х. И. Баков и др.

В значительных успехах адыгов и балкарцев в культурном строительстве за период с Октября 1917 г. можно наглядно убедиться на примере отдельных сел, аулов. Например, в родном селе автора этих строк — Заюково (бывшее Атажукино 1) — сейчас работает более ста специалистов с высшим образованием. Среди выходцев из этого села есть крупные ученые, военачальники, артисты, писатели. Достаточно назвать несколько фамилий. Это такие крупные ученые, доктора наук, профессора, как А. М. Нахушев, Х. Х. Сабанчиев, М. Т. Шаов, Б. Х. Ашабоков, А. М. Кармоков, Б. Х. Дикинов, Х. М. Унежев, Г. К. Шурдумов, Б. К. Шурдумов; кандидаты наук, доценты Х. А. Кодзоков, Х. К. Шерхов, Н. А. Шафиев, М. М. Калмыков, Х. Г. Бжихатлов, Б. А. Бетуганов, З. М. Сабанчиев, Х. М. Кармоков, Х. Т. Жемухов, Г. Г. Жемухов, К. С. Кушхов, Г. С. Кушхов, Х. С. Кушхов, Б. А. Саблиров, М. М. Шугушев, В. М. Каранашева, М. М. Кармоков.

У заюковцев есть и свой генерал — В. А. Нахушев, свои артисты — Ч. Нахушев, Д. Согов, Т. Лосанов, композитор Х. Шомахов и т. д. Кроме того, знаменитые спортсмены, мастера спорта и неоднократные призеры различных всесоюзных, международных соревнований, такие, как Х. Шурдумов, К. Шомахов, Б. Шомахов, Х. Бгажноков, А. Лосанов, Ю. Шогенов, М. Хафицев, Л. Кодзоков, А. Жапуев, Х. Калмыков, С. Жилиев и др. — выходцы из Заюково.

Сел. Заюково славилось и своими замечательными учителями, которые дали дорогу в мир науки, образования и другие сферы жизни десяткам заюковцев. Это такие педагоги, как Х. Шафиев, Н. Жилиев, Х. Кодзоков, М. Шоров, Х. Абидов, А. Казиев и многие другие.

Но при всех достижениях адыгов за многовековую историю в области культурного строительства, у них еще немало проблем. В этом плане следует отметить, что суверенитет республик, который декларируется на местах, почти не затрагивает сферу культуры народов. Когда говорят о суверенитете народов, имеется прежде всего в

виду экономика, политика. А культура вовсе выпадает из поля зрения. Речь идет о том, что до сих пор республики, особенно с малочисленным населением, каковыми являются Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия – регионы компактного проживания адыгов – лишены многих прав и возможностей решения глобальных проблем развития своей культуры. Все еще сильна их зависимость от центра. По нашему глубокому убеждению, настало время, когда эти республики могут получить побольше самостоятельности, и, в первую очередь, в области культуры. Тем более необходимо учесть, что на местах имеется огромное число интеллигенции.

Одной из серьезных проблем современного состояния культуры и перспектив ее развития является то, что в культурном развитии наблюдаются большие перекосы между отдельными народами, проживающими в вышеперечисленных республиках. Дело в том, что эти республики Северного Кавказа многонациональные и уровень образования, процент людей с высшим образованием, научных работников, в целом людей умственного труда не одинаков у различных народов. К примеру, адыги по этим и другим параметрам уступают у себя на родине другим народам. В частности, если взять, к примеру, количество студентов на 10 000 человек каждой национальности, то адыги (черкесы) отстают от других народов, которые живут в их республиках. Если на начало 1989/90 учебного года на 10 000 человек кабардинской национальности было всего 206 студентов, адыгейцев – 241, черкесов – 205, тогда как у других народов эти цифры значительно выше. Например, у балкарцев на 10 000 человек было 279 студентов...¹ По результатам Всесоюзной переписи населения 1989 г., руководителями различных рангов на 10 000 человек в Кабардино-Балкарии работало кабардинцев – 6, балкарцев – 9, русских – 10. В науке и в научном обслуживании, тоже на 10 000 человек, в той же КБР работало: кабардинцев – 7, балкарцев – 11, русских – 17, других национальностей – 16². Почти такое же положение по другим направлениям развития культуры и образования и в отношении остальных адыгов в других республиках, где они проживают.

¹ Кабардино-Балкарская правда. 1990. 10 апр.

² Унежев К. Х. Живут адыги на Земле моей... Нальчик, 1992. С. 90, 91.

Значительных успехов добились художественная литература, профессиональное искусство адыгов и балкарцев за годы советской власти. При всей противоречивости и неоднозначности этого периода нашей истории, народы бывшего Советского Союза за этот период сделали грандиозный скачок в культурном строительстве. Адыги и балкарцы, как и многие другие малочисленные народы нашей страны, не только получили свою литературную письменность, но и создали свою национальную художественную литературу, профессиональное искусство. Адыгская и балкарская художественная культура развивалась и обогащалась достижениями других наций. Она также приобрела и вторую форму бытования благодаря переводам на другие языки, особенно на русский язык. Многие произведения адыгских и балкарских литераторов издавались массовыми тиражами на русском и других языках народов бывшего Советского Союза, и благодаря этому имена многих адыгских и балкарских литераторов стали известны широкому кругу читателей.

Большую роль в деле перевода на русский язык и пропаганды произведений местных авторов сыграли известные русские писатели Ю. Либединский, С. Липкин, С. Бондарин, Н. Гребнев, М. Козловский, М. Киреев и др. В своем становлении и развитии национальная художественная литература адыгов и балкарцев не обошлась и без серьезных ошибок и упущений. Наряду с гуманистическими и демократическими идеями в произведениях адыгских и балкарских литераторов были и вредные идеи, которые разъединяли народ. Большевицкая идеология, которая стала единственной и господствующей после установления советской власти, наложила свой определенный отпечаток и на творчество мастеров художественного слова любого народа нашей страны, в том числе адыгов и балкарцев. А мы знаем теперь из истории социализма, что идеология, которая приводит нацию к внутренней, кастовой, классовой, сословной войне, не может быть демократической, гуманной.

В творчестве классиков национальной литературы и их последователей в той или иной мере присутствовала идея «классовой борьбы», в результате которой в обязательном порядке побеждал «новый человек». Фактически для литераторов новописьменных народов эта тема была единственной. В их произведениях образ князя, дворянина всегда был отрицательным, они всегда были, по

их мнению, ущербными, реакционными, «врагами своего народа», носителями всего отрицательного в культуре, в соблюдении ими обычаев и традиций. Они были представлены людьми без чести, чувства собственного достоинства и долга и т. д. Зато всегда в качестве положительного героя выступали вчерашние батраки, «кухарки», которые были призваны разрушить «все до основания» и построить «светлое будущее». Все героические события совершались под «чутким руководством партии большевиков» и главные герои должны были быть членами коммунистической партии или комсомола¹.

Словом, в творчестве писателей и поэтов был строго соблюден принцип партийности и классовости. Все это не могло не сказаться на развитии национальной художественной литературы всех народов, в том числе адыгов и балкарцев. Тем не менее в золотой фонд мировой культуры вошли произведения многих представителей адыгов и балкарцев. Имена Али Шогенпукова, Тембота Керашева, Алима Кешокова, Кайсына Кулиева и других известны во всем мире.

§ 2. Интеллигенция и ее роль в обществе

Двадцатый век в истории мировой цивилизации при всей противоречивости и многовариантности путей ее поступательного движения явился закономерным результатом развития человеческой истории, противостояния различных общественных сил. Неоднозначное место занимает в ней Октябрь 1917 г., положивший начало конкретным изменениям в судьбах народов многострадальной России, в том числе и национальных окраин.

Конец XVIII – первая половина XIX в. является самым трагическим периодом в истории адыгских народов. В результате Русско-Кавказской войны они не только потеряли более 4/5 своей территории, но абсолютное большинство их населения либо было уничтожено в ходе войны, либо изгнано в Османскую империю. Поэтому, при всей противоречивости и неоднозначности в оценке большевистского режима, именно он остановил процесс физического уничтожения горцев Северного Кавказа, в том числе адыгов, которые приняли основной удар коло-

---

¹ История адыгейской литературы. Майкоп, 1999. Т. 1. С. 188, 189.

ниальной политики России. Большевицкое государство не только приостановило этот процесс, но и в короткие исторические сроки создало в крае широкую систему образования, науки, профессионального искусства. На местах, в том числе на Северном Кавказе, была создана большая когорта национальной интеллигенции.

Следует отметить, что изменения в жизни народов Северного Кавказа, особенно в социально-классовой структуре, происходили в условиях, весьма отличных от условий, которые были в центральных, более передовых республиках. Это обусловлено своеобразием перехода на новый путь общества, в котором сохранились пережитки предыдущих эпох. Это не могло не наложить соответствующего отпечатка на характер экономических, социальных и культурных преобразований. Своеобразное же осуществление преобразований в области культуры, в свою очередь, обусловило и своеобразие формирования национальной интеллигенции.

Культурное строительство на Северном Кавказе в силу конкретных объективных условий (крайняя социально-экономическая отсталость, отсутствие своей литературной письменности, естественно, и своей интеллигенции, пережитки патриархально-феодалных отношений и др.) большого размаха достигло несколько позже, чем в центральных районах и более развитых республиках страны. Осуществлялось оно на базе таких коренных преобразований, как создание высокоразвитой индустрии и механизированного сельского хозяйства, на базе ликвидации всех форм политического, экономического и социального неравенства. Изучение проблемы формирования интеллигенции и ее роли в жизни одной из бывших национальных окраин России, каким является Северный Кавказ, имеет важное значение для обобщения практики национальной политики в нашей стране. При этом следует подчеркнуть, что глубокая специфичность процесса формирования национальной интеллигенции в республиках Северного Кавказа не отменяет, а наоборот, убедительно демонстрирует их всеобщие универсальные черты и закономерности. Научное раскрытие существа этой проблемы позволяет глубже проникнуть в содержание национальной политики нашего государства, его ошибок в этом важном для каждого народа вопросе.

В современных условиях возник ряд новых причин, которые настоятельно требуют всестороннего изучения

различных аспектов социальной сущности и закономерностей развития интеллигенции. Одна из наиболее важных причин заключается в резком количественном и качественном изменении всей интеллигенции, в дальнейшем повышении ее роли и функций в управлении общественными и производственными процессами в связи с научно-техническим прогрессом и дальнейшей интеллектуализацией труда в обществе. Следующая существенная причина — заметное усиление в нашем обществе такой тенденции, как возрастающее сближение других социальных групп и слоев с интеллигенцией на основе стирания существенных различий между умственным и физическим трудом, между городом и деревней. Под воздействием этих факторов границы между всеми слоями общества и интеллигенции становятся подвижными, относительными. Этот процесс относится к числу важных социальных изменений в нашем обществе. Другая важная причина — серьезное обновление всей кадровой политики в условиях демократических перемен в обществе. Таким образом, чтобы глубже изучить ту эволюцию, которую претерпевает интеллигенция как особый социальный слой, профессионально занимающийся квалифицированным умственным трудом, перспективы ее развития, необходимо ликвидировать пробелы, которые имеются в изучении данной проблемы. По данной тематике в науке сделано немало, ее различные аспекты обстоятельно исследованы в трудах философов, историков и экономистов.

Начало разработке проблемы интеллигенции в нашем обществе положили Е. М. Ярославский и др. К этой теме часто обращался великий пролетарский писатель М. Горький. Однако более тщательное исследование началось позже. За последние годы учеными Северного Кавказа, в том числе Кабардино-Балкарии, Адыгеи и Карачаево-Черкесии, проделана определенная работа по исследованию отдельных сторон проблемы социально-классовой структуры, культурного строительства, по изучению подготовки и воспитания кадров интеллигенции. В их трудах рассматриваются вопросы истории формирования рабочего класса, отдельных отрядов интеллигенции и их вклад в экономическое и культурное строительство региона.

Самые разнообразные и интересные материалы по культуре, обычаям, традициям адыго-черкесов, об их про-

светителях и государственных деятелях прошлого, об их вкладе в воспитание подрастающего поколения содер-
жатся и в других ценных работах ученых, писателей и
поэтов адыго-черкесов, балкарцев.

Однако авторы этих ценных трудов не ставили своей
целью изучение проблемы социально-классовой струк-
туры, в том числе интеллигенции и ее роли в условиях
демократических перемен.

Как было отмечено выше, особое место занимает ин-
теллигенция в социально-классовой структуре общества.
Идет всемерное повышение ее роли в экономической,
политической и духовной жизни общества. Формирова-
ние кадров интеллигенции Северного Кавказа, в том числе
Кабардино-Балкарии, Адыгеи, Карачаево-Черкесии, про-
ходило в специфических условиях. Это обусловлено тем,
что здесь горские народы не имели ни своей литератур-
ной письменности, ни своих светских учреждений культу-
ры. Естественно, не было и науки и кадров интелли-
генции.

Решение национального вопроса, бескорыстная по-
мощь братских народов нашей страны сделали возмож-
ным экономическое и культурное развитие края и фор-
мирования кадров интеллигенции. Велика роль интел-
лигенции в формировании общественного сознания, в
управлении всеми сферами жизни общества. Особенно
ее роль и ответственность возросли в современных усло-
виях, когда идет всестороннее переосмысление всего про-
шлого в истории любого народа, многих идеологических,
политических установок и ориентиров. Роль интеллек-
туальной силы любого народа возрастает еще и потому,
что идет бурный процесс демократизации общества и на
этой основе происходит невиданный рост национального
самосознания каждой нации и народности нашего госу-
дарства. Поэтому не случайно многие из них восприня-
ли нашу перестройку, процесс демократизации с вооду-
шевлением.

Следует отметить, что не каждый представитель ин-
теллигенции нашел свое место в тех общественно-поли-
тических процессах, которые происходят в нашем обще-
стве. К сожалению, немалое число интеллигентов удари-
лось в национальный экстремизм, в нетерпимость к
мнению других. В этой связи очень важно рассматри-
вать каждый из отрядов интеллигенции и его отноше-
ние к тем переменам, которые происходят у нас. Не ме-

нее важное значение имеет исследование проблемы бюрократии, ее отрицательного влияния на жизнь общества, вопросов кадровой политики и демократии.

Решение национального вопроса связано с социально-экономическими условиями любого общества. Хотя капитализм породил нации, как историческую форму общности людей, он оказался не в состоянии решить национальный вопрос. Социализм же должен был не только уничтожить экономическую основу несправедливого положения классов и народов, но и создать все необходимые условия для свободного объединения и полнокровного развития каждой нации и народности. «Чтобы народы могли действительно объединиться, — указывали К. Маркс и Ф. Энгельс, — у них должны быть общие интересы. Чтобы их интересы могли быть общими, должны быть уничтожены существующие отношения собственности, ибо существующие отношения собственности обуславливают эксплуатацию одних народов другими». Однако жизнь показала, что новые отношения собственности, созданные в стране, не смогли полностью уничтожить неравноправие народов и исключить возможные конфликты. Это в немалой степени было обусловлено унитарным характером советского государства, значительно ограничивавшего свободу выбора каждого народа. Классики марксизма указывали: «В той же мере, в какой будет уничтожена эксплуатация одного индивидуума другим, уничтожена будет и эксплуатация одной нации другой. Вместе с антагонизмом классов внутри наций падут и враждебные отношения наций между собой».

Социализм должен был создать не только мощную экономику, но и новую культуру, вобравшую в себя и опыт прошлого, и многоцветное богатство, смелость, оригинальность талантов ярких индивидуальностей. Вот почему непреходящее значение имеет изучение опыта национальной политики нашего государства, его просчеты в этом плане: чтобы учесть это сейчас в разрешении всех спорных вопросов по этим проблемам. Наш строй должен был обеспечить полное равноправие всех наций и народностей. Большевицкая партия и социалистическое государство должны были последовательно проводить линию на ликвидацию не только юридического, но и фактического неравенства народов нашей страны. Каждая национальная республика, область должны были получить возможность свободного развития в рамках быв-

шего Союза или вне его. На первых этапах истории нашего государства действительно было немало сделано в этом направлении. Исчезли отсталые окраины, где зачастую преобладали еще феодально-патриархальные и даже родовые отношения. Качественно изменилась социальная структура республик, созданы национальные отряды интеллигенции.

Жизнь показала, что экономический и культурный прогресс наций и народностей сопровождается ростом их национального самосознания. Это закономерный объективный процесс, породивший новые сложные проблемы в межнациональных отношениях. Ответственность и мудрость ученых и руководящих кадров всей интеллигенции заключается в том, чтобы своевременно выявлять эти новые проблемы, тщательно анализировать и решать их на демократической основе. В социально-классовой структуре общества значительное место занимает интеллигенция. Маркс и Энгельс не использовали термин «интеллигенция» при характеристике работников умственного труда, но раскрыли глубинную сущность этой социальной прослойки. Характеристика ими труда как объективной основы общественного прогресса, анализ причин и социальных последствий его разделения на умственный и физический составляют незыблемый фундамент для объективной оценки природы и взаимосвязи классов и социальных групп в системе общественных отношений. Они выявили специфику и социальные функции умственного и физического труда, исследовали причины противоположности между ними, указали на исторически преходящий характер закрепления людей за экономически неравноценными видами труда, дали научную классификацию умственного труда в зависимости от сфер его приложения и уровня сложности. В трудах К. Маркса и Ф. Энгельса содержатся глубокие характеристики различных отрядов интеллигенции буржуазного общества, ярко обрисована их материальная и духовная зависимость от капиталистов. Многие их положения об интеллигенции не утратили своей значимости и сейчас, в условиях нашей действительности. Особенно *это* касается бесправного положения отдельных отрядов интеллигенции в обществе.

Понятие «интеллигенция» (от латинского *intelligens* — «понимание», «ум») в качестве термина, обозначающего общественную группу, стало употребляться в России в

60-е гг. XIX столетия и впоследствии из русского языка перешло в другие языки и приобрело международное признание. В современном понимании это понятие сформировалось при капитализме, ибо интеллигенция как значительный социальный слой, состоящий из образованных людей, профессионально занятых умственным трудом, складывается именно тогда. Это, конечно, не означает, что людей, специально занятых умственным трудом, не было в предшествующие эпохи истории человечества. Такие люди, а вместе с ними зачатки интеллигенции как социальной прослойки, появляются вместе с отделением труда умственного от труда физического. При этом следует отметить, что употребляемые выражения «физический труд» и «умственный труд» не означают отсутствия умственных усилий в труде физическом, равно как физических усилий в труде умственном. Труд является основной формой человеческой деятельности, которая и отличает человеческое общество от животного мира.

«Еще на заре человечества произошло общественное разделение труда, которое имело своей основой, — как указывал Ф. Энгельс, — крупное разделение труда между массой, занятой простым физическим трудом, и немногими привилегированными, которые руководят работами, занимаются торговлей, государственными делами, а позднее также искусством и наукой». Вместе с возникновением классов и государства различие между физическим и умственным трудом превратилось в их противоположность. Наличие противоречия антагонистического характера между эксплуататорскими классами, которые монополизировали умственный труд, и классами эксплуатируемыми, на долю которых остается труд физический, породило эту противоположность. Первоначально возникшие исторические формы этой противоположности носили более грубый характер. Идеология рабовладельческого общества отражала и закрепляла существующий порядок, при котором физический труд считался уделом только «говорящего орудия» — раба, занятием, не достойным свободного гражданина, а умственный труд и война — делом, действительно его достойным. Таким образом, было доказано, что исторически первым и важнейшим условием возникновения интеллигенции явилось разделение производства на материальное и духовное, отделение физического труда от умственного.

В первобытном обществе, которое базировалось на примитивной технике и едва обеспечивало минимум средств существования, материальное и духовное производство органически сливалось в деятельности всех производителей. В процессе труда они осуществляли и интеллектуальные функции. «Производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и материальное общение людей, в язык реальной жизни. Образование представлений, мышление, духовное общение людей являются здесь еще непосредственным порождением материального отношения людей». До образования классов общественная жизнь была не дифференцирована. Материальное и идеальное, объективное и субъективное не расчленилось в жизни первобытных людей. Они еще не выделялись из окружающей их дикой природы, не выработали общественного сознания, не имели системы знаков — «языков» для фиксации, сохранения и передачи своего социального опыта последующим поколениям. Примитивные условия жизни древнейших людей на протяжении многих тысячелетий исключали возможность и потребность выделения духовной жизни в относительно самостоятельную сферу деятельности.

Разделение труда на умственный и физический положило конец единому универсальному труду в рамках примитивных общественных отношений, ускорило развитие производительных сил, ознаменовало собой отделение духовного производства от материального. Оно породило экономическое, политическое и духовное неравенство между людьми, занятыми различными видами труда, явилось исходным пунктом возникновения интеллигенции как особой социальной группы, профессионально занятой умственным трудом. С дальнейшим ростом производительных сил, расширением сферы жизнедеятельности и форм общения людей, усложнения всей общественной жизни и возрастанием объема социального опыта умственный труд все более резко обособляется, дифференцируется на отдельные виды и, главное, становится монополией господствующих классов.

Разделение труда на умственный и физический носило антагонистический характер, ибо эти виды труда наделялись различными социальными атрибутами и за ними стояли непримиримо противоположные и политически неравноправные классы и социальные группы.

Умственный труд, как труд высшего порядка, становился сферой деятельности командующих, привилегированных групп, а физический труд, в котором элементы духовного содержания сведены до минимума, — уделом эксплуатируемых классов. Господствующие классы располагали средствами и временем, необходимыми для занятий умственным трудом, например, таким, как «управление трудом, государственные дела, правосудие, науки, искусства и т. д.».

В рабовладельческом обществе интеллигенция еще не выделялась из среды господствующего класса, органически сливалась с ним по экономическому положению, образу жизни, социально-политическим взглядам и нравственным ориентациям. Интеллигенция была идеологическим штабом рабовладельцев. Ее социальные функции целиком определялись интересами и волей этого класса. Юридический статус и рабовладельцев, и людей умственного труда был одним и тем же. При этом умственный труд не носил характера *всеобщей* обязанности класса рабовладельцев, не являлся источником их существования, а был формой их досуга. Об автономности и специфических чертах рабовладельцев-интеллектуалов не могло быть и речи: их бытие и сознание сплетались с социальным организмом их класса и не отпочковывались от него. Поэтому с точки зрения современных критериев можно лишь условно говорить о наличии интеллигенции в рабовладельческом обществе, например, в смысле фиксации и обобщения этой группой многогранного социального опыта в форме философских, политических, этических и тому подобных теорий и в виде воплощения их видения мира в произведениях искусства. По всей вероятности, столь же условно можно говорить об интеллигенции периода средневековья с его феодально-сословным строем, иерархической системой социально-политических отношений и господством церковно-догматической идеологии. Культурно-идеологические функции интеллигенции в эту эпоху выполняло сначала преимущественно духовенство, верхний слой которого сливался экономически и юридически со светской земельной аристократией, а позднее, в период формирования абсолютизма, наряду с духовенством, — аристократия, выдвинувшая собственный слой администраторов, ученых, теоретиков — не церковнослужителей. Как церковная, так и светская интеллигенция рекрутировалась по-

что исключительно из среды господствующих сословий. Причины и условия возникновения интеллигенции, как и любого другого класса или сословия, надо искать в изменениях материальной жизни общества, т. е. необходимо исследовать с материалистических позиций. Ф. Энгельс писал: «Материалистическое понимание истории исходит из того положения, что производство и обмен его продуктов составляет основу всякого общественного строя: что в каждом выступающем в истории обществе распределение продуктов, а вместе с ним и разделение общества на классы или сословия, определяется тем, что и как производится и как эти продукты производства обмениваются. Таким образом, конечные причины всех общественных изменений и политических переворотов надо искать не в головах людей, не в возрастающем понимании ими вечной истины и справедливости, а в изменениях способа производства и обмена; их надо искать не в философии, а в экономике соответствующей эпохи».

Исходя из этого основополагающего положения марксизма — материалистического понимания истории, нужно рассматривать и появление интеллигенции, как особой социальной прослойки общества. Возникновение и развитие капитализма создало все необходимые условия для формирования огромной армии работников умственного труда. Капиталистическая эпоха ознаменовалась невиданным прежде возрастанием потребностей общества в специалистах различных сфер общественной жизни, и это способствовало превращению интеллигенции в массовую социальную прослойку общества.

Невиданный рост производительных сил, связанный с промышленной революцией, необычайно расширил потребность в инженерно-технических работниках, призванных компетентно руководить производственными процессами и обеспечивать их непрерывное совершенствование. Интенсивное развитие товарно-денежных отношений, коммуникативных средств, городов, прогрессирующее расширение и усложнение бюрократического аппарата государства явились предпосылкой быстрого роста численности различных служащих, чиновников, юристов, журналистов и других работников умственного труда. Прогрессирующее возрастание роли науки стимулировало увеличение числа научных работников. Расширение сферы услуг и сети культурных учреждений,

повышение образовательного уровня населения и создание современных форм и средств получения, обработки и распространения разнообразной информации дали мощный толчок росту численности инженеров, ученых, учителей, врачей, работников литературы и искусства и т. д. Таким образом, первые зачатки интеллигенции, как особого социального слоя, появляются вместе с зарождением пока еще в недрах феодального общества капитализма из поднимающегося бюргерства, купечества, городских ремесленников и крестьян. Что же такое интеллигенция? Какое определение можно дать ей? Одним из важнейших признаков интеллигенции является то, что она представляет людей умственного труда, а не физического. Основным критерием выделения интеллигенции в особый социальный слой служит ее место в общественном разделении труда — профессиональная занятость специфическим умственным трудом, ее роль в общественной организации труда, выполнение ею специфических функций управления в производстве и других сферах общественной жизни.

В нашей литературе в основном правильно подчеркивается, что интеллигенцию составляют люди умственного труда, но при этом иногда можно встретиться с оговорками, согласно которым речь идет, мол, только о людях «высокоразвитых, высокообразованных специалистах». Думается, что такой подход искусственно суживает рамки социального слоя интеллигенции, ибо есть интеллигенция высокой квалификации, есть кадры среднего звена со средним специальным образованием. В некоторых определениях отсутствует и такой существенный признак нашей интеллигенции, как ее многонациональный характер, притом не только относительно интеллигенции в целом, но и национальных отрядов интеллигенции. На наш взгляд, более точное определение сущности интеллигенции (применительно к нашей интеллигенции) дали М. Н. Руткевич и П. П. Амелин. Первый, в частности, к интеллигенции относит специалистов, занятых умственным трудом, или совокупность лиц, профессионально занятых квалифицированным умственным трудом, требующим специального среднего или высшего образования. П. П. Амелин указывает, что интеллигенция — особый, внутренне дифференцированный социальный слой, состоящий из людей, для которых высококвалифицированный и квалифицированный ум-

ственный труд в любой сфере общественно-исторической деятельности является единственным или, по крайней мере, главным источником существования.

Не претендуя на исчерпывающую полноту, попытаемся дать следующее определение сущности нашей интеллигенции: интеллигенция – это многонациональный, особый, внутренне дифференцированный социальный слой, обладающий специальным средним или высшим образованием, для которого в основном профессиональный квалифицированный умственный труд является главным источником существования и основной формой самовыражения. Это такой социальный слой, члены которого имеют более или менее одинаковое экономическое положение, одинаковый образ жизни, одинаковые социально-политические взгляды и одинаковые нравственные ориентиры. Но нельзя не выделять из интеллигенции вообще такой ее *особый* (выделено авт. – К. У.) отряд, как аппарат управления. Дело в том, что этот аппарат управления, начиная со второй половины 20-х гг. XX в., когда произошли деформации социализма, постепенно превратился в своеобразный класс. Этот процесс выделения аппарата управления из общей массы населения и превращения его в своеобразный класс происходил в условиях отчуждения рабочего класса и трудового крестьянства от собственности и управления обществом.

Общественная собственность постепенно превратилась в государственную, управление обществом было сосредоточено в руках административно-командного аппарата, который, в свою очередь, подчинил себе почти все функции государства. Рабочий класс и крестьянство превратились в его инструмент для достижения своих целей, и эти два класса фактически потеряли свои специфические признаки как класса и, по сути дела, слились автоматически в один слой исполнителей воли аппарата управления. Не случайно эта практика встретила осуждение в нашей стране и за рубежом.

Сложившись командно-административные методы управления, которые оказали пагубное воздействие на развитие нашего общества. Стало характерным сосредоточение хозяйственно-управленческих функций в руках партийно-политического руководства. Одновременно гипертрофировалась роль исполнительного аппарата. Серьезный недостаток сложившейся политической системы заключался и в чрезмерном огосударствлении обществен-

ной жизни. Расширение управленческих функций должно достигаться не за счет усиления власти, опирающейся на администрирование и принуждение, а прежде всего путем активизации демократического фактора, вовлечения в управление широких народных масс. Государственное регулирование было распространено на непомерно широкую сферу общественной деятельности. Стремление охватить детальным, централизованным планированием и контролем все уголки жизни буквально спеленало общество, стало серьезным тормозом для инициативы людей, общественных организаций и коллективов.

Действующая политическая система десятилетиями приспособлялась не к организации общественной жизни в рамках законов, а, главным образом, к выполнению волевых распоряжений и указаний. Провозглашение демократических принципов на словах и авторитарность на деле, нарушение социалистической законности, репрессии, дефицит критики и гласности — все это получило широкое распространение и способствовало отчуждению человека труда от собственности и управления. На чем основано утверждение автора, что аппарат управления превратился в своеобразный класс, который выделился из общей массы населения? Этот слой находится в особом отношении к средствам производства (обладает почти неограниченными правами и возможностями распоряжаться ими), занимает особое место в организации общественного производства, управляет им, отличается от остальной части населения, в том числе от выше-названных отрядов интеллигенции, и по способам и фактическим размерам получаемой части общественного богатства.

Непростая история у интеллигенции. Значительная ее часть, в том числе демократическая, проклинаявшая царский режим, даже боровшаяся против него, испугалась октябрьских потрясений, была подхвачена волной белой эмиграции и оказалась за границей, отдав свой талант и знания другим народам. Это была большая потеря для молодого советского общества. Невосполнимые потери понесла интеллигенция, в том числе партийная, в результате нарушений социалистической законности и репрессий 30-х гг. И это тоже было серьезным ударом по интеллектуальному потенциалу страны. Тем не менее процесс формирования советской интеллигенции

продолжался и нарастал, отражая объективную закономерность развития общества и его жизненную потребность. Страна превратилась в одну из самых образованных в мире.

Однако в период застоя сложилась парадоксальная ситуация: общество не могло должным образом использовать огромный культурный потенциал. Причина опять же в том, что развитие демократии было искусственно заторможено. Не могли не сказаться всякого рода запреты, боязнь нового, творческого подхода к работе. Это тоже послужило тому, что многие представители интеллигенции покинули страну, не выдержав диктата со стороны аппарата управления. Правда, рядом с трезво мыслящими представителями интеллигенции оказались и такие, которые свои личные интересы ставили выше интересов общества, или даже такие, которые просто были враждебно настроены против существующего режима. В подтверждение того, что государство не всегда умело использовало интеллигенцию на благо общества, говорят такие данные: например, за полгода 1989 г. из Советского Союза в Израиль уехало 30 тысяч советских евреев. Как свидетельствуют факты, эмиграция евреев из СССР процесс не стихийный, им управляют из Израиля, куда за последние двадцать лет XX в. переехало свыше 100 тысяч граждан. Среди них — многие тысячи высококвалифицированных специалистов. Это сколько лет должен работать далеко не самый маленький вуз, чтобы подготовить столько специалистов? Соединенные Штаты Америки удовлетворили половину своих потребностей в математиках за счет эмигрантов из СССР. Здесь нужно отметить, что приезжие специалисты занимают 15 % мест на секретной работе в системе военно-промышленного комплекса США.

В приложении к сборнику «Евреи в Советском Союзе», выпускаемому в Париже сионистской федерацией Франции, говорится, что уже к началу 80-х гг. XX в. в Израиле работало 15 тысяч врачей, приехавших из СССР. К 1989 г. эти цифры удвоились, и их число достигло свыше 70 тысяч специалистов. По данным ЮНЕСКО подготовка такого специалиста обходится в 50 тысяч долларов, а в течение каждые 10 лет работы он приносит своим нанимателям около 250 тысяч долларов прибыли. Изданный в Вашингтоне статистический сборник «Иммигранты — ученые и инженеры» (1985) свидетельству-

ет, что в среднем в США ежегодно приезжают на жительство по 10 тысяч химиков, физиков, математиков, биологов и других специалистов. Иммигранты составляют пятую часть всех ученых и инженеров, работающих в США. Организовав приток врачей из-за рубежа, США избавили себя от необходимости строить 15 медицинских колледжей для удовлетворения потребности нации в медиках. По данным Лондонской школы экономики, только лишь в затратах на подготовку научно-технических кадров в США экономят благодаря иммигрантам 4 млрд долларов в год. А некоторые авторы указывают, что эта цифра доходит до 5 млрд долларов. Характерен пример с компьютерной технологией. В 80-е гг. спрос на специалистов в этой престижной области резко возрос, увеличиваясь ежегодно на 20 %. Он удовлетворялся за счет иностранцев, в первую очередь, бывших советских евреев.

В августе 1989 г., как сообщило агентство Ассошиэйтед Пресс, СССР покинули 6756 евреев, что является рекордным показателем с 1979 г. Из этого числа только 793 человека отправились в Израиль, а остальные – в США. В связи с этим американская администрация рассматривала тогда положение, по которому лицам еврейской национальности, не имеющим родственников в США, было предложено выехать из страны из-за резкого увеличения еврейской иммиграции из СССР. Если в 1986 г. их выехало за границу 914 человек, то в 1988 г. – 18 965 человек, а в 1989 г. – уже 33 444 человека. На 1 мая 1989 г. в различных государствах мира проживало более 20 млн человек – выходцев из Советского Союза, в том числе людей с двойным гражданством. В США живут более 7 млн русских, украинцев, евреев, литовцев, латышей. Во Франции проживает около 750 тысяч, в странах Латинской Америки – около полумиллиона, Австралии – более 200 тысяч человек – выходцев из нашей страны. В Иордании, Сирии, Ливане живет более 1 млн армян, грузин, узбеков, представителей народностей Дагестана, кабардинцев и балкарцев.

Иммиграция наносила огромный экономический, физический и нравственный ущерб нашей стране. В 1960 г. евреев в СССР с высшим образованием насчитывалось 291 тысяча, в 1970-м – 357 тысяч. Это число увеличилось на 28 тысяч к 1975 г., несмотря на то, что за пятилетие выехало 113,5 тысяч евреев, и продолжало расти не-

уклонно: на 4 тысячи к 1977 г. и на 6 тысяч к 1981 г. С 1976 г. по 1981 г. из Советского Союза уехало 142,4 тысяч евреев. Основная причина нарастания иммиграционного процесса заключается в тяжелом состоянии экономического положения страны, неудовлетворенности части интеллигенции социальным статусом, отсутствии возможности реализовать себя как личность, получить удовлетворение от работы. В настоящее время «бег» молодежи на запад еще более усилился.

Демократические перемены охватили все слои общества, в том числе и интеллигенцию, которая призвана создавать новый морально-политический климат, оказывать огромное влияние на все процессы, происходящие во всех сферах общественной жизни. В немалой степени благодаря ее усилиям в обществе удалось разрушить многолетние стереотипы мышления, застоявшееся мировоззрение, преодолеть политическую апатию. С углублением демократии, преодолением ею кризиса будет возрастать роль интеллигенции в теоретических исследованиях по вопросам формирования новых представлений об обществе, путях перехода к качественно новому состоянию общества, в совершенствовании социальных и национальных отношений, формировании социально-активной личности. Возрастает роль интеллигенции в духовном возрождении общества, разработке актуальных проблем отечественной истории, развитии и взаимодействии национальных культур, использовании традиций и обычаев в решении воспитательных задач.

Время высветило те проблемы, которые унаследованы от прошлого, накапливались годами и загонялись внутрь. Но надо иметь в виду и то, что на ошибках и просчетах перестройки пытаются паразитировать и спекулировать экстремисты, всякого рода безответственные элементы. Недооценивать возможность возникновения острых политических, социальных, национальных, иных конфликтов опасно. Их очаги находятся во многих регионах нашей страны. Первые шаги демократизации, развившиеся в расширении гласности, прав и свобод человека, породили не только демократические, но и шовинистические, националистические, антинародные и другие группы. В их основе лежит прежде всего низкий уровень политической культуры, отсутствие в стране длительных демократических традиций, недостаточная зрелость общественного сознания, его засоренность множе-

ством предрассудков и догм; несформированность, некомпетентность общественного мнения; низкий уровень нравственности многих людей. Духовная ржавчина проникла исключительно глубоко. В общественном сознании некоторых групп стерлись грани между добром и злом, милосердием и жестокостью, гуманностью и отчуждением друг от друга. Чтобы преодолеть эти явления, потребуются большие усилия и со стороны интеллигенции, ибо она прежде всего призвана решать эти нелегкие задачи.

Связанные с демократизацией нашей жизни задачи чрезвычайно сложны. Этот путь проходит через массу препятствий, причем решение одних проблем часто порождает новые, более сложные. Поэтому требуется глубоко продуманная стратегия, в создании которой принимает самое активное участие интеллигенция. И сейчас, когда общество перешло в плоскость конкретных, практических дел, как никогда нужна консолидация наших сил, максимальное их сосредоточение на решении всех проблем на созидательной работе. И наша интеллигенция призвана консолидировать наше общество не любой ценой, а на принципиальной основе общечеловеческих ценностей, в поддержке демократии, нацеленной на обновление нашего общества и придание обществу подлинно гуманного характера.

Речь не идет о какой-то «смене всех». Мы ни в коем случае не должны отрицать плюрализма во всем, который основывается на наших ценностях, открывающий широкий простор для выражения позиций, отражающих разные интересы, особенности восприятия тех или иных проблем. Свидетельством этому является тот факт, что сейчас в нашей стране созданы десятки политических партий, различных самостоятельных объединений, неформальных организаций и т. д. Многие своей деятельностью отражают весьма широкий круг интересов трудящихся, учащейся молодежи, отражают стремление к более активному участию в обновлении нашего общего дома.

В этом плане очень важно, чтобы государственные органы своевременно установили со всеми политическими партиями и «неформалами» деловые, тесные связи, чтобы внимательно изучили их программы и начали сотрудничать на широкой демократической основе. Таким образом, развитию этой большой и трудной работы будут способствовать встречи с ними государственных работ-

ников, ученых, во время которых должен вестись открытый, принципиальный диалог. Эти встречи, в свою очередь, позволяют своевременно обнаружить проблемы обновения общества и оперативно решать их.

Слово интеллигента, правильное или ошибочное, воспринимается простым народом как идеал, он не всегда вникает в это и берет на вооружение, т. е., как мы отметили выше, интеллигенция формирует общественное сознание. В этом заключается ее роль и ответственность перед обществом. Поэтому, опираясь на опыт и знания интеллигенции, необходимо решать задачи демократическими, цивилизованными методами и средствами. Отсюда новая социальная политика, создание такой атмосферы, в которой бы человек чувствовал себя уверенно, свободно. Естественно, эти задачи можно решить только через самого человека, через его позицию. А сама эта позиция должна формироваться правильно, что является одной из важнейших задач интеллигенции. Вот почему нужна реформа политической системы, чтобы путем демократических процессов вывести трудящихся на все уровни реальной власти. Вот почему нам нужно развивать демократию, — чтобы оздоровить наше общество, сделать его более гуманным, освободиться от всех наслоений, которые прежде отягощали нашу жизнь.

Каковы же области реализации знаний интеллигенции? Основные профессиональные направления ее следующие: научная и научно-техническая интеллигенция, инженерно-техническая, художественная, педагогическая, медицинская, культурно-просветительная, административная, военная и др.

В условиях научно-технической революции особенно быстрыми темпами растет число научной и производственно-технической интеллигенции. По мере дальнейшего расширения сферы услуг, форм и методов получения, обработки и передачи различной информации у интеллигенции появляются новые возможности. Одним из главных условий качественного и количественного развития интеллигенции является превращение науки в непосредственную производительную силу. В силу этого за последние годы по всему миру наблюдается значительный рост числа ученых, инженеров и техников, связанных с наиболее передовыми направлениями научно-технической революции. Так, например, число специалистов по компьютерной технике в одних США увели-

чилось за 20 лет в 57 раз и продолжает расти. В 1956 г. насчитывалось 496 тысяч инженеров и 26 тысяч техников (кроме занятых в здравоохранении); к 1982 г. число инженеров возросло более чем в три раза – до 1574 тысяч, а техников – в 43 раза, до 1114 тысяч.

Одна из главных причин роста числа ученых (в 2 раза), преподавателей и учителей – взрыв знаний и вызванный им бум образования. НТР затронула многие элементы производительных сил. Отсюда возросшая потребность в кадрах специалистов в области химии, астрофизики, молекулярной биологии, электроники, лазерной техники и других сфер науки. Эти же тенденции в развитии интеллигенции наблюдаются и в нашей стране, в том числе и на Северном Кавказе. Так, если в 1913 г. в России численность научных, научно-педагогических работников составляла 11,5 тысяч человек, то в 1986 г. их было более 1,5 млн ученых (в том числе, доктора наук – 45,7 тысяч человек, кандидаты наук – 472,8 тысяч человек). Или такой пример: если численность научных работников по физико-математическим наукам составила в 1960 г. 29 тысяч человек, по техническим – 129,8 тысяч человек, то к 1986 г. соответственно 145,4 и 715,7 тысяч человек.

Быстрыми темпами росла численность научных работников и по таким отраслям знаний, науки, как химическая, биологическая, экономическая и т. д. Так, если численность научных сотрудников в СССР по химическим наукам составила в 1960 г. 26,2 тысяч человек, по биологическим – 13,9 тысяч, то в 1986 г. их насчитывалось соответственно 62,5; 57,1; 112,5 тысяч человек. Значительно увеличилось и число врачей всех специальностей, если в 1940 г. их насчитывалось 155,3 тысяч, то в 1986 г. их стало более 1,3 млн человек. Но главное – не количественные параметры интеллигенции, а качественные. Важно, чтобы ее профессиональный уровень отвечал требованиям современного научно-технического прогресса. Важно, чтобы интеллигенция влияла в лучшую сторону на политическую, экономическую и духовную жизнь общества.

Как было отмечено выше, новая народная интеллигенция сформировалась в сложных внутренних и внешних условиях. Поэтому изучение условий формирования и развития интеллигенции имеет важное теоретическое и практическое значение. Интеллигенция делится на

различные категории по отношению к средствам производства, по роли в общественной организации труда, по условиям жизни и т. д. Поэтому отношение различных представителей интеллигенции к демократическим переменам неодинаковое, ибо неодинаково влияние революционных перемен, которые происходят сейчас в нашем обществе, на их условия труда и жизни. Это и определяет их отношение к переменам. Изучение позиции каждого профессионального подразделения интеллигенции актуально, ибо в зависимости от этого нужно строить и работу с каждым из них. Учитывать специфичность положения каждого разряда интеллигенции важно, так как это позволит избежать многих ошибок в социальной политике.

Рассуждения об интеллигенции «вообще», безотносительно к общественному строю, к которому она принадлежит, о «вечности» критической позиции ее представителей по отношению к существующим порядкам, о «вечном» конфликте ее молодого («революционного») поколения со старым («консервативным») поколением и т. д., основываются на неправильном методологическом подходе к изучению социальной структуры общества вообще и места интеллигенции в ней, в частности. Некоторые общие черты в функциях интеллигенции, обусловленные сходством в уровнях развития производительных сил и в профессионально-техническом разделении труда, не должны, однако, заслонять коренного социального различия в положении интеллигенции и ее общественных позициях в условиях реальной жизни.

В капиталистическом обществе группа лиц, занимающихся квалифицированным умственным трудом, очень разнородна в социальном отношении. Так, в дореволюционной России образованные представители господствующих классов входили в дворянскую и буржуазную интеллигенцию. Значительная часть интеллигенции была мелкобуржуазной по происхождению, и ей были свойственны колебания, обусловленные неустойчивым, промежуточным положением мелкой буржуазии. Интересы российского рабочего класса защищала сравнительно немногочисленная, но сыгравшая очень важную роль в его революционной борьбе пролетарская интеллигенция, в которую входили не только передовые, интеллигентные рабочие, но и представители других классов.

К. Маркс отмечал разновидности умственного труда.

Во-первых, это труд, создающий пригодные для продажи товары; во-вторых, умственный труд, при котором «производимый продукт не отделим от того акта, которым он производится». К первой категории умственного труда относится труд писателя, художника, скульптора и других создателей культурных ценностей — книг, произведений искусства. Но здесь надо отметить, что с конца XIX в. в эту категорию все более входят и артисты, поскольку граммофонная пластинка, магнитная пленка, видеозапись и т. п. позволяют отделить продукт труда от исполнителя. Ко второй категории умственного труда относится труд врача, учителя, адвоката и т. д. И те, и другие в буржуазном обществе часто именуются «людьми свободных профессий», которые выступают на рынке труда подобно другим мелким частным производителям, но, как правило, находятся в более привилегированных условиях, чем ремесленник, мелкий торговец, прислуга и т. д. Большинство этой интеллигенции образует особый слой, близкий по своей социальной сущности к мелкой буржуазии, а в своей верхней части — к буржуазии.

Есть еще и третья категория людей умственного труда, о которой пишет К. Маркс. Это труд таких представителей интеллигенции, как инженеры, техники, агрономы и т. д., то есть те, кого мы называем производственно-технической интеллигенцией, которые непосредственно участвуют в создании материальных ценностей. Эта часть интеллигенции на первых этапах развития капиталистического производства играла менее значительную роль, поскольку прогресс техники в значительной мере осуществлялся за счет эмпирических знаний и изобретений талантливых самоучек. Тогда еще научные знания использовались в промышленности, сельском хозяйстве, транспорте в сравнительно ограниченных масштабах и за счет уже созданного университетской наукой задела. По мере развития капитализма данная часть интеллигенции, которая связана с крупным машинным производством и вынуждена продавать свою рабочую силу владельцам предприятий, растет быстрее всего.

Развитие капитализма в России потребовало большого количества квалифицированных работников умственного труда. Капитализм увеличивает с особенной быстротой число служащих, предъявляет все больший спрос на интеллигенцию. В целом, в дореволюционной России

интеллигенция составляла незначительное число населения, а что касается инженеров и техников, то их было еще меньше. К началу 60-х гг. XIX в. по всей России было примерно 20 тысяч людей с высшим образованием, а к концу века было подготовлено высшими учебными заведениями гражданских ведомств около 85 тысяч «годных к выполнению функций интеллектуального труда». По переписи 1897 г. «...чинов административного и судебного ведомств насчитывалось по всей империи 42 тысячи; на уездных чиновников из них приходилось около 10 %». В развитых капиталистических странах в начале XX столетия инженерно-техническая интеллигенция уже представляла собой влиятельный и весьма привилегированный отряд. В современных условиях бурного научно-технического прогресса в этих странах этот отряд интеллигенции стал многочисленным. К нему примыкает слой «менеджеров» — управляющих, наемных руководителей производства, которые обладают высоким уровнем технических знаний. В этот слой стала входить определенная часть ученых.

Современная научно-техническая революция оказывает противоречивое воздействие не только на материальное положение и сознание трудящихся во всем мире, но и часто оказывает негативное влияние на социальную структуру, на развитие науки и техники.

Дело в том, что межнациональные корпорации в развивающихся странах не создают возможности их комплексного развития. Индустриализация последних носит односторонний характер, не сопровождается соответствующим ростом научно-технического потенциала. Наоборот, происходит организованная «утечка мозгов» — ученых, инженеров, врачей и т. д., которых переманивают из менее развитых стран в развитые, обеспечивая этим лицам не только более высокую, чем дома, оплату труда, но и привлекая их лучшими условиями для научных исследований на совершенной технической базе. Это и естественно, ибо развивающиеся страны для развитых капиталистических, прежде всего, источники сырья, дешевой рабочей силы и рынки сбыта готовой продукции.

В результате революций 1905 и 1917 гг. страну покинуло около 2 млн человек, среди них — ученые, инженеры, литераторы, артисты. Многие представители интеллигенции, которые остались, были физически уничтожены, а оставшиеся в живых стали на путь сотруд-

ничества с советской властью. И практика нашей действительности показала, что интеллигенция в нашем обществе находится в незавидном положении как по материальной обеспеченности, так и по условиям труда. Правда, за исключением аппарата управления, который является одним из отрядов интеллигенции. Поэтому и по сей день покидают эту страну многие выдающиеся ученые, артисты, писатели и т. д.

К решению проблемы использования интеллигенции, доставшейся пролетарскому государству от старого общества, большевистская партия подошла неоднозначно. Не всегда она сдерживала свои обещания по отношению к старой интеллигенции, хотя рассматривала вопрос привлечения старой интеллигенции на сторону советской власти для строительства новой жизни. Без использования достижений науки, техники и культуры, которые достались в наследство от капитализма, без привлечения специалистов социализма не построить. «Мы не можем строить власть, — указывал Ленин, — если такое наследие капиталистической культуры, как интеллигенция, не будет использовано». Советское государство использовало и старых специалистов в деле строительства нового общества. Задачи формирования интеллигенции нового общества решались, во-первых, путем перевоспитания и привлечения старой интеллигенции на сторону советской власти; во-вторых, массового выдвижения рабочих и крестьян в органы управления народным хозяйством, в-третьих, подготовки новых отрядов интеллигенции через высшую и среднюю специальную школу из рабочих и крестьян. Создание новой социалистической интеллигенции явилось одной из самых важных задач нашего государства. Высшая и средняя школа сыграли огромную роль в формировании новой интеллигенции. Еще в годы Гражданской войны были заложены основы для превращения вузов и техникумов в кузницу новых кадров. Организуя революционное преобразование высшей и средней специальной школы, Коммунистическая партия на первый план выдвинула задачу изменения социального состава студенчества и идейно-политической направленности обучения.

Ленинские указания об изменении социальной направленности формирования кадров социалистической интеллигенции в учебных заведениях страны легли в основу государственной политики в области высшего и

специального образования, которая была провозглашена в декрете Совнаркома РСФСР «О правилах приема в высшие учебные заведения» и в Постановлении Совнаркома «О приеме в высшие учебные заведения РСФСР», принятых 2 августа 1918 г. В этих документах предусматривалось снятие всех преград при поступлении в вузы трудящихся и их детей, отменялась плата за обучение, открывался широкий доступ в высшую школу для детей рабочих и крестьян, достигших 16-летнего возраста. В случае, если число желающих поступить в высшие учебные заведения превышало обычное число вакансий, принимались самые экстренные меры, обеспечивающие возможность учиться для всех желающих, не допускалось никаких привилегий для имущих классов. Декретами революции было положено начало коренному преобразованию высшей школы, расширению сети учебных заведений и широкой демократизации социального состава студенчества в них.

Дело в том, что многие смешивают интеллигенцию как социальную группу с интеллигентностью, под которой понимают культуру поведения, высокие нравственные качества человека. А отсюда и более обобщенный и в корне неправильный вывод о том, что если отсутствовала интеллигенция у того или другого народа, то якобы он некультурный народ и т. д. Действительно, можно иметь образование и не быть культурным человеком. Между культурой и образованием есть разница. Очень многие безграмотные люди обладают такой культурой поведения и нравственностью, что им остается только позавидовать. Следует иметь в виду и то, что уровень образования сам по себе может служить критерием принадлежности того или иного лица к интеллигенции. Можно иметь диплом об окончании вуза или среднего специального учебного заведения и работать буфетчиком, официанткой, заведующим складом и т. д. Образование может служить индикатором характера труда тогда, когда оно используется по назначению. В частности, в 1987 г. в СССР около 4 млн дипломированных специалистов работали на должностях, не требовавших соответствующего уровня подготовки. К примеру, в Кабардино-Балкарии из 79,6 тысяч специалистов со средним и высшим специальным образованием, занятых в народном хозяйстве, более 10 тысяч находилось на таких должно-

стях, где не требовалось такой высокой подготовки, которой они обладали.

С другой стороны, хорошо известно, что значительное число руководящих работников занимает должности без соответствующего образования. Это так называемые практики, доля которых среди специалистов и руководителей все еще значительна, что отрицательно сказывается на решении социально-экономических проблем. В 1985 г. среди руководителей учреждений и организаций «практики» составили 8 %, среди начальников цехов, смен, участков, управляющих отделениями, фермами — 26, среди мастеров и производителей работ — 17 %. Особенно велика была доля этой категории работников среди специалистов и руководителей сельского хозяйства. В 1985 г. в РСФСР на этих должностях работало 273 тысячи практиков, в том числе их доля среди руководителей среднего звена составила 49 %. В целом по стране общая численность практиков составила 4 млн человек. Причины подобного положения заключаются, во-первых, в традиционной недоверии к представителям интеллигенции; во-вторых, в слабой подготовке значительной части специалистов народного хозяйства; в-третьих, в психологии выдвиженчества, которая широко практиковалась в довоенное время, когда остро чувствовался недостаток в специалистах. К сожалению, эта психология до сих пор не преодолена.

Необходимость и возможность выдвижения рабочих и крестьян на руководящие посты были продиктованы ситуацией, которая сложилась в нашей стране после Октября 1917 г. Это было оправдано тем, что низкий уровень механизации и автоматизации производственных процессов, почти полная безграмотность населения и т. д. не требовали высокой подготовки специалистов. Но другое дело сегодня, когда бурно развивающийся научно-технический прогресс вторгся во все области жизни, когда на смену сохе и ручному труду пришла компьютерная техника, рабочий класс и крестьянство стали высококвалифицированными работниками, поднялись на качественно новый уровень их общая культура, образованность. Здесь, естественно, «практиками» не обойтись, а нужны специалисты с соответствующим образованием, умеющие работать с людьми и разбирающиеся в сложнейшей технике.

Как мы отмечали, структура интеллигенции, в отли-

чие от рабочего класса и крестьянства, является наиболее разнообразной. Из нее можно выделить несколько групп в зависимости от места и роли в социальном строении общества: научно-техническую, производственную, педагогическую, художественную, медицинскую, управленческую, военную. В свою очередь, ряд групп имеет еще и внутреннее деление. Определенный интерес представляет подход академика Т. И. Заславской к принципам деления интеллигенции на различные отряды по их отношению к демократическим переменам. В частности, интеллигенцию она делит на следующие отряды: научно-техническая интеллигенция (специалисты народного хозяйства, ученые научно-технического профиля); хозяйственные руководители сферы производства; ответственные работники торговли и бытового обслуживания населения; социальная, гуманитарная интеллигенция (педагоги, врачи, журналисты, художники, ученые общественного и гуманитарного профиля и т. д.); ответственные работники аппарата политического управления, т. е. партийных, государственных органов; политические руководители общества.

«Государства погибают, когда перестают отличать хороших людей от дурных», — сказал еще в IV в до н. э. древнейший философ, ученик Сократа Антистен. Эти мудрые слова не утратили своего значения и сегодня.

Таким образом, при всей неоднозначности оценки советского периода в истории нашего народа, на этом сравнительно небольшом этапе были взлеты и падения, героические события и драматические эпизоды. Если говорить о малочисленных народах бывшего Советского Союза, то они достигли за считанные годы значительных успехов в экономическом и культурном развитии. С помощью государства, русского и других народов, адыги и балкарцы в короткий исторический период создали школьное, вузовское образование, науку, профессиональное искусство. Была подготовлена большая армия национальной интеллигенции. Многие представители науки, образования, профессионального искусства с Северного Кавказа получили всемирную известность. Такие яркие представители адыгов, как Юрий Темирканов, Мухадин Кипшев, Руслан Цримов, являются достоянием мировой культуры. На местах выросли высококвалифицированные, с широким политическим кругозором, талантливые политические деятели и руководители: В. Коков, В. Со-

хов, Х. Кармоков, А. Джаримов, Х. Совмен и др. Эти политические деятели на всех участках своей работы всегда показывали большое умение работать с людьми, политическую зрелость и высокое профессиональное мастерство. По мнению абсолютного большинства населения северокавказских республик и многих государственных руководителей, они способны возглавить самые сложные участки государства. Многие талантливые и перспективные кадры из адыгов и балкарцев работают на различных ответственных должностях республик Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. Среди них — Х. Чеченов, Х. Сохроков, М. Ахохов, Ю. Маиров, Ю. Кетов, С. Дерев, Ю. Альтудов, Т. Эркенов и др. В одной только Кабардино-Балкарии главами администраций районов и городов работают молодые, высококвалифицированные работники, такие, как Х. Бердов, Ю. Коческов, М. Мамбетов, З. Балкизов, З. Калов, М. Панагов... Многие представители адыгской и балкарской интеллигенции, в том числе и руководящих кадров, имеют звания «Заслуженный работник» различных сфер, их труд отмечен различными правительственными наградами.

Как указывалось ранее, культура, образование и наука в этих республиках за короткий исторический период вышли на передовые позиции. Интеллигенция адыгов и балкарцев заняла достойное место среди многонациональной российской интеллигенции. Имена многих ее представителей известны всему миру и составляют золотой фонд мировой культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Булгаков Н. С.* Героизм и подвижничество. М., 1992. С. 183, 184.
 Второй съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959. С. 421.
Гамзатов Р. Мой Дагестан. Махачкала, 1974. С. 59.
Герандоков М. Х. Культурное строительство в Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1975. С. 108–112.
 Революция и горец. 1931. № 9. С. 16.
 История адыгейской литературы. Майкоп, 1999. Т. 1. С. 188, 189.
 История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 2. С. 143.
 Кабардино-Балкарская правда. 1990. 10 апр.
 КБГУ–50. Нальчик, 1982. С. 8–13, 52–54.
 КПСС в резолюциях... М., 1971. Т. 7. С. 112, 113.
Ленин В. И. ПСС. Т. 24. С. 120–122, 132, 133.

Мамбетов Г. Х., Хутуев Х. И. Братская помощь русского и других народов СССР в развитии культуры Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1984. С. 50.

Международная жизнь. 1988. № 4. С. 15.

Национальный вопрос и национальная культура в Северо-Кавказском крае. Ростов н/Д, 1926. С. 44–46.

Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1957. С. 445.

Перестройка, гласность, демократия, социализм, СССР: демографический диагноз. М.: Прогресс, 1990. С. 201, 202.

Правда. 1989. 6 июня; *Известия.* 1990. 13 мая.

Советская культура. История и современность. М., 1983. С. 301, 302.

Унежев К. Х. Феномен адыгской (черкесской) культуры. Нальчик, 1997. С. 208–210.

Унежев К. Х. Живут адыги на Земле моей... Нальчик, 1992. С. 90, 91.

Фиапшев Б. Х. Сельскохозяйственные образовательные учреждения Кабардино-Балкарской Республики. Нальчик, 2001. С. 117. ЭКО. 1989. № 9. С. 128–132.

**ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ
И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ ВЗГЛЯДЫ АДЫГОВ
И БАЛКАРЦЕВ В XVIII – НАЧАЛЕ XX В.**

- § 1. *Первые отряды адыгской интеллигенции в России.*
- § 2. *Адыгские общественные деятели и просветители XVIII – первой половины XIX в.: Александр Бекович-Черкасский, Жабаци Казанок, Хан-Гирей, Измаил-Бей Атажукин, Шора Ногмов, Умар Берсей, Султан Казы-Гирей.*
- § 3. *Общественные деятели и просветители Кабарды и Балкарии второй половины XIX – начала XX в.: Л. М. Кодзоков, К. Атажукин, Адиль-Гирей Кешев, Измаил и Сафар Урусбиевы. Исторические труды М. Абаева, В. Кудашева и публицистика Б. Шаханова.*

§ 1. Первые отряды адыгской интеллигенции в России

В формировании «высокой», «профессиональной» культуры адыгов и балкарцев, как и других народов бывшего Советского Союза, у которых отсутствовала своя литературная письменность до XX в., исключительную и главную роль играла русская культура, а через нее и мировая. Дело в том, что те контакты горцев Северного Кавказа, которые были установлены с Русским государством в далеком прошлом, несмотря на многие драматические эпизоды этих взаимоотношений, объективно оказали огромное влияние на становление «высокой» культуры горцев, в том числе адыгов и балкарцев.

Процесс становления и развития «высокой» культуры адыгов имеет свою специфику, отличающую его от других кавказских народов. В этом плане следует отметить, что становление культуры адыгов началось за пределами страны черкесов, именно в самой России, с формирования отдельных отрядов интеллигенции адыгов в условиях русской действительности. Речь идет о том, что после того как Темрюк Идаров – Верховный князь Кабарды в далеком XVI в. – «пробил» для адыгов «окно в

Россию», заключив между Кабардой и Русским государством военно-политический союз (1557), многие адыги приезжают в Россию и становятся крупными военными, государственными деятелями Русского государства, чему способствовал в значительной степени именно этот важный военно-политический пакт. Поэтому можно сказать, что именно Темрюк Идаров положил начало созданию в Русском государстве отрядов адыгской интеллигенции. Потомки Темрюка Идарова, начиная с его сыновей и племянников, которые выезжали на русскую службу, заложили основы образования в Русском государстве могущественного княжеского рода Черкасских.

А вообще связи адыгов с Русью были установлены задолго до XVI в. Между восточными славянами — русами — и предками адыгов существовали определенные взаимоотношения задолго до того, как они нашли свое отражение в письменных источниках. Об этом красноречиво свидетельствует археологический материал могильников IV–XII вв. на Кавказе, где элементы восточно-славянской культуры прослеживаются в инвентаре и обряде погребений. Различные предметы этих погребений позволяют говорить о тесных торговых связях между народами Северо-Западного Кавказа и Южной Русью. Об активной и регулярной торговле предков адыгов с другими народами, в том числе с Древней Русью, говорится также в арабских письменных источниках IX–X вв. В частности, арабские историки Баладзори, Ибн-ал-Факих зафиксировали непосредственное проживание русов на Северо-Западном Кавказе в пределах Хазарского каганата. Отечественные исследователи пришли к выводу, что предки адыгов имели тесные связи с восточными славянами еще до возникновения Тмутараканского княжества. Академик В. А. Рыбаков на основе изучения адыгского эпоса «Нарты», славянских сказаний и византийских источников пришел к выводу, что в северо-западной части Кавказа в середине I тысячелетия н. э. находились значительные массы славян, которые сохраняли эпические сказания о событиях в Причерноморье и на Дунае, а впоследствии они растворились среди адыгов (зихов-керкетов).

Профессор Л. И. Лавров археологическими, этнографическими и лингвистическими материалами аргументировал тезис о глубоких связях адыгов и славян, и, на его взгляд, из всех кавказских народов этнографически

наиболее близкими восточным славянам являются именно адыги. Как свидетельствуют древнерусские летописи, еще в 1022 г. князь Мстислав предпринимает поход против адыгов — касогов. После того как в единоборстве, обманным путем, он одолел касожского князя Редеду и по условиям поединка наложил дань на касогов, забрал с собой семью Редеди — жену и двух сыновей. Сыновья были крещены Мстиславом и получили православные имена — Роман и Юрий. Впоследствии Роман женился на дочери Мстислава Владимировича. К Роману и Юрию Редедицам возводят свое начало русские дворянские роды Лопухиных, Белоусовых, Глебовых, Сорокоумовых, Ушаковых (предки знаменитого флотоводца). Однако династия Черкасских в основном создается в России уже с конца XVI — начала XVII в. В 1557 г. в возрасте 17—18 лет в Москву приехал младший сын Темрюка Идарова — Солтан. Иван IV велел его крестить (в крещении — Михаил) и учить грамоте. Таким образом, можно определенно утверждать, что Михаил Темрюкович был первым кабардинцем, получившим высокое для того времени образование в России. В 1559 г. Михаил начинает военную службу в Русском государстве на южных, самых беспокойных его пограничных рубежах, подвергавшихся нападениям со стороны Крыма.

Михаил Черкасский при Иване Грозном стоял на самых высоких ступенях государственной власти. В 1567 г. князь Михаил в возрасте тридцати лет стал боярином, первым из когорты кабардинских князей, ставших русскими боярами и принимавших самое активное участие в становлении и укреплении российской государственности.

Фактически сын главного князя Кабарды Темрюка Идарова — Михаил Черкасский — стал первым человеком в государстве после царя. Сидел первым в Боярской думе, и при перечислении думных списков всегда назывался первым. В России в течение долгого времени жила память о том, что князь Михаил Темрюкович Черкасский тогда был человек великий и управы на него не было.

Следует отметить, что в XVII в. в России было 16 «первостепенных» и 25 «второстепенных» родов, из которых 20 были княжескими. Знатность и родовитость определялись по месту, занимаемому родом среди 31 фамилии. Известный историк С. М. Соловьев в своей работе «Чтения и рассказы по истории России» приводит этот спи-

сок в следующем порядке: «1. Черкасские. 2. Воротынские. 3. Трубецкие. 4. Голицыны» и т. д.

Как видим, князья Черкасские в начале XVII в. занимали видное место при царском дворе и в правительстве. Дмитрий Мамстрюкович (внук Темрюка Идарова) был видным деятелем Земского освободительного движения и даже являлся кандидатом от земщины на царский престол в 1613 г. Он же возглавлял с 1624-го по 1630 г. приказ Казанского дворца, в управление которого входили восточные области Русского государства. Два внука Камбулата Идарова — Яков Куденетович (Урус-кан) и Иван Борисович — возглавляли приказы Большой Казны — Стрелецкий и Поместный. Якова Куденетовича причисляют к самым выдающимся русским полководцам периода царствования Алексея Михайловича. Сын Сунчалая — Григорий, в 1660-е гг. был первым воеводой в Астрахани, а Михаил Алегукович Черкасский занимал пост казанского воеводы, затем стал первым русским генералиссимусом. Все они входили в разное время в состав Боярской думы, т. е. явились членами русского правительства. Черкасские, служившие в России, входили в число самых крупных землевладельцев. Так, например, в 1638 г. в их собственности находилось 3140 крепостных дворов, тогда как у династии Романовых было 3202, а к концу XVII в. уже было 12 032, т. е. больше, чем у каждой из других боярских фамилий России.

§ 2. Адыгские общественные деятели и просветители XVIII — первой половины XIX в.: Александр Бекович-Черкасский, Жабаги Казанок, Хан-Гирей, Измаил-Бей Атажукин, Шора Ногмов, Умар Берсей, Султан Казы-Гирей

В числе представителей первых отрядов адыгской интеллигенции, которые сыграли огромную роль в истории Русского государства, находится Александр Бекович-Черкасский. С юношеских лет до трагической смерти он был верным сподвижником Петра I. К. Ф. Дзамисхов утверждает, что самые ранние сведения об Александре Бековиче мы находим в документах, где говорится о передаче власти в Терской крепости бывшим воеводой Иваном Борисовичем Мартьяновым своему преемнику — «столянику и полковнику и воеводе» Афанасию Ивано-

вичу Козлову. При передаче был составлен список, где отмечалось, что в крепости находились аманаты от князей Кабарды и владетелей Эндеры, от уцмий Кайдацкого и шамхала Тарковского. «В аманатных избах аманатных мурз: кабардинской – Давлет-Гирей (до крещения Александра Бековича звали Давлет-Гирей. – К. У.), андреевской – Чугук, хайдацкой – Амир, тарковской – Хапбек».

«Это первое упоминание о Давлет-Гирее Бековиче датируется 24 мая 1689 г.» – пишет К. Дзамихов. Далее он отмечает, что Александр Бекович-Черкасский мог появиться в Москве не ранее 1690 г. и, естественно, он не мог быть «одним из первых молодых дворян, начавших службу в «потешных войсках», созданных Петром в селе Преображенском»¹.

Здесь юноша принял православную веру и получил имя Александр Бекович-Черкасский. Воспитывался он в доме дядьки Петра I, князя Алексея Голицына. В его семье он получил хорошее домашнее образование. Вместе с другими молодыми дворянами Александр Бекович начал службу в Преображенском полку, а в 1707 г. был отправлен на учебу за границу, как одаренный молодой человек, для изучения разных наук, особенно мореплавания. После завершения учебы Александр Бекович женится по воле царя на княжне Марии Борисовне Голицыной, и его зачисляют в армию в чине капитана гвардии Преображенского полка. С этого момента он начинает играть огромную роль во внутренней и внешней политике Русского государства. Он проводит большую работу по укреплению позиций России на Кавказе, в других регионах. Учитывая, что в начале XVIII в. Кабарда играла главную роль на Северном Кавказе, и многое зависело от ее политики, Петр I направил 4 марта 1711 г. Александра Бековича в качестве личного посланника по важным вопросам на Северный Кавказ.

«Главная цель миссии Бековича-Черкасского, – пишет К. Ф. Дзамихов, – воспрепятствовать враждебным действиям турецкого султана, который враждовал не только с Россией, но и с Кабардой. Зная об этой вражде, Петр I стремился привлечь кабардинцев в качестве союзников в борьбе с «кубанцами». С этой целью и был направлен в Кабарду с царской грамотой Александр Черкасский». После переговоров с кабардинскими князьями он доно-

¹ Дзамихов К. Ф. Адыги в политике России на Кавказе. Нальчик: Эль-Фа, 2001. С. 163.

сил Петру, что «они рады служить великому государю всею Кабардою».

Около года пробыл Александр Бекович-Черкасский на Северном Кавказе. Здесь князь Черкасский занимался установлением прочных связей и с Дагестаном, а также выяснением местонахождения рудных и других природных богатств края. Весной 1714 г. Чекасский вновь выступает как политический деятель, он пишет донесение Петру I, где высказывает свои мысли об обстановке на Северном Кавказе и как следовало бы действовать там России, чтобы народы этого обширного и стратегически важного края «не допустить под руку турецкого султана, но привести под область свою». Далее он сообщает, что из Порты через Крымского хана к «вольным князьям», имеющим владения близ гор, между Черным морем и Каспийским, направлены были посланцы с целью склонить их на свою сторону, за что каждый бы из них получил от султана всякие «милости» и «жалование». В Кабарде миссия турецких эмиссаров не имела успеха. Александр Черкасский в своем «донесении» предупреждает Петра об опасных последствиях того, если Турции удастся подчинить Дагестан. В то же время в донесении Черкасского проходит мысль о том, что укрепление российских позиций на Кавказе принесет пользу как самой России, так и местным народам, и сделать это будет несложно, «понеже тот народ вольный». «По сути дела, — пишет К. Дзамихов, — «Донесение» Бековича-Черкасского было проектом мирного присоединения Северного Кавказа к России»¹.

Здесь он проводит переговоры с кабардинскими и другими горскими правителями, которые дали обязательство выступить на стороне России в случае войны с Турцией. Александр Бекович первым составил карту Каспийского моря. Кстати сказать, эта работа была выполнена им на таком значительном научном уровне, что, когда Петр I показал ее французским ученым, они дали ей высокую оценку, а его приняли Почетным членом французской Академии наук. Александр Бекович был назначен Петром I в 1717 г. руководителем Русского посольства в Среднюю Азию (Хивинское ханство), где он был убит хивинцами. Так погиб, отстаивая интересы Русского государства, крупный ученый, политический дея-

¹ Дзамихов К. Ф. Адыги в политике России на Кавказе. Нальчик: Эль-Фа, 2001. С. 166–168.

тель России конца XVII – начала XVIII в. Александр Бекович-Черкасский, выходец из Кабарды.

Таким образом, можно с определенной уверенностью сказать, что формирование национальной интеллигенции адыгов началось в специфических условиях, а именно за пределами страны черкесов, в Русском государстве, куда они выезжали на постоянное местожительство. Именно плеяда Черкасских – государственных чиновников и военнослужащих Русского государства – была среди первых представителей адыгской интеллигенции. Как показывает история, Черкасские сформировались как государственные деятели и военачальники в русской среде и под непосредственным воздействием русской культуры, русской действительности. Более того, они не только «осели» в России и действовали на ее благо, они даже приняли православие, после крещения обрели новые имена, а впоследствии многие из них, особенно их потомки, ассимилировались и полностью оторвались от корней своих предков. Несмотря на то, что они не были «востребованы» на земле своих предков, на что были свои объективные причины, многие из них сыграли определенную роль в сближении России и адыгов, а через последних – и остальных народов Северного Кавказа, на которых они имели огромное влияние.

Следующим и наиболее существенным этапом, или «волной» становления национальной интеллигенции адыгов, культуры в целом, является период деятельности первых адыгских просветителей. В отличие от первого отряда адыгской интеллигенции, воспитанной в русской среде и главным образом занимавшей важные государственные и военные посты Русского государства, первые адыгские просветители были зачинателями научной и художественной мысли Северного Кавказа в целом, и адыгской в частности. Побудительной силой и основой движения передовой общественной мысли адыгской интеллигенции явились национально-патриотические настроения, зревшие в народе, откуда они произошли в этот знаменательный этап истории Кавказа, а также влияние на горцев передовой русской общественной мысли, литературы и культуры. Именно российская передовая общественная мысль, ее наука и культура явились той богатой базой, отправной точкой, на которую опирались первые адыгские просветители, как и другие народы Кавказа.

Адыгское просветительство зародилось в конце XVIII –

начале XIX в. Обучаясь в русских учебных заведениях, они не только восприняли русскую культуру, но благодаря ей познакомились и с мировой культурой и литературой, приобщили к ней свой народ. Они создавали свои произведения на национальном материале и — прежде всего — для своего народа. Первые адыгские просветители, в отличие от их предшественников — Черкасских, не только учились и служили в России, они почти все вернулись на родину, жили со своим народом и работали на его благо. Более того, они несли образование своему народу конкретным кропотливым трудом. Они писали не только научные труды и художественные произведения, многие из них явились также непосредственными участниками открытия первых светских учебных заведений, культурно-просветительских учреждений, создателями профессионального искусства. Они работали в сложных общественно-политических, социальных и иных условиях. Народ понимал их не всегда, особенно представители духовенства, поэтому начинать приходилось «с нуля», да еще при сопротивлении реакционной части населения.

Первые просветители были теми, кто занимался «первоначальным накоплением духовного капитала», они, подобно первопроходцам, совершившим великие географические открытия средневековья, открыли мир цивилизации через просвещение — для себя и для своих соплеменников. Они, изучив историю и культуру не только других народов, но прежде всего своего этноса, совершили интеллектуальное чудо: усвоив русский и другие европейские языки (многие из них владели несколькими иностранными языками), изучили и свой язык; первыми поставили вопрос о научном исследовании своей истории, культуры, языка; создали первые учебники и издали обобщающие труды по этим направлениям знаний и этим положили начало научной мысли среди адыгов. Поэтому одной из особенностей их научной деятельности является то, что они обратились к социально-гуманитарным проблемам своего народа. Именно по этим отраслям знаний они проводили свою просветительскую работу среди соотечественников.

Один из крупных специалистов по адыгскому просветительскому движению профессор А. Х. Хакуашев пишет, что «...своеобразный опыт первых деятелей адыгского просветительства не «мертвый капитал», а живая

реальность, связанная многочисленными и невидимыми нитями с современностью». {В огромном влиянии русской культуры на процесс становления и развития адыгского просветительского движения, на его пионеров, можно убедиться на примере Жабаги Казаного, одного из первых литераторов, ученых и общественных деятелей адыгов. Жабаги Казаного был также одним из ярких представителей общественной мысли адыгов конца XVII – первой половины XVIII в. Крупный мыслитель, дипломат и гуманист, он всегда был в числе адыгских феодалов, которые выступали за тесное сближение и сотрудничество Кабарды с Россией. Жабаги Казаного родился на правом берегу р. Баксан, напротив нынешнего сел. Заюково Баксанского района. До сих пор сохранилось название того места, где он родился и жил (Казаного).} Существуют разные предположения по поводу года его рождения, из которых можно сделать вывод, что он родился в 1686 г. и прожил до 1750 г. Он был по происхождению дворянином. {Из архивных документов видно, что уоркская фамилия Казанокowych происходит от бжедугов, что она существовала уже в XVII–XVIII вв. В Кабарде имя Жабаги Казаного в письменных источниках упоминается впервые у Шоры Ногмова в работе «История адыгейского народа».

III. Ногмов пишет, что князь Асланбек Кайтукин «...всегда руководствовался советами уздения Жабаги Казаногова, человека благоразумного». Жабаги Казаного был советником Асланбека Кайтукина – влиятельного князя Кабарды XVIII в. Последний укрепил свои позиции среди адыгских феодалов, всего адыгского общества не без помощи Жабаги Казаного, который всегда давал ему дельные, мудрые советы по самым разным проблемам его деятельности. Более того, есть сведения, что Жабаги был его воспитателем. {Жабаги Казаного прославился не только как гуманист, мыслитель, но и как очень любознательный человек. Легенда гласит, что однажды, будучи еще юношей, он заметил, что гора, под которой располагался аул, образовала трещину, и он настоял на том, чтобы жители немедленно покинули его. Но не все поверили ему, а гора действительно обвалилась и накрыла весь аул.}

В результате межфеодалной борьбы в 20-х гг. XVIII в. из-за притеснений баксанских княжеских фамилий

Мисостовых и Кургокиных, князя Кайтукины и Бекмурзины, с кем был в тесных связях Жабаги Казанок, переселились в урочище Кашхатау и там образовали укрепленный лагерь, получивший в документах название «Черекского городка».

Большой интерес представляет деятельность Жабаги Казанок и на дипломатическом поприще! Ему поручались самые ответственные переговоры от имени Кабарды с другими народами и самой Россией. В частности, есть сведения, что он вел переговоры в Астрахани с Петром по проблемам взаимоотношений Кабарды с великим северным соседом и по вопросам Северного Кавказа в целом. Жабаги был известен далеко за пределами Кабарды и у соседних народов. Он всегда выступал за дружбу между народами, ратовал за мирное решение всех сложных проблем между различными княжескими фамилиями и соседними народами. Он выступал против кровной мести, указывая на ее пагубные последствия; был демократом в семейной жизни, всегда защищал честь и достоинство женщин и детей.

Жабаги Казанок являлся большим знатоком устного народного творчества. Был остроумным и мудрым человеком, владел многими языками, в том числе и русским. Все эти достоинства снискали ему большой авторитет не только среди кабардинцев, но и соседних народов. Как было сказано выше, он умер в 1750 г. в Казанок (рядом с сел. Заюково) и похоронен там же. Позже его надгробный памятник перевезен в г. Нальчик и установлен в парке Свободы возле здания медицинского факультета КБГУ.

Измаил-Бей Атажукин (Хатакшоков). Существуют различные версии по поводу года его рождения. Но можно предположить, что он родился на рубеже 50–60-х гг. XVIII в.

Измаил-Бей Атажукин, как многие его соотечественники-адыги, получил образование и жил в России, честно служил ей, отважно защищал ее интересы на различных фронтах многих войн. Он получил общее и специальное военное образование в Петербурге. Измаил-Бей Атажукин оставил в истории России и Северного Кавказа заметный след как военный деятель, просветитель, специалист судопроизводства и его реформы в Кабарде. Патриот, по признанию многих авторитетных людей России XVIII в., он был одним из образованнейших людей

своего времени, владел многими языками, прекрасно знал русскую и зарубежную историю и культуру.

Измаил-Бей не раз показывал отвагу и мужество в войнах России с другими государствами, за что был отмечен различными наградами российского государства. Он, в частности, принимал активное участие в Русско-Турецкой войне 1787–1791 гг. Измаил-Бей участвовал в ней в числе 5 тысяч воинов кабардинского полка в чине секунд-майора под командованием бригадира Ивана Большого-Горича. В 1788 г. принимал активное участие в штурме турецкой крепости Очаков. За проявленные мужество и отвагу в этом сражении ему было присвоено звание премьер-майора.

Вот что писал Григорий Александрович Потемкин-Таврический, всегда проявлявший большой интерес к личности Измаил-Бея Атажукина, 10 июля 1789 г. Екатерине II: «Измаил-Бей из лучшей фамилии кабардинской, подполковник в службе Вашего Императорского Величества, ревностно и храбро служил под Очаковым и на штурме оного, желает показать себя против шведов. Я, его отправляя, всеподданейше прошу о награждении его убранный камнями медалью».

Измаил-бей попал на русско-шведский фронт в сентябре 1789 г., но почему-то вскоре его возвращают обратно на русско-турецкий фронт. Находясь в составе Бурского казачьего полка, в декабре 1790 г. принимает участие в штурме турецкой крепости Измаил под командованием А. В. Суворова, который высоко оценил мужество Измаил-Бея и представил его к награде. В списке награжденных напротив его фамилии великий военачальник сделал пометку, что он «оказал храбрость, усердие». За проявленные храбрость и мужество в этой военной операции он был награжден Орденом Георгия 4-й степени, где в списке награжденных числился как Измаил-Бей. Он также принимал участие в переговорах по заключению Ясского мирного договора, заключенного 29 декабря 1791 г. (9 января 1792 г.) между Россией и Турцией.

Екатерина II тоже обратила внимание на храброго и грамотного горца и решила использовать его талант в кавказских делах. В 1774 г. Измаил-Бей был направлен в Кабарду для решения российских проблем на Северном Кавказе. Это время на Северном Кавказе было сложным и для России и для самих горцев. По сути дела, это

было началом столетней Русско-Кавказской войны, в которой особое место отводилось Кабарде. Россия не случайно начала эту войну именно с покорения Кабарды. В этом важном и критическом деле для всего Северного Кавказа Измаил-Бей Атажукин занял антиколониальную позицию. Более того, он конкретно выразил свое недовольство политикой России на Северном Кавказе, выразившейся в антиколониальных событиях, происходивших в 90-е гг. XVIII в. (1795 г. в Кабарде). Это и послужило причиной того, что царское правительство в качестве наказания за такое поведение высылает его с братом Адиль-Гиреем и майором Хамурзиным в Екатеринослав (ныне Днепропетровск). Суть вопроса состояла в том, что еще в 1793 г. в целях укрепления своих позиций царская администрация обнародовала указ о проведении в Кабарде судебной реформы, против которой выступили влиятельные кабардинские князья и дворяне, которых поддержал Измаил-Бей Атажукин.

В справке, составленной по поводу причины удаления из Кабарды Измаил-Бея Атажукина, его брата Адиль-Гирея и Хамурзина Атажукина говорилось, что названные три человека были высланы в Екатеринослав «за оказанную в усердии к службе российской ненадежность». Это по сути дела было подтверждением того, что все три Атажукина принимали участие в антиколониальном восстании, происходившем в эти годы в Кабарде.

В 1801 г., когда царский престол занял Александр I, Измаил-Бею Атажукину разрешили переехать в Петербург. После этого он просит императора, чтобы ему разрешили вернуться на родину. Александр I дал ему это разрешение в 1807 г. Более того, Измаил-Бею было присвоено звание полковника. Измаил-Бей Атажукин в эти годы много работает над тем, как решить мирно, без кровопролитий, кавказские проблемы. Пишет много обращений в различные властные структуры. Вообще он всегда интересовался проблемами Кабарды, ее взаимоотношениями с Россией. Еще в 1789 г. в своем плане от 24 марта на имя заведующего личной канцелярией Екатерины II В. С. Панова Атажукин просил напомнить генерал-аншефу Г. А. Потемкину об «...известных Вам кабардинских делах». О них Атажукин вспоминал в своем письме на имя Александра I в 1802 г. Оказывается, что через Г. А. Потемкина (он умер 1796 г.) Измаил-Бей Атажукин представил Екатерине II «Сведения о некото-

рых важнейших политических обстоятельствах, до всего края горских черкес касательных».

До возвращения на Кавказ, в начале 1804 г., Атажукин подает в Министерство внутренних дел «Записку о беспорядках на Кавказской линии и способах прекращения оных». Эта «записка» являлась итогом многолетних наблюдений за событиями на Кавказе, социально-политической, экономической и культурной жизнью кабардинцев и горцев в целом. Свои суждения по этим проблемам он еще раньше излагал в таких материалах, как «Краткое описание жителей горских черкес...», «Записка о жителях Кавказа» и т. д. В них он исследовал вопросы взаимоотношений Кабарды с соседними народами и Россией с 1557 г.; о роли Кабарды на Северном Кавказе; о расселении горцев в регионе, о социальном строе; о Кавказской линии; о политике Турции по отношению к Кавказу; об обычном праве и народном собрании; о судопроизводстве и проблемах аннексированных кабардинских земель Россией; о беглых кабардинских крестьянах и применении к горцам меры «кротости» и т. д.

По возвращении на Кавказ Измаил-Бей Атажукин сразу же развернул активную общественно-политическую деятельность. В отличие от своего брата Адиль-Гирея, он критиковал ислам. Очень много он работал над проблемами судопроизводства и осуществлением его реформы в Кабарде. Он выдвигал по этим вопросам много интересных идей; в частности, предложил учитывать особенности быта кабардинцев. В своих предложениях в судебной реформе, как сын своего класса, он защищал интересы феодалов. Он полагал, что с помощью судебной реформы Кабарду можно вывести из состояния хаоса и раздробленности, укрепить союз Кабарды и России; вместе с тем — ограничить вмешательство царских чиновников в дела Кабарды.

Настало время, на наш взгляд, тщательного исследования проекта судебной реформы Атажукина, его подходов к этому важному вопросу юриспруденции, с учетом сегодняшних проблем российского федерализма и судопроизводства. Но можно надеяться, что и современные юристы скажут свое веское слово о научном наследии Измаил-Бея Атажукина в области юриспруденции. Он глубоко и всесторонне изучал Северный Кавказ — от социально-политической, экономической и культурной жизни до его этнической карты. Хотя он не употребляет

термин «Балкария», упоминает о чегемцах и балкарцах («чегем», «малкар»). Он указывал также, что адыги стояли на различных экономических и социально-политических уровнях. Он впервые вводит в научный оборот понятия «аристократические» и «демократические» адыги. К первым он относил кабардинцев и бжедугов, а ко вторым — натухайцев, шапсугов и абадзехов. Он делил их по уровню экономического и политического развития. Атажукин отмечал, что в Кабарде феодализм был более развит, чем у западных адыгов (шапсугов, абадзехов и натухайцев, которые являлись, по его мнению, республиканцами).

Он резко выступал против междоусобицы в адыгском обществе, которая задерживала процесс его консолидации и дальнейшего процветания. Он призывал своих соотечественников сплотиться в единый и могущественный союз; резко выступил против тех кабардинских феодалов, которые призывали к сближению с Турцией, и всегда доказывал необходимость и выгоду союза с Россией! В январе 1812 г. при таинственных обстоятельствах он был убит своим двоюродным братом Росланбеком Мисостовым-Атажукиным. Так преждевременно закончилась жизнь замечательного человека, патриота, талантливого политика и общественного деятеля Измаил-Бея Атажукина, который был убежден, что только в союзе с Россией Кабарда сможет развиваться. Это, в свою очередь, не мешало ему критиковать ее колониальную политику на Северном Кавказе, методы осуществления этой политики.

Одним из ярких представителей первых отрядов адыгской интеллигенции, который внес неоценимый вклад в дело создания профессиональной, «высокой» культуры народа, является Шора Бекмурзин Ногмов (1794—1844). Он был одним из первых историков, филологов и просветителей адыгского народа. Родился Ш. Ногмов в селении Джуща (одном из более 200 кабардинских населенных пунктов, уничтоженных русскими войсками), недалеко от Пятигорска. Первоначально он получил духовное образование в Дагестане. После этого некоторое время работал в родном селе муллой. Однако эта работа не вполне его устраивала, и в 1818 г. он поступил, как и многие его соотечественники, в русскую армию. Спустя некоторое время он опять возвратился в родное село и вплотную занялся изучением родного языка, культуры,

устного народного творчества, обычаев и традиций своего народа; собрал обширный материал по истории и культуре адыгов; работал учителем начальной школы, где прививал детям любовь к знаниям, к родному языку.

[В 1830 г. он вновь поступил на русскую службу в Кавказско-горский полуэскадрон в Петербурге. Здесь он продолжал изучать историю, язык, русскую и мировую культуру. Некоторое время служил в Кавказском корпусе в Тифлисе.] С 1839-го по 1843 г. Ш. Ногмов работал секретарем Кабардинского Временного суда. А в мае 1844-го вновь уехал в Петербург, где 10 (22) июня 1844 г. умер от паралича и был похоронен. Несмотря на короткую жизнь, Ш. Ногмов многое сделал как ученый. По свидетельству С. Д. Нечаева, непосредственно знавшего Ш. Ногмова, он владел пятью языками: арабским, турецким, абазинским, персидским и русским, не считая родного кабардинского. Ш. Ногмов в 1825 г. составил кабардинскую азбуку, но не успел опубликовать ее. К 1840 г. он закончил свою научную работу по языку «Начальные правила кабардинской грамматики». В 1843 г. он составил ее второй вариант. Провел огромную работу по записи старинных народных песен. В общей сложности собрал более 20 кабардинских исторических песен и сказаний. Ш. Ногмов — автор «Кабардино-русского словаря». В нем более четырех тысяч слов. «История адыгейского народа» — это огромный научный труд, который был завершен им в 1843 г., т. е. за год до смерти. Этот исторический труд охватывает период с древнейших времен до XIX в. В нем показаны основные вехи истории адыгского народа. Правда, работа увидела свет после смерти автора, в 1861 г., благодаря стараниям известного кавказоведа А. П. Берже. Она издавалась в общей сложности 8 раз, в том числе в 1866 г. в Лейпциге на немецком языке. В «Истории адыгейского народа» исключительно огромное место занимают материалы об обычаях адыгского народа, о его взаимоотношениях с другими народами, но, на наш взгляд, трудно согласиться с его концепцией об антском происхождении адыгского народа. Кстати сказать, на это указывал и Адиль-Гирей Кешев в своей рецензии на этот труд Ш. Ногмова.

Известный кавказовед прошлого века П. К. Услар назвал Ш. Б. Ногмова «достопочтенным поборником просвещения». Просвещение народа, идея дружбы, расширения и укрепления связи между народами были важ-

нейшими мотивами создания грамматики и «Истории адыгейского народа». «Цель моя будет достигнута, — писал Ногмов, — если мои соотечественники начнут изучать адыгейский язык и русский по моей грамматике, и если русские, столь способные к изучению языков, обратят также внимание на наш язык, обильный, древний, европейцам неизвестный, представляющий богатую жатву для филологии и истории». Таким образом, Ш. Ногмов вошел в историю адыгского народа как крупный ученый с широким кругозором, как поборник просвещения своего народа, сторонник сближения народов.

Он, как и остальные адыгские просветители XIX в., открыл мир своего народа для многих народов. Он не только верил, что его прогресс лежит через образование, науку, культуру в целом, но и сделал очень многое для становления этой культуры.

Следующим замечательным представителем адыгского просветительского движения и одним из первых ученых является Хан-Гирей (полное имя: Крым-Гирей Махмет (Мамат) Гиреев Хан-Гирей). Он воспитывался у аталыков. Хан-Гирей, хотя и прожил короткую жизнь — всего 34 года (1808–1842), прожил ее ярко и насыщенно. Прежде чем заняться научной деятельностью и художественным творчеством, Хан-Гирей добился за короткий период блестящих успехов в военной карьере. В определенной степени на его судьбу повлиял А. П. Ермолов. По завещанию отца Хан-Гирей доставили к Ермолову, а тот, в свою очередь, отправил мальчика в Петербург, в кадетский корпус. По завершении последнего, он был зачислен в январе 1825 г. сотенным есаулом в Черноморский казачий эскадрон. Хан-Гирей принимал участие в важнейших военных кампаниях своего времени: в 1826–1828 гг. — в Русско-Турецкой войне и получил медаль; в 1828–1829 гг. — в Русско-Турецкой войне, в которой, будучи адъютантом главнокомандующего (сначала А. С. Меншикова, затем В. А. Перовского), был представлен к награде и произведен в поручики; в 1830–1831 гг. — в военных действиях в Польше, где был произведен в штаб-ротмистры. В ноябре 1832 г. в чине штаб-ротмистра Хан-Гирей назначают командиром Кавказско-горского полуэскадрона. В последующие годы Хан-Гирей был произведен в ротмистры, а затем, в 1837 г., — в полковники и получил придворное звание флигель-адъютанта. Таким образом, в возрасте 29 лет он был уже

полковником русской армии. Одновременно с ним в Кавказско-горском полуэскадроне служили и такие известные впоследствии его земляки-просветители, ученые, как Шора Ногмов и Казы-Гирей.

Профессор Р. Х. Хашхожева пишет, что Хан-Гирей был блестящим офицером, с восемнадцати лет участвовавшим во всех войнах своего времени, стремительно продвигавшимся по службе, завершившемся вступлением в должность командира далеко небезызвестного в столице специализированного горского полуэскадрона, составлявшего конвой царя, снискавшего особое внимание Николая, а также императрицы Александры Федоровны, которая «на небольших придворных балах постоянно удостоивала Гирея выбором в мазурке». «Светская образованность столь развита в нем, что его можно было ставить в пример многим гвардейским офицерам», «милый характер и приличный в высшей степени тон» — все это создавало ему широкую известность, открывало двери «во многие блистательные петербургские дома». В столице его называли «очаровательным черкесом». Хан-Гирей был не только храбрым военачальником, который в возрасте 29 лет дослужился до звания полковника, но и исключительно образованным человеком. Он превосходно знал историю, мифологию и литературу. Не хуже знал русскую и зарубежную историческую, кавказоведческую и художественную литературу, был в курсе новейших научных открытий, философских течений. Кроме этого, он в совершенстве знал много языков, в том числе западноевропейские, арабский, турецкий и т. д.

Он вращался в кругу многих столичных ученых, литераторов, которые оказывали огромное влияние на его мировоззрение, научные поиски. Живя в столице и выполняя обязанности военнослужащего, Хан-Гирей глубоко интересовался прошлым своего народа, его настоящим положением. Бывая на своей родине, он собирал материалы устного народного творчества, в целом духовной культуры своего народа. В начале 30-х гг. XIX в. Хан-Гирей приступает к написанию своей работы «Записки о Черкесии». Он является автором следующих работ, которые сыграли исключительно большую роль в становлении адыгской историко-этнографической науки и художественной литературы: историко-этнографическое сочинение «Записки о Черкесии», повесть «Черкесские предания», нравоописательный очерк «Вера, нравы,

обычай, образ жизни черкесов», повести «Князь Камбулат», «Наезд Канчука», «Мифология черкесских народов», правоописательно-биографический очерк «Беслый Аббат», «Князь Пшеской Аходягоко».

Замечательные произведения молодого ученого и литератора привлекли к себе внимание уже в тогда: их печатали известные столичные кавказские журналы и газеты по несколько раз. О них были написаны весьма лестные отзывы. Так, издатель «Русского вестника» (Петербург) напечатанный очерк «Вера, нравы, обычай и образ жизни черкесов» сопровождал такой заметкой: «Если в описаниях родной Руси нашей находим мы беспрерывные ошибки господ писателей, чего ожидать, хотя с самым добрым намерением говорить правду, описывать быт чужого народа? Статья сия не сбор заметок, часто непонятных и обезображенных: она принадлежит тому же автору, который одарил в прошедшем году «Русский вестник» повестью «Черкесские предания», где в живой картине изображены были им тоже предания, быт и поверия черкесов... Черкесия — родина автора, обогатившего себя европейским просвещением, но не оставляющим ни веры, ни быта отцов своих, знаменитых между первейшими черкесскими князьями, хотя почтенный автор ознакомился с жизнью европейцев среди высшего петербургского общества, нам остается просить его продолжить драгоценные заметки, которые, конечно, обратят на себя внимание не только русских, но и даже иностранных ученых. А какой материал для поэтов!» Издатель же газеты «Кавказ», публикуя очерк «Мифология черкесских народов», писал: «Мы заимствуем сведения об этом предмете (имеется в виду религия черкесов. — К. У.) из записок просвещенного горца, который, трудясь в продолжение многих годов над собранием обычаев, поверий и исторических событий своей родины, оставил множество драгоценных материалов». Здесь следует отметить, что произведения Хан-Гирея вызвали определенный интерес известных русских и зарубежных кавказоведов, иностранной печати. Их использовал в своих работах кавказовед Вс. Миллер и ученый-англичанин Дж. Белл, а «Черкесские предания» публиковались на немецком языке.

Хан-Гирей был знаком со многими замечательными русскими учеными и литераторами. Есть предположение, что он был знаком с М. Ю. Лермонтовым. В этой связи высказывания Р. Х. Хашхожевой, по нашему мне-

нию, являются убедительными. Она, в частности, пишет, что прошлое и настоящее Хан-Гирея, человека широко известного в столице, не могло не привлечь внимание поэта. Судьба этого образованного горца, состоявшего на службе Русскому государству, но не порывавшего связи с родиной, могла ассоциироваться с историей героя Лермонтовской поэмы «Измаил-Бей», продолжавшей его волновать в связи с задуманным романом о Кавказе, кровавых репрессиях царской армии против непокорных горцев, диктатуре Ермолова.

Как горец и очевидец всех этих событий, Хан-Гирей, к тому же лично знавший наместника Кавказа, мог привлечь поэта перспективой получить ценные материалы для нового произведения. О возможных творческих контактах Хан-Гирея и М. Ю. Лермонтова косвенно свидетельствуют сюжетные совпадения некоторых их произведений. Лермонтовед С. Андреев-Кривич в исследовании, посвященном определению роли кабардино-черкесского фольклора в творчестве М. Ю. Лермонтова, в результате текстологического совпадения поэм М. Ю. Лермонтова «Каллы» и «Аул Бастунджи» с повестями Хан-Гирея «Черкесские предания» и «Князь Камбулат» пришел к выводу, что в основе этих произведений лежат одни и те же адыгские предания. В связи с этим естественно предположить, что М. Ю. Лермонтов получил их от Хан-Гирея, замечательного знатока и собирателя адыгского устно-поэтического творчества.

Хан-Гирей критиковал колониальную политику царизма на Кавказе, он предлагал свои планы улучшения условий жизни горцев, их просвещения. Он выступал за сохранение обычаев и традиций черкесов, за возвращение отобранных у них земель и т. д. Для решения проблем просвещения черкесов, достижения счастья, как пишут профессор В. К. Гарданов и Г. Х. Мамбетов, он, в частности, считал, что для дарования им счастья необходимо образование народа посредством воспитания юношества. Для этого он находил желательным открыть три светских учебных заведения, в том числе в Большой Кабарде. Они также отмечали, что Хан-Гирей предлагал открыть пять учебных заведений, в том числе три гражданских и два духовных. Гражданские учебные заведения должны были подразделяться на два отделения, в одном обучались бы дети феодалов, в другом — дети «про-

стого народа». В духовных училищах должны были готовить кадры для духовенства.

Для осуществления нового порядка управления предлагалось учредить должность попечителя «над просвещением и образованием черкесов и водворением между ними спокойствия кроткими мерами». Попечитель должен был быть подчинен непосредственно главнокомандующему на Кавказе. Как видно из этого, предложения Хан-Гирея обеспечивали бы мирное решение черкесского вопроса. Все это вызвало недовольство у кавказской администрации, а она, в свою очередь, добилась, чтобы отношение царя к Хан-Гирею охладилось. И когда Хан-Гирей в декабре 1839 г. обратился к Бенкендорфу с просьбой о возвращении его рукописи, которая была специально подготовлена им для царя перед его поездкой на Кавказ, Бенкендорф сообщил, что «...государь император... изволил отозваться, что сочиненные флигель-адъютантом полковником Хан-Гиреем в 1836 г. «Записки о Черкесии» должны оставаться в библиотеке генерального штаба и печатать их неудобно». Спустя несколько лет после этого он ушел в отставку и вскоре в Екатеринодаре (Краснодаре. — К. У.) в возрасте 34 лет, в 1842 г. умер. Вот что писалось по поводу смерти этого замечательного человека: «13 февраля 1843 г. флигель-адъютант, лейб-гвардии Кавказско-горского полуэскадрона полковник Хан-Гирей исключен из списков умершим». О причинах смерти В. Бурнашев, его биограф, писал: «Фанатичный мюридизм давно отметил Гирея как жертву свою. Однажды, утолив жажду прохладительным и здоровым кумысом, Гирей почувствовал потребность предаться сну; он действительно сладко заснул с улыбкой на устах, но с тем, чтобы уже не просыпаться: мюридисты умертвили его отравленным кумысом».

Мы привели столь объемные выдержки из биографии этого замечательного гуманиста, ученого сознательно, ибо биографии остальных адыгских, горских в целом, просветителей во многом сходны с нею. Остальные просветители тоже прожили короткую, но яркую жизнь. Многие их идеи и планы были осуществлены после их смерти.

К числу первых адыгских просветителей, которые стояли у истоков национальной культуры, относится Султан Казы-Гирей. Он как национальный писатель-просветитель тоже сформировался, как и его соотечествен-

ники-просветители, под идейным воздействием богатейших традиций русского просвещения и литературы XIX в. Русские поэты и писатели были его учителями и наставниками, заботливо поддерживали молодого горского писателя. Как и все его современники-просветители, Султан Казы-Гирей видел путь к спасению своего народа в его просвещении, в приобщении к наукам. Для этого необходимы были огромные организационные мероприятия со стороны государства, прежде всего необходимо было открывать светские учебные заведения во всех населенных пунктах, необходимо было заинтересовать и родителей, и детей в учебе. Он постоянно был занят мыслями об этом: «Да! И моему европейскому уму представлялась эта странная мятежная жизнь, и мне пришли в голову теории образования народов, о которых так много толкуют и толковали. Странно! Давно ли я сам вихрем носился на коне в этом разгульном краю, а теперь готов представить тысячи планов для его образования».

С. Казы-Гирей, как и многие его соотечественники, был не только просветителем, но и служил в русской армии и не раз показывал пример храбрости и отваги на полях сражений. Он служил в Кавказско-горском полускадроне, участвовал во всех военных кампаниях своего времени. Годы, проведенные в качестве офицера полускадрона, он использовал рационально: здесь он усердно изучал русский язык, русскую литературу, мировую культуру в целом, знакомился со столичными деятелями культуры и науки.

Посредством русской культуры и русского языка он приобщился к мировой культуре. Нашел себе наставников среди прогрессивных русских литераторов. Наиболее чуткого наставника молодой черкес нашел в Петербурге в русском писателе А. Н. Муравьеве. Он познакомил С. Казы-Гирея с выдающимися поэтами России: А. С. Пушкиным и М. Ю. Лермонтовым. Одновременно он успешно продвигался в военной карьере. В 1848 г. получил чин полковника русской армии и был назначен командующим 8-й бригады Кавказского линейного казачьего войска. Позднее к этой должности присоединилось командование с Моздокским линейным казачьим полком. Но в 1852 г. С. Казы-Гирея освобождают от этих должностей и переводят в штаб Кавказского линейного казачьего войска. Через несколько лет, в 1854–1858 гг., С. Казы-Гирея назначают командующим 5-й, затем

6-й бригадами Кавказского казачьего войска; он принимает христианство и новое имя: Андрей Андреевич, т. е. взял себе имя своего давнего и доброго друга, благодаря которому он принял православие, — А. Н. Муравьева. После более чем 30-летней службы в русской армии Султан Казы-Гирей в 1859 г. в возрасте 52 лет (он родился в 1807 г. — К. У.) получил звание генерал-майора. Умер он 11 апреля 1863 г.

Султан Казы-Гирей вошел в историю адыгского народа не только как офицер русской армии, но и как один из первых просветителей, литераторов своего народа. Адыгский просветитель понимал важность и необходимость просвещения своего народа, но идеализировал роль царского правительства в этом важном вопросе. Он тем не менее собрал богатый материал по истории и культуре своего народа. Одним из первых его произведений является «Долина Ажитугай». Он начал его писать в 1834 г.

Известно, что великий А. С. Пушкин оказывал всяческую поддержку литературным талантам горцев Кавказа. Уже в первых двух номерах «Современника» он поместил повесть С. Казы-Гирея «Долина Ажитугай» и рассказ «Персидский анекдот». А. С. Пушкин, по достоинству оценив талант писателя-горца, написал в своем отзыве о повести С. Казы-Гирея следующее: «Вот явление неожиданное в нашей литературе! Сын полудикого Кавказа становится в ряду наших писателей; черкес изъясняется на русском языке свободно, сильно и живописно... Мы ни одного слова не хотели переменить в предлагаемом отрывке...». Не осталось незамеченным творчество Султана Казы-Гирея и для великого русского критика В. Г. Белинского. По достоинству оценивая повесть, он в одной из своих рецензий писал следующие слова: «Долина Ажитугай» примечательна как произведение черкеса (Султана Казы-Гирея), который владеет русским языком лучше многих наших почетных литераторов».

На творчество Султана Казы-Гирея оказала влияние русская романтическая школа, которая получила широкое распространение в первой половине XIX в. Если передовые литераторы России того времени (А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, В. Г. Белинский и многие др.) поддерживали и оказывали необходимую помощь первым адыгским просветителям, то царское правительство без особого восторга, даже враждебно, относилось к их творчеству.

К примеру, шеф жандармов, начальник третьего отделения Бенкендорф, ознакомившись с первым произведением С. Казы-Гирея, направляет строжайшее письмо издателю «Современника» А. С. Пушкину: «В первом томе издаваемого Вами журнала «Современник» помещена статья «Долина Ажитугай», сочиненная Султаном Казы-Гиреем, корнетом лейб-гвардии Кавказско-горского полуэскадрона. Высочайшим Его Императорского Величества повелением, последовавшим в 1834 г., повелено: чтобы как военные, так и гражданские чиновники не иначе предавали печати литературные произведения свои, оригинальные и переводы, какого бы рода они ни были, по предварительному разрешению директоров департаментов, начальников штабов и генерал-интендантов. Означенная статья корнета Султана Казы-Гирея не была предварительно представлена ни на мое рассмотрение, ни на рассмотрение начальника моего штаба. Уведомляя о сем Вас, милостивый государь, я покорнейше прошу на будущее время не помещать в издаваемом Вами журнале ни одного произведения чиновников Высочайше вверенного мне жандармского корпуса, лейб-гвардии Кавказско-горского полуэскадрона и Собственного Конвоя Государя Императора, не получив на то предварительного моего или начальника моего штаба разрешения».

Противники А. С. Пушкина умело пытались использовать произведения Султана Казы-Гирея с тем, чтобы противопоставить его таланту Пушкина, принизить уровень литературного творчества. В этом плане небезынтересными являются критические высказывания Ф. Булгарина в адрес знаменитого произведения А. С. Пушкина «Путешествие в Арзрум». Критикуя это произведение, в то же время восхваляя Султана Казы-Гирея, Булгарин превозносит его произведение «Долина Ажитугай».

В своих критических статьях под общим названием «Мнение о литературном «Современнике», издаваемом Александром Сергеевичем Пушкиным на 1836 г.», Ф. Булгарин писал, что в «Современнике» нет ни одной статьи, которая бы «вывела читателя из обыкновенного состояния души, заставила сердце сильнее биться и дала уму высшее направление. Для ума нет ничего нового, для сердца есть одна статья — «Долина Ажитугай», в ней одной есть поэзия, есть мысли, есть чувства. Но такими ли глазами смотрел на Кавказ, на чудную Иберию и Кол-

хиду сам издатель «Современника», который упрекает г. Сенковского ... в том, что он «ничего нового не сказал о Востоке, ни одной яркой черты, сильной мысли, гениального предложения?» Есть ли что-нибудь из этого в «Путешествии в Арзрум»? Виден ли тут поэт с пламенным воображением, с сильною душой? Где гениальные взгляды, где дивные картины, где пламень? И в какую пору был автор в этой чудесной стране! Во время знаменитого похода! Кавказ, Азия и война! Уж в этих трех словах есть поэзия, а «Путешествие в Арзрум» есть не что иное, как холодные записки, в которых нет и следа поэзии. Прочие статьи пришиты для баланса к статье «Долина Ажитугай», ибо она одна составляет литературное достоинство первой книжки «Современника».

Несмотря на критику Ф. Булгарина, отношения между А. С. Пушкиным и Султаном Казы-Гиреем не ухудшились, наоборот, они продолжали сотрудничать, и во второй книге «Современника» (1836) было напечатано второе произведение С. Казы-Гирея — рассказ «Персидский анекдот». Это произведение было написано на высоком художественном уровне, что явилось большим вкладом в художественную литературу первых адыгских писателей. Однако нас не может не интересовать одно важное обстоятельство, связанное с творчеством этого талантливого литератора. Дело в том, что после рассказа «Персидский анекдот» С. Казы-Гирей не опубликовал больше ничего, почему-то вдруг перестал издавать свои произведения. На этот вопрос не могут ответить и большие знатоки творчества адыгских просветителей профессора А. Х. Хакуашев и Р. Х. Хашхожева. В частности, А. Х. Хакуашев считает, что поскольку мы не располагаем документами, проясняющими этот любопытный вопрос, конкретно ответить на него пока нет возможности. Трудно поверить, что указанное обстоятельство, как полагают некоторые, связано с гибелью Пушкина или объясняется субъективными причинами. Не верным было бы утверждать, что писателю нечего было писать, и он по собственной воле бросил писать. И если подобные утверждения нельзя подкрепить убедительными аргументами, то причину отказа писателя от творческой работы следует усматривать в другом. И в этой связи возможно высказать предположение, что высокопоставленные лица либо сами догадались, либо с чьей-то помощью поняли, что иносказательный заряд «Персидского анекдота» был

направлен против царя, и запретили писателю печататься в дальнейшем. Ведь царь и жандармы Бенкендорфа таким образом лишили языка многих славных сынов русской нации. Тем не менее следует отметить, что С. Казы-Гирей был одним из активных и талантливых просветителей и деятелей культуры. Несомненно, его творчество не могло не оказать влияние на процесс становления адыгской литературы, культуры в целом. В последующем другие адыгские литераторы не могли не опираться на его творчество.

Одним из ярких адыгских просветителей, заложивших основы «высокой» — профессиональной культуры народа, является Умар Берсей (1807). Он — выходец из могущественного и многочисленного в прошлом адыгского племени абадзехов. Умар Берсей получил европейское образование (учился во Франции. — *К. У.*), он прожил полную драматизма жизнь. В свое время, будучи мальчиком, он был продан в Турцию, затем — учеба во Франции, и, после долгих и трудных жизненных дорог, он вернулся на родину — в Черкессию, где вплотную занялся просветительской деятельностью для своего народа, для развития его культуры, образования. Умар Берсей с первых шагов своей просветительской деятельности понял, что национальная письменность является основой развития культуры народа, его просвещения. Поэтому, в первую очередь, он приступает к созданию алфавита родного языка. Он в совершенстве знал арабский, французский, русский и родной языки.

Как и остальные адыгские просветители, Умар Берсей по возвращении на родину поступает на службу в русскую армию. Свою службу в русской армии он начал именно в должности письменного переводчика с азиатских языков при начальнике Правого крыла Кавказской линии, где заслужил хорошую репутацию. Однако в октябре 1849 г. кавказская военная администрация считала целесообразным использовать его на педагогической работе и направила в качестве старшего преподавателя в Ставропольскую гимназию. Такое решение последовало после издания нового положения о Кавказском учебном округе от 18 декабря 1848 г., которое обязывало Ставропольскую гимназию организовать преподавание татарского и черкесского языков. Следует отметить, что эти языки должны были изучать и кавказские, и русские воспитанники, которые обучались в этой гимназии.

Вообще, Ставропольская гимназия являлась одним из первых светских учебных заведений на Северном Кавказе, в котором учились дети-горцы. В деле просвещения горской молодежи огромную роль сыграло именно это учебное заведение. Здесь получило свое образование большинство просветителей-адыгов и выходцев из других народов Северного Кавказа. В Ставропольской гимназии работали представители горцев Северного Кавказа, а также многие российские педагоги. Они были не только опытными учителями, но и большими друзьями народов Северного Кавказа, настоящими интернационалистами, гуманистами, знатоками истории и культуры народов Северного Кавказа.

В этом плане огромную конкретную помощь оказывал горской молодежи, которая обучалась в гимназии, ее директор Я. М. Неверов. Он, как истинный друг кавказцев и опытный педагог, опекал учащихся-горцев, заботился о том, чтобы они и после окончания гимназии продолжали учебу.

Умар Берсей – автор «Букваря черкесского языка», который был издан в марте 1853 г. в Тифлисе. По этому букварю занимались черкесские воспитанники, обучавшиеся в учебных заведениях Северного Кавказа. Ведущие ученые, в том числе такой крупный авторитет в науке, как П. К. Услар, дали высокую оценку этому букварю. Первый «Букварь черкесского языка» Умара Берсея явился значительным вкладом в развитие общеадыгской культуры, в распространение образования среди адыгов.

Умар Берсей был учителем-новатором, он воспитывал в своих учениках любовь к родному языку, истории и культуре своего народа. Он обучал их не только родному языку, но и прививал навыки научных поисков: во время каникул давал поручения собирать в родных аулах, куда выезжали ученики, материалы по устному народному творчеству, нартским сказаниям адыгов, записывать старинные народные сказки, сведения о традициях и обычаях. Учитель русского языка и литературы Ставропольской гимназии, где работал Умар Берсей и обучались горские дети, Ф. В. Юхотников писал по этому поводу следующее: «Молодым горцам, знающим язык и принимающим живое участие в сохранении памятников народной жизни, поручено собирание материалов в своих родных аулах ... При помощи черкесской азбуки,

составленной одним абадзехом (имеется в виду Умар Берсей.— *К. У.*), некоторые молодые люди решились записывать свои песни и предания.

Умар Берсей проработал на ниве просвещения около 10 лет и был одним из первых преподавателей черкесского языка. Он вышел в отставку в 1860 г., однако не прекращал своей научной деятельности, много и плодотворно работал над грамматикой черкесского языка. Кази Атажукин — единомышленник и продолжатель его дела — отметил, что Умар Берсей принимал участие в составлении нового алфавита. Он занимался не только проблемами просвещения черкесского народа, но также пробовал свои силы в художественной литературе, т. е. сделал смелую попытку создания адыгской художественной литературы. В частности, написал несколько рассказов и басен, которые отличались глубиной содержания. Этому мнения придерживались хорошие знатоки творчества Умара Берсея — С. Зекох и А. Гукемук.

Таким образом, Умар Берсей, как и остальные адыгские просветители, сделал очень многое в становлении адыгской культуры, просвещении своего народа. Он был не только пропагандистом народного просвещения, но и принимал практическое участие в создании алфавита родного языка, преподавал в Ставропольской гимназии. Многие сделали также по сбору материалов по истории и устному народному творчеству адыгов. Был прекрасным знатоком русской, а также западной культуры, с которой он познакомился, обучаясь во Франции.

§ 3. Общественные деятели Кабарды и Балкарии второй половины XIX — начала XX в.:

Л. М. Кодзоков, К. Атажукин, Адиль-Гирей

Кешев, Измаил и Сафар Урусбиевы.

Исторические труды М. Абаева, В. Кудашева

и публицистика В. Шаханова

Одним из замечательных общественных деятелей среди горцев Северного Кавказа второй половины XIX в. был Дмитрий (Локман) Кодзоков (1818—1893). Он не только учился в России, но и воспитывался несколько лет в семье Хомяковых, где получил прекрасное домашнее образование. После этого он был отдан в пансион известного в то время профессора Павлова. Здесь он изучает

русский, латинский и английский языки, историю, географию и многие другие науки. После успешного окончания пансиона в 1834 г. Дмитрий Кодзоков поступает в Московский университет на словесное отделение. Его мировоззрение формируется под воздействием прогрессивной русской общественной мысли. В Московском университете он «усваивал новые идеи и впитывал в себя прогрессивные традиции русской литературы и общественной мысли», — пишет другой крупный исследователь адыгского просветительского движения, творчества первых просветителей профессор Т. Х. Кумыков.

Д. Кодзоков и многие его соотечественники не просто обучались в учебных заведениях России, но и показывали там свои неординарные способности, талант во многих отраслях знаний. Например, будучи студентом 2-го курса, Д. Кодзоков становится одним из победителей письменного конкурса по классу упражнения в русском слоге, когда он представил две работы: «Описание Кавказа» и «Осада Троицкой лавры». Жюри дало этим работам высокую оценку, признав лучшими, наряду с работами Юрия Самарина, Константина Черкасского. Более того, Д. Кодзоков в годы студенчества принимал участие в переводе с французского на русский язык «Истории средних веков» Демиселя, которая была издана Погодиным в 1836 г. Также, будучи студентом, в 1837 г. он издает сборник стихов «Стихотворения молодого черкеса». После успешного окончания Московского университета Д. Кодзоков активно включается в общественно-политическую жизнь, в просвещение своего народа, в изучение родного края, его проблем. Д. Кодзоков получил звание действительного статского советника, что приравнивалось к генеральскому чину.

Летом 1839 г. Д. С. Кодзоков тепло попрощавшись с Марией Алексеевной, Алексеем Степановичем Хомяковыми и с другими близкими ему людьми, отправился на Северный Кавказ. Он ехал к себе на родину, чтобы изменить общественный и культурный быт горского населения, внедрить новые методы ведения хозяйства, а самое главное — сделать все возможное, чтобы приобщить свой народ к знаниям, к достижениям мировой культуры. В этом гуманном деле помогли не только полученные им в Московском университете знания, но и его общение со многими образованными и известными людьми в Пятигорске, где Кодзоков остановился по приезде из Москвы.

Он встречался с М. Ю. Лермонтовым, Ш. Б. Ногмовым и многими другими людьми, беседы с которыми не могло пройти бесследно для него. На этот факт их встречи ссылается и И. Л. Андроников, который обнаружил в альбоме Лермонтова запись: «Лукман-бек-Мурзин Кодзоков, Дмитрий Степанович Кодзоков, в Пятигорске».

Пребывание Д. Кодзокова в Пятигорске в конце 30-х – начале 40-х гг. XIX в. явилось для него настоящей школой. С высоты новых взглядов он изучает Кавказ, быт, культуру его народов, особенно своего. Иначе и не могло быть, ибо он долгое время находился вдали от дома и фактически знал свою родину по книгам и рассказам тех, с кем даже не был знаком. Здесь он изучает кабардинский и турецкий языки, собирает огромное количество материалов по истории и культуре народов Кавказа, изучает обычаи и традиции горцев. Д. Кодзоков в своих письмах и записках отмечал, что народы Северного Кавказа «нуждаются в приобретении основательного знакомства с более полезными науками». Он глубоко сожалел о том, что «богатый край и щедро наделенная раса людей, какими следует называть жителей Северного Кавказа вообще, и жителей Кабарды в частности», находился в жалком экономическом и культурном состоянии; здесь нет школ. Учитывая это обстоятельство, Д. Кодзоков предпринял ряд важных шагов в культурном преобразовании края. В 1839 г. он составил «Записку (проект) об открытии в Кабарде школ для первоначального обучения детей» и представил ее начальнику Центра Кавказской линии генералу Барятинскому. Кроме того, Кодзоков поставил вопрос о размежевании земель, об изменении системы управления краем.

В том же 1839 г. Кодзоков открыл в ауле своего отца начальную школу, где дети обучались русскому языку, арифметике. За счет своих средств он нанял учителя. Для детей он выписал из Ставрополя книги, необходимые пособия. В период пребывания в Пятигорске в конце 30-х – начале 40-х гг. он ставил вопрос о проведении на Северном Кавказе аграрно-административной и школьной реформ. Кодзоков поддерживал деятельность Кази Атажукина, Шоры Ногмова и других просветителей. Кроме этого, Кодзоков проделал на Северном Кавказе огромную работу по земельной реформе в должности председателя сословно-поземельной комиссии, которая была создана специально для решения проблем крестьянской реформы. Умер он 2 апреля 1893 г. во Владикавказе.

Другим замечательным адыгским просветителем, большим знатоком адыгской культуры и языка является Кази Атажукин. Он не только пропагандировал знания среди своего народа, но и проводил огромную работу по открытию школ, написанию учебников, их печатанию. Родился он в 1841 г. в сел. Атажукино III (ныне село Куба Баксанского района КБР), умер 23 октября 1899 г. в Пятигорске. Кази Атажукин свою общественно-культурную деятельность посвятил делу просвещения своего народа. Ведущее место в ней занимал вопрос об открытии сельских школ и введении письменности на родном языке. Он успешно окончил Ставропольскую гимназию. Кстати сказать, это учебное заведение сыграло огромную роль в просвещении горской молодежи. В гимназии обучались почти все представители просветительского движения Северного Кавказа, в том числе адыгов. В ней работали не только замечательные педагоги, но и большие друзья горцев. Они превосходно знали их историю и культуру, традиции и обычаи. Многие прекрасно владели черкесским языком и преподавали его в той же гимназии. По окончании гимназии Кази Атажукин активно включился в дело просвещения своего народа, становления и развития школьного образования в крае. Он, в частности, предлагал изучать кабардинский язык в мусульманских школах, которые функционировали при сельских мечетях. Одновременно критиковал систему обучения детей в медресе (школе) при мечетях. Атажукин указывал, что в этих школах идет механическое заучивание арабской письменности, мало кто мог понимать значение арабских слов. Атажукин добивался того, чтобы вопрос о введении кабардинской письменности был поставлен на государственную основу и чтобы правительство призвало служителей мусульманских школ оказывать всяческое содействие в этом вопросе, всячески поощряя их. Он считал необходимым установить такой порядок, чтобы при занятии должности сельского муллы училось знание кабардинского языка.

К. Атажукин поставил вопрос об организации пяти-шестимесячных педагогических курсов с целью подготовки из сельских мулл, из наиболее успешно занимающихся в медресе преподавателей кабардинского языка. Он также предлагал в школе-медресе начать обучение детей с изучением кабардинской азбуки, затем постепенно перейти к изучению арабского языка. Вместе с

тем К. Атажукин придавал огромное значение изучению русского языка. Его азбука была составлена на русской графической основе. Он также поставил вопрос о переводе делопроизводства на кабардинский язык.

Здесь следует отметить, что его программу изучения кабардинского языка некоторые деятели науки и образования встретили враждебно. Одним из ярых противников К. Атажукина выступил К. Макаров, который долгое время служил на Кавказе в качестве переводчика и был учителем Петербургского батальона военных кантонистов. Макаров считал ненужным и бесполезным заниматься распространением кабардинской письменности, а тем более — осуществлять переписку на этом бесперспективном, по его мнению, языке. Выражая свое пренебрежительное отношение к кабардинскому языку и огульно отрицая его, он писал: «Я остаюсь при таком убеждении, что вводить кабардинскую письменность — то же самое, что воскресить египетских жрецов с их особой азбукой, которая была неизвестна большинству, или вводить шифрованную азбуку, пожалуй, даже стенографию, что кому-нибудь, может быть, будет выгодно, но большинству будет положительно вредно». Конечно, К. Атажукин аргументированно доказал научную несостоятельность и политическую вредность взглядов Макарова по этому вопросу.

И в последующем, как мы увидим, история показала правоту К. Атажукина. Он не только пропагандировал кабардинский язык, но и создал первые книги на кабардинском языке, в том числе кабардинскую азбуку («Къэбэрдей алыфбей»). Она была издана в Тифлисе в 1865 г. Попытки издания подобных книг были сделаны в свое время Ш. Ногмовым и Хан-Гиреем. Например, Ш. Ногмов написал грамматику адыгских языков. Однако эти работы не увидели света. Кази Атажукин работал учителем краткосрочных (2–3 месяца) педагогических курсов, открытых в марте 1866 г. для обучения «сельских учителей кабардинской грамоте и письму». Кроме этого, К. Атажукин подготовил и издал на кабардинском языке «Несколько рассказов из Гулистана Саади» (1864); «Два отрывка из народной поэмы о Сосруко и два рассказа» (1864), «Воздух и вода, их свойства и видоизменения» из учебника для детей К. Д. Ушинского «Детский мир и хрестоматия» (1868). Эти работы К. Атажукина, несомненно, явились крупным этапом в становлении на-

родного образования адыгов. Он также сделал много предложений по проведению судебной реформы в крае. Таким образом, как справедливо отмечает профессор Т. Х. Кумыков, взгляды К. Атажукина по вопросам просвещения и введения родной письменности, управления и суда не были абстрактными рассуждениями, оторванными от общественно-политической жизни адыгов и всех горцев того времени. Они отвечали жизненным потребностям местного населения в пореформенный период.

К замечательной плеяде Гиреев — адыгских просветителей XIX в. — относится Адиль-Гирей Кешев (1837—1872). С 1850 г. вместе с Кази Атажукиным он обучался в Ставропольской гимназии. Адиль-Гирей Кешев, как и его соотечественники, которые обучались в этом учебном заведении, был исключительно одаренным учащимся. В этом легко убедиться, если ознакомиться с некоторыми эпизодами из его биографии. Он, учась в Ставропольской гимназии, не раз показывал исключительные успехи в знании русского языка. Он неоднократно демонстрировал это, участвуя в конкурсах на лучшее сочинение среди учащихся гимназии. Например, он участвовал в конкурсе на тему: «О характере героев в современных русских повестях и романах». Всего было представлено на конкурс 29 сочинений, каждое в объеме до 30 листов. При этом следует отметить, что на эту тему пишет горец, на чьей родине практически нет светской школы, еще практически не создана система образования. Несмотря на это, по его сочинению жюри заключило следующее: «Воспитанник из почетных горцев, родясь в сфере не только чуждой, но и противоположной нашему обществу, по интересам, привычкам, образу жизни, сумел не только понять, но и почти верно оценить значение лучших типов нашей литературы и показать отношение их к действительной жизни: тем с большой признательностью отдаем заслуженную дань похвалы его сочинению, которое написано языком более чистым и правильным, нежели сочинения некоторых русских воспитанников старшего седьмого класса».

Через год — снова конкурс, и Кешев выступает с не менее интересной темой: «Сатира во времена Петра, Екатерины и наши дни». И снова успех — первая награда и высокая оценка жюри, отметившего в работе воспитанника-горца «самостоятельность многих выводов, бывших плодом долгого изучения разбираемых авторов и описы-

ваемой им эпохи». Это сочинение получило настолько высокую оценку жюри, что было отослано директором Ставропольской гимназии Я. М. Неверовым, где учился Кешев, издателю журнала «Русский педагогический вестник» как убедительное свидетельство «успешной учебы горцев, их одаренности, способности и усердия в науках». В ответ журнал теплыми и доброжелательными словами приветствовал «молодой талант из горцев», отмечая, что как-то странно, но вместе с тем приятно видеть имя Адиль-Гирея Кешева. «Наука вправе ожидать многого от молодого горца, который с такой внутренней силой вступает на ее поприще».

Я. М. Неверов в своей статье «Еще раз об образовании кавказских горцев», опубликованной в газете «Кавказ», с восхищением писал: «И это действительно замечательное явление, что в русской гимназии на 350 учащихся, из них 20 горцев, торжество оказывается на стороне такого меньшинства». Именно в стенах этой гимназии проявился талант А.-Г. Кешева, на что обратили внимание его педагоги и столичные издатели.

После успешного окончания Ставропольской гимназии и не без рекомендации ее директора Януария Михайловича Неверова, большого друга горцев, Кешев поступает в Петербургский университет на факультет восточных языков «по разряду арабско-персидско-татарскому». Но окончить университет Кешеву не дали. Осенью 1861 г. в университете начались студенческие волнения, вызванные репрессиями против свободолюбивой части студенчества. Адиль-Гирей Кешев принял в них участие. Естественно, его, как и других инонациональных студентов, в нововведенном уставе не устраивали не только общие для всех ограничения, но и специальный пункт, запрещающий «иноземным носить национальные одежды...» с предварением, что полиция «имеет право и обязанность каждого нарушающего правила немедленно арестовать». Это правило означало, что отныне права других национальностей прямо и недвусмысленно попираются. Не желая мириться с такими антидемократическими правилами, введенными в университете, Адиль-Гирей Кешев в ноябре того же года в знак протеста подал на имя управляющего делами Кавказского комитета, в ведомстве которого находились студенты из Кавказа, заявление следующего содержания: «Несмотря на все мое желание окончить свое университетское образова-

ние, я никак не в силах оставаться в университете при тех новых условиях, которые теперь там введены, о чем считаю своей обязанностью довести до сведения Вашего Превосходительства и просить Вас сделать распоряжение об увольнении меня из числа кавказских воспитанников с выдачей документов для следования на родину». Заявление молодого горца тут же было удовлетворено, и он был выслан из Петербурга в Ставрополь, на родину. Однако следует отметить, что его пребывание в столице не прошло даром. Помимо опубликованных в 1860 г. рассказов из цикла «Записки черкеса» и повести «Абреки», он в следующем году печатает свое последнее произведение — очерк «На холме».

После прибытия в Ставрополь он сразу же приступает к выполнению различных служебных поручений. Сначала он был назначен переводчиком с черкесского языка в канцелярии начальника Ставропольской губернии, затем перевелся учителем того же языка в гимназию. Но в ноябре 1866 г. в связи с преобразованием губернской гимназии в классическую и исключением из учебной программы черкесского языка Адиль-Гирей Кешев оставил прежнее место и поступил секретарем в Ставропольскую контрольную палату. В августе 1876 г. он переселился во Владикавказ, административный центр Терской области, где становится редактором газеты «Терские ведомости», выполняя одновременно различные поручения администрации Терской области. Находясь в должности редактора областной газеты, он занялся активной журналистской деятельностью. В своих корреспонденциях и статьях широко пропагандировал культуру, быт, обычаи и традиции адыгов. Через свои публикации он знакомил широкий круг читателей с жизнью своего народа, с его проблемами. Он старался, как он сам писал, «представить черкеса не на коне и не в драматических положениях, как его представляли прежде, а у домашнего очага, со своей его человеческой стороной».

Таким образом, Адиль-Гирей Кешев, как и остальные адыгские просветители, не только писал художественные произведения, статьи, корреспонденции, показывающие жизнь его народа, но и выступал за просвещение своего народа, за приобщение его к русской и мировой культуре. При этом он четко осознал, что невозможно решить эти проблемы без создания сети культурно-просветительных, учебных, научных учреждений и заведе-

ний. Он по праву принадлежал к той замечательной плеяде адыгских просветителей первого отряда интеллигенции, которые заложили основы «высокой», профессиональной культуры адыгского народа.

Исмаил и Сафар-Алий Урусбиевы являются одними из ярких представителей балкарского просветительского движения второй половины XIX в. Эта фамилия принадлежала одной из самых знатных и состоятельных среди дворянского сословия – таубиев – балкарского народа.

Исмаил Урусбиев служил в русской армии, и это ему не мешало, как и многим другим просветителям горцев Северного Кавказа, заниматься изучением истории и культуры своего народа и его просвещением. Исмаил Урусбиев изучал и превосходно знал не только историю балкарцев, но также хорошо знал культуру соседних народов. Он собрал много материалов устного народного творчества, музыкальной и танцевальной культуры горцев Северного Кавказа. Это отмечали не только многие деятели культуры региона, но и России, с кем он поддерживал самые тесные творческие и личные контакты. Например, композитор С. И. Танеев отмечал, что «... это человек, знающий весь Кавказ, обычаи разных народов, музыку старинную и новейшую... При всем этом грамоты не знает. Считается здесь первым знатоком кавказских преданий». Более заметную роль в просвещении своего народа, в изучении истории и культуры сыграли его сыновья – Науруз и Сафар-Али. Они тоже много ездили по кабардинским и балкарским селам, встречались со многими пожилыми людьми, которые знали много ценного и интересного по истории и культуре своих народов. Они записывали старинные народные сказания, песни, эпизоды из истории, в том числе отражающие взаимоотношения соседних народов. Они оказывали огромную помощь многим известным деятелям культуры России в осуществлении ими научных экспедиций на Северном Кавказе. Урусбиевы содействовали им в отборе и записи песен и танцев Северного Кавказа. Например, они сопровождали М. А. Балакирева и С. И. Танеева в путешествии по Кабарде и Балкарии.

В отличие от своего отца, старший сын Исмаила Урусбиева Сафар-Али был грамотным, образованным человеком. Он, в частности, обучался в Петровской академии (Тимирязевской). Научные взгляды Сафара-Али развивались под влиянием таких крупных ученых, как

В. Миллер и М. Ковалевский. Последний даже отмечал, что «Сафар-Али Урусбиев занимается составлением грамматики родного языка, применив русскую азбуку к выражению его звуков». Из этого следует, что Сафар-Али не только изучал и знал свой родной язык, но превосходно владел и русским языком. В 1881 г. он опубликовал статью «Сказания о нартских богатырях у татар-горцев Пятигорского округа». Он глубоко уважал и ценил народных певцов («джэгуакIуэ»), отмечал их влияние на общественное сознание и полезность их деятельности.

В то же время он, как некоторые его соотечественники, ошибочно полагал, что балкарцы и карачаевцы произошли от монголо-татар. «В горах Пятигорского округа Терской области, — писал Сафар-Али, — живет племя татарского или монгольского происхождения, населяющее несколько аулов; оно говорит татарским языком». И тем не менее Сафар-Али сделал много полезного для своего народа — в изучении его истории и культуры, в укреплении дружбы между горцами Северного Кавказа, особенно между кабардинцами и балкарцами.

Другим не менее ярким представителем балкарского просветительского движения и общественным деятелем является Мисост Абаев. Он получил хорошее светское образование, долгие годы служил в русской армии и ушел в отставку в чине ротмистра. Одним из значимых научных трудов, которому он посвятил много времени, является его исторический очерк «Балкария», который был опубликован в 1911 г. в журнале «Мусульманин». Эта работа является первым дореволюционным научным трудом по истории балкарского народа. Она до сих пор не потеряла своей научной значимости и является настольной книгой всех, кто изучает историю Балкарии. В этой работе М. Абаев осветил все важнейшие вехи истории балкарцев. В очерке автор уделял большое внимание вопросу происхождения балкарцев, их взаимоотношениям с Россией и соседними народами, в первую очередь — с Кабардой. В работе большое место отводится социально-политическому развитию Балкарии. Говоря о взаимоотношениях Балкарии и Кабарды, он дает интересные факты о дружеских связях этих народов, отмечает, что были частые случаи, когда кабардинцы брали на воспитание балкарских детей, становясь, таким образом, аталыками, и наоборот. Вместе с тем он отмечал и некоторые случаи притеснения кабардинскими князьями балкарцев Черекского ущелья.

Он широко использовал в своей работе не только материалы устного народного творчества балкарцев, но он также хорошо знал кабардинский фольклор, который тоже нашел место в его работе. Однако были у него и ошибки по истории балкарцев, по вопросу их происхождения и земельным отношениям. В частности, он утверждал, что балкарцы и карачевцы произошли от татар.

М. Абаев сделал много полезного как просветитель и общественный деятель. В статье «Горцам Северного Кавказа», опубликованной в 1910 г., он призывал своих соотечественников распространять грамоту среди простого народа, создавать учебные заведения для детей. Таким образом, М. Абаев занимал одно из значительных мест в строю замечательных пионеров науки и образования на Северном Кавказе. Без кропотливого их труда невозможно было создать «высокую», «профессиональную» культуру горцев.

Одной из заметных фигур в исторической науке и образовании конца XIX – начала XX в. в Кабарде является Владимир Николаевич Кудашев (Эльбездуко Канаметович до крещения). Родился он в сел. Докшоково (Старый Черек) в 1863 г. Окончил в 1880 г. Нальчикскую горскую школу. Некоторое время В. Кудашев работал в Нальчике в аптеке, затем уехал во Владикавказ для продолжения практики. Здесь, с апреля 1882 г. по январь 1884 г., он проходил курс аптекарского ученика. После этого он уехал в Харьков, а оттуда в Петербург. Там прослужил с 1885-го по 1887 год. В 1888 г. он поступил на медицинский факультет Московского государственного университета и в январе 1890 г. получил диплом об окончании данного факультета в звании провизора. В. Кудашев был женат на дочери крупного русского промышленника Морозова. Помимо медицины, по которой он получил прекрасное образование, он глубоко интересовался историей своего народа. Он собрал богатый материал, и итогом его работы в области исторических наук явился ценный научный труд под названием «Исторические сведения о кабардинском народе», который был опубликован в Киеве в 1913 г., к 300-летию правления династии Романовых. В этом научном труде В. Кудашев исследовал основные вехи истории Кабарды с древнейших времен до конца XIX в. Он показал кабардино-русские отношения, общественно-политический строй Кабарды как федерального государства со всеми его ат-

рибутами. Исследовал процесс освобождения крестьян от личной зависимости. В. Кудашев специально изучил вопросы сословных и земельных отношений в Балкарии.

В. Кудашев много времени и усилий отдавал просвещению своего народа. Он, как его предшественники по просветительскому движению, указывал на необходимость открытия школ, больниц, других культурно-просветительных учреждений в крае.

Всегда выступал за сближение с Россией. Однако не понимал сущности колониальной политики царизма на Северном Кавказе. После революции В. Кудашев эмигрировал за границу, и никто не знает, в каком году он умер. Но факт, что он дожил до Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., и есть версия, что он перевел крупную сумму денег в Государственный Банк СССР и на эти деньги была создана танковая колонна, которую В. Кудашев просил назвать именем «Кабарда». Таким образом, он до конца своей жизни оставался патриотом, жил ради своего народа и многое сделал в своей общественной и научной деятельности.

Одним из известных балкарских общественных и политических деятелей начала XX в. был Басият Абаевич (Борис Александрович) Шаханов (1879–1919). Родился 17 января во Владикавказе в семье врача. Он был исключительно образованным для своего времени человеком. Окончил военно-юридическую академию. До поступления в данное учебное заведение он прослужил в русской армии 7 лет на Кавказе. Его отец, Абай Шаулович, был одним из первых балкарцев, получивших высшее образование. Он был родственником другого балкарского ученого и просветителя – М. Абаева, и всегда, приезжая в Балкарию, останавливался у него.

Б. Шаханов до 1909 г. был православным христианином, потом принял ислам и изменил свое имя Борис Александрович на Басият Абаевич. Его мать была по национальности русской. После окончания военно-юридической академии Б. Шаханов отправляется на работу в должности помощника товарища прокурора. Затем он некоторое время работает адвокатом. В этой должности он защищал на процессах интересы простого народа. Например, он был адвокатом на процессе участников Черекского восстания балкарских крестьян 1913 г., где добился их оправдания. Б. Шаханов с 1910-го по 1916 г. работал юрисконсультом Кабарды и Балка-

рии. Но его жизнь и деятельность в годы двух революций 1917 г. и Гражданской войны в России противоречивы. С одной стороны, он был членом Временного правительства от Кабарды и Балкарии. С другой — участник II съезда народов Терека, провозгласившего советскую власть в крае. Умер в марте 1919 г. и похоронен в Вольном Ауле.

Нет возможности рассказать обо всех замечательных первых адыгских, балкарских ученых, литераторах и просветителях, которые заложили основы «высокой» культуры народа. Они были первым отрядом национальной интеллигенции. Они все прилагали воистину героические усилия для расцвета духовной жизни народа. Они были пионерами в науке, образовании, просвещении народа. Подобно тому, как, если бы не было великих географических открытий и не был бы освоен Новый Свет, планета Земля не была бы представлена человечеству в полном объеме и в своем великолепии, так, если бы не было у человечества целой эпохи Просвещения, в том числе у адыгов и балкарцев, у этих народов не была бы создана своя профессиональная культура, без которой немыслима сама жизнь народа, его прогресс. Благодаря интеллектуальному подвигу просветителей, мир узнал об образе жизни, об образе мышления, о природе мира адыгов и балкарцев, об их уникальной и неповторимой среде обитания. В свою очередь, благодаря их произведениям, адыги и балкарцы узнали мир культуры древних народов, их воззрения; они «расчистили» путь к мировой культуре для своего народа. Следует отметить, что, в свою очередь, «известными их сделал русский язык».

Просветители были для своего народа колумбами мира просвещения, мира культуры. Они «приоткрыли» двери учебных заведений и научных учреждений, без которых не состоялась бы эта «высокая» культура народа. Словом, просветители создали условия для последующей эпохи, ее становления, для перехода в новый, XX в., который во многом внес свои коррективы в ход общественного прогресса, в том числе в развитие культуры тех народов, которые оказались в сфере влияния сил, подвергших миллионы людей эксперименту «сказки, сделанной былью». Но исторический процесс шел своим чередом. Честные, доброжелательные люди всегда были и будут. Их пытались уничтожить физически, многих уничтожили, но дух народа неистребим, он всегда оста-

вался, ибо он не познан до конца и живуч. Справедливо-сти ради надо отметить, что огромную и неоценимую роль в зарождении и развитии «высокой», «профессиональной» культуры горцев сыграла русская культура, сама Россия. Именно в стенах российских учебных заведений получило светское образование абсолютное большинство адыгских и балкарских просветителей. Они сформировались как ученые, литераторы, деятели культуры под благотворным влиянием демократических идей прогрессивных деятелей русской культуры. Многие из них оказывали горцам конкретную помощь не только в получении образования, но и в литературном и научном творчестве. Работы адыгов и балкарцев, как и представителей остальных народов Северного Кавказа, публиковались в престижных столичных изданиях, а некоторые из них даже за рубежом. Поэтому благодарные адыгские и балкарские просветители, все без исключения, всегда выступали за дальнейшее сближение и сотрудничество их народов с русским, ратовали за глубокое усвоение его культуры. В свою очередь, прогрессивные русские ученые и литераторы изучали жизнь народов Кавказа. Немало гениальных произведений посвятили А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой, А. С. Грибоедов и другие адыгам и балкарцам, остальным горцам. Русские ученые И. А. Гюльденштедт, С. М. Броневский, К. Ф. Сталь, Н. Ф. Грабовский, Н. Ф. Дубровин, В. В. Дубянский, М. М. Ковалевский, В. Ф. Миллер Н.-А. Буш и многие другие занимались изучением природы, экономики, истории и культуры горцев Северного Кавказа, ряд их работ не потерял научной значимости до настоящего времени. Или такой пример: большое влияние на формирование одного из замечательных просветителей адыгов Хан-Гирея как ученого, литератора и общественного деятеля оказали деятели русской науки и культуры, с которыми он встречался в Петербурге в 30-х гг. XIX в. Литератор В. П. Борнашев помогал Хан-Гирею в подготовке рукописи «Записки о Черкесии». Известный ученый-кавказовед Ш. С. Услар оказывал содействие другому адыгскому просветителю, Кази Атажукину, в написании и издании его работ. Таких примеров множество.

Значительную роль в получении образования горцами, особенно адыгами и балкарцами, сыграли Московский и Петербургский университеты, а также Ставропольская и Екатериноградская гимназии, где в 1843 г.

были открыты пансионаты для горцев. В 50–60 гг. XIX в. Ставропольская гимназия стала, по существу, центром передовой демократической мысли всего Северного Кавказа. Многие горские просветители окончили первоначально именно эти гимназии, а затем учились в вузах России. Известный просветитель и общественный деятель Кабарды Л. М. Кодзоков, как было сказано выше, окончил Московский университет. Кази Атажукин и Адиль-Гирей Кешев по окончании Ставропольской гимназии учились в Петербургском университете.

После окончания Пятигорской прогимназии и плодотворного пребывания в Петербурге и в Москве отдал всю свою жизнь борьбе за развитие культуры и просвещения родного народа кабардинский просветитель Т. П. Кашежев. Большое влияние на него оказал русский общественный деятель Л. Г. Лопатинский, известный своими прогрессивными взглядами относительно народного образования горцев Северного Кавказа. При его непосредственном участии были опубликованы многие тексты адыгского фольклора, собранные К. Атажукиным, Т. Кашежеевым, П. Тамбиевым и Н. Цаговым. Благотворное влияние Л. Г. Лопатинского и других русских ученых сказалось и на выходе в свет этнографических трудов Т. П. Кашежева «Свадебные обряды кабардинцев» и «Ханцегуаше». Л. Г. Лопатинский не только опубликовал фольклорные материалы многих адыгских авторов, но и сам занимался записью произведений адыгского фольклора, в частности нартского эпоса, историко-героических песен и сказок. Он настолько глубоко и основательно изучил кабардинский язык и овладел им, что составил грамматику и словарь кабардинского языка. За «Кабардинскую грамматику со словарем» он получил ученую степень доктора филологии Лейпцигского университета. По словам академика Н. Я. Марра, «...в исследовании Лопатинского мы имеем своего рода открытие весьма ценное». Работы Л. Г. Лопатинского не утратили своего значения и по сей день.

Педагогические взгляды К. М. Атажукина складывались под непосредственным влиянием великого русского педагога К. Д. Ушинского. Его труды К. Атажукин перевел на кабардинский язык.

Однако дальнейший ход исторического прогресса не позволял довольствоваться просветительским движением. В культурном развитии перед адыгами и балкарца-

ми, как перед остальными горцами Северного Кавказа, стояли не менее сложные задачи.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев М. К.* Балкария. Нальчик, 1993.
- Бекалдиев М. Д.* История Кабардино-Балкарии с древнейших времен до конца XIX в. Нальчик, 1997.
- Гукемухов А.* Басни Умара Берсея// Ошпахмахо. 1963. История Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1995.
- Кавказ. 1859. № 39.
- Каламбий.* Записки черкеса. Нальчик, 1988.
- Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в. Нальчик, 1993.
- Кумыков Т. Х.* Культура, общественно-политическая мысль и просвещение Кабарды во второй половине XIX – начале XX в. Нальчик, 1996.
- Кумыков Т. Х.* Казн Атажукин (жизнь и деятельность). Нальчик, 1969.
- Кумыков Т. Х.* Дмитрий Кодзоков (просветитель, общественный деятель Кабарды XIX в.). Нальчик, 1995.
- Мальбахов Б. К., Дзамихов К. Ф.* Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством: Нальчик, 1996.
- Мамбетов Г. Х., Хутуев Х. И.* Братская помощь русского и других народов СССР в развитии культуры Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1984.
- Ногмов Ш. Б.* История адыгейского народа. Нальчик, 1994.
- Переписка Пушкина. Т. 3. СГ.,/ 1906.
- Северная пчела. СПб., 1836. № 129.
- Советская культура и современность. М., 1983.
- Тхагазитов Ю. М.* Эволюция художественного сознания адыгов. Нальчик, 1996.
- Унежев К. Х.* Живут адыги на земле моей... Нальчик, 1992.
- Хакуашев А. Х.* Адыгские просветители. Нальчик, 1978.
- Хашхожева Р. Х.* Избранные произведения адыгских просветителей. Нальчик, 1980.
- Хан-Гирей.* Черкесские предания. Нальчик, 1989.
- Шаханов Басият.* Избранная публицистика/ Сост. Т. М. Битирова. Нальчик, 1991.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава 1. Культура и ее роль в обществе	8
§ 1. Духовная культура адыгов и балкарцев и ее роль в жизни народа	8
§ 2. Культура адыгов и балкарцев в системе кавказской цивилизации	16
§ 3. Взаимосвязь культуры и среды обитания народа	26
Глава 2. Культура жизнеобеспечения адыгов и балкарцев	47
§ 1. Поселения и жилища адыгов и балкарцев	47
§ 2. Одежда адыгов и балкарцев	59
§ 3. Традиционная пища адыгов и балкарцев	76
Глава 3. Декоративно-прикладное искусство адыгов и балкарцев	92
§ 1. Кузнечное и оружейное производство	92
§ 2. Шерстяное производство	110
§ 3. Художественная обработка дерева и камня. Ювелирное производство	115
Глава 4. Религиозные верования адыгов и балкарцев	123
§ 1. Языческие верования	123
§ 2. Христианство	140
§ 3. Ислам	150
Глава 5. Устное народное творчество адыгов и балкарцев	160
§ 1. Нартский эпос и его историко-культурное значение	160
§ 2. Предания, легенды, сказки – важнейшие жанры устного народного творчества адыгов и балкарцев	181
§ 3. Институт джэгуакIуэ	190
Глава 6. Семейный быт адыгов и балкарцев	200
§ 1. Формы семьи, брака. Брачные запреты	200
§ 2. Брачный выбор. Сватовство	211
§ 3. Свадебные обряды	216
§ 4. Внутрисемейные отношения. Влияние женщины	226
§ 5. Новое в традиционных свадебных обрядах	230
Глава 7. Система воспитания подрастающего поколения у адыгов и балкарцев	238
§ 1. Средства и методы военно-физического воспитания	238
§ 2. Умственное воспитание	254
§ 3. Нравственно-этическое воспитание	262
§ 4. Эстетическое воспитание	267
§ 5. Трудовое воспитание	270
Глава 8. Народное образование в конце XIX – начале XX в.	280
§ 1. Становление светского образования	280

МЕ
СТ

§ 2. Нальчикская окружная горская школа и ее преобразование в реальное училище	294
§ 3. Роль общественных культурно-просветительских организаций в системе образования	300

вр

Глава 9. Адыгэ хабзэ (адыгский этикет) и традиционные общественные институты		304
§ 1. Сущность адыгэ хабзэ (адыгского этикета) и его роль в жизни народа		304
§ 2. Аталычество и его роль в обществе		337
§ 3. Институт наездничества – образ жизни адыгских феодалов		347
§ 4. Гостеприимство адыгов и балкарцев		352
§ 5. Куначество и его роль в обществе		366
§ 6. Абречество		372
§ 7. Адыгская хаса и балкарское тёрэ		382
§ 8. Институт кровной мести		386

Х

п

Н

Глава 10. Образование и культура в XX – начале XXI в.		395
§ 1. Образование и наука		395
§ 2. Интеллигенция и ее роль в обществе		440

Н

д

я

1

р

г

Глава 11. Общественно-политическая мысль и просветительские взгляды адыгов и балкарцев в XVIII – начале XX в.		469
§ 1. Первые отряды адыгской интеллигенции в России		469
§ 2. Адыгские общественные деятели и просветители XVIII – первой половины XIX в.: Александр Бекович-Черкасский, Жабаци Казанок, Хан-Гирей, Исмаил-Бей Атажукин, Шора Ногмов, Умар Берсей, Султан Казы-Гирей ...		474
§ 3. Общественные деятели Кабарды и Балкарии второй половины XIX – начала XX в.: Л. М. Кодзоков, К. Атажукин, Адиль-Гирей Кешев, Исмаил и Сафар Урусбиевы. Исторические труды М. Абаева, В. Кудашева и публицистика Б. Шаханова		495

Учебное пособие

Кашиф Хаждаутович Унежев

КУЛЬТУРА АДЫГОВ (ЧЕРКЕСОВ) И БАЛКАРЦЕВ

Зав. редакцией *Л. О. Тамазова*. Редактор *Ф. А. Мугутдинова*. Художник *Д. О. Ульбашева*. Технический редактор *Т. В. Демьяненко*. Корректоры *Д. М. Калмыкова, Н. В. Римская*. Рег. № 2050 от 28.12.2000. Сдано в набор 23.06.03. Подписано в печать 16.07.03. Формат 84×108 ¹/₃₂. Печать офсетная. Гарнитура School Book. Бумага офсетная. Усл. п. л. 26,88+вкл. 0,84. Тираж 3000 экз. Заказ № 244. Издательский центр «Эль-Фа». ГУП «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.». Министерства печати и информации КБР. 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 33

Кашиф Хаждаутович Унежев

Известный ученый, публицист, общественный деятель. Окончил Нальчикское педагогическое училище, историко-филологический факультет Кабардино-Балкарского госуниверситета, очную аспирантуру МГУ, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой КБГУ.

Унежев К. Х. имеет около 200 работ, а такие, как "Перестройка, кадры и межнациональные отношения в Кабардино-Балкарии", "Живут адыги на земле моей", "Северный Кавказ - "ахиллесова пята" России", "Феномен адыгской (черкесской) культуры" и др., стали бестселлерами.

Его работы пользуются популярностью не только в республике, но и в ближнем и дальнем зарубежье (от США до Германии) и других странах компактного проживания адыгов (черкесов).

В учебном пособии рассматриваются проблемы материальной и духовной культуры адыгов и балкарцев. Отдельными главами исследуются сущность духовной культуры и ее роль в обществе, религиозные верования адыгов и балкарцев, героический нартский эпос и остальные жанры устного народного творчества; место и роль интеллигенции, вопросы образования и науки и др.

ISBN 588195585-4

9 785881 955854